

Старонемецкий эпос Песнь о Нибелунгах

«Песнь о Нибелунгах»: Наука; Ленинград; 1972

Аннотация

...«Песнь о Нибелунгах» принадлежит к числу наиболее известных эпических произведений человечества. Она находится в кругу таких творений, как поэмы Гомера и «Песнь о Роланде», «Слово о полку Игореве» и «Божественная комедия» Данте – если оставаться в пределе европейских литератур...

В. Г. Адмони

Песнь о Нибелунгах

Авентюра I

Полны чудес сказанья давно минувших дней

Про громкие деянья былых богатырей.¹
 Про их пиры, забавы, несчастья и горе
 И распри их кровавые услышите вы вскоре.

Жила в земле бургундов² девица юных лет.
 Знатней её и краше ещё не видел свет.
 Звалась она Кримхильдой и так была мила,
 Что многих красота её на гибель обрекла.

Любить её всем сердцем охотно б каждый стал.
 Кто раз её увидел, тот лишь о ней мечтал.
 Наделена высокой и чистою душой,³
 Примером быть она могла для женщины любой.

Взростала под защитой трёх королей она.
 Бойцов смелей не знала бургундская страна.
 То были Гунтер,⁴ Гернот, млад Гизельхер удалый.
 Сестру от всех опасностей любовь их ограждала.

Всем взяли – и отвагой и щедростью они,⁵
 И род их достославный был знатен искони.
 Владели эти братья Бургундией втроём,
 И многих гуннов Этцеля⁶ сразил их меч потом.

¹ *Богатыри*. – Первоначальное значение термина «Recke» – «изгнанник», затем: «одинокое странствующий герой», отсюда – «герой» вообще.

² *Земля бургундов* – область на среднем Рейне, с центром в Вормсе. Здесь в IV – начале V века жило германское племя бургундов, до того как в 437 году оно было разгромлено кочевниками-гуннами, вторгшимися с востока. В основе повествования «Песни о нибелунгах» лежит до неузнаваемости переработанный рассказ об этом давнем историческом событии.

Кримхильда – Гудрун скандинавских песен, приобретающая, однако, в немецком эпосе новые черты, вследствие чего сказание о её мести за родичей (см. «Старшую Эдду») превращается в повествование о её мести родичам. Образ Кримхильды в первую очередь придаёт единство «Песни о нибелунгах», которая начинается сном юной Кримхильды (строфа 13 след.) и завершается её смертью, следующей непосредственно после осуществления ею мести за Зигфрида.

«Песнь о Нибелунгах», как и другие немецкие эпические поэмы, сохраняет многие черты героических народных сказаний, восходящих к эпохе переселения народов. В IV–V вв. германское племя бургундов осело на левом берегу Рейна, где основало королевство с центром в Вормсе. Разгромленные гуннами в 437 г., бургунды переселились на юг нынешней Франции.

³ *Наделена высокой и чистою душой...* – Имеются в виду куртуазные добродетели, обычаи и формы поведения и благовоспитанности, считавшиеся образцовыми в среде знати.

⁴ *Гунтер* (Гуннар «Старшей Эдды») – его имя восходит к имени бургундского короля Гундихария (или Гундахария). *Млад Гизельхер* – прозвище брата Гунтера «дитя» сохраняется на протяжении всей эпопеи, несмотря на то что её течение охватывает около сорока лет. В этом некоторые исследователи видят симптом специфического отношения ко времени, присущего эпосу: его герои не стареют.

⁵ *Всем взяли – и отвагой и щедростью они...* – Щедрость считалась неотъемлемым и обязательным качеством государя и вообще знатного господина. Её демонстрации и восхвалению в средневековой поэзии, в частности в «Песни о нибелунгах», уделяется огромное внимание.

⁶ *Этцель* – гуннский вождь Аттила, к которому восходит это имя (Атли в «Старшей Эдде»), создал в V в. на территории Европы огромную державу, оказавшуюся, однако, непрочной и распавшуюся со смертью Аттилы в 453 г. Аттила умер в ночь после брачного пира от кровоизлияния, но вскоре возникла легенда о том, что виновницей его смерти была взятая им в жёны германская девушка Хильдико. Напомним, что в песнях «Старшей

На Рейне в Вормсе жили с дружиной короли,
И верность нерушимо вассалы их блюли:
Не изменили долгу герои даже там,
Где смерть им уготовила вражда двух знатных дам.

Была в крещение Утой их мать наречена.
Отец их Данкрат⁷ умер, и перешла страна
По праву и закону под власть его сынов.
А смолоду он тоже был грозой для врагов.

Могущественны были три брата-короля.
Служили им оплотом, как вам поведал я,
Богатыри-вассалы, привыкшие к победам,
Отважные воители, которым страх неведом.

Владелец Тронье Хаген, и Ортвин Мецский с ним,
И Фолькер из Альца, что слыл бойцом лихим,
И Данкварт, храбрый витязь, брат Хагена⁸ меньшей,
И два маркграфа – Эккеварт и Гере удалой.

Начальником над кухней был в Вормсе Румольт смелый.⁹
Следили он, и Синдолът, и Хунольт, чтоб имела
Дружина всё, что нужно для честного житья.
А сколько добрых воинов не называю я!

За чашника был Синдолът, воитель, полный сил.
Постельничим был Хунольт, конюшим Данкварт был,
И стольник Ортвин Мецский, его племянник славный,
С ним честь владык Бургундии оберегал исправно.

О том дворе блестящем, о тех богатырях,
О подвигах великих и доблестных делах,

Эдды» супруга Атли Гудрун умерщвляет его.

Исторически этот образ восходит к Атиллу (ум. 453 г.), вождю гуннского племенного союза, подчинившего себе обширную территорию от Кавказа на востоке до Рейна на западе, от Дании на севере до правого берега Дуная на юге. Резиденция Атиллы, правившего гуннской державой в 434–453 гг. (до 445 г. вместе с братом и соправителем Бледой, затем убитым им), находилась на территории современной Венгрии.

⁷ *Данкрат*. – В более древних сказаниях имя отца бургундских королей – Гибих (отсюда их род именовался Гибихунгами).

⁸ *Хаген*. – Из брата короля, каким был Хёгни в песнях «Эдды» (в «Саге о Тидреке» он – сын альба, сверхъестественного существа, и матери бургундских королей), Хаген в немецком эпосе превратился в верного вассала Гунтера. Название «Тронье», владение Хагена, возможно, восходит к древней Трое: начиная с VII в. существовало предание о происхождении франков от троянцев. В германской эпической поэме на латинском языке «Вальтарий» (IX век) фигурирует Хаген, «потомок троянского рода».

Маркграф – правитель пограничной области (марки).

⁹ *Начальником над кухней был в Вормсе Румольт смелый*. – Как и некоторые придворные должности, упоминаемые в строфе 11, должность «кюхенмейстера» была нововведением, появившимся незадолго до создания «Песни о нибелунгах». Употребление этого термина в поэме помогает датировать её. Первый раз в источниках должность «кюхенмейстера» встречается в 1203 г., и поэтому исследователи полагают, что песнь была написана около этого времени.

При жизни совершенных отважными бойцами,
Я мог бы вам без устали рассказывать часами.

И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,
Как будто вольный сокол¹⁰ у ней в дому прижился,
Но был двумя орлами заклёван перед нею.
Смотреть на это было ей всех смертных мук страшнее.

Про сон свой вещей Уте поведала девица,
И мать ей объяснила, какой в нём смысл таится:
«Тот сокол – славный витязь. Пусть Бог хранит его,
Чтоб у тебя не отняли супруга твоего».

«Нет, матушка, не надо о муже толковать.
Хочу, любви не зная, я век провековать.
Уж лучше одинокой до самой смерти жить,
Чем, потеряв любимого, потом о нём тужить».

«Не зарекайся, дочка, – так Ута ей в ответ. –
Без милого супруга на свете счастья нет.
Познать любовь, Кримхильда, придёт и твой черёд,
Коль витязя пригожего Господь тебе пошлёт».

Сказала королева: «Нет, госпожа моя,
Любви конец плачевный не раз видала я.
Коль платится страданьем за счастье человек,¹¹
Ни с кем себя венчанием я не свяжу вовек».

И вот, любви чуждаясь, прекрасна и юна,
Покоем наслаждаясь, жила она одна
И сердце не дарила ни одному бойцу,
Покуда витязь доблестный с ней не пошёл к венцу.

То был тот самый сокол, что снился ей во сне.
И страшно отомстила она потом родне,
Кем у неё был отнят супруг и господин:
Погибли многие за то, что принял смерть один.

Авентюра II О Зигфриде

В ту пору в Нидерландах¹² сын королевский жил.

¹⁰ *Сокол* – в миннезанге символ возлюбленного.

Сон (упоминаемый в «Саге о Вэльсунгах») предвещает умерщвление Зигфрида Хагеном и Гунтером. См. строфу 19.

¹¹ *...платится страданьем за счастье человек...* – излюбленная тема миннезанга, ставшая лейтмотивом «Песни о нибелунгах» и представляющая собой средневековое перетолкование более древней идеи трагической судьбы.

От Зигмунда Зиглиндой рождён на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.

Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краёв и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашёл богатырей!

Ещё юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.
Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нём.

Отменно воспитали родители его,¹³
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.

Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришёлся по сердцу и это видел сам.

Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.

Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силён.
На женщин всё упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.

Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конём своих и пришлецов.

На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем даёт,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.¹⁴

¹² *Нидерланды* – земли, расположенные в низовьях Рейна. Зигмунд, Зиглинда, Зигфрид – в их именах первый член sig («победа») указывает на их меровингское происхождение (Меровинги – династия франкских королей), и некоторые исследователи возводят имя Зигфрида к имени франка Сигиберта; в судьбе этого меровинга VI в. можно найти известное сходство с судьбой Зигфрида. Г. де Боор предполагает более ранний франкский прототип.

¹³ *Отменно воспитали родители его...* – Более архаичное представление о Зигфриде-найдённыше, воспитанном кузнецом, элиминировано в «Песни о нибелунгах», превратившей его в образцового рыцаря и наследника престола.

¹⁴ *И препоясал Зигмунд... // Мечом и королевича, и сверстников его.* – Посвящение в рыцарское достоинство

Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радужней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Всем одноплеткам сына – четырёхстам бойцам
Король одежду роздал: над ней немало дам
В честь Зигфрида трудились все дни до торжества.
Они камень в золото оправили сперва,

А после их нашили на бархат дорогой –
Ведь смелым и пристало носить наряд такой.
Был в день солнцеворота тот пышный праздник дан,
Где принял Зигфрид рыцаря достоинство и сан.

Пошли оруженосцы и рыцари в собор.
Служили, как ведётся со стародавних пор,
Юнцам мужи и старцы на этих торжествах.
Все ожидали празднества с веселием в сердцах.

Пока во славу Божью обедня в храме шла,
Толпа простого люда на площади росла.
Народ валил стеною: не всякому опять
Чин посвященья в рыцари удастся увидеть.

Потом воитель каждый был оделён конём.
Большой турнир устроил король перед дворцом.
Дрожмя дрожали стены от грохота копыт –
Всегда потеха ратная отважных веселит.

Сшибались молодые и старые бойцы.
Обламывались копий калёные концы,
Со свистом отлетая с ристалища к дворцу.
Усердно бились витязи, как удалцам к лицу.

Но поднял Зигмунд руку, и развели бойцов.
Ах, сколько там валялось изрубленных щитов
И сколько с их застёжек попадало камней!
Они траву усеяли, как жар, сверкая в ней.

Потом за стол уселся с гостями властелин.
Для них не пожалел он отборных яств и вин.
В одно мгновенье ока прошла усталость их.
Король на славу чествовал приезжих и своих.

Весь день, до поздней ночи, гуляли храбрецы.

представляло собой особый ритуал и сопровождалось праздником, на котором сеньор раздавал щедрые подарки посвящаемым в рыцари юношам. Обряд препоясания мечом в более позднее время был заменён ударом мечом плащмя по плечу посвящаемого.

Обряд препоясания мечом – ранняя немецкая форма посвящения в рыцари. Посвящение в рыцари путём удара мечом по плечу посвящаемого – французский обычай, привившийся в Германии лишь в эпоху позднего средневековья.

В искусстве состязались бродячие певцы,
А гости награждали их от своих щедрот.
Тот пир прославил Зигмунда и весь его народ.

Король позволил сыну,¹⁵ как делал встарь и сам,
В лен города и земли пожаловать друзьям,
И сверстников отважных так оделил герой,
Что был своей поездкою доволен гость любой.

Семь дней тянулся праздник, не молкли шум и смех,
И золотом Зиглинда одаривала всех,
Чтоб сын её пригожий стал людям мил и люб:
Не будет тот им по сердцу, кто на даянье скуп.

Стал самый бедный шпильман¹⁶ за эти дни богат.
Был каждый приглашённый так щедр и тороват,
Как будто жить осталось ему лишь до утра.
Пышней и расточительней не видел мир двора.

Когда ж простились гости с радушным королём,
Знатнейшие вассалы речь завели о том,
Что Зигфриду пора бы воссесть на отчий трон.
Но даже слышать не хотел об этой чести он.

Пока живут на свете его отец и мать,
Он, сын их, на корону не станет притязать;
Но если враг посмеет грозить родной стране,
Заменит он родителя охотно на войне.

Авентюра III О том, как Зигфрид приехал в Вормс

¹⁵ *Король позволил сыну... // В лен города и земли пожаловать друзьям...* – Право ленного пожалования – признак совершеннолетия и полноправия наследника.

¹⁶ *Шпильман* – «игрец», певец, поэт в средневековой Германии. См. строфу 38. *Был каждый приглашённый так щедр и тороват...* – В расточительности щедрые господа не придерживались никакой меры, не соразмеряя делаемых ими подарков и трат со своими реальными возможностями. Так бывало и в действительности, ибо только щедрый господин мог рассчитывать на преданность вассалов и на высокое уважение в обществе. В поэзии же тема безудержной расточительности князя по отношению к своим приближённым и друзьям была широко распространена. Поэты, обычно небогатые люди, усердно проводили в своём творчестве мысль о необходимости для знатных сеньоров раздавать щедрые дары людям из их окружения.

Шпильман – в средневековой Германии народный поэт, певец и потешник. Некоторые из шпильманов обосновывались при феодальных дворах и становились служилыми людьми, выполнявшими подчас важные поручения феодала (как, например, Вербель и Свеммель в «Песни о нибелунгах»).

Так жил воитель смелый, не ведая забот,
Покуда не услышал в свой час и свой черёд
О девушке бургундской, что так была мила.
Она и счастье Зигфриду и горе принесла.

Ходил по многим странам слух о её красе,
За добрый нрав и разум¹⁷ её хвалили все,
И так везде пленяла мужчин молва о ней,
Что не было у Гунтера отбою от гостей.

Но между тех, кто б с нею охотно в брак вступил,
Никто Кримхильде не был настолько люб и мил,
Чтоб в сердце королевы мог воцариться он:
Ещё не знала девушка того, кто ей суждён.

Меж тем стал думать Зигфрид: кого в супруги взять?
Кто б жениху такому решился отказать?
Кто из знатнейших женщин не жаждал брака с ним?
Недаром он Кримхильдою был так потом любим.

Он о любви всё чаще мечтал день ото дня,¹⁸
И стали все упорней дружина и родня
Твердить, чтоб в жёны выбрал он ровню по рождению.
И Зигфрид так отвечивал на эти наставленья:

¹⁷ *Добрый нрав и разум.* – В подлиннике hochgemuete – термин из куртуазного словаря, обозначавший умонастроение и нрав, присущие благородному человеку.

¹⁸ *Он о любви всё чаще мечтал день ото дня...* – Любовь обозначается в немецкой средневековой поэзии чаще всего термином minne (или hohe minne). Ещё один термин куртуазного обихода, предполагавший прежде всего служение рыцаря даме, которой он добровольно и охотно себя подчиняет, считая её своею госпожой. Культ дамы сложился в немецкой феодальной среде под французским (провансальским) влиянием незадолго до создания «Песни о нибелунгах». Minne включала и чувственную сторону отношений мужчины и женщины, hohe minne – одухотворённая, возвышенная любовь.

Дружина и родня – словосочетание mage und man – устойчивая формула, применявшаяся в поэзии к окружению знатного человека.

«С бургундской королевной хочу я в брак вступить –
Ничья краса не может Кримхильдину затмить.
Славнейший император, мечтай он о жене,
Её бы счёл невестою, достойною вполне».

Весь двор пришёл в волнение, узнав ответ его,
И Зигмунд огорчился за сына своего.
Старик-король боялся, что кончится бедой
Любовь его наследника к бургундке молодой.

Когда ж поведал Зигмунд Зиглинде обо всём,
Она загоревала об отпрыске своём:
Ей страх большой внушали бургунды искони.
И сына отговаривать взялись вдвоём они.

Но молвил пылкий Зигфрид: «Мой дорогой отец,
Уж лучше не пойду я вовеки под венец,
Коль не могу жениться на той, кого люблю,
И в этом, как ни гневайтесь, я вам не уступлю».

«Ну, раз ты так настойчив, – король в ответ ему, –
Не стану я перечить желанью твоему
И облегчу чем в силах тебе твои труды.
Но помни: люди Гунтера спесивы и горды.

А смелый Хаген стоит всех прочих, взятых вместе.
Ревниво он печётся о королевской чести.
Гляди, мой сын, чтоб ссоры у вас не вышло с ним,
Коль мы к такой красавице посвататься решим».

Лишь усмехнулся Зигфрид: «Отец, да что мне в том?
Коль я свою невесту не получу добром,
Её я силой вырву у братьев-королей,
А земли их и подданных возьму в придачу к ней».

Король ему, нахмурясь: «Опасные слова!
А вдруг на Рейн к бургундам их донесёт молва?
Тогда тебе не видеть вовеки их страны:
Я знаю, Гунтер с Гернотом отважны и сильны».

«К тому ж, – добавил Зигмунд, – я помню, сын мой милый,
Что брать себе невесту не подобает силой.
Но коль охрану хочешь ты взять с собой туда,
Тебе надёжных спутников сыщу я без труда».

Ответил королевич: «Иду я не в поход,
И мне с дружиной ехать к бургундам не расчёт.
Снискать любовь Кримхильды едва ль сумею я,
Коль силою оружия ей навяжусь в мужья.

Нет, я её добуду лишь доблестью своей.
Я еду сам-двенадцать к бургундам в Вормс за ней.

А вас прошу пристойно одеть моих бойцов». ¹⁹
Тут Зигмунд их пожаловал мехами двух цветов.

Заплакала Зиглинда, узнав про сватовство, –
Так боязно ей стало за сына своего.
А вдруг уже не будет ему пути назад?
Вдруг жизни люди Гунтера её дитя лишат?

Но он пошёл в покои, где горевала мать,
И начал королеву любовно утешать:
«Вам, матушка, о сыне лить слёзы ни к чему.
В бою с любым противником легко я верх возьму.

Вы лучше тех, кто едет со мною в край чужой,
Снабдите на дорогу одеждою такой,
В какой предстать бургундам мы без стыда могли бы,
И вам скажу за это я великое спасибо».

Она в ответ: «Коль скоро стоишь ты на своём,
Тебе не откажу я, дитя моё, ни в чём
И дам такое платье всем спутникам твоим,
Чтоб рыцари знатнейшие завидовали им».

Ей отдал королевич признательный поклон.
«Со мной людей немного, – учтиво молвил он, –
Нас будет лишь двенадцать. Собирайте ж сына в путь.
Мне на Кримхильду гордую не терпится взглянуть».

Созвала дам Зиглинда, а те, чтоб ей помочь,
Прилежно за работой сидели день и ночь.
И Зигфриду успели одежду к сроку сшить.
Не внял он просьбам подданных поездку отложить.

Чтоб с честью сын покинул родной страны предел,
Отец доспехом ратным снабдить его велел.
Он ни кольчуг блестящих, ни шлемов, ни щитов
Не пожалел для Зигфрида и для его бойцов.

Но вот приспело время к бургундам путь держать.
Весь двор, стена, собрался героя провожать.
Кто знал, вернётся ль Зигфрид домой, к родне своей?
Кладь уложили путники на вьючных лошадей,

А сами ловко сели на скакунов лихих.
Отделкой золотою сверкала сбруя их.

¹⁹ ...*прошу пристойно одеть моих бойцов*. – Одевание в феодальном обществе, в котором всем внешним формам придавалось огромное значение, было очень важным признаком сословного положения человека. Среди подарков, получаемых вассалами от господ, платье занимает видное место, и «Песнь о нибелунгах» содержит многочисленные подробные описания роскошных одежд, доспехов и украшений. Здесь и в других соответствующих местах «Песни о нибелунгах» сборы знатных лиц в дорогу отнимают немало времени и требуют больших усилий для того, чтобы придать поездке помпу, необходимую для поддержания престижа и достоинства едущего. Однако в отличие от бургундских королей, выезжавших из Вормса, как правило, с огромной свитой или во главе войска, Зигфрида сопровождает всего только дюжина дружинников.

Собой гордиться было к лицу таким бойцам.
Сын попросил родителей: «Дозвольте ехать нам».

Те дозволенье дали, хотя их страх терзал,
А Зигфрид на прощанье им ласково сказал:
«Напрасно не тревожьтесь, не плачьте обо мне.
За жизнь мою вы можете спокойны быть вполне».

Душили слёзы женщин, тоска гнела мужчин.
Унынью предавались они не без причин:
Подсказывало сердце в тот миг, наверно, им,
Что многим плакать предстоит по ближним и родным.

Застал в пути героев рассвет седьмого дня.²⁰
Бойцы скакали к Вормсу, оружием звеня.
Они тропой вдоль Рейна неслись во весь опор,
И золотом поблёскивал их воинский убор.

Все в прочных звонких шлемах, при каждом новый щит,
Они являли взору великолепный вид.²¹
Мир не знавал им равных – столь дорогой наряд
Носил любой, кто Зигфридом в Бургундию был взят.

До самых шпор свисало мечей их остриё.
Большого веса было у каждого копье,
У Зигфрида же – ровно в две пяди толщиной.
Легко броню распарывал конец его стальной.

У них и кони были красавцы хоть куда –
Поперсие из шёлка, злачёная узда.
Народ глазеть сбегался на витязей чужих.
Потом и люди Гунтера встречать явились их.

Вот рыцари к приезжим спешат со всех сторон
И, как велит обычай, им отдают поклон.
Щиты оруженосцы снимают с рук гостей
И под уздцы заботливо берут их лошадей.

Коней усталых в стойла они уже ведут,
Но Зигфрид, витязь смелый, бургундов просит тут:
«Нет, нет, пусть наши кони останутся при нас.
Мы снова в путь намерены пуститься сей же час.

Вы ж нам не откажите в услуге превеликой:
Хочу я знать, где Гунтер, Бургундии владыка.
Кому известно это, тому молчать не след».

²⁰ Застал в пути героев рассвет седьмого дня. – Путь из Ксантена в Вормс (примерно 250 км) занимает целую неделю.

²¹ Они являли взору великолепный вид. – Здесь и во многих иных местах песни большое внимание уделено характеристике боевого снаряжения и роскошных одежд персонажей, однако, как правило, это общие места, ибо описания такого рода стандартны и применимы к разным действующим лицам, – они не индивидуализированы.

И так промолвил Зигфриду один бургунд в ответ:

«Коль впрямь король вам нужен, как вы сейчас сказали,
Его увидеть можно вон в том просторном зале.
В кругу своей дружины он восседает там,
Внимая многоопытным и доблестным мужам».

Меж тем шепнули вормсцы владыке своему,
Что чужеземец знатный пожаловал к нему
Со свитой в пышном платье, в сверкающей броне,
А как их звать – не ведает никто во всей стране.

Осведомился Гунтер у всех, кто был кругом,
Откуда эти люди в уборе дорогом –
При каждом меч блестящий, широкий новый щит,
И был он раздосадован, что двор в ответ молчит.

Но встал тут Ортвин Мецский и королю сказал
(То был могучий воин и преданный вассал):
«Пускай мой дядя Хаген придёт и бросит взгляд
На незнакомых витязей, что у ворот стоят.

Уж он-то их узнает,²² ручаюсь в этом я.
Недаром он объездил все страны и края».
За Хагеном поспешно король послал гонцов,
И витязь прибыл во дворец с толпой своих бойцов.

Спросил с поклоном Хаген, что королю угодно.
«Явился в Вормс со свитой воитель благородный,
А кто он – неизвестно. Взгляд на пришельцев бросьте.
Быть может, вы нам скажете, откуда наши гости».

«Извольте», – молвил витязь, открыл окно во двор
И в удалцов приезжих впери́л свой острый взор.
Их платьем и оружием был Хаген восхищён.
Но понял, что в Бургундии не мог их видеть он,

И молвил: «Эти люди, откуда б ни пришли,
Иль королей посланцы, иль сами короли.
У них на славу кони, да и наряд хорош.
В них сразу знатных рыцарей по виду узнаёшь».

«Я вам, – добавил Хаген, – вполне могу ручаться,
Хоть и не проходило мне с Зигфридом встречаться,
Что это он со свитой стоит перед дворцом.
Себя он сразу выдаёт и статью и лицом.

О нём уже немало дошло до нас вестей.²³

²² *Уж он-то их узнает...* – Знание людей и мира – неотъемлемые качества королевского советника.
...витязь прибыл во дворец с толпой своих бойцов. – Вассал короля, Хаген, в свою очередь, окружён собственными вассалами.

²³ *О нём уже немало дошло до нас вестей.* – Предполагается, что история юного Зигфрида известна

Сразил он нибелунгов, двух братьев-королей:
Из них был Шильбунг старшим и Нибелунг меньшим
Тот бой затмил все подвиги, содеянные им.

Слыхал я, что без свиты, с конём своим сам-друг,
Однажды ехал Зигфрид и гору видит вдруг,
А под горой толпятся какие-то бойцы.
Тогда ещё не ведал он, кто эти храбрецы.

То были нибелунги, которые когда-то
Там, на горе, в пещере, зарыли клад богатый,
А ныне порешили достать и разделить.
Могло такое зрелище любого удивить.

Подъехал витязь ближе к толпе бойцов чужих,
И, путника приметив, вскричал один из них:
„Вон, Зигфрид Нидерландский, прославленный герой!..“
Да, навидался удалец чудес под той горой!

Тут Шильбунг с Нибелунгом встречать его пошли.
Вняв общему совету, просили короли,
Чтоб клад отважный витязь делить им пособил,
И были столь настойчивы, что Зигфрид уступил.

Там камней драгоценных была такая груда,
Что их на ста подводах не увезли б оттуда,
А золота, пожалуй, и более того.
Таков был клад, и витязю пришлось делить его.

Меч нибелунгов взял он в награду за труды,
Но помощью своею довёл лишь до беды:
Остались недовольны два брата дележом
И с Зигфридом рассорились, вина его во всём.

Хотя и охраняли особу королей
Двенадцать великанов, лихих богатырей, –
Что толку? Поднял Зигфрид свой Бальмунг, добрый меч,²⁴
И великаньи головы в траву упали с плеч.

Семь сотен нибелунгов он истребил в бою,
А те, кто помоложе, страшась за жизнь свою,

средневековым читателям. В «Песни о нибелунгах» она упомянута только в рассказе Хагена и лишь в той мере, в какой это необходимо с точки зрения повествования: плащ-невидимка, сокровища и меч нибелунгов, роговая оболочка Зигфрида фигурируют в дальнейшем. Однако эти чисто сказочные сюжеты не могут стоять в центре внимания рыцарского эпоса, в котором и сам Зигфрид превращён из героя сказки в образцового рыцаря и в королевского сына. Эта трансформация образа Зигфрида неполна. См. ниже сцены единоборства Зигфрида с Брюнхильдой, которые никак не соответствуют куртуазным представлениям феодальной эпохи.

Нибелунги – здесь: сказочные хранители сокровищ. Но это и имя собственное. Древний смысл его: существа, обитавшие в подземном царстве, карлики-цверги, автору «Песни о нибелунгах», очевидно, уже не ясен. Нибелунги фигурируют в первой части песни в образе могучих воинов. Во второй части термин переносится на бургундов (начиная со строфы 1523).

²⁴ ...свой Бальмунг, добрый меч... – У германцев было в обычае давать имя прославленному оружию.

Его молили слёзно, чтоб соизволил впредь
Он их землёй и замками, как государь, владеть.

Затем воздал воитель двум братьям-королям,
Хоть, жизни их лишая, чуть не погиб и сам:
С ним бой затеял Альбрехт,²⁵ мстя за своих господ,
Но карлик поражение изведаль в свой черёд.

Не смог и он тягаться с противником таким.
На гору победитель взлетел, как лев, за ним,
Плащ-невидимку отнял, и в плен был Альбрехт взят.
Вот так во власти Зигфрида и оказался клад.

Расправившись со всеми, кто с ним вступил в сраженье,
Распорядился витязь, чтоб клад на сохраненье
В пещеру потайную был вновь перенесён,
И Альбрехта к сокровищу приставил стражем он.

А тот ему поклялся его слугою стать, –
Сказал владелец Тронье и продолжал опять:
– Таков отважный Зигфрид, храбрый из мужей.
Досель ещё не видел мир бойца, его сильней.

Могу я и другое порассказать о нём.
Он страшного дракона убил своим мечом,
В крови его омылся и весь ороговел.
С тех пор чем ни рази его, он остаётся цел.

Быть должен принят с честью воитель молодой,
Чтоб нам за нерадушье он не воздал враждой.
Нехудо будет лаской того к себе привлечь,
Кто совершает чудеса, пуская в ход свой меч».

Сказал могучий Гунтер: «Наш смелый Хаген прав.
Всё в госте обличает неукротимый нрав.
Он в бой, судя по виду, готов вступить всегда.
Ему навстречу надлежит мне выйти, господа».

«И это, – молвил Хаген, – для чести не урон.
Ведь он не первый встречный, а королём рождён.
К тому ж бойца такого к нам из чужой земли
Дела не пустяковые, наверно, привели».

В ответ король бургундский: «Нам этот гость приятен:
Ведь мы теперь узнали, что он и смел и знатен.
Найдёт он здесь почётный и ласковый приём».
И Гунтер вышел к Зигфриду со всем своим двором.

Бургундами учтиво был встречен знатный гость.²⁶

²⁵ *Альбрехт* – карлик, служивший Шильбунгу и Нибелунгу, а затем вассал Зигфрида, хранитель клада.

²⁶ *Бургундами учтиво был встречен знатный гость.* – Несообразность, характерная для эпического повествования: учтивая встреча устраивается Зигфриду после того, как его довольно долго продержали во дворе

Знавать людей радушной ему не довелось,
И Гунтеру он отдал поклон от всей души
За то, что с ним хозяева так были хороши.

Спросил король немедля: «Узнать хотел бы я,
Как и зачем попали вы в здешние края.
Что нужно, смелый Зигфрид, на Рейне в Вормсе вам?»
И гость сказал хозяину: «Ответ охотно дам.

Слыхал в стране отцовской я от людей не раз,
Что состоит немало лихих бойцов при вас.
Любой король гордился б вассалами такими.
И силами померяться мне захотелось с ними.

Рассказывают также, что храбры вы и сами,
Что равного в бесстрашье вам нет меж королями.
По сопредельным странам гремит о вас молва,
И жажду убедиться я, насколько она права.

Как вы, я – тоже витязь, и ждёт меня корона,
Но доказать мне надо, что я достоин трона
И что владеть по праву своей страной могу.²⁷
Я ставлю честь и голову в залог, что вам не лгу.

Коль впрямь бойца отважней, чем вы, не видел свет,
Я спрашивать не стану, согласны вы иль нет,
А с вами бой затею и, если верх возьму,
Все ваши земли с замками у вас поотниму».

Немало удивились король и двор его,
Когда они узнали от гостя своего,
Что он всё достоянье отнять у них решил.
Дружину возмущённую безмолвный гнев душил.

«Ну нет, – ответил Гунтер, Бургундии властитель, –
Тем, чем владел так долго и с честью наш родитель,
Вовеки чужеземцу не дам я завладеть
Иль права зваться рыцарем лишён я буду впредь».

Упрямо молвил Зигфрид: «Я на своём стою,
И коль меня оружием не сломишь ты в бою,

королевского замка, пока Хаген рассказывал о его подвигах! Время рассказа Хагена как бы не входит во время действия, вернее – время действия «выключается», пока длится этот рассказ.

²⁷ Как вы, я – тоже витязь, и ждёт меня корона, // Но доказать мне надо, что я достоин трона // И что владеть по праву своей страной могу. – Пришедший из легендарного прошлого герой утверждает власть над королевством мечом, феодальный правитель отстаивает свои владения ссылкой на право давности и наследования. Оба ссылаются на право, но один видит источник права в собственной доблести, другой же – в легитимности. Этому соответствуют две формы поведения: Зигфрид со своим дерзким вызовом на поединок противостоит Гунтеру и Герноту, проявляющим куртуазную сдержанность. Зигфрид провоцирует бургундов характерными для героической поэзии «подзадоривающими» речами, те, во всяком случае – старшие братья и Хаген, призывают его к рассудительности и в конце концов добиваются своего. Здесь заложены предпосылки будущего устранения ими Зигфрида.

Я на престол твой сяду, как сядешь ты на мой,
Коль скоро в силах справиться окажешься со мной.

Земель твоих бургундских моё наследье стоит.
Так пусть число владений и подданных удвоит
Тот, кто убьёт другого и разрешит наш спор».
Тут смелый Хаген с Гернотом вступили в разговор.

Воскликнул Гернот: «Что вы! Зачем нам враждовать?
Не станем у другого мы землю отбивать –
И без того обширна бургундская страна.
По праву нам, как отчина, принадлежит она».

Своим ответом Гернот друзей разгневал так,
Что бросил Ортвин Мецский, прославленный смельчак:
«Мне миролюбье ваше не по душе пришлось.
Ведь вызовом без повода нас всех обидел гость.

Пусть даже с целым войском он к нам сюда придёт,
А вас и ваших братьев покинет наш народ,
С ним в одиночку биться я буду до конца
И от привычки хвастаться отважу гордеца».

Воитель нидерландский от гнева покраснел:
«Тебе со мной тягаться не след, хоть ты и смел.
Я – государь могучий, а ты – вассал простой.
Не справиться и дюжине таких, как ты, со мной».

Меч вынул Ортвин Мецский движением одним –
Ему недаром Хаген был дядею родным.
Но сам боец из Тронье молчал, чем всех дивил.
По счастью, Гернот Ортвина в тот миг остановил.

Воскликнул он: «Вам, Ортвин, сдержаться надлежит –
Ведь Зигфрид нам пока что не причинил обид.
Для нас почётней будет поладить с ним добром.
Тогда мы не противника, а друга в нём найдём».

Могучий Хаген молвил: «Как каждый ваш вассал,
Задет я нашим гостем: он ясно показал,
Что с умыслом недобрым приехал к нам сюда,
Хоть зла ему не сделали вы, наши господа».

Ответил смелый Зигфрид: «Коль не по нраву вам
То, что сказал я, Хаген, здесь вашим господам,
Придётся вам увидеть, как под руку свою
Возьму я всю Бургундию, а их сломя в бою».

«Не допущу я ссоры», – вмешался Гернот тут
И приказал вассалам, пусть все себя ведут
Так, чтоб надменной речью гостей не раздражать.
Притих и Зигфрид, устрашась Кримхильду потерять.

Промолвил Гернот: «Биться вам с нами не расчёт.

Ведь в том, что бесполезно цвет наших стран падёт,
Нам будет чести мало, вам тоже проку нет».
И Зигфрид, отпрыск Зигмунда, сказал ему в ответ:

«Зачем так медлит Хаген и Ортвин поутих?
Что ж на меня не двинут они друзей своих?
Иль те боятся схватки и пыл их поостыл?»
Бургунды не ответили – им Гернот запретил.

Сын Уты молвил снова: «Прошу вас гостем быть.
Здесь вам и вашим людям все рады угодить.
А я с роднёй своею всегда служить готов».
И стал вином он потчевать могучих пришлецов.

Сказал державный Гунтер: «Попросите добром –
И никогда отказа не встретите ни в чём.
Всё – жизнь и достоянье – мы отдадим за вас».
Гнев господина Зигфрида от этих слов угас.

Приезжим снять доспехи бургунды помогли
И лучшие покои в дворце им отвели.
Там Зигфрида и свиту с дороги отдых ждал.
С тех пор герой в Бургундии желанным гостем стал.

Тех почестей, какими его там осыпали,
И тысячную долю я опишу едва ли.
Он этим был обязан лишь доблестям своим:
Кто б Зигфриду ни встретился, все восхищались им.

Какой потехой ратной ни тешился бы двор,
Был в каждой Зигфрид первым, всему наперекор.
В метании ли копий, в бросании ль камней
Он был любых соперников ловчее и сильней.²⁸

Когда же развлекались бойцы по вечерам
Учтливую беседой в кругу прекрасных дам,
Те глаз не отводили от гостя своего –
Такою страстью искренней дышала речь его.

Он им во всех затеях всегда был рад помочь,
Но сам лишь о Кримхильде мечтал и день и ночь,
Да и она, хоть деву ещё не видел он,
Тайком всё чаще думала, как смел он и силён.

Чуть во дворе потеху затеет молодёжь,
От окон королевну силком не оторвёшь:
На рыцарские игры весь день глядит она,
И больше никакая ей забава не нужна.

Узнай об этом Зигфрид, как витязь был бы рад,

²⁸ В метании ли копий, в бросании ль камней // Он был любых соперников ловчее и сильней. – Эти состязания как бы подготавливают грядущий поединок Зигфрида с Брюнхильдой и демонстрируют его непобедимость.

Что на него бросает Кримхильда тёплый взгляд!
Ведь он всем сердцем жаждал так пылко и давно,
Чтоб было с милой свидеться ему разрешено.

Когда же прерывалась для отдыха игра
И гость в толпе героев стоял среди двора,
Отважный сын Зиглинды был так хорош собой,
Что чувства нежные будил он в женщине любой.

Нередко думал Зигфрид: «Когда ж предлог найду я
Воочию увидеть Кримхильду молодую?
Её люблю я пылко и здесь давно гощу,
Но с ней ещё не встретился и оттого грущу».

Когда ж объезд владений свершали короли,²⁹
Они с собою брали весь цвет своей земли
И – к горю королевны – сопровождал их гость.
Не раз ему по девушке потосковать пришлось.

Вот так, – и я порукой в том, что молва не лжёт, –
В земле бургундов прожил воитель целый год,
Но всё ещё не видел той, кем он был пленён,
С кем счастье и страдание потом изведал он.

Авентюра IV

О том, как он бился с саксами

Однажды в Вормс примчались гонцы из стран чужих.
Два короля могучих на Рейн послали их,
Чтоб объявить трём братьям жестокую войну.
Повергла весть в смятение бургундскую страну.

Скажу я вам, что первым из этих королей
Был Людегер, правитель саксонских областей,
И Людегастом Датским звался из них второй.
Немало сильных воинов вели они с собой.

Услышав о приезде неведомых гонцов,
Бургундские вельможи спросили пришлецов:
«Что передать велели нам ваши короли?»
И к Гунтеру немедленно посланцев отвели.

Сказал король учтиво:³⁰ «Прошу вас быть гостями.

²⁹ ...объезд владений свершали короли... – Средневековые правители регулярно объезжали свои владения и во время этих разъездов отправляли правосудие, взымали поборы с подданных и следили за соблюдением порядка в стране.

³⁰ Сказал король учтиво... – В феодально-рыцарском мире всё было подчинено церемониалу. Посланцев противника, явившихся с известием об объявлении войны, надлежало учтиво принять как гостей.

Но я ещё не знаю, кто вас прислал с вестями.
Нам это без утайки должны вы объявить».
Гонцы в ответ, хоть Гунтера боялись прогневить:

«Мы обо всём доложим вам, государь, честь честью.
От вас мы скрыть не вправе столь важные известья.
Узнайте же: послали сюда, в ваш край родной,
Нас Людегер и Людегаст, что вам грозят войной.

Немало вы чинили им всяческих обид,
И в них – то нам известно – гнев против вас кипит.
Хотят они нагрянуть на Рейн и Вормс занять.
Поверьте мне, огромная у них готова рать.

Недель через двенадцать³¹ они с ней выйдут в поле,
А вы пока сзывайте друзей, числом поболее,
Не то у вас все замки и земли отберут.
Немало будет сломано мечей и копий тут.

Но лучше было б миром уладить дело вам
И для переговоров послать гонца к врагам.
Тогда уж не ворвётся к вам в землю войско их
И много славных рыцарей останется в живых».

Отважный Гунтер молвил: «Повременить прошу,
Пока я всё не взвешу и твёрдо не решу.
Совет держать я должен с вассалами своими:³²
Хочу прискорбной новостью я поделиться с ними».

Король был опечален, вздыхал он тяжело.³³
Ему на сердце камнем известие легло.
За Гернотом немедля послать он приказал
И Хагена с вельможами созвал в приёмный зал.

Когда они собрались, сказал им Гунтер так:
«Грозит границам нашим опасный, сильный враг.
Всем нам его вторжение сулит немало бед».
И Гернот, витязь доблестный, вскричал ему в ответ:

«От бед нам меч защита, отвага наш оплот.

³¹ *Недель через двенадцать...* – Сборы в поход, как и самоё передвижение войска, происходят эпически медленно.

³² *Совет держать я должен с вассалами своими...* – Король должен обсудить вопрос о грозящей войне с верными людьми, так как на них ему придётся рассчитывать в случае открытия боевых действий и они в качестве вассалов присягнули королю «помогать ему оружием и советом».

³³ *Король был опечален, вздыхал он тяжело.* – В противоположность Зигфриду, которого возможность свершения воинских подвигов радовала, Гунтера озабочивает перспектива вести войну, – как государственного мужа, не желающего потерять рыцарей или свои владения, и как нерешительного человека, а именно таким рисуется он в «Песни о нибелунгах».

Где суждено погибнуть, там смерть тебя найдёт.³⁴
 Не поступлюсь я честью, чтоб жизнь свою продлить.
 Нас вражье нападение должно лишь веселить».

Боец из Тронье молвил: «Совет ваш нехорош.
 На рать датчан и саксов без войска не пойдёшь,
 А мы ведь не успеем собрать свои отряды».
 И он добавил: «Зигфриду сказать про всё нам надо».³⁵

Король посланцев в Вормсе на отдых поместил
 И задевать приезжих бургундам запретил.
 Решил он, что разумней не раздражать врагов,
 Не разузнав, кто из друзей встать за него готов.³⁶

Ходил невесел Гунтер, забыв покой и сон,
 И растревожил гостя своим уныньем он.
 Увидел нидерландец его тоску-кручину
 И стал просить хозяина назвать её причину.

Сказал отважный Зигфрид: «Давно меня дивит
 Ваш непривычно мрачный и удручённый вид.
 Что вас, король, лишило веселия былого?»
 И молвил Гунтер доблестный ему такое слово:

«Не с каждым поделиться король печалью может.
 Таить я в сердце должен то, что меня тревожит:
 Ведь правду открывают лишь преданным друзьям».³⁷
 В лице меняясь, знатный гость внимал его речам.

Он Гунтеру ответил: «Располагайте мной.
 Я вам прийти на помощь готов в беде любой.
 Коль верный друг вам нужен, я буду им для вас,
 Покуда не придёт конец и мне в свой срок и час».

«Пусть бог воздаст вам, Зигфрид, за эту речь сполна.

³⁴ *Где суждено погибнуть, там смерть тебя найдёт.* – Выражение героической веры в Судьбу.

³⁵ *А мы ведь не успеем собрать свои отряды.* – Трёх месяцев оказывается недостаточно для сбора войска, – с точки зрения людей эпохи, которая вообще воспринимала время преимущественно большими отрезками и жила неторопливо.

Зигфриду сказать про всё нам надо. – Хаген уже начинает понимать, сколь необыкновенные услуги мог бы Зигфрид оказать бургундским королям.

³⁶ *Не разузнав, кто из друзей встать за него готов.* – Феодалный сеньор не мог всегда и во всех случаях рассчитывать на безусловную поддержку своих вассалов, они могли и отказаться принять участие в походе. Помимо прочего, время, на протяжении которого военная служба вассала была обязательна, ограничивалось определённым числом дней в году.

³⁷ *Ведь правду открывают лишь преданным друзьям.* – Гунтер ведёт игру с Зигфридом с целью выяснить степень его готовности помочь ему, и Зигфрид, с присущей ему непосредственностью, немедленно даёт заверение оказать королю любую поддержку. Контраст между прямодушием и мужеством Зигфрида, не способного на долгое размышление и интригу, и двуличием и хитростью Гунтера, подстрекаемого Хагеном, проявляется во всех сценах первой части «Песни о нибелунгах», вплоть до гибели нидерландца.

Нам дорога не помощь, хоть и нужна она,
А то, как поспешили её вы предложить.
Сочтёмся мы услугою,³⁸ коль суждено мне жить.

Я вам скажу, какая стряслась со мной беда.
Мои враги прислали своих гонцов сюда,
Войну мне объявили и нас врасплох застали:
Ведь нашу землю недруги доселе не топтали».

«Тревогой не терзайтесь при мысли о войне, –
На это молвил Зигфрид, – а разрешите мне
Поднять за вас оружие, вам к выгоде и чести,
И пусть вассалы ваши в бой идут со мною вместе.

Поверьте, тридцать тысяч отборных храбрецов
Сломлю в жестокой сече я с тысячью бойцов,
И будет поражение нанесено врагу».
Рек Гунтер: «Не останусь я перед тобой в долгу».

«Итак, мне соизвольте дать тысячу мужей –
Ведь здесь всего двенадцать со мной богатырей,
И недругов принудить сумею к бегству я.
Всегда вам будет преданно служить рука моя.

Пусть Хаген, Данкварт, Ортвин и Синдольт удалой,
Что вами так любимы, идут в поход со мной.
Мне также нужен Фолькер, бесстрашный человек –
Ведь знаменосца лучшего я не найду вовек.

Велите возвращаться на родину гонцам,
Затем что очень скоро мы сами будем там,³⁹
А я от нападения ваш край обороню».
Тогда король велел сзывать дружину и родню.

Явились за ответом послы к нему опять
И с радостью узнали, что могут уезжать.
Великодушный Гунтер их щедро одарил
И отослал с охраною, чем сильно ободрил.

Он молвил на прощанье: «Такой я дам ответ:
Идти на нас войною врагам расчёта нет;
Пускай не нарушают покой моей страны,
Иль плохо это кончится, коль мне друзья верны».

Богатые подарки он дал гостям потом –
Не дорожился Гунтер казною и добром.
Послы же, чтоб отказом его не гневать зря,

³⁸ *Сочтёмся мы услугою...* – В свете грядущего убийства Зигфрида эти слова приобретают двойной смысл.

³⁹ *Велите возвращаться на родину гонцам, // Затем что очень скоро мы сами будем там...* – Зигфрид замыслил нанести саксам и датчанам опережающий удар, но, согласно требованиям рыцарской этики, заранее оповещает об этом противников.

Всё приняли⁴⁰ и отбыли, судьбу благодаря.

Когда ж пределов датских они достигли снова
И Людегасту стало известно слово в слово,
Какой ответ на Рейне был дан его гонцам,
Отметить решил он в ярости бургундским гордецам.

Добавили посланцы: «Во вражеской земле
Есть храбрецов немало, и блещет в их числе
Приезжий витязь Зигфрид. Из Нидерландов он».
Король был этой новостью встревожен и смущён.

Она усугубила старания и тщанье,
С какими войско к бою готовили датчане,
И скоро двадцать тысяч отборных смельчаков
Повёл отважный Людегаст походом на врагов.

И Людегер Саксонский стянул свои войска.
Набралось сорок тысяч иль больше сорока
Датчан и саксов в рати обоих королей.
В Бургундии тем временем король сзывал друзей.

Его родня, и братья, и Хаген удалой,
И все их люди были вступить готовы в бой.
Все знали: неизбежна кровавая война,
И многим славным витязям сулит конец она.

Как только снарядилась в поход опасный рать,
Её из Вормса стали за Рейн переправлять.
Бесстрашный Фолькер знамя назначен был нести,
А Хагену доверили дружинников вести.

Поехал с войском Синдольт, и Хунольт не отстал –
Не зря так щедро Гунтер всегда их награждал.
В поход пошли и Данкварт, и Ортвин Мецский с ним
Прославиться в сражении легко бойцам таким.

Сказал могучий Зигфрид: «Король, останьтесь тут.
Коль скоро ваши люди в поход со мной идут,
Живите в Вормсе мирно и охраняйте дам.
Ни вас, ни ваших подданных в обиду я не дам.

Врагам, идущим к Рейну, чтоб Вормсом овладеть,
Я докажу, что лучше б им по домам сидеть,
И сам победоносно по землям их пройду.
Они вам вызов бросили себе же на беду».

От Рейна через Гессен, противнику навстречу,
Повёл дружину Зигфрид, вступить готовый в сечу.

⁴⁰ *Послы же, чтоб отказом его не гневать зря, // Всё приняли...* – Принятие подарка налагало на одарённого обязательства и позволяло предполагать, что он останется другом дарителю. Поэтому послы врага предпочли бы уйти без подарков Гунтера.

В пути он жёг и грабил окрестную страну –
Пусть пожалеют недруги, что начали войну.

Когда ж достигло войско саксонских рубежей, –
Не подступал вовеки к ним супостат страшней! –
Неустршимый Зигфрид соратников спросил:
«Кому с оруженосцами прикрыть поручим тыл?»

Ответили бургунды: «Известен Данкварт силой.
Пусть вместе с молодёжью нас прикрывает с тыла.⁴¹
А коль ему в придачу мы Ортвина дадим,
В любом бою останется отряд наш невредим».

Тогда промолвил Зигфрид: «Я сам в дозор поеду.
Коль над врагом желаем мы одержать победу,
Нам надо знать, откуда на нас он двинет рать».
И начал отпрыск Зигмунда доспехи надевать.

В дорогу снарядившись, он приказанье дал,
Чтоб войско взяли Хаген и Гернот под начал,
И во владенья саксов, один, погнал коня,
Немало шлемов изрубил он там в теченье дня.

И вот он видит в поле несметные войска.
Людей в них сорок тысяч иль больше сорока.
Неизмеримо меньше у Зигфрида бойцов,
Но храбреца лишь радует обилие врагов.

Вдруг витязю навстречу другой наездник мчит.
Он в панцире и шлеме, при нём копьё и щит.
Врагом замечен Зигфрид, и враг замечен им,
И вот уже сближаются они один с другим.

А был, – скажу вам это, – тот всадник удалой,
Чей щит сверкал на солнце отделкой золотой,
Сам Людегаст: он тоже отправился в дозор.
Скакун под датским королём летел во весь опор.

Датчанин гневным взглядом окинул чужака.
Коньям всадили шпоры наездники в бока.
Во вражий щит нацелясь, склонились копьё их,
И Людегаст встревожился, хоть был могуч и лих.

С разбега сшиблись кони и на дыбы взвились,
Потом друг мимо друга, как ветер, пронеслись.
Бойцы их повернули и съехались опять,
Чтоб счастье в схватке яростной мечами попытать.⁴²

⁴¹ Пусть вместе с молодёжью нас прикрывает с тыла. – Имеются в виду оруженосцы.

⁴² Бойцы... съехались опять, // Чтоб счастье в схватке яростной мечами попытать. – В первой схватке бойцы сломали копьё и теперь бьются на мечах.

Врага ударил Зигфрид, и дрогнула земля.
Столбом взметнулись искры над шлемом короля,
Как будто кто-то рядом большой костёр зажгёт.
Бойцы друг друга стоили: взять верх никто не мог.

Всё вновь и вновь датчанин разит врага плеча.
Щиты звенят протяжно, встречая сталь меча.
Тут, Людегаста видя в опасности большой,
На помощь тридцать воинов спешат к нему толпой,

Но поздно: крепкий панцирь, сверкающий огнём,
Уже три раза Зигфрид успел рассечь на нём.
Весь меч у нидерландца от вражьей крови ал.
Беду почувял Людегаст и духом вовсе пал.

Он запросил пощады, сказал, кто он таков,⁴³
Поклялся, что вассалом стать Зигфриду готов.
Но в этот миг примчались и бой пришельцу дали
Те тридцать датских воинов, что схватку увидали.

Свою добычу Зигфрид не отдал им назад.
Воитель знал, что пленник и знатен и богат,⁴⁴
И за него сражался столь яростно и люто,
Что всем его защитникам пришлось куда как круто.

В живых один остался из тридцати датчан.
В залитом кровью шлеме он ускакал в свой стан,
Где горестную новость все угадали сразу –
Служили раны вестника заменой рассказу.

Когда узнало войско, что в плен попал король,
Вассалам датским сердце стеснили страх и боль,
А Людегер от гнева побагровел с лица –
Так он скорбел, что брат его в руках у пришлеца.

Так Людегаст отважный и угодил в полон,
И был в бургундский лагерь насильно увезён,
Где Зигфрид под охрану сдал Хагену его,
И эта весть в уныние не ввергла никого.

Поднять знамёна Зигфрид бургундам дал приказ.
«Вперёд! – воззвал он к войску. – Ждёт нынче слава нас.
И если не погибну я от руки врагов,
Появится в Саксонии сегодня много вдов.

За мной, герои Рейна! Не отставать, друзья!
Вам прорублю дорогу сквозь вражье войско я

⁴³ Он запросил пощады, сказал, кто он таков... – Победённый в знак своего подчинения противнику называл свое имя.

⁴⁴ Воитель знал, что пленник и знатен и богат... – Знатность пленника увеличивает славу победителя, его богатство – залог того, что за пленника будет уплачен выкуп.

И покажу, как шлемы раскалывать мечом.
Мы с Людегера дерзкого навеки спесь собьём».

Тут Гернот и бургунды вскочили на коней,
И поднял Фолькер знамя над головой своей.
За шпильманом могучим все устремились в бой.⁴⁵
Блистательное зрелище отряд являл собой.

Хоть тысяча, не больше, бургундов шли в набег
Да с ними нидерландцев двенадцать человек,
От пыли, взбитой ими, померк вокруг простор.
Щиты их золочёные огнём слепили взор.

Тем временем и саксы выстраивались к бою.
Мечи их отличались отменной остротою.
С врагом рубиться насмерть была готова рать.
Кому же земли с замками охота отдавать?

Вот их вожди воззвали к воителям: «Вперёд!»
Но тут на саксов Зигфрид ударил в свой черёд
Со свитой, в Вормс прибывшей с ним из родных краёв.
Немало обагрила кровь в тот день стальных клинков.

Разили Синдольт, Хунольт и Гернот наповал
Столь быстро, что датчанин иль сакс не успевал
Им доказать, как лихо умеет драться он.
Немало слёз тот бой исторг из глаз прекрасных жён.

Бесстрашный Фолькер, Хаген и Ортвин бились так,
Что с каждым их ударом ещё один шишак
Напитывался кровью и от неё тускнел.
Свершил и Данкварт доблестный немало славных дел.

Датчане тоже были в бою не новички.
В щиты вонзались с лязгом булатные клинки,
И ветер гул ударов над полем разносил.
Дрались, под стать союзникам, и саксы что есть сил.

Бургунды напирали на саксов и датчан,
Им нанося немало таких глубоких ран,
Что кровь, залив доспехи, стекала на седло.
Сражение у витязей за честь и славу шло.

А в самой гуще боя стоял немолчный стук –
То Зигфрид Нидерландский крушил щиты вокруг.
Делила с ним дружина нелёгкий ратный труд:
Куда бы он ни ринулся, она уж тут как тут.

По ярким шлемам саксов текла ручьями кровь.
В ряды их королевич врубался вновь и вновь.
За ним никто из рейнцев не поспевал вдогон.

⁴⁵ За шпильманом могучим все устремились в бой... – Здесь впервые упоминается, что Фолькер был поэт.

Клинком себе прокладывал путь к Людегеру он.

Три раза нидерландец сквозь вражью рать пробился.
Затем могучий Хаген с ним рядом появился,
И тут уж утолили они свой пыл сполна:
Урон немалый понесла саксонская страна.

Но Зигфрида заметил и Людегер лихой.
Узрев, как он вздымает в бою над головой
Клинок свой, добрый Бальмунг, и саксов им разит,
Король в душе почувствовал жестокий гнев и стыд.

Кругом кипела схватка, звенела сталь мечей.
Полки бросались в сечу всё злей и горячей,
Но чуть сошёлся Зигфрид с противником своим,
Как саксы прочь отхлынули⁴⁶ – так страшно стало им.

Когда их властелину поведали о том,
Что Людегаст отважный захвачен был врагом,
Он долго мнил, что брата лишь Гернот мог пленить,
И только под конец узнал, кого ему винить.⁴⁷

Король с такою силой нанёс удар врагу,
Что конь под нидерландцем шатнулся на бегу,
Однако не свалился, и через миг седок
Вновь яростно обрушиться на Людегера смог.

А Хаген, Данкварт, Фолькер и Гернот гнали прочь
Всех саксов, государю пытавшихся помочь.
Им славно Синдольт, Хунольт и Ортвин помогали.
Удары их без промаха бегущих настигали.

Меж тем сошлись вплотную два царственных бойца.
Хотя над ними копьё свистели без конца
И дротики впивались в край их щитов стальных,
Лишь за своим противником следил любой из них.

Вот спешили герои и начали опять
Ударами лихими друг друга осыпать,
Не замечая даже, что бой вокруг идёт
И в них, что ни мгновение, летит копьё иль дрот.

У короля порвалась застёжка под щитом.
Почуял королевич, что справится с врагом.
Уже немало саксов умолкнуло навек.

⁴⁶ *Кругом кипела схватка...// Полки бросались в сечу...// Но чуть сошелся Зигфрид с противником своим, // Как саксы прочь отхлынули...* – В средневековых описаниях сражений на первый план, как правило, выдвигаются поединки героев, которые и рисуются во всех деталях, участие же в битве массы рядовых воинов образует лишь фон.

⁴⁷ *И только под конец узнал, кого ему винить.* – Людегер не знает, с кем он вступил в схватку (лицо бойца было скрыто забралом шлема), и лишь по её окончании видит на щите противника корону Зигфрида. См. строфу 215.

Ах, сколько ярких панцирей⁴⁸ меч Данкварта рассек!

Вдруг Людегер, чей натиск вторично был отбит,
Увидел, что короной украшен вражий щит.
Король могучий понял, что за боец пред ним,
И крикнул громким голосом воителям своим:

«Мои вассалы, битву прервите сей же час.
Сын Зигмунда сегодня войной пошёл на нас.
Здесь Зигфрид Нидерландский – его я узнаю.
Видать, сам чёрт привёл меня столкнуться с ним в бою»,

Велел он, чтоб дружина знамёна опустила.
Ему на мир врагами дано согласие было,
Коль с ними, как заложник, на Рейн поедет он.
Так Людегер был Зигфридом в покорность приведён.

Вожди посовещались и прекратили бой.
Сложили наземь саксы, нарушив ратный строй,
Кто щит, кто шлем разбитый, кто целиком доспех –
Следы меча бургундские оставили на всех.

Отдав приказ носилки для тех соорудить,
Кто из-за ран тяжёлых совсем не мог ходить,
Меж пленных стали Гернот и Хаген выбирать⁴⁹ –
На Рейн пятьсот заложников им удалось угнать.

Датчане возвратились на родину бесславно.
Снедало их унынье, а саксов и подавно:
Не принесла им битва удачи и похвал,
Любой из них о родиче иль друге горевал.

Вновь к Вормсу шли бургунды, доспехи взяв на вью:
В сражении победу добыл им гость и друг,
И в том, что только Зигфрид рассеял их врагов,
Любой дружинник Гунтера поклясться был готов.

Гонцов проворных Гернот послал на Рейн вперёд.
«Пускай друзья узнают, что кончился поход
И что за честь бургундов я постоять сумел,
Свершив с дружиной нашею немало славных дел».

Гонцы-оруженосцы, не мешкая в пути,
В столицу поспешили известье привезти.

⁴⁸ ...сколько ярких панцирей... – При описании битв в рыцарской поэзии доминируют яркие цвета; металл, в который одеты воины, сияет, позолоченные щиты и шлемы блистают на солнце, красочность зрелищу придает и алая кровь, струящаяся по панцирям и мечам. Такова же эстетика и батальных сцен в средневековой живописи и книжной миниатюре. Война, несмотря на гибель, которую она несет, воспринимается как праздник. Затянувшиеся детализованные описания боёв и поединков не утомляют ни поэтов, ни их аудиторию, которым важна была каждая деталь сражения, и они старались её не упустить.

⁴⁹ *Меж пленных стали... выбирать...* – В качестве заложников бургунды выбрали наиболее знатных.

Возликовали вормсцы, забыв свои печали,
И женщины расспрашивать гонцов не уставали

О подвигах бургундов, об их борьбе с врагом.
Был и к Кримхильде позван один гонец тайком:
Поговорить открыто она не смела с ним –
Ведь вместе с войском шёл и тот, кто ею был любим.

Когда в покой к Кримхильде посланец был введён,
Такую речь услышал от королевны он:
«Скажи мне всё, что знаешь, и коли весть – не ложь,
Ты здесь получишь золото и друга обретёшь.

Ответь, как брат мой Гернот и все мои друзья,
И многих ли меж ними недосчитаюсь я,
И кто был в битве первым, поведай непритворно».
«Меж нами трусов не было, – сказал гонец проворный,

Но тем, кто всех смелее давал отпор врагу, –
И верьте, королевна, ни словом я не лгу, –
Был Зигфрид Нидерландский, ваш благородный гость,
Чьи подвиги в сражении мне видеть довелось.

Хоть мощный Хаген, Данкварт и прочие бойцы
Себя на поле боя вели, как храбрецы,
Все их труды – забава, пустая трата сил
В сравнении с деяньями, что Зигфрид совершил.

С противником могучим они сражались честно,
Но то, что сделал Зигфрид, поистине чудесно.
Никто не знает счёта убитым им врагам.
Поплакать он о родичах заставил многих дам.⁵⁰

Он друга сердца отнял из них не у одной.
Обрушивал на шлемы он свой клинок стальной
Так, что ручьём багряным хлестала кровь из ран.
Всем взял воитель доблестный: он смел и в сече рьян.

Чинил и Ортвин Мецский врагу немалый вред:
Кто был хоть раз в сраженье его мечом задет,
Тот ранен или тлеет в сырой земле теперь.
Но никогда ещё никто не нёс таких потерь,

Какие войско саксов, – признаюсь в этом смело, –
Сражаясь с вашим братом, от Гернота терпело.
Бургунды были в битве так грозны и ужасны,
Что больше вражьи происки их чести не опасны.

Врагов свергали наземь они с лихих коней.
Всё поле оглашали удары их мечей.

⁵⁰ *Поплакать он о родичах заставил многих дам.* – Скорбь женщины о погибшем – распространённый мотив рыцарской поэзии.

Так безудержно рейнцы кипели пылом бранным,
Что лучше б бой не затевать ни саксам, ни датчанам

Когда пошла стеною на саксов наша рать,
Бойцы из Тронье тоже себя им дали знать.
Немало жизней Хаген пресёк мечом своим.
Найдётся что порассказать о нём его родным.

А Синдолт, Хунольт, Румольт, за Гернотом идя,
С противником рубились не хуже их вождя,
И Людегеру долго себя придётся клясть
За то, что он осмелился на Гунтера напасть.

И всё же высший подвиг, каким себя навек
В кровавой битве может прославить человек,
Был Зигфридом могучим бестрепетно свершён.
Толпу вельможных пленников ведёт с собою он.

Отважный витязь силой принудил к сдаче их.
Им Людегаст захвачен, король датчан лихих,
И Людегер Саксонский, его державный брат.
Ещё о многом, госпожа, я вам поведать рад.

Двух этих государей взял нидерландец сам.
И раньше доставалось немало пленных нам,
Но всё ж намного меньше, чем он ведёт с собой».
Рассказ гонца был по сердцу Кримхильде молодой.

«Пятьсот иль больше даже из них идут пешком,
А восемьдесят стража, – вы знать должны о том, –
Ввиду их ран тяжёлых сама должна нести.
Вот что такое Зигфриду стать поперёк пути!

Спесивцы объявили Бургундии войну,
А ныне оказались у Гунтера в плену
И к радости всех вормсцев сегодня будут здесь».
Весельем преисполнила Кримхильду эта весть.

Алее свежей розы она зарделась вдруг⁵¹
При мысли, что вернётся её сердечный друг,
Что юный витязь Зигфрид остался цел в бою.
Порадовалась девушка и за родню свою.

Красавица сказала: «Тебе за твой рассказ
Отсыплю десять марок⁵² я золотом сейчас
И подарю одежду, расшитую шелками».
Не худо весть приятную доставить знатной даме!

И золото и платье дала гонцу она.

⁵¹ *Алее свежей розы она зарделась вдруг...* – Образ, встречающийся также и в раннем миннезанге.

⁵² *Марка* – старинная мера веса, применявшаяся при взвешивании благородных металлов.

Меж тем её подружки столпились у окна
И вскоре увидали, как к городу идёт
Отряд бургундских витязей, закончивший поход.

Несли того, кто ранен; шёл тот, кто невредим.
Внимать приветным кликам не стыдно было им.
Верхом поехал Гунтер воителей встречать.
Он, горести свои забыв, повеселел опять.

К своим и к чужеземцам равно был ласков он,
Как это и пристало тому, кто сел на трон:
Питать король обязан признательность к вассалам,
За честь его сражавшимся с бесстрашьем небывалым.

Затем державный Гунтер порасспросил дружину,
Кто из бойцов бургундских нашёл в бою кончину.
Убитых насчитали всего лишь шестьдесят.
Оплакали, как водится, тех, кто могилой взят.

На уцелевших тоже оставил метку враг:
Почти у всех изрублен был щит или шишак.
У стен дворца дружина сошла с лихих коней.
Вокруг толпа несметная хвалу гремела ей.

По Вормсу Гунтер войско расставил на постой,
Велев, чтоб принимали приезжих с теплотой,
А уж о тех, кто ранен, пеклись, как о родных.
Не обошёл он милостью и пленников своих.⁵³

Он Людегасту молвил: «Я в Вормсе рад вас видеть.
Хотя меня жестоко дерзнули вы обидеть,
Теперь, когда вы пленник, я зла не помню вам.
Пусть Бог за дружбу верную воздаст моим друзьям».

Тут Людегер воскликнул: «Воздать им есть за что!
Заложников знатнее не брал ещё никто.
Мы щедро вам отплатим казною и добром
За обращенье мягкое и ласковый приём».

Сказал король бургундский: «Свободу вам даю
В обмен на обещанье тайком страну мою
Не покидать, покуда не отпущу вас я».
Ему ответил Людегер: «Вот вам рука моя».⁵⁴

Распорядился Гунтер, чтоб всем был отдых дан.
В постели уложили тех, кто страдал от ран,
И принесли здоровым вино и крепкий мёд,
Чтоб позабыли витязи, как труден был поход.

⁵³ *Не обошёл он милостью и пленников своих.* – Рыцарский кодекс чести предписывал гуманное и великодушное обращение с пленниками, особенно со знатными.

⁵⁴ *«Вот вам рука моя».* – Торжественные обещания и договоры скреплялись рукобитьем или рукопожатьем.

Убрали с глаз немало изрубленных щитов
И сёдел, побуревших от крови седоков, –
Пусть жёны слёз напрасных при виде их не льют.
Недешево воителям дался их ратный труд.

Хотя гостей и было у Гунтера полно,
Всех – и своих и пленных – он чествовал равно;
А об увечных пёкся он так самозабвенно,
Что сердце всех заложников завоевал мгновенно.

На тех, кто ранен, Гунтер казны не пожалел.
Он лекарей искусных приставить к ним велел –
Пусть на ноги поднимут героев поскорей.
Осыпал и подарками король своих гостей.

Домой не соглашался их Гунтер отпустить
И всех просил в столице подольше погостить.
Собрав вельмож, он молвил: «Как наградить бойцов,
Столь доблестно Бургундию спасавших от врагов?»

Ответил брату Гернот: «Отпустим их отсель,
Но пусть они вернуться к нам через шесть недель,
И пиршество мы с вами в их честь устроим тут –
Тогда уж раны тяжкие у многих заживут».

Собрался в Нидерланды и Зигфрид уезжать,
И сколько ни пытался хозяин возражать.
Его склоняя в Вормсе пожить ещё чуть-чуть,
Не будь сестры у Гунтера, гость тронулся бы в путь.

Служил он не за плату – богат он без того,⁵⁵
К тому же сам хозяин в долгу был у него
За подвиги, которых так много он свершил
В тот день, когда с бургундами их недругов крушил.

Нет, лишь Кримхильды ради остался в Вормсе гость,
И вскоре увидаться ему с ней довелось.
Красавицу назвал он, как и мечтал, женой
И отбыл с новобрачною к отцу, в свой край родной.

Устраивал нередко в те шесть недель до пира
Для молодёжи Гунтер забавы и турниры
И приказал за Вормсом, у самых рейнских вод,
Разбить просторные шатры для тех, кого он ждёт.

Когда всего неделя до празднества осталась,

⁵⁵ Служил он не за плату – богат он без того... – Слово *riche* здесь означает не только богатство, но и высокое социальное положение. Зигфрид был слишком знатен для того, чтобы принимать подарки от Гунтера, тем более что получение дара влекло за собой известную зависимость от подарившего. Автор подчёркивает это обстоятельство, которое следует не упускать из вида в дальнейшем, когда речь зайдёт о мнимой вассальной службе Зигфрида Гунтеру (см. строфу 386 и далее).

Красавица Кримхильда у братьев допыталась,
Что пир державный Гунтер намерен дать друзьям,
И эта весть заставила всех благородных дам

Сесть за шитьё нарядов, не медля ни минуты.
Тем временем узнала и королева Ута,
Что в Вормс на пир придут соседи и вассалы.
Она достать из кладовых одежду приказала.

Блюда обычай древний и честь детей своих,
Богато королева одела челядь их,
А также дам придворных без счёта и числа
И в дар приезжим витязям по платью припасла.

Авентюра V О том как Зигфрид впервые увидел Кримхильду

Всё больше в Вормс на Рейне съезжалось с каждым днём
Бойцов, на праздник званных бургундским королём,
И всех гостей хозяин радушно привечал:
Любой в подарок скакуна и платье получал.

Всем приглашённым Гунтер, готовясь к торжеству,
Отвёл места по сану, рождению, старшинству,
Хоть только государей сошлось за тридцать там.
Соперничали в пышности наряды знатных дам.

Млад Гизельхер и Гернот со свитою своей
Достойно принимали пришельцев и друзей.
Приветливое слово для всех у них нашлось.
С почётом и учтивостью был встречен каждый гость.

Повсюду так сверкали и восхищали взгляд
То щит с отделкой пышной, то дорогой наряд,
То золотую нитью расшитое седло,
Что и у тяжело раненных уныние прошло.

Те, кто из-за увечий с постели встать не мог,
Забыли, что осталось им жить короткий срок.
Никто не думал больше о хворых и недужных:
Одно лишь было на уме у горожан досужных –

Удастся ль этот праздник и что он им несёт.
На пире королевском надеялся народ
Повеселиться вволю и всласть попить вина.
У всех бургундов радостью душа была полна.

В день троицын, с зарёю, сошлись со всех концов
На берег Рейна толпы приезжих удальцов.
Собралось их пять тысяч иль более того
На шумное, нарядное, честное торжество.

Разумен был хозяин: давно заметил он,
Что нидерландский витязь в его сестру влюблён,
Хотя ещё ни разу не видел Зигфрид той,
Что затмевала всех девиц своею красотой.

Неустршимый Ортвин дал королю совет:
«Чтоб удался ваш праздник и было всё как след,
Велите, пусть немедля пожалуют сюда
Красавицы,⁵⁶ чьей прелестью Бургундия горда.

Отрады нет мужчине и скукой он томим,
Когда прекрасных женщин не видно рядом с ним.
Дозвольте и сестрице с гостями сесть за стол».
В восторг немало витязей такой совет привёл.

Ответил славный Гунтер: «Я так и поступлю».
Признательны все были за это королю.
Он приказал, чтоб Ута и с ней сестра его,
Равно как все их женщины, пришли на торжество.

Подоставали дамы из скрынй и кладовых
Немало пышных платьев, уборов дорогих,
Запястья, серьги, кольца понадевали все –
Пусть витязи приезжие дивятся их красе.

А юноши – те тоже мечтали, осмелев,
Привлечь к себе вниманье бургундских знатных дев,
Которых не случалось им видеть до сих пор.
Трон отдал бы любой из них за нежный женский взор.

⁵⁶ *Чтоб удался ваш праздник... // Велите, пусть... пожалуют сюда // Красавицы...* – Присутствие дам на придворных праздниках было обязательным и придавало им куртуазный характер.

Сто родичей приставил король к сестре своей,
Чтоб стражею почётной они служили ей.
Вкруг юной королевы с мечами шли они,
Как у владык Бургундии ведётся искони.

В то утро дочку Ута на пир сопровождала,
И следовало с нею придворных дам немало –
Сто или даже больше – в одежде дорогой.
Не меньше шло и девушек с Кримхильдой молодой.

Едва они успели с крыльца во двор сойти,
Как выстроились гости стеной вдоль их пути:
Любой воитель тешил себя надеждой сладкой,
Что сможет на красавицу взглянуть хотя б украдкой.

Как луч зари багряной из мрачных облаков,
Предстала королева⁵⁷ пред взором смельчаков,
И все свои печали забыл мгновенно тот,
Кто по прекрасной девушке томился целый год.

Каменьем драгоценным наряд её сверкал,
А лик, как роза утром, был нежен, свеж и ал.
Когда б ей повстречался хулителю самый злобный, –
И тот изъяна б не нашёл в красавице подобной.

Как меркнут звёзды ночью в сиянии луны, –
Когда она на землю взирает с вышины,
Так дева затмевала толпу своих подруг.
Не диво, что у всех мужчин забилося сердце вдруг.

Шла пред Кримхильдой стража, ей расчищая путь,
А витязи теснились, чтоб только как-нибудь
Увидеть ту, чья прелесть слепила все глаза.
Взор Зигфрида туманили то счастье, то слеза.

Он сокрушённо думал: «Напрасные мечты!
Меня своей любовью не осчастливить ты,
А без тебя в могилу сведёт меня тоска».
То в жар, то в дрожь от этих дум бросало смельчака.

У Зигмунда на диво пригожий сын возрос.
Казался он картиной, которую нанёс
Художник на пергамент⁵⁸ искусною рукой.
Мир не видал ещё красы и статности такой.

⁵⁷ *Как луч зари багряной... // Предстала королева...* – Образ, заимствованный из придворной лирики. Миннезанг, как и поэзия трубадуров, живописуя красоту дамы при посредстве стереотипных сравнений, не даёт никакого представления об её индивидуальном облике, – черта, характерная и для изобразительного искусства той эпохи.

⁵⁸ *Казался он картиной, которую нанёс // Художник на пергамент...* – Имеется в виду миниатюра в рукописи. Краски, которыми пользовались миниатюристы, соответствуют цветам, излюбленным поэтом (золотой, алый, белый).

Учтиво оттесняла толпу с дороги стража,
И гости расступались, не возмущаясь даже:
Такой восторг и радость в сердца бойцов лихих
Вселяла поступь чинная красавиц молодых.

Возвысил голос Гернот: «Мой господин и брат,
Здесь тот, кто всей душою вам услужить был рад,
И вы при всех за это должны воздать ему.
Вот мой совет, и слов своих назад я не возьму.

Пусть к Зигфриду Кримхильда с приветом обратится.⁵⁹
Подобная учтивость сторицей возместится.
Такую честь впервые сестра бойцу окажет,
И нас со славным витязем навеки дружба свяжет».

За нидерландцем Гунтер послал своих людей,
И был отыскан ими герой в толпе гостей.
«Ступайте к государю – перед лицом двора
Сегодня вас приветствием почтит его сестра».

Возрадовался Зигфрид, услышав эту весть.
Теперь он был не скорбью, а счастьем полон весь⁶⁰
При мысли, что Кримхильда с ним говорить должна.
Приветствовала дружески воителя она.

Предстал пред ней зардевшись прославленный смельчак,
А дочь почтенной Уты ему сказала так:
«Неустрашимый Зигфрид, примите мой привет».
И духом богатырь воспрял, надеждою согрет.

Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.

Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
Что руку пожимает она ему порой,
Но не могу поверить, что скрыть ей удалось
Любовь, которую в неё вселил отважный гость.

Ни ярким летним утром, ни в светлый день весенний
Не испытал воитель столь сладостных волнений,
Как в миг, когда бок о бок шёл с тою наконец,
Кого с такой охотою повёл бы под венец.

И каждый витязь думал: «Я был бы счастлив тоже

⁵⁹ Пусть к Зигфриду Кримхильда с приветом обратится... – Приветствие дамы расценивалось как особая честь, и чем знатнее была дама, тем выше отличие, которого удостоивался рыцарь.

⁶⁰ ...не скорбью, а счастьем полон весь... – Опять сочетание «радости» и «страдания», лейтмотив «Песни о нибелунгах».

Пройтись с Кримхильдой рядом иль разделить с ней ложе». Но в жизни не сумел бы никто среди гостей Служить учтивей Зигфрида владычице своей.

Дружинники простые и гордые князья,
Все на чету смотрели, дыханье затая.
Поцеловать героя велел сестре король,⁶¹
И тут ещё счастливее стал гость, чем был дотоль.

Увидев это, молвил в сердцах король датчан:
«Привет Кримхильды куплен ценою многих ран
Нанёс их Зигфрид в сече мне и бойцам моим.
Не приведи нас бог опять войну затеять с ним».

Вновь королевне стража очистила дорогу.
Направилась Кримхильда в собор молиться богу,
А с нею и вельможи, и много знатных дам,
Но разлучён был с девушкой герой при входе в храм.⁶²

Торжественно и чинно за нею свита шла,
И так была Кримхильда нарядна и мила,
Что всех мужчин при виде подобной красоты
Тревожили напрасные, но сладкие мечты.

Всю службу нетерпенье терзало удальца,
Хоть и благословлял он свой жребий без конца
За то, что благосклонность и нежность прочитал
Во взоре и пожатье той, о ком весь год мечтал.

В конце обедни первым покинул церковь он⁶³
И был, дождавшись девы, к ней снова подведён.
Вот тут героя стала Кримхильда в первый раз
Благодарить за то, что он бургундов в битве спас.

Красавица сказала: «Пусть по заслугам вам
Воздаст Господь за храбрость и преданность друзьям,
А мы вас будем, Зигфрид, всегда любить душевно».
И нидерландец с нежностью взглянул на королевну.

Он пламенно воскликнул: «Слугой везде и всюду
Я вплоть до самой смерти вам, госпожа, пребуду.

⁶¹ *Поцеловать героя велел сестре король...* – Поцелуй ещё более повышал честь, оказанную рыцарю приветственным обращением дамы, но не был знаком её любви. Во всей сцене встречи Зигфрида с Кримхильдой различаются два плана. Один – придворный церемониал, не предполагающий каких-либо индивидуальных эмоций между его участниками: дама награждает рыцаря своим вниманием в присутствии двора. Второй план – взаимное влечение Зигфрида и Кримхильды, придающее ритуалу новый смысл и выходящее за его рамки. Зрителям понятен только первый план (впрочем, Гунтер догадался о любви Зигфрида к его сестре, строфа 272), поэту же виден и второй план, просвечивающий сквозь куртуазный этикет.

⁶² *Но разлучён был с девушкой герой при входе в храм.* – Мужчины и женщины занимали в церкви разные места.

⁶³ *...первым покинул церковь он...* – Рыцари покидали церковь прежде дам и поджидали их выхода.

Что б вы ни приказали, свершить готов и рад
Я всё для той, чьи милости мне слаще всех наград».

Двенадцать дней весёлых шёл в Вормсе пир горой,
И каждый день Кримхильду сопровождал герой,
Когда пора ей было на праздник выходить:
Во всём-то Гунтер Зигфриду старался угодить.

Шумя, смеясь, ликуя с зари и до зари,
Утехам предавались везде богатыри –
И за столом в покоях, и под шатром небес.
Немало Ортвин с Хагеном творили там чудес.

Какою бы забавой ни пожелали вдруг
Приезжие развлечься, чтоб скоротать досуг,
Верх эти два бургунда немедля брали в ней
К великой чести Гунтера и всей страны своей.

Участвовать в забавах хотелось даже тем,
Кто из-за ран недавно не мог ходить совсем.
Теперь же снова с ними тягались их друзья
В умении владеть щитом, в метании копья.

Приветливый хозяин был щедр на угощенье –
Ведь королю зазорно, когда за упущенья
Или за скупость гости корят его потом.
Всегда охотно сиживал он с ними за столом.

Сказал он на прощанье: «Я вам припас дары,
И взять их до отъезда вы будете добры.
Прошу, не отвергайте даянья моего.
Вам по заслугам, витязи, вручаю я его».

Ему в ответ датчане: «Спасибо вам за пир,
Но мы хотим, чтоб с нами вы заключили мир.
Без этого из Вормса нас отпускать грешно –
Довольно вами Дании потерь нанесено».

Хотя здоров и крепок был вновь король датчан,
Хоть Людегер Саксонский оправился от ран,
Их войско претерпело и впрямь большой урон.
Посоветаться с Зигфридом был Гунтер принуждён.

Спросил он нидерландца: «Скажи, что делать нам?
Заложники уедут завтра по домам,
Но прежде мир желают со мною заключить.
Как быть мне? – вот чему меня прошу я научить.

Условия мира, Зигфрид, я от тебя не скрою.
Пятьсот коней, гружённых казною золотою,
Дать в выкуп обещает мне побеждённый враг».
Ответил витязь: «Поступать не подобает так.

Нет, отпустите пленных без выкупа домой,⁶⁴
А чтоб они не смели идти на вас войной,
Обоих государей заставьте слово дать
На вас и ваших подданных вовек не нападать».

«Согласен», – молвил Гунтер и с Зигфридом вдвоём
Заложникам немедля пошёл сказать о том,
Что золота не примет от пленников своих.
Пусть отправляются домой, где все заждались их.

Послушавшись совета, который Гернот дал,
Щиты с казною⁶⁵ Гунтер велел доставить в зал,
И каждому на долю досталось от него
Пять сотен марок золотом иль более того.

Король гостей не раньше в дорогу отпустил,
Чем каждый из приезжих Кримхильду посетил,
Чтоб и она, и Ута могли проститься с ним.
Герои были польщены вниманием таким.

Вновь после их отъезда притих дворец пустынный.
Остался в нём лишь Гунтер с роднёю и дружиной.
Вершил дела правленья он днём, а ввечеру
Со свитой вместе навещал красавицу-сестру.

Отважный Зигфрид тоже решил покинуть двор,
Где так и не добился Кримхильды до сих пор.
Был опечален Гунтер, но возражать не смел.
По счастью, гостя удержать млад Гизельхер сумел.

Воскликнул он: «Куда вы и чем вам плохо тут,
Где двор и брат мой Гунтер так любят вас и чтут,
Где столько знатных женщин, чья прелесть тешит глаз?
Нет, Зигфрид благороднейший, не покидайте нас!»

Сказал могучий Зигфрид: «Таким речам я рад.
Пусть с нас щиты снимают, коней ведут назад.
На родину бы отбыл я до скончанья дня,
Но юный друг мой Гизельхер отговорил меня».

Вот так был Зигфрид в Вормсе остаться принуждён,
Но на судьбу за это не обижался он:
В каких других владеньях, в каком другом краю
Он мог бы видеть каждый день любимую свою?

Гостил он у бургундов, пленён красой её,

⁶⁴ *...отпустите пленных без выкупа домой...* – Зигфрид выступает здесь как образец рыцарственной гуманности. *Слово дать...* – собственно: «дать руку в знак скрепления обещания». Жест играл в публичной жизни средневекового общества огромную роль.

⁶⁵ *Щиты с казною...* – Выпуклый щит служил мерою, им отвешивали деньги, что было признаком предельной щедрости.

И проводил в забавах беспечное житьё,
Хоть с каждым днём сильнее его томила страсть,
Из-за которой суждено ему и было пасть.

Авентюра VI О том, как Гунтер поехал в Исландию за Брюнхильдой

Молва распространяла в прирейнских странах весть
А в странах тех немало девиц пригожих есть, –
Что хочет славный Гунтер обзавестись женой.
Король и впрямь любовь питал к красавице одной.

Царила королева на острове морском,⁶⁶
Была она прекрасна и телом, и лицом,
Но женщины сильнее не видел мир досель.
Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель

И, бросив тяжкий камень, прыжком его догнать.
В трёх состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,⁶⁷
Но, проиграв хотя б одно, он головы лишался.

Вот так она сгубила немало удальцов.
Узнали и на Рейне о ней в конце концов,
И славный вормский витязь о деве возмечтал.
Союз их брачный роковым потом для многих стал.

Сказал правитель рейнский: «Я отправляюсь в путь
И счастья попытаю, а там уж будь что будь:
Иль за морем Брюнхильду⁶⁸ добуду в жёны я,

⁶⁶ ...на острове морском. – Местоположение Исландии, равно как и то, представляет ли она собой остров, в «Песни о нибелунгах» обозначено до крайности расплывчато. Сказочный тон, от которого не свободны стихи, повествующие о ранних подвигах Зигфрида, применительно к Брюнхильде чрезвычайно усиливается. Перед нами – вариант широко распространенной сказки о сватовстве к богатырше, завоевание которой требует хитрости или необычайной силы и сноровки, причём неудача в испытании грозит жениху немедленной смертью. Физическая сила и ловкость Брюнхильды, как и её нрав, ставят её вне куртуазного мира бургундского двора, – она принадлежит совершенно иному, фантастическому миру, и попытка согласовать их стоит поэту немалых усилий и не вполне ему удается.

⁶⁷ В трёх состязаньях с нею был верх обязан взять // Любым, кто к королеве посвататься решался... – В скандинавском варианте сказания овладеть Брюнхильд способен лишь тот, кто преодолит пламя, окружающее её палаты. Гуннар оказался бессильным, и тогда Сигурд поменялся с ним обликом и проскакал сквозь огонь. Он проводит с Брюнхильд три ночи, но кладёт на ложе между нею и собой свой меч. Затем он возвращается к Гуннару и вновь меняется с ним обликом. Мотивы обмена обликом и скачки сквозь огненный вал с какого-то времени, видимо, перестали удовлетворять изменившимся вкусам вследствие своей крайней фантастичности и были заменены более «реалистическими» воинскими состязаниями.

⁶⁸ Брюнхильда – это имя встречается в истории франков VI в. Дочь вестготского короля Брунигильда была женой франкского короля Сигиберта и прославилась своєю распрей с королевой Фредегундой, умертвившей её мужа. Попытки некоторых исследователей увидеть в эпосе отражение кровавых событий при франкском дворе наталкиваются на трудность, ибо в таком случае налицо обмен ролями: историческая Брунигильда была женой

Иль скатится до времени с плеч голова моя».

Возвысил голос Зигфрид: «Вам уезжать не след.
Все знают, сколь жестокий Брюнхильдой дан обет.
Нет, голову не стоит терять из-за неё.
Оставить вам разумнее намеренье своё».

«Коль ехать, – молвил Хаген, – и вправду вам охота,
Просите, чтобы с вамп опасность и заботы
Неустрасимый Зигфрид по дружбе разделил.⁶⁹
Ведь он обычаи и нрав Брюнхильды изучил».⁷⁰

Король воскликнул: «Зигфрид, надеюсь, ты не прочь
Отправиться со мною и в сватовстве помочь?
Коль за морем Брюнхильду добыть удастся нам,
Я за тебя – лишь пожелаю – и жизнь и честь отдам».

Сын Зигмунда ответил: «Тебе помочь я рад
И от тебя за службу не попрошу наград,
Коль ты готов мне в жёны отдать сестру свою.
Уже давно я к ней любовь в душе своей таю».

«Готов, – уверил Гунтер, – и в том тебе клянусь.
Коль я, добыв Брюнхильду, в Бургундию вернусь,
С Кримхильдой в брак ты вступишь, поделишь с нею ложе
И будешь жить да поживать с супругою пригожей».

Герои дали клятву, что слово соблюдут.
Их ждал в стране заморской безмерно тяжкий труд.
Немало пережили они опасных дней,
Пока с Брюнхильдой сладили и в Вормс вернулись с ней.

Чтоб быть всегда готовым к опасности любой,
Плащ-невидимку Зигфрид в дорогу взял с собой.
Добычу эту Зигфрид у Альбриха отбил,

Сигиберта, в эпосе же Брюнхильда – жена Гунтера и противница Зигфрида.

⁶⁹ *Просите, чтобы с вами опасность и заботы // Неустрасимый Зигфрид по дружбе разделил.* – И в данном случае мысль привлечь Зигфрида на помощь принадлежит Хагену. Примечательно, что нигде Хаген не изъявляет симпатии к Зигфриду, – стараясь, и вполне успешно, использовать героя, он затем, когда тот становится слишком опасным, расправляется с ним.

⁷⁰ *Ведь он обычаи и нрав Брюнхильды, изучил.* – Здесь и далее содержатся указания на более раннее знакомство Зигфрида с Брюнхильдой. Однако «Песнь о нибелунгах» не разъясняет характера их отношений. Средневековый читатель, возможно, знал сказания или песни об их первоначальном знакомстве, о любви между ними и о клятвах, которыми они обменялись и о которых Зигфрид (Сигурд) забыл, выпив дурманного мёда. Эти мотивы нашли место в «Саге о Вэльсунгах» и в «Старшей Эдде» (впрочем, неизвестно время появления этих мотивов). Поскольку вся эта линия в «Песни о нибелунгах» по существу элиминирована, можно лишь догадываться, что горе и месть Брюнхильды мыслились поэтом как результат её обманутой любви. Ф. Панцер выдвинул гипотезу (не нашедшую, однако, широкого признания) о том, что тема сватовства появилась в «Песни о нибелунгах» под влиянием русской сказки.

Первый из довольно многочисленных (см. 378, 382, 384, 407, 419, 511), восходящих к более ранним вариантам сказания о нибелунгах намёков на то, что Зигфрид был знаком с Брюнхильдой ещё до поездки Гунтера в Исландию.

Когда он вызван карликом на поединок был.

Едва свой плащ волшебный воитель надевал,
Тот разом мощь такую владельцу придавал,
Что Зигфрид силой равен был дюжине бойцов.
Без этого сгубила бы Брюнхильда удальцов.

К тому же, обладая сокровищем таким,
Герой, что б он ни делал, был для людей незрим.
Вот так в краю заморском и удалось ему
Добыть Брюнхильду хитростью, к несчастью своему.

«Скажи, бесстрашный Зигфрид, не следует ли мне,
Чтоб приняли с почётом меня в чужой стране,
Взять за море с собою внушительную рать?»⁷¹
Я тысяч тридцать воинов легко могу собрать».

Ответил нидерландец? «Сбери хоть тысяч сто –
Живым из рук Брюнхильды не ускользнёт никто.
Грознее королевы ещё не видел свет.
Нет, Гунтер, друг мой доблестный, я дам иной совет.

Как витязям пристало, всего лишь вчетвером
Мы спустимся по Рейну, и морем поплывём,
И явимся к Брюнхильде, а там уж будь что будь.
Сейчас я перечислю тех, кому собираться в путь.

Из них ты будешь первым: вторым меня возьми ты;
Пусть третьим станет Хаген – он витязь знаменитый;
А коль примкнуть четвёртым и Данкварт к нам готов,
В любом бою дадим отпор мы тысяче врагов».

«Скажи мне также, Зигфрид, – спросил король тогда, –
Покамест мы с тобою не отбыли туда,
В каком я должен платье предстать Брюнхильде милой,
Чтоб доброй славы Гунтера оно не посрамило».

«В нарядах наилучших, какие только есть.
Богатырям скупиться не позволяет честь.
Одет народ богато там, где Брюнхильда правит,
И нас за платье бедное молва потом ославит».

Сказал отважный Гунтер: «Коль так, пойду-ка я
Узнать, не пособит ли мне матушка моя.
Пускай для нас одежду нашить она велит,
Чтоб не краснеть нам за морем за наш убогий вид».

⁷¹ *...не следует ли мне... // Взять за море с собою внушительную рать?* – Феодалный властитель путешествует во главе войска или пышной свиты, сказочный персонаж, как и древнегерманский герой, странствует один. В поездке в фантастический мир Брюнхильды вряд ли уместна многочисленная рать. Высказывалось предположение, что в поездке к Брюнхильде участвовали трое, а упоминание Данкварта – позднейшее добавление, сделанное поэтом вследствие того, что этот персонаж играет немаловажную роль во второй части «Песни о нибелунгах»; при этом указывали, что Данкварт, вспоминая время, о котором повествуется в первой части песни, говорит о себе как о малолетке (строфа 1924).

Владелец Тронье Хаген ему ответил смело:
«Нет, мать подобной просьбой обременять не дело,
Но вы сестре скажите, что помощь вам нужна,
И в путь с большой охотою нас соберёт она».

Король дал знать Кримхильде, что к ней в покои скоро
Он с Зигфридом могучим придёт для разговора.
Принарядилась дева, чтоб с честью встретить их.
Не в тягость был красавице приход гостей таких.

Оделась попышнее и свита, ей под стать.
Кримхильду не заставил король бургундский ждать.
Едва вошёл он к деве со спутником своим,
Она, учтиво с места встав, пошла навстречу им.

Сказала королева: «Привет примите мой!
Вам, милый брат, и гостю я рада всей душой.
Признайтесь, что за дело вас привело сюда.
Чем услужить мы, женщины, вам можем, господа?»

Державный Гунтер молвил: «Отвечу вам с охотой.
Обременён я ныне немалою заботой.
Со сватовством мы едем в заморские края,
И в платье подобающем, сестра, нуждаюсь я».

«Прошу покорно: сядьте и расскажите мне,
Чью вы любовь хотите снискать в чужой стране», –
Такой вопрос Кримхильда учтиво задала
И за руки своих гостей с улыбкою взяла.

Пошли они все трое и сели на скамью,
А там парча лежала,⁷² и по её тканью
Узоры золотые бежали тут и там.
Взыграли духом витязи в кругу столь знатных дам.

На королеву Зигфрид посматривал украдкой.
Взирать на нидерландца ей тоже было сладко:
Ведь он любил Кримхильду превыше всяких благ.
Недаром вскоре с витязем она вступила в брак.

Промолвил славный Гунтер: «Любезная сестра,
Мы за Брюнхильдой едем, нам отплывать пора,
Но мы отбыть не можем без помощи твоей:
Мне нужно платье для меня и для моих друзей».

«Любезный брат мой Гунтер, – в ответ ему она, –
Во всём любую помощь, какая вам нужна,
Я окажу охотно и не прошу тому,
Кто в этом не последует примеру моему.

⁷² А там парча лежала... – Искусное рукоделье – одно из занятий знатной дамы.

Меня, достойный витязь, упрашивать не надо.
Я вам, как господину, повиноваться рада.
Какой ни пожелали б вы мне отдать приказ,
Исполнен всепокорнейше он будет сей же час».

«Так вот, сестра, прошу я, чтоб ты своей рукой
Скроила нам побольше одежды дорогой,
И пусть твои девицы для нас сошьют её.
Откладывать не хочется мне сватовство моё».

Красавица сказала ему в ответ на это:
«Шёлк у меня найдётся, нужны лишь самоцветы.
Пусть их в щиты насыплют⁷³ и принесут скорей».
Ни словом Гунтер с Зигфридом не возразили ей.

Спросила королева: «Кто с вами поплывёт?
Знать это, брат мой милый, мне надо наперёд».
Сестре ответил Гунтер: «Мы едем вчетвером:
Я, Зигфрид, Хаген с Данквартом, лихим богатырём.

Всем четверым придётся, – запомни, королева! –
Менять свою одежду три раза ежедневно,
И так мы будем делать подряд четыре дня,
Чтоб двор Брюнхильды в скупости не укорял меня».

Едва простились гости и удалились прочь,
Созвать велела свиту достойной Уты дочь
И отобрала тридцать отменных мастериц
Из множества сбежавшихся в покои к ней девиц.

Каменья понашили искусницы сперва
На шёлк из Цацманки,⁷⁴ зелёный, как трава,
И аравийский, белый, как первый снег зимой,
А ткань пришлось раскраивать красавице самой.

С умением и толком работа шла у них.
Покрыли этим шёлком меха зверей морских.
На те меха глядели бургунды как на чудо.
Но про одежду я сказал ещё не всё покуда.

Кримхильде привозили не раз издалека
Ливийский и мароккский тончайшие шелка.
Нашлось их в Вормсе больше, чем при любом дворе,
И было ничего не жаль для Гунтера сестре.

Казался слишком дешёв ей даже горностаи.

⁷³ В раннесредневековом быту щиты часто использовались для переноски звонкой монеты.

⁷⁴ *Шёлк из Зазаманки*. – Судя по «Парцифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, Зазаманка – сказочная страна или город на Востоке.

Цацманка – сказочная восточная страна, упоминаемая и в других памятниках средневековой немецкой литературы, например в романе Вольфрама фон Эшенбаха (1170–1220) «Парцифаль».

Для тех, кто за невестой в заморский ехал край.
Для них был выбран бархат чернее, чем агат.
И в наши дни украсил бы бойца такой наряд!

Он золотом аравийским и камнями сверкал.
Хоть труд искусниц юных был тяжек и немал,
За семь недель девицы закончили шитьё.⁷⁵
Собрали и воители оружие своё.

Тем временем на Рейне корабль надёжный им
Построили бургунды с усердием большим,
Чтоб смело вышел в море король на судне том.
Недаром знатным девушкам пришлось спешить с шитьём.

От королевы Гунтер узнал в свой срок и час,
Что в точности исполнен им отданный приказ:
Одежда понашита для всех бойцов его,
И больше он откладывать не должен сватовство.

За спутниками Гунтер отправил по гонцу –
Пусть явятся и скажут, к лицу иль не к лицу
И впору иль не впору обновы им пришлись.
Обрадовались витязи и тотчас собрались.

И каждый рукодельниц благодарил сердечно:
На всех бойцах одежда сидела безупречно,
У всех наряды были столь пышны и богаты,
Что в них предстать с достоинством могли Брюнхильде сваты.

Осыпав похвалами искусниц молодых,
Вновь поблагодарили бойцы за платье их
И начали прощаться с учтивостью такой,
Что увлажнилось много глаз невольною слезой.

Сказала королева: «Мой брат, оставайтесь здесь.
Ведь и у нас на Рейне прекрасных дам не счесть.
Не лучше ли вам дома найти себе жену,
Чем плыть, рискуя головой, в заморскую страну?»

Знать, сердце ей шепнуло, что всем беда грозит.
С Кримхильдой вместе свита заплакала навзрыд.
Так много слёз струилось у женщин из очей,
Что потускнело золото нагрудных их цепей.

Она сказала: «Зигфрид, вам поручаю я
Того, кто мне дороже, чем жизнь и честь моя.
Пусть Гунтера повсюду от бед хранит ваш меч».
И протянул ей руку гость в ответ на эту речь.

Он обещал Кримхильде: «Пока я не паду,
Ваш брат, – ручаюсь в этом, – не попадёт в беду.

⁷⁵ За семь недель девицы закончили шитьё. – Опять эпически долгие сборы.

Жив и здоров со мною на Рейн вернётся он». И отдала красавица воителю поклон.

Затем взвели на судно ретивых скакунов. Снесли туда доспехи и платье удальцов. Всё было в путь готово, настал прощальный миг. У королевны молодой померк от скорби лик.

Красавицы у окон столпились, все в слезах. Гудел попутный ветер в надутых парусах. Стоял на судне Гунтер среди друзей своих. «Кого ж мы кормчим сделаем?» – спросил король у них.

«Меня, – ответил Зигфрид. – Я наш корабль туда, Где царствует Брюнхильда, доставлю без труда: Пути-дороги в море давно знакомы мне». – «Прощай!» – сказали весело бойцы родной стране.

Дал Зигфрид Нидерландский ладье багром толчок, И к морю всё быстрее понёс её поток. Встал Гунтер самолично у крепкого руля, И вскоре скрылась из виду бургундская земля.

На корабле хватало отборных яств и вин – Всем нужным в путь запасся бургундский властелин. Довольно было места и людям и коням. Спокойно судно прочное скользило по волнам.

От ветра мачта гнулась, поскрипывал канат. За двадцать миль от Вормса бойцов застал закат. Нёс к морю неуклонно их судно Рейн седой. Кто знал тогда, что кончатся все их труды бедой!

Двенадцатое утро они в пути встречали, Когда в страну Брюнхильды корабль валы примчали И башни Изенштейна взнеслись над гладью вод. Из путников лишь Зигфриду знаком был остров тот.⁷⁶

Спросил державный Гунтер, когда увидел он, Что остров и обширен, и густо населён: «Чьё здесь владенье, Зигфрид, чьи замки и земля?» Не затруднили витязя вопросы короля.

Он тотчас же промолвил: «Могу ответить – чьё. Здесь царствует Брюнхильда, живёт народ её. Плывём мы к Изенштейну, Брюнхильдиной твердыне. Немало там вы встретите прекрасных женщин ныне.

Уговоримся сразу, как отвечать им так, Чтоб и себя не выдать, и не попасть впросак.

⁷⁶ Из путников лишь Зигфриду знаком был остров тот. – Новое указание на былое знакомство Зигфрида с Брюнхильдой.

С Брюнхильдой шутки плохи, а к ней явиться мы
Обязаны сегодня же, до наступленья тьмы.

Так вот, когда предстанем мы девушке пригожей,
Вам надлежит, герои, твердить одно и то же:
Что Гунтер – мой владыка, а я – вассал его.⁷⁷
Тогда уж он наверняка добьётся своего».

Своё высокомерье на время обуздав,
Все трое согласились, что нидерландец прав.
Вот почему от смерти спастись им удалось,
Когда с Брюнхильдой Гунтеру вступить в борьбу пришлось.

«Король, – добавил Зигфрид, – я не тебе служу,
А той, кем больше жизни и чести дорожу.
Я для тебя согласен сейчас на всё пойти,
Дабы потом в сестре твоей супругу обрести».

Авентюра VII О том, как Гунтер добыл Брюнхильду

Всё ближе к Изенштейну нёс судно пенный вал,
И Гунтер в окна замка внезапно увидал
Немало дев, взиравших на витязей чужих.
Король был раздосадован тем, что не знает их.

Он спутнику промолвил: «Узнать я был бы рад,
Что это за девицы у окон встали в ряд,
Вперяя взоры в море, где наш корабль бежит,
И почему у них такой высокомерный вид?»

Ему ответил Зигфрид: «Вы лучше осторожно
На тех девиц взгляните и молвите неложно,
Какую б вы избрали, когда б вам выбор дать».
Воскликнул Гунтер доблестный: «Нетрудно угадать!»

С осанкой горделивой стоит она одна
В одежде белоснежной вон у того окна.
Пленила взор мой жадный она красой своей,
И если б был мне выбор дан, женился б я на ней».

⁷⁷ Вам надлежит... твердить... // Что Гунтер – мой владыка, а я – вассал его. – В «Песни о нибелунгах» не разъяснено, какова необходимость в подобном обмане. Не исключено, что, поскольку одолеть Брюнхильду способен лишь сильнейший, а Зигфрид уже прославился своею мощью, он выставляет Гунтера в виде своего сеньора, с тем чтобы Брюнхильда вообразила, будто Гунтер и есть сильнейший, – ибо с точки зрения Зигфрида наиболее сильный должен быть и высшим. Возможно, однако, автор, превративший Зигфрида из найдёныша, каковым он был в более ранних сказаниях, в принца королевской крови, вводит этот мотив для того, чтобы подготовить читателя к пониманию ссоры между Брюнхильдой и Кримхильдой, в ходе которой первая утверждает, что Зигфрид – подданный Гунтера (см. авентюру XIV).

«Ты не ошибся, Гунтер. Сбылась твоя мечта:
Перед тобой Брюнхильда, перед тобою та,
В кого ты понаслышке уже давно влюблён».
Красою девы царственной король был ослеплён.

Она уйти велела прислужницам своим:
Невместно на приезжих глядеть из окон им.
Исполнили послушно они приказ её,
Но лишь затем, чтоб тут же вновь приняться за своё.

Принарядившись наспех, они опять тайком
Приникли к узким окнам в надежде хоть глазком
(От века любопытством страдает женский пол!)
Взглянуть на тех, кого Господь в их дальний край привёл.

Сошли четыре гостя на берег с корабля.
По сходням королевич свёл лошадь короля,⁷⁸
И Гунтер словно вырос – так был он горд и рад,
Что взоры женские за ним в подобный миг следят.

Надёжно нидерландец держал его коня, –
А был тот конь могучий и резв, и полн огня, –
Покуда Гунтер в стремя ногою не ступил,
Но все услуги Зигфрида король потом забыл.

Хоть быть слугой впервые пришлось в тот день ему
И не держал с рожденья он стремя никому,
Проделал это Зигфрид, не устыдившись дам,
И своего коня затем на сушу вывел сам.

У короля бургундов и Зигфрида бела,
Как первый снег, одежда⁷⁹ и масть коней была.
У каждого на локте сверкал блестящий щит.
Собой являли витязи великолепный вид.

К Брюнхильде в замок мчалась четвёрка смельчаков,
И скакуны их были достойны седоков:
Поперсия и сёдла сплошь в дорогах камнях,
Бубенчики из золота на узких поводах.

Отточенные копыта вздымали удалыцы.
До самых шпор свисали у них мечей концы,
А меч был остр и тяжек у каждого бойца,
И всё это заметила Брюнхильда из дворца.

⁷⁸ По сходням королевич свел лошадь короля... – Зигфрид играет перед Брюнхильдой роль подданного Гунтера, и хотя тому прекрасно известно, что это не более как видимость, сознание того, что его наблюдают дамы в такую минуту, возбуждает в нём гордость: символический акт и сам по себе в глазах средневековых людей обладал огромной ценностью.

⁷⁹ ...бела, // Как первый снег, одежда... – В описании одежд первой пары (Гунтер и Зигфрид) и второй (Хаген и Данкварт – строфа 402) – контраст белого и чёрного цветов.

За нидерландцем Данкварт и смелый Хаген мчались.
Красой и шириною щиты их отличались,
И был крыла воронья чернее их наряд,
О чём сказанья древние поныне говорят.

Унизанная густо индийскими камнями,
Одежда их сверкала в лучах зари огнями.
Вот так, оставив судно у побережных скал,
Сын Зигмунда с бургундами до замка доскакал.

Насчитывалось башен там восемьдесят шесть,
Да три больших палаты, да зал, который весь
Был мрамором отделан зелёным, как трава.
В том дивном зале двор и ждал гостей в день сватовства.

Ворота распахнулись, и замок отворён,
И люди королевы бегут со всех сторон,
Дабы достойно встретить гостей, прибывших к ней.
Снимают слуги с них щиты, уводят их коней.

Постельничий им молвил: «Клинки и шишаки
Мне на хранение сдайте». – «Нам это не с руки, –
Вскричал владелец Тронье. – Носить хочу свой меч я».
Но королевич Хагена унял разумной речью:

«При входе в этот замок сдают оружие гости.
Таков обычай здешний, а потому без злости
Смолчать и покориться разумней будет вам».
Был Хаген раздосадован, но внял его словам.

Вином их угостили, и был им отдых дан.
Тем временем немало бойцов-островитян
Уже стекалось к замку в одеждах дорогих,
Но пышностью затмить гостей не мог никто из них.

Извещена Брюнхильда была людьми своими,
Что к ней приплыли гости, чьё неизвестно имя,
Хотя весь облик – царствен, наряд – ему под стать,
И слугам стала госпожа вопросы задавать.

Сказала королева: «Вы разузнать должны,
Что здесь за незнакомцы и из какой страны,
И как их именуют, и для чего сюда
Явились эти витязи, чья поступь так горда».

Один исландец молвил: «Признаться должен честно,
Что эти чужеземцы мне тоже неизвестны,
Хотя один уж очень на Зигфрида похож,
И я принять их ласково советовал бы всё ж

Второй из них столь важен в спокойствии своём,

Что знатную особу узнать нетрудно в нём.⁸⁰
Такой боец, бесспорно, был королём рождён.
Смотрите, как величествен, как неприступен он!

Хоть третий из приезжих запальчив и гневлив,
Он, как и остальные, поистине красив.
Но этот воин злобой, сдаётся мне, объят –
Недаром мечет он вокруг такой свирепый взгляд.

И самый младший тоже весьма хорош собой.
На вид куда скромнее он девушки любой.
Вот и сейчас стоит он, потупив чинно взор,
Но худо будет тем, кто с ним дерзнут затеять спор.

Хотя учтив, приветлив и весел он всегда,
Но многих дам поплакать заставит без труда,
Коль честь его затронуть решатся их друзья –
Таких, как он, воителей не часто видел я».

Сказала королева: «Подайте платье мне.
Коль очутился Зигфрид затем в моей стране,
Что возымел надежду вступить со мною в брак,
Он головой поплатится за свой безумный шаг».

Красавица Брюнхильда оделась побыстрее
И вышла к чужеземцам со свитой своей
Из ста иль даже больше одетых пышно дам,
Сгоравших от желанья скорей предстать гостям.

По сторонам Брюнхильды, с мечами наголо,
Пятьсот иль даже больше бойцов исландских шло –
Успел с досадой Гунтер число их подсчитать,
Когда пред королевою пришлось приезжим встать.

Теперь я, правды ради, поведаю сполна,
Что, Зигфрида увидев, промолвила она:
«Приветствую вас, Зигфрид, в моём родном краю.
Зачем пожаловали вы в Исландию мою?»

«Передо мною первым такую речь держа,
Ко мне не по заслугам добры вы, госпожа.
Мой господин – пред вами,⁸¹ и вам при нём не след
К его вассалу скромному свой обращать привет.

Он уроженец Рейна, но бросил край родной,
Чтоб за морем Брюнхильду назвать своей женой.

⁸⁰ ...знатную особу узнать нетрудно в нём. – Внешность, осанка, поведение, одежда человека должны были служить главным свидетельством его происхождения и социального положения; к тому же существовала уверенность, что внешний облик неизбежно соответствует внутренним качествам его обладателя.

⁸¹ *Мой господин – пред вами...* – Гунтер стоял впереди, Зигфрид и другие его спутники – позади Гунтера как своего господина.

В намерении этом он непоколебим.
Подумайте, разумно ли вам состязаться с ним.

Он Гунтером зовётся, король могучий он.
Одной любовью только сюда он приведён.
Что мне ещё добавить? Я здесь лишь потому,
Что в путь угодно было взять меня с собой ему».

Она в ответ: «Коль скоро ты лишь простой вассал⁸²
То господин твой вправду моей любви взалкал,
В трёх состязаньях должен он победить меня,
А проиграет – вас казнят до истечения дня».

Владелец Тронье молвил: «Нам, госпожа, ответьте,
В чём будут заключаться три состязанья эти.
Ужель они и вправду столь трудны могут быть,
Что мой король откажется от мысли вас добыть?»

«Он бросить должен камень, догнать его прыжком,
Затмить меня в уменье цель поражать копьем.
С решеньем не спешите, – добавила она, –
Не то вас ждёт бесчестие⁸³ и смерть вам суждена».

Отвёл отважный Зигфрид в сторонку короля,
Его не падать духом вполголоса моля:
«Спокойствие храните и будьте посмелей.
Ручаюсь вам, что хитростью возьму я верх над ней».

Сказал державный Гунтер: «На всё пойти я рад.
Пусть будут состязанья труднее во сто крат,
Без колебаний жизнью я, госпожа, рискну,
Коль этою ценой могу в вас обрести жену».

Увидев, что на гостя ей страху не нагнать,
Брюнхильда состязанье решила начинать
И свите приказала: пусть та ей поспешит
Дать панцирь раззолоченный и добрый звонкий щит.

Под панцирь королевой надет подлатник был.
Ничей клинок ни разу его не прорубил.
Пошли на тот подлатник ливийские шелка,
И золотом расшила их искусная рука.

Смутила гордость девы гостей отважных дух.
Был Хаген нем и мрачен, взор Данкварта потух.
Что станет с государем? Как Гунтера спасти?
«Домой, – так оба думали, – нам нет уже пути».

⁸² *Коль скоро ты лишь простой вассал...* – В этих словах Брюнхильды, узнавшей Зигфрида (строфа 419), можно увидеть её сомнение в правдивости его слов.

⁸³ *Не то вас ждёт бесчестие...* – Бесчестие ожидало Гунтера в случае поражения, понесённого от женщины.

Меж тем на берег Зигфрид отправился тайком.
Там их корабль качался, колеблем ветерком.
Плащ-невидимку витязь из тайника достал,
Надел его и в тот же миг незрим для глаза стал.

Вернувшись спешно в замок, увидел удалец,
Что всё для состязанья готово наконец,
Через толпу прокрался и подошёл к друзьям,
По-прежнему невидимый тем, кто собрался там.

Был круг для игр очерчен, а за его чертою
Семьсот исландцев встали железною стеною.
Звенели их доспехи, оружие блестело.
За состязаньем наблюдать им госпожа велела.

Вступила в круг Брюнхильда, но вооружена
Была скорей для боя, чем для игры она.
Сияло золотое, блестящее шитьё
На пышном платье шёлковом, надетом на неё.

Несли за нею следом оруженосцы щит,
Что золотом червонным искусно был обит
И прочными стальными застёжками снабжён.
Брюнхильде в состязаниях служил прикрытьем он.

Расшит ремень подшитный камнем был у ней.
Травы камень это казалось зеленой
И пламенело ярче, чем золото щита.
Да, лишь героем быть могла Брюнхильда добыта!

Хоть щит её широкий из золота и стали
Четыре сильных мужа с натугой поднимали
И был он посредине в три пяди толщиной,
Справлялась с ним играючи она рукой одной.

Когда увидел Хаген, как этот щит тяжёл,
Лихой боец из Тронье в изрядный гнев пришёл
И Гунтеру промолвил: «Погибнуть мы должны.
Вы в дьяволицу сущую, король мой, влюблены».

Я про одежду девы ещё не кончил речь.
Поверх брони спускалась у ней рубаха с плеч
Из ткани, что красою всем женщинам мила, –
Из ацагоукских⁸⁴ шелков рубаха та была.⁸⁵

Затем велела дева копьё себе подать.
Она его умела без промаха кидать.

⁸⁴ *Ацагоук* – сказочная восточная страна, упоминаемая и в других памятниках средневековой немецкой литературы.

⁸⁵ *Из ацагоукских шелков рубаха та была.* – Подобно Зазаманке, Ацагоук – местность на Востоке, упоминаемая также Вольфрамом фон Эшенбахом. Со времен крестовых походов восточные изделия были в моде в Европе.

Огромно было древко тяжёлого копья
И остры наконечника калёные края.

На то копье железа истратили немало –
Четыре с половиной четверика металла.
Три воина Брюнхильды несли его с трудом,
И горько пожалел король о сватовстве своём.

Державный Гунтер думал: «Да что же здесь творится?
Сам чёрт живым не выйдет из рук такой девицы,
И окажись я чудом в Бургундии моей,
Поостерёгся б докучать я вновь любовью ей».

Сказал отважный Данкварт, брат Хагена меньшей:
«В том, что сюда приехал, я каюсь всей душой.
Мы – витязи лихие; тем горше будет стыд,
Коль обезглавить женщина таких бойцов велит.

Нет, плыть на этот остров нам было ни к чему.
Вот если б брат мой Хаген и я, под стать ему,
Мечи свои не сдали на сохраненье здесь,
С людей Брюнхильды сразу бы слетела вся их спесь».

Но если б даже дали исландцы нам уйти,
А я сто раз им честью поклялся мир блюсти,
Всё ж до того, как пал бы мой господин в бою,
Пришлось бы гордой девушке утратить жизнь свою».

Ответил Хаген брату: «И в плен не взяли б нас,
И плыли б мы спокойно на родину сейчас,
Когда бы нам вернули доспехи и клинки.
Тогда б уж было чваниться Брюнхильде не с руки».

Услышала Брюнхильда двух братьев разговор
И молвила с усмешкой, взглянув на них в упор:
«Коль впрямь они так смелы и нравом горячи,
Пусть им доспехи отдадут и возвратят мечи».

Дала приказ Брюнхильда – и вот мечи несут.
От радости зарделся отважный Данкварт тут.
«Пусть начинают игры! – воскликнул громко он. –
Пока при нас оружие, король не побеждён».

Безмерной силой дева была наделена.
Внести метальный камень велела в круг она,
А этот тяжкий камень размером был таков,
Что подняли его с трудом двенадцать смельчаков.

Вслед за копьем метала она его всегда.
Почуяли бургунды, что им грозит беда.
«Вот горе! – молвил Хаген. – Король влюбился зря:
В мужья ей нужно дьявола, а не богатыря».

Проворно засучила Брюнхильда рукава

И щит на левый локоть повесила сперва,
Затем рукою белой схватилась за копьё.
Испуг король почувствовал, увидев прыть её.

Бой начался, и Гунтер простился б с головою,
Когда бы друга Зигфрид не подменил собою.
Он за плечо бургунда украдкой тронул вдруг
И этим пуще прежнего привёл его в испуг.

«Да кто ж это коснулся оплечья моего?» –
Подумал муж отважный, не видя никого.
И тут услышал шёпот: «Мой друг, воспрянь душой!
Я – Зигфрид, и с Брюнхильдою мы выиграем бой.

На локоть незаметно повесь мне щит свой прочный
И повторяй за мною мои движенья точно.
Ты только притворяйся – всё сделаю я сам».
Король, душою вновь воспряв, внимал его словам.

«Коль никому не скажешь ты о моём обмане,
Ты избежишь бесчестья, которому заране
Обречь тебя сегодня воительница мнит.
Смотри, какой уверенный у королевы вид!»

Тут дева-богатырша копьё метнула в цель.
Столь страшного удара в сражениях досель
Могучий сын Зиглинды не отбивал щитом.
Из стали искры брызнули и вверх взвились столбом.

Конец копья калёный сквозь щит прошёл, звеня,
И грянул в прочный панцирь, исторгнув сноп огня.
Толчок поверг бы наземь воителей лихих,
Но спас от верной гибели плащ-невидимка их.

Кровь хлынула струёю из Зигфридова рта.
Отпрыгнул нидерландец и вырвал из щита
Застрявшее в наверхье Брюнхильдино копьё,
Чтоб отплатить противнице оружием её.

Но жалость к королеве вдруг овладела им,
И он копьё направил вперёд концом тупым,
С такою силой древко в исландку он метнул,
Что издала её броня протяжный звонкий гул.

Столбом взметнулись искры, сверкнула сталь, как жар,
И ощутила дева чудовищный удар.
На землю им Брюнхильду сын Зигмунда свалил:
У Гунтера для этого недоставало сил.

Вскричала королева, вскочив с земли сырой:
«Спасибо, Гунтер знатный, вам за удар лихой!»
Она ведь полагала, что с нею бьётся он.
Нет, ей другим, кто посильней, удар был нанесён.

Затем огромный камень, лежавший рядом с ней,
Взметнула богатырша над головой своей
И вдаль его швырнула, придя в великий гнев,
И прыгнула вослед ему, кольчугой зазвенев.

В двенадцати саженьях упал он на песок,
Но королеву дальше уже унёс прыжок.
Тогда за камень Гунтер схватился для того,
Чтоб все подумали, что сам он и метнул его.

Был витязь нидерландский высок, силён и смел.
Он бросить камень дальше, чем девушка, сумел
И обогнал в полёте его одним прыжком,
Хотя и прыгал не один, а вместе с королём.

Когда же пал на землю тот камень необхватный,
То близ него, как прежде, стоял лишь Гунтер знатный.
Отважный нидерландец его вторично спас.
От гнева лик красавицы зардел в последний раз.

Решив, что перепрыгнул король почти весь круг,
Брюнхильда объявила толпе вельмож и слуг:
«Ко мне, мои вассалы, ко мне, моя родня!
Вы – подданные Гунтера с сегодняшнего дня».

С себя доспехи сняли и дева и жених.
Пред Гунтером Бургундским, владыкой новым их,
Пришлось склонить колени исландским удалцам:
Все думали, что выиграл он состязанье сам.

Он поклонился деве, как витязю к лицу,
И протянула руку Брюнхильда удалцу,
Ему передавая свою страну и трон,
Чем даже Хаген доблестный был умиротворён.

Бургундов попросила Брюнхильда наконец
Пожаловать немедля с ней вместе во дворец.
Теперь приём радушный нашёл там каждый гость,
Что по душе и Данкварту и Хагену пришлось.

Меж тем отважный Зигфрид опять сумел схитрить,
Успев в надёжном месте плащ-невидимку скрыть,
Затем вернулся в замок, вошёл в приёмный зал
И там, при дамах, Гунтеру такую речь сказал:

«Король, что ж не спешите вы игры начинать?
Мне, вашему вассалу, не терпится узнать,
Что ждёт – венец иль плаха владыку моего?»
И все подумали, что он не видел ничего.

Спросила королева: «А по какой причине
Вы, Зигфрид, пропустили те игры, в коих ныне
Ваш господин победу стяжал своей рукой?»
И Хаген из Бургундии ей дал ответ такой:

«Нас так смутил сначала суровый ваш приём,
Что в час, когда тягались вы с рейнским королём,
Ушёл на берег Зигфрид и наш корабль стерёг.
Вот почему он, госпожа, на играх быть не мог».

Отважный Зигфрид молвил: «Признаюсь откровенно,
Я рад, что смелый витязь сломил ваш прав надменный,
Что и на вас управа нашлась среди мужчин
И увезёт вас, госпожа, на Рейн мой властелин».

Красавица сказала: «Не торопитесь так.
С вассалами обдумать должна я этот шаг.
Родимый край не раньше смогу покинуть я,
Чем мне на то согласие дадут мои друзья».

Брюнхильда разослала по острову гонцов,
Чтоб те мужей созвали со всех его концов.
Пускай её вассалы к ней в Изенштейн спешат –
В дар каждому из них она даст дорогой наряд.

К Брюнхильдиному замку со всей её земли
Дружины королевы и днём и ночью шли.
«Беда! – воскликнул Хаген. – Пока мы медлим тут,
Сюда мужи исландские с оружием идут.

А вдруг, собрав вассалов со всей земли своей, –
Ведь мы отнюдь не знаем, что на уме у ней, –
На нас она внезапно возьмёт да нападёт?
Ох, всем нам эта девушка наделает хлопот!»

Сказал могучий Зигфрид: «Я и на этот раз
Предотвращу опасность, что вам грозит сейчас,
И приведу на помощь таких бойцов сюда,⁸⁶
Каких ещё никто из вас не видел никогда.

Меня вы не ищите – уеду я тайком.
Пусть сохранит Создатель вам жизнь в краю чужом,
Пока не подспеют, за Зигфридом вослед,
К вам десять сотен воинов, которым равных нет».

Державный Гунтер молвил: «Не медлите в пути
И постарайтесь быстро подмогу привести».
Ответил Зигфрид: «Скоро вернусь я с удальцами,
А вы Брюнхильде скажете, куда я послан вами».⁸⁷

⁸⁶ *И приведу на помощь таких бойцов сюда...* – Имеется в виду войско нибелунгов, которых Зигфрид подчинил себе, после того как захватил их сокровища (строфы 95 след.).

⁸⁷ *А вы Брюнхильде скажете, куда я послан вами.* – Гунтер вновь должен изобразить Зигфрида своим вассалом, которого он якобы послал с поручением.

Авентюра VIII О том, как Зигфрид ездил за своими нибелунгами

Плащ-невидимка снова воителю помог
Тайком уйти на взморье и там найти челнок.
Взял королевич вёсла, уселся на скамью,
И словно ветром унесло от берега ладью.

Стрелой она летела, грёб Зигфрид всё сильней,
Но думали исландцы, гребца не видя в ней,
Что гонит лодку ветер, и только он один.
Нет, то работал вёслами Зиглинды смелый сын.

Весь день и ночь в придачу он грёб что было сил.
Сто длинных миль иль больше сын Зигмунда проплыл⁸⁸
И увидал с рассветом в тумане пред собой
Край нибелунгов, где хранил он клад бесценный свой.

Он вытащил на берег судёнышко своё,
Пошёл к горе соседней, поднялся на неё
И в замок, там стоявший, стучаться громко стал,
Как всякий путник делает, когда в пути устал.

Ждал нидерландец долго у запертых ворот –
Закрыт врагу надёжно был доступ в замок тот,
Пока на окрик гостя и непрерывный стук
Привратник, ростом исполин, не отозвался вдруг.

Был этот страж суровый отважен, зол, силен.
С оружием даже ночью не расставался он.
«Кто ломится в ворота?» – воскликнул великан.
Тут Зигфрид голос изменил и ввёл его в обман.

Ответил он: «Я – витязь.⁸⁹ Впусти скорей меня,
Не то с постели мягкой до наступленья дня
Поднимет многих в замке мой верный спутник – меч».
Разгневала привратника столь дерзостная речь.

Спустя минуту к бою готов был он совсем: –
Схватил своё оружие, надел огромный шлем,
Повесил щит на локоть, ворота распахнул
И к пришлецу незваному, рассвирепев, шагнул.

⁸⁸ *Сто длинных миль иль больше сын Зигмунда проплыл...* – Край нибелунгов расположен недалеко от Исландии; из строфы 739 явствует, что он находится в Норвегии.

⁸⁹ *Я – витязь* (Recke). – Зигфрид фигурирует в этой авентюре как одиноко странствующий герой. См. прим. к строфе 1.

Как смеет гость тревожить хозяев здешних мест?
Бил исполин так сильно, что гул пошёл окрест.
Щит Зигфрида удары выдерживал с трудом,
И все застёжки прочные полопались на нём.

Свист палицы железной⁹⁰ услышав над собой,
Стал Зигфрид опасаться, что проиграет бой,
И всё ж не рассердился на своего врага:
Он счастлив был, что у него столь преданный слуга.

Весь замок нибелунгов от грохота дрожал.
Врывались через окна и лязг и крики в зал.
Но гость осилил стража и, повалив, скрутил,
Чем нибелунгов доблестных встревожил и смутил.

В той потайной пещере, где Зигфрид спрятал клад,
Услышал грозный Альбрехт, как панцири звенят.
Он взялся за оружие и побежал туда,
Где смелый гость привратника вязал не без труда.

Был карлик и отвагой и силой наделён,
Бронёй и прочным шлемом надёжно защищён.
Держал в руке могучей он золотой кистень.⁹¹
Пришлось вторично Зигфриду сражаться в этот день.

Кистень с семью шипами был тяжёк до того,
Что разъярённый Альбрехт при помощи его
Одним ударом метким разбил герою щит.
Сын Зигмунда почувствовал, что смерть ему грозит.

Он бросил щит разбитый, вложил в ножны клинок:
Слуге, который честно его же клад стерёг,
Не мог удар смертельный он сгоряча нанести –
Быть даже в гневе сдержанным повелевает честь.

В объятиях железных сдавил врага смельчак,
За бороду седую его рванувши⁹² так,
Что карлик взвыл от боли и побелел с лица.
Подобного приёма он не ждал от подлеца.

«Пощады! – вскрикнул Альбрехт. – Даю вам, рыцарь, слово,
Что если бы я не был вассал бойца другого,
Кому до смерти верность поклялся я блюсти,
Во мне слугу отменного могли бы обрести».

Стал, как и великана, пришлец его вязать

⁹⁰ *Свист палицы железной...* – Палица – обычное оружие великанов в эпосе.

⁹¹ *Держал в руке могучей он золотой кистень* – характерное оружие карликов.

⁹² *За бороду седую его рванувши...* – В бороде у сказочного карлика – источник силы, и тот, кто завладеет его бородой, подчиняет его своей власти.

И мощными руками пребольно сжал опять.
«Да кто ж вы?» – молвил пленник, когда нажим ослаб.
Герой ответил: «Зигфрида тебе узнать пора б».

Сказал могучий Альбрехт: «Я счастлив видеть вас.
Делами доказали вы и на этот раз,
Что взяли власть по праву над нашею страной;
Коль вы мне жизнь оставите – располагайте мною».

Промолвил витязь Зигфрид: «Ступай да поскорей
Сыщи меж нибелунгов мне десять сот мужей
Отважных, сильных, рослых, привычных к бою смлада».
Он умолчал лишь об одном – зачем сыскать их надо.

Верёвки с великана и карлика он снял.
Помчался Альбрехт в замок, влетел с разбегу в зал
И крикнул нибелунгам: «С себя стряхните сон!
К нам Зигфрид припожаловал. Вас хочет видеть он».

Всех нибелунгов поднял с постели этот крик.
Одежду и доспехи они надели вмиг,
К воротам устремились трёхтысячной толпой,
И встречен был торжественно вассалами герой.

За рвенье королевич их поблагодарил,
Вина с дороги выпил и так заговорил:
«Я за море с собою вас, удальцы, возьму»
Готов был каждый нибелунг сопутствовать ему.

Но выбрал из трёх тысяч мужей отважных этих
Воитель нидерландский всего одну лишь треть их.
Велел одеться пышно он спутникам своим –
В страну Брюнхильды завтра же они отбудут с ним.

Он молвил: «Не забудьте, что все вы без изъятья
Предстать очам Брюнхильды должны в богатом платье.
Взирать на вас там будет немало знатных дам,
А значит, понаряднее одеться нужно вам».

Они отплыли утром, чуть заалел восток.
Нарадоваться Зигфрид на спутников не мог:
Их кони были резвы, богато платье их
Не стыдно было ко двору везти бойцов таких.

Пригожие девицы стояли на стене.
Спросила королева: «Скажите, девы, мне,
Кто жалует к нам в гости и чьи это суда
Под парусами белыми стрелой летят сюда?»

Властитель рейнский молвил: «К вам так стремился я,
Что от меня в дороге отстала рать моя,
Но я послал: за нею, и вот плывёт она».
В гостей вперили жадный взор все девы, как одна.

Стоял, от всех поодаль, на судне головном
Неустрашимый Зигфрид в наряде дорогом.
Спросила королева: «Почтить мне их приветом,
Иль вы не видите, король, нужды особой в этом?»

Король в ответ: «Вы встретить их у дворца должны.
Вниманьем вашим будут вассалы польщены».
Всех обласкала дева, как наказал он ей,
И обошлась лишь с Зигфридом чуть-чуть похолодней.⁹³

С бойцов доспехи сняли, им отвели жильё.
Смекнул жених Брюнхильды, что в замке у неё
Нельзя гостей столь многих удобно расселить,
И молвил, что пора ей с ним в Бургундию отплыть.

Брюнхильда объявила: «Отличён будет мной
Тот, кто гостей одеждой и золотой казной
Мне одарить поможет». И Данкварт ей сказал
(Млад Гизельхеру он служил и был его вассал):

«Уж коль ключи доверить благоволите мне вы,
Гостей не обделю я дарами, королева,
А обделю, так буду один и виноват».
Всем доказал брат Хагена, что он не скуповат.

Едва ему Брюнхильда ключи велела дать,
Как стал он всех казною без счёта награждать.
Бедняк, кому богатством казалась раньше марка,
Отныне мог в довольстве жить за счёт его подарка.

По сотне фунтов разом давал он всем подряд,
И тот, кто накануне обноскам был бы рад,
Роскошною одеждой теперь дворец дивил.
Не в меру щедрый казначей Брюнхильду прогневил.

«Король, я опасаюсь, – воскликнула она, –
Что ваш слуга ретивый моё добро сполна
Раздарит, не оставив мне ровно ничего.
Скажу спасибо я тому, кто сдержит прыть его.

Торопится он слишком – ещё не умерла я.
К тому ж сама сумею, коль смерти возжелаю,
Я отчее наследье истратить без труда».
Такого казначея мир не видел никогда!

⁹³ *И обошлась лишь с Зигфридом чуть-чуть похолодней.* – Здесь, как и выше, в сцене первой встречи Зигфрида с Кримхильдой, следует предположить два плана: на первом сдержанное обращение Брюнхильды с Зигфридом мотивируется тем, что она принимает его (или вынуждена делать вид, что принимает) за вассала Гунтера. Но, вероятно, её холодность на самом деле вызвана более глубокой причиной, а именно тем, что Зигфрид забыл об их бывших отношениях. Эта забывчивость здесь остается совершенно необъяснённой, но она была понятна тогдашнему читателю, если он знал сказание (нашедшее отражение в «Саге о Вёльсунгах») о том, как Зигфриду (Сигурду) поднесли напиток забвения, после чего он забыл о Брюнхильде, что и сделало возможным его брак с Гудрун (Кримхильдой).

Владетель Тронье молвил: «Поболее, чем здесь,
И золота и платья у нас на Рейне есть.
Добро везти с собою вам, госпожа, не след –
У государя моего ни в чём нехватки нет».

Сказала королева: «Не сомневаюсь в том,
И всё же мы в дорогу десятка два возьмём
Казною и шелками наполненных ларцов,
Чтоб в Вормсе одарить могла я мужниных бойцов»

Тут принесли ей груды каменье дорогих,
Но по ларцам рассыпал уже не Данкварт их,
А спальники Брюнхильды, над чем исподтишка
Посмеивался с Хагеном её жених слегка.

Спросила королева: «Кого назначить мне
Блюстителем престола в моей родной стране?»
Промолвил Гунтер знатный: «Такой ответ я дам:
Пусть будет здесь наместником тот, кто угоден вам»

Ближайшего из присных – был деве дядей он –
Назначила Брюнхильда блюсти исландский трон:
«Пусть вам подвластны будут мой край и мой народ,
Пока их под руку свою сам Гунтер не возьмёт».

По слову королевы две тысячи мужей,
А также нибелунги, приехавшие к ней,
Отправились на берег и там на корабли
Снесли своё оружие и лошадей взвели.

Взяла с собой Брюнхильда, блюдя свой сан и честь,
Девиц придворных – сотню, дам – восемьдесят шесть,
И всем им не терпелось в Бургундию отплыть.
Зато оставшимся пришлось немало слёз пролить.

Простясь, как подобает, с народом и страной,
Расцеловалась дева с ближайшею роднёй
И тут же знак к отплытью поторопилась дать,
И больше ей не довелось отчизну увидеть.⁹⁴

От скуки по дороге никто не изнывал:
Тот тешился беседой, тот игры затевал.
Гудел попутный ветер в надутых парусах.
Все на чужбину ехали с веселием в сердцах.

Но не исторг у девы жених любви залог,
Покуда не приплыли они в свой час и срок
На Рейн, в страну бургундов, где в Вормсе наконец
Повёл король ликующий Брюнхильду под венец.

⁹⁴ *И больше ей не довелось отчизну увидеть.* – В «Песни о нибелунгах» судьба Брюнхильды после гибели Зигфрида не разъясняется, нет никаких намёков на её самоубийство. Ср. «Старшую Эдду» («Первая Песнь о Сигурде», «Краткая Песнь о Сигурде», «Поездка Брюнхильд в Хель»).

Авентюра IX О том, как Зигфрид был послан в Вормс

В десятый раз зардела заря на небосклоне,
Когда бургундам молвил лихой владетель Тронье:
«Известье в Вормс на Рейне пора отправить нам.
Давно бы нашему гонцу быть надлежало там».

«Вы правы, друг мой Хаген, – сказал король в ответ, –
И лучшего посланца, чем вы, конечно, нет.
В Бургундию родную отправьтесь сей же час
И нашим милым землякам поведайте про нас».

«Нет, – отмахнулся витязь, – в гонцы я не гожусь
И с большею охотой здесь, в море, потружусь,
Оберегая женщин, поклажу и казну,
Пока не возвратимся мы в бургундскую страну.

Пусть лучше Зигфрид едет гонцом от вас туда.⁹⁵
Он ваше порученье исполнит без труда.
А если вам отказом ответит он в досаде,
Его просите уступить сестрицы вашей ради».

Послал державный Гунтер за Зигфридом людей
И молвил: «Мы подходим к родной стране моей,
И должен известить я сестру и мать о том,
Что в стольный Вормс мы вскорости по Рейну приплывём.

Коль быть гонцом согласны вы, друг бесстрашный мой,
В долгу я не останусь, когда вернусь домой».
Не согласился Зигфрид, но Гунтер стал опять
С настойчивыми просьбами к герою приступить.

«Вам за услугу эту воздам не только я –
Вовеки не забудет о ней сестра моя,
Пригожая Кримхильда, которой Зигфрид мил».
Тут королевич сразу же решение изменил.

«Служить гонцом я счастлив вам, Гунтер благородный,
Я для сестрицы вашей готов на что угодно.
Ужели отказать я хоть в чём-нибудь решусь
Той, чьё благоволение утратить так страшусь?»

«Тогда скажите Уте, что сватовство своё
Осуществил с успехом счастливый сын её.

⁹⁵ Пусть лучше Зигфрид едет гонцом от вас туда. – Хаген в очередной раз побуждает Гунтера воспользоваться услугами Зигфрида.

Скажите также братьям и всем друзьям моим,
Что ныне в добром здравии в отчизну мы спешим.

Вас передать прошу я сестре моей пригожей
Земной поклон от брата и от Брюнхильды тоже.
Пусть ведаёт вся челядь и каждый мой вассал,
Что я добился за морем того, чего желал.

Пусть Ортвин, мой племянник, немедля разобьёт
И уберёт богато шатры у рейнских вод,
И пусть без промедленья даст знать моей родне,
Что я на свадьбу всех прошу пожаловать ко мне.

Уведомите, Зигфрид, сестру мою особо,
Что буду я Кримхильде признателен до гроба,
Коль, встретившись впервые с невестою моей,
Радушье и внимание она окажет ей».

Брюнхильде Зигфрид отдал почтительный поклон.
Со свитой королевы затем простился он
И в Вормс помчался сушей, чтоб обогнать суда.
Никто гонца проворнее не видел никогда.

Скакало с нидерландцем две дюжины бойцов.
Весь город всполошило прибытье храбрецов –
Узнав, что королевич вернулся к ним один,
Решили вормсцы в ужасе: «Погиб наш господин!»

Как только Зигфрид спрыгнул с коня у стен дворца,
Сбежал ему навстречу млад Гизельхер с крыльца,
За ним вдогонку Гернот, который закричал,
Узрев, что королевич в Вормс без Гунтера примчал:

«С приездом, смелый Зигфрид! Я был бы слышать рад,
Что с Гунтером случилось. Где наш любезный брат?
Ужель не совладал он с Брюнхильдой молодою
И завершилось сватовство великою бедою?»

«Ни вам, ни вашим ближним тревожиться не след.
Через меня мой спутник вам шлёт большой привет.
С чужбины возвратился он цел и невредим.
С хорошими известьями вперёд я послан им.

Вы лучше так устройте, чтоб я сию ж минуту
Мог повидать Кримхильду и королеву Уту –
Мне передать велели невеста и жених,
Что к счастью обоюдному всё сладилось у них».

Млад Гизельхер ответил: «Идёмте к ним сейчас.
Ручаюсь, будет рада сестра увидеть вас.
Она о брате слёзы и днём и ночью льёт,
Но все её сомнения рассеет ваш приход».

«Я, – молвил смелый Зигфрид, – ей предан всей душой,

Всё для неё свершу я с охотою большой,
Но мой приход внезапный перепугает дам».
И Гизельхер пообещал, что предварит их сам.

Он отыскал немедля свою сестру и мать
И стал с весёлым видом такую речь держать:
«К нам Зигфрид Нидерландский явился во дворец.
Он Гунтером вперёд на Рейн отправлен как гонец.

Я вас прошу покорно принять скорей его.
Пушкой он всё расскажет про брата моего –
Ведь им же вместе ездить в Исландию пришлось».
Немалые волнения доставил дамам гость.

Они оделись наспех, и был в покои к ним
Введён посланец знатный с почтением большим.
Предстал Кримхильде Зигфрид к восторгу своему,
И обратилась девушка приветливо к нему:

«С приездом, славный Зигфрид, храбрый из мужей!
Но где ж державный Гунтер, король страны моей?
Ужель мой брат могучий Брюнхильду не сломил?
Коль на чужбине он погиб, мне белый свет не мил».

Сказал отважный витязь: «Не лейте больше слёз.
Я радостные вести, красавица, привёз
И жду за них награды, положенной гонцам.
Жив и здоров ваш смелый брат, меня пославший к вам.

Он и его невеста должны быть скоро тут
И в ожиданье встречи родне поклоны шлют.
Вы плачете напрасно, ручаюсь в этом честью».
Кримхильда век не слышала отраднее известья.

Оборкой платья белой, как первый зимний снег,
Она смахнула слёзы с ланит, ресниц и век.
Прошли её печали, рассеялась тревога,
За что она была гонцу признательна премного.

Кримхильда сесть велела посланцу на скамью⁹⁶
И молвила сердечно: «Признательность мою –
Вот всё, что дать в награду могу я вам, смельчак:
Тому не нужно золота, кто им богат и так».

«Будь я, – ответил Зигфрид, – богаче в тридцать раз,

⁹⁶ Кримхильда сесть велела посланцу на скамью... – Тем самым посланцу оказана особая честь.

Тому не нужно золота, кто им богат и так. – Кримхильда не решается предложить награду Зигфриду не только потому, что он и без того богат, но и потому, что он очень знатен, принятие же дара влечет за собой обязательства со стороны одарённого: получивший подарок считался в какой-то мере подвластным дарителю. Вот причина, по которой Кримхильда ограничивается выражением Зигфриду своей признательности. Он, со своей стороны, изъявляет готовность принять от нее подарок (строфа 557), не страшась зависимости от Кримхильды. Раздав тут же полученные от нее запястья, Зигфрид, наряду с демонстрацией царственной щедрости, доказывает Кримхильде, что для него дороги не сами по себе подарки, а её милостивый жест.

Любой подарок принял я и тогда б от вас». Красавица зарделась: «Благодарю за честь», И приказала спальнику дары гонцу принести.

Две дюжины запястий, широких, золотых, Украшенных рядами камней дорогих, Дала послу Кримхильда, но не взял их герой. А щедро ими одарил её прислужниц рой.

Когда ж и Ута стала его благодарить, Он молвил: «Вас обеих я должен предварить, Что просьбу к вам имеет король, ваш сын и брат. Коль вы её исполните, он будет очень рад.

Надеется он твёрдо, что всех гостей его Вы примете с почётом, и хочет, сверх того, Чтоб вышли вы со свитой на берег их встречать. Я думаю, его не след отказом огорчать».

Воскликнула Кримхильда: «Вовек не откажу! Всегда с большой охотой я брату услужу. Что мне он ни прикажет, я всё исполню вмиг». И заалел от радости её прекрасный лик.

Теплей не принимали ни одного посла. Не будь ей стыдно, дева его бы обняла. Когда ж он с ней учтиво простился наконец, Всё сделали бургунды так, как им велел гонец.

Созвали Синдольт, Хунольт, а также Румольт смелый Дворцовую прислугу и принялись за дело, Спеша убрать к прибытию невесты с женихом Шатры, уже разбитые на берегу речном.

Отважный Ортвин с Гере трудились, им под стать. Они гонцов к вассалам успели разослать, На свадьбу государя прося их всех прибыть. Не управлялись женщины себе наряды шить.

В дворцовых помещеньях все стены до одной Увешали коврами в честь Гунтера с женой. Богато изукрашен был пиршественный зал. С весёлым нетерпением весь город свадьбы ждал.

Родные и вассалы трёх братьев-королей И день и ночь скакали на Рейн встречать гостей. Все в Вормсе неизменно приезжим были рады, Все доставали из ларцов богатые наряды.

Внезапно от дозорных известия пришли, Что корабли Брюнхильды уже видны вдали. Народ на берег хлынул, поднялись шум и гам – Всегда на храбрецов взглянуть охота храбрецам.

Промолвила Кримхильда своим подружкам тут:
«Те, кто со мною вместе гостей встречать идут,
Одежду побогаче пусть вынут из ларцов,
Чтоб заслужили мы хвалу приезжих удальцов».

Затем явилась стража, чтоб дам сопровождать.
И челядь поспешила коней к крыльцу подать –
На берег предстояло им женщин отвезти.
Их сбруя так была пышна, что краше не найти.

Отделкой золотою слепили сёдла взгляд.
На сбруе самоцветы нашиты были в ряд.
Порасставляла челядь для всадниц молодых
Подножки золочёные, подстлав меха под них.

Перед крыльцом дворцовым, как помнить вы должны,
Наездниц знатных ждали лихие скакуны.
Поперсия их были из шёлка дорогого –
Никто из вас, наверное, и не видал такого.

Придворных дам, а было их восемьдесят шесть,⁹⁷
Взяла с собой Кримхильда, блюдя свой сан и честь.
Шли вслед за ними девы, одна милей другой,
Покамест не носившие повязки головной.⁹⁸

Горели ленты ярко в их русых волосах.
Богатыри смотрели с волнением в сердцах,
Как пятьдесят четыре девицы эти шли
Встречать с почётом Гунтера, владыку их земли.

Богатством отличались наряды дев и дам.
Красавицы мечтали понравиться гостям
И потому оделись с изяществом таким,
Что мог лишь тот, кто очень глуп, быть равнодушен к ним.

На оторочку платьев пошли у них у всех
И шкурки горноста, и соболиный мех.
Шёлк рукавов широких запястья облегал.
Нет, все уборы их назвать под силу мне едва ли.

Была неотразима их гордая краса.
Вкруг талий обвивались цветные пояса.
Под тонким феррандином⁹⁹ из аравийских стран
Угадывался явственно прелестный гибкий стан.

Корсаж с тугой шнуровкой высоко грудь вздымал,

⁹⁷ Придворных дам... восемьдесят шесть... – Ровно столько же дам взяла с собой Брюнхильда (строфа 525).

⁹⁸ ...девы... // Покамест не носившие повязки головной. – Замужние женщины не могли показываться на людях с непокрытой головой, без чепцов.

⁹⁹ Под тонким феррандином из аравийских стран... – Феррандин – материал из шерсти и шёлка.

И яркостью наряды румянец затмевал.
Переполюняла радость сердца прекрасных дев.
Честь эта свита сделала б любой из королев.

Вот так они собрались, и сели на коней,
И поскакали к Рейну с толпой богатырей,
Был каждый из которых вооружён щитом
И ясеневым дротиком с калёным остриём.

Авентюра X О том, как Брюнхильду приняли в Вормсе

Вот, наконец, увидел на берегу народ,
Что через реку Гунтер с гостями в Вормс плывёт,¹⁰⁰
А дамы вниз по склону съезжают чередой,
И лошадь каждой в поводу ведёт боец лихой.

Гребли усердно гости, проворны и сильны.
Стрелой по рейнским волнам летели их челны,
И с каждым взмахом вёсел всё близилась земля,
Где ждали с нетерпением бургунды короля.

Теперь повествованье я поведу о том,
Как королева Ута со свитою верхом
Направилась на берег, чтоб сына встретить там.
Немало познакомилось в тот день бойцов и дам.

Сначала герцог Гере коня Кримхильды вёл,
Но у ворот дворцовых к ней Зигфрид подошёл
И дальше всю дорогу служил прекрасной он,
За что её взаимностью был вскоре награждён.

Коня почтенной Уты вёл Ортвин под уздцы.
За ними вслед попарно – девицы и бойцы.
Вовек никто не видел, – признаюсь вам по чести, –
Там много смелых воинов и жён прекрасных вместе.

Кримхильду развлекали на всём пути герои
То удалою скачкой, то воинской игрою,
Покамест кавалькада к реке не подошла
И витязи учтивые не сняли дам с седла.

Но вот король причалил, и ринулась родня
К воде, ему навстречу, доспехами звеня,
В бою потешном копьё ломая сгоряча
И о щиты соседние шипом щита стуча.

¹⁰⁰ ...через реку Гунтер с гостями в Вормс плывёт... – Они ехали по противоположному (правому) берегу Рейна и переправились через реку напротив Бориса.

С челна, в котором Гунтер подъехал прямо к месту,
Где находились дамы, встречавшие невесту,
Свёл за руку Брюнхильду ликующий жених.
Как камни драгоценные, сверкал наряд на них.

Приветлива с невесткой, с её людьми мила,
Красавица Кримхильда к исландке подошла,
И, сдвинув осторожно венки с чела рукой,
Расцеловались девушки с учтивостью большой.

Сказала королева: «Безмерно рада я,
Равно как наша свита и Ута, мать моя,
Здесь видеть вас, чья прелесть дивит весь белый свет».
И поклонилась вежливо Брюнхильда ей в ответ.

Тут обнялись две девы вновь и ещё тесней.
Едва ль бывала встреча когда-нибудь теплей!
И госпожа Кримхильда, и королева-мать
Не уставали впереводку невестку обнимать.

Меж тем к воде сбежалось немало удалцов.
Исландкам помогали они сойти с челнов,
И каждый, руку гостя в своей руке держа,
Шёл с ней туда, где девушек ждала их, госпожа.

Знакомств немало было в то утро сведено,
Немало поцелуев приветливо дано.
Пока бойцы на берег вели приезжих дев,
Весь двор дивился прелести двух юных королев.

Кто знал их лишь по слухам, тот убедился разом,
Что не напрасно верил восторженным рассказам
И что обеим девам прикрас отнюдь не надо,
Чтоб всех соперниц затмевать и восхищать все взгляды

Кто мнил себя судьёю по части красоты,
Тот восхвалял Брюнхильды точёные черты;
А кто был и постарше, и малость поумнее,
Тот предпочтенье отдавал Кримхильде перед нею.

Собралось там немало прекрасных дев и жён.
Сбегавший к Рейну берег был ими запружён,
А в поле, отделявшем столицу от реки,
Шатры из шёлка высились, нарядны и легки.

Но вот толпу густую, шумевшую кругом,
Бургундские вельможи рассеяли с трудом,
И, чтоб спастись от зноя, к тем шёлковым шатрам
Три королевы двинулись в сопровожденье дам.

А гости и бургунды на лошадей вскочили,
И поле потемнело от чёрной тучи пыли,
Как будто дым пожара простёрся над землёй.

То витязи затеяли на копьях конный бой.

Взирало с восхищеньем немало дев на них,
И Зигфрид, мне сдаётся, особенно был лих,
Когда перед шатрами носился взад-вперёд,
И нибелунгов вслед за ним скакало десять сот.

Чтоб женские наряды вконец не запылить,
Король распорядился потеху прекратить.
Владелец Тронье Хаген остановил бойцов,
И возражать ему не стал никто из храбрецов.

Дал Гернот приказанье: «Не уводить коней!
Едва наступит вечер и станет холодней,
Мы до ворот дворцовых проводим дам опять.
Как только двинется король, старайтесь не отстать».

Уставшие изрядно от воинской игры,
Пошли герои к дамам в нарядные шатры
И за беседой с ними день скоротали так,
Что даже не заметили, как стал спускаться мрак.

Вечернею прохладой пахнуло наконец,
И королевы ехать собрались во дворец.
Сопровождали женщин бойцы на всём пути,
И не могли они глаза от спутниц отвести.

Как требует обычай, они потехой ратной
В дороге развлекали красавиц многократно,
Пока у стен дворцовых, блюдя свой долг и честь,
Учтиво им не помогли с высоких сёдел слезть.

Друг с дружкой распростились три королевы там,
И Ута с милой дочкой в сопровожденье дам,
Храня приличьям верность, ушла в свои покои.
Какой царил повсюду шум, веселие какое!

Теперь настало время засесть за пир честной.
Гостей встречали Гунтер с красавицей-женой.
Бургундская корона у девы на челе
Сверкала ослепительно в вечерней полумгле.

Как говорят сказанья, ломились от еды
Столов, накрытых пышно, бессчётные ряды.
Вин, и медов, и пива хватало там вполне,
А уж гостей наехавших не сосчитать и мне!

Коль уверять вас станут, что побогаче всё ж
Порой бывали свадьбы, – не верьте: это ложь.
Ведь Гунтер даже воду, чтоб руки умыть,¹⁰¹

¹⁰¹ ...воду, чтоб руки умыть... – Обычай мыть руки перед едой распространился в Европе под восточным влиянием в период крестовых походов. Ср. строфу 1898.

Велел в тазах из золота приезжим подавать.

Но сам правитель рейнский ещё не вымыл рук,
Как Зигфрид Нидерландский ему напомнил вдруг
Об исполненье клятвы, им данной до того,
Как плыть в Исландию склонил он друга своего.

Гость молвил: «Разве слово вы не дали тогда,
Что в день, когда с Брюнхильдой воротитесь сюда,
Пригожую Кримхильду я получу в супруги?
Иль ни во что не ставите вы все мои услуги?»

«Вы все конечно правы, – сказал король в ответ. –
Вовеки не нарушу я данный мной обет
И пособлю вам, Зигфрид, чем только я могу». ¹⁰²
И за сестрою тотчас же он отрядил слугу.

Когда она со свитой войти хотела в зал,
Ей Гизельхер навстречу по лестнице сбежал.
«Немедля отошлите всех дам своих назад.
Лишь вас одну зовёт к себе наш государь и брат».

Красавица Кримхильда направилась за ним
На середину зала, где за столом большим
Сидел король с Брюнхильдой, супругою своей,
Среди толпы наехавших из разных стран гостей.

Бургундии властитель промолвил: «Будь добра,
И мой обет исполнить мне помоги, сестра.
За одного героя просватана ты мной.
Отказом нас не огорчай и стань его женой».

Ответила Кримхильда: «Тут просьбы ни к чему:
Не откажу вовеки я брату своему.
Быть вам во всём покорной – обязанность моя.
Я рада выйти за того, кто избран мне в мужья». ¹⁰³

Под взором девы Зигфрид мгновенно вспыхнул весь
И молвил, что слугою ей быть почтёт за честь. ¹⁰⁴
Поставив их бок о бок, её спросили вновь,
Отдаст ли королевичу она свою любовь.

Хоть долго стыд девичий ей сковывал язык,
Не изменило счастье герою в этот миг:
Сказала «да» чуть слышно в конце концов она,

¹⁰² *И пособлю вам, Зигфрид, чем только я могу.* – Несмотря на то что Гунтер как брат и король являлся опекуном Кримхильды, требовалось спросить её согласие на брак.

¹⁰³ *Я рада выйти за того, кто избран мне в мужья.* – О чувствах речи нет.

¹⁰⁴ *И молвил, что слугою ей быть почтёт за честь.* – Куртуазная форма благодарности.

И тут же Зигфриду была женой наречена.¹⁰⁵

Когда же были клятвы обоими даны¹⁰⁶
В том, что друг другу будут они по гроб верны,
Красавицу в объятья воитель заключил
И поцелуй при всём дворе от девы получил.

Круг, их двоих обставший, внезапно поредел,
И Зигфрид против зятя за стол с женою сел.¹⁰⁷
Был к радости всеобщей на это место он
Своими нибелунгами с почётом отведён.

Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит,
Надменная Брюнхильда почувствовала стыд,¹⁰⁸
И горестные слёзы, одна другой крупней,
На щёки побледневшие закапали у ней.

Спросил король бургундский: «Что огорчает вас?
Чем омрачён нежданно блеск ваших ясных глаз?
Вам радоваться б надо, что вы приобрели
Так много новых подданных, и замков, и земли».

Ответила Брюнхильда: «Могу ль не лить я слёз,
Коль тяжкую обиду мой муж сестре нанёс,
За своего вассала её решив отдать?
Как, видя рядом с ней его, от горя не рыдать?»

Сказал державный Гунтер: «Я объясню позднее,
Зачем мне было нужно, чтоб в брак вступил он с нею.
Покамест же об этом и думать не должны вы,
Тем более что проживут они свой век счастливо».

Она ему: «И всё же Кримхильду жалко мне.
Не будь я в вашей власти – ведь я в чужой стране,
Не подпустила вас бы я к ложу ни на шаг,
Пока б вы не ответили, зачем вам этот брак».

¹⁰⁵ В эпоху раннего средневековья брачная церемония состояла в обмене обетами, которые жених и невеста давали, стоя в кругу свидетелей, венчание в церкви не считалось обязательным и могло иметь место уже после фактического совершения брака.

¹⁰⁶ *Когда же были клятвы обоими даны...* – Тем самым брак считался состоявшимся, церковное венчание не было обязательным.

¹⁰⁷ *И Зигфрид против зятя за стол с женою сел.* – Место за столом напротив хозяина дома считалось почётным.

¹⁰⁸ *Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит, // Надменная Брюнхильда почувствовала стыд...* – Дальнейшая сцена опять-таки может быть «прочитана» на двух уровнях. Явный смысл горя Брюнхильды – оскорблённая сословная гордыня: Зигфрид, который в Исландии представился ей как вассал Гунтера, – не ровня Кримхильде, и Брюнхильда разгневана мезальянсом, заключённым новыми её родственниками и бросающим пятно и на её честь. В глазах средневекового человека эта мотивировка огорчения королевы вполне убедительна. Но в поведении и эмоциях Брюнхильды есть и скрытый смысл: Зигфрид некогда любил её и любим ею, видимо, и поныне, но отверг её. См. прим. к строфам 331 и 511.

Державный Гунтер молвил: «Тогда вы знать должны,
Что благородный Зигфрид – король большой страны.
Богат он и землёю, и замками, как я.
Вот почему он избран мной моей сестре в мужа».

Речь короля Брюнхильду утешить не смогла,
Тут высыпали гости во двор из-за стола,
И от потехи ратной вновь задрожал дворец.
Но Гунтер с нетерпеньем ждал, чтоб ей пришёл конец.

Хотелось поскорее ему возлечь с женой.
Был славный витязь занят в тот миг мечтой одной –
О том, как он познаёт любовные улады.
Всё пламенной бросал король на молодую взгляды.

Но вот и попросили гостей турнир прервать:
Молодожёнам время настало почивать.
По лестнице спустились две королевы вместе.
Тогда ещё не полнились сердца их жаждой мести.¹⁰⁹

Заторопилась свита вдогонку молодым.
Дорогу освещали постельничие им.
За Гунтером немало вассалов знатных шло.
Но было их у Зигфрида не меньшее число.

В свои опочивальни герои удалились.
Перед любовным боем сердца их веселились –
Казалось, в нём победа обоим суждена.
И Зигфрид ею в эту ночь насытился сполна.

Когда воитель ложе с Кримхильдой разделил
И утолила дева его любовный пыл,
Ценить свою супругу стал больше жизни он.
Милей была ему она, чем десять сотен жён.

Но речь об их утехах вести я не охоч.
Послушайте-ка лучше о том, как эту ночь
Провёл король бургундский с красавицей женой.
Уж лучше б он возлёг не с ней, а с женщиной иной.

Ввели супругов в спальню, и разошёлся двор,
И дверь за молодыми закрылась на запор,
И Гунтер мнил, что близок миг торжества его.
Увы! Не скоро он сумел добиться своего.

В сорочке белой дева взошла на ложе нег,
И думал славный витязь: «Я овладел навек

¹⁰⁹ Тогда ещё не полнились сердца их жаждой мести. – Намёк на будущую ссору королев (см. авантюру XIV). Подобные часто встречающиеся, начиная с I авантюры, указания на грядущие роковые события придавали поэме драматическую напряжённость и связывали её в одно целое, что было важно при огромном объёме «Песни о нибелунгах».

Всем тем, к чему стремился так долго и так страстно».
Теперь он был вдвойне пленён Брюнхильдою прекрасной.

Огонь, горевший в спальне, он потушил скорей
И, подойдя к постели, прилёг к жене своей.
Король, желанья полон, от счастья весь дрожал
И дивный стан красавицы в объятьях пылко сжал.

Всю чашу наслаждений испил бы он до дна,
Когда бы сделать это дала ему жена.
Но мужа оттолкнула она, рассвирепев.
Он встретил там, где ждал любви, лишь ненависть и гнев.

«Подите прочь! – сказала красавица ему. –
Я вижу, что вам нужно, но не бывать тому.
Намерена я девство и дальше сохранять,
Пока не буду знать всего, что мне угодно знать».

Сорочку на Брюнхильде король измял со зла.
Стал брать жену он силой, но дева сорвала
С себя свой крепкий пояс, скрутила мужа им,
И кончилась размолвка их расправой с молодым.¹¹⁰

Как ни сопротивлялся униженный супруг,
Он был на крюк настенный подвешен, словно тюк,
Чтоб сон жены тревожить объятьями не смел.
Лишь чудом в эту ночь король остался жив и цел.

Недавний повелитель теперь молил, дрожа:
«С меня тугие путы снимите, госпожа.
Я понял, королева, что мне не сладить с вами,
И вам не стану докучать любовными делами».

Но не сумел мольбами Брюнхильду тронуть он.
Его жена спокойно вкушала сладкий сон,
Пока опочивальною рассвет не озарил
И Гунтер на своём крюке не выбился из сил.

Тогда спросила дева: «Не стыдно ль будет вам,
Коль вашим приближённым войти сюда я дам
И все они увидят, что вас связала я?»
Король промолвил ей в ответ: «Погибнет честь моя,

Но вам от срама тоже себя не убережь.
Поэтому дозволейте мне рядом с вами лечь,
И коль уж так противна вам мужняя любовь,

¹¹⁰ *И кончилась размолвка их расправой с молодым.* – Придворные сцены свадебного торжества вновь сменяются здесь сказочными мотивами. Необыкновенная мощь Брюнхильды, проявленная ею ранее в состязании при сватовстве Гунтера, коренится в её девственности (символом девственности служит, как обычно, пояс невесты), и лишь тот, кто способен лишить её Брюнхильду, станет её господином. Но силой побороть деву Гунтер не обладает, и он терпит унижительное поражение. Вторжение архаического мира магии в куртуазный мир Вормса порождает чудовищный гротеск: невеста связывает жениха и вешает его на крюк, а сама преспокойно почивает в супружеской постели.

Я даже пальцем не коснусь одежды вашей вновь».

Брюнхильда согласилась с супруга путы снять
И королю на ложе дала взойти опять,
Но, повинуюсь деве, так далеко он лёг,
Что до её одежд рукой дотронуться не мог.

Явились утром слуги будить господ своих
И в новые наряды одели молодых.
Весь двор был весел духом и шумно ликовал,
Один виновник торжества скорбел и тосковал.

Блюдя обычай, чтимый от века в том краю,
Король в собор к обедне повёл жену свою.
Пришёл туда и Зигфрид с Кримхильдой в свой черёд.
Был полон храм, и вокруг него стеной стоял народ.

С почётом превеликим, как королям к лицу,
Пошли две пары вместе торжественно к венцу,
И радовались люди, на молодых смотря,
Что их союз теперь скреплён у божья алтаря.¹¹¹

Шестьсот бургундов юных созвали короли
И в рыцарское званье с почётом возвели.
Возликовал весь город, и тут же меж собой
Был рыцарями новыми потешный начат бой.

Трещали древки копий, сверкала сталь щитов.
Красавицы из окон глядели на бойцов.
Лишь Гунтеру хотелось остаться одному:
Восторг, одушевлявший всех, несносен был ему.

Но хоть король таился от зятя своего,
Тот, как он ни был счастлив, заметил грусть его
И шурину промолвил: «Узнать бы я не прочь, –
Коль не обидит вас вопрос, – что принесла вам ночь?»

Сказал хозяин гостю: «Лишь стыд и срам безмерный.
Женился не на деве – на чёрте я, наверно.¹¹²
Я к ней со всей душою, она ж меня, мой друг,
Связала и повесила на крюк в стене, как тюк.

Пока я там терзался, жена моя спала
И лишь перед зарёю с крюка меня сняла.
Но я позор мой в тайне хранить тебя молю».

¹¹¹ *Что их союз теперь скреплён у Божья алтаря.* – В правовом отношении церковное венчание, считавшееся в ту пору добровольным, хотя и существенным сакраментальным актом, не придавало браку новой силы. См. прим. к строфе 616.

¹¹² *Женился не на деве – на чёрте я, наверно.* – Сравнение Брюнхильды с чёртом, дьяволицей не раз встречалось в «Песни о нибелунгах» и ранее (см. строфу 438, ср. строфы 442, 450). Сказочно-волшебное переосмыслилось в эпоху христианского средневековья как дьявольское.

Гость молвил: «О случившемся я всей душой скорблю.

Но помогу тебе я, коль ты дозволишь мне,
И нынче лечь придётся с тобой твоей жене
Так, чтобы ты отказа ни в чём не получил». —
Он этим обещанием скорбь Гунтера смягчил.

Прибавил нидерландец: «Забудь свою тревогу.
Хоть был я нынче ночью тебя счастливей много
И жизни мне дороже теперь сестра твоя,
Заставлю и Брюнхильду стать тебе женою я.

Когда в постель ложиться вам будет с ней пора,
Плащ-невидимка скроет меня от глаз двора,
И вслед за вами в спальню я проберусь, незрим,
А ты прикажешь уходить постельничим своим.

Когда ж погаснут свечи в руках юнцов-пажей,
Знай: это я явился сбить спесь с жены твоей.
Гордячку я сегодня в покорность приведу,
Коль в схватке с богатыршею за друга не паду».

Король ему: «Лишь девства Брюнхильду не лишай,
А в остальном что хочешь над нею совершай,
И если даже смерти предашь мою жену,
Вовек тебе расправу с ней я не вменю в вину». ¹¹³

Ответил нидерландец: «Ручательство даю,
Что не намерен девства лишать жену твою —
Ведь мне моя Кримхильда милей всех дев и жён». —
И Гунтер словом Зигфрида был удовлетворён.

Весь день в столице длился у рыцарей турнир.
Они его прервали лишь в час, когда на пир
Опять настало время вести прекрасных дам
И разъезжаться всадникам велели по домам.

Едва от них очищен был подступ ко дворцу,
Как обе королевы направились к крыльцу,
И каждую епископ к столу сопровождал.
Валом валили витязи вослед за ними в зал.

Душой и сердцем весел был Гунтер вечер весь.
Поверил он, что Зигфрид собьёт с Брюнхильды спесь,
И день ему казался длинней, чем тридцать дней, —

¹¹³ *Лишь девства Брюнхильду не лишай... // И даже если смерти предашь мою жену, // Вовек тебе расправу с ней я не вменю в вину.* — В песни, предшествующей «Песни о нибелунгах» (по классификации Хойслера, «вторая редакция» «Песни о Брюнхильде», известная ныне по прозаическому пересказу в «Саге о Тидреке»), Зигфрид, в облике Гунтера одолев сопротивление Брюнхильды, проводит с нею брачную ночь, причём меч, который, согласно более древней версии сказания (см. «Сагу о Вэльсунгах»), разделял их на ложе, из «Песни о Брюнхильде» уже исчез. В эпоху сочинения «Песни о нибелунгах» подобная нравственная терпимость была немыслима. Согласно новой точке зрения, лишение чужой невесты девственности расценивалось как посягательство на супружескую честь, тогда как её убийство чести не затрагивало.

Так не терпелось королю возлечь с женой своей.

Конца честного пира дождался он с трудом.
Но вот все гости встали, и подкрепиться сном
Пошли две королевы с толпою дам своих.
Ах, сколько смелых витязей сопровождало их!

Неустршимый Зигфрид с Кримхильдою сидел.
С безмерною любовью он на неё глядел,
И руку пожимала жена ему в ответ,
Как вдруг она увидела, что мужа рядом нет.¹¹⁴

Пропал, как в воду канул, её сердечный друг.
Спросила королева в недоуменье слуг:
«Кто увести отсюда мог мужа моего?
Кем вырвана из рук моих была рука его?»

Затем она умолкла, а Зигфрид в этот миг
Уже к Брюнхильде в спальню, невидимый, проник.
Там погасил он свечи в руках пажей-юнцов,
И Гунтер понял: Зигфрид здесь и в бой вступить готов.

Старательно исполнил король его наказ:
Велел он свите спальню покинуть сей же час
И двери в опустевший супружеский покой
Немедля на двойной засов закрыл своей рукой.

Он свет задул у ложа, и Зигфрид с девою лёг,
Затем что по-иному вести себя не мог,
Склоняясь к игре любовной Брюнхильду начал он,
Чем был король обрадован и всё же огорчён.

Но прежде чем коснулся хоть пальцем гость её,
Воскликнула Брюнхильда: «Вы снова за своё?
Коль не уймётесь, Гунтер, я вас свяжу опять».
Да, много муки с ней пришлось ему в ту ночь принять.

Был Зигфрид осторожен – упорно он молчал,
Но Гунтер ясно слышал (увидеть – мрак мешал),
Что зять не посягает на честь его жены
И что отнюдь не ласками они поглощены.

Брюнхильдой принят Зигфрид и впрямь за мужа был:
Едва в объятьях деву он стиснул что есть сил,
Как сбросила с постели она его толчком,
И о скамейку стукнулся с размаху он виском.

Смельчак, вскочив проворно, на ложе прынул вновь,
Чтоб вынудить Брюнхильду принять его любовь,
Но получил от девы столь яростный отпор,
Какого из мужчин никто не встретил до сих пор.

¹¹⁴ Как вдруг она увидела, что мужа рядом нет. – Зигфрид надел плащ-невидимку.

Увидев, что паденьем не отрезвлён супруг,
Она вскочила с ложа и закричала вдруг:
«Вы мять мою сорочку дерзнули, грубиян,
И будет вам за это мной урок вторично дан».

В охапку смелый витязь был схвачен девою милой.
Связать его Брюнхильда, как Гунтера, решила,
Чтоб он не смел тревожить её во время сна,
И за сорочку мятую с ним разочлась сполна!

Он был силён, но всё же Брюнхильды не сильней
И вскоре убедился, что шутки плохи с ней.
Как Зигфрид ни боролся с могучею женой,
Ей удалось его зажать меж шкафом и стеной.

«Увы! – храбрец подумал. – Пропали все мужья,
Коль здесь от рук девицы погибну нынче я:
Как только разнесётся везде об этом весть,
Забудут жёны, что на них управа в доме есть».

Король, дрожа за друга, весь обратился в слух.
Тут Зигфрид устыдился, воскрес в нём прежний дух.
Он с силами собрался и, преисполнясь гнева,
Решил любой ценой сломить упорство королевы.

Король всё ждал развязки, вперяя взор во мрак.
Меж тем Брюнхильда руки врагу сдавила так,
Что брызнул ток кровавый из-под ногтей его,
Но нидерландец доблестный добился своего

И укротил Брюнхильду, преодолевая боль.
Он не сказал ни слова, но услышал король,
Как богатыршу с маху на ложе бросил он
И так прижал, что вырвался у ней протяжный стон.

Она – рукой за пояс, чтоб им врага связать,
Но Зигфрид, увернувшись, сдавил её опять,
И разом затрещали все кости у неё,
И деве обуздать пришлось тщеславие своё.

«Король, – она взмолилась, – не убивай меня.
Тебе покорна стану я с нынешнего дня
И больше мужней воле перечить не дерзну.
Теперь я вижу, что смирить способен ты жену».

Гость отошёл от ложа, как если бы совлечь
Хотел с себя одежду, чтоб после с девою лечь,
Но, удаляясь, пояс и перстень золотой
Успел тайком с Брюнхильды снять и унести с собой.

Он отдал их Кримхильде, а для чего – бог весть.

Наверное, беспечность всему виною здесь,¹¹⁵
Из-за неё и принял он смерть в свой час и срок...
Меж тем король ликующий с красавицей, возлѣг.

Жене дарил он ласки, как мужу долг велит,
И та их принимала, смирив свой гнев и стыд.
На ложе сладкой неги, бледна, утомлена,
Мощь и гордыню прежнюю утратила она.

Равна по силе стала она любой из жѣн.¹¹⁶
Её красой безмерной был Гунтер восхищён.
Он от жены отказа не получил ни в чём.
Что пользы спорить, коль супруг поставил на своём?

Всю ночь в его объятьях Брюнхильда провела,
Пока перед рассветом не поредела мгла...
Тем временем из спальни, в полночной тишине,
Незримо Зигфрид выскользнул и поспешил к жене.

На нежные расспросы он отвечать не стал
И даже пояс с перстнем Кримхильде передал
Лишь дома,¹¹⁷ в Нидерландах, когда на трон воссел.
И всё же он своей судьбы избегнуть не сумел!

Иным, чем накануне, хозяин встал с одра: –
Был духом бодр и весел он к радости двора
И всех, кто в Вормс приехал, чтоб короля почтить.
Старались гостю каждому бургунды угодить.

Две полные недели тянулся пир честной.
Веселье не стихало ни днём, ни в час ночной,
И развлекались гости, как было им угодно.
Не пожалел на них казны хозяин благородный.

Одеждой, и конями, и всяческим добром,
И золотом червонным, и звонким серебром
Он одарить приезжих велел своей родне,
Чтоб каждый щедростью его доволен был вполне.

Пораздарил и Зигфрид с дружиною своей
Из тысячи могучих воинственных мужей
Всё, с чем на Рейн к бургундам приехали они –
Наряды, сѣдла, скакунов. Умели жить в те дни!

¹¹⁵ *Наверное, беспечность всему виною здесь.* – Возможное толкование этого поступка Зигфрида: он передал эти трофеи Кримхильде как свидетельство своей мощи и превосходства над Гунтером. Отняв у Брюнхильды пояс, Зигфрид лишил её магической силы, превратил в обыкновенную женщину.

¹¹⁶ Мотив, характерный для эпоса многих народов: лишаясь невинности, дева-воительница одновременно утрачивает былую богатырскую силу.

¹¹⁷ *И даже пояс с перстнем Кримхильде передал // Лишь дома...* – Однако Кримхильда во время ссоры с Брюнхильдой утверждала, будто он отдал ей перстень в ту же ночь. См. строфу 847.

Подарки раздавали так много дней гостям,
Что им уж не терпелось уехать по домам.
Да, с Гунтером в радушьё никто не мог сравниться.
Так свадебные торжества закончились в столице.

Авентюра XI О том, как Зигфрид с женой вернулся на родину

Когда простились гости с хозяином честным,
Сын Зигмунда промолвил дружинникам своим:
«Пора и нам собраться в родную сторону»,¹¹⁸ –
И этой речью искренне порадовал жену.

Она сказала мужу: «Когда мы едем в путь?
Нам лучше бы с отъездом повременить чуть-чуть –
Сперва удел мой братья мне выделить должны».
Но горд был Зигфрид и не внял таким словам жены.

Три короля явились и молвили ему:
«Даём вам слово, Зигфрид, что зятю своему
До смерти мы готовы служить в делах любых».
И поклонился он шурьям за обещанье их.

Млад Гизельхер промолвил: «Часть замков, и земель,
И стран, принадлежавших по праву нам досель,
Мы выделим Кримхильде, и пусть сестра моя
Владеет ею вместе с тем, кто избран ей в мужа».

Увидел нидерландец, сколь дорог он шурьям,
И дружески ответил бургундским королям:
«Пускай хранит Всевышний и вас, и ваш народ,
Но достоянья вашего Кримхильда не возьмёт.

Не нужно нам столь щедро ей выделенной доли.
Уж коль сидеть придётся мне с нею на престоле,
У нас довольно будет и замков, и земли.
А в остальном я ваш слуга, как прежде, короли».

Кримхильда возразила: «Мне в землях нужды нет,
Но вот бойцов бургундских нам отвергать не след.
Иметь таких вассалов любой король охоч,
И поделить их с братьями была бы я не прочь».

¹¹⁸ *Пора и нам собраться в родную сторону...* – Причина, по которой автор «Песни о нибелунгах» заставляет Зигфрида отправиться к себе домой, заключается, по-видимому, в том, что в поэме он превращён в принца и в качестве такового, естественно, должен был уехать с молодой женой в собственные владения. При этом создаётся впечатление, что автор смешал воедино Нидерланды с Норвегией (см. ниже).

Сестре ответил Гернот: «Любых себе возьми.
Поделимся охотно с тобою мы людьми.
У нас их тридцать сотен. Тебе мы треть дадим».
Тут королева юная за Ортвином лихим

И Хагеном из Тронье послала поскорей.
Угодно ль им с роднёю пойти на службу к ней?
Ответил Хаген гневно, услышав речи эти:
«Не вправе Гунтер уступать нас никому на свете.¹¹⁹

Пускай другие служат вам на чужбине дальней,
А мы, бойцы из Тронье, блюдем свой долг вассальный:
Всегда мы состояли при наших королях,
И наше место при дворе, а не в чужих краях».

Звать Хагена с собою Кримхильда зареклась
И в дальнюю дорогу проворно собралась.
С ней тридцать две девицы, пятьсот бойцов лихих.
Граф Эккеварт сопровождал сестру владык своих.

Достойно проводили весь двор и Гунтер сам
Девиц, оруженосцев, и рыцарей, и дам,
И те, расцеловавшись с друзьями и роднёй,
Простились, всем довольные, с родимую страной.

Три короля бургундских вперёд вельмож послали,
Чтобы они заранее ночлег приготавливали
И у Кримхильды с мужем был каждый вечер кров:
А Зигфрид в Ксантен Зигмунду дал знать через гонцов,

Что вскоре возвратится его отважный сын,
Но в отчую столицу прибудет не один –
Прекрасная Кримхильда, дочь Уты, едет с ним.
Был Зигмунд несказанно рад известиям таким.

Он молвил: «Слава богу! Я доживу до дня,
Когда у власти сменит мой смелый сын меня
И с ним престол разделит пригожая жена.
Удвоит блеск его венца своей красой она».

На радостях Зиглинда, блюдя свой сан и честь,
На платье бархат алый дала гонцам за весть,
И золота немало, и много серебра,
И разодела с пышностью дам своего двора.

Решив, что сыну ныне, когда женился он,
Пора короноваться и сесть на отчий трон,
Для торжества Зиглинда убрать велела зал,
А Зигмунд встретить Зигфрида придворным приказал.

¹¹⁹ *Не вправе Гунтер уступать нас никому на свете.* – В принципе господа имели право передавать власть над своими вассалами, но с желаниями такого могущественного подданного, как Хаген, приходилось считаться. В этом эпизоде заложен один из источников разившейся в дальнейшем вражды между Хагеном и Кримхильдой.

Не знаю, принимали ль ещё кого-нибудь
Теплее, чем героев, державших в Ксантен путь.
Отправилась Зиглинда с толпой бойцов и дам
Навстречу королевичу, Кримхильде и гостям.

До самого заката была в дороге мать –
Так ей хотелось сына с невесткою обнять.
Лишь к ночи повстречала она их на пути
И поспешила в стольный град к супругу отвезти.

Забыли скорбь Зиглинда и Зигмунд в этот час.
Они расцеловались с невесткой много раз
И долго из объятий не выпускали сына.
Радужно ими принята была его дружина.

В свой зал приёмный Зигмунд на пир позвал гостей.
В мгновенье ока сняли девиц и дам с коней –
Помочь им поспешили бойцы наперебой.
За честь служить красавицам считал из них любой.

Был Гунтер щедр, но Зигмунд – его щедрее всё ж.
Столь дорогой одежды на свете не найдёшь,
Какую в дар Зиглинда приезжим раздавала.
Хозяйки тороватее вовеки не бывало.

Гостей, на праздник званных, она одела так,
Что в платьях златотканых ходил былой бедняк.
Везде сверкали лалы, блестели жемчуга.
С вельможей знатным в пышности соперничал слуга.

А Зигмунд нидерландцам такую речь сказал:
«Пусть знает каждый родич и каждый мой вассал,
Что сын мой Зигфрид сменит меня у власти ныне».
Весть эта по сердцу пришлась народу и дружине.

Был Зигфрид коронован и возведён на трон,
И стал судьёй верховным в своих владеньях он,
А суд супруг Кримхильды старался так вершить,
Чтоб страх перед возмездием неправому внушить.

Народом Зигфрид правил со славой девять лет,
А год пошёл десятый – и родила на свет
Его супруга сына на радость всей родне
И к ликованью общему в столице и в стране.

Был Гунтером в честь дяди он наречён в купели,
И дали это имя младенцу не без цели:¹²⁰
Пусть будет смел и славен, во всём родне под стать.
Его с великим тщанием старались воспитать.

¹²⁰ *И дали это имя младенцу не без цели...* – Считалось, что вместе с именем родича к младенцу переходят и его качества.

Но с госпожой Зиглиндой недолго пожил внук:
Оплаканная всеми, она скончалась вдруг,
И дочь достойной Уты теперь уже одна
Всё время власти на себе нести была должна.

Тем временем на Рейне Брюнхильдою пригожей
На свет наследник трона произведён был тоже,
И, как пришлось мне слышать, в честь зятя своего
Король бургундский Зигфридом решил назвать его.

Был юный принц достоин родителей своих.
Назначил сыну Гунтер наставников таких,
Чтоб стал он мудрым мужем и доблестным бойцом.
Ах, скольких славных родичей лишился он потом!

Поныне повествуют преданья прошлых дней
О вольной шумной жизни лихих богатырей
И там, где Зигфрид правил отцовскою страной,
И там, где Гунтер пребывал с дружиной и роднёй.

Меж государей первым по мощи Зигфрид был:
К нему, кто Нибелунга и Шильбунга убил,
Их земли и вассалы по праву перешли,
И не могли тягаться с ним другие короли.

Принадлежал к тому же несметный клад ему –
Такой не доставался дотолле никому.
Богатство это Зигфрид добыл под той горой,
Где смерти предан им в бою был не один герой.

Стяжал там королевич немеркнущую славу,
Но и без этой битвы считаться мог по праву
Он первым между всеми, кто сиживал в седле.
Бойца грознее не было от века на земле.

Авентюра XII

О том, как Гунтер позвал Зигфрида на пир

Брюнхильда задавала себе вопрос всегда:
«С какой Кримхильда стати так чванна и горда?
Ведь муж моей золовки поныне наш вассал,
Хотя уже давно у нас на службе не бывал».

Брюнхильду эти мысли не раз лишали сна.
В душе она глубоко была уязвлена
Тем, что на службу Зигфрид досель не прибыл к ней,
И правду выведать сполна хотела всё сильней.

Тогда она у мужа осведомилась ловко,

Нельзя ль ей будет снова увидеться с золовкой.
Но хоть вопрос подобный невинен был вполне,
Король ответил нехотя красавице-жене.

Сказал державный Гунтер: «Об этом позабудь.
От Ксантена до Вормса не столь короток путь,
Чтоб приглашать Кримхильду сюда имел я право», –
На что Брюнхильда молвила надменно и лукаво:

«Как подданный ни знатен, как ни прославлен он,
Всё ж воля государя и для него закон». ¹²¹
Король лишь усмехнулся – ему-то лучше знать,
Что в Вормсе жил не как вассал его отважный зять.

Взмолилась королева: «Мой милый муж, устрой,
Чтобы приехал Зигфрид сюда с твоей сестрой.
Давным-давно с Кримхильдой нам повидаться надо.
Поверь, что буду встрече с ней я бесконечно рада.

О том, как с ней, прекрасной душою и лицом,
Перед моею свадьбой сидели мы вдвоём,
Поныне вспоминаю с большой любовью я.
Была достойна Зигфрида, мой друг, сестра твоя».

Брюнхильда так просила, что Гунтер уступил:
«Знай, в Вормсе их увидеть я сам бы счастлив был.
Не трать же слов напрасно – согласие я даю
Их пригласить через гонцов на Рейн, в страну мою».

Она ему: «Так жажду я свидеться с родными,
Что ты сказать мне должен, кого пошлешь за ними,
Когда велишь в дорогу отправиться гонцам
И скоро ли мой зять с женой придут в гости к нам».

«Скажу, – король ответил. – Я ленников своих
Пошлю к ним три десятка». К себе призвал он их
И снарядил в дорогу, Брюнхильда ж припасла
По платью пребогатому для каждого посла.

Державный Гунтер молвил: «Запомните, герои:
Когда посольство примут мой зять с моей сестрою,
Вы им передадите дословно от меня,
Что любит их по-прежнему вся вормсская родня,

Что мы с женой их просим пожаловать сюда
И будем за согласие признательны всегда,
Что мы обоих в гости к солнцевороту ждём
И что они найдут у нас заслуженный приём.

¹²¹ Как подданный ни знатен... // Всё ж воля государя и для него закон. – Эти слова Брюнхильды сами по себе не противоречат её дальнейшим утверждениям (в споре с Кримхильдой), что Зигфрид – Гунтеров холоп. При Штауфенах служилые люди на службе государя (министериалы) могли достигать весьма высокого социального положения.

Моей сестре особо скажите, что она
С супругом непременно приехать к нам должна,
А Зигмунда уверьте, когда вас примет он,
Что здесь, на Рейне, чтут его и шлют ему поклон».

Тут дамы, и Брюнхильда, и королева-мать
Немало наказали приветов передать
Всем тем, кто в Нидерланды с Кримхильдой отбыл встарь,
И отправляться приказал посланцам государь.

Готов посольство править был каждый из гонцов,
Они проворно сели на добрых скакунов
И понеслись галопом – неблизкий путь их ждал.
Охрану им надёжную король в дорогу дал.

Послы скакали быстро и не щадя коней,¹²²
Но к Зигфриду попали лишь через двадцать дней.
Он в замке нибелунгов в ту пору находился.
В Норвежской марке замок тот на скалах громоздился.

Король с женою были чуть свет извещены,
Что витязи явились к ним из чужой страны:
Они – в бургундском платье и вид у них лихой.
Кримхильда с ложа спрыгнула, вняв новости такой.

Во двор велела глянуть она одной из дам,
И та ей объявила, что видит Гере там
И что успели гости уже сойти с седла.
В волненье мысль о земляках Кримхильду привела.

«Взгляни, мой друг, кто прибыл в наш замок на заре.
Стоит, – она вскричала, – граф Гере во дворе.
Сюда его с друзьями прислал мой милый брат».
Бесстрашный Зигфрид ей в ответ: «Таким гостям я рад».

Встречать гонцов из Вормса сбежался замок весь.
Им выказать радушие любой считал за честь.
Возликовал и Зигмунд,¹²³ про их приезд узнав:
Король был стар, но сохранил гостеприимный нрав.

Тут отвели покои для отдыха гостей,
И челядь у приезжих взяла их лошадей.
Затем послов позвали в большой приёмный зал,
Где Зигфрид близ жены своей на троне восседал.

Они учтиво встали, когда вошли гонцы.
Тепло был принят Гере, а с ним и все бойцы,

¹²² *Послы скакали быстро и не щадя коней...* – Хотя Зигфрид находился в Норвегии, послы добирались до него верхом. Местоположение Норвегии представляется автору песни до крайности смутно.

¹²³ *Возликовал и Зигмунд...* – Он тоже оказался в стране нибелунгов.

Которым Гунтер ехать в посольство повелел.
Маркграфу предложили сесть, но он не захотел.¹²⁴

«Хотя с дороги дальней немудрено устать,
Нам, государь, пред вами дозвольте постоять,
Пока мы не расскажем, как надлежит гонцам,
С чем Гунтер и Брюнхильда нас сюда прислали к вам.

Садиться нам не время: мы передать должны
Привет, что шлют вам Ута, а с ней её сыны –
Млад Гизельхер и Гернот, родные и друзья,
И все, кого, собираясь в путь, успел увидеть я».

«Пусть бог, – промолвил Зигфрид, – воздаст шурьям моим,
А я люблю их нежно и доверяю им.
Моя супруга – также. Теперь сказать должны вы,
По-прежнему ль мои друзья здоровы и счастливы.

Давно я их не видел. Быть может, кто-нибудь
Дерзнул за это время на честь их посягнуть?
Коль так, приду на помощь я им, как в дни былые,
И недруг их поплатится за умышленья злые».

Отважный витязь Гере сказал ему в ответ:
«Живут мои владыки без горестей и бед.
Они на пир весёлый вас, государь, зовут.
Ведь Зигфрида, поверьте мне, глубоко в Вормсе чтут.

Они супругу вашу приехать просят с вами,
Как только снова минёт зима с её снегами.
До дня солнцеворота вас будут дожидаться».
Король ему: «Едва ль смогу с роднёй я повидаться».

Тогда посол бургундский заговорил опять:
«На Рейн зовёт вас Ута, супруги вашей мать,
И Гизельхер, и Гернот. Грех им не дать согласия:
Сестру и зятя вновь обнять почтут они за счастье.

Брюнхильда, королева и госпожа моя,
Со свитою вас просит о том же, что и я.
Она б безмерно рада увидеть вас была».
Пришлась Кримхильде по сердцу такая речь посла.

В родстве был с нею Гере. На радостях она
Маркграфа усадила и всем дала вина.
Тут старый Зигмунд тоже пришёл в приёмный зал
И там, бургундов увидав, приветливо сказал:

«Вам, Гунтеровы люди, вам, витязи, привет!
Что ж вы не появлялись здесь целых десять лет,¹²⁵

¹²⁴ Маркграфу предложили сесть, но он не захотел. – Согласно церемониалу, послы стоя исполняют поручение, после чего могут считаться гостями и усаживаются, получив приглашение.

С тех пор как сын мой Зигфрид Кримхильде стал супругом?
Не подобает своякам пренебрегать друг другом».

Посланцев ободрило радушие такое.
Усталость и заботы с них сняло как рукою.
За стол их усадили, и пир пошёл честной.
Не обделили яствами гонцов король с женой.

Шло девять дней веселье у Зигфрида с посольством,
Но, наконец, пресытись хозяйским хлебосольством,
Бургунды намекнули, что время ехать им.
Тогда король прийти к нему велел друзьям своим.

В таких словах совета у них он попросил:
«Меня мой шурина Гунтер на праздник пригласил.
Мне самому в охоту увидеть свояка,
Да больно до Бургундии дорога далека.

Зовут со мной Кримхильду на Рейн мои шурья,
Но утомить в дороге боюсь супругу я
И сам не знаю – ехать или не ехать мне,
Хоть тридевять земель пройду, чтоб услужить родне».

Ответили вассалы: «Езжайте в добрый час,
Коль погостить на Рейне охота есть у вас,
Но пусть сопровождает вас тысяча бойцов,
Чтоб с честью были приняты вы у своих шурьёв».

Тут Зигмунд Нидерландский вошёл и слово взял:
«Что ж, сын мой, об отъезде отцу ты не сказал?
Рад, если ты не против, я буду к вам примкнуть
И сотню добрых витязей возьму с собою в путь».

«Коль ехать вам угодно, любезный мой отец,
Я буду только счастлив, – ответил удалец. –
Мы выступим отсюда через двенадцать дней». –
Дал Зигфрид спутникам своим одежду и коней.

Когда сказали Гере и остальным гонцам,
Что Зигфрид согласился прибыть на пир к шурьям,
Уехали бургунды к владыке своему
С известьем, что на празднество прибудет зять к нему.

Король и королева, как говорят сказанья,
Подарков столько дали посланцам на прощанье,
Что не смогли их кони подобный груз поднять
И вьючных лошадей на Рейн с собой пришлось им гнать.

¹²⁵ *Что ж вы не появлялись здесь целых десять лет...* – Итак, со времени свадьбы Зигфрида минуло десять лет. За это время не произошло ничего достойного упоминания. Теперь время опять наполняется событиями: у Кримхильды и у Брюнхильды родились сыновья, по настоянию Брюнхильды было послано посольство к Зигфриду с приглашением посетить Вормс, и назревали иные, более грозные события. О течении времени в эпосе см. вступительную статью.

С отцом совместно Зигфрид дружинников одел,
А Эккеварт на совесть о дамах порадел:
Маркграф велел, чтоб были для них привезены
Наряды наилучшие со всех концов страны.

Щиты и сёдла стали готовить удальцы.
Все, кто на Рейн сбирались, – и дамы и бойцы –
В избытке получили, что нужно было им.
Вёз Зигфрид свиту пышную с собой к друзьям своим.

Меж тем гонцы скакали дорогою знакомой,
И через три недели посольство было дома,
И Гере спрыгнул наземь с седла перед дворцом,
Где он тепло и радостно был встречен всем двором.

С расспросами пристали и стар и млад к гонцу,
Но он ответил вормсцам, как витязю к лицу:
«Всё Гунтер сам расскажет, увидевшись со мной»,¹²⁶ –
И в зал пошёл, где ожидал послов король с роднёй.

Вскочил он им навстречу. Затем его жена
Сказала, как посланцам признательна она
За службу и усердьё. Потом король спросил:
«Маркграф, как принял вас мой зять, который мне мил».

«Зарделся, – молвил Гере, – от радости он весь,
Когда ему с супругой от вас привёз я весть.
Вам с госпожой Брюнхильдой его отец и он
Шлют самый искренний привет и дружеский поклон».

Тогда вопрос маркграфу Брюнхильда задала:
«Всё так же ли Кримхильда учтива и мила,¹²⁷
И вправду ли приедет она к нам с мужем в гости?»
Ответил Гере доблестный: «Сомненья в том отбросьте».

Посла к себе и Ута велела пригласить,
Чтоб о здоровье дочки его порасспросить,
И радостью исполнил он королеву-мать,
Сказав, что вскорости она обнимет дочь опять.

Поведали посланцы, как щедр был Зигфрид к ним,
Их одарив казною и платьём дорогим.
Пленили всех вассалов трёх братьев-королей
Подарки эти пышностью и красотой своей.

«Нетрудно, – молвил Хаген, – казаться тороватым,

¹²⁶ «Всё Гунтер сам расскажет, увидевшись со мной...» – Послы обязаны были сообщить весть в первую очередь господину.

¹²⁷ *Всё так же ли Кримхильда учтива и мила...* – Неравный брак между Кримхильдой и вассалом (как полагает Брюнхильда) мог отрицательно сказаться на её поведении. Гере осторожно отвечает лишь на вопрос о том, прибудет ли Кримхильда в гости.

Когда владеешь кладом, у нибелунгов взятым.
До самой смерти Зигфрид не расточит тот клад.
Заполучить в Бургундию его я был бы рад». ¹²⁸

Весь Вормс нетерпеливо гостей высоких ждал.
Их поскорей увидеть мечтал любой вассал,
И рук не покладая с зари и до зари
К приезду их готовили дворец богатыри.

И стольник Ортвин Мецкий, и чашник Синдолът смелый
Без отдыха трудились – у них хватало дела:
Уж коли пир назначен, зал в срок убрать изволь.
Постельничего Хунольта дал в помощь им король.

Начальник кухни Румолът с отрядом поваров
Орудовал умело десятками котлов,
Чанов, кастрюль, кувшинов, горшков и сковород.
Тот, кто на праздник явится, голодным не уйдёт.

Авентюра XIII

О том, как Зигфрид с женой приехали на пир

Теперь мы, предоставив бургундов их трудам,
Расскажем, как Кримхильда с толпой придворных дам
Из края нибелунгов на Рейн держала путь.
Навряд ли зрелище пышней видали где-нибудь.

Шёл вслед обоз огромный с одеждой дорогою.
Так ехал смелый Зигфрид со свитой и женою,
Чтоб к шурина и другу поспеть на торжество.
Увы, он не подозревал, что ждёт беда его!

Его сынку в ту пору так мало было лет,
Что переезд ребёнку пойти бы мог во вред,
И первенца оставил король в родном краю,
И больше отрок не видал отца и мать свою.

Сопровождал героя его отец седой.
Когда бы ведал Зигмунд, что кончится бедой
Весёлый пир на Рейне, он сына и невестку
Не отпустил бы ни за что в опасную поездку.

Гонцов послал с дороги к трём королям их зять,
И люди Уты гостя поехали встречать.
Отправил с ними Гунтер своих богатырей,
А сам стал думать, как принять приезжих потеплей.

¹²⁸ *Заполучить в Бургундию его я был бы рад.* – План Хагена завладеть кладом нибелунгов, таким образом, зародился ещё до ссоры королей. Это проливает свет на истинные мотивы поведения Хагена в дальнейшем.

Пошёл в покой к супруге и молвил государь:
«Ты помнишь, как Кримхильда тебя встречала встарь?
Не менее радушной теперь ты быть должна». –
«И буду: я ж её люблю», – ему в ответ она.

«Я жду их завтра утром, – сказал король жене, –
И выехать навстречу велит учтивость мне:¹²⁹
Не принимал я в жизни гостей столь дорогих.
Сбирайся, если ты со мной желаешь встретить их».

Брюнхильда приказала, созвав придворных дам,
Им всем принарядиться так, чтоб предстать гостям
В одежде самой лучшей, богатой и красивой,
И выполнять её приказ взялись они ретиво.

На лошадей вельможи им пособили сесть.
Встречать гостей желанных весь двор и город весь
Помчались за Брюнхильдой и Гунтером вослед.
Столь тёплой встречи родичей ещё не видел свет.

Была с высокой гостью Брюнхильда так мила,
Что в этот день невестка золовке воздала
За прежнее радушье и ласковый приём.
Дивились их учтивости все, кто стоял кругом.

Вслед за женой и Зигфрид с дружиной подскакал.
Тяжёлый конский топот на поле не смолкал,
И тучей чёрной пыли заволокло оно.
Повсюду было витязей и дам полным-полно.

Когда король бургундский увидел, что пред ним
Неустрасимый Зигфрид с родителем своим,
Он так обоим молвил: «Привет мой вам, друзья!
Вас видеть в Вормсе счастливы моя родня и я».

Сказал почтенный Зигмунд: «Воздай вам бог, коль так.
С тех пор как сын мой Зигфрид вступил с Кримхильдой в брак
Я о свиданье с вами мечтал неоднократно».
Ответил Гунтер: «Слышать мне такую речь приятно».

Был Зигфрид принят с честью, как государь и друг.
Его расположенья искали все вокруг.
Млад Гизельхер и Гернот пеклись о госте так,
Что большего радушья он желать не мог никак.

Вот съехались вплотную супруги королей,
И дамам, пожелавшим на землю слезть с коней,
Поторопились помочь герою предложить.
Хватило дела всем, кто рад был женщине служить.

¹²⁹ *И выехать навстречу велит учтивость мне.* – Гунтер желает оказать Зигфриду особо почётный приём как равному себе.

Перемешались свиты обеих королев,
И умилились сердцем воители, узрев,
Как обнялись при встрече супруги их владык.
Свели знакомство меж собой немало дам в тот миг.

И гости и бургундки с учтивостью такой
Друг к дружке устремлялись с протянутой рукой,
Так нежно целовались по многу раз подряд,
Что восторгались витязи, на них бросая взгляд.

Но счёл державный Гунтер, что в Вормс пора скакать,
А по пути, чтоб видел его отважный зять,
Как глубоко он всеми в краю бургундском чтим,
Турнир устроить приказал король мужам своим.

Бойцов в той схватке славной взял Хаген под начал,
И Ортвин за порядком с ним вместе наблюдал.
Им все повиновались – их мощь внушала страх.
А как они заботились о дорогих гостях!

Пока шёл бой потешный у городских ворот,
Хозяева с гостями не двигались вперёд.
Под свист калёных копий и звон щитов стальных
Казались долгие часы минутами для них.

Гостей король оттуда повёз к себе в палаты.
Роскошные попоны, расшитые богато,
У женщин из-под сёдел свисали до земли.
Вновь у дворца воители слезть дамам помогли.

Отвёл приезжим Гунтер покои сей же час.
С золовки не спускала меж тем Брюнхильда глаз.
Кримхильда красотою пленяла всех кругом –
Светлей и чище золота была она лицом.

А гости всё стекались, шумя, толпясь, пыля,
Пока конюший Данкварт по слову короля
Над Зигфридовой свитой не принял попеченье.
Для каждого сумел найти он тотчас помещенье.

Затем гостей хозяин велел просить за стол.
Пир и в дворцовом зале, и во дворе пошёл.
Король богатый задал на славу торжество:
Ни в чём приезжим не было отказу у него.

Исполнен дружелюбья, он с ними пил и ел,
А зять его с женою, как встарь, напротив сел.
К столу их провожало немало удальцов –
Двенадцать сотен доблестных, испытанных бойцов.

Когда позанимали они места кругом,
Красавица Брюнхильда подумала тайком,
Что мир вовек не видел столь сильного вассала,

Но к Зигфриду в тот миг враждой ещё не воспылала.

Веселье затянулось в тот вечер допоздна.
У многих даже платье промокло от вина:
Гость поднятую чару допить не успевал,
Как чашник влагу пенную в неё уж подливал.

Как на пирах ведётся, хозяева велели
Постлать для дам приезжих удобные постели.
Всех, кто на праздник прибыл, ждал ласковый приём.
С большим почётом каждый гость был встречен королём.

Когда же день забрезжил сквозь толщу облаков,
Открыли дамы крышки дорожных сундуков
И вынули одежду, хранившуюся в них.
Она слепила взор огнём каменье дорогих.

Ещё не отбыл Гунтер к заутрене в собор,
А уж от звона стали гудел дворцовый двор:
Сошлись оруженосцы и рыцари толпой,
Чтоб в честь хозяина начать большой потешный бой.

Над рейнскою столицей разнёсся громкий звук –
То трубы загудели, запели флейты вдруг,
И Вормс проснулся разом, хотя он был велик,
И на коней воители вскочили в тот же миг.

Излюбленной забаве герои предались.
Сердца их молодые отвагою зажглись.
Щитами прикрываясь и горяча коней,
Кидались витязи туда, где бой гремел сильней.

Сражался сам хозяин и все его друзья,
А из дворцовых окон, дыханье затая,
За круговертью схваток, вскипавших там и сям,
Следило много милых дев и благородных дам.

Всех увлекла потеха, за часом час летел,
Но колокол соборный призывно загудел,
И подвели к воротам коней для дам и дев,
И в храм вельможи повезли обеих королев.

У паперти их сняли воители с седла.
К золовке не питала ещё Брюнхильда зла.
Рука в руке вступили они под кров святой,
Но обернулась их приязнь раздором и враждой.

Окончилась обедня, и во дворец опять
Поехали хозяйка и гостя пировать,
И дружбу их ни разу не омрачила тень,
Пока над Вормсом не рассвел одиннадцатый день.

Авентюра XIV О том, как королевы поссорились

В тот день, перед вечерней, потехой ратной вновь
 Погорячить решили себе герои кровь.
 От топота и кликов гудел дворцовый двор,
 А из дворца на витязей бросали дамы взор.

Сидели королевы бок о бок у окна,¹³⁰
 И вдруг о двух героях пришла им мысль одна.
 Промолвила Кримхильда: «Супруг мой так силён,
 Что мог бы подчинить себе и вашу землю он».

Брюнхильда возразила: «Напрасные мечты!
 Вот если б пережили всех нас твой муж да ты,
 Наш край и впрямь достался б супругу твоему,
 Но раз мой Гунтер здравствует, вовек не быть тому».

Ответила Кримхильда: «Ты лучше посмотри,
 Насколько Зигфрид краше, чем все богатыри.
 Меж ними он – как месяц меж звёзд порой ночной.¹³¹
 Горжусь я тем, что он меня назвал своей женой».

Брюнхильда не смолчала: «Как Зигфрид ни хорош,
 Ни храбр, ни прям душою, признать должна ты всё ж,
 Что Гунтер, брат твой смелый, – знатней и удалей.
 С ним не идёт в сравнение никто из королей».

Воскликнула Кримхильда: «Поверь, сестра моя,
 Превозношу супруга не без причины я:
 Себя он так прославил в дни мира и войны,
 Что Зигфрид с Гунтером твоим величием равны».¹³²

«Тебя я не хотела, Кримхильда, оскорбить,
 Но с Гунтером не может супруг твой ровней быть.
 Об этом я узнала от них самих в те дни,
 Когда искать моей руки приехали они.

Тогда твой брат отвагой любовь мою стяжал,
 И Зигфрид мне признался, что он – простой вассал.

¹³⁰ *Сидели королевы бок о бок у окна...* – Согласно скандинавской версии сказания («Младшая Эдда», «Сага о Вэльсунгах»), ссора между Брюнхильд и Гудрун происходит на берегу реки, в которой они мыли волосы; Брюнхильд отказалась мочить голову в воде, стекавшей с волос Гудрун, потому что её муж отважнее.

¹³¹ *Меж ними он – как месяц меж звёзд порой ночной.* – Сравнение, заимствованное из миннезанга.

¹³² *...Зигфрид с Гунтером твоим величием равны.* – С этого, собственно, и начинается всерьёз роковая ссора между королевами из-за того, чей муж благороднее. Знатность значит в этом обществе больше, чем личные качества, точнее: последние находятся, по тогдашним представлениям, в прямой связи с происхождением лица; кто знатнее, тот и доблестнее.

А коли так, вассалом он должен и считаться». ¹³³
Красавица Кримхильда ей: «Как это может случиться?»

Не верю я, чтоб братья и вся моя родня
За подданного выдать осмелились меня,
А потому покорно прошу тебя, подруга,
Не говорить подобных слов про моего супруга».

«Я говорить их буду, – Брюнхильда ей в ответ. –
Мне с мужем отрекаться от подданных не след:
Пускай и впредь нам служат, как долг и честь велют». ¹³⁴
Тут на невестку кинула Кримхильда гневный взгляд.

«Придётся всё ж отречься тебе от одного:
Мой муж слугою не был вовек ни у кого.
Знатнее, чем твой Гунтер, его отважный зять,
И ты должна свои слова назад немедля взять».

Вот что ещё мне странно: коль впрямь он ленник твой
И ты повелеваешь по праву им и мной,
Как он посмел так долго вам дани не платить? ¹³⁴
Тебе надменный свой язык пора б укоротить».

Воскликнула Брюнхильда: «Свой чванный нрав уйми!
Ведь мы ещё посмотрим, кто больше чтим людьми –
Ты или я, чьей воле покорён каждый здесь». ¹³⁵
И тут уж вовсе королев объяли злость и спесь».

«Пусть будет так, Брюнхильда, как ты сейчас сказала.
Ты моего супруга считаешь за вассала,
А я при всех, кто службой обязан вам и нам,
Перед тобою, первая, войду сегодня в храм. ¹³⁵

¹³³ И Зигфрид мне признался, что он – простой вассал. // А коли так, вассалом он должен и считаться. – Брюнхильда, видимо, не случайно подчёркивает: раз Зигфрид сам выдал себя за вассала Гунтера, то с ним соответственно и надлежит обращаться; кажется, что внутренней уверенности в справедливости этого утверждения у неё нет, ибо и поведение и облик Зигфрида и раннее её знакомство с ним побуждают её думать противоположное тому, что она так яростно утверждает в споре с Кримхильдой. В этой сцене опять-таки можно предположить двуплановость, о которой шла речь выше (см. прим. к строфе 618.). Существенно, однако, отметить, что на переднем плане в словесной тяжбе королев стоит социальный престиж, и их страсти, по крайней мере явно, возбуждены именно соображениями «местничества». Весьма красноречивое перетолкование сказания о любви на сословно-феодальный лад. В споре между Кримхильдой и Брюнхильдой (как и во многих других сценах «Песни о нибелунгах») подчеркивается правовая сторона конфликта. В данном случае это вассальная служба, которой Зигфрид якобы обязан Гунтеру и неисполнение которой вызывает гнев Брюнхильды. Неотъемлемым аспектом средневекового общественного сознания был правовой аспект: существование тех или иных сторон действительности признавали и принимали во внимание постольку, поскольку они были юридически оформлены.

¹³⁴ Как он посмел так долго вам дани не платить? – Дань, или чинш, оброк, платили не рыцари, а подданные неблагоприятного происхождения.

¹³⁵ Перед тобою, первая, войду сегодня в храм... – То есть публично продемонстрирует своё более высокое положение. В высшей степени показательно, что ссора королев в версии, представленной «Песнью о нибелунгах», в отличие от скандинавской версии (см. прим. к строфе 815), носит публичный характер: начавшись на турнире, она продолжается на людной площади перед собором. Честь человека «героической эпохи», этика которой запечатлена скандинавскими памятниками, страдает даже в том случае, когда она задета не на людях; честь члена феодального общества ущемлена тогда, когда оскорбление нанесено в присутствии других.

Сегодня ж ты увидишь, что выше родом я
И что славней, чем Гунтер, тот, кто мне дан в мужья.
Отучишься ты думать, что я – твоя раба.
А коль воображаешь ты, что это похвальба,

Я повторяю снова, что первой в храм войду
У всех твоих вассалов и женщин на виду,
Чтоб моему величью дивился вормсский двор»,
Вот так меж королевами и начался раздор.

Брюнхильда заключила: «Коль ты убеждена,
Что верностью вассальной пренебрегать вольна,
Ты от меня отдельно со свитой в храм пойдёшь».
И ей вдогонку бросила Кримхильда: «Ну, так что ж?»

Затем велела дамам: «Оденьтесь сей же час.
Пускай в восторг бургунды придут, увидев вас,
И знают, что не в меру их госпожа горда,
И я от чванства отучу Брюнхильду навсегда».

Принарядились дамы, и, свиту оглядев,
Из всех на праздник в Вормсе прибывших с нею дев
В собор взяла с собою Кримхильда сорок три.
Шли с ними люди Зигфрида, бойцы-богатыри.

Шёлк яркий аравийский на женщинах сверкал,
Но даже он, казалось, бледнел и померкал,
Как только на Кримхильду бросали вормсцы взгляд –
Так царственно роскошен был в тот день её наряд.

Народ давался диву: знать, что-нибудь стряслось,
Коль обе королевы идут к вечерне врозь –
Ведь раньше их, бывало, не разольёшь водой.
Увы, кто знал, что их раздор для всех чреват бедой!

Тем временем Брюнхильда со свитою своей
Направилась к собору и встала у дверей.¹³⁶
Беседа завязалась у витязей и дам,
А тут и гостя подошла ко входу в божий храм.

Наряд её прислужниц был сказочно хорош –
Такой вовек не снился и дочерям вельмож.
За Зигфридом не бедно жила его жена:
Богатством тридцать королев могла затмить она.

Вам подтвердил бы каждый, кто был в тот миг у храма,
Что в жизни он не видел пышней одетой дамы,

¹³⁶ Тем временем Брюнхильда со свитою своей //...встала у дверей... – Следовательно, она не спешит первой войти в храм, а поджидает прихода Кримхильды, очевидно, для того чтобы возобновить ссору – на сей раз при всем дворе и при стечении горожан. См. строфу 838.

Чем спутницы Кримхильды, пришедшие в собор.
Она принарядила их невестке вперекор.

Итак, столкнулись свиты обеих королев,
И тут хозяйка гостье, от злобы побелев,
Надменно приказала не преграждать пути:
«Пускай супруга ленника даст госпоже пройти». ¹³⁷

Разгневанно Кримхильда воскликнула в ответ:
«Молчи! Твоё злоречье тебе самой во вред.
Как саном королевским кичиться может та,
Кто подданным своим была в наложницы взята?»

«Кого же ты, Кримхильда, наложницей зовёшь?» –
«Тебя, и ты не смеешь сказать, что это ложь.
Впервые наслаждался твоею красотой
Не Гунтер, твой законный муж, а милый Зигфрид мой.

Ужель тебе рассудок в ту ночь не подсказал,
Что, к хитрости прибегнув, возлёт с тобой вассал?
Уймись и грех свой тайный не ставь себе в заслугу».
Брюнхильда ей: «Твои слова я передам супругу».

«Изволь! Ты не уронишь меня во мнение брата.
Сама ты возгордилась, сама и виновата.
Коль подданной своею ты смела счесть меня,
Меж нами больше дружбы нет с сегодняшнего дня».

Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней,
Вошла в собор Кримхильда со свитой своей. ¹³⁸
Вот так вражда меж ними и началась с тех пор,
И помутнел от горьких слёз у многих ясный взор.

Какою благолепной вечерня ни была,
Брюнхильда с нетерпеньем конца её ждала.
В надменной королеве кипели жёлчь и злость,
Из-за которых многим смерть потом принять пришлось.

Из церкви божьей выйдя, подумала она:
«Бранчливая гордячка мне объяснить должна,
За что меня дерзнула наложницей назвать.
Коль Зигфрид впрямь расхвастался, ему несдобровать!»

Тут вышла и Кримхильда с толпою удальцов.

¹³⁷ «Пускай супруга ленника даст госпоже пройти». – Буквально: «Холопке не пройти прежде королевской жены». Подобное утверждение, сделанное при всех, приобретало характер несмываемого оскорбления. Оно выводит из себя Кримхильду, и та отвечает Брюнхильде не меньшим оскорблением, от которого до поры воздерживалась. См. строфу 839.

¹³⁸ Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней, // Вошла в собор Кримхильда со свитой своей. – Кримхильда чувствует себя победительницей. Брюнхильда же, вопреки утверждению соперницы, не ведавшая об обмане, который учинили Зигфрид с Гунтером, подавлена.

Брюнхильда ей: «Постойте! Из ваших бранных слов
Мне видно, что назвали наложницей меня вы.
Кто, дерзкая обидчица, вам дал на это право?»

Кримхильда ей: «Дорогу! Ответ на ваш вопрос
Даёт вот этот перстень, что Зигфрид мне принёс
В ту ночь, когда на ложе вы с ним взошли вдвоём».
Да, для Брюнхильды этот день стал самым чёрным днём.

Она в ответ сказала: «Не спорю, перстень – мой,
Но у меня украден он чьей-то злой рукой,
И кем он был похищен, теперь я вижу ясно».
Тут обуял обеих гнев, безмерный и ужасный.

Воскликнула Кримхильда: «Нет, не воровка я.
Умолкни, иль навеки погибла честь твоя.
Да, ты принадлежала супругу моему,
И пояс, что на мне надет, – порукою тому».

Из шёлка Ниневии был этот пояс свит,
Каменьями унизан и жемчугом расшит.
Заплакала Брюнхильда при взгляде на него
И так сказала подданным супруга своего:

«Пускай властитель рейнский сюда придёт сейчас
И от меня услышит, как я вот здесь, при вас,
Его родной сестрою была оскорблена.
Наложницею Зигфрида я ею названа».

Пришёл державный Гунтер и с ним весь цвет страны.
Король спросил с участием у плачущей жены:
«Кто вам посмел обиду, любовь моя, нанести?»
В ответ Брюнхильда: «У меня для слёз причины есть.

Твоей сестрой бесчестьем я предана при всех.
Она твердит, что тайно я совершила грех
И что не ты, а Зигфрид со мною первый лёг».
Король вспылil: «Несправедлив и лжив её упрёк».

«Она бесстыдно носит мой перстень золотой
И драгоценный пояс, что был потерян мной.
От горя и обиды мне белый свет не мил,
И я молю, чтоб ты с меня пятно позора смыл».

Сказал ей муж: «Мы зятя к ответу призовём.
Коль он в бахвальстве грешен, пусть повинится в том;
А нет – пусть опровергнет слова жены своей».
И повелел он Зигфрида позвать к нему скорей.

Явился нидерландец, в слезах увидел дам
И молвил удивлённо собравшимся мужам:
«Что заставляет женщин так горько слёзы лить
И для чего меня король просил к нему прибыть?»

В ответ державный Гунтер: «Скрывать не стану, зять.
Осмелилась невестке сестра моя сказать,
Что ты Брюнхильду первым познал в обиду мне
И этим не побрезговал похвастаться жене».

Вскричал могучий Зигфрид: «Коль ты, мой шурин, прав,
Поплатится Кримхильда за свой сварливый нрав,
А я великой клятвой при всём дворе готов
Поклясться, что не говорил супруге этих слов». 139

Сказал властитель рейнский: «С тобою мы согласны.
Не будет эта клятва ни лишней, ни напрасной.
Она тебя очистит от подозрений в лжи».
Тут окружили Зигфрида бургундские мужи,

А Зигфрид поднял руку и смело клятву дал.
Тогда воскликнул Гунтер: «Теперь я увидел,
Что мне не причинили вы никакого зла
И что моя сестра на вас напраслину взвела».

Отважный Зигфрид молвил: «Весьма жалею я
О том, что оскорбила в сердцах жена моя
Пригожую Брюнхильду, чей муж – мой верный друг».
Переглянулись витязи, стоявшие вокруг.

Он продолжал: «Мой шурин, обязанность мужчины –
Укоротить супруге язык не в меру длинный. 140
Ты дай урок Брюнхильде, а я Кримхильде дам.
Из-за её бесчинств меня постигли стыд и срам».

Но гордых женщин было уже не укротить.
Брюнхильда продолжала по целым дням грустить,
И жалость все вассалы почувствовали к ней,
И Хаген доблестный пошёл к владычице своей.

Он расспросил, в чём дело, о чём скорбит она,
И ей поклялся смело, что Зигфриду сполна
Воздаст¹⁴¹ за поношенье, бесчестье и позор

139 ...я великой клятвой... готов // Поклясться, что не говорил супруге этих слов. – Зигфрид не лжёт: нигде не сказано, что он рассказывал своей жене что-либо о случившемся, он лишь вручил ей пояс вместе с кольцом. Но эти символы были весьма красноречивым свидетельством. Зигфрид готов поклясться лишь в том, что не разгласил тайны, но не в том, что не имело места само происшествие в брачную ночь. В вопросах чести важен не факт, а разглашение его. Гунтер спешит скомкать расследование этого неприятного для него вопроса, скрыв позорную истину. Окружающие тем не менее видят, что дело нечисто и прекращено только по форме. См. строфу 861.

140 ...обязанность мужчины – // Укоротить супруге язык не в меру длинный. – Действительность, скрывающаяся за культом дамы, здесь обнажается: непослушных жён бьют. См. строфу 894. Но хотя Кримхильда наказана мужем, она имеет основания торжествовать: демонстрацией кольца и пояса было доказано перед всеми, что ее муж – сильнейший. Потерпевшей поражение чувствует себя Брюнхильда, она – жертва обмана, который так и не разъяснился.

141 ...поклялся... что Зигфриду сполна // Воздаст... – Мщение за поруганную честь Брюнхильды для абсолютно некуртуазного Хагена – не более чем повод устранить Зигфрида. Разоблачение тайны: сильнейший – Зигфрид, а не Гунтер, делает в глазах прозорливого Хагена дальнейшее существование Зигфрида угрозой власти бургундских

Иль в жизни радости ему не видеть с этих пор.

Он с Гернотом могучим и Ортвином втроём
Лишить героя жизни задумали тайком.
Но Гизельхер услышал, о чём ведётся речь,
И молвил заговорщикам, чтоб друга оберечь:

«Вам, витязи, об этом невместно рассуждать.
За что хотите смерти вы Зигфрида предать?
Ужель заплатит жизнью прославленный герой
За то, что вздорят женщины по пустякам порой?»

Ответил Хаген: «В поле траве не место сорной.
Держать чужих ублюдков в своём доме зазорно.
Погибнет тот, кто клевет на нашу госпожу,
И пусть не жить мне самому, коль слова не сдержу».

Тогда вмешался Гунтер: «От зятя никогда
Я с братьями не видел бесчестья и вреда.
За что же ненавидеть и убивать того,
Кто, кроме блага, мне и вам не сделал ничего?»

На это Ортвин Мецкий дал королю ответ:
«Хоть он силён безмерно, ему спасенья нет,
И лишь мигнуть вам стоит, чтоб я его убил».
Так ими обречён на смерть безвинно Зигфрид был.

От слова к делу, правда, не перешёл никто.
Лишь Хаген государю нашёптывал про то,
Как много стран захватит по смерти зятя он.¹⁴²
Молчал король, но явно был расстроен и смущён.

А гости в честь Кримхильды затеяли турнир
И много крепких копий, к ней едучи на пир,
Переломать успели от храма до дворца.
Бургундам же великий гнев переполнял сердца.

Сказал вассалам Гунтер: «Умерьте вашу злость.
Пусть здравствует и дальше наш благородный гость.¹⁴³
К тому ж могуч он слишком – ему отпор не дашь,

королей. В исландских сказаниях («Сага о Вэльсунгах» и «Старшая Эдда») инициатива мести исходила от самой Брюнхильды, подбившей Гуннара умертвить Сигурда, причём именно Хёгни противился этому убийству. В «Песни о нибелунгах», в которой интимные мотивы конфликта оттеснены причинами политическими, эта инициатива принадлежит старшему вассалу её мужа; роль Хагена вообще резко возросла. Брюнхильда же после сцены ссоры с Кримхильдой фактически элиминируется из повествования (если не считать глухого упоминания её имени).

¹⁴² *Как много стран захватит по смерти зятя он.* – На самом деле никаких земель, подвластных Зигфриду, Гунтер не захватил и не помышлял захватить. После убийства Зигфрида бургунды присвоили принадлежавшие ему сокровища нибелунгов – символ могущества.

¹⁴³ *Пусть здравствует и дальше наш благородный гость.* – Но Гунтер уже молчаливо согласился с коварным планом Хагена (строфа 870) и лишь боится неудачи (строфы 874–876).

Коль, на беду, он визнает про тайный сговор ваш».

«Он нас, – ответил Хаген, – не заподозрит даже.
Беды не опасайтесь – я так всё дело слажу,
Что за позор Брюнхильды мы Зигфриду отметим.
Его до смерти буду я считать врагом своим».

Спросил король бургундский: «Но как убить его?»
«От вас я, – молвил Хаген, – не скрою ничего.
Пришлём мы неизвестных здесь никому гонцов
К вам с объявлением войны от имени, врагов.

Как только сообщите вы зятю про войну,
Вам вызовется Зигфрид помочь, как в старину,
И тут уж он погибнет по жениной вине,
Затем что тайну мужнюю Кримхильда выдаст мне». ¹⁴⁴

Так короля на низость сумел вассал подбить,
И Зигфрида бургунды решили погубить,
Пока он всё не вызнал и не убил их сам.
Да, много славных витязей унёс раздор двух дам!

Авентюра XV О том, как Зигфрид был предан

Чуть солнце в день четвёртый сверкнуло поутру,
Как тридцать два посланца явились ко двору
С известьем, что войною враги на Вормс идут.
Какое горе и тоска объяли женщин тут!

Немедля чужеземцев король к себе призвал,
И лжегонцы сказали, что в стольный Вормс прислал
Их Людегер Саксонский, тот самый государь,
Который Зигфридом разбит и в плен был угнан встарь.

Присесть радушный Гунтер велел гостям своим,
Один из них ответил: «Мы лучше постоим, ¹⁴⁵
Покуда вам не скажем то, что сказать должны.
Узнайте ж, государь, что вы – в преддверии войны.

Вас Людегер Саксонский на смертный бой зовёт
И с Людегастом Датским на вас идёт в поход.

¹⁴⁴ ...тайну мужнюю Кримхильда выдаст мне. – Об этой тайне, о том, что Зигфрида, омывшегося в крови убитого им дракона и потому неуязвимого, можно поразить лишь между лопаток, в «Песни о нибелунгах» нигде ранее не упоминалось. Аудитория, очевидно, знала об этом из других сказаний. См. строфу 899 след.

¹⁴⁵ Присесть радушный Гунтер велел гостям своим, // Один из них ответил: «Мы лучше постоим...» – ср. строфу 745 и прим. к ней.

За старые обиды отметить он вам грозит».
Тут сделал Гунтер вид,¹⁴⁶ что он известием убит.

Велел посланцам мнимым он отвести покой.
Не мог бесстрашный Зигфрид, да и никто другой,
Злой умысел бургундов в то время разгадать.
Но им потом за всё пришлось самим же пострадать.

В сомненье пребывая, прав Хаген или нет,
Всё вновь и вновь с друзьями король держал совет,
И дело бы, пожалуй, уладилось добром,
Когда бы Хаген не стоял упорно на своём.

За тайным совещаньем застав их как-то раз,
Вопрос супруг Кримхильды им задал сей же час:
«Что короля печалит и всех его бойцов?
Коль он обижен кем-нибудь, я отомстить готов».

Сказал державный Гунтер: «Как тут весёлым быть! –
Вновь Людегер со мною задумал в бой вступить
И с Людегастом вместе на нас ведёт войска».
Ответил витязь доблестный: «Коль так, моя рука

От смерти и бесчестья бургундов оградит,
А недругов, как прежде, постигнут срам и стыд.
Опустошу их земли, смету их замки я.
Да будет в том порукою вам голова моя.

Останьтесь дома, шурина, с дружиною своей.
В поход возьму я только моих богатырей –
Чтоб справиться с врагами, мне большего не надо.
Мои вассалы, как и я, всегда служить вам рады».

В ответ король отвесил признательный поклон,
Как будто ждал от зятя подмоги вправду он,
И Зигфриду промолвил: «Я рад таким словам»,
А тот сказал: «Теперь враги не страшны больше вам».

Затем для виду Гунтер готовить войско стал,
Чтоб гость его случайно обман не разгадал;
А Зигфрид Нидерландский созвал бойцов своих,
И вскоре собрались они в доспехах боевых.

«Родитель мой, – промолвил сын Зигмунда отцу, –
Войну живой рукою мы приведём к концу
И в стольный Вормс с победой воротимся опять,

¹⁴⁶ Тут сделал Гунтер вид... – Нерешительный и вероломный Гунтер, многократно клявшийся Зигфриду в том, что добром оплатит за оказанную ему помощь, выполняет здесь роль послушного орудия коварного Хагена и вместе с тем преследует своекорыстные цели: безупречный герой не только заслоняет его, но и постоянно напоминает ему своим присутствием о связывающей их тайне и его, Гунтера, унижении, пережитом во время сватовства и в особенности в брачную ночь. Предательство, по понятиям феодального общества, строившегося на отношениях взаимной верности, было тягчайшим преступлением и грехом.

А вы останьтесь здесь, где вам король не даст скучать».

Взметнулись ввысь знамёна, как будто впрямь война.
Не зная, в чём тут дело, смятенная страна
Весь этот шум и сборы за правду принимала,
И с Зигфридом рвались в поход бургундские вассалы.

Доспехи погрузили на вьючных лошадей.
Готов был в поле Зигфрид вести своих людей,
И тут к Кримхильде Хаген пришёл в последний миг –
Мол, попрощаться хочет он с сестрой своих владык.

Сказала королева: «Я счастлива, что мне
Достался муж, способный во всём помочь родне.
Шурьёв не даст в обиду мой Зигфрид никогда,
Чем я, – прибавила она, – довольна и горда.

А вас, владетель Тронье, люблю я всей душой
И услужить готова вам с радостью большой.
Вы ж на моём супруге не вымещайте зла
За то, что оскорбленье я Брюнхильде нанесла».

Кримхильда продолжала: «Мне дан и так урок.
Когда известно стало, сколь дерзостный упрёк
В порыве злобы мною невестке брошен был,
Меня разгневанный супруг безжалостно побил».

«Вы с нею помириться ещё найдёте случай, –
В ответ промолвил Хаген. – Поведайте мне лучше,
Чем Зигфриду я мог бы в бою полезен быть.
Такую честь я никому не склонен уступить».

Красавица сказала: «Я не страшусь того,
Что в битве жизнь отнимут у мужа моего.
Покуда хладнокровен и осторожен он,
Не будет Зигфрид доблестный противником сражён».

Коварный Хаген молвил: «Коль опасенья есть,
Что могут в сече рану ему враги нанести,
Мне, госпожа, откройте, как отвести беду,
И от него я ни на шаг в бою не отойду».

Воскликнула Кримхильда: «С тобою мы родня,¹⁴⁷
И ты сберечь супруга обязан для меня.
Тебе его вверяю». И Хагену она
Сболтнула то, о чём по гроб молчать была б должна.

«Мой муж, – она сказала, – и храбр, и полон сил.
Однажды под горою дракона он сразил,¹⁴⁸

¹⁴⁷ *С тобою мы родня...* – Доверие к сородичам было безгранично.

¹⁴⁸ *Однажды... дракона он сразил...* – Об этом чудесном подвиге юного Зигфрида автор упоминает лишь вскользь. Слушателям, по-видимому, было известно сказание о поединке с Фафниром (один из вариантов его – в

В его крови омылся и стал неуязвим.
Не взять супруга моего оружием никаким.

И всё ж, когда я знаю, что Зигфрид бой ведёт,
Что каждый миг в героя летит копьё иль дрот,
Безумный страх за мужа испытываю я
И от предчувствий тягостных болит душа моя.

Лишь ты один узнаешь, как родственник и друг,
Куда быть может ранен мой дорогой супруг,
Но за доверье, Хаген, мне верностью воздай
И неотступно Зигфрида в бою сопровождай.

Когда в крови дракона он омываться стал,
Листок с соседней липы на витязя упал
И спину меж лопаток на пядь прикрыл собой.
Вот там, увы, и уязвим супруг могучий мой».

Владелец Тронье молвил: «Нашейте, коли так,
На пышную одежду ему условный знак.
Чтоб видел я, где мною прикрыт быть должен он».
Вот тут и был герой на смерть женою обречён.

Ответила Кримхильда: «Я твой совет приму
И шёлковой нитью супругу своему
Едва заметный крестик на месте вышью том,¹⁴⁹
А ты в сраженье прикрывай его стальным щитом».

Сказал на это Хаген: «Прикрою, госпожа», –
И распростился с нею, от радости дрожа.
Вот так, спасти желая супруга своего,
Кримхильда помогла сама врагам сгубить его.

Воитель подозрений отнюдь не возымел.
Тут нечему дивиться: никто бы не сумел
Искуснее, чем Хаген, сеть ков и лжи сплести
И к женщине встревоженной в доверие войти.

Опять настало утро, и Зигфрид на врагов
Повёл с собой дружину из тысячи бойцов,
Своей родне бургундской надеясь порадеть.
Поехал Хаген рядом с ним, чтоб крестик разглядеть.

Всё высмотрев украдкой, велел он двум гонцам

«Саге о Вэльсунгах» и в «Старшей Эдде» – «Речи Фафнира»), а к сюжету «Песни о нибелунгах» он не имел прямого касательства.

¹⁴⁹ *И шёлковой нитью супругу своему // Едва заметный крестик на месте вышью том...* – Здесь есть несообразность: крест был вышит Кримхильдой на боевой одежде Зигфрида, в которой он собирался сражаться против саксов, но затем он оказался на его охотничьем платье. См. строфы 975, 980 след. Автор намеренно допускает подобную несообразность, – ведь в результате выдачи Хагену тайны уязвимости Зигфрида Кримхильда стала невольной соучастницей убийства мужа. Впоследствии на протяжении многих лет её будут терзать упреки совести. Строфы 1111 след.

Скакать с известьем новым наперерез войскам:
Мол, Людегер раздумал на Рейн идти в поход
И впредь на земли Гунтера вовек не посягнёт.

Не вдруг решился Зигфрид коня поворотить –
Ведь он за дерзкий вызов хотел врагам отметить.
С трудом уговорили его вернуться вспять.
С признательностью Гунтером был встречен смелый зять.

Король воскликнул: «Зигфрид, да наградит вас бог!
Вы вновь врагам не дали застать меня врасплах.
Я за усердье ваше навек в долгу у вас,
И вы мне всех моих друзей дороже во сто раз.

Теперь, когда сумели вы саксов отпугнуть,
В Вогезский лес¹⁵⁰ направим мы завтра утром путь:
Там я травить медведей и кабанов люблю.
(Коварный Хаген подсказал всё это королю).

Гостей предупрежу я, что едем мы с зарёю.
Кто хочет поразмяться, тех я возьму с собою;
А те, кому по чаще за зверем гнаться лень,
Здесь в разговорах с дамами пускай проводят день».

Не отказался Зигфрид участвовать в охоте.¹⁵¹
«Я рад поехать с вами, коль вы меня возьмёте.
Нужны мне только ловчий да пара добрых псов,
И с вами в лес отправиться я хоть сейчас готов».

В ответ учтиво молвил бургундский властелин:
«Для вас найдётся ловчий, и даже не один,
А три иль все четыре, и лес им так знаком,
Что вы с добычей знатною вернётесь вечерком».

Тут Зигфрид Нидерландский ушёл в покой к жене,
И с Хагеном остался король наедине,
Чтоб обсудить, как лучше сгубить бойца лихого.
Спокон веков не видел мир предательства такого!

Авентюра XVI О том, как Зигфрид был убит

¹⁵⁰ *Вогезский лес* – местность, расположенная, как и Вормс, на левом берегу Рейна, но помещенная автором поэмы, который плохо знал области Европы за пределами Австрии, на правом его берегу. См. строфы 918, 927. Напротив, во время похода против саксов и датчан вормсская армия не переправлялась через Рейн, хотя это было необходимо. Название «Вогезский лес» (Васкенвальд) заимствовано в поэме из популярного в средние века произведения «Вальтарий» (IX в.), среди действующих лиц которого – Хаген, Гунтер, Аттила (частичный перевод см. в кн.: «Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков». М., 1970).

¹⁵¹ *Не отказался Зигфрид участвовать в охоте.* – Охота на диких зверей, в то время в изобилии водившихся в густых лесах, была одним из наиболее излюбленных развлечений феодалов.

С весёлым видом Гунтер и Хаген удалой
 Завтра отправлялись из Вормса в лес густой
 Лосей, медведей, зубров и кабанов травить.
 Что может истым витязям милей охоты быть?

С собой везли бургунды съестных припасов много.
 Без опасений Зигфрид собрался в путь-дорогу,
 Но у ручья лесного лишился жизни он:
 На смерть Брюнхильдой мстительной смельчак был обречён.¹⁵²

Навьючили поклажу бойцы на лошадей.
 За Рейном очутиться хотелось им скорей.
 Пошёл к супруге Зигфрид и с ней прощаться стал,
 Но сердце королевы страх томил и угнетал.

Кримхильду витязь обнял и начал утешать:
 «Даст бог, с тобою скоро мы свидимся опять.
 Я должен отлучиться на три-четыре дня,
 А ты покуда здесь побудь с роднёю без меня».

Тут страшная догадка ей разум озарила.
 Припомнила Кримхильда, что Хагену открыла,
 И, Зигфриду признаться в своей вине боясь,
 Слезами покаянными бессильно залилась.

«Не ездь на охоту, – промолвила она. –
 Мне сон дурной приснился: гнались два кабана¹⁵³

¹⁵² *На смерть Брюнхильдой мстительной смельчак был обречён.* – Здесь воспроизводится старый мотив убийства Зигфрида по воле Брюнхильды. См. прим. к строфе 864. По скандинавской версии Сигурд был умерщвлён во сне, когда лежал в постели вместе с Гудрун.

¹⁵³ *Мне сон дурной приснился: гнались два кабана...* – Ср. вещий сон Кримхильды в строфе 13. Кабан – в германской поэзии символ воина.

По лугу за тобою, и все цветы вокруг
Внезапно стали красными. Не езд, мой супруг!

Рыдаю я от страха – мне кажется, что здесь
Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть.
Он нам из мести может наделать много бед.
Останься и не уезжай – вот мой тебе совет».

Он молвил: «Дорогая, назад вернусь я скоро.
Здесь у меня к тому же ни с кем не вышло ссоры
И все без исключения благоволят ко мне –
Ведь я, Кримхильда, лишь добра желал твоей родне».

«Поверь, не зря слезами мой отуманен взор.
Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор,¹⁵⁴
И вдруг они упали, и ты раздавлен был.
Останься, чтобы твой отъезд мне сердце не разбил».

Супругу витязь обнял, прижал к груди своей,
Лобзаннями утешил, потом простился с ней
И поспешил вдогонку за шурином своим,
И больше мужа увидеть ей не пришлось живым.

Героев в лес дремучий помчали скакуны.
Взял Гунтер на охоту с собой весь цвет страны.
Лишь Гизельхер и Гернот отсутствовали там¹⁵⁵ –
Не шло веселие на ум двум младшим королям.

Был переправлен первым за Рейн большой обоз.
Немало в тяжких вьюках с собою Гунтер вёз
Вин, хлеба, мяса, рыбы – всего, в чём есть всегда
У короля радушного изрядная нужда.

Как только стан разбили, – а расположен он
Был на лесной опушке, где начинался гон, –
От приближённых Гунтер узнал, что прибыл зять,
И отдал приказание к охоте приступать.

Через минуту были все на местах своих,
И смелый нидерландец спросил у остальных:
«Друзья, а кто укажет нам в чаще леса путь
К местам, где зверя красного сумеем мы вспугнуть?»

В ответ промолвил Хаген: «Нам лучше разделиться
И не сходиться вместе, пока охота длится.
Пусть каждый промышляет один и без помех.
Мы поглядим потом, кто был удачливее всех.

¹⁵⁴ *Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор...* – В отличие от сна в строфе 921 этот сон считается позднейшим добавлением.

¹⁵⁵ *Лишь Гизельхер и Гернот отсутствовали там...* – Младшие братья короля не желали быть замешанными в заговоре. Однако, согласно строфе 865, Гернот первоначально разделял замысел Хагена.

Поделим меж собою мы ловчих и собак,
И всяк, куда захочет, направить может шаг,
И честь тому, кто первым окажется из нас». —
Тут разойтись охотники решили сей же час.

Сказал супруг Кримхильды: «Немного нужно мне —
С меня одной собаки достаточно вполне,
Коль этот пёс проворен и след легко берёт,
Я в том, что зверю не уйти, ручаюсь наперёд».

Один искусный ловчий, взяв гончую с собой,
Владыку Нидерландов провёл лесной тропой
Туда, где дичь водилась в обилии таком,
Что за собакой попевал герой с большим трудом.

Но хоть зверей немало в чащобе поднял пёс,
Им всё удар смертельный сын Зигмунда нанёс:
Был скакуна любого резвее конь под ним,
И сам он — тоже не чета охотникам другим.

Во всяком деле Зигфрид примером всем служил.
Он первым в это утро добычу уложил:
Был им под свинок дикий без промаха сражён.
Затем на льва огромного в лесу наткнулся он.¹⁵⁶

Зверь, испугнутый собакой, прочь от людей пустился,
Но богатырь проворно за лук тугой схватился,
И, трижды прыгнув, хищник на землю мёртвым пал,
За что от спутников храбрец наслушался похвал.

Стрелой златопёрой пронзённые насквозь,
Свалились тур матёрый, четыре зубра, лось.
От Зигфрида ни разу не ускользнула дичь —
Ведь даже лань его скакун мог на бегу настичь.

Вновь след взяла собака, но в тот же миг она
Метнулась в гущу леса, завидев кабана.
Спасая пса, охотник помчался к зверю вскачь,
И ринулся на смельчака разгневанный секач.

Взмахнул мечом воитель, и вепрь свалился с ног.
На свете только Зигфрид свершить такое мог.
Пока, над зверем стоя, собаку он свистел,
Слух о его деянии всю местность облетел.

Охотники взмолились: «Оставьте ради бога
На нашу долю, Зигфрид, добычи хоть немного,
Не то опустошите вы этот лес вконец».
И улыбнулся шутке их польщённый удалец.

¹⁵⁶ *Затем на льва огромного в лесу наткнулся он.* — Лев на Рейне придает сказочный характер охоте.

В недавно тихой чаще стояли шум и гам,
И разносило эхо по долам и горам
Смех, крики, конский топот и тьяканье борзых:
Бежало их две дюжины в тени дерев густых.

Зверей понастреляли богатыри немало –
Ведь каждому хотелось во что бы то ни стало
Охотничьей удачей пред всеми отличиться,
Но с Зигфридом не удалось ни одному сравниться.

Однако постепенно сморил героев зной,
И потянулись к стану они тропой лесной.
Обильную добычу вёз каждый зверолов,
И повара без отдыха трудились у костров.

Распорядился Гунтер гостей поторопить –
Пора уж им вернуться и силы подкрепить,
И громко рог призывный разнёс повсюду весть
О том, что хочет государь за стол с друзьями сесть.

Тут ловчий нидерландцу сказал: «Прошу прощенья,
Но я раскаты рога слышал в отдаленье,
А это знак, что Гунтер нас на привале ждёт».
Так молвил он и рог к губам приблизил в свой черёд.

Ответил смелый Зигфрид: «Туда и поспешим».
Пустилась свита следом за королём своим,
Но тут медведя поднял внезапный стук копыт,
И крикнул витязь, услышав, как грозный зверь рычит:

«Мне здесь медведь попался. Спустите пса, друзья.
Изрядно распотешу всех наших нынче я,
Живым и целым зверя доставив на привал.
Боюсь я только одного – чтоб он не убежал».

Со сворки пса спустили, нырнул в кусты медведь,
За ним помчался Зигфрид, но не преодолеть
Коню лихому было кустарника густого,
И зверь уже надеялся удрать от верхового.

На землю спрыгнул витязь, и через краткий миг
Беспечного медведя он на бегу настиг,
Но не убил, не ранил, а только взял живьём,
Связал покрепче и к седлу приторочил ремнём.

Ни зубы в ход, ни когти медведь пустить не мог.
К охотничьему стану повёз его седок
В надежде распотешить товарищей своих.
Как ликовал тогда герой, как был красив и лих!

Как царственно и гордо он ехал через бор!
Клинок его широкий свисал до самых шпор.
Рог с золотой насечкой носил он на боку
И тяжкое копьё в руке вздымал на всём скаку.

Охотника нарядней не видел мир дотолу.
Пошёл у нидерландца на шапку мех соболий.
Из шёлка цвета угля был у него кафтан,
Обвит тесьмою дорогой вместительный колчан.

От этого колчана струились ароматы –
Был шкурою пантеры отделан он богато.¹⁵⁷
Лишь сам могучий Зигфрид свой смертоносный лук
Мог натянуть без ворота, одною силой рук.

На плащ его роскошный из выдровых мехов
Нашиты были сверху меха других цветов.
Был этот плащ просторный и лёгок, и хорош,
И канителью золотой насквозь прострочен всплошь.

Как мы уже сказали, меч Зигфрида стальной
Изрядной отличался длиной и шириной –
Любые шлемы Бальмунг в сраженье пробивал.
Так ехал, весел и могуч, охотник на привал.

Ещё одно поведать о нём я не успел.
Колчан его ломился от золотопёрых стрел,
Чей острый наконечник был шириною в пядь.
Кто сбит такой стрелою с ног, тому уже не встать.

К охотничьему стану примчался вихрем оп,
И ринулись бургунды к нему со всех сторон.
На землю спрыгнув, витязь им бросил удила.
Привязан был большой медведь к луке его седла.

Он снял со зверя путы. Разинул пленник пасть,
Расправил с рёвом лапы и восвояси шась.
Залаяли собаки, раздались вопли слуг,
И начался переполох на всей опушке вдруг.

В испуге удирая куда глаза глядят,
Зверь забежал на кухню, рассеял поварят,
В костры попрокинул котлы и вертела.
Эх, сколько яств из-за него испачкала зола!

С мест повскакала челядь, вскочили господа.
Медведь остервенился, и приказал тогда
Король ему вдогонку со свор спустить борзых.
Уж то-то славный был денёк у витязей лихих!

За копыя и за луки охотники взялись.
Они за зверем долго по зарослям гнались,

¹⁵⁷ *От этого колчана струились ароматы – // Был шкурою пантеры отделан он богато.* – Согласно зоологическим представлениям средневековья, в большей части фантастическим (они нашли выражение в «Бестиариях» – трактатах, посвященных описанию свойств животных), благоухание, исходящее шкурою пантеры, приманивало зверей.

Но выстрелить боялись, чтоб не поранить псов.
Весь лес гудел от топота и громких голосов.

Медведь прибавил ходу, спасаясь от собак.
Не удавалось людям настичь его никак.
Лишь муж Кримхильды зверя в лесной глуши нагнал,
Убил мечом и приволок обратно на привал.

Бургундов в изумленье проворством он привёл.
Тут пригласил хозяин охотников за стол,
И на лугу зелёном они уселись в круг,
И потянулась с яствами к ним вереница слуг.

Любое угощенье в достатке было там,
И если б не забыли вина подать гостям,
Чему виной не скупость, а умысел дурной,
Гордиться бы хозяин мог, что задал пир такой.

«Дивлюсь я, – молвил Зигфрид. – Еды довольно тут,
А вот вина упорно к столу не подают.
Коль этак принимают охотников у вас,
Не буду вам товарищем я в следующий раз.

Такого обхожденья никак я ждать не мог».
С прискорбием лицемерным король в ответ изрёк:
«Придётся, видно, чем-то нам заменить вино.
По небреженью Хагена отсутствует оно».

Сказал владетель Тронье: «Да, я виной всему.
Мне, государь мой, мнилось, не знаю – почему,
Что в Шпессарт на охоту мы повезём гостей.
Туда я и послал вино, но буду впредь умней».

Сердито молвил Зигфрид: «Вы удружили всем.
Сюда б доставить надо вам было вьюков семь
С кларетом и медами, а если уж их нет,
Вдали от Рейна разбивать нам было стан не след».

Ответил хитрый Хаген: «Не гневайтесь, друзья.
К ручью с водой студёной дорогу знаю я
И, если вам угодно, туда вас отведу».
Сколь многим витязям принёс его совет беду!

Измучен смелый Зигфрид был жаждою вконец.
Поэтому поспешно поднялся удалец,
Чтоб за водой студёной отправиться к ручью.
Ах, внял совету Хагена он на беду свою!

Зверей, которых Зигфрид успел понастрелять,
Велели на телегах в столицу отослать.
Всяк, кто добычу видел, охотника хвалил.
Лишь Хаген изменил ему и кровь его пролил.

Пошли герои к липе, стоявшей над ручьём,

И тут промолвил Хаген: «Наслышан я о том,
Что в беге верх над всеми берёт наш знатный гость.¹⁵⁸
Пусть скажет, правду или ложь мне слышать довелось».

Ответил смелый Зигфрид: «Разумней в этом вам
Воочью убедиться, чем доверять словам:
Бежим наперегонки, коли желанье есть.
Кто первый будет у ручья, тому хвала и честь».

«Согласен, – молвил Хаген. – Размяться мне в охоту». –
«Тогда, – воскликнул Зигфрид, – получите вы льготу:
Я дам, улёгшись наземь, вам убежать вперёд».
Был Гунтер, слыша это, рад, что всё на лад идёт.

Добавил нидерландец: «За вами гнаться сзади
Я собираюсь в полном охотничьем наряде,
На руку щит повесив, с колчаном за спиной».
С собою взял он также лук, копьё и меч стальной.

С себя одежду Гунтер вплоть до сорочки снял.
Примеру государя последовал вассал.
К ручью, как две пантеры, бургунды понеслись
И всё же позже Зигфрида до цели добрались.

Что бы ни делал витязь, был первым он везде.
Отставших поджидая, спустился он к воде,
Приставил к ближней липе тяжёлое копьё
И меч с колчаном положил на землю близ неё.

Свой щит отбросил Зигфрид, от жажды еле жив,
Но даже здесь остался любезен и учтив:
Дал королю бургундов сперва напиток он.
Ах, плохо был за вежливость храбрец вознаграждён!

Звенел ручей студёный, вода была чиста,
И Гунтер с наслаждением в ней омочил уста.
Напившись, он поднялся и отошёл опять,
И склонился к роднику его отважный зять.

Вот тут-то за сердечность ему и воздал друг.
Отнёс подальше Хаген меч Зигфрида и лук,
Схватил копьё героя и, напрягая взгляд,
Всмотрелся в крестик, что нашит был на его наряд.

Как только Зигфрид воду рукою зачерпнул,
Бургунд, нацелясь в крестик, копьё в него метнул.
Кровь брызнула из раны на Хагена струей.
Никто досель не совершал такой измены злой.

¹⁵⁸ Пошли герои к липе, стоявшей над ручьём... – Липа – излюбленное дерево в средневековой лирической поэзии.

Наш знатный гость. – Умерщвление гостя и, следовательно, нарушение правил гостеприимства считалось особенно гнусным видом убийства.

До сердца через рёбра прошло копьё его.
Не бегал в жизни Хаген ещё ни от кого
Быстрой, чем в этот полдень по зарослям лесным.
Едва лишь Зигфрид раненый сообразил, что с ним,

Вскочил он и, неистов, метнулся вдоль ручья
С засевающим меж лопаток в спине концом копья:
Сыскать пытался витязь свой лук иль добрый меч,
Чтоб смерти, как и надлежит, предателя обречь.

Но из-за тяжкой раны он не нашёл меча.
Лишь щит лежал, как прежде, у звонкого ключа.
Помчался с ним вдогонку за Хагеном смельчак,
И приближённый Гунтера уйти не смог никак.

Был Зигфрид ранен насмерть, но жаждал отомстить.
Он так сумел в убийцу своим щитом пустить,
Что лопнул щит и наземь посыпались дождём
Каменя драгоценные, сверкавшие на нём.

От мощного удара свалился с ног злодей
И разом загудела земля в округе всей.
Будь меч у нидерландца, изменнику б конец –
Так, даже в миг предсмертных мук, был страшен удалец.

Но вот он пошатнулся, внезапно ослабел,
Глаза его померкли, стал лик прекрасный бел,
И смерть на нём незримо поставила печать.
Ах, скольким женщинам пришлось о Зигфриде рыдать!

Всем богатырским телом пал на цветы герой.
На мураву из раны струилась кровь рекой.
Но, от тоски и боли уже лишаясь сил,
Он всё таки успел проклясть тех, кто его сгубил.

Сказал боец сражённый: «Вы низки и трусливы,
Коль за мои услуги мне так воздать могли вы.
Я был всегда вам верен и вами же убит.
Но ждут за это весь ваш род позор и вечный стыд.

Предательски и подло заколот вами я.
На вас и ваших детях пребудет кровь моя.
Что из того, что ею вы утолили месть,
Коль все, кто честен, вправе вас изменниками счесть?»

Охотники сбежались туда, где он лежал.
Днём гнева и печали тот день для многих стал.
Всяк, кто не чужд был чести, рыдал над храбрецом.
Грех было бы не горевать о витязе таком!

Стал и король бургундский оплакивать его,
Но раненый промолвил: «Что пользы от того,
Что слёзы о злодействе льёт сам виновник зла?»

Не скроет скорбь притворная постыдные дела».

Сказал жестокий Хаген: «Скорбеть и впрямь не след –
Ведь мы теперь свободны от всех забот и бед.
Отныне не опасен нам ни один боец.
Я рад, что вас от гордеца избавил наконец». 159

«Легко теперь хвалиться! – чуть слышно Зигфрид рек. –
Когда б друзей в измене я заподозрить мог,
С лица земли давно бы вы были сметены.
Но полно! Думать должен я лишь о судьбе жены.

И участь сына также в меня вселяет страх. 160
Господь да не попустит, чтоб он в людских глазах
Безвинно опорочен был с детства до могилы
За то, что низость некогда его родня свершила».

Возвысил голос слабый смельчак в последний раз:
«Коль честности хоть капля, король, осталась в вас
И вы ещё способны кого-нибудь любить,
Я вас молю моей жене во всём опорой быть. 161

При вас, по-королевски, Кримхильда жить должна.
Защитником ей будьте – ведь вам сестра она,
А я уж не увижусь ни с батюшкой, ни с ней.
Всем милых нелегко терять, а ей всего трудней».

Цветы вокруг покрылись багряною росой.
Со смертью неминучей вступил в борьбу герой,
Но бой недолго длился – утратил речь храбрец,
И дням его земным пришёл безвременный конец.

Когда все убедились, что вечным сном он спит,
Был труп его положен на золочёный щит,
И стали вормсцы думать, как им ловчей схитрить,
Чтоб преступленье Хагена от посторонних скрыть.

«Повинны мы в злодействе, – промолвили вельможи.
Поэтому нам надо твердить одно и то же –
Что Зигфрид в одиночку охотиться любил
И, заблудясь в лесу, убит разбойниками был».

159 *Я рад, что вас от гордеца избавил наконец.* – Буквально «от его власти». Здесь Хаген открывает подлинную причину своей ненависти к Зигфриду. В минуту искренности он не ссылается на якобы защищаемую им честь Брюнхильды.

160 *И участь сына... в меня вселяет страх.* – Зигфрид озабочен не положением сына, в безопасности жившего в Ксантене у деда, а тем позорным пятном, которое материнская родня наложила на него злодейским убийством.

161 *Я вас молю моей жене во всём опорой быть.* – Ср. «Сагу о Вельсунгах»: умирающий Сигурд говорит Гудрун: «Не плачь!, живы твои братья на радость тебе...» Несмотря на то что бургунды нанесли Зигфриду смертельный удар, они остаются опекунами его вдовы и обязаны оказывать ей родственную помощь. От родственных чувств к братьям поначалу не отрекается и сама Кримхильда. См. ниже.

Сказал владетель Тронье: «Труп отвезу я сам.
Пусть всё Кримхильда знает – не страшно это нам.
Гордячка честь Брюнхильды осмелилась задеть.
С какой же стати мне её жалеть теперь и впредь?»

Авентюра XVII О том, как Зигфрид был оплакан и погребён

Назад за Рейн вернулся лишь с сумерками двор.
Едва ль охота хуже бывала до сих пор:
Пролились из-за зверя,¹⁶² убитого на ней,
И слёзы женщин горькие, и кровь богатырей.

Теперь мы вам расскажем, как мститель вероломный,
Высокомерный Хаген, под кровом ночи тёмной
Владыку нибелунгов, заколотого им,
К дверям Кримхильды отнести велел мужам своим.¹⁶³

Положен у порога был труп богатыря.
Знал Хаген, что Кримхильда, едва сверкнёт заря,
Наткнётся непременно на тело мужа там:
К заутрене она всегда ходила в божий храм.

Как только в церкви стали звонить в колокола,
Своих девиц придворных Кримхильда подняла.
Ей подали одежду и принесли ночник,
И труп один из спальников заметил в этот миг.

Забрызган кровью Зигфрид был с головы до ног,
И своего владыку слуга узнать не смог,
Хотя зажжённый факел в руках его дымил.
Кримхильду о несчастье он и уведомил.

Готовы были дамы в собор идти уже,
Когда явился спальник и молвил госпоже:
«Лежит убитый витязь у вашего порога».
Кримхильда плакать начала – проснулась в ней тревога.

Она ещё не знала, что это муж её,
Но чуяла, что счастье утратила своё.
Нет, не случайно Хаген склонял её к тому,
Чтоб тайну Зигфрида она доверила ему!

¹⁶² *Из-за зверя...* – Сравнение героя со зверем было распространено в германской поэзии; см. строфу 921.

¹⁶³ *К дверям Кримхильды отнести велел мужам своим.* – В более ранней версии убийцы бросают тело Зигфрида на постель Кримхильды и весело пируют. Автору «Песни о нибелунгах» это показалось, очевидно, слишком грубым и жестоким.

Была догадкой этой Кримхильда сражена.
 Не вымолвив ни слова, лишилась чувств она,
 Но тут же с громким воплем пришла в себя опять,
 И стали приближённые бедняжку утешать:

«Быть может, к вашей двери чужой подброшен труп».
 Кровь брызнула от горя у королевы с губ.
 «Нет, нет, – она вскричала, – там Зигфрид мой лежит.
 Брюнхильде в угождение он Хагеном убит».

За дверь Кримхильда вышла на мертвеца взглянуть,
 И голову герою приподняла чуть-чуть,
 И мужа опознала, хоть мукой искажён
 И весь в крови был лик того, кто Зигмундом рождён.

Кримхильда застонала, кляня судьбу свою:
 «О горе мне, злосчастной! Сражён ты не в бою,
 А пал от рук убийцы – ведь добрый щит твой цел.
 Ах, если б только знала я, кто сделать это смел!»¹⁶⁴

Все дамы и девицы рыдали вместе с ней,
 О Зигфриде погибшем скорбя душою всей.
 Оскорблена Брюнхильда была его женой,
 И умертвил воителя из мести Хаген злой.

Сказала королева: «Пусть кто-нибудь из вас
 Всех наших нибелунгов разбудит сей же час
 И Зигмунду доставит ужасное известье,
 Чтоб мог мой свёкор Зигфрида со мной оплакать вместе».¹⁶⁵

Один из слуг поспешно отправился туда,
 Где Зигфридовы люди вкушали сон тогда.
 Сперва они решили, что им солгал гонец.
 Лишь женский плач их убедил в противном наконец.

Затем к отцу героя направил вестник путь.
 Лежал в постели Зигмунд, но глаз не мог сомкнуть
 Ему томили сердце тревога и кручина.
 Наверно, он предчувствовал, что не увидит сына.

¹⁶⁴ *Сражён ты не в бою, // А пал от рук убийцы – ведь добрый щит твой цел.* – Показательна первая реакция жены при виде мёртвого мужа – её волнует, какую смертью он умер: в бою со славою или бесславно, от рук убийцы?

Ах, если б только знала я, кто сделать это смел! – Эти слова Кримхильды не противоречат сказанному ею же чуть раньше (строфа 1010): она подозревает Хагена, но в справедливости столь серьёзного подозрения ещё надлежит удостовериться (см. строфы 1024, 1033), и для этого существовала особая процедура, а именно испытание обвиняемого. См. строфы 1043–1045. И только после получения столь неопровержимого, по тогдашним верованиям, доказательства месть была оправдана. О правовом аспекте средневекового сознания см. прим. к строфе 821.

¹⁶⁵ *Чтоб мог мой свёкор Зигфрида со мной оплакать вместе.* – Оплакивание было долгом родственников по отношению к покойному.

«Мой государь, проснитесь! К вам от Кримхильды я
Оплакать хочет с вами владычица моя
Нежданную утрату, которой равных нет.
Вы вместе с ней постигнуты страшнейшею из бед».

Спросил, вставая, старец: «В своём уме ль ты, друг?
Что за беда случиться могла с Кримхильдой вдруг?»
Гонец ответил, плача: «Скрывать от вас не смею:
Пал Зигфрид, сын ваш доблестный, сражён рукой злодея».

Почтенный Зигмунд молвил: «Не место шуткам здесь,
А я могу лишь шуткой считать такую весть.
Не повторяй же больше, что умер сын мой милый.
Будь это так, о нём бы лил я слёзы до могилы».

«Вы мне вольны не верить, но слышите вы стоны?
То госпожа Кримхильда со свитою смятенной
Оплакивает гибель супруга своего».
Тут Зигмунд побелел с лица, и страх объял его.

Собрал король немедля сто витязей своих.¹⁶⁶
Туда, где плач был слышен, бегом повёл он их.
Они мечи стальные держали наголо,
И нибелунгов десять сот вослед за ними шло.

Из уваженья к дамам одни, вскочив с постели,
Одеться поприличней и второпях успели:
Спешили в том, в чём были, на шум и крик другие.
От горя обезумели воители лихие.

Пришёл к Кримхильде Зигмунд и молвил ей с тоской:
«Гостить я в час недобрый поехал в край чужой.
Но кто лишил вас мужа, кем сына я лишён
В стране, где все ему друзья и всем был другом он?»

«Знай я, кто это сделал, – в ответ ему она, –
За мужа расквитаться сумела б я сполна.
Убийца не дождался б пощады от меня,
И вдоволь бы наплакалась о нём его родня».

Склонясь над сыном, Зигмунд припал к его устам.
Вассалы, дамы, челядь – все, кто собрался там,
Так сильно горевали о павшем удалце,
Что стон стоял и в городе – не только во дворце.

Никак друзья утешить Кримхильду не могли.
Но вот одежду слуги с героя совлекли.
Был он обмыт, обряжен со тщательностью всей
И на носилки водружён под плач его людей.

Сказали нибелунги: «Сдаётся нам, что тот,

¹⁶⁶ Собрал король немедля сто витязей своих. – Зигмунд готов немедля мстить. Ср. строфу 1027.

Кем Зигфрид был заколот, здесь, во дворце, живёт.
 Нам надлежит к ответу предателя призвать».
 И разом бросились они доспехи надевать.

Одиннадцати сотням испытанных бойцов,
 Сверкавших сталью шлемов и золотом щитов,
 Приказ дать мог бы Зигмунд оружие в ход пустить,
 А он не меньше их желал убийце отомстить.

Не знали гости только, с кем биться надо им –
 Вполне возможно даже, с хозяином самим:
 Ведь это Гунтер зятя охотиться увёз.
 Кримхильду вид их яростный перепугал до слёз.

Как сердце скорбь о муже несчастной ни гнала,
 Она о нибелунгах не думать не могла
 И, зная, что бургунды в бою раздавят их,
 Увещевать по-дружески взялась друзей своих:

«Что, государь мой Зигмунд, вам в голову пришло?
 У Гунтера вассалов несметное число,
 И, если вы решитесь ударить на него,
 Полягут наши витязи здесь все до одного».

В ответ бойцы сомкнули ещё тесней ряды.
 Их удержать пыталась она на все лады –
 То просьбой, то приказом, но ей никто не внял:
 Не слышен голос разума тому, кто в ярость впал.

Она сказала свёкру: «Вам выждать есть расчёт,¹⁶⁷
 Пока удобный случай судьба нам не пошлёт.
 Когда известен станет виновник преступления,
 Он у меня не избежит заслуженного мщенья.

Теперь ещё не время злодея покарать.
 У королей бургундских неисчислима рать –
 По тридцать рейнцев выйдет на каждого из вас,
 Но по заслугам им Господь воздаст в свой срок и час.¹⁶⁸

Прошу вас, милый свёкор, не покидать меня,
 И пусть мне наши люди по наступленью дня
 В гроб положить помогут супруга моего». –
 «Да будет так», – ответили ей все до одного.

Поведать вам словами удастся мне едва ли,
 Как безутешно дамы и витязи рыдали.

¹⁶⁷ *Вам выждать есть расчёт...* – Мечь могла воспоследовать не сразу же после убийства, а быть отложена до наиболее благоприятного момента. В данном случае Кримхильда её отсрочила более чем на четверть века!

¹⁶⁸ *Но по заслугам им Господь воздаст в свой срок и час.* – Христианская идея божьего возмездия далека от принципа кровной мести, осуществляемой самими людьми, и церковь в средние века мечь осуждала (хотя подчас и вынуждена была с нею на практике мириться).

Вормс оглашён их плачем был из конца в конец,
И горожане толпами сбегались во дворец.

Скорбел в столице каждый с гостями наравне.
Никто не мог ответить, как и по чьей вине
Погиб бесстрашный Зигфрид, пример всем удалцам.
Простолюдинки вторили рыданиям знатных дам.

Из золота литого, а также серебра
Гроб кузнецы герою ковать взялись с утра.
Был полосами стали обшит надёжно он.
Как завопили женщины, услышав в кузне звон!

Когда настало утро и небо заалело,
Кримхильда приказала нести к собору тело
Того, кто был при жизни ей богом дан в мужья.
Вслед за носилками, в слезах, шли все её друзья.

С высоких колоколен полился звон волной,
К заупокойной службе сзывая люд честной.
Явился к храму Гунтер с толпой своих бойцов.
Пришлось и злomu Хагену прийти на скорбный зов.

Король Кримхильде молвил: «Сестра, тебя мне жаль.
Нас всех преисполняет безмерная печаль.
Скорбеть мы будем вечно по мужу твоему».
Несчастливая ответила: «Скорбеть вам ни к чему.

Когда бы вы и вправду к сестре питали жалость,
Я б о супруге милом сейчас не убивалась.
Зло не произошло бы, не поощряй вы зла.
Ах, лучше бы не Зигфрид мой – сама я умерла!»

Прибавила Кримхильда в ответ на речи брата:
«Нетрудно оправдаться тем, кто не виноваты:
Им нужно только к трупу вплотную подойти,¹⁶⁹
Чтоб подозренья от себя навеки отвести».¹⁷⁰

Не раз случалось чудо на памяти людей:
Едва лишь приближался к убитому злодей,
Как раны начинали опять кровоточить.
Так удалось и Хагена в то утро уличить.

Чуть подошёл он к телу, раскрылась рана вновь.

¹⁶⁹ *Им нужно только к трупу вплотную подойти...* – Эта форма испытания («Божьего суда») была относительно новой, и поэтому автор песни считает нужным объяснить её. В раннее средневековье в подобных случаях применялись испытания железом или котелком: подозреваемый мог очиститься от обвинения, если на его теле не оставалось следов ожога от докрасна раскалённого железа, которое он держал в руках или по которому ступал босиком, либо от кипящей воды, в которую он должен был погрузить руку.

¹⁷⁰ В средние века бытовало поверье, что при приближении убийцы раны его жертвы начинают вновь кровоточить.

Заплакал вдвое громче весь Вормс, увидев кровь,
И только Гунтер молвил: «Здесь Хаген ни при чём.
Разбойниками Зигфрид был убит в лесу густом».

Кримхильда возразила: «Знакома с ними я.
Бог даст, отметят им, Гунтер, сполна мои друзья.
Меня лишили мужа ты сам и Хаген твой». ¹⁷¹
Тут гости – за оружие, и чуть не грянул бой.

Но молвила вассалам вдова: «Повременим».
Затем к останкам зятя, дабы проститься с ним,
Млад Гизельхер и Гернот приблизились в слезах,
И непритворная печаль читалась в их глазах.

Но начиналась служба, и труп внесён был в храм.
Мужчины, жены, дети – все ринулись к дверям.
Совсем сторонним людям – и тем был Зигфрид мил.
Не диво, что в тот день о нём весь город слёзы лил.

Млад Гизельхер и Гернот сказали так: «Сестра,
Покойник не воскреснет, а скорбь унять пора.
Тебя мы не оставим, пока живём на свете».
Но утешенья не дали вдове и речи эти.

Закончили работу к полудню кузнецы,
И труп переложили с носилок в гроб бойцы,
Хоть долго это сделать Кримхильда не давала.
На то, чтоб убедить её, ушло труда немало.

Был драгоценным шёлком труп витязя накрыт.
Кто ни смотрел на тело, все плакали навзрыд.
В тоске великой Ута, и свита вместе с ней,
Печалилась о Зигфриде, славнейшем из мужей.

Имел друзей немало он и в стране врагов:
Едва был в гроб положен храбрый из бойцов
И причет начал службу, как на помин души
Посыпались и золото, и медные гроши.

Но тут Кримхильда свите промолвила, скорбя:
«Я не хочу, чтоб люди в расход ввели себя
Из-за меня, злосчастной, и мужа моего.
Я на помин его души раздам казну его».

Совсем ещё младенцев – и тех в тот день печальный
Деньгами оделили для лепты поминальной.
Шли вплоть до самой ночи друзья героя в храм.
Сто с лишним панихид над ним пропето было там.

¹⁷¹ *Меня лишили мужа ты сам и Хаген твой.* – Несмотря на то что Кримхильда прямо обвиняет Гунтера в убийстве мужа, она остается жить у него, а не уезжает к свекру и собственному сыну, мотивируя это тем, что в Вормсе у неё родня (строфа 1088).

Когда же смолкло пенье и все пошли домой,
Промолвила Кримхильда: «Пусть кто-нибудь со мной
Останется в соборе и бдит всю ночь до света
Над тем, с чьей смертью лишена я счастья в жизни этой.

Три дня, три ночи в храме я проведу без сна –
На мужа наглядеться я досыта должна.
Даст бог, за это время умру я в свой черёд
И благодетельный конец моим скорбям придёт».

Вернулись горожане под кров родной опять,
Кримхильда же осталась о муже горевать.
Лишь причет, да монахи, да свита были с ней
В течение этих горестных трёх дней и трёх ночей.

Тем было тяжелее над телом в храме бдить,
Что многим не давала печаль ни есть, ни пить,
Хоть Зигмунд яств немало принесть велел туда.¹⁷²
Да, с нибелунгами стряслась великая беда.

Все эти трое суток, как повествуют были,
Над гробом панихиду священники служили.
Зато из них беднейший стал богачом с тех пор –
Так много золотой казны понанесли в собор.

А кто концы с концами сводил едва-едва,
Тем много тысяч марок пораздала вдова
Из денег, что оставил ей Зигфрид по кончине –
Пусть на помин его души их тратят люди ныне.

Дабы не стёрлась память о Зигфриде вовек,
Монастыри, а также недужных и калек
Кримхильда одарила участками земли.¹⁷³
В одежде новой от неё все нищие ушли.

Когда на третье утро обедня началась,
На кладбище соборном, где с ночи собралась
Вся рейнская столица, раздались плач и стон:
Друзьям героя дорог был и по кончине он.

Я знаю из преданий, дошедших до меня,
Что тридцать тысяч марок за те четыре дня
На поминанье мужа Кримхильда раздарила.
Увы, ему не помогли его краса и сила!

Но вот обедню в храме допели до конца.

¹⁷² *Хоть Зигмунд яств немало принесть велел туда.* – Поминальная трапеза была обязательным обрядом.

¹⁷³ *Кримхильда одарила участками земли.* – Нормальная форма использования земельных владений в феодальную эпоху состояла в наделении ими зависимых крестьян, которые платили ренту собственнику; широко практиковались дарения таких земель, или поступлений с них, в пользу церкви «на помин души» или «во спасение души» дарителя или его близких.

Исполнились тоскою и скорбью все сердца.
Гроб подняли вассалы и понесли к могиле.
Кому покойник дорог был, те горько слёзы лили.

Хотя за гробом много мужчин и женщин шло,
Все искренне грустили, всем было тяжело.
На кладбище был Зигфрид отпет в последний раз.
Ах, сколько клириков туда сошлось в тот горький час!

Покамест до могилы Кримхильда добрела,
Рыдающая свита не раз должна была
Холодною водою бедняжку отливать.
Не доводилось никому так сильно горевать!

Осталась только чудом тогда в живых она,
Хотя была заботой всех дам окружена.
К вассалам обратилась вдова с такой мольбой:
«Прошу вас, люди Зигфрида, о милости большой.

Хоть малую утеху доставьте мне, злосчастной, –
Дозвольте снова глянуть на лик его прекрасный».
Она так умоляла, лила так много слёз,
Что крышку с гроба пышного снять витязям пришлось.

Когда взглянуть ей дали на мула своего,
Приподняла Кримхильда рукой чело его
И, труп обняв, припала к нему в последний раз.
Не слёзы от тоски, а кровь текла у ней из глаз.

Прощалась с телом долго несчастная вдова.
Она сама от горя была полумертва,
Сознание теряла и не могла идти,
И на руках её пришлось оттуда унести.

И вот в сырую землю героя опустили.
Безмерно нибелунги о Зигфриде грустили.
Был смертью сына Зигмунд так сильно удручён,
Что больше не видал никто, чтоб улыбнулся он.

Горюя о погибшем и недругов кляня,
Иные из вассалов не ели по три дня.
Но день настал четвёртый – и polegало им.
О мёртвом веки вечные нельзя грустить живым.

Авентюра XVIII **О том, как Зигмунд возвратился домой**

Пришёл к невестке Зигмунд и грустно молвил ей?
«Не жалуют на Рейне таких, как мы, гостей,
И я предпочитаю вернуться в край родной.

Угодно ли, Кримхильда, вам отправиться с мной?

Нельзя измену брата вменять сестре в вину,
И в гибели супруга я вас не упрекну,
Но буду в память сына, столь дорогого мне,
Отцовскую привязанность питать к его жене.

И после смерти мужа вы сохранить должны
Ту власть, какую были при нём облечены.
Венец его носите на зависть всем врагам.
А люди Зигфрида служить охотно будут вам».

Кримхильда согласилась, и сборы начались.
Седлать коней ретивых вассалы принялись,
А дамы и девицы – одежду доставать.
В стране врагов невоготу им стало пребывать.

Узнав, что хочет Зигмунд Кримхильду взять с собою,
Родня к ней обратилась со слёзною мольбою
Остаться там, где братья и мать её живут.
Вдова сказала с горечью: «Не выдержу я тут.

Легко ль мне будет видеть вседневно и всечасно
Того, кем Зигфрид отнят был у меня, злосчастной?»
Млад Гизельхер ответил: «Но у тебя есть мать,
И твой прямой дочерний долг – её не покидать.

Зависеть ты не будешь от недругов своих:
Всем нужным обеспечу сестру я и без них».
Кримхильда возразила ему на эти речи:
«Нет, смерть от горя ждёт меня, коль Хагена я встречу».

«Да я к тебе и близко не подпущу его.
Живи у Гизельхера, у брата своего, –
Он в горести утешит тебя, сестра моя». –
«Да, – молвила несчастная, – нуждаюсь в этом я».

Упрашивал Кримхильду не только младший брат.
Мать, Гернот и родные – твердили все подряд,
Что здесь о ней сумеют заботиться они,
А во владеньях Зигфрида нет у неё родни.

«Мы все, – прибавил Гернот, – умрём в свой срок и час.
Смерть побеждает даже сильнейшего из нас.
Не забывай об этом и покорись судьбе.
А жить всего разумнее здесь, у своих, тебе».

Кримхильда уступила в конце концов им всем,
А Зигмунд собирался на родину меж тем.
Он погрузить доспехи велел на лошадей
И приготовился домой вести своих людей.

Старик-король к невестке пришёл и объявил:
«Здесь, в Вормсе, оставаться у нас нет больше сил.

В дорогу нибелунги уже снаряжены.
Мы ждём лишь вас, чтобы уйти из вражеской страны».

Ответила Кримхильда: «Не стоит ждать меня.
Мне жить в земле бургундской советует родня –
Ведь в крае нибелунгов я буду всем чужой». ¹⁷⁴
Унынье в сердце Зигмунда вселил ответ такой.

Он возражать ей начал: «А я скажу иное.
Поедемте со мною, и власть над всей страной
Я, как при жизни сына, вам передам опять.
Никто вас в гибели его не станет обвинять. ¹⁷⁵

Ваш долг – со мною ехать: у вас ребёнок есть. ¹⁷⁶
Его осиротите вы, оставаясь здесь,
А там опорой станет он вам, когда взрастёт.
Пока ж он мал, вас с ним не даст в обиду мой народ».

Она в ответ: «Мой свёкор, не еду с вами я.
Разумней мне остаться там, где родня моя,
Которая мне в скорби послужит утешеньем»,
На что ей люди Зигфрида сказали с раздраженьем:

«Ещё, наверно, мало стряслось несчастий с нами,
Коль наша королева пренебрегла друзьями
И жить предпочитает там, где враги живут.
Не дай нам бог ещё раз так попиловать, как тут!»

«В седло, мои вассалы, и с богом по домам.
Не бойтесь нападения – я вам охрану дам.
Когда ж вернётесь в земли супруга моего,
Служите так же, как ему, наследнику его».

Услышав, что Кримхильда такое говорит, –
Все Зигмундовы люди заплакали навзрыд.
С тоской внимал невестке и сам старик-король:
При мысли о разлуке с ней испытывал он боль.

В сердцах воскликнул Зигмунд: «Будь проклят этот пир!
Ручаюсь я, не видел и не увидит мир,
Чтоб гость был принят хуже, чем сын мой горемычный,
Вовек меня в Бургундию не зазовут вторично».

¹⁷⁴ *Ведь в крае нибелунгов я буду всем чужой.* – Кримхильда не имеет кровных родственников в стране нибелунгов. Но свёкор, свекровь и сын у неё всё же есть. Однако это не её род, а род её покойного мужа. Страна нибелунгов (Норвегия) и Нидерланды автором здесь окончательно перепутаны и смешаны воедино. Ср. строфу 1098.

¹⁷⁵ *Никто вас в гибели его не станет обвинять.* – Подобные обвинения могли бы возникнуть, поскольку Кримхильда – представительница рода убийц Зигфрида, и, следовательно, за него можно мстить и ей.

¹⁷⁶ *...у вас ребёнок есть.* – Привязанность к роду была сильнее родительских чувств, и Кримхильда остается безучастной к этому призыву.

А Зигфридовы люди сказали вслух: «Как знать!
 Быть может, и придётся здесь побывать опять.
 Коль станет нам известно, кто Зигфрида сгубил,¹⁷⁷
 Враги увидят, как любим покойник нами был».

Затем простился Зигмунд с невесткою своей.
 Её он крепко обнял и грустно молвил ей:
 «Без радости мы едем в родимые края.
 Впервые в полной мере здесь изведал горе я».

Повёл из Вормса к Рейну король своих бойцов,
 Не требуя охраны и не боясь врагов:
 Ведь если б нибелунгам и навязали бой,
 То постоять бы за себя сумел из них любой.

Сам Зигмунд слов прощальных не молвил никому,
 Но Гизельхер и Гернот приблизились к нему
 И дали гостю клятву, что вместе с ним скорбят
 И что никто из них пред ним ни в чём не виноват.

Сказал с прискорбьем Гернот: «Пусть бог меня сразит,
 Коль ведал я, что будет ваш смелый сын убит.
 Нет, я не слышал даже, чтоб говорили худо
 Здесь про того, кого всю жизнь оплакивать я буду».

Млад Гизельхер охраной снабдил гостей своих.
 До самых Нидерландов сопровождал он их.
 Домой с недоброй вестью приехали они,
 И старый Зигмунд встречен был рыданиями родни.

Сказать вам не могу я, что дальше с ними стало.
 Я знаю лишь, как в Вормсе Кримхильда горевала.
 Она превозмогала отчаянье своё
 Лишь потому, что Гизельхер был около неё.

Настала для Брюнхильды минута торжества.
 Ей было горя мало, что слёзы льёт вдова.
 Она к своей золовке питала лишь вражду,
 Чем в свой черёд и на себя накликала беду.¹⁷⁸

¹⁷⁷ *Коль станет нам известно, кто Зигфрида сгубил...* – Поэт здесь как будто забывает, что виновник уже известен.

¹⁷⁸ *Чем в свой черёд и на себя накликала беду.* – Туманный и оставшийся в «Песни о нибелунгах» не разьяснённым намёк на дальнейшую судьбу Брюнхильды. Её роль в развитии сюжета исчерпана. С исчезновением обоих чужаков – Зигфрида и Брюнхильды – в Вормсе нарастает основной конфликт эпопеи – междоусобная борьба. В скандинавской версии Брюнхильд, напротив, активна до конца. Она закалывает себя, не желая пережить Сигурда, которого любила и обрекла на смерть. Тела Сигурда и Брюнхильд были сожжены на одном погребальном костре. В отличие от исландского эпоса, придавшего образу Брюнхильд черты высокого героизма, в первой части «Песни о нибелунгах», по выражению Хойслера, вместо трагедии Брюнхильды дана история первого замужества Кримхильды.

Авентюра XIX О том, как клад нибелунгов был перевезён в Вормс

Когда лишиться мужа пришлось Кримхильде вдруг,
Граф Эккеварт остался при ней с толпою слуг.
По целым дням сидел он с несчастною вдовою
И горевал о Зигфриде с ней вместе всей душою.

Близ вормсского собора ей выстроили дом.
Был он обставлен пышно, хватало места в нём.
Там заперлась Кримхильда и только по утрам
Ходила мужа поминать со свитой в божий храм.

Оттуда отправлялась она в мороз и в зной
На кладбище, где Зигфрид лежал в земле сырой.
Там Господа Кримхильда, как верная подруга,
Молила о спасении души её супруга.

Нередко к ней являлась и королева-мать.
Не уставала Ута Кримхильду утешать,
Но дочь её, как прежде, была тоски полна.
Вовеки не печалилась так ни одна жена,

Чей муж погиб до срока, в расцвете лет и сил.
Вдову душою твёрдой создатель наделил.
Она грустила долго о Зигфриде своём
И отомстила за него с лихвой врагам потом.

Три с половиной года¹⁷⁹ – ручаюсь в этом вам –
Кримхильда предавалась унынью и слезам,
Ни Гунтеру ни разу словечка не сказав,
Ни глаз на злого Хагена ни разу не подняв.

И вот владетель Тронье промолвил: «Государь,
Не худо бы с сестрою вам сблизиться, как встарь.
Когда б опять в доверье к Кримхильде вы вошли,
Клад нибелунгов¹⁸⁰ мы б к себе на Рейн перевезли».

Король сказал: «Считаю совет разумным я
И попрошу, чтоб братья – они ведь с ней друзья –
Кримхильду убедили со мною примириться».

¹⁷⁹ *Три с половиной года...* – очередной промежуток «пустого» времени в эпосе. Такими интервалами большей или меньшей длительности разделены описываемые в «Песни о нибелунгах» события. Инициатором нового деяния – отнятия клада Зигфрида – вновь выступает Хаген.

¹⁸⁰ *Клад нибелунгов.* – Древнегерманское представление о том, что сокровища составляют основу могущества короля и вместе с тем материализованный символ его власти, сохраняется и в «Песни о нибелунгах», хотя уже в стёртом, не вполне ясном виде. См. вступительную статью.

На это Хаген возразил: «Она не покорится».

С маркграфом Гере вместе был Ортвин призван в зал.
Отправиться к Кримхильде король им приказал.
Млад Гизельхер и Гернот сопровождали их,
И Гернот стал увещевать сестру в словах таких:

«Довольно о супруге скорбеть вам день и ночь.
Он умер, и слезами ему нельзя помочь.
Король, наш брат, клянётся вам, госпожа, к тому же,
Что нет у вас причин винить его в убийстве мужа».

Она сказала: «В этом я не виню его.
Убил не он, а Хаген супруга моего.
Злодею я открыла, где Зигфрид уязвим,
Зато и каюсь, что была столь откровенна с ним.

Когда б я мужней тайны не выдала сама,
Мне б не пришлось от горя теперь сходить с ума.
Нет, тех, кем сгублен Зигфрид, я не могу простить».¹⁸¹
Тут начал Гизельхер сестру за Гунтера просить.

Она дала согласие на встречу с королём,
И к ней явился Гунтер со всем своим двором.
Лишь Хаген не решился отправиться туда –
Уж слишком много причинил Кримхильде он вреда.

А Гунтер оправдался и ею был прощён.
С сестрой расцеловался в знак примиренья он.
Давно бы уж поладить сумел с Кримхильдой брат,
Когда бы он не чувствовал, что вправду виноват.

Немало при свиданье пролито было слёз.
Забыла зло Кримхильда всем, кто ей вред нанёс,
И в сердце затаила лишь к Хагену вражду –
Ведь это он один навлёк на Зигфрида беду.

Затем вдове внушили, что клад на Рейн она
Из края нибелунгов перевезти должна:
Как свадебный подарок, его ей дал супруг,¹⁸²
И неразумно выпускать сокровище из рук.

Она за этим кладом, который в недрах гор
Могучий карлик Альбрехт стерёг с давнишних пор,
Послала восемь тысяч бургундов удалых.
Вели с собою Гизельхер, а также Гернот их.

Гостей завидел Альбрехт и так сказал друзьям:

¹⁸¹ Нет, тех, кем сгублен Зигфрид, я не могу простить. – Согласно германскому праву, те, кто знал о злодеянии, считались соучастниками.

¹⁸² Как свадебный подарок, его ей дал супруг... – После первой брачной ночи муж вручал жене «утренний дар».

«Отряжены Кримхильдой они за кладом к нам.
Я ж отказать не смею владычице своей –
Как свадебный подарок клад супругом отдан ей.

Осталось бы, конечно, сокровище у нас,
Когда б бесстрашный Зигфрид до срока не угас
И не исчез бесследно в могиле вместе с ним
Плащ-невидимка,¹⁸³ что всегда героем был носим.

Уж лучше б не был витязь заброшен к нам судьбою:
Себе на горе взял он плащ-невидимку¹⁸⁴ с бою
И добыл во владенье край отдалённый наш».
Тут побежал разыскивать ключи от клада страж.

Под самую горою разбили рейнцы стан,
И братьям королевы был клад несметный сдан.
Они на берег моря его перевезли
И стали для отправки в Вормс грузить на корабли.

О нём чудес немало рассказывают были;
Четыре дня и ночи с горы его возили
Двенадцать до отказа нагруженных возов,
И в сутки делал каждый воз не меньше трёх концов.

Лишь золото да камни тот составляли клад.
Когда бы дать в нём долю на свете всем подряд,
Он и на марку меньше от этого б не стал.
Недаром Хаген так давно им завладеть мечтал.

Был там и жезл волшебный:¹⁸⁵ кто им владеть умел,
Тот власть над целым миром в своих руках имел.
Утратил смелый Альбрехт не только клад в те дни:
За Гернотом уехала и часть его родни.

Когда же возвратились два короля домой
И в Вормсе клад вернули сполна сестре родной,
Там золотом набили все башни и подвалы.
Сокровища несметнее на свете не бывало.

Но тысячею кладов Кримхильда б поступилась
И стать последней нищей охотно согласилась,
Когда б супруга к жизни могла вернуть она.
Вовеки мужу не была столь предана жена.

Теперь, когда Кримхильде был клад её вручён,

¹⁸³ *Осталось бы, конечно, сокровище у нас, // Когда б... не исчез... // Плащ-невидимка...* – Этот плащ укрыл бы от взоров людей Кримхильды как Альбрехта, так и охраняемый им клад.

¹⁸⁴ *Себе на горе взял он плащ-невидимку...* – С помощью этого плаща Зигфрид навлек на себя гибель, осуществив сватовство Гунтера и покоровив ему Брюнхильду.

¹⁸⁵ *Был там и жезл волшебный...* – Однако эта сказочная волшебная палочка в эпосе более не упоминается.

На Рейн съезжаться стали бойцы со всех сторон,
И так их осыпала подарками вдова.
Что повсеместно шла о ней похвальная молва.

Стал государю Хаген нащёптывать с тревогой:
«И бедным и богатым дарит она так много,
Что витязи на службу к ней повалят валом,
А это для Бургундии не кончится добром».¹⁸⁶

«Сестра – хозяйка клада, – изрёк король в ответ. –
Как с ним она поступит, мне, право, дела нет.¹⁸⁷
Утратить слишком страшно мне вновь приязнь её,
Чтоб я мешал ей расточать имущество своё».

На это молвил Хаген: «Нет, женщину вовек
Не подпустил бы к кладу разумный человек.
Богатства у Кримхильды вам отобрать пора,
Пока вас до беды, король, не довела сестра».

Сказал державный Гунтер: «Поклялся я, что впредь
Кримхильде не придётся обид от нас терпеть,
И слова не нарушу: она – сестра моя».
Воскликнул Хаген: «Пустяки! За всё в ответе я».

Ему поддался Гунтер, обет свой преступил¹⁸⁸ –
И у вдовы отобран тот клад несметный был,
Ключи ж от клада в руки дал Хагену король.
Был этим Гернот оскорблён, как никогда дотоль.

А Гизельхер воскликнул: «Я Хагена уйму
И притеснять Кримхильду не разрешу ему.
Давно б его осек я, не будь мы с ним в родстве».
Так вновь был нанесён ущерб беспомощной вдове.

Промолвил Гернот: «В тягость нам будет этот клад.
Его мы в воды Рейна опустим,¹⁸⁹ милый брат,
Чтоб не вселял он зависть веке ни в кого».
Тут к Гизельхеру, вся в слезах, пришла сестра его.

¹⁸⁶ ...витязи на службу к ней повалят валом, // А это для Бургундии не кончится добром. – Хаген боится, что, окружив себя дружиной, Кримхильда сможет отомстить за Зигфрида.

¹⁸⁷ Сестра – хозяйка клада... // Как с ним она поступит, мне, право, дела нет. – Вдова не состояла под опекой родичей и могла самостоятельно распоряжаться своим имуществом.

¹⁸⁸ Ему поддался Гунтер, обет свой преступил... – Под напором железной воли Хагена Гунтер, как и обычно, пасует.

¹⁸⁹ Его мы в воды Рейна опустим... – Совет Гернота не мотивирован в «Песни о нибелунгах». В скандинавской версии сказания Гуннар и Хёгни прячут золото в Рейне перед отъездом к Атли, который хотел бы им завладеть. О погружении золота в Рейн в скандинавских источниках см. «Старшую Эдду» («Песнь о Вёлунде», 14; «Краткая Песнь о Сигурде», 16; «Гренландская Песнь об Атли», 27), а также «Младшую Эдду».

Она сказала: «Брат мой, сестре защитой будь.¹⁹⁰
Заставь вдове несчастной её добро вернуть».
Ей Гизельхер ответил: «Уехать надо нам.
Когда ж воротимся, твой клад тебе верну я сам».

Сопровождать в дорогу трёх братьев-королей
Отправилось немало вассалов и друзей.
Один лишь Хаген дома остаться пожелал –
Кримхильде горе новое он приуговлял.

Пока в отъезде были три венценосных брата,
В Лохгейм на Рейне Хаген увёз тот клад богатый
И утопил, чтоб после воспользоваться им,
Но так и не пришлось ему владеть добром чужим.

Когда в столицу братья вернулись наконец,
С толпою дам Кримхильда явилась во дворец.
Узнав, что ей обида нанесена опять,
Не мог негодования млад Гизельхер сдержать.

В своих владыках Хаген такую вызвал злость,
Что двор ему покинуть на долгий срок пришлось,
Но всё ж был королями прощён вассал опальный.
Зато стяжал он ненависть вдовы многострадальной.

Ещё когда им в реку клад не был погружён,
Друг другу дали клятву три короля и он,
Не прикасаться к кладу, покуда жизнь их длится,
И никому не открывать, где он теперь хранится.¹⁹¹

А для вдовы настала печальная пора.
Её всего лишили – и мужа и добра,
И сердце ей томили обида и кручина,
Предел которым положить сумела лишь кончина.

Так, после смерти мужа, – я вам ручаюсь в том, –
Тринадцать лет Кримхильда жила, скорбя о нём.¹⁹²
О Зигфриде не в силах забыть она была,
За что и воздавалась ей людьми везде хвала.

¹⁹⁰ *Брат мой, сестре защитой будь.* – Гизельхер, однако, уклоняется от принятия на себя этой функции, откладывая вопрос о возврате Кримхильде золота до своего приезда домой, а Хаген тем временем топит клад в Рейне. Мало этого, внезапный отъезд трёх королей выглядит как способ избежать ответственности за потопление сокровища, свалив её целиком на Хагена и даже на время удалив его из Вормса.

¹⁹¹ *Друг другу дали клятву... // Не прикасаться к кладу, покуда жизнь их длится. // И никому не открывать, где он теперь хранится.* – Об этой клятве см. строфу 2368.

¹⁹² *Так, после смерти мужа... // Тринадцать лет Кримхильда жила, скорбя о нём.* – Новый длительный «пустой» промежуток, отделяющий вышеописанные события от нового «узла» – сватовства и женитьбы Этцеля на Кримхильде. За столь длительный срок нисколько не притупляется горе Кримхильды. Чувства людей в эпосе вообще не подвластны ходу времени. Здесь завершается первая часть «Песни о нибелунгах». Она охватывает десять или одиннадцать лет, от появления Зигфрида в Вормсе и вплоть до отнятия у его вдовы клада нибелунгов. Начало второй части эпопеи, открывающейся XX авентурой, отделено от первой тринадцатилетним интервалом.

Авентюра XX

О том, как король Этцель послал в Бургундию за Кримхильдой

По смерти Хельхи¹⁹³ Этцель стал спрашивать друзей,
Кого б ему вторично избрать женой своей.
«Коль в брак вступить вы склонны, – ответили друзья,
Пошлите сватов, государь, в бургундские края.

Живёт вдова на Рейне, прекрасна и знатна.¹⁹⁴
Супругу вашу Хельху заменит вам она.
Достойней, чем Кримхильда, для вас подруги нет –
На ней сам Зигфрид был женат, тому тринадцать лет».

«Мне, – рек державный Этцель, – Кримхильда не чета.
Язычник я доселе,¹⁹⁵ она же чтит Христа,
И если б согласилась вдова моею стать,
Я б это, без сомнения, за чудо мог считать».

Вельможи возразили: «Попробовать не грех.
Славнее и богаче вы государей всех.
Достоинства такие прельстить вдову должны,
А вам вовеки не найти прекраснее жены».

«Кому из вас, – промолвил им Этцель в свой черёд, –
Знакомы край прирейнский и тамошний народ?» –
«Кримхильду в колыбели когда-то я качал, –

¹⁹³ *Хельха* – первая жена Этцеля (Аттилы), короля гуннов. В современных Аттиле источниках её имя Керка. Центр гуннской державы находился на Среднем Дунае, на территории, которая столетия спустя была заселена венграми; однако автор поэмы прямо называет её Венгрией (строфа 1162). Путь из гуннской империи в Бургундию шел через подвластную Этцелю Австрию (на самом деле не существовавшую во времена Аттилы), Баварию и Швабию. Аттила был чрезвычайно популярен на протяжении всего средневековья. Но в разных легендарных традициях он интерпретировался неодинаково, даже прямо противоположным образом. У остготов, чья традиция сохранилась в Баварии и нашла отражение в сказаниях о Дитрихе Бернском и, через их посредство, в «Песни о нибелунгах», он фигурирует в качестве могучего и милостивого государя, тогда как от враждовавших с ним франков пошла традиция, изображающая его как дикого и алчного захватчика; см. исландские песни об Аттиле в «Старшей Эдде».

¹⁹⁴ *Живет вдова на Рейне, прекрасна и знатна.* – Во второй части «Песни о нибелунгах» использован иной материал, нежели в первой, – традиция, связанная с именами Этцеля и Дитриха Бернского. Нетрудно убедиться в том, что эти персонажи вводятся в эпопею без всяких пояснений, – видимо, предполагалось, что читателю они знакомы. Между тем Кримхильда и её братья – бургундские короли вновь характеризуются как якобы новые персонажи (см. строфу 1148 и др.) Очевидно, составитель эпопеи при обработке более ранних песен не до конца устранил строфы с соответствующими пояснениями, которые в контексте «Песни о нибелунгах» кажутся повторением ранее известного.

¹⁹⁵ *Язычник я доселе...* – Религиозные проблемы затрагиваются в «Песни о нибелунгах» редко и неохотно. Исторический Аттила действительно был язычником, но здесь он рассуждает о вероисповедных различиях между собой и Кримхильдой чуть ли не с позиций христианства: упоминает «чудо» и вообще как бы признает превосходство её религии над собственной.

Так Рюдегер Бехларенский¹⁹⁶ владыке отвечал. –

И братьев королевы я знал в былые дни.
Зовутся Гунтер, Гернот и Гизельхер они.
Разумные в совете, отважные в бою,
Они ревниво берегут честь предков и свою».

Спросил маркграфа Этцель: «Мой друг, скажи мне честно,
Насколько между нами супружество уместно
И вправду ли Кримхильда так хороша собой.
Что лучшие мои друзья одобряют выбор мой».

«Мой государь, красива жена у вас была,
Но прелестью Кримхильда и Хельху превзошла.
Прекрасней королевы не видел мир вовек.
Тот, кто супругом станет ей, – счастливый человек».

Воскликнул Этцель: «Сватай Кримхильду за меня
И знай, что если только я доживу до дня,
Когда на ложе с нею взойти удастся мне,
За труд ты будешь, Рюдегер, вознаграждён вполне.

Коль ехать ты согласен, дадут тебе и свите
Коней, оружие, платье – всё, что ни захотите.
Ни в чём нужды не будешь ты знать, мой друг, в пути.
Лишь постарайся в жёны мне Кримхильду привезти».

Но Рюдегер учтиво сказал ему в ответ:
«Нет, ваше достоянье мне расточать не след.
Меня казной так щедро вы оделили встарь,
Что ваш посол вас не введёт в расходы, государь».

Державный Этцель молвил: «В дорогу поспеши,
А я здесь буду небо молить от всей души
О полном и скорейшем успехе сватовства.
Дай бог, чтоб не отринула моей любви вдова».

Маркграф ответил: «Скоро я двинусь за рубеж,
Но платьем и оружием позапасусь допрежь,
Чтоб мы себя на Рейне сумели показать,
Туда с собой пятьсот мужей я собираюсь взять.

Хочу я, чтоб бургунды при нашем появлении
О том, кому мы служим, сказали в изумленье?
«Неслыханно, наверно, их государь силён,
Коль может столько витязей послать в посольство он

А вы не позволяйте советчикам дурным
Твердить, что был Кримхильдой сын Зигмунда любим.
В стране гостил он вашей, и вы его знавали.¹⁹⁷

¹⁹⁶ Рюдегер Бехларенский – персонаж сказания о Дитрихе Бернском. Бехларен – в Австрии.

Воитель столь же доблестный на свете был едва ли».

«Ну, что ж! – воскликнул Этцель. – Коль был женат на ней
Славнейший и знатнейший из всех богатырей,
Искать руки Кримхильды отнюдь не стыдно мне
И для меня её краса желаннее вдвойне».

Тут Рюдегер закончил: «Коль вы на брак согласны,
Дам знать я Готелинде,¹⁹⁸ жене моей прекрасной,
Что вы к Кримхильде сватом отправили меня.
На сборы ж надо будет мне двадцать четыре дня».

Гонца в родной Бехларен послал к жене маркграф,
И к радости и к скорби ей повод вестью дав;
Да, мужу лестно сватом у государя быть,
Но можно ль Хельху милую когда-нибудь забыть?

Когда была ей новость гонцом сообщена,
Спросила со слезами сама себя она,
Какую королеву теперь пошлёт ей бог,
И Хельху вспомнила добром, и подавила вздох.

С усердьем долг исполнить всегда готов и рад,
Из Венгрии уехал через неделю сват.
Он по пути был Вену намерен посетить,
Чтоб там для спутников своих одежду захватить.

А Готелинда с дочкой в Бехларене родном
Свиданья ожидали с супругом и отцом.
Снедало нетерпенье их девушек и дам –
Хотелось всем скорей предстать приезжим удалцам.

Маркграф одежду в Вене взял для своих людей.
Немалый груз был взвален на вьючных лошадей,
Но так обоз надёжно оберегала стража,¹⁹⁹
Что на него никто в пути не покусился даже.

Когда маркграф в Бехларен привёл бойцов своих,
Нашёл он помещенье для каждого из них
И к каждому отнёсся с радушием большим.
Как Готелинда счастлива была свиданью с ним!

¹⁹⁷ *В стране гостил он вашей, и вы его знали.* – Не сохранилось памятников, которые упоминали бы о пребывании Зигфрида у гуннов или о встрече его с Этцелем. Возможно, автор исходил из убеждения, что всякий прославленный герой не мог не посетить двор Этцеля – средоточие витязей (подобно дворам Карла Великого и Артура в других средневековых рыцарских поэтических циклах).

¹⁹⁸ *Готелинда* – тоже персонаж сказания о Дитрихе Бернском.

¹⁹⁹ *...так обоз надёжно оберегала стража...* – Частые в песни упоминания об охране обозов и путников и об опасности разбоя, которому они могли подвергнуться, – отражение средневековой повседневной действительности.

Была их дочка рада ещё сильнее, чем мать;
Отца давно хотелось ей снова повидать;
К тому ж взглянуть на гуннов она была не прочь.
С улыбкою промолвила им маркграфиня-дочь:

«Привет тебе, отец мой, и вам, его бойцы!»
Учтиво поклонились в ответ ей удальцы.
А знатной Готелинде хотелось одного –
Скорее всё повыспросить у мужа своего.

Когда лежал в постели с ней за полночь супруг,
Она ему шепнула: «Не скажешь ли, мой друг,
Зачем владыкой гуннов ты послан в край чужой».
Ответил Рюдегер: «Скажу с охотою большой.

К бургундам государем как сват я отряжен.
Взамен прекрасной Хельхи подругу ищет он,
И этою подругой Кримихильда стать должна.
Власть над землёю гуннской разделит с ним она».

Жена ему: «Удачи моли себе у бога.
Слыхали о Кримхильде хорошего мы много.
Она, как Хельха, будет нам доброй госпожою,
И государыне такой я рада всей душою».

«Любезная супруга, – маркграф в ответ сказал, –
Тех витязей, которых с собой на Рейн я взял,
Одеждою пристойной снабдить не премини,
Чтоб в путь с душой спокойною отправились они».

Сказала маркграфиня: «Любого из бойцов,
Коль он принять подарок из рук моих готов,
Всем, что в дороге нужно, снабжу охотно я».
Маркграф в ответ: «Приятна мне такая речь твоя».

Шёлк и меха достала она из кладовых.
Плащи нашили дамы для витязей лихих
И в новое одели их с головы до ног.
Супруге ткани выбирать сам Рюдегер помог.

С рассветом дня седьмого своих людей посол
Через страну баварцев²⁰⁰ в Бургундию повёл,
И хоть добра немало отряд с собою вёз,
Разграбить не смогли в пути разбойники обоз.

На Рейн посол приехал через двенадцать дней.
Дошло о том известье до братьев-королей,
И в зал дворцовый Гунтер вассалов пригласил.

²⁰⁰ *Через страну баварцев...* – Автор, как предполагают, житель Пассау (Австрия), склонен изображать соседей-баварцев в виде разбойников с большой дороги. Недоверчивое или враждебное отношение к другим народам или к жителям иной местности, вообще к «чужим» – характерный признак средневековой разобщенности и партикуляризма.

Когда же собрались они, король у них спросил,

Кто знает, что за люди к его двору явились.
Меж тем, на гуннов глядя, прохожие дивились
Обилию поклажи и платьям дорогим.
Как видно, гости знатные пожаловали к ним.

Был размещён на отдых уже весь люд приезжий,
А во дворце и в Вормсе шли разговоры те же –
Кто эти иноземцы и прибыли отколь.
«Как звать их?» – кликнув Хагена, спросил его король,²⁰¹

Сказал владетель Тронье: «Ответить бы не прочь я,
Да нужно мне сначала увидеть их воочью.
Вот если я ответа вам и тогда не дам,
То, значит, из далёких стран они явились к нам».

Пришельцы отдохнули с дороги сколько надо,
Затем переменили обычные наряды
На пышную одежду искусного покроя
И вслед за сватом во дворец поехали толпою.

Отважный Хаген молвил, когда взглянул в окно:
«Хоть я в гостях и не был у Этцеля давно,²⁰²
Но вам могу ручаться, что скачет там стремглав
Не кто иной, как Рюдегер, бехларенский маркграф».

Рек Гунтер: «Не поверю я, Хаген, никогда,
Чтоб он из края гуннов приехал к нам сюда».
Король ещё не кончил, как Хаген увидал,
Что Рюдегера правильно в прибывшем угадал.

Он выбежал с друзьями во двор встречать гостей,²⁰³
А там уже слезало пятьсот бойцов с коней,
Все в панцирях блестящих и платье дорогом.
Оказан гуннским воинам был ласковый приём.

«Привет, – воскликнул Хаген, – вам гости дорогие,
Бехларенский правитель и витязи лихие!
Мы рады видеть в Вормсе столь доблестных бойцов».
Порадовала речь его приезжих удальцов.

Бургунды обступили гостей со всех сторон,

²⁰¹ «Как звать их?» – кликнув Хагена, спросил его король. – Хаген в поэме неизменно фигурирует в роли не только самого инициативного, но и наиболее осведомленного человека.

²⁰² *Хоть я в гостях и не был у Этцеля давно...* – Согласно «Вальтарию» (см. прим. к строфе 911), в молодости Хаген был заложником при гуннском дворе. Ср. строфы 1189, 1201, 1205 и др.

²⁰³ *Он выбежал с друзьями во двор встречать гостей...* – Радость встречи с друзьями подчёркивается нарушением церемониала и присущей Хагену степенной важности. Особую честь Рюдегеру оказывает и сам король. См. строфу 1185 след.

И молвил Ортвин Мецкий, послу отдав поклон:
«Ничей приезд доныне – и в этом нет сомненья –
Нас так ещё не радовал, как ваше посещение».

За честь сказал «спасибо» от всей души посол
И со своей дружиной в дворцовый зал пошёл.
В то время находился с друзьями Гунтер там.
Король, любезно с места встав, направился к гостям.

К ним подошёл и Гернот, за старшим братом вслед.
Послу с большим радушьем ответив на привет
И обласкав героев, что вместе с ним вошли,
Маркграфа взяли за руки учтиво короли.

Бехларенца бок о бок с собою усадил
В знак уваженья Гунтер, и кравчий нацедил
Приезжим вдоволь мёду и лучшего вина,
Какое может произвести прирейнская страна.

Встречать гостей явился млад Гизельхер поспешно,
С ним Гере, Данкварт, Фолькер, и все они сердечно
Поздравили с приездом достойного посла.
Равно, как прочим, встреча с ним приятна им была.

Шепнул владетель Тронье бургундскому владыке:
«Мы оказать всем гуннам должны почёт великий.
Муж милой Готелинды – наш старый, верный друг.
Примите же поласковой его бойцов и слуг».

Державный Гунтер молвил: «Желаньем я сгораю
Узнать, что происходит в далёком гуннском крае.
Надеюсь, Этцель с Хельхой здоровы, как и встарь?»
Маркграф ему: «Отвечу вам охотно, государь».

Встал Рюдегер и встали все, кто вошёл с ним в зал.²⁰⁴
«Коль вы узнать хотите, – он королю сказал, –
Что за события ныне у нас в стране случились,
Дозвольте передать ту весть, с какой мы к вам явились».

«Маркграф, – воскликнул Гунтер, – ждать не намерен я»,
Пока ко мне сойдутся держать совет друзья,
И выслушать согласен сейчас же вашу весть.
Вас самолично принимать считаю я за честь».

Сказал посол достойный: «Король великий мой
Вас повелел уверить, что предан всей душой
И вам, властитель рейнский, и вашим ближним он.
Всем вормсцам от него привёз я дружеский поклон.

Вам сообщает также о горе он своём.

²⁰⁴ Встал Рюдегер и встали все, кто вошел с ним в зал. – Обычная церемония при изложении послами поручения, с которым они прибыли.

Его супруга Хельха уснула вечным сном.
Она осиротила, так рано умерев,
И всех нас, подданных её, и многих знатных дев,

Которые возрастали с младенчества при ней.
Никто о них не сможет заботиться нежней.
Безмерною печалью страна и двор объяты,
А Этцелю не позабыть вовек такой утраты».

Державный Гунтер молвил: «Пусть бог воздаст ему
За дружеские чувства к народу моему.
Все рады здесь привету, который нам он шлёт,
И услужить ему всегда готовы в свой черёд».

Сказал отважный Гернот, Бургундии король:
«Весть о кончине Хельхи нам причиняет боль:
Мы все за добродетель её глубоко чтили».
И это вормсы многие немедля подтвердили.

Тут Рюдегер почтенный заговорил опять:
«Мне, государь, дозвоьте ещё кой-что сказать.
Поведать вам по правде велел мой господин,
Как ныне, Хельху схоронив, тоскует он один.

А он слышал, что Зигфрид погиб во цвете лет
И у Кримхильды милой супруга больше нет.
Поэтому он просит руки вдовы прекрасной,
Чтоб с нею разделить престол, коль вы на то согласны».

Сказал любезно Гунтер – всегда он был учтив:
«Я не могу ответить, Кримхильду не спросив,
По нраву ли придётся ей ваше предложенье.
Дня через три я сообщу вам о её решенье».

Бургунды так убрали покои для гостей,
Что Рюдегер подумал: «Я здесь среди друзей».
Пеклись о нём все вормсы, а Хаген – тот вдвойне:
С маркграфом он дружил, гостя у Этцеля в стране.

Велев посланцу гуннов ответа ждать три дня,
Король распорядился, чтоб вся его родня
И все его вассалы пришли держать совет,²⁰⁵
Должна супругой Этцеля Кримхильда стать иль нет.

Отдать её за гунна все согласились разом,
И только Хаген молвил: «Утратили вы разум!
Нам этот брак, напротив, расстроить надлежит,
Что там ответить Этцелю Кримхильда ни решит».

«Ну, нет! – воскликнул Гунтер. – Она – сестра моя,

²⁰⁵ Король распорядился, чтоб вся его родня // И все его вассалы пришли держать совет... – Сватовство Этцеля представляло собой дело чрезвычайной государственной важности.

И сестриному счастью мешать не вправе я.
Коль Этцелю готова женой Кримхильда стать,
О лучшей доле для неё не можем мы мечтать».

«Отвергли б, – бросил Хаген, – вы это сватовство,
Коль Этцеля бы знали, как знаю я его.
Ведь если в самом деле он трон разделит с нею,
Недешево расплатитесь вы за свою затею».

Король ему ответил: «Вовек тому не быть.
К тому же и не смог бы наш зять нас погубить:
Мы никогда не будем застигнуты врасплох».
Но Хаген вновь и вновь твердил: «Король, расчёт ваш плох».

Спросили Гизельхера и Гернота потом,
Быть иль не быть Кримхильде за гуннским королём,
И оба брата дали согласие на брак.
Не удавалось убедить лишь Хагена никак.

Тут Гизельхер Бургундский стал вразумлять вассала:
«Кримхильде причинили вы, Хаген, зла немало,
И если счастье снова познать ей суждено,
То вам замужеству её препятствовать грешно».

Млад Гизельхер добавил: «На вас одном вина
За то, что к вам враждою сестра моя полна:
Вред столь безмерный вами Кримхильде нанесён,
Что в горе и несчастиях ей равных нет средь жён».

Рек Хаген: «Я б не спорил, не знай я наперёд,
Что, коль женою Этцель Кримхильду назовёт,
Она, наш давний недруг, возьмёт-таки своё:
Немало будет витязей на службе у неё».²⁰⁶

На эти речи Гернот ответил: «Не беда!
Нам ни сестра, ни Этцель не причинят вреда:
Покуда оба живы, мы к гуннам ни ногой.
Нет, честь не позволяет нам расстроить брак такой».

Твердил упрямо Хаген: «С ума сошли вы, что ли?
Ведь коль заменит Хельху Кримхильда на престоле,
Она уж не преминет беду на нас навлечь.
Нет, о её замужестве идти не может речь».

Млад Гизельхер, сын Уты, вспылел и молвил так:
«Не каждый здесь меж нами, как вы, Кримхильде враг.
Я, что б вы ни сказали, её удаче рад.

²⁰⁶ Немало будет витязей на службе у неё. – Хаген, как и обычно, мыслит более реалистично, чем бургундские короли, и предвидит возможные гибельные для них (и для себя) последствия отъезда Кримхильды в гуннскую державу. Но можно заметить, что этот «политический реализм» Хагена имеет немало общего с пониманием германским героем своей судьбы. В северной версии сказания Атли пригласил Гуннара с братьями, с тем чтобы завладеть их сокровищами и отомстить за гибель Брюнхильд, по этой версии – его сестры.

Вреда и зла родной сестре желать не может брат».

Умолк сердито Хаген и помрачнел лицом,
А Гунтер, смелый Гернот и Гизельхер втроём
Решили, что не станут мешать сестре своей,
Коль с Этцелем в супружество вступить угодно ей.

Промолвил славный Гере: «Вдове внушу легко я,
Что отвергать нет смысла ей сватовство такое.
Богат владыка гуннов, могуч и знаменит.²⁰⁷
Брак с ним за все страдания её вознаградит».

Немедля к королеве отправился вассал
И, встреченный радушно, Кримхильде так сказал:
«Готовьте мне награду за радостную весть.
Все ваши беды кончились – вас ждёт большая честь.

Велел вам брат ваш Гунтер поведать, госпожа,
Что прибыло посольство к нам из-за рубежа:
Сильнейший и славнейший меж всеми королями
В законное супружество вступить желает с вами».

«Ни вам, ни государю, – она в ответ гонцу, –
Над женщиной несчастной смеяться не к лицу.
Кому ещё на свете могу я быть нужна?
Какую радость мужу даст подобная жена?»

Затем, узнав, что Гере её не убедить,
К вдове решили Гернот и Гизельхер сходить
И долго ей внушали, как братья и друзья,
Что Этцеля она должна избрать себе в мужа.

На все лады старались, но так и не смогли
Склонить к второму браку Кримхильду короли.
Тогда они взмолились: «Пусть будет так, сестрица,
Но хоть посланцу Этцеля дозволейте к вам явиться».

Она в ответ: «Согласна на это я вполне.
Был Рюдегер достойный всегда любезен мне.
Вот если бы приехал сюда гонец иной,
Вовеки б не добился он свидания со мной».

Добавила Кримхильда: «Скажите, чтоб посол
Со мною завтра утром поговорить пришёл.
Я сообщу маркграфу сама своё решенье».
И королева впала вновь в печаль и сокрушенье.

Но Рюдегер почтенный как раз и вёл к тому,

²⁰⁷ *Богат владыка гуннов, могуч и знаменит.* – Хотя бургундские короли и настаивают на том, что пекутся исключительно о счастье сестры, намереваясь склонить её к браку с Этцелем, из настойчивости, с какой они преодолевают сопротивление Кримхильды, явствует, что на самом деле они заинтересованы в династическом союзе с гуннским повелителем.

Чтоб повидаться с нею дозволили ему.
Маркграф умом был светел и жизнью умудрён,
И в том, что убедит вдову, не сомневался он.

Когда завтра в храме обедня отошла,
Народ взглянуть сбежался на гуннского посла,
Который вёл к Кримхильде богатырей своих
В доспехах раззолоченных и платьях дорогих.

Всю ночь прогоревала, глаз не сомкнув, она,
А утром рано встала и села у окна.
Обычный вдовый траур был, как всегда, на ней,
Зато уж женщины её оделись попышной.

Вошёл лишь сам-двенадцать в покои к ней маркграф,
И встретила Кримхильда, поспешно с места встав,
Его у самой двери с радушием большим,
Чтоб показать, как глубоко вошедший ею чтим.

На стулья указала вдова своим гостям.
Вокруг неё сидело немало милых дам,
Зато вельмож бургундских там было не видать,
Коль Эккеварта смелого и Гере не считать.

Там не цвели улыбки, не раздавался смех –
Сочувствие к Кримхильде переполняло всех.
У ней промокло платье от горьких слёз насквозь,
Что зоркому бехларенцу заметить удалось.

Посол возвысил голос, такую речь держа:
«Дозвольте мне с друзьями подняться, госпожа,
И, перед вами стоя, вам сообщить ту весть,
Из-за которой мы, гонцы, и очутились здесь».

Она в ответ: «Вас видеть я рада всей душой
И вам внимать готова с охотой большой:
Всегда приятно слушать подобного посла». —
Но догадались многие, что весть ей не мила.

Бехларенский правитель сказал вдове тогда:
«Со свитою достойной прислал меня сюда
Мой повелитель Этцель, чтоб вам поведал я,
Что просит он, Кримхильда, вас избрать его в мужья.

Он вам любовь и дружбу решил предложить,
Чтоб в мире и согласье до смерти с вами жить,
Как жил с покойной Хельхой, владычицей моей,
Которую оплакивал немало долгих дней».

Ответила Кримхильда: «Маркграф, не стал бы тот,
Кто знает, как жестоко печаль вдову гнетёт,
Просить, чтоб согласилась она на брак с другим.
Ведь мною лучший из мужей когда-то был любим».

Посол не отступился: «Когда душа болит,
Ничто её быстрее и лучше не целит,
Чем преданная дружба и верная любовь.
Найдите мужа по сердцу, и оживёте вновь».

Король мой – обладатель двенадцати корон.
Вас, став супругом вашим, венчает ими он,
И всем распоряжаться вы будете вольны
В тех трёх десятках государств, что им покорены.

Коль сесть вам доведётся на Этцелев престол,
У вас, как и у Хельхи, – так продолжал посол, –
На службе будет много прославленных бойцов
И много девушек и дам из княжеских родов.

Вас Этцель заверяет, коль вы на брак согласны,
Что даст страну править вам столь же полновластно,
Как управляла Хельха, пока была в живых.
Хозяйкою вы будете у нас в делах любых».

Сказала королева: «Могу ли я опять,
Изведав столько горя, в супружество вступить?
Так много слёз пролито по смерти мужа мной,
Что больше никому по гроб не стану я женой».

Но гунны возразили: «Не говорите так.
Почёт, богатство, счастье – всё принесёт вам брак.
Желанья ваши будет предупреждать супруг,
А у него достаточно и ленников и слуг».

Из дев, служивших Хельхе, и тех, что служат вам,
Себе такую свиту составите вы там,
Что будут к вам съезжаться бойцы из разных стран.
Не отвергайте наш совет: от всей души он дан».

Она в ответ учтиво: «Беседу мы прервём,
Но коль вы утром снова ко мне придёте в дом,
Вам сообщить смогу я решение своё».
И гуннские воители покинули её».

Когда ушли на отдых все спутники посла,
Кримхильда Гизельхера и Уту призвала
И твёрдо объявила, что замуж не пойдёт
И что в тоске по Зигфриду весь век свой проведёт».

Но Гизельхер промолвил: «Сказали гунны мне, –
И этому я верю, сестра моя, вполне, –
Что ты печаль забудешь, став королевой их.
Как ни суди об Этцеле, завидный он жених».

От Роны вплоть до Рейна он всех людей славней.
От Эльбы и до моря нет короля сильней.
Ты радоваться будешь, что обвенчалась с ним –
Положит этот брак конец страданиям твоим».

«Что говоришь ты, брат мой? – воскликнула вдова. –
Осталось мне лишь плакать, куда я жива.
Украстить двор супруга собой не может та,
Кем навсегда утрачена была красота».

Тут ласково сказала ей королева-мать:
«Должна совету братьев, дитя моё, ты внять.
Себе ж на благо, дочка, друзей своих послушай,
А то уж слишком долго скорбь тебе терзает душу».

Подумала Кримхильда, что будет вновь она
Казною и одеждой всех одарять вольна,²⁰⁸
О чём напрасно Бога молила много раз,
С тех пор как Зигфрид, муж её, безвременно угас.

Но тут же спохватилась: «Коль христианка я,
Язычника невместно мне избирать в мужа,²⁰⁹
Не то моим уделом до смерти будет стыд.
Нет, гунн своим могуществом меня не соблазнит».

На том и порешила почтенной Уты дочь,
Однако размышляла ещё весь день и ночь
И плакала в постели до самого утра,
Пока идти к заутрене ей не пришла пора.

Три короля бургундов туда явились тоже
И речь вели с Кримхильдой, идя из церкви Божьей,
О том, что руку гунна ей отвергать не след,
Но не обрадовал вдову их дружеский совет.

Посланцев пригласили в покои к ней затем,
А так как ожиданье наскучило им всем,
То, чтоб скорей услышать в ответ иль «нет», иль «да»
И распротиться с вормсацами на долгие года,

Решил покончить с делом немедленно маркграф,
Хозяевам радушным и их сестре сказав,
Что медлить он не может – не близок путь домой.
Был встречен у порога сват Кримхильдою самой.

Учтиво и любезно он стал просить её

²⁰⁸ Подумала Кримхильда, что будет вновь она // Казною и одеждой всех одарять вольна... – Помимо мысли о представляющихся ей средствах отомстить своим врагам за Зигфрида, которая, вероятно, уже возникла в её сознании (см. строфу 1259), Кримхильду, несмотря на всю её печаль, соблазняет возможность вести образ жизни, сопровождающийся щедрыми раздачами даров приближённым, – с точки зрения поэтов той эпохи, это и был наилучший образ жизни, единственно достойный коронованных особ. Кримхильда лишилась такой возможности после отнятия у неё клада нибелунгов.

²⁰⁹ Но тут же спохватилась: «Коль христианка я, // Язычника невместно мне избирать в мужа...» – Ещё одно из немногих мест в «Песни о нибелунгах», где автор вспоминает о религии. Впрочем, вероисповедные трудности приходят на ум Кримхильде в последнюю очередь. Несколько ниже ссылка на язычество Этцеля звучит уже просто как несостоятельная отговорка (строфа 1261 след.).

Ему поведать тотчас решение своё –
Ведь он ещё не знает, что Этцелю сказать,
Но от Кримхильды услышал бежларенец опять,

Что в брак вступать вторично у ней охоты нет.
«Вы, госпожа, неправы, – промолвил он в ответ. –
Зачем вам бесполезно свою красу губить,
Когда могли бы счастливы вы с новым мужем быть?»

Но просьбы были тщетны, покамест наконец
Кримхильду не уверил вполголоса гонец,
Что облегчит ей бремя её невзгод былых,
И сразу легче сделалось вдове от слов таких.

Он ей сказал: «Не плачьте, владычица моя.
Когда бы вашим другом у гуннов был лишь я,
То и тогда б любого, кто оскорбил бы вас,
От рук моих дружинников никто уже не спас».

Она, услышав это, утешилась вполне
И молвила маркграфу: «Тогда клянитесь мне,
Что за меня отмстите любым моим врагам». ²¹⁰
И ей ответил Рюдегер: «Такой обет я дам».

С вассалами своими он перед нею встал,
Ей крепко стиснул руку и громко клятву дал
Во всём служить Кримхильде и обнажить свой меч,
Коль это будет надобно, чтоб честь её сберечь.

Верна осталась мужу и в этот миг вдова.
«Пускай, – она решила, – меня чернит молва.
Что в том, коль я меж гуннов друзей себе сыщу
И недругу с их помощью за Зигфрида отмщу?»

Их королю подвластно немало храбрецов,
Я ж привязать сумею к себе его бойцов:
Быть щедрою нетрудно, когда твой муж богат; ²¹¹
А в Вормсе Хаген скарედный прибрал к рукам мой клад».

«На брак, – она сказала, – могла б я согласиться,
Но ваш король – язычник, не хочет он креститься.
К лицу ли христианке идти с ним под венец?» –
«Отбросьте в том сомнения, – ответил ей гонец. –

У Этцеля на службе довольно христиан.
К тому ж другая вера – в супруге не изъян:

²¹⁰ «Тогда клянитесь мне, // Что за меня отмстите любым моим врагам». – Связанный этой клятвой Рюдегер обрекает себя на гибель (авентюра XXXVII).

²¹¹ Я ж привязать сумею к себе его бойцов: // Быть щедрою нетрудно, когда твой муж богат... – План Кримхильды: привлечь к себе щедрыми подарками гуннских воинов, с тем чтобы использовать их для мести за Зигфрида, оказывается решающим в её согласии выйти замуж за Этцеля.

Кто вам мешает мужа к крещению склонить?
Ничто вам не препятствует с ним жизнь соединить».

Вновь молвили ей братья: «Согласье дай, сестра.
Забить печаль и горе тебе давно пора».
Они втроём Кримхильду упрашивали так,
Что с Этцелем вдова вступить пообещала в брак.

Пожав маркграфу руку, она произнесла:
«В край гуннов я готова сопровождать посла,
Но прежде чем уехать, с собой я позову
Тех, кто решил не покидать несчастную вдову».

Бехларенец на это промолвил в свой черёд:
«Пусть их при вас лишь двое,²¹² зато со мной – пятьсот.
Надёжной стражей будет в пути такая рать,
И незачем в Бургундии вам свиту набирать».

С отъездом поспешите – нам медлить здесь не след,
И верьте: я с дружиной исполню свой обет
Во всём беспрекословно повиноваться вам,
Иль пусть уделом будут мне бесчестие и срам.

Послушайтесь совета – его даёт вам друг:
За сбруей и конями скорее шлите слуг,
А сами собирайте в дорогу дев своих.
Немало к нам бойцов в пути примкнёт, увидев их».

Осталось у Кримхильды кой-что с тех давних дней,
Когда покойный Зигфрид на Рейн приехал с ней.
Пристойно снарядиться сумела в путь она.
Нашлись и сёдла добрые для всех девиц сполна.

Запас одежд хранила вдова с былых времён.
Теперь меж спутниц ею он был распределён,
Чтоб не пришлось краснеть им за свой убогий вид,
Приехав к гуннам, чей король богат и знаменит.

Осмотр ларцам и скрыням с нарядами чиня,
Трудилась королева четыре с лишним дня.
Велела кладовые затем она открыть –
Хотелось ей людей посла достойно одарить.

Хоть клада нибелунгов лишиться ей пришлось,
Того, что у Кримхильды отнять не удалось,
Сто лошадей на вьюках не увезли бы сразу.
Но Хаген воспротивился и тут её приказу.

Он молвил: «От Кримхильды прощенья я не жду
И золото не выдам, чтоб не попасть в беду.²¹³

²¹² Пусть их при вас лишь двое... – Это не нужно понимать буквально: имеются в виду маркграфы Гере и Эккеварт, не считая дружинников у них на службе.

Вдове я не позволю распоряжаться им –
Она его намерена раздать врагам моим.

Как гуннам груз подобный ни трудно увезти,
Им лошадей поможет она приобрести,
А после на меня же их исподволь натравит.
Нет, Хагена ключи отдать Кримхильда не заставит».

До слёз такие речи Кримхильду довели.
Помочь пообещали ей братья-короли,
Но даже им отказом ответил их вассал,
И только Рюдегер вдове с улыбкою сказал;

«Вам, госпожа, не надо о золоте тужить.
Ведь Этцеля сумели вы так приворожить,
Что он не пожалеет для вас казны своей,
А уж её не издержать вам до скончанья дней».

«Нет в мире королевы, – она в ответ ему, –
Которой бы достался клад, равный моему,
Но Хаген вероломный прибрал его к рукам».
Тут Гернот, устыдись, пошёл в сокровищницу сам.

Рукою королевской он двери распахнул,
И тридцать тысяч марок своей сестре вернул,
И вместе с нею гуннов стал оделять казной.
Порадовался этому и Гунтер всей душой.

Но Этцелев посланец промолвил: «Государь,
Пусть даже королеве вернут весь клад, что встарь
Из края нибелунгов был в Вормс перевезён,
Ни госпожой моей, ни мной не будет принят он.

Велите деньги спрятать – какая в них нужда?
Я золота немало и сам привёз сюда.
На путь обратный хватит с лихвой у нас его.
Не гневайтесь, но не возьму у вас я ничего».

А девушки Кримхильды меж тем без лишних слов
Её добро грузили в двенадцать сундуков
Да так, что ухитрились их доверху набить
Наичистейшим золотом, какое может быть.

Лишь десять сотен марок не уместилось там,
И раздала Кримхильда их тут же по церквам,
За Зигфрида усердно молиться наказав.
Столь нерушимой верностью был поражён маркграф.

²¹³ *И золото не выдам, чтоб не попасть в беду.* – То, что Хаген в эпосе дважды посягает на богатства Кримхильды, возможно, вызвано не вполне удачной обработкой в «Песни о нибелунгах» более ранней традиции; не исключено, что отнятие клада нибелунгов произошло, согласно более ранней версии, лишь при отъезде Кримхильды в гуннскую державу.

«Найду ль, – вдова спросила, – я здесь, в земле родной,
Друзей, готовых к гуннам последовать за мной?
Тот, кто согласен ехать, пусть из казны моей
Получит деньги, чтоб купить одежду и коней».

Дал Эккеварт отважный на это ей ответ:
«У вас я, королева, на службе много лет.
Вам, что бы ни случилось, я оставался верен
И столь же преданным слугой быть до конца намерен.

С собой возьму я к гуннам пятьсот мужей своих.
Защитников надёжных вы обретёте в них.
Меня ж к разлуке с вами принудит смерть одна».
И поклонилась витязю признательно она.

До час отъезда пробил, коней ввели во двор,
И слёзы омрачили друзьям Кримхильды взор.
Преисполняла Уту и многих дам печаль –
Так было с бедною вдовой им расставаться жаль.

Везла с собой Кримхильда сто знатных юных дев,
Их, как и подобало, богато разодев.
Неистово рыдали они в тот день от горя,
Но утешители для них нашлись у гуннов вскоре.

С собою для охраны взяв тысячный отряд,
Млад Гизельхер и Гернот, как долг и честь велят,
Сопровождали долго печальницу-сестру,
Но брат их Гунтер с полпути вернулся ко двору.

Начальник кухни Румольт, и Ортвин вместе с ним,
И благородный Гере с усердием большим
До самого Дуная заботились о том,
Чтоб на ночлегах не было у дам нужды ни в чём.

Посол перед отъездом гонцов послал вперёд –
Пусть Этцелю доложат, что Рюдегер везёт
Прекрасную Кримхильду к владыке своему.
Сумел жену в Бургундии маркграф добыть ему.

Авентюра XXI

О том, как Кримхильда ехала к гуннам

Но мы гонцов оставим – теперь рассказ пошёл
О том, как в землю гуннов невесту вёз посол,
А Гизельхер и Гернот в течение многих дней
Служили провожатыми бехларенцу и ей.

Лишь Пфферринга достигнув, у берега Дуная,
Просить решились братья, чтоб им сестра родная

Дозволила вернуться в бургундские края,
И с ней, пролив немало слёз, расстались как друзья.

Млад Гизельхер промолвил: «Сестрица, не забудь,
Что если кто обидит тебя когда-нибудь
Иль по иной причине ты попадёшь в беду,
Тебе по зову первому на помощь я приду».

С бургундами простились дружинники посла.
Вдова родных и ближних сердечно обняла
И поспешила дальше приречную тропой.
С ней сто четыре девушки в одежде дорогой

Из тонких, разноцветных, слепящих взор шелков.
Вокруг скакало много бехларенских бойцов.
При каждом щит надёжный, копье и меч булатный.
Бургунды же поехали к себе на Рейн обратно.

Держала путь Кримхильда через баварский край
На Пассау, где с Инном сливается Дунай
И монастырь старинный стоит, поныне цел.
Епископ Пильгрим, муж святой, тем городом владел.²¹⁴

Когда о том, кто едет, известно стало там,
Помчался князь-епископ навстречу пришлецам –
Кримхильде приходился он дядею родным.
Весь Пассау последовал немедленно за ним.

Не зря рвались баварцы встречать гостей своих:
Девушки королевы пленили взоры их.
Свести знакомство с ними был каждый витязь рад.
Сумел удобно разместить всех прибывших прелат.

Пока епископ Пильгрим с Кримхильдой был в пути,
Уже успело в город известие прийти
О том, что он прибудет с племянницей вдвоём,
И ей купцы устроили торжественный приём.

Просил её хозяин подольше погостить,
Но Эккеварт промолвил: «Вы нас должны простить
За то, что не удастся нам задержаться тут.

²¹⁴ *И монастырь старинный стоит, поныне цел. // Епископ Пильгрим, муж святой, тем городом владел.* – Епископ Пильгрим – брат королевы Уты. У этого персонажа был исторический прототип: в конце X в. Пассау действительно управлял епископ Пильгрим, гробница которого в конце XII в., то есть незадолго до возникновения «Песни о нибелунгах», стала пользоваться большой известностью и служила местом паломничества, так как распространялась молва, что близ неё исцелялись недужные. Исследователи высказывали предположение, что автором песни мог быть клирик из окружения Вольфгера, пассауского епископа в 1191–1204 гг. Этот поэт, желая прославить своего сеньора, ввёл в эпопею эпизод с его отдалённым предшественником. В таком случае подтверждается датировка «Песни о нибелунгах» первыми годами XIII в. Ср. прим. к строфе 10. Вольфгер покровительствовал поэтам, в частности Вальтеру фон дер Фогельвейде; не исключено, что он мог быть покровителем анонимного автора «Песни о нибелунгах». Св. Пильгрим оказался в песни современником Аттилы, будучи в действительной истории отделён от него пятью столетиями, – эпос не считается с исторической хронологией и легко перемещает события и исторических персонажей из одной эпохи в другую.

Давно уже в Бехларене приезда гости ждут».

А Готелинда с дочкой и свитою своей
Готовилась к прибытию супруга и гостей.
Была жена маркграфа им предупреждена,
Что выказать внимание вдове она должна –

Пусть выедет с дружиной на Эннс её встречать.
Велела Готелинда своих бойцов собрать
И двинулась в дорогу, и повалил валом
Вослед за ней простой народ, кто пеший, кто верхом,

Меж тем до Эффердинга Кримхильда доскакала.
Живёт в стране баварской лихих людей немало,²¹⁵
И воры на дорогах шалют там искони.
Ограбить поезд свадебный вполне могли б они.

Но Рюдегер к отпору был день и ночь готов.
С собою вёл он больше чем тысячу бойцов.
К тому ж его вассалов несметное число
За маркграфинею на Эннс встречать невесту шло.

На лодках переправив за Траун поезжан,
Сват их доставил к Эннсу, где в чистом поле став
Раченьем Готелинды разбит заране был.
Имелось там всё нужное для подкрепленья сил.

Навстречу королеве, покинув свой шатёр,
Со свитою помчалась она во весь опор.
Звон бубенцов на сбруе разнёсся далеко.
Столь тёплой встречей был маркграф взволнован глубоко

Потешный бой затеяв в честь новой королевы,
По сторонам дороги, как справа, так и слева,
Вассалы Готелинды неслись за госпожой.
Была Кримхильда тронута учтивостью такой.

Чем ближе подъезжали к бургундкам смельчаки,
Тем больше крепких копий ломалось на куски.
Самих себя в отваге бойцы превосходили –
Ведь девушки пригожие за схваткою следили.

Но вот она утихла, два поезда сошлись,
И возгласы приветствий повсюду раздались,
И Рюдегер навстречу супруге полетел.
У всех, кто дамам рад служить, в тот день хватило дел.

²¹⁵ *Меж тем до Эффердинга Кримхильда доскакала.* – В этой части песни, описывающей события, происходившие в придунайских районах, автор, как полагают – австриец, проявляет несравненно лучшее знание географии, нежели при повествовании, местом действия которого были прирейнские области или Северная Европа.

Живёт в стране баварской лихих людей немало... – См. прим. к строфам 1164 и 1174. 1304.

Траун, Эннс – притоки Дуная.

Когда живым и целым предстал жене посол,
Она печаль забыла и страх её прошёл.
О муже Готелинда тревожилась напрасно –
Вернулся он, и не один, а со вдовой прекрасной.

Приветом обменявшись с супругою своей,
Маркграф велел вассалам снять женщин с лошадей,
И по сердцу пришёлся его приказ бойцам:
Был, как всегда, любой из них к услугам милых дам.

Узрев, что маркграфиня сошла с коня на луг
И к венценосной гостье спешит с толпой подруг,
Остановила разом Кримхильда скакуна,
И приближёнными с седла была снята она.

Епископ с Эккевартом к ней тотчас подошли.
Они её навстречу хозяйке повели.
Толпа пред королевой с почтеньем раздалась,
И гостья с Готелиндою сердечно обнялась.

Сказала маркграфиня с учтивостью большой:
«Вам, госпожа Кримхильда, я рада всей душой
И счастлива поздравить с приездом в земли наши
Ту, кто – как вижу я теперь – всех женщин в мире краше».

«Воздай вам бог за ласку, – ответила вдова, –
А я – должника ваша, пока сама жива
И жив жених мой Этцель, сын Ботлунга могучий».
Ах, им ещё неведом был их жребий неминучий!

Бургундки устремились к бехларенкам бегом,
И на траве расселись красавицы рядком –
Знакомство за беседой удобнее сводить.
А витязи им всячески старались угодить.

Вина велели гостьям хозяева подать,
А в полдень дамы сели на лошадей опять
И отбыли на отдых в просторные шатры,
Где до вечерних сумерек спасались от жары.

Потом они с удобством всю ночь проспали в них.
Тем временем покинул маркграф гостей своих
И полетел в Бехларен, неутомим и рьян,
Чтоб глянуть, всё ль готово там к прибытию поезжан.

Пришельцев принял город с радушием большим.
Все окна распахнулись с зарёй навстречу им.
Для всех них помещенье в Бехларене нашлось.
Признателен хозяевам остался каждый гость.

Увидев, что Кримхильду к ним в замок мать везёт,
Дочь Рюдегера вышла со свитой из ворот
И новой королеве отвесила поклон.

Немало знатных девушек сошлось там с двух сторон.

Взяв за руки друг дружку, они вступили в зал.
Размером и убранством он взоры поражал.
Шумел Дунай привольный под окнами его.
Там отдыхали путницы всё утро дня того.

Не знаю я, как время девицы коротали,
Однако мне известно, что витязи роптали:
Бургундам надоело подолгу женщин ждать,
Бехларенцы ж мечтали их в пути сопровождать.

Так тронула Кримхильду заботливость посла,
Что юной маркграфине она преподнесла
Запястья золотые, двенадцать штук числом,
И платье лучшее своё с узорчатым шитьём.

Хоть клада нибелунгов пришлось лишиться ей,
Она, как встарь, умела привлечь к себе людей
И, в скудости оставшись по-прежнему щедра,
Нашла подарки для всего маркграфова двора.

На это Готелинда ответила ей тем,
Что воинам бургундским, без исключения всем,
Вручила на дорогу и праздничный наряд,
И много дорогих камней, слепивших блеском взгляд.

Когда, откушав, гостя садилась вновь в седло,
Хозяйка так любезно, сердечно и тепло
Ей выказать сумела почтение своё,
Что в благодарность обняла Кримхильда дочь её.

А девушка сказала: «Я знаю наперёд,
Что к вам меня родитель с охотою пошлёт,
Коль быть придворной вашей вы разрешите мне»,
Чем госте и дала понять, что ей верна вполне.

Простившись с Готелиндой и юной маркграфиней,
Кримхильда сесть велела на скакунов дружине
И двинулась со свитой к ограде городской,
И долго им бехларенки махали вслед рукой.

Бургундки с ними больше ни разу не встречались.
Без остановок гости до замка Мёльк²¹⁶ домчались.
Его владелец Астольд ждал на дороге их.
Велел он им подать вина в сосудах золотых.

От Астольда Кримхильда узнала, что должна
Спускаться вдоль Дуная на Маутерн²¹⁷ она,

²¹⁶ Мёльк – город в Австрии на берегу Дуная.

²¹⁷ Маутерн – город в Австрии на берегу Дуная.

А там уж не собьются с дороги поезжане:
Везде австрийцы их встречать сбегаются заране.

Простился там епископ с племянницей своей
И пожелал, чтоб с мужем жилось счастливо ей
И чтоб она, как Хельха, о подданных пеклась.
Да, высоко теперь опять Кримхильда вознеслась!

На Трайзен²¹⁸ прибыл поезд, когда зардел закат.
Бехларенцев оттуда отправили назад –
Уже спешили гунны к реке навстречу им.
Они невесту встретили с почтением большим.

Владел там Этцель замком на берегу речном,
И королева Хельха живала часто в нём.
Богат, просторен, крепок, к тому ж красив на вид,
Тот замок Трайзенмауэр весьма был знаменит.

Кримхильда стала Хельхе преемницей достойной –
По щедрости бургундка была ровня покойной,
За что её и чтит вся гуннская страна,
Где после долгих бед душой воспряла вновь она.

Себя прославил Этцель так, что из всех краёв
К его двору стекалось немало удальцов.
Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,
Будь то боец языческой иль христианской веры.

Такого не увидишь теперь уже вовек.²¹⁹
Любой, владыке гуннов служивший человек,
Какой бы он при этом ни соблюдал закон,
Был Этцелем за преданность сполна вознаграждён.

Авентюра XXII О том, как Кримхильда обвенчалась с Этцелем

Все те три дня, что в замке Кримхильда провела,
Клубами по дорогам густая пыль плыла,
Как будто загорелись окрестные поля.
То мчались в Трайзенмауэр вассалы короля.

Меж тем от приближённых узнал и сам король,

²¹⁸ Трайзен – река, за которой начинались владения гуннов.

²¹⁹ *Будь то боец языческой иль христианской веры. // Такого не увидишь теперь уже вовек.* – Мирное совместное пребывание при дворе Этцеля рыцарей разных вероисповеданий изображено здесь как нечто исключительное и небывалое, и справедливо: в современной автору эпопеи Европе царила религиозная нетерпимость.

Забыв при этой вести былую скорбь и боль,
 Что прибыла Кримхильда уже в его страну.
 Немедля выехал встречать он новую жену.

Мчась по дорогам людным под гул разноязыкий,
 Со свитою к Кримхильде летел король великий.
 Его сопровождали бойцы из разных стран²²⁰ –
 Он взял с собой язычников, равно как христиан.

То на дыбы вздымая своих коней лихих,
 То снова с громким криком пришпоривая их,
 Скакали русы, греки, валахи и поляки.
 Бесстрашием и ловкостью блеснуть старался всякий.

Из луков печенеги – они там тоже были –
 Влёт меткою стрелою любую птицу били.
 Вослед за их шумливой и дикою ордою
 Бойцы из Киевской земли неслись густой толпою.

В Тульн, город на Дунае, что в Австрии стоит,
 Стеклись встречать Кримхильду мужи, чьи речь и вид
 Ей были незнакомы, – и все они потом
 Из-за неё безвременно уснули вечным сном.

Вперёд владыка гуннов послал с дороги к ней
 Две дюжины вассальных князей и королей.
 Любой из них был знатен, учтив, прославлен, смел
 И Хельхину преемницу узреть скорей хотел.

Примчался в Тульн с дружиной из семисот бойцов
 Валашский герцог Рамунг, храбрец из храбрецов.
 С ним вместе прибыл Гибих, король большой страны.²²¹
 Несли людей их быстрые, как птицы, скакуны.

Отважный Хорнбог тоже отправился вперёд.
 Ему вдогонку мчалось вассалов десять сот.
 По гуннскому обычаю наездники лихие
 Влетели с громким гиканьем в ворота городские.

Датчанин Хаварт, Ирнфрид,²²² тюрингский удалец,
 И прямодушный Иринг, прославленный храбрец,
 С достоинством предстали жене владыки их
 В сопровожденье тысячи двухсот бойцов своих.

Привёл за ними следом трёхтысячный отряд

²²⁰ *Его сопровождали бойцы из разных стран...* – В державу Этцеля входили многие народы, и, кроме того, к нему на службу отовсюду стекались воины.

²²¹ *Гибих, король большой страны...* – Гибих (сканд. Гьюки) – в более ранних преданиях отец бургундских королей, но в «Песни о нибелунгах» в этом качестве упоминается Данкрат (строфа 7).

²²² *Ирнфрид.* – В этом имени видят отголосок имени тюрингского короля Германфрида (VI в.).

Высокородный Блёдель,²²³ что Этцелю был брат.
С осанкой горделивой вокруг бросая взор,
К своей невестке будущей он мчал во весь опор.

Затем явились Этцель и Дитрих Бернский²²⁴ с ним.
Скакали толпы гуннов за королём своим.
Воителям бесстрашным там не было числа.
Печаль Кримхильды сразу же при виде их прошла.

А Рюдегер промолвил: «Приехал ваш супруг.
Поцеловать вам надо его знатнейших слуг.
Не в силах удостоить вы этой чести всех,
Но тем, кого я назову, отказывать в ней грех».

Велел с седла на землю невесту снять посол.
С коня державный Этцель со свитою сошёл.
Не в силах медлить дольше, заторопился он
Навстречу той, с кем разделить был счастлив власть и трон.

Слыхал я, что покуда они друг к другу шли,
Два знатных государя за нею шлейф несли.
Когда ж бургундка к гунну была подведена,
Поцеловала Этцеля приветливо она.

Сползла назад повязка с её золотых волос.
Пленительным румянцем лицо её зажглось,
И всяк нашёл, что Хельхи она ещё милей.
Тут Блёдель первым пожелал расцеловаться с ней.

Принять его лобзанье маркграф ей дал совет.
За ним явились Гибих и Дитрих Бернский вслед.
Она поцеловала двенадцать удалцов,
Поклоном поприветствовав всех остальных бойцов.

Покуда с нею Этцель стоял в кругу вельмож,
Потешный бой затеять успела молодёжь –
Всегда стремится юность блеснуть на поле чести.
Сражались там язычники и христиане вместе.

Как Дитриховы люди метать умели дрот!
Они с такою силой его пускали в ход,
Что он щиты стальные пронизывал насквозь.
Немало их пробить в тот день и немцам²²⁵ довелось.

²²³ *Блёдель* – подлинное лицо; согласно имеющимся сведениям, Аттила устранил своего брата Бледа как опасного соперника.

²²⁴ *Дитрих Бернский* – один из самых популярных героев немецкого народного эпоса. Исторически образ его восходит к королю остготов Теодориху (царствовал в 493–526 гг.), основавшему в Италии государство остготов со столицей в Вероне (Берн). В поэмах Дитрихова цикла рассказывается о борьбе Дитриха с коварным Эрменрихом, изгнавшим Дитриха вместе с воспитателем последнего Хильдебрандом и верными вассалами из рода амелунгов из родной страны, что заставило беглецов искать прибежища при дворе гуннского короля Этцеля.

²²⁵ *Немцы* – единственное во всей эпопее упоминание немцев как общего обозначения германоязычных

Оружие звенело, взметались тучи пыли.
Все Этцелевы гости и гунны в бой вступили.
Богатыри сражались с бесстрашием большим,
Покамест знак прервать турнир король не подал им.

В шатёр великолепный пошёл с невестой он.
Был множеством палаток шатёр тот окружён.
Ждал женщин утомлённых желанный отдых там,
И повели воители туда девиц и дам.

В шатре для королевы поставлен был послом
Красивый трон, накрытый столь дорогим ковром,
Что сам владыка гуннов при взгляде на него
За выбор поблагодарил вассала своего.

Не знаю я, что Этцель бургундке говорил.
Известно мне однако, что он смирял свой пыл
И не просил Кримхильду принять его в объятия –
До свадьбы разрешил маркграф им лишь рукопожатья.²²⁶

Достойно завершился меж тем потешный бой.
Богатыри расстались, довольные собой
Повсюду воцарились покой и тишь опять,
И люди Этцеля пошли в палатки отдыхать.

Проспали в них спокойно всю ночь богатыри,
Когда же тьму рассеял свет утренней зари,
Они проворно встали, вскочили вновь в седло,
И состязание опять в честь Этцеля пошло.

Вести по чести схватку велел король им всем.
Из Тульна в Вену поезд отправился затем.
Его прибытия ждали в том городе уже.
Немало вышло знатных дам навстречу госпоже.

Всё было там готово, что нужно для гостей.
Преисполняла радость сердца богатырей.
Невесту пышной свадьбой король решил почтить,
Но в Вене стольких пришлецов не мог он разместить,

И Рюдегер в селеньях за городской чертой
Всех тех, кто не был гостем, поставил на постой.
Тем временем Кримхильда с рассвета допоздна
Толпою знатных витязей была окружена.

народностей в противоположность гуннам и другим племенам в державе Этцеля. В других местах песни фигурируют баварцы, бургунды, австрийцы, но не немцы, – показатель тогдашнего низкого уровня национального объединения и самосознания жителей Германии, дробившейся на различные княжества, причем это расчленение частично совпадало со старым племенным делением.

²²⁶ До свадьбы разрешил маркграф им лишь рукопожатья. – После отъезда из Вормса и вплоть до вступления в брак с Этцелем Кримхильда находилась под покровительством Рюдегера.

Ни Рюдегер, ни Дитрих не расставались с нею.
Все гуннские вельможи, усилий не жалея,
Старались, чтоб доволен был свадьбой каждый гость.
Друзьям бехларенца скучать там тоже не пришлось.

Вступил в закон с Кримхильдой на троицу король.
Могущество такое не снилось ей дотоль:
Ведь даже смелый Зигфрид, её былой супруг,
Держать не мог бы столько же дружинников и слуг.

Добра она так много пораздала гостям,
Что витязи шептались, дивясь её дарам:
«Мы думали, Кримхильда в большой нужде живёт.
А у неё по-прежнему казне потерян счёт».

Семнадцать суток в Вене тянулся праздник шумный,²²⁷
И было б похвальбою, пустой и неразумной,
Сказать, что видел свадьбу пышнее этой мир.
Ведь Этцель в новое одел всех прибывших на пир.

И даже в Нидерландах, тринадцать лет назад,
Хоть Зигфрид был и славен, и знатен, и богат,
Кримхильде не служили бойцы в числе таком,
Как там, где в брак вступить пришлось ей с гуннским королём.

И никогда столь щедро – что в наши дни, что встарь
Не раздавал в подарок на свадьбе государь
Просторных и удобных плащей такой цены,
Какими Этцель оделил приезжих в честь жены.

Вели себя и гости хозяевам под стать.
Был рад любой и каждый последнее раздать.
Стыдились там на просьбу ответить словом «нет».
Кой-кто сберёг лишь тот наряд, что был на нём надет.

И всё ж Кримхильде Зигфрид припомнился не раз,
И слёзы побежали б у ней из ясных глаз,
Когда б их не сдержала она усилием воли –
Ведь ей оказан был почёт, неслыханный дотоле.

Хоть в скупости никто бы не упрекнул гостей,
Во много крат был Дитрих других вельмож щедрей.
Он роздал всё, что Этцель ему за службу дал.
От Дитриха и Рюдегер не очень-то отстал.

К восторгу чужеземных и гуннских смельчаков
Немало опорожнил тяжёлых сундуков
С серебряной, а также и золотой казною

²²⁷ Семнадцать суток в Вене тянулся праздник шумный... – Высказывалось предположение, что прообразом этой свадьбы явились празднества при дворе бабенбергского герцога в Вене, возможно, ещё одного покровителя автора «Песни о нибелунгах», который таким образом увековечил пышность «пленительного венского двора» (выражение Вальтера фон дер Фогельвейде).

Достойный Блѣдель, правивший венгерскою странюю.

По десять сотен марок иль более того
От Этцеля досталось двум шпильманам его.²²⁸
Из них был первым Вербель, вторым же Свеммель был.
Вот так король в супружество с Кримхильдою вступил.

Через семнадцать суток они расстались с Веной,
И по дороге гунны с отвагой неизменной
До самого прибытья в пределы их земли
В честь венценосных молодых потешный бой вели.

Стал в Хаймбурге²²⁹ старинном весь поезд на ночлег.
Такого многолюдства там не было вовек.
Владыка гуннов счёту не знал своим бойцам.
А сколько у него в стране цвело пригожих дам!

В богатом Майзенбурге все сели на суда,
И стала видом сушу напоминать вода:
Везде чернеют люди и кони громко ржут.
Всласть дамы утомлённые поотдохнули тут.

Не поленились гунны так сбить суда свои,
Что их не мог разрушить напор речной струи.
На палубах стояли шатры в большом числе,
Как будто не средь волн они, а где-то на земле.

Гонцов с дороги Этцель отправил в замок свой.
Все, кто там жил, взыграли от радости душой.
Воспитанницы Хельхи почуяли уже,
Что жить нехудо будет им при новой госпоже.

Её прибытья ждали они, повеселев.
Нашла Кримхильда в замке немало знатных дев.
Одних лишь королевен меж ними было семь.
Их прелесть восхищение внушала гуннам всем.

Когда скончалась Хельха, их под крыло своё
Пришлось принять Геррате, племяннице её,
Отец которой Нентвин был славным королём.
Вступила с Дитрихом она в супружество потом.

Был искренне приятен приезд Кримхильды ей,
И щедро одарила она честных гостей.
Женитьбой новой Этцель доволен был вполне:
Владычицу достойную он дал своей стране.

²²⁸ *По десять сотен марок иль более того // От Этцеля досталось двум шпильманам его.* – То, что в этом описании состязания в неуёмной щедрости специально названы богатые дары, доставшиеся шпильманам, вряд ли сделано без умысла: внушить знатым читателям эпопеи мысль о желательности и необходимости награждать поэтов.

²²⁹ *Хаймбург* – город на границе Венгрии.

Жену по сходням с судна на берег свёл он сам,
 Назвал ей поимённо девиц, стоявших там,
 И все они с почтением отвесили поклон
 Той, кто по праву заняла отныне Хельхин троп.

Прислуживать Кримхильде за честь считал любой.
 Она же раздарила всё, что везла с собой.
 Досталось гуннам много различного добра –
 Камней, одежды, золота, а также серебра.

Такою властью вскоре король облёк жену,
 Какою не обладала и Хельха в старину.
 Его друзья, вассалы и родичи сполна
 Повиновались слепо ей, пока жила она.

При ней печаль забыли и двор, и вся земля.
 Веселье днём и ночью шло в замке короля,
 Где Этцель и Кримхильда гостей встречали так,
 Что развлеченье находил себе по нраву всяк.

Авентюра XXIII

О том, как Кримхильда добилась, чтобы братьев её пригласили, на пир

Со славою и честью – мне лгать расчёта нет –
 За Этцелем Кримхильда жила шесть с лишним лет,
 А в год седьмой²³⁰ их брака господь послал ей сына
 К великой гордости отца и всей его дружины.

Сумела королева супруга улестить,
 И Этцель ей дозволил ребёнка окрестить.
 Был Ортлибом в купели младенец наречён.
 Весь гуннский край порадовал своим рождением он.

Была при жизни Хельха для подданных как мать.
 Во всём с неё Кримхильда пример старалась брать.
 Геррата нравы гуннов узнать ей помогла,
 Хоть слёзы о покойнице по-прежнему лила.

Как во владеньях гуннских, так и за рубежом
 Кримхильду поминали всегда и всё добром,
 Затем что королевы щедрей не видел свет.

²³⁰ За Этцелем Кримхильда жила шесть с лишним лет, // А в год седьмой... – Временной интервал в поэме, отделяющий предыдущие события от момента рождения сына Кримхильды и Этцеля и ничем не заполненный, тут же сменяется новым (строфа 1390), так что в общей сложности от свадьбы при гуннском дворе до приглашения бургундов к Этцелю прошло тринадцать лет, а всего дистанция между двумя ключевыми событиями эпопеи – убийством Зигфрида и отмщением за него – двадцать шесть лет.

Вот так со славой протекло двенадцать с лишним лет.

Кримхильда убедилась, что исполнять готов
Её приказы каждый из мужниных бойцов.
Но хоть ей здесь служило двенадцать королей,
Она не позабыла зла, что причинили ей.²³¹

Не раз ей вспоминалась былая жизнь её,
И в крае нибелунгов счастливое житьё,
И Хаген, поступивший столь беззаконно с нею,
И стала размышлять она, как отомстить злодею.

«Для этого мне нужно, чтоб он попал сюда».
Брат Гизельхер ночами ей снился иногда,
И нежно целовала она его во сне.
Увы, погибнуть должен был и он в чужой стране!

Вновь пробудил сам дьявол, бургундам на беду,
В ней прежнюю обиду²³² и к Гунтеру вражду,
Хоть встарь облобызалась в знак мира с ним она.
Опять одежда у неё была от слёз влажна.

Кримхильда сокрушалась и днём, и в час ночной,
Что стала против воли язычнику женой.²³³
А кто её принудил? На ком вина лежит?
Всё те же Хаген с Гунтером, кем Зигфрид был убит.

Отныне лишь о мести тайком она мечтала
И думала: «Коль скоро я вновь богата стала
И недругам заклётым могу сполна воздать,
Пришёл черёд и Хагену жестоко пострадать.

Тем, кем погублен Зигфрид, я не забыла зла,

²³¹ *Она не позабыла зла, что причинили ей.* – Вспомним, что расчёт отомстить побудил Кримхильду принять сватовство Этцеля. Таким образом, она вынашивала мысль о мести на протяжении всей своей сознательной жизни. Месть у германцев, как явствует, например, из исландских саг, далеко не всегда следовала немедля после оскорбления, – она могла быть отложена до благоприятного момента, подчас на довольно долгий срок. Но, разумеется, оттяжка отмщения в «Песни о нибелунгах» более чем на четверть века – симптом эпической концепции времени. Как видно из дальнейшего повествования, хотя Кримхильда необычайно долго собиралась мстить, к моменту прибытия в державу Этцеля её братьев и Хагена ничего не было подготовлено, и ей пришлось уговаривать помочь ей сперва Дитриха Бернского, а затем, встретив отказ с его стороны, Блёделя (авентюра XXXI).

²³² *Вновь пробудил сам дьявол... // В ней прежнюю обиду...* – Впоследствии (см. строфы 1748, 2371) и сама Кримхильда именуется (устаами Хагена и Дитриха Бернского) «дьяволицей», «ведьмой». В то время подобные слова ещё не утратили своего изначального значения, и их употребляли не в современном стёртом смысле, как ничего реально не означающие ругательства. Кримхильда стала «ведьмой» потому, что вражду к родному брату ей действительно внушил «сам дьявол», – в соответствии со средневековыми представлениями о том, что на злые мысли и поступки человека наталкивает завладевающая им нечистая сила.

²³³ *...стала против воли язычнику женой.* – Это включение религиозного мотива не очень убедительно, так как известно, что возражения вероисповедного свойства не остановили Кримхильду при вступлении в брак с Этцелем. К тому же она согласилась на этот брак добровольно (хотя и после долгих колебаний) и жила с ним счастливо (в отличие от скандинавской версии сказания).

И если б снова с ними судьба меня свела,
За мужа заплатили б они его вдове».
Вот что за мысли у неё засели в голове.

Был предан королеве любой её вассал –
Не зря казною гуннов столь щедро осыпал
Граф Эккеварт отважный, Кримхильдин казначей.
Никто в державе Этцеля не смел перечить ей.

И вот она решила: «Мой муж так добр со мною,
Что даст он мне возможность увидеться с роднёю
И приглашенье в гости пошлёт шурьям своим».
Кто знал тогда, что смерть она готовила родным.

Почил король однажды и, отходя ко сну,
Сжал, как всегда, в объятьях красавицу-жену –
Кримхильду больше жизни любил седой супруг,
И тут былые недруги припомнились ей вдруг.

Она сказала мужу: «Супруг и государь,
Коль скоро мной довольны и ныне вы, как встарь,
Хочу я убедиться, что так оно и есть,
И оказать моей родне прошу большую честь».

Ответил Этцель сразу – он не умел хитрить:
«Готов желанье ваше я удовлетворить
И вашим славным братьям на деле доказать,
Какую дружбу ради вас питает к ним их зять».

Промолвила Кримхильда: «Не скрою я от вас,
Мне очень бы хотелось, чтоб у сестры хоть раз
Млад Гизельхер, и Гернот, и Гунтер побывали,
А то уж люди тут меня безродною прозвали».²³⁴

Воскликнул Этцель пылко: «Владычица моя,
Принять здесь ваших братьев почту за счастье я,
Коль дальняя дорога не испугает их».
Возликовала у неё душа от слов таких.

Прибавила Кримхильда: «Тогда через гонцов
Уведомите в Вормсе всех трёх своих шурьёв,
Что в гости с нетерпением сестра и зять их ждут,
И в скором времени они с дружиной будут тут».

Король ответил: «Просьбу не повторяйте дважды –
Сынов почтенной Уты сильней я видеть жажду,
Чем хочется на братьев вам снова бросить взор.
Жаль, что они не вспомнили о нас до этих пор.

Доверю быть послами я шпильманам своим²³⁵

²³⁴ *А то уж люди тут меня безродною прозвали.* – По средневековым понятиям, человек, живущий на чужбине, вдали от сородичей, – неполноценный человек. Ср. строфу 1082.

И, если вы согласны, уже завтра им
В бургундские пределы отправиться велю».
С зарёю смелых шпильманов призвали к королю.

Они без промедленья явились в пышный зал,
Где Этцель на престоле с супругой восседал.
Король на Рейн обоих в посольство отрядил,
Им выбрал сотоварищей и платьем всех снабдил.

В путь собрались посланцы, две дюжины числом,²³⁶
И ведено им было великим королём
Звать Гунтера с дружиной к нему на пир честной.
Потом был тайный разговор у них с его женой.

Державный Этцель молвил: «Скажите в Вормсе так!
Своим шурьям желаю я всех возможных благ
И жду, что побывает у нас моя родня.
Гостей приятней, чем они, нет в мире для меня.

Коль ближние Кримхильды проведать нас хотят,
Я у себя принять их сердечно буду рад.
Пусть в дальний путь собираться начнут уже сейчас –
Хочу я летом видеть их на пиршестве у нас».

Спросил отважный Свеммель, из шпильманов один?
«К какому надо сроку прибыть им, господин?
День праздника заранее назвать прошу нижайше».
Король сказал послу в ответ: «Солнцеворот ближайший».

«Исполним», – молвил Вербель, и тут гонцам шепнуть
Сумела королева, чтоб до отъезда в путь
Они для разговора зашли в покои к ней.
Немало этот разговор сгубил богатырей.

«Коль мне, – она сказала, – вы услужить не прочь
И передать согласны моим родным точь-в-точь
Всё то, в чём их уверить я от души хочу,
Я вам наряд богатый дам и вас озолочу.

Представ на Рейне, в Вормсе, пред братьями моими,
Должны вы неизменно твердить в беседах с ними,
Что грустной не случилось меня здесь видеть вам
И что привет сердечный шлю я всем своим друзьям.

Пускай исполнят просьбу супруга моего

²³⁵ *Доверю быть послами я шпильманам своим...* – В отличие от предыдущего посольства, порученного маркграфу Рюдегеру, с новым посольством Этцель направляет незнатных, хотя и «добрых» шпильманов. Исследователи усматривают в трактовке этого эпизода сохранение фрагмента более ранней поэмы, сложившейся в дофеодалный период.

²³⁶ *...посланцы, две дюжины числом...* – Таким образом, свиту шпильманов составляли рыцари; в этой несообразности обнаруживается противоречие между старым и новым «пластами» эпоса.

И к нам на пир придут хотя бы для того,
Чтоб их сестру безродной не смели гунны звать.
На месте их я съездила б сюда уже раз пять.

Пусть знает брат мой Гернот, прославленный герой,
Что не любим никем он так сильно, как сестрой.
Надеюсь, он на праздник, который будет здесь,
Вассалов лучших привезёт, чтоб оказать мне честь.

Скажите Гизельхеру, что по его вине
Ни разу в жизни плакать не приходилось мне
И для меня обняться отрадно будет вновь
С тем, от кого я видела лишь верность и любовь.

Поведайте и Уте, какой мне тут почёт.
А если Хаген дома остаться предпочтёт,
Спросите, кто ж укажет бургундам путь сюда –
Ведь здесь, у гуннов, долго жил он в юные года».²³⁷

Не поняли посланцы, зачем так нужно ей,
Чтоб был владетель Тронье в числе её гостей.
Пришлось ошибку эту им искупить в бою,
Где Хаген взял недёшево с врагов за жизнь свою.

Затем гонцам посланье к трём королям вручили,
Они казны и платья довольно получили,
Чтоб при дворе бургундском им было чем блеснуть,
И государь с супругою их отпустили в путь,

Авентюра XXIV О том, как Вербель и Свеммель правили посольство

Хоть шпильманы в дороге не мешкали нимало,
А всё ж ещё быстрее везде известно стало,
Что повелел им Этцель на праздник звать шурьев.
Стал этот праздник роковым для многих удалцов.

Посланцы, не слезая с седла по целым дням,
Из края гуннов мчались к бургундским рубежам.
Не зря они спешили: не вправе медлить тот,
Кто приглашение на пир трём королям везёт.

В Бехларене оказан им был приём почётный.
Их всем необходимым маркграф снабдил охотно.
С женой своей и дочкой просил посланцев он
Друзьям на Рейне передать приветы и поклон.

²³⁷ *Ведь здесь, у гуннов, долго жил он в юные года.* – Новое указание на былое пребывание Хагена при дворе Этцеля. См. прим. к строфе 1180.

В дорогу он дозволил отбыть гостям своим
 Не прежде, чем подарки вручить успели им.
 Сынам почтенной Уты, а также ей самой
 Велел поведать Рюдегер, что чтит их всей душой.

Он наказал Брюнхильду уведомить о том,
 Что искренне ей предан и рад служить во всём.
 Когда же на конь снова вскочили два гонца,
 Хозяйка обещала им молить за них творца.

Задерживаться Вербель в Баварии не мог,
 Но в Пассау он всё же заехал на денёк.
 Скажу вам, не гадая, просил его иль нет
 Епископ Пильгрим передать своей родне привет,

Что золотом осыпал двух шпильманов прелат²³⁸
 И рек: «Уверьте вормсцев, что буду очень рад
 Детей сестры увидеть я у себя в стране.
 Их навестить на родине едва ль удастся мне».

Как ехали посланцы, к бургундам путь держа,
 Я до сих пор не знаю, но с целью грабежа
 Никто на них в дороге не думал нападать,
 Затем что гнева Этцеля любой страшился тать.

Явились в Вормс на Рейне через двенадцать дней
 Два шпильмана отважных со свитой своей.
 Немедля доложили об этом королям,
 И Гунтер слово обратил к бургундским удалцам:

«Кто эти чужестранцы и из какой земли?»
 Но королю ответить вельможи не могли.
 Тогда владетель Тронье был спешно призван в зал.
 Он Вербеля со Свеммелем узнал²³⁹ и так сказал;

«То шпильманы лихие у Этцеля на службе.
 Они в года былые со мною жили в дружбе
 И присланы, наверно, к нам вашей сестрой.
 В честь Этцеля примите их с любезностью большой».

Гонцы дворца достигли и въехали во двор.
 Мир шпильманов столь гордых не видел до сих пор.
 К приезжим подбежала толпа проворных слуг,
 Чтоб вещи и оружие принять у них из рук.

²³⁸ Скажу вам, не гадая... // Что золотом осыпал двух шпильманов прелат... – Хойслер усматривает в этих словах прикрытое серьёзностью озорство автора: предполагаемый его покровитель епископ Вольфгер Пассауский (см. прим. к строфе 1295) должен был увидеть здесь намёк на необходимость вознаграждать труд поэта.

²³⁹ ...владетель Тронье... // Вербеля со Свеммелем узнал... – Как и обычно, Гунтер не знает имен новоприбывших и страны, откуда они приехали, а всеведущий Хаген даёт необходимые объяснения.

Наряд дорожный гуннов²⁴⁰ был так богат, что в нём
Они могли бы тут же предстать пред королём.
Сочли послы, однако, что слишком он неярок,
И предложили челяди их платье взять в подарок.

На это меж бургундов охотники нашлись,
И пришлецы в такую одежду облеклись,
Что – головой ручаюсь – не слышал слыхом свет,
Чтоб был когда-нибудь посол роскошнее одет.

Затем с почётом были отведены они
Туда, где ждал их Гунтер в кругу своей родни.
Встал Хаген торопливо и устремился к ним.
Ему гонцы учтивые в ответ: «Благодарим».

Осведомился тотчас он у друзей былых,
Во здравии ли Этцель и что слышать у них.
Немедля отозвался из шпильманов один:
«По-прежнему наш край цветёт и здрав наш властелин».

Со спутниками Вербель был к трону подведён.
Через толпу героев с трудом пробрался он,
Зато уж принял гуннов учтивее король,
Чем принимал других послов когда-нибудь дотоль.

К ним обратился Гунтер: «С приездом, господа!
Я Этцелевым людям безмерно рад всегда.
Мне, шпильманы, сдаётся, моей сестры супруг
Сюда по делу важному своих отправил слуг».

С поклоном молвил Вербель в ответ на речь его:
«Да, прибыл я по воле владыки моего.
Ваш зять с сестрою вашей вам шлют привет большой
И заверяют, что они вас любят всей душой».

«Приятно это слышать, – сказал король послам. –
Как поживает Этцель и хорошо ли там,
У вас в стране, Кримхильде, родной сестре моей?»
Вновь смелый шпильман слово взял: «На свете нет людей,

Которые бы жили счастливей, чем она.
Судьбой довольны Этцель, дружина и страна.
Когда к вам отправлялся с товарищами я,
Здоровы были мой король и вся его семья».

«Растроган я приветом, – воскликнул Гунтер тут, –
Который зять с сестрою мне так любезно шлют.
Сердечное спасибо и вам, гонцы, за весть,

²⁴⁰ Наряд дорожный гуннов... – Послы меняют свой роскошный наряд не из пустого чванства, а ради достоинства представляемого ими монарха. Примечательно здесь то, что шпильманы, обычно фигурирующие в качестве получателей даров, в данном случае сами расточают их. Богатое платье в те времена было немалой ценностью.

А то уже тревожиться стал о сестре я здесь».

Два младших государя явились в зал чуть-позже –
Не сразу их успели уведомить вельможи,
Что от сестры любимой известие пришло.
Млад Гизельхер её послов приветствовал тепло:

«Любой, кто служит зятю, – для нас желанный гость.
Когда бы вам приехать на Рейн ни довелось,
Тут вы друзей найдёте и обойдутся с вами,
Как обходиться надлежит со старыми друзьями».

Промолвил Свеммель: «В этом у нас сомнений нет.
Я выразить не в силах, сколь искренний привет
Мне вам король с супругой велели передать.
Во всём судьбою взысканы у вас сестра и зять.

Она меня просила напомнить вам о том,
Что вы всегда друг друга любили с ней вдвоём.
Но самым первым делом мы сообщить должны,
Что вас и братьев ждёт на пир король моей страны.

Шурьёв он приглашает прибыть к его двору.
А если не угодно вам повидать сестру,
Рассчитывает Этцель, что, дав ему отказ,
Вы хоть поведаете нам, чем прогневил он вас,

Будь вы совсем чужими владыке моему,
И то пора бы в гости приехать вам к нему.
А уж родных-то братьев своей супруги славной
Увидеть у себя в стране он вправе и подавно».

Сказал на это Гунтер: «Послы, ответ я вам,
Потолковав с друзьями, через неделю дам,
А вы пока с дороги ступайте отдыхать²⁴¹ –
Неблизкий и нелёгкий путь вас скоро ждёт опять».

Возвысил голос Вербель: «Прошу простить за смелость,
Но не уйдёт наш отдых, и очень бы хотелось
Нам с госпожою Утой поговорить сперва».
Млад Гизельхер такой ответ дал на его слова:

«Препятствовать не станем мы в этом вам, друзья.
С охотой и радушьем вас примет мать моя,
И ваш приход доставит большую радость ей –
Вы присланы Кримхильдою, родной сестрой моей».

Затем он гуннов к Уте отвёл без долгих слов.
Весьма приятно было ей увидеть послов.

²⁴¹ *А вы пока с дороги ступайте отдыхать...* – Король не предлагает им разделить с ним трапезу; по исполнении ими своей официальной миссии шпильманы переданы Гунтером на попечение слуг как лица нерыцарского звания.

Она им оказала внимание и честь,
Они же передали ей от милой дочки весть.

Хозяйке храбрый Свеммель сказал, шагнув вперёд:
«Вам наша королева привет сердечный шлёт.
Сильней всего на свете – я слово в том даю –
Прижать к груди хотелось бы Кримхильде мать свою».

«Увы, – вздохнула Ута, – ничем тут не помочь.
Сама уже давно бы я навестила дочь,
Лежи чуть-чуть поближе от нас её страна.
Дай бог, чтоб были счастливы и Этцель и она.

Ничей приезд желанней, чем ваш, мне быть не мог.
Когда вам в путь собираться опять настанет срок,
Заранее об этом меня предупредите».
И обещали ей гонцы дать знать о дне отбытья.

Потом на отдых были они отведены.
Меж тем король бургундский со всех концов страны
Своих друзей ближайших созвал держать совет,
Что лучше и разумнее – поехать или нет.

Знатнейшие меж ними уверили его,
Что к Этцелю он должен прибыть на торжество.
Лишь Хаген, разъярённый, как никогда дотоль,
Сказал вполголоса: «Мы все погибнем там, король.²⁴²

Сестры остерегаться по гроб вам надлежит:
Немало претерпела она от нас обид.
Собственноручно мною убит её супруг,
А вы на праздник к Этцелю решились ехать вдруг!»

Король в ответ: «Что было, того не будет вновь.
Кримхильда возвратила родным свою любовь,
Когда в знак примиренья мне поцелуй дала.
Нет, друг мой Хаген, лишь на вас она быть может зла».

Угрюмо Хаген бросил: «Словам послов не верьте,
Обид не позабудет она до самой смерти.
Вам потерять придётся у гуннов жизнь и честь.
Всем нам супруга Этцеля тайком готовит месть».

Не согласился Гернот с ним и на этот раз:
«Страшиться мщенья, Хаген, причина есть у вас,
Но то, что вы боязни за жизнь свою полны,
Ещё не значит, что сестры мы избегать должны».

Млад Гизельхер добавил: «Коль скоро за собою
Вы знаете провинность перед моей сестрою,

²⁴² Мы все погибнем там, король. – В «Саге о Вэльсунгах» Хёгни, брат Гуннара, также отговаривает его от принятия приглашения Атли, подзревая недоброе.

Останьтесь здесь, на Рейне, а нас сопровождать
 Поедут те, кто никогда не смел ей досаждать».

Вскипел владетель Тронье: «В край Этцеля дорогу
 Получше, чем другие, я знаю,²⁴³ слава богу,
 И в этом убедитесь вы, государь, вполне,
 Коль с непреклонностью такой внять не хотите мне».

Начальник кухни Румольт был мнения того же:
 «Скакать на праздник к гуннам вам, короли, негоже.
 Иль гости в Вормс не ездят? Иль оскудел ваш двор?
 Вы все с советом Хагена считались до сих пор.

Но раз теперь нет веры тому, что он сказал,
 Вам повторит и Румольт, ваш преданный вассал:
 Покинуть не стремитесь отечество своё.
 Что общего у вас с сестрой и Этцелем её?

Чем плохо вам на Рейне, где ваша жизнь прекрасна,²⁴⁴
 Где вражеские козни нисколько не опасны,
 Где дорогого платья у вас полным-полно,
 Где милых дам вы любите и пьёте всласть вино?

К тому ж еды вкуснее нигде вам не дадут.
 Но если даже это вас не удержит тут,
 Подумайте о жёнах – уж ради них одних
 Без толку рисковать собой не след в краях чужих.

Страна у вас богата, вот и останьтесь в ней,
 Где вы от бед неожиданных защищены верней,
 Чем во владеньях гуннов: бог весть, что будет там.
 Послушайтесь же Румольта – добра хочу я вам».

Возвысил голос Гернот: «Оставим спор пустой.
 Коль так любезно в гости зовут нас зять с сестрой,
 Ответить им отказом не позволяет честь,
 А те, кто на подъём тяжёл, пусть остаются здесь».

Сказал на это Хаген: «Посмотрим, кто был прав.
 Меня не осуждайте за мой строптивый нрав,
 А лучше снарядитесь в дорогу к гуннам так,
 Чтоб нас врасплох не захватил и самый хитрый враг.

Коль вы решили ехать, извольте дать приказ

²⁴³ *В край Этцеля дорогу // Получше, чем другие, я знаю...* – Несмотря на ясное понимание опасности, подстерегающей их у гуннов, Хаген готов сопровождать королей в их поездке и перестаёт им перечить, как только слышит о сомнениях в его мужестве, – подобное подозрение в высшей степени оскорбительно и невыносимо. Ср. строфу 1512 след.

²⁴⁴ *Чем плохо вам на Рейне, где ваша жизнь прекрасна...* – Для «материалиста» Румольта существуют только чувственные радости. Его образ контрастирует с куртуазными братьями короля и выглядит гротескно. Слова Румольта вызвали насмешку Вольфрама фон Эшенбаха в «Парцифале». См., однако, строфу 1517 след.

Вассалам в Вормс собраться, а я найду для вас
Меж ними десять сотен бойцов как на подбор,
Которые помогут вам Кримхильде дать отпор».

Обрадовался Гунтер: «Такой совет мне мил».
Во все концы державы гонцов он отрядил
И созывать вассалов в столицу им велел.
Кто из бургундов знал тогда, какой их ждёт удел!

Сошлись они по зову владыки своего.
Три тысячи их было иль более того.
Распорядился Гунтер коней и платье дать
Всем тем, кто к гуннам вызвался его сопровождать.

Помчался в Тронье Данкварт, что Хагену был брат.
Оттуда он с собою привёл большой отряд.
Слепили взор оружием и платьем дорогим
Все восемьдесят витязей, приехавшие с ним.

Примкнул и шпильман Фолькер к дружине королей.
Пришло с ним вместе тридцать его богатырей
В нарядах столь роскошных, что лучшие едва ли
У государей на плечах когда-нибудь бывали.

Не понимать превратно прошу слова мои.
Был Фолькер из презнатной, владетельной семьи,²⁴⁵
А шпильманом был прозван в краю своём родном
Лишь потому, что сызмалу умел владеть смычком.

Из тех, кто ехать к гуннам был с королём готов,
Взял Хаген десять сотен отборных удалцов.
Была ему их доблесть по опыту известна.
Тот, кто их знал, не мог о них не отозваться лестно.

Всё время об отъезде вели посланцы речь –
Могла на них задержка гнев Этцеля навлечь,
Но Хаген помешать им старался что есть сил.
Его поступками и тут расчёт руководил.

Он Гунтеру промолвил: «Почествовать гостей
Мы здесь должны подольше, чтоб только за семь дней
До нашего отъезда они пустились в путь.²⁴⁶
Тогда нас будет недругам труднее обмануть.

²⁴⁵ Был Фолькер из презнатной, владетельной семьи... – Хотя Фолькер впервые упомянут ещё в самом начале «Песни о нибелунгах» (строфы 9, 162 и др.), здесь, во второй части поэмы, имеющей иные источники, нежели первая, он опять рекомендуется читателю как якобы новый персонаж. В рыцарское звание он «возведен» поэтом лишь в этой части эпопеи, где он становится одной из наиболее любовно выписанных фигур.

²⁴⁶ ...чтоб только за семь дней // До нашего отъезда они пустились в путь. – За столь короткий, по средневековым представлениям, срок гунны не успели бы приготовить для бургундов ловушку, которой опасался Хаген.

Кримхильда не успеет собрать друзей своих
И натравить не сможет на нас заране их,
А если и натравит, придётся худо им:
Мы с тысячью бойцов всегда врагу отпор дадим».

И вот сперва снабдили дружинников с лихвой
Оружьем, конской сбруей, одеждой дорогой –
Всем, что с собой в дорогу им нужно было взять,
И лишь потом король к себе гонцов призвал опять.

Так Гернот обратился к послам, вошедшим в зал:
«На пир явиться к зятю король согласие дал.
Мы вместе с ним приедем – не сомневайтесь в том –
И с искреннею радостью сестру к груди прижмём».

Спросил учтиво Гунтер: «Скажите, Свеммель смелый,
Когда назначен праздник, чтоб в гуннские пределы
Я к сроку прибыл с теми, кого туда возьму».
«В ближайший же солнцеворот», – гонец в ответ ему.

В тот день король впервые к Брюнхильде благородной²⁴⁷
Пойти гостям дозволил, коль это им угодно.
Но тут вмешался Фолькер – он чуял наперёд,
Что ей лишь огорчение доставит их приход:

«Послы, не в духе нынче владычица моя,
И обождать до завтра советовал бы я.
Тогда она вас примет – даю вам в этом слово».
Но и назавтра к ней гонцов не допустили снова.

Тогда, чтоб их обида рассеялась вполне,
Стал к ним державный Гунтер внимательней вдвойне.
С казною золотою щиты он им вручил.
Старался подражать ему весь двор по мере сил.

Млад Гизельхер и Гернот, и Ортвин с Гере тож
Добра им дали столько, что всё и не сочтёшь.
Однако отказались послы принять его –
Они страшились прогневить владыку своего.²⁴⁸

Такое слово Вербель промолвил королю:
«Я взять назад подарки вас, государь, молю.
Предупредил нас Этцель, что брать их нам не след –
У верноподданных его ни в чём нехватки нет».

²⁴⁷ ...к Брюнхильде благородной... – Последнее упоминание о Брюнхильде, не играющей в повествовании более никакой роли. В строфе 1515 её имя не названо, хотя она и имеется в виду.

²⁴⁸ Однако отказались послы принять его – // Они страшились прогневить владыку своего. – Принятие подарка налагает обязанности на получателя; в этом нет ничего унижительного для шпильмана, вообще для человека, стоящего в социальном отношении ниже дарителя, но в данном случае шпильманы представляли самого Этцеля, и принятие его посланцами даров Гунтера могло бросить тень на честь гуннского монарха. С другой стороны, их отказ взять подарки оскорблял бургундского короля, считавшего себя во всём равным Этцелю, и Гунтер принудил их взять подаренное. См. строфы 1489–1490.

Как сильно ни разгневан был Гунтер на послов
За то, что отказались те от его даров,
Он их принять заставил одежду и казну,
Которые и увезли они в свою страну.

Млад Гизельхер по просьбе обоих скрипачей
Отвёл перед отъездом их к матери своей,
И Ута им велела уверить дочку в том,
Что счастья и удачи мать желает ей во всём.

Парчой их оделила и золотом она,
Затем что мать любая так поступать должна –
Пусть видят все, как ею ценимы дочь и зять.
Поэтому пришлось гонцам у ней подарки взять.²⁴⁹

Потом, простясь со всеми, с кем их судьба свела,
В обратный путь к Дунаю пустились два посла,
А чтоб никто в дороге им не посмел вредить,
До самой Швабии велел их Гернот проводить.

Когда же восвояси вернулась их охрана,
Поехали и дальше посланцы невозбранно.
Ни скакунов, ни платья не отняли у них –
Страшило имя Этцеля везде людей лихих.

Друзей уведомляли гонцы на всём пути,
Что вскоре должен Гунтер с дружиной здесь пройти –
Он властелином гуннским на праздник приглашён
Об этом Пильгрим в Пассау был также извещён.

Когда через Бехларен посольство проезжало,
В мгновенье ока новость весь город обежала,
И Рюдегер с женою в большой восторг пришли
При мысли, что хотят прибыть к ним братья-короли.

Гонцы, достигнув Грана, где Этцель пребывал,
Явились к государю, как долг повелевал.
От радости и счастья зарделся он с лица,
Узнав, что шлют ему шурья поклоны без конца.

Когда предупредили послы жену его,
Чтоб королева братьев ждала на торжество,
Она возликовала и шпильманов за весть
Осыпала подарками, как требовала честь.

Она сказала: «Вербель и Свеммель, вы одни
Мне можете поведать, кто из моей родни
В совете дал согласие на пир приехать к нам
И что об этом говорил там Хаген королям».

²⁴⁹ Поэтому пришлось гонцам у ней подарки взять. – В отличие от даров Гунтера, подарки Уты послы могли спокойно принять: они служили знаком благодарности матери за принесенные ими добрые вести от дочери.

«Он как-то рано утром, – в ответ один посол, –
С большим негодованьем речь о поездке вёл.
Все мнили, что на праздник зазорно не прибыть,
Лишь Хаген повторял, что здесь хотят их погубить.

Все трое ваших братьев бесспорно будут тут.
Кого же из вассалов они с собой возьмут –
Мы в точности не знаем, хоть можем утверждать,
Что шпильман Фолькер королей решил сопровождать».

Отозвалась Кримхильда – «Невелика беда,
Коль с Фолькером я в жизни не встречусь никогда.
Иное дело Хаген, прославленный боец.
Его у нас мне хочется увидеть наконец».

Отправилась Кримхильда к супругу своему
И с ласковой улыбкой промолвила ему
«Довольны ль вестью с Рейна вы, повелитель мой?
Сбылось моё желание увидеться с родней».

«Я угодить вам счастлив, – король в ответ жене, –
И вас могу уверить, что ваши братья мне
Милее и дороже, чем кровная родня.
Прибытие их радует заранее меня».

Державный Этцель слугам немедля приказал
Скамейками уставить его дворец и зал,
Дабы гостям желанным нашлось где разместиться.
Был вынужден он вскорости за это поплатиться.

Авентюра XXV О том, как нибелунги²⁵⁰ ехали к гуннам

Теперь оставим гуннов – нам рассказать пора
О хлопотах и сборах бургундского двора.
Гостей богаче вормсцев не видел мир давно.
Оружье, платье, скакуны – всё было им дано.

С собой на праздник Гунтер взял витязей лихих.
Шло к гуннам десять сотен и шесть десятков их,
А также девять тысяч слуг и простых бойцов.
Оплакали друзья потом всех этих удалцов.

Но вот коней взнуздали, настал прощальный миг,
И шпейерский епископ, уже седой старик,
Пригожей Уте молвил: «Король готов отбыть.

²⁵⁰ Начиная с авентюры XXV имя «нибелунги» то и дело переносится на бургундов.

Пусть наших родичей господь не даст врагам сгубить».

Сказала детям Ута: «Останьтесь здесь все трое.
Приснился нынче ночью мне сон дурной, герои,
Как будто всех пернатых в Бургундии у нас
Сразил неведомый недуг в один и тот же час».

«Не страшны сны дурные, – воскликнул Хаген гордо, –
Тому, кто служит долгу и чести верен твёрдо.²⁵¹
Поэтому на месте владыки моего
Я постарался б тотчас же отбыть на торжество.

Отправиться к Кримхильде мы все отнюдь не прочь.
У ней найдётся дело любому, кто охоч
Во имя государя отвагою блеснуть».
Потом он горько пожалел, что торопился в путь.

Конечно, Хаген дал бы совет совсем иной,
Когда б не донял Гернот его насмешкой злой.
Тот бросил: «Хаген помнит, кем Зигфрид был убит,
Вот и боится, что он сам Кримхильдой не забыт».

Владетель Тронье вспыхнул: «Нет, страх неведом мне.
Коль скучно, государи, вам жить в родной стране,
Последовать за вами я к Этцелю готов».
Немало изрубил он там и шлемов, и щитов.

Уже суда стояли у берега реки.
Взялись грузить проворно поклажу смельчаки.
До самого заката хватило им хлопот.
Всем не терпелось поскорей отправиться в поход.

Велел король бургундский за Рейном стан разбить:
Ещё хоть ночь Брюнхильда хотела с ним пробыть,
И до рассвета Гунтер с супругою вдвоём
Утехи ложа брачного вкушал в шатре своём.

С зарёю трубным звуком был лагерь пробуждён.
В последний раз герои прижали к сердцу жён.
Не довелось обняться им больше никогда –
Друг с другом разлучила их Кримхильда навсегда.

Сынам пригожей Уты служил один вассал
Усердно, верно, храбро, как долг повелевал.²⁵²

²⁵¹ *Не страшны сны дурные... // Тому, кто служит долгу и чести верен твёрдо.* – Раз решено ехать к гуннам, Хаген, вначале столь энергично противившийся этой поездке, призывает не медлить. Он не пренебрегает вещими снами, но придерживается фаталистической установки: судьбы не избежать, поэтому надлежит смело идти ей навстречу.

²⁵² *...служил один вассал // Усердно, верно, храбро, как долг повелевал.* – Здесь и далее образ Румольта, которому Гунтер доверяет управление страной на время своего отсутствия, существенно иной, чем выше; см. строфу 1465 след. Несколько странно, что регентом назначен начальник над кухней.

В то утро он открыто признался королю:
«О том, что едете вы всё ж, глубоко я скорблю».

Затем добавил Румольт – так звался тот смельчак –
«Уж если здесь остаться не склонны вы никак,
Скажите хоть, кто должен без вас престол блюсти.
Ах, для чего себя посламы вы дали обвести!».

– «Хранить мой трон и сына ты, Румольт, будешь сам.
Изволь повиноваться во всём желаньям дам,
И облегчай посылно несчастным бремя бед,²⁵³
И не страшись, что причинят нам у Кримхильды вред»

Давно уж наготове стояли скакуны
Герои, нетерпеньем и радостью полны,
Перед дорогой дальней спешили жён обнять.
Как горько из-за них родне пришлось потом стенать!

Но вот они толпою пошли к коням своим,
А дамы сокрушённо вослед глядели им.
Наверно, сердце многим шептало в этот час,
Что видят братьев и мужей они в последний раз

Заколыхались стяги, ряды пришли в движенье.
Следили за бойцами в тревоге и волненье
Их земляки-бургунды с обоих склонов гор,
А витязи ликующе неслись во весь опор.

Так вместе с королями отправились в поход
Вассалы-нибелунги²⁵⁴ – их было десять сот
И всех, вдали от ближних, у гуннов смерть ждала:
Кровь Зигфрида по-прежнему Кримхильде сердце жгла.

Взял Данкварт, смелый воин, дружину под начал,
А Хаген, муж бывалый, пред строем первый мчал
И выбирал дорогу для спутников своих.
В восточную Франконию вдоль Майна вёл он их.

Оттуда к Швальбенфельду²⁵⁵ герои поскакали.
Был вид их так отважен, доспехи так сверкали,
Что всюду им немало дивился люд честной.
К Дунаю подошёл отряд с двенадцатой зарёй.

²⁵³ *И облегчай посылно несчастным бремя бед...* – идеал христианского правителя.

²⁵⁴ *Вассалы-нибелунги* – имеются в виду не богатыри, приведенные некогда Зигфридом из Норвегии, а бургунды, ибо во второй части «Песни о нибелунгах» это имя перенесено на них, может быть, потому, что в сознании автора эпопеи имя «нибелунг» было связано с обладанием кладом, а его присвоили бургундские короли.

²⁵⁵ *Швальбенфельд* – местность на реке Швальб, притоке Верница, впадающего в Дунай у Донауверта. Здесь опять сказывается плохое знание автором географии Западной Германии: в строфе 1524 бургунды направляются к Дунаю через Восточную Франконию вверх по Майну, т. е. обходят Швальбенфельд с севера.

Владетель Тронье первым спустился вниз к воде –
Бессменно нибелунгов он охранял везде.
На землю спрыгнул Хаген с поводьями в руке
И привязал коня к ветле, от волн невдалеке.

Была пора разлива, на всей реке – ни судна.
Смекнули нибелунги, что им придётся трудно:
Не переплыть Дуная – он чересчур широк.
Попрыгали они с коней в тревоге на песок.

«Король, – воскликнул Хаген, – опасность перед нами.
Седой Дунай разлился, он весь покрыт волнами,
И если вы решите переправляться тут,
Боюсь, что многие на дно сегодня же пойдут».

В сердцах ответил Гунтер: «Я это вижу сам,
И вы нас не стращайте, а помогите нам.
Ступайте, поищите – авось, найдётся брод,
Где люди переправятся да и обоз пройдёт».

«Ну, нет, – промолвил Хаген, – тонуть не склонен я.
На кое-что получше сгодится жизнь моя.
Сведут меня в могилу лишь дорогой ценой –
Сначала гунны силою померятся со мной.

На поиски пойду я, а вы побудьте здесь.
Наверно, перевозчик²⁵⁶ тут где-нибудь да есть.
В край Гельфрата²⁵⁷ доставит он всех нас, короли».
И поднял Хаген удалой свой добрый щит с земли.

Герой на левый локоть надел его затем,
До глаз на лоб надвинул стальной блестящий шлем
И меч поверх кольчуги на пояс привязал.
Тот обоюдоострый меч любой доспех пронзал.

По зарослям прибрежным бродя туда-сюда,
Воитель вдруг услышал, как плещется вода,
И вскоре ключ прохладный предстал его глазам.
Купались сёстры вещице²⁵⁸ со звонким смехом там.

Подкрадываться Хаген к ним стал, держась в тени,
Однако различили его шаги они
И вовремя отплыли, и он их не настиг,
Хоть их одеждой завладел за этот краткий миг.

²⁵⁶ *Первозчик* – здесь это не простой человек, зарабатывающий свои хлеб перевозом, а богатый вассал маркграфов баварских, которому доверено охранять стратегически важную переправу. В юности перевозчиком был и Хаген.

²⁵⁷ *Гельфрат* – баварский маркграф.

²⁵⁸ *Сёстры вещице* – сказочные существа, обитавшие в воде и обладавшие сверхъестественной способностью предсказывать судьбу. Эти русалки сразу же узнают Хагена, см. строфу 1535.

Сказала Хадебурга, одна из вещей жён:
«Коль вами будет, Хаген, наряд наш возвращён,
Мы вам, достойный витязь, откроем сей же час,
Чем празднество у Этцеля закончится для вас».

Носясь, как птицы, сёстры едва касались волн,
И, видя это, Хаген был нетерпенья полн:
Коль скоро им проникнуть в грядущее дано,
У них обязан вызнать он, что статья с ним должно.

Промолвила вещунья: «Ручательство даю,
Что с вами не случится беды в чужом краю.
Без страха отправляйтесь и знайте наперёд –
Окажут вам у Этцеля неслыханный почёт».

Словам её был Хаген так неподдельно рад,
Что сразу отдал сёстрам волшебный их наряд.²⁵⁹
Когда ж его надели провидицы опять,
Они решились витязю всю правду рассказать.

Воскликнула Зиглинда, вторая из сестёр:
«Сын Альдриана Хаген,²⁶⁰ мы лгали до сих пор,
Боясь, что, рассердившись, уйдёшь ты с нашим платьем.
Знай, угрожает смерть тебе и всем твоим собратьям.

Вернись, пока не поздно, иль ждёт тебя конец.
Не с доброй целью к гуннам ты зазван, удалец.
Вы едете на гибель, а не на торжество.
Убьют вассалы Этцеля вас всех до одного».

«Не лгите, – молвил Хаген, – вам это ни к чему.
Не может быть, чтоб пали мы все лишь потому,
Что нам одна особа мечтает навредить».
Тут попытались сёстры вновь пришельца убедить.

Одна из них сказала: «Назначено судьбою
Тебе лишиться жизни и всем друзьям с тобою.
Нам ведомо, что только дворцовый капеллан
Вернётся в землю Гунтера из чужедальних стран».

Отважный Хаген вспыхнул: «Довольно слов, всезнайки!
Того сочту я смелым, кто скажет без утайки
Трёх нашим государям, что перебьют всех нас.
Ответьте лучше, как попасть нам за Дунай сейчас».

²⁵⁹ ...отдал сёстрам волшебный их наряд. – По-видимому, тот, кто завладевал нарядом вещей жён, приобретал власть и над ними самими. В «Саге о Тидреке» Хаген, услышав страшное пророчество русалок, обнажает меч и рассекает обеих надвое.

²⁶⁰ Сын Альдриана Хаген. – Имя отца Хагена известно лишь из второй части «Песни о нибелунгах». Это имя указывает на то, что отец Хагена был альб (см. прим. к строфе 9).

Она ему: «Коль скоро стоишь ты на своём,
То знай: вверх по течению есть за рекою дом.
Живёт в нём перевозчик, и тут другого нет».
Заторопился Хаген прочь, чуть выслушал ответ.

«Постойте! – закричала из вещей жён одна. –
Вам, Хаген, на прощанье совет я дать должна,
Чтоб ваш отряд в дороге не потерпел урон.
Страной владеет здесь маркграф, зовётся Эльзе он.

Брат Эльзе Гельфрат правит баварскою землёй.
По ней вам ехать надо с опаскою большою.
Всего же пуще бойтесь рассориться в пути
С тем, без кого вам ни за что Дунай не перейти.

Так вспылчив перевозчик, что худо вам придётся,
Коль с ним у вас размолвка иль ссора заведётся.
Пускай ему заплатит за труд владыка ваш.
Слуга он верный Гельфрату и переправы страж.

Коль ждать он вас заставит, кричите что есть сил:
«Я – Амелрих злосчастный» – такой боец тут жил,
Но родину покинул, спасаясь от врагов.
К вам перевозчик приплывёт, услышав этот зов».

Признательность воитель ей выразил кивком
И, с сёстрами расставшись, в кустах исчез молчком.
Он берегом песчаным пошёл вверх по реке
И вскорости увидел дом за нею вдалеке.

Он крикнул так, что голос донёсся за Дунай:
«Живее, перевозчик, мне лодку подавай.
Коль на баварский берег меня перевезёшь,
Получишь золотой браслет – взгляни, как он хорош».

Богат был перевозчик,²⁶¹ ни в чём не знал нужды.
Не очень-то прельщался он платой за труды
И слуг держал надменных, хозяину под стать.
Долгонько Хагену пришлось на берегу стоять.

Тогда, перекрывая шум волн и ветра вой,
Герой возвысил снова могучий голос свой:
«Я – Амелрих, служивший у Эльзе вплоть до дня,
Когда изгнали с родины мои враги меня».

Браслет он в воздух поднял на острие клинка,
Чтоб золото увидел гордец издалика
И низменную алчность оно в нём разожгло.
Тут перевозчик наконец схватился за весло.

²⁶¹ *Богат был перевозчик...* – Здесь – вассал баварского герцога, управляющий переправой и выполняющий также военную службу. Сам Хаген тоже в юности служил перевозчиком (см. строфу 1570).

Для молодой супруги решил он взять браслет.
Кто обуюн корыстью, тому спасенья нет.
На золото польстился по жадности глупец
И в стычке с грозным Хагеном нашёл себе конец.

Проворно перевозчик Дунай преодолел,
Но за рекой не встретил того, кого хотел,
Чем был в такую ярость и злобу приведён,
Что Хагену отважному свирепо бросил он:

«Хоть Амелърихом тоже, быть может, вас зовут,
Другого человека я мнил увидеть тут.
Мы с ним родные братья, а вы солгали мне.
Сидите в наказание на этой стороне».

«Свой гнев, – ответил Хаген, – уймите, бога ради,
И знайте: не придётся вам нынче быть в накладе,
Коль вы перевезёте товарищей моих,
С которыми приехал я сюда из стран чужих».

Воскликнул перевозчик: «Не трать напрасно слов.
У тех, кому служу я, немало есть врагов,
И к ним я не намерен возить бог весть кого.
Коль жизнь твоя тебе мила, прочь с судна моего!»

«И всё ж браслет возьмите, – сказал герой ему. –
Придёте вы на помощь отряду моему.
Коней в нём десять сотен да столько ж человек».
Но перевозчик закричал: «Не быть тому вовек!»

Веслом своим тяжёлым спесивец что есть сил
С размаху чужестранца по голове хватил,
И Хаген на колени упал, ошеломлён.
Гневливей перевозчика ещё не видел он.

Затем, чтоб не поднялся пришедший в ярость гость
И взяться за оружие ему не удалось,
Силач врага ударил по темени багром,
Но это для него, увы, не кончилось добром.

Багор о шлем разбился, а Хаген вынул меч,
И голова скатилась у грубияна с плеч,
И витязь, вслед за телом, швырнул её на дно,
О чём бургундам было им потом сообщено.

Едва вассала Эльзе бургунд успел сразить,
Как лодку тут же стало течением сносить.
Встал на корме воитель и на весло налёг
И всё же повернуть назад отнюдь не сразу смог.

Вверх по Дунаю судно в конце концов пошло,
Но тут переломилось широкое весло.
Хоть не нашлось другого, не оробел смельчак.
Ремнём подшитным он связал обломки кое-как

И к берегу причалить с большим трудом сумел.
Над самую водою там лес густой шумел
И ждал вассала Гунтер с дружиною своей.
Сбежалась Хагена встречать толпа богатырей.

Бургунды были рады, что витязь с ними вновь.
Когда же увидали они на судне кровь
Спесивого невежи, чью голову он снёс,
Друзьями задан Хагену был не один вопрос.

Шёл пар от свежей крови, и Гунтер угадал,
Как завладел ладьёю его крутой вассал.
Спросил он: «Где же судно вы, Хаген, раздобыли
И где же перевозчик сам? Знать, вы его убили?»

Отперся хитрый Хаген: «Нашёл я этот чёлн.
Он кем-то был привязан к ветле у самых волн,
А перевозчик даже не встретился со мною,
И если вправду он убит, не я тому виною».

Король бургундский Гернот прервал беседу их:
«Я сильно опасаюсь за жизнь друзей своих –
Вдруг опрокинет лодку волною невзначай.
Как мы без перевозчиков переплывём Дунай?»

Воскликнул Хаген: «Слуги, поклажу снять с коней!
Служил на перевозе я в юности своей
И равного мне было на Рейне не найти.
Даст бог, сумею к Гельфрату я вас перевезти».

Коней загнали в воду ударами кнутов,
Чтоб вплавь они пустились одни, без седоков,
И реку переплыли лихие скакуны,
Хоть многие и были вниз теченьем снесены.

На судно погрузили затем казну и кладь,
И стал владетель Тронье друзей переправлять.
Когда б он не работал весь этот день веслом,
Не быть бы многим витязям на берегу другом.

Он десять сотен вормсцев сперва отвёз туда,²⁶²
Потом своих вассалов – красавцев хоть куда,
А после девять тысяч простых бойцов и слуг.
Трудился Хаген допоздна, не покладая рук.

Когда отряд успешно им был перевезён,

²⁶² *Он десять сотен вормсцев сперва отвёз туда...* – Все многотысячное войско Хаген сумел переправить в одной лодке за день! Автора песни это, очевидно, не смутило, но в одной из версий песни прибавлена строфа, при помощи которой неизвестный «редактор» пытался выйти из положения: «корабль был достаточно крепок и широк для того, чтобы принять на борт зараз более пятисот человек вместе с оруженосцами и снаряжением, а на вёслах сидело много рыцарей».

Владетель Тронье вспомнил слова тех вещей жён,
Которых за купаньем врасплох он захватил.
За это жизнью капеллан чуть-чуть не заплатил.

Над утварью церковной стоял сей муж святой,
Руками опираясь о бок челна крутой.
Не послужил защитой ему духовный сан –
Был за борт сброшен Хагеном несчастный капеллан.²⁶³

«Остановитесь, Хаген!» – вскричали смельчаки,
Извлечь пытаясь жертву из бурных вод реки.
Млад Гизельхер от гнева едва не онемел,
Но Хаген всё ж свой замысел осуществить сумел.

Король бургундский Гернот сказал ему в сердцах:
«За что погибнуть должен наш капеллан в волнах?
Зачем в Дунай глубокий его швырнули вы?
Любой другой лишился бы за это головы».

Священник бедный на борт карабкался напрасно –
В беде бургунды были помочь ему не властны:
Ладью правил Хаген, а он концом шеста
На дно спровадить норовил служителя Христа.

Надежду на спасенье утратив наконец,
Пустился вплавь священник, хоть был плохой пловец.
И от жестокой смерти его избавил Бог:
Добрался он до берега и вылез на песок.

Стал выжимать он платье, благодаря Творца.
Увидел это Хаген и помрачнел с лица,
А про себя подумал: «Нам всем конец суждён.
Не ложь, а правду слышал я от этих вещей жён».

Едва была поклажа на сушу снесена,
Владетель Тронье в щепы разнёс борты челна²⁶⁴
И отогнал подальше от берега его
К большому изумлению отряда своего.

Спросил в смятенье Данкварт: «Что ты наделал, брат?
На чём же мы поедem, когда на Рейн назад

²⁶³ *Был за борт сброшен Хагеном несчастный капеллан.* – Столкнув в реку священника, Хаген пытается его утопить, но безуспешно. Никакой враждебности ни к этому капеллану, ни к духовенству вообще у Хагена нет, – он желает лишь проверить истинность рокового пророчества вещей русалок, которые открыли ему, что из всего войска спасется один только дворцовый капеллан: парадоксальное сближение языческой веры в Судьбу с христианством!

²⁶⁴ *Владетель Тронье в щепы разнес борты челна...* – В этом поступке Хагена находит выражение вера в Судьбу и решимость идти ей навстречу; только что убедившись на примере капеллана в правильности предсказания о неминуемой гибели всех участников похода, он отрезает у своих спутников последнюю возможность возвращения. Герои должны без колебания встретить свой удел. В «Саге о Вельсунгах» Гуннар с братьями, переправившись на кораблях в страну Атли, по прибытии «не привязали своих стругов»: мысль о возможности уклониться от predetermined им доли так же чужда им, как и Хагену в «Песни о нибелунгах».

Из королевства гуннов нас Гунтер поведёт?»
Но Хаген не сказал ему, что за удел их ждёт.

Он только молвил: «Судно я изломал сейчас,
Чтоб ни один предатель, коль есть такой меж нас,
Покинуть не решился товарищей в беде.
Пусть знает: трусу всюду смерть – и в сече, и в воде».

С бургундами на праздник скакал один боец.
Он звался шпильман Фолькер, и этот удалец
В делах был смел и пылок, в речах – остёр и прям.
Понравился ему ответ, что Хаген дал друзьям.

Коней бойцы взнуздали и собрались в дорогу.
У них пока что было потерь совсем немного:
Пришлось лишь капеллану вернуться с полпути
И в одиночестве, пешком, домой на Рейн брести.

Авентюра XXVI О том, как Данкварт убил Гельфрата

Когда все оказались на правом берегу,
Спросил державный Гунтер: «Кого же я могу
Проводником назначить в чужой для нас стране?»
Могучий Фолькер вызвался: «Доверьте это мне».

На это молвил Хаген: «Молчать прошу я всех!
Сначала мненье друга послушать вам не грех.
Плохую весть сегодня принёс я, господа.
Не будет нам в Бургундию возврата никогда.

Мне поутру открыли две вещие жены,
Что все мы на чужбине найти конец должны,
И я предупреждаю сородичей своих:
Готовьтесь дать отпор врагам²⁶⁵ – у нас немало их.

Я думал, что вещуньи ввели меня в обман,
Когда они сказали: «Из вас лишь капеллан
Живым домой вернётся», но то была не ложь –
Его хотел я утопить, а он не сгинул всё ж».

Известье облетело мгновенно все ряды.
Герои побледнели в предчувствии беды.
Легко ли, направляясь на празднество к друзьям,

²⁶⁵ ...все мы на чужбине найти конец должны...// Готовьтесь дать отпор врагам... – Поведав войску о грозящей ему гибели, Хаген одновременно призывает его привести себя в боевую готовность, для того чтобы достойно и мужественно встретить судьбу. Эта весть не вызывает колебания воинов, – герои лишь «побледнели в предчувствии беды» (строфа 1590) и двинулись дальше.

Услышать неожиданно, что ты погибнешь там?

Под Мерингом²⁶⁶ успешно отряд был переправлен
И алчный перевозчик за дерзость обезглавлен.
И вот продолжил Хаген: «Врагов я нажил тут.
Они на нас, наверное, в дороге нападут.

Был здешний перевозчик сражён мечом моим,
И это, без сомненья, уже известно им.
Нам встретить их достойно придётся, земляки.
Пусть знают Эльзе с Гельфратом, остры ль у нас клинки.

Сраженья ждать недолго – пред нами смелый враг,
И скакунов нам лучше перевести на шаг,
Дабы никто не думал, что бегство предпочли мы».
Воскликнул витязь Гизельхер: «Он прав неоспоримо.

Но всё-таки кого же нам отрядить вперёд?»
Ответили бургунды: «Пусть Фолькер нас ведёт.
Здесь храбрый шпильман знает все тропы и пути».
Едва успели эту речь они произнести,

Как во главе дружины уже стоял скрипач.
Броня на нём сверкала, был конь его горяч.
Значок из ткани красной он прикрепил к копыю.
Потом за королей своих герой погиб в бою.

О том, что перевозчик, их верный страж, – в могиле,
Извещены и Гельфрат и Эльзе тотчас были.
Разгневавшись, велели они людей собирать,
И стягиваться начала под их знамена рать.

Полдня не миновало, а уж во весь опор
Скакали к ним вассалы, бойцы как на подбор,
Чтоб отомстить за гибель собрата своего.
Сошлось их к Гельфрату семьсот иль более того.

Маркграфы за врагами отправились вдогон.
Из них был каждый злобой настолько ослеплён,
Что в схватку не терпелось вступить им поскорей,
Но плохо это кончилось для них и их друзей.

Владелец Тронье с тылу бургундов прикрывал.
Защитника надёжней едва ли мир знавал.
Шли с ним его вассалы и Данкварт, брат меньшей.
Заране всё предусмотрел он с мудростью большой.

Последний луч заката угас меж облаков.
Был Хаген озабочен судьбою земляков.
Прикрыть себя щитами велел вассалам он –
Вот-вот баварцы нападут на них со всех сторон.

²⁶⁶ *Мерит* – город в Баварии, на Дунае.

Вокруг и в самом деле был слышен стук копыт.
Все поняли, что недруг по их следам спешит.
Отважный Данкварт бросил: «Начнётся бой сейчас.
Потуже должен подвязать свой шлем любой из вас».

Бойцы остановились, и тут из темноты
Сверкнули им навстречу блестящие щиты.
Тогда, прервав молчанье, спросил владетель Тронье!
«Кто вы и почему за мной отправились в погоню?»

Маркграф баварский Гельфрат сказал ему в ответа
«Сюда мы прискакали своим врагам вослед.
Мой перевозчик кем-то сегодня был убит.
Об этом славном витязе душа моя скорбит».

«Так это, – молвил Хаген, – был перевозчик твой!
Да, я его прикончил, но он всему виной,
Затем, что первый ссору со мною завязал.
Ещё немного – и меня убил бы твой вассал.

Ему я и одежду и золото сулил,
Коль он нас переправит, но грубиян вспыллил
И так меня ударил по темени веслом,
Что, ярым гневом воспылав, за зло воздал я злом.

Извлёк молниеносно из ножен я клинок,
И, насмерть поражённый, гордец свалился с ног.
Знай, я немалый выкуп дать за него готов».²⁶⁷
Однако Гельфрат не утих и после этих слов.

Вскричал он пылко: «Хаген, не сомневался я,
Что, коль поедет Гунтер через мои края,
Урон немалый будет нам причинён тобою.
Но ты за перевозчика заплатишь головою».

Конец копья наставил на Хагена маркграф,
И понеслись друг к другу противники стремглав.
С неукротимым Эльзе схватился Данкварт смело,
Во мраке зазвенела сталь, и битва закипела.

Нигде бойцов бесстрашней вы видеть не могли б!
Могучий Гельфрат с ходу врага на землю сшиб,
И на коне бургунда поперсье порвалось.
Впервые Хагену с седла свалиться довелось.

Везде трещали копья, повсюду шла резня.
Хоть оглушён был Хаген падением с коня,
В себя пришёл он сразу и на ноги вскочил.

²⁶⁷ *Знай, я немалый выкуп дать за него готов.* – По старым германским обычаям, убийца мог выплатить возмещение за убитого, тем самым предотвратив месть сородичей (в данном случае – сеньора). Гельфрат, однако, отклоняет это предложение.

Удар маркграфа лишь вдвойне его ожесточил.

Кому-то из вассалов коней стеречь велел,
Враги, в чьих гордых душах пылал великий гнев,
С неистовой отвагой вступили в пеший бой,
Покамест их товарищи сражались меж собой.

Хоть был владетель Тронье могуч, проворен, смел,
На щит его обрушить свой меч маркграф сумел.
Взметнулись к небу искры, и лопнул добрый щит.
Почуял воин Гунтера, что смерть ему грозит.

Он Данкварта окликнул: «На помощь, милый брат,
Иль гибель уготовит мне дерзкий супостат!
Я с витязем столь сильным один не совладаю».
Ответил Данкварт: «С ним сейчас расправлюсь без труда я».

Одним прыжком к баварцу приблизился боец,
И под мечом бургунда маркграф нашёл конец.
Как Эльзе ни пытался за Гельфрата воздать,
Его вассалы дрогнули и обратились вспять.

Понёс злосчастный Эльзе в ту ночь большой урон.
Он сам был тяжко ранен, и брат его сражён,
И восемьдесят лучших, отборнейших бойцов
Прияли смерть под натиском бесстрашных пришлецов.

Бежала с поля боя баварская дружина.
Кто мешкал хоть минуту, того ждала кончина.
От грохота ударов тряслась земля кругом –
То мчались люди Хагена в погоню за врагом.

Но скоро Данкварт в ножны вложил свой меч булатный
И громко крикнул: «Время нам повернуть обратно.
Исходит недруг кровью – с него посбита спесь,
А наших с тылу некому прикрыть, пока мы здесь».

Когда до места схватки отряд добрался снова,
Своей дружине Хаген сказал такое слово:
«Взгляните, скольких ныне недостаёт меж нас
И кто в сраженье с Гельфратом безвременно угас».

Лишь четырёх героев друзья недосчитались.
К тому ж бойцы из Тронье с врагами расквитались!
Изрядно потускнели щиты стальные их
От крови ста иль более баварцев удалых.

Тут показался месяц из тучи на мгновенье,
И рек вассалам Хаген: «Прошу вас о сраженье
Не говорить покуда трём королям моим.
Пусть душу до утра ничто не омрачает им».

Когда бойцы нагнали тех, кто вперёд ушёл,
Сморила их усталость – был бой ночной тяжёл,

И многие роптали: «Да скоро ли привал?» –
«Никто нас в гости здесь не ждёт, – так Данкварт отвечал. –

С седла и не надейтесь до бела дня сойти».
Ему, кто над дружиной начальствовал в пути,
Дал знать отважный Фолькер, что утомилась рать.
Пусть сообщит, где место им для отдыха избрать.

Бесстрашный Данкварт бросил: «Неведомо мне это.
Слезать с коней нельзя нам до самого рассвета,
А утром можно будет и на траве вздремнуть».
Героев не порадовал такой ответ ничуть.

У них от вражьей крови весь панцирь побурел,
Но этого во мраке никто не усмотрел.
Когда же солнце снова сверкнуло из-за гор,
Король, взглянув на Хагена, сказал ему в упор:

«Не очень вас заботит честь ваших королей,
Коль вы вступили в схватку без помощи моей.
Признайтесь хоть, чьей кровью покрыт ваш щит стальной».
Ответил Хаген; «Дали нам баварцы ночью бой.

Но друг их, перевозчик, остался неотмщен.
Неустрашимый Гельфрат был Данквартом сражён,
А Эльзе спасся бегством, лишившись ста бойцов.
Я ж потерял лишь четырёх из ваших удалцов».

Где стал на отдых Гунтер – поныне я не знаю,
Но разнеслось известье по землям вдоль Дуная
О том, что дети Уты на празднество спешат.
Был каждый житель Пассау их приближенью рад.

А князь-епископ Пильгрим возликовал вдвойне,
Затем что счастлив видеть был у себя в стране
Трёх королей бургундских, племянников своих.
На славу принял он гостей и всю дружину их.

Встречать приезжих вышел святитель на дорогу,
Но слишком мал был город, а их – чрезмерно много
И лагерь за Дунаем разбили короли.
Всех нибелунгов на судах туда перевезли.

Продлилось ровно сутки их пребыванье там.
Не отказал епископ ни в чём своим гостям.
Направились в Бехларен затем три короля,
О чём узнали Рюдегер и вся его земля.

В неё уже въезжали бургунды шагом скорым,
Как вдруг воитель некий представился их взорам –
Он прямо на границе забылся крепким сном,
И Хаген ловко завладел его стальным клинком.

Тут Эккеварт достойный – так звался воин тот –

Проснулся и увидел: меча недостаёт.
Пропажею был витязь расстроен и смущён:
Выходит, плохо рубежи оберегает он.

Смельчак сказал в унынье: «Умру я от стыда!
Не в добрый час бургунды приехали сюда.
С тех пор как умер Зигфрид, мне белый свет не мил.
Ах, господин мой Рюдегер, свой долг я позабыл!»

Услышав это, Хаген ему клинок вернул,²⁶⁸
А также шесть браслетов любезно протянул:
«Прими-ка их на память, и будем впредь дружить.
Не трус ты, коль пошёл один границу сторожить».

Так Эккеварт ответил: «Пусть вам воздаст Творец,
А я не ездить к гуннам прошу вас, удалец.
У Хагена немало врагов меж ними есть.
Они убийце Зигфрида давно готовят месть».

«Защитой, – молвил Хаген, – да будет нам Создатель.
Пока что нас не смеет тревожить неприятель
И лишь одна забота снедает сердце мне –
Где мы найдём на эту ночь приют у вас в стране.

Устали наши кони, припасы истожились,
Достать же их за деньги мы б тут напрасно тщились.
Поэтому мы ищем того, кто хлеб и кров
Великодушно разделить с приезжими готов».

Воскликнул страж: «Найдётся такой хозяин тут.
Вам Рюдегер охотно даст пищу и приют.
Клянусь, никто не примет вас более учтиво,
Чем он, коль завернуть к нему согласны по пути вы.

Он славится радушьем во всех краях чужих.
Так много в нём достоинств, что счесть труднее их,
Чем на лугу весеннем возросшие цветы.
Всегда для гостя у него ворота отперты».

«Моим посланцем будьте, – король ему в ответ. –
Скачите и узнайте, согласен или нет
Принять меня с дружиной маркграф, наш старый друг.
Пусть верит: не забуду я вовек его услуг».

²⁶⁸ Хаген ему клинок вернул... – Эккеварт, приближённый и казначей Кримхильды, оказывается здесь единственным стражем границ владений Рюдегера. Эта странность объясняется, вероятно, тем, что Эккеварт в подобной функции был заимствован автором «Песни о нибелунгах» из более раннего источника, где он был посланцем Кримхильды, которая хотела предостеречь братьев о грозящей им у Этцеля опасности; после того как Кримхильда стала их злейшим врагом, желающим заманить их в гуннские земли, появление здесь Эккеварта лишилось смысла. Поэтому Хойслер полагает, что в данном случае речь идёт о другом Эккеварте, не приближённом Кримхильды, а воине Рюдегера. Возвращая ему оружие, Хаген проявляет рыцарственное благородство. В благодарность Эккеварт предупреждает Хагена о грозящей ему и его спутникам опасности (строфа 1635).

Промолвил страж: «Охотно исполню ваш приказ», –
И в путь с весёлым сердцем пустился сей же час,
Чтоб обо всём маркграфу поведать честь по чести.
Давно не слышал Рюдегер такой приятной вести.

Увидел он, что скачет посланец по дороге,
Узнал его и молвил бехларенцам в тревоге:
«Спешит вассал Кримхильды граф Эккеварт сюда.
Наверное, врагами нам учинена беда».

Встречать гонца к воротам отправился маркграф,
А гость, на землю спрыгнув и меч свой отвязав,²⁶⁹
Хозяину немедля пересказал те речи,
Которые от пришлецов он услышал при встрече:

«Король бургундский Гунтер прислал сюда меня.
Он, Гизельхер и Гернот, а также их родня
Мне кланяться велели бехларенским друзьям.
От Хагена и Фолькера привет особый вам.

А смелый Данкварт, взявший дружину под начал,
Перед моим отъездом спросить вас наказал,
Не слишком ли вам трудно найти и хлеб и кров
Не для одних лишь королей, но и для всех бойцов».

С сердечною улыбкой маркграф в ответ ему:
«Я с радостью великой трёх королей приму.
Для них и всех, кто с ними, всегда открыт мой дом.
Я столь желанным мне гостям не откажу ни в чём».

«У Данкварта немало воителей лихих.
С ним едет десять сотен и шесть десятков их
Да ровно девять тысяч простых бойцов к тому ж».
Но был обилию гостей лишь рад достойный муж.

Посланцу он промолвил: «Спасибо вам за весть.
Для всех, кто б ни приехал, найдётся место здесь.
Считаю я за счастье служить друзьям своим.
В седло, вассалы и родня! Вперёд, навстречу им!»

И витязи и слуги седлать коней взялись.
Слова их господина им по душе пришлись.
Тем рьяней исполняли они приказ его.
Лишь Готелинда до сих пор не знала ничего.

Авентюра XXVII О том, как они приехали в Бехларен

²⁶⁹ ...меч свой отвязав... – В знак того, что он привез мирное известие.

Маркграф к жене и дочке в покои поспешил
И радостную новость обеим сообщил:
Со старыми друзьями он ждёт сегодня встречи –
Три брата их владычицы Кримхильды недалече.

Сказал маркграф супруге: «Любезная жена,
По-дружески ты встретить трёх королей должна,
Когда они в Бехларен заедут по пути.
Особенным вниманием и Хагена почти.

Ещё о двух бургундах не след нам забывать.
Один зовётся Данкварт, другого Фолькер звать.
Облобызайте с дочкой в уста всех шестерых
И обхождением ласковым стяжайте дружба их».

Пообещав маркграфу исполнить всё точь-в-точь,
Своих девиц и женщин созвали мать и дочь
И пышную одежду достали из ларцов.
Немало задал им хлопот приезд лихих бойцов!

Не портили румяна лицо прекрасных дам,
Зато на косы каждой – клянусь, не лгу я вам! –
Надет весьма искусно был золотой венок,
Чтоб буйный ветер волосы им растрепать не мог.

Однако нам негоже мешать им в их трудах.
Я расскажу вам лучше о том, как на конях
Друзья маркграфа мчались встречать трёх королей.
Радужно приняли они столь дорогих гостей.

Приблизились бургунды к воротам городским,
И так хозяин молвил, навстречу выйдя им:
«Приезд ваш, государи, – для нас большая честь.
И вас, и ваших витязей сердечно любят здесь».

Ему был отдан ими признательный поклон,
За то что так приветлив и дружелюбен он.
Особенно почётный ждал Фолькера приём,
А Хагена – тем более; маркграф был с ним знаком.²⁷⁰

Хозяин обошёлся и с Данквартом учтиво,
Но тот сказал: «Печётесь о нас вы хлопотливо,
А где дружина наша приют себе найдёт?»
Маркграф в ответ: «Вкушайте сон, не ведая забот.

Никто дружине вашей не причинит вреда.
Хотя добра немало вы привезли сюда,
У ваших вормсцев шпору – и ту не украдут,
Такой надёжной стражею их окружу я тут.

²⁷⁰ ...маркграф был с ним знаком. – Очевидно, они знакомы со времён пребывания юного Хагена при дворе Этцеля.

Бойцы, живей за дело – вот место для шатров.
Всё, что у вас похитят, я возместить готов.
Узду с коней снимите, пастись пустите их». —
Теплей никто не принимал вовек гостей своих.

Так, на поле, в палатках расположилась рать.
Не довелось ни разу ей лучше отдыхать,
Чем искренне довольны остались короли.
Затем со всею свитою их в замок повезли.

В воротах, ожидая прибытия гостей,
Стояли маркграфиня и дочка рядом с ней.²⁷¹
Запястья золотые поверх шелков надев,
Пришло туда, за ними вслед, немало дам и дев.

Каменьями украшен у каждой был наряд.
Все до одной пленяли красою редкой взгляд.
Подъехали бургунды и спрыгнули с седла.
Ах, как у них учтива речь. как стать горда была!

Толпа прекрасных женщин и тридцать шесть девиц
От века мир не видел таких прелестных лиц! –
С вассалами маркграфа направилась к гостям:
Героям лестно услышать привет от знатных дам.

Дочь Рюдегера, помня, о чём просил маркграф,
И королей бургундских в уста поцеловав,
Лобзанием хотела и Хагена почтить,
Но долго страх пред ним была не в силах победить.²⁷²

Исполнила, однако, она отцов приказ,
Хотя в лице при этом менялась много раз.
Затем бесстрашный Данкварт лобзаньем был почтён,
А также Фолькер – затмевал отвагой многих он.

Взят за руку был ею млад Гизельхер потом.
Проследовал он в замок со спутницей вдвоём.
Державный Гунтер руку хозяйке старшей дал
И вместе с Готелиндою вступил в обширный зал.

С самим маркграфом в паре отважный Гернот шёл.
Уселись в зале дамы и витязи за стол.
Велел подать хозяин вина гостям своим.
Нигде не принимали их с радушием таким.

²⁷¹ В воротах, ожидая прибытия гостей, // Стояли маркграфиня и дочка рядом с ней. – Особенная честь, оказываемая гостям; обычно дамы встречали прибывших в доме. Радостная сцена приема бургундов в Бехларене образует выразительный контраст с последующим описанием драматических событий при дворе Этцеля.

²⁷² Дочь Рюдегера... // Лобзанием хотела и Хагена почтить, // Но долго страх пред ним была не в силах победить. – Дочь Рюдегера охватывает как бы предчувствие несчастья – гибели её будущего жениха Гизельхера. Инициатор их брака – именно Хаген (строфа 1678).

Вселяла дочь маркграфа в мужчин восторг большой.
К ней каждый витязь втайне тянулся всей душой.
Тут нечему дивиться: и красотой она,
И сердцем добродетельным была наделена.

Все видели, конечно, что их мечты напрасны.
Но и другие дамы там были столь прекрасны,
Что вскорости герои утешились опять.
К тому ж скрипач хозяину помог гостей занять.

Затем бойцам и дамам, как исстари велось,
Для отдыха расстаться на час-другой пришлось,
И приготовить к пиру хозяин зал велел.
Для чужеземцев он ни вин, ни яств не пожалел.

С приезжими воссела за стол жена его,
Но дочке запретила идти на торжество –
Остаться надлежало со сверстницами ей.
Весьма её отсутствие расстроило гостей.

Поэтому, насытись и выпив всласть вина,
Бургунды попросили, чтоб вышла к ним она,
И завязался в зале весёлый разговор.
Отважный Фолькер был в речах особенно остёр.

Воскликнул шпильман громко: «Прославленный маркграф,
Господь явил вам милость, столь щедро вас взыскав
Красавицей-женою, разумной и достойной,
С которой доживёте вы до старости спокойно.

Будь я король могучий, а не простой вассал,
Я б вашу дочь в супруги всенепременно взял
И с ней безмерно счастлив был до скончанья лет.
Девуцы добродетельней, знатней и краше нет».

Но Рюдегер ответил: «Мечтать не смею я,
Что станет государю женою дочь моя –
Изгнанники мы с нею, в чужой земле живём.²⁷³
Пускай она красавица – а много ль проку в том?»

На это молвил Гернот учтиво, как всегда:
«Когда б искать невесту приспела мне нужда,
Вступить с подобной девой я был бы счастлив в брак».
Сказал, в поддержку королю, владетель Тронье так:

«Давно жениться хочет млад Гизельхер, ваш брат.
Как все его вассалы, я буду горд и рад,
Коль с юной маркграфиней он под венец пойдёт.
Служить столь знатной госпоже любой за честь почтёт».²⁷⁴

²⁷³ Изгнанники мы с нею, в чужой земле живём. – Рюдегер, подобно многим другим знатым лицам, жил в изгнании в гуннской державе, Бехларен был его леном, пожалованным ему Этцелем.

Маркграфу с Готелиндой польстила эта речь,
И тут же все решили, что Гизельхер наречь
Дочь Рюдегера должен невестою своей:
Отнюдь она рождением не ниже королей.

Что суждено судьбою, тому не миновать.²⁷⁵
Родители велели девицу в зал позвать.
В зятя взять Гизельхера был ими дан обет.
А он всегда их дочь любить поклялся им в ответ.

Пообещали Гунтер и Гернот удалой,
Что после брачной ночи в подарок молодой
Земли и замков много даст новая родня.
Сказал на это Рюдегер: «Нет замков у меня,

Зато по гроб я буду вам верен, короли,²⁷⁶
А чтобы брак на Рейне неравным не сочли,
В приданое за дочкой назначим мы с женою
Сто лошадей с серебряной и золотой казною».

Как исстари ведётся, невеста и жених
На середину вышли, и там обстали их
Вассалы молодые ликующим кольцом.
На Гизельхера с завистью взирали все кругом.

Бехларенку спросили, согласна ли она
Избрать его в супруги, но, от стыда красна,
Красавица не в силах была промолвить «да».
В любви признаться девушка стесняется всегда.

Однако, выждав время, ей приказал отец
Согласьем Гизельхеру ответить наконец,
И тот рукою белой её к груди прижал.
Увы, недолго девушке герой принадлежал!

«Как требует обычай, – сказал маркграф гостям, –
Вам, короли бургундов, я дочь свою отдам,
Когда вы в Вормс от гуннов поедете назад».
Столь мудрому решению был в зале каждый рад.

Но увидал хозяин, что отдохнуть пора.

²⁷⁴ *Служить столь знатной госпоже любой за честь почтёт.* – Благородство происхождения ставится выше обладания земельным владением. Можно предположить, что Хаген, устраивая помолвку Гизельхера с дочерью Рюдегера, стремится заручиться могучим союзником в предстоящей борьбе; зная о неминуемой участи бургундов, Хаген не мог всерьёз рассчитывать на длительный брак Гизельхера.

²⁷⁵ *Что суждено судьбою, тому не миновать.* – Судьбою было предопределено совсем другое, и если Гизельхер с братьями, по-видимому, забыли о предсказании вещих сестёр, то Хаген, конечно, постоянно имел в виду близящуюся роковую схватку.

²⁷⁶ *...по гроб я буду вам верен, короли...* – Это обещание вскоре поставит Рюдегера перед неразрешимой дилеммой: выполнить долг верности друзьям или служить их противнице Кримхильде. См. авантюру XXXVII.

Ушла к себе в светлицу невеста до утра,
И гости опочили; когда же день рассвел,
Маркграф опять приветливо их пригласил за стол.

Откушав, Гунтер свите собраться в путь велел,
Но Рюдегер и слышать об этом не хотел:
«Должны ещё хоть малость вы здесь побыть, друзья.
Столь дорогих гостей у нас не часто вижу я».

На это молвил Данкварт: «Нет, медлить нам грешно.
Откуда вы возьмёте хлеб, яства и вино,
Чтоб снова чуть не сутки такую рать кормить?»
Маркграф в ответ: «Прошу меня отказом не срамить».

Бехларенцы пока что добром не оскудели.
У нас припасов хватит ещё на две недели
Для всех, кто вместе с вами отправился в дорогу.
Мне дал богатства всякого державный Этцель много».

Как вормсы ни пытались уехать поскорей,
Не отпускал хозяин ещё три дня гостей.
Коней и платья столько пораздарил им он,
Что за радушьё был везде молвой превознесён.

Когда ж пришла бургундам пора расстаться с ним,
Он стал ещё щедрее к гостям своим честным.
Ни в чём не отказал им хозяин хлебосольный.
Приёмом и подарками остались все довольны.

Но вот оруженосцы приезжих удальцов –
К воротам подогнали ретивых скакунов,
И, взяв щиты, герои направились к коням.
Настало время выступать в дорогу королям.

Бургундам, покидавшим поочерёдно зал,
Хозяин на прощанье подарки предлагал.
Был Рюдегер согласен последнее раздать им –
Ведь он рассчитывал назвать млад Гизельхера зятем.

Надёжную кольчугу он Гунтеру вручил,
И знатный гость отказом его не огорчил,
Хоть принимать подарки и не любил дотоль.²⁷⁷
Поклоном поблагодарил даятеля король.

До приказанью мужа маркграфовой женой
Был Герноту на память предложен меч стальной.
Не предал он в сраженье владельца своего –
В числе других сам Рюдегер пал от клинка того.²⁷⁸

²⁷⁷ *Хоть принимать подарки и не любил дотоль.* – Король обычно раздает подарки, а не принимает их, и то, что Гунтер согласился сделать исключение для Рюдегера, означало оказание маркграфу большой чести.

²⁷⁸ *...меч стальной... //...сам Рюдегер пал от клинка того.* – В происшедшей в доме Этцеля роковой схватке Гернот умертвит Рюдегера этим мечом (строфа 2217 след).

Считала маркграфиня, что оказать она
Какой-то знак вниманья и Хагену должна –
То, что король приемлет, вассал обязан взять.
И всё-таки решился гость хозяйке отказать.

Владетель Тронье молвил: «Мне ничего не надо,
Но коль и впрямь подарком меня почтить вы рады,
Я захватить с собою не прочь бы к гуннам щит,
Который вон на той стене, как видите, висит».

Услышала хозяйка, что Хаген произнёс,
И помутнели очи у ней от горьких слёз:
Припомнился ей Нудунг²⁷⁹ и то, как жизнь свою
До срока из-за Витеге утратил он в бою.

Она сказала: «Просьбу исполнить я согласна.
Зачем к себе так рано призвал господь всевластный
Того, кого в сраженьи сей добрый щит не спас!
О нём, погибшем в цвете лет, я плачу и сейчас».

Подарка грозный Хаген достоин был вполне.
Встав с места, маркграфиня направилась к стене,
И белыми руками тяжёлый щит сняла,
И витязю бургундскому его преподнесла.

Камнями дорогими он сплошь усыпан был
И так сверкал на солнце, что взор огнём слепил.
Все десять сотен марок иль более того
В любое время дали бы владельцу за него.

Унёс с собою Хаген подарок дорогой.
Не обделён остался и Данкварт удалой:
Был юной маркграфиней наряд ему вручён.
В одежде этой щеголял потом у гуннов он.

Воители подарков не взяли бы, конечно,
Когда бы не держался хозяин так сердечно,
Что было невозможно ему не уступить.
И всё ж бургундам вскорости пришлось его убить.

Чтоб выразить хозяйке почтение своё,
Сыграл учтивый Фолькер на скрипке для неё²⁸⁰
И песню спел при этом, да так, что всех вокруг

²⁷⁹ *Нудунг* – родственник (по одним указаниям брат, по другим – сын) Готелинды, которого убил Витеге, – это убийство упоминается в песнях, вошедших в цикл о Дитрихе Бернском.

²⁸⁰ *Чтоб выразить хозяйке почтение своё, // Сыграл учтивый Фолькер на скрипке для неё...* – Сцена, выдержанная в духе куртуазного миннезанга: рыцарь играет и поёт для знатной замужней дамы и получает от неё дар, который носит не снимая. См. строфу 2204 след. *И песню спел при этом...* – Можно предположить, что она была им самим сочинена.

Мысль о прощанье с ближними в тоску повергла вдруг.

Шкатулку маркграфиня тут принести велела
И на руку герою по-дружески надела
Двенадцать штук браслетов, чеканных, золотых.
«На празднество у Этцеля с собой возьмите их

И в честь мою подарок носите, не снимая.
Когда ж на Рейн обратно поедете с Дуная,
Доставьте всем нам радость, Бехларен посетив».
Желанье дамы исполнял скрипач, пока был жив.

Сказал гостям хозяин: «Я с вами еду сам,
А чтоб вреда в дороге не причинили нам,
С собою мы захватим внушительную стражу».
Взвалили тут на лошадей немалую поклажу.

Отправилось с маркграфом пять сотен удальцов.
Всем дал он и одежду, и добрых скакунов.
С весёлым сердцем мчались они вослед за ним,
Но возвратиться не пришлось ни одному к родным.

Дочь и супругу обнял маркграф в прощальный миг.
К устам невесты юной млад Гизельхер приник.
Бойцы к груди прижали пригожих жён своих.
Ах, долго женщины потом оплакивали их!

Раскрылись всюду окна, везде чернел народ.
В седло герои сели и двинулись в поход.
Лились ручьями слёзы у дам и дев из глаз –
Недоброе предчувствие гнело их в этот час.

Так горестно стенали красавицы тогда,
Как будто впрямь с мужьями прощались навсегда,
А те скакали к гуннам ликующей толпой,
Вниз по Дунаю двигаясь прибрежною тропой.

Маркграф достойный слово к бургундам обратил:
«Теперь на вашем месте я б гуннов известил
О том, что вы с дружиной спешите в их владенья.
Исполнит счастьем Этцеля такое сообщенье».

По Австрии помчался гонец во весь опор,
И вскоре всполошился весь людный гуннский двор,
Узнав, что гости с Рейна на празднество спешат.
Державный Этцель этому был несказанно рад.

Велев своим вассалам приготовляться к встрече,
Он молвил: «Нибелунги отсюда недалече.
С большим радушьем братьев прими, жена моя.
Своим приездом нам с тобой окажут честь шурья».

Вскочила королева и встала у окна.
Как друга ждёт подруга, ждала родных она

И взоры неотрывно вперяла в земляков,
А муж её не находил от восхищенья слов.

Воскликнула Кримхильда: «Вот радость для меня!
В доспехах пышных едет сюда моя родня.
Кто золота желает и жаждет быть в чести,
Пусть вспомнит, сколько мне обид посмели нанести».

Авентюра XXVIII О том, как бургунды прибыли к гуннам

Был Хильдебрандом Бернским²⁸¹ о вормсах извещён
Его питомец Дитрих, и стал невесел он,
Услышав, с чем явился к нему старик-вассал,
Но всё ж приветливо принять бургундов приказал.

Распорядился Вольфхарт, чтоб подали коней,
И в поле Дитрих отбыл с толпой богатырей:
Спешил свои услуги он предложить гостям,
А рейнцы между тем шатры уже разбили там.

Когда увидел Хаген, кто подъезжает к ним,
Почтительно промолвил он королям своим:
«Я вас прошу подняться и выйти, господа.
Должны мы с честью встретить тех, кто к нам спешит сюда.

То края Амелунгов²⁸² могучие сыны,
Чьи души благородства и мужества полны.
Ведёт их Дитрих Бернский – я с ним давно знаком.
Не след гнушаться дружбою с подобным смельчаком».

Как долг гостеприимства и вежливость велят,
На землю спрыгнул Дитрих, за ним – его отряд,
И устремились бернцы к палаткам пришлецов,
На все лады приветствуя приезжих удалцов.

С тяжёлым сердцем Дитрих трём королям предстал:
Выходит, понапрасну надежду он питал,
Что Рюдегер сумеет бургундов остеречь.
И к детям Уты обратил герой такую речь:

«Привет вам, Гунтер, Гернот и Гизельхер младой,
Вам, Хаген, шпильман Фолькер и Данкварт удалой!
Но помните, что Зигфрид Кримхильдой не забыт.

²⁸¹ Хильдебранд Бернский – воспитатель и оруженосец короля Дитриха.
Дитрих... стал невесел... – он подозревал о замысле Кримхильды.

²⁸² Амелунги. – Дитрих принадлежал к роду Амелунгов, или Амалов, остготской династии.

О нибелунге доблестном досель она скорбит».

Воскликнул Хаген гордо: «Что нам её кручина!
Немало лет промчалось со дня его кончины.
О том, кто не воскреснет, к чему скорбеть без толку?
Пусть лучше любит Этцеля, чем плакать втихомолку».

«Пусть, – молвил Дитрих Бернский, – спит Зигфрид вечным сном.
Но речь, державный Гунтер, веду я не о нём.
Покуда дни Кримхильды ещё не сочтены,
Щит нибелунгов,²⁸³ жизнь свою вы поберечь должны».

«Как мне ещё беречься? – король в ответ ему. –
Не вправе был не верить я зятю своему,
Когда меня просили прибыть на торжество
Два шпильмана от имени Кримхильды и его».

Шепнул тут государю владетель Тронье снова:
«Король, не остаётся вам выхода иного,
Как Дитриха с друзьями тайком уговорить
Намеренья Кримхильды нам по-дружески раскрыть».

Последовали тотчас совету короли
И Дитриха из Берна в сторонку отвели.
«Великодушный Дитрих, поведай без прикрас,
Что королева думает затеять против нас».

«Что вам ещё поведать? – сказал правитель Берна. –
Одно лишь о Кримхильде я знаю достоверно:
С зарёй встаёт и молит она в слезах творца,
Чтоб он воздал за Зигфрида, могучего бойца».

«Ничем тут не поможешь, пусть плачет весь свой век, –
Воскликнул шпильман Фолькер, отважный человек. –
Мы ж ко двору поедем, а там посмотрим сами,
Как обойтись и поступить решили гунны с нами».

И ко двору бесстрашно бургунды поскакали,
А гунны жадных взоров с приезжих не спускали
И Хагена старались меж ними угадать.
Его всем людям Этцеля хотелось увидеть.

Давно владений гуннских достигла весть о том,
Что Зигфрид Нидерландский сражён его копьём,
Хоть силой муж Кримхильды всех в мире затмевал.
Вот отчего о Хагене здесь каждый толковал.

Хорош собой был витязь – осанист, длинноног,
В плечах косая сажень, да и в груди широк.
Лицом и взглядом грозным внушал он людям страх,
И серебрилась седина уже в его кудрях.

²⁸³ Щит нибелунгов – защита, опора бургундов; выше (строфа 1526) так назван Хаген.

Отвёл покои Этцель для знатных пришлецов.
Однако в зал отдельный слуг и простых бойцов
Кримхильда поместила, желая брату зла,
И там вся челядь вормсская истреблена была.

Определён был Данкварт в начальники над ней.
Ему державный Гунтер велел беречь людей
И присмотреть, чтоб было всё нужное у них.
На совесть порадел герой о ратниках своих.

Неласково с гостями хозяйка обошлась.
С одним лишь Гизельхером Кримхильда обнялась,
А с прочими не стала здороваться совсем.
Заметив это, подвязал потуже Хаген шлем.

Владелец Тронье бросил: «Такой приём холодный
Обиду и тревогу вселит в кого угодно.
Встречают здесь учтиво не каждого из нас.
Как видно, мы отправились сюда не в добрый час».

Ответила Кримхильда: «Учтив с гостями тот,
Кому доставить радость способен их приход.
А с чем таким из Вормса явились вы ко мне,²⁸⁴
Чтоб рада вас принять была я у себя в стране?»

С усмешкой молвил Хаген: «Когда б я знал заранее,
Что за гостеприимство вы требуете дани,
Поверьте, согласился б я по миру пойти,
Чтоб только вам, владычица, подарок привезти».

«Тут речь не о подарке – прошу я своего.
Что с кладом нибелунгов? Где скрыли вы его?
По праву им владела я в прошлые года.
Его-то и велел сам бог вам привезти сюда».

«Неужто вы забыли, что много лет назад
По воле государей увёз я этот клад
И бросил в воды Рейна, и он пошёл на дно.
Ему до Страшного суда лежать там суждено».²⁸⁵

На это королева такой ответ дала:
«О нём всё это время я много слёз лила.
Он мне подарен мужем, а значит – мнила я –
Вы привезти хоть часть его должны в мои края».

«Пусть чёрт вам клады возит, – сказал владетель Тронье.

²⁸⁴ *А с чем таким из Вормса явились вы ко мне...* – Кримхильда имеет в виду клад нибелунгов. См. строфу 1741. Она до самого конца упорно домогается его возвращения (строфа 2367 след.).

²⁸⁵ *Ему до Страшного суда лежать там суждено.* – Это заявление Хагена не вполне согласуется со строфой 1137, где сказано о намерении бургундов впоследствии воспользоваться утопленным ими кладом.

Уже и без того я нагружен крепкой бронью,
Щитом, мечом и шлемом,²⁸⁶ хоть из родной страны
Мной не в подарок вам они сюда привезены».

Кримхильда нибелунгов предупредила тут:
«У нас оружие гости при входе в зал сдают,
И я на сохраненье от вас его приму».
На это Хаген возразил: «Вовек не быть тому».

Да разве допущу я, чтоб на виду у всех –
Хозяйка надрывалась, таская мой доспех?
Учил меня родитель беречь прекрасных дам.
Носить своё оружие и впредь я буду сам».

Промолвила Кримхильда: «Я предана опять.
Доспехи не желают мой брат и Хаген снять.
Предостерёг, наверно, их некий доброхот.
Коль я проведу, кто он, его кончина ждёт».

Побагровев от гнева, ответил Дитрих ей:
«И Хагена лихого, и знатных королей
Предостерёг по дружбе я и никто иной.
Попробуй, ведьма злобная, расправиться со мной».

Хоть стало от обиды у ней темно в глазах,
Кримхильда промолчала – внушал ей Дитрих страх
И отошла подальше от недругов своих,
Окинув на прощание свирепым взглядом их.

Тут за руки друг друга два славных мужа взяли.
Один из них был Хаген, другого Дитрих звали.
С бургундом витязь бернский повёл такую речь:
«Мне очень жаль, что дали вы сюда себя завлечь».

С Кримхильдой не случайно повздорить вам пришлось». –
«Посмотрим мы, что будет», – ему ответил гость.
Покамест шёл меж ними учтивый разговор,
Державный Этцель обратил на чужеземца взор.²⁸⁷

Спросил он приближённых: «А как зовётся тот,
С кем Дитрих наш беседу по-дружески ведёт?
Высокий ум и душу всё обличает в нём.
Наверно, он на свет рождён был доблестным отцом».

²⁸⁶ ...я нагружен... // Щитом, мечом и шлемом... – Кримхильда не могла не знать, что меч, которым вооружен Хаген, – это Бальмунг, снятый им с мёртвого Зигфрида, – Хаген не только грозит ей, но и издевается над нею. Ср. строфу 1746.

²⁸⁷ Державный Этцель обратил на чужеземца взор. – Следовательно, пререкания между Кримхильдой и Хагеном происходят в присутствии Этцеля, которому ещё не представили гостей. В ярости королева забыла все придворные обычаи и нарушила этикет. И в дальнейшем Этцель, в разительном противоречии со своим официальным положением, играет роль скорее статиста, чем активно действующего лица.

Один из слуг Кримхильды сказал: «Мой господин,
Он – уроженец Тронье и Альдриана сын.
Вид у него учтивый, зато суровый нрав,
И убедитесь вы ещё, насколько был я прав».

«Как я могу увидеть, суров он или нет?» –
Недоуменно молвил король ему в ответ.
Ведь он ещё не ведал намерений жены,
Не знал, что ею родичи на смерть обречены.

«Я помню Альдриана – служил мне верно он
И в рыцари был мною за храбрость посвящён.
Охотно с ним делился я золотом своим,
И незабвенной Хельхою он тоже был любим.

Потом прислал он сына в заложники ко мне,
И с Вальтером Испанским²⁸⁸ тот жил у нас в стране.
Когда же Хаген вырос, он был отпущен мной,
А Вальтер с Хильдегундою бежал в свой край родной».²⁸⁹

О прошлом вспомнил Этцель и убедился снова,
Что видит пред собою соратника бывшего.
Достоин гуннам Хаген в дни юности служил,
Зато немало их в бою под старость уложил.

Авентюра XXIX

²⁸⁸ Вальтер Испанский – один из героев средневековых немецких эпических поэм Вальтер Испанский (или Аквитанский, т. е. вестготский, так как в эпоху переселения народов вестготское королевство занимало территорию нынешней Испании и Южной Франции, именовавшейся тогда Аквитанией) в юности живёт при дворе Этцеля в качестве заложника вместе с франкским королевичем Хагеном и бургундской королевной Хильдегундой. Хаген бежит на родину. Вальтер с Хильдегундой следуют его примеру и попадают в землю франков, король которых Гунтер с 12 воинами нападает на беглецов у Васкенштайна (т. е. в Вогезском лесу). Хаген, не желая драться с другом, садится в стороне на щит в знак своих мирных намерений.

²⁸⁹ *И с Вальтером Испанским тот жил у нас в стране. // Когда же Хаген вырос, он был отпущен мной, // А Вальтер с Хильдегундою бежал в свой край родной.* – Указания на эпизоды из «Вальтарии». Небезынтересно напомнить о некоторых эпизодах этого эпического произведения, так как они перекликаются – иногда по контрасту – с мотивами второй части «Песни о нибелунгах». Аквитанец Вальтер, франк Хаген и бургундка Хильдегунда живут заложниками при дворе Атилы, но, несмотря на его благоволение, совершают побег на родину, причем Вальтер захватывает с собой сокровища Атилы. Во франкских пределах на них нападает король Гунтер, который хочет отнять эти богатства. Хаген, подданный Гунтера, тем не менее не участвует в бою, – ведь он друг Вальтера. Но после того, как Вальтер умерщвляет его племянника, Хаген вступает в сражение. В последнем вооруженном столкновении участвуют все трое – Хаген, Вальтер и Гунтер, и, жестоко изранив друг друга, достигают в конце концов примирения. Вальтер вступает в брак с Хильдегундой и после кончины своего отца занимает престол Аквитании (Южной Галлии, входившей в ту пору в состав Вестготской Испании). В «Песни о нибелунгах» Хаген и Гунтер – не франки, а бургунды, хотя и в ней, как в «Вальтарии», Хаген – вассал Гунтера. Колебания между верностью господину и дружбой – мотив, который разрабатывается в «Песни о нибелунгах» в эпизоде с Рюдегером (авентюра XXXVII). В обоих произведениях казна – источник раздора. Наконец, территории, на которых развертывается действие «Вальтарии», примерно те же, что и место действия второй части «Песни о нибелунгах». Хаген, по словам Этцеля, был им отпущен на родину. В «Вальтарии» он бежал из страны гуннов, но в таком случае вряд ли теперь он мог бы быть гостем Этцеля. Между прочим, в «Вальтарии» встречается термин *nebulones*, буквально «туманные люди», который здесь применен к франкам. Иногда его сближают с термином «нибелунги», сканд. *niflungar* (*hniflungar*).

О том, как Кримхильда препиралась с Хагеном, а он не встал перед нею

Но вот прервал беседу бургундский удалец
И с Дитрихом из Берна расстался наконец.
Через плечо глазами окидывая зал,
Искал себе он спутника и вскоре отыскал.

С млад Гизельхером Фолькер стоял плечом к плечу,
И Хаген обратился учтиво к скрипачу,
Прозя, чтоб вышел шпильман с ним вместе из дворца.
Он знал его как сильного, бесстрашного бойца.

Покуда в людном зале шёл громкий разговор,
Тайком спустились Хаген со шпильманом во двор
И вдоль него неспешно направили шаги.
В таких героев не могли вселить испуг враги.

Перед дворцом соседним – жила Кримхильда в нём –
Уселись на скамейку воители вдвоём.
Огнём сверкали брони на витязях лихих.
Всем, кто там был, хотелось знать, как величают их.

Как будто на заморских, невиданных зверей,
Толпой глазели гунны на двух богатырей.
Заметила Кримхильда обоих из окна,
И помрачнела Этцеля пригожая жена.

Опять у ней померкли глаза от горьких слёз.
Вассалы, видя это, ей задали вопрос,
Что ввергнуть так внезапно её в тоску могло.
Она сказала: «Витязи, от Хагена всё зло».

У королевы гунны допытываться стали:
«Как так? Ведь мы недавно весёлой вас видали.
Но пусть силён спесивец, который вас задел, –
Лишь дайте знак, и не уйдёт от нас он жив и цел».

«Молю вас на коленях, – в ответ Кримхильда им, –
Расправиться нещадно с обидчиком моим.
Кто за меня оплатит и Хагена убьёт,
Тому я дам в награду всё – богатство, власть, почёт».

Проворно снарядилось тут шестьдесят бойцов.
Любой за королеву был в бой вступить готов.
Они, посоветавшись, решили сгоряча
Сразить немедля Хагена, а с ним и скрипача.

Но взор остановила Кримхильда на бойцах
И, видя, как их мало, воскликнула в сердцах:
«Того, чего хотите, добьётесь вы навряд –
Не сломит в схватке Хагена столь небольшой отряд».

Но хоть властитель Тронье отважен и силён,
Тот, кто сидит с ним рядом, ещё страшней, чем он.
Могучий шпильман Фолькер – опасный человек.
Без подкрепленья с ними вы не сладите вовек».

Бойцам позвать на помощь товарищей пришлось.
Четыре сотни гуннов в доспехи облеклось.
Владела королевой одна лишь мысль – отметить,
И многим жизнью довелось за это заплатить.

Увидев, что дружина готова бой начать,
Кримхильда удержала своих людей опять:
«Я подождать немного приказываю вам.
Сперва в короне выйду я сама к моим врагам.²⁹⁰

Вы все должны услышать, в чём грешен предо мной
Владетель Тронье Хаген, обидчик давний мой.
Из гордости признает он вслух вину свою,
А уж тогда мне всё равно, что станет с ним в бою».

Назад отважный шпильман внезапно бросил взор
И сразу же заметил, что из дому во двор
По лестнице Кримхильда ведёт мужей своих,
И Хагена предостерёг скрипач в словах таких:

«Взгляните, сотоварищ, вон та, что зазвала
Нас на весёлый праздник, но нам желает зла.
Толпой бойцы с мечами валят за ней вослед.
Ни у одной из королев столь грозной свиты нет.

Не к вам ли, друг мой Хаген, они полны вражды?
Коль так, остерегайтесь, иль не минуть беды.
Быть начеку вам надо, чтоб жизнь спасти и честь.
Сдаётся мне, на лицах их нетрудно гнев прочесть.

На их груди широкой – я вам ручась в том –
Под шёлковой одеждой броня горит огнём.
Зачем они в доспехах – не знаю я покуда,
Но к бою, если бой грозит, готовым быть не худо».

Воскликнул Хаген гневно: «Прекрасно понял я,
Чего они здесь ищут, – нужна им жизнь моя.
Затем при них оружие, затем они в броне.
Но не закажут путь на Рейн враги такие мне.²⁹¹

²⁹⁰ *Сперва в короне выйду я сама к моим врагам.* – Таким образом, оскорбление, которое мог нанести Кримхильде Хаген, распространялось бы и на её гуннских подданных и тем вернее должно было вовлечь их в бой с ним. Но тем позорнее было их отступление в конце этой сцены.

²⁹¹ *Но не закажут путь на Рейн враги такие мне.* – Поскольку Хаген не забывает, что пути назад в Бургундию ни ему, ни его спутникам нет, эти слова означают лишь, что гуннский отряд, следующий за Кримхильдой, не составляет главной опасности и что роковая схватка ещё впереди.

Ответьте, друг мой Фолькер, могу ли я просить,
Чтоб вы мне пособили их натиск отразить.
Коль будете со мною вы в этот трудный час,
В беде и битве никогда я не покину вас».

Промолвил смелый шпильман: «Скажу вам наперёд:
Пусть против вас сам Этцель всю рать свою пошлёт,
Я и тогда охотно на помощь вам приду
И ни на шаг не отступлю, покуда не паду».

«Мой Фолькер благородный, да наградит вас бог!
Соратника надёжней я и желать не мог.
Мне никого не надо, раз вы со мною вместе.
Пусть появляются враги – мы встретим их честь честью».

Скрипач ему ответил: «Пора подняться нам.
Сидеть не подобает при появлении дам,²⁹²
Кримхильда – королева, и мы, не встав пред ней,
Уроним, без сомнения, себя в глазах людей».

«Клянусь вам нашей дружбой, – воскликнул Хаген в гневе, –
Не выкажу почтенья вовек я королеве.
Ведь если перед нею я с места поднимусь,
Её бойцы подумают, что ссоры я боюсь.

Не будем больше с вами вести об этом речь.
Пред тою, кто желает на смерть меня обречь,
Я вежливости ради не стану шею гнуть,
И гнев супруги Этцеля не страшен мне отнюдь».

Тут вытянул он ноги и положил на них,
Высокомерно глянув на недругов своих,
Клинок в ножнах, обшитых парчовою каймой.
Увидев рукоять его с отделкой золотой

И с яблоком из яшмы, зелёной, как трава,
Заплакала Кримхильда, от горя чуть жива:
Меч Зигфрида узнала она в оружье том,
Намеренно показан ей он был её врагом.

К себе поближе Фолькер придвинул свой смычок,
Который был столь длинен, тяжёл, остёр, широк,
Что при нужде владельцу он мог служить клинком.
Так и сидели на скамье два витязя рядком.

Был душам их высоким неведом страх совсем,

²⁹² Сидеть не подобает при появлении дам... – Фолькер считает необходимым соблюдать формы вежливости и в напряжённой обстановке; встать перед Кримхильдой рыцари должны и как пред королевой и как пред дамой. Неуважение бросило бы тень на самих рыцарей. Хаген же своим рассчитанно-вызывающим поведением хочет спровоцировать открытый разрыв с Кримхильдой. Любезность, оказанная ей в подобных условиях, лишь внушит мысль гуннам, что он их опасается.

И не вставать решили они ни перед кем.
Но тут Кримхильда вышла к ним наконец во двор
И завела с бургундами недобрый разговор:

«Кто вас, надменный Хаген, зазвал в мои края?
Ужель вы полагали, что позабыла я,
Как из-за вас страдала в прошедшие года?
Лишились, видно, вы ума, коль прибыли сюда».

«Никем, – ответил Хаген, – не зазван к вам сюда я,
А лишь по долгу чести на пир сопровождаю
Трёх королей бургундских, чей верный я вассал.
В любой поездке и досель я их сопровождал».

Она сказала: «Хаген, признайтесь сей же час,
Известно ль вам, за что я так ненавижу вас.²⁹³
Вы Зигфрида убили, супруга моего.
До смерти не устану я оплакивать его».

«Давно мне всё известно, – Кримхильде молвил он. –
Да, я тот самый Хаген, кем Зигфрид был сражён.
Его собственноручно я смёл с лица земли
За то, что бранью вы до слёз Брюнхильду довели.

Расчёта, королева, мне отпираться нет.
Лишь я один – виновник всех ваших прошлых бед
И хоть сейчас за это ответ держать готов.
Пусть тот, кто мне отметить решил, отметит без лишних слов».

Кримхильда обратилась к пришедшим с ней бойцам:
«Вы слышите, признался в своей вине он сам,
И что с ним дальше станет – мне всё равно уже».
Молчанием ответили вассалы госпоже.²⁹⁴

Ведь если б гунны всё же затеяли сраженье,
Они б лишь новой славой покрыли, без сомненья,

²⁹³ *Известно ль вам, за что я так ненавижу вас.* – Этот разговор Кримхильды с Хагеном – открытое объявление беспощадной борьбы друг другу. Кримхильда прямо обвиняет Хагена в убийстве Зигфрида, а Хаген не только признается в содеянном, но и похваляется им (строфа 1790). Дальнейшее отрицание было бы расценено как выражение страха перед карою. Хаген немедленно заявляет о своей готовности сразиться с любым, кто посмеет против него выступить (строфа 1791). Это говорится перед гуннской дружиной, сопровождающей Кримхильду. Королеве было важно услышать признание вины из уст самого убийцы: теперь её воины получили окончательное доказательство и могут быть уверены в необходимости покарать Хагена. Поведение последнего со времени прибытия ко двору Этцеля нужно оценивать в свете пророчества о неизбежной гибели всех бургундов, переправившихся через Дунай. Он идёт на ускорение конфликта с Кримхильдой и гуннами, не дожидаясь их нападения, и берёт инициативу в свои руки.

²⁹⁴ *Молчанием ответили вассалы госпоже.* – Вид таких бойцов, как Хаген и Фолькер, внушил гуннам страх, и они отказываются вступить с ними в бой, несмотря на недавние заверения в полной готовности защитить честь своей госпожи (строфа 1764 след.) и огромное численное превосходство (четыреста против двух). Решающим, в глазах поэта, было бесстрашие Хагена и Фолькера; его цель – не столько опорочить гуннских воинов, которые в дальнейшем будут смело сражаться, сколько превознести двух непобедимых друзей; вдвоём они могли внушить страх кому угодно, и афористически звучащие слова Фолькера (строфа 1801) подчёркивают именно такой смысл всей сцены.

Двух витязей бургундских, испытанных в боях.
То, что клялись они свершить, им не дал сделать страх.

Один из них промолвил: «Что ж мы молчим, друзья?²⁹⁵
Исполнить обещанье отказываюсь я.
Зачем нам после смерти богатство, власть и честь?
Из-за супруги Этцеля мы все поляжем здесь».

«Я мнения того же, – проговорил другой, –
И в жизни не отважусь на безнадежный бой
Со скрипачом могучим, чей взор свиреп и лют,
Пусть даже горы золота за это мне дают.

О Хагене мне тоже рассказывать не надо –
Со мною вёл знакомство владетель Тронье смлада.
Мы двадцать два сраженья с ним вместе пережили.
Нередко жёны о мужьях из-за него тужили.

Когда его держали заложником у нас,
Он с Вальтером Испанским ходил в поход не раз,
У Этцеля на службе стяжав большую славу,
И сохраняется досель она за ним по праву.

А ведь в ту пору витязь едва входил в года.
Увы, давно уж седы те, кто был юн тогда!
Теперь же грозный Хаген не юноша, а муж
И Зигфридовым Бальмунгом вооружён к тому ж».

В конце концов, сраженья затеять не посмев
И этим королеву повергнув в скорбь и гнев,
Сочли за благо гунны исчезнуть поскорей –
Так сильно их перепугал вид двух богатырей.

Сказал бесстрашный шпильман: «Теперь нам стало ясно,
Что предостерегали нас люди не напрасно.
Вернёмся же немедля к трём нашим королям,
Чтоб их задеть и в бой втянуть не вздумалось врагам.

Там, где, не зная страха, стоит за друга друг,
Оружье выпадает у недруга из рук.
Чтоб отреклись злодеи от умыслов дурных,
Порой довольно показать, что не боишься их».

«Вы правы», – молвил Хаген, воитель знаменитый,
И в зал они вернулись, где короли со свитой
Стояли, ожидая, пока их примет зять.
Не смог при виде этого герой-скрипач смолчать

И бросил государям: «К лицу ль гостям таким
Столь долго ждать свиданья с хозяином своим?²⁹⁶

²⁹⁵ *Что ж мы молчим, друзья?* – Воину, без сомнения, стыдно признаться в том, что он испытывает страх.

Велите, чтоб немедля к нему пустили вас».
Тогда разбились витязи на пары сей же час.

Державный Гунтер рядом с владыкой бернским шёл,
А Гернота лихого отважный Ирнфрид вёл.
За ними выступали, друг другу руку дав,
Млад Гизельхер и Рюдегер, бехларенский маркграф.

Хоть с кем-то из хозяев шёл каждый гость вдвоём,
Не разлучился Хаген и тут со скрипачом.²⁹⁷
Заставить их расстаться лишь смерти удалось,
И многим жёнам из-за них наплакаться пришлось.

Сопровождали гордо трёх братьев-королей
Их славная дружина из тысячи мужей
И шестьдесят вассалов, всегда готовых к бою,
Которых Хаген на Дунай из Тронье взял с собою.

Бургундским государям, их обогнав чуть-чуть,
Указывали Иринг и смелый Хаварт путь,
А за порядком Данкварт и Вольфхарт наблюдали.
Боец, им равный доблестью, нашёлся б там едва ли.

Когда властитель рейнский вступил в приёмный зал,
Державный Этцель с трона нетерпеливо встал
И так радушно принял всех, кто вошёл туда,
Как не встречали их ещё нигде и никогда.

«Примите, Гунтер, Гернот и Гизельхер, привет.
Мне повстречаться с вами хотелось много лет.
На Рейн я с этой целью и посылал гонцов,
Я видеть также очень рад всех ваших удалцов.

С двумя из них мне встреча особенно приятна.
Давно с женой мы ждали, когда вы, Фолькер знатный,
И вы, владетель Тронье, пожалуете к нам.²⁹⁸
Она вам это сообщить дала наказ послам».

Сказал на это Хаген: «Я говорил с послами

²⁹⁶ *К лицу ль гостям таким // Столь долго ждать свиданья с хозяином своим?* – Эта сцена: короли со свитой, стоящие в ожидании приёма (в то время как любезный Этцель в нетерпении их ожидает, см. строфу 1808) и толкаемые якобы не замечающими их придворными, – производит впечатление какой-то несуразности. Объясняется она тем, что в эпосе одновременно два события в разных местах не совершаются, одно должно следовать за другим. Для того чтобы соблюсти принцип «линейной последовательности» действия, автор заставляет бургундских королей толпиться в зале в ожидании, пока к ним присоединятся Хаген с Фолькером.

²⁹⁷ *Не разлучился Хаген и тут со скрипачом.* – Во время придворного церемониала Хаген и Фолькер остаются настороже, готовые к любым враждебным выпадам.

²⁹⁸ *Давно с женой мы ждали, когда вы, Фолькер знатный, // И вы, владетель Тронье, пожалуете к нам.* – Этцель все ещё пребывает в неведении об истинном смысле происходящего в его дворце. В противоположность коварному и деятельному Атли «Старшей Эдды», заманившему и погубившему бургундов, пассивный и куртуазный Этцель «Песни о нибелунгах» искренне рад гостям и не замышляет против них ничего дурного.

И если б к вам не прибыл с моими королями,
То ради вас явился б на праздник и без них».
Тут за руку хозяин взял гостей столь дорогих.

Шурьёв с собою Этцель на троне усадил,
И в золотые чаши приезжим нацедил
Проворный кравчий вволю медов и сладких вин,
И быть как дома попросил их гуннский властелин.

Державный Этцель молвил: «Да будет вам известно:
Ничто мне в этом мире не может быть так лестно,
Как знать, что не отвергли вы наше приглашенье.
Приезд ваш для моей жены – большое утешенье.

Себя с недоуменьем я спрашивал не раз,
Каким своим поступком мог так прогневать вас,
Что в гости лишь одни вы не едете ко мне.
Я счастлив наконец принять вас у себя в стране».

Тут Рюдегер достойный вмешался в разговор:
«От счастья не напрасно у вас сияет взор²⁹⁹ –
Супруги вашей братья вам преданы и верны,
А их воители полны отваги беспримерной».

Бургундов принял Этцель в канун солнцеворота,
И сколько ни живу я, а всё ж не слышал что-то,
Чтоб где-нибудь встречали радушнее друзей.
Повёл он сам к столу шурьёв, а также их людей.

Никто такого пира не видел отродясь.
Хмельная влага в чаши рекою там лилась,
И потчевал хозяин с открытою душой
Своих гостей, прославленных во всех краях молвой.

Авентюра XXX

О том, как Хаген и Фолькер стояли на страже

К закату день склонился, и мрак окутал мир.
Бургунды утомились, и стал им пир не в пир.
Был долгий путь нелёгок, в постель пора бы лечь,
И первым Хаген с Этцелем завёл об этом речь.

Тогда и Гунтер молвил: «Храни хозяев, боже!
Хотим мы удалиться и отдохнуть на ложе,
А утром в час урочный вернёмся в этот зал».
И от души согласие на то хозяин дал.

²⁹⁹ *От счастья не напрасно у вас сияет взор...* – Рюдегер, так же как и Этцель, не догадывается о надвигающейся катастрофе, тень которой уже нависла над этим последним пиром четырёх королей.

С мест повскакали гунны, гостей обстав кольцом,
И крикнул смелый Фолькер: «Вы тронулись умом,
Коль под ноги суётесь таким богатырям.
К нам подступать не пробуйте, иль худо будет вам.

Уж так смычком я двину, коль разозлят меня,
Что многих будет вскоре оплакивать родня.
Уйдите-ка с дороги, пока я не вскипел.
Все смельчаками мнят себя, да ведь не каждый смел».

Увидев, как разгневан его бесстрашный друг,
Окинул Хаген взором тех, кто стоял вокруг,
И бросил: «Храбрый шпильман разумный дал совет.
Вам, воины Кримхильдины, тесниться здесь не след.

Коль зла вы нам хотите, не тратьте силы зря.
Вы за своё возьмётесь, когда сверкнёт заря,
А ночью не мешайте нам почивать без ссор,
Как повелось у витязей со стародавних пор».³⁰⁰

Приезжих положили в огромном зале спать,
Для каждого поставив просторную кровать.
Спокойно сну предаться там можно было б им,
Когда бы не замыслила Кримхильда месть родным.

Лежали на постелях, разостланных для них,
Аррасские подушки из тканей дорогих.
На пышных одеялах с парчовой каймой
По шёлку аравийскому вился узор златой.

А покрывала были у всех честных гостей
Из белых горностаев и чёрных соболей.
Так дивно и удобно устроен был ночлег,
Что лучше ни один король не почивал вовек.

Но Гизельхер промолвил: «Всё это не к добру.
Есть у меня причины подозревать сестру.
Увы, приём радушный бедой для нас чреват.
Боюсь, что нам с дружиною заказан путь назад».

Сказал на это Хаген: «Оставьте страх покуда.
Всю ночь стоять на страже у входа в зал я буду
И до зари тревожить вас никому не дам,
А утром каждый за себя заступится и сам».

Поклон ему отвесив, бургунды разошлись,
С себя одежду сняли и тотчас улеглись –
Давно уж сну предаться любой из них мечтал,
А Хаген, витязь доблестный, вооружаться стал.

³⁰⁰ Как повелось у витязей со стародавних пор. – Честный бой должен происходить при свете дня, ночью же совершаются преступные убийства. Ср. строфу 1845 след.

Воскликнул смелый шпильман-не лёг он спать с друзьями;
«Мне постоять на страже дозвольте, Хаген, с вами,
Пока заря не вспыхнет и не рассеет тьму».
И Хаген с благодарностью отвечивал ему:

«Великодушный Фолькер, пусть вам воздаст творец!
Когда со мной бок о бок стоит такой боец,
В бою меня вовеки не одолеть врагу.
Услугой с вами я сочтусь, коль смерти избегу».

Надев стальные брони, а также шишаки,
Повесили герои щиты на сгиб руки
И стали на пороге, где в ожиданье дня
О притолоки оперлись, покой друзей храня.

Но тут же щит свой Фолькер оставил на земле,
Вернулся в зал и скрипку там отыскал во мгле.
Во двор оттуда с нею опять спустился он,
Решив бургундам усладить их первый, чуткий сон.

На камень он уселся со скрипкою своей.
Вовек на свете не жил скрипач его смелей.
Так ласково и нежно он заиграл в тиши,
Что шпильману признательны все были от души.

Не пожалел воитель умения и сил.³⁰¹
Смычок его напевом всё зданье огласил.
Волною плыли звуки, сливаясь и журча,
И многих убаюкало искусство скрипача.

Увидев, что уснули соратники его,
Он снова встал у двери близ друга своего
И на руку повесил надёжный щит опять,
Чтоб в случае нужды отпор мужам Кримхильды дать.

В полночный час иль раньше заметил вдруг смельчак,
Как блещут чьи-то шлемы сквозь непроглядный мрак.
То воины Кримхильды сошлись во двор толпой,
Решив застичь гостей врасплох и навязать им бой.

Скрипач возвысил голос: «Друг Хаген, мне сдаётся,
Что скоро потрудиться обоим нам придётся.
Людей вооружённых заметил я во тьме.
Ручаюсь вам, недоброе у гуннов на уме».

«Молчите, – молвил Хаген. – Пусть ближе подойдут.
Они нас не увидят, а мы их встретим тут
И столько крепких шлемов мечами рассечём,
Что повернут враги назад с позором и стыдом».

³⁰¹ Не пожалел воитель умения и сил. – Музыка, подобно поэзии, была важной частью куртуазных навыков.

Но в этот миг на двери какой-то гунн взглянул
И, различив двух стражей, товарищам шепнул:
«Нам нынче не добиться того, чего хотим.
У входа в зал столкнёмся мы со шпильманом лихим.

На лоб скрипач надвинул стальной блестящий шлем,
Ни разу не пробитый в сражениях никем.
Как жар, в полночном мраке броня горит на нём.
Оберегает сон друзей он с Хагеном вдвоём».

Вспять гунны повернули, от страха побледнев,
И другу молвил Фолькер, придя в великий гнев:
«Дозвольте мне пуститься вдогонку пришлецам.
Два слова я хочу сказать Кримхильдиным бойцам».

«Нет, ради дружбы нашей, ни шагу от порога! –
Ему ответил Хаген. – Взгляните, как их много.
Куда б вы ни ступили, вас окружают везде.
Я к вам приду на выручку, и тут уж быть беде.

Пока мы с вами будем врагов сметать с пути,
Успеют два-три гунна украдкой в зал войти
И там среди уснувших такое натворить,
Что нам по гроб о родичах придётся слёзы лить».

«Тогда, по крайней мере, им объявить бы надо,
Что мы их здесь видали, – сказал скрипач с досадой.
Пусть отрицать не сможет потом никто из них,
Что посягал предательски на жизнь гостей своих».

И бросил Фолькер гуннам, бежавшим прочь в испуге!
«Куда вы так спешите? Зачем на вас кольчуги?
Вы на разбой, наверно, собрались в эту ночь?
Коль так, мы с сотоварищем готовы вам помочь».

Враги не отзывались – язык сковал им страх.
«Тьфу, трусы и злодеи! – вскричал герой в сердцах. –
Во сне хотели, видно, вы смерти нас предать.
К лицу ли честным витязям на спящих нападать?»

Узнала королева нерадостную весть,
И пуще запылали в ней ненависть и месть.
Так гнев её ужасен и беспощаден был,
Что многих смелых воинов он вскоре погубил.

Авентюра XXXI

О том, как они ходили в собор

Промолвил смелый Фолькер: «В кольчуге я продрог,
Да и рассвет, я чую, теперь уж недалёк –

Коль ветерком пахнуло, недолго ждать зари».
И в дом будить соратников пошли богатыри.

Луч утреннего солнца сквозь окна брызнул в зал,
И поднимать с постели бургундов Хаген стал:
В собор к обедне ранней идти пора пришла,
По-христиански там уже звонят в колокола.³⁰²

Неслось оттуда пенье, звучавшее не в лад, –
Несходен с христианским языческий обряд,
Но всё ж герои с ложа вскочили поскорей.
Боялись службу пропустить мужи трёх королей.

Богатую одежду надели удальцы.
В такой не щеголяли ещё ничьи бойцы.
Был этим смелый Хаген немало огорчён.
«Потребен здесь иной наряд, – друзьям промолвил он.

Вам всем теперь известно, как дело обстоит
И сколько неприязни Кримхильда к нам таит.
Возьмите в руки лучше не розы, а клинки
И вместо обручей на лоб надвиньте шишаки.

Не избежать сегодня нам с вами битвы тяжкой.
Прикройте ж грудь кольчугой – не шёлковой рубашкой,
Не пёстрый плащ берите, а добрый щит с собой,
Чтоб быть во всеоружии, коль нам навяжут бой.

Ведите, государи, вассалов ваших в храм,
Где вознесут моления они к Творцу, чтоб нам
Предсмертные мученья он облегчил в бою.³⁰³
Мы все без исключения умрём в чужом краю.

Пусть каждый честный воин в грехах, свершённых им,
Покается смиренно пред богом всеблагим
И знает, что к обедне идёт в последний раз,
Коль царь небесный защитит не соизволит нас».

Отправились молиться с дружиной короли,
Но встали перед храмом и в двери не вошли –
Совет им подал Хаген не заходить в собор:
«Держаться вместе мы должны, чтоб гуннам дать отпор.

Друзья мои, поставьте свои щиты у ног
И первого, кто скажет вам слово поперёк,

³⁰² *По-христиански там уже звонят в колокола.* – В средние века обычаи других народов изображались по образу и подобию своих собственных. Поэт полагает, что и у язычников служат мессу и звонят в колокола, только иначе (а возможно он был и прав?!). См. строфу 1851.

³⁰³ *...вознесут моления они к Творцу... // Мы все без исключения умрем в чужом краю.* – Вера в Судьбу, языческая по происхождению (недаром избежать смерти, согласно пророчеству вещей русалок, мог один только священник), сочетается здесь с верою в бога.

Разите без пощады, чтоб наповал убить.
Лишь дерзость нам оградою отныне может быть».

К господню храму Хаген с отважным скрипачом
По площади соборной направились вдвоём –
Хотелось с королевой столкнуться им в дверях.
Сверкал неукротимый гнев у витязей в очах.

Тут показался Этцель с супругою своей.
Роскошная одежда была в тот день на ней.
Вздымая тучи пыли, за ними следом шло
Вассалов их воинственных несметное число.

Заметив, что доспехи на всех гостях блестят,
Хозяин с изумленьем всмотрелся в их наряд
И рек: «Зачем в кольчугах пришли мои друзья?
Коль им обиду нанесли, её заглажу я.

А если был случайно ущерб им причинён,
По первому же слову он будет возмещён –
Пусть только скажут прямо, что нужно сделать мне.
Как жаль, что кто-то оскорбил их у меня в стране!»

«Никем, – ответил Хаген, – мы не оскорблены,³⁰⁴
А лишь блюдем обычай своей родной страны –
На пир три дня являться в доспехах и с мечами.
Обидь нас кто, об этом вам мы доложили б сами».

На Хагена Кримхильда, услышав эту ложь,
Со злобою взглянула, но промолчала всё ж.
Не смела опровергнуть она слова его,
Хоть помнила обычаи народа своего.

Ведь если бы всю правду её супруг проведал,
Раздору бы начаться державный Этцель не дал.
Вот почему смирила свой нрав его жена,
Хоть ненавистью к родичам была, как встарь, полна.

Стояли два бургунда у входа в божий храм,³⁰⁵
И только на две пяди они по сторонам
Неспешно отступили, когда Кримхильда к ним
Высокомерно подошла со всем двором своим.

Побагровели гунны от дерзости такой

³⁰⁴ *Никем, – ответил Хаген, – мы не оскорблены.* – Хаген хочет устыдить Кримхильду: попытка ночного нападения на гостей в доме хозяина, сколь она ни гнусна, нисколько не испугала бургундов и не заслуживает упоминания. Кримхильде приходится снести и это унижение, хотя она знает, что в Бургундии не существует обычая, на который здесь ссылается Хаген («На пир три дня являться в доспехах и с мечами»).

³⁰⁵ *Стояли два бургунда у входа в Божий храм...* – Параллель к сцене у входа в собор, происшедшей некогда между Кримхильдой и Брюнхильдой (ну вот, и божий христианский храм – так какие сомнения насчёт колоколов у язычников?).

И дать уже бургундам готовы были бой,
Но вовремя сдержались – внушал им Этцель страх,
И дело, к счастью, кончилось лишь толкотнёй в дверях.

На площадь после службы все высыпали вновь,
И гунны лихо сели на добрых скакунов.
Кримхильду провожало семь с лишним тысяч их,
А также много знатных дев, красавиц молодых.

Кримхильду в зал дворцовый отвёз её супруг.
Там у окна уселся с женою он сам-друг.
За ними встали дамы, вперяя взгляд во двор,
Куда съезжались на турнир бойцы во весь опор.

Бесстрашный Данкварт тоже поспел к началу боя.
За ним оруженосцы и слуги шли толпою,
Ведя для нибелунгов осёдланных коней,
И не было там скакунов, разубранных пышной.

Когда в седло вскочили с дружиной короли,
Стоять призвал их Фолькер за честь родной земли
И биться так, чтоб в схватке стяжать почёт и славу.
Пришёлся землякам его такой совет по нраву.

Рад показать был каждый, на что способен он.
В обширный двор стекались бойцы со всех сторон.
Далёко разносился ударов тяжкий гром,
И любовались битвою Кримхильда с королём.

Пятьсот мужей отважных, что Дитриху служили,
Туда верхом примчались, взметая клубы пыли.
С приезжими схватились они бы, как один,
Когда б им это разрешил их славный господин.

Меж смелых бернцев было богатырей немало,
Но Дитриху известно намеренье их стало,
И, сильно опасаясь за подданных своих,
Он вызвать не дал им на бой бургундов удалых.

Пришло на смену бернцам бехларенцев пятьсот.
Щитами прикрываясь, носились взад-вперёд
Они вдоль стен дворцовых во всём вооруженье,
Но Рюдегер почтенный был не рад их появленью.

К своим вассалам верным немедля подскакав,
Разумными словами им объяснил маркграф,
Что Гунтеровы рейнцы весьма раздражены
И уклониться от игры бехларенцы должны.

Ушли герои с поля, очистив место там
Воинственным тюрингам и датским удалцам.
Их было десять сотен, как люди говорят.
Обломки копий сыпались на землю, словно град.

Вели дружину Ирнфрид и Хаварт, муж достойный,
Но встретили их гости с надменностью спокойной
И отразили натиск тюрингских храбрецов,
Разбив на части множество сверкающих щитов.

На вормсцев двинул Блэдель трёхтысячную рать,
И глаз была не в силах Кримхильда оторвать
От схватки исступлённой, что перед нею шла.
По-прежнему сородичам она желала зла.

В бой устремился Рамунг, с ним – Хорнбог, Шрутан, Гибих.
Вы все бы им дивились, коль увидать могли б их.
Неустрасимо гунны с бургундами дрались.
Обломки копий над дворцом, свистя, взвивались ввысь.

Но всё же это было лишь воинской игрой,
Хотя сражались вормсцы со смелостью такой,
Что от ударов мощных гудели двор и зал,
И каждый зритель искренне героев восхвалял.

Столь рьяно в гущу схватки кидались смельчаки,
Что вскоре забелели от пота чепраки
На их конях ретивых, набегавшихся вволю.
Ни гости, ни хозяева не уступали поля.

Соратникам промолвил бесстрашный Фолькер так;
«Всерьёз схватиться с нами едва ль посмеет враг.
Коль в ссору не втянули нас гунны даже тут,
То с нами затевать её и дальше не дерзнут.

Коней на отдых в стойла мы отвести велим,
А как начнёт смеркаться, турнир возобновим.
Быть может, свежий вечер Кримхильду охладит,
И за отвагу нас она хвалою наградит».

До тут могучий шпильман заметил, что на двор
Какой-то гунн пригожий влетел во весь опор.
Пышней любой из женщин был витязь разряжён³⁰⁶ –
Понравиться одной из них хотел, наверно, он.

«Не упущу я случай, – сказал скрипач друзьям. –
Сейчас при дамах рухнет с седла любимец дам.
Вы только не мешайте мне проучить его.
А коль Кримхильда взбесится, так что нам до того?»

«Оставьте, – молвил Гунтер, – намеренье своё.
Коль ссора неизбежна, не мы начнём её³⁰⁷ –

³⁰⁶ *Пышней любой из женщин был витязь разряжён...* – Гуннские рыцари, по оценке автора эпопеи, наряжались безвкусно, по-варварски, не зная меры.

³⁰⁷ *Коль ссора неизбежна, не мы начнем её...* – Гунтер, в отличие от Хагена и Фолькера, не желает брать на себя инициативу в развязывании вооруженного конфликта, хотя и убедился в его неизбежности.

Пускай лежит на гуннах, а не на нас вина».
Меж тем хозяин всё сидел с супругой у окна.

«Мне б тоже, – вставил Хаген, – продолжить бой хотелось.
Пусть витязи и дамы оценят нашу смелость
И меж собой хотя бы о ней поговорят,
Коль скоро у хозяйки нет для нас иных наград».

Коня отважный Фолькер погнал обратно вскачь.
Поверг в большое горе и дам и дев скрипач.
Пронзён был гунн красивый копьём врага насквозь.
Немало слёз пролить о нём всем женщинам пришлось.

Последовал и Хаген за шпильманом лихим.
Все шестьдесят вассалов помчались вместе с ним
И яростную схватку затеяли опять,
А Этцель продолжал за ней с женою наблюдать.

Чтоб Фолькер не остался один среди врагов,
Три короля с дружиной из тысячи бойцов
Ему без промедленья на помощь поспешили.
Немало вражеских щитов их копья сокрушили.

Когда красавца-гунна скрипач убил на месте,
Воззвали со слезами его друзья о мести
И на расспросы ближних: «Кем родич наш сражён?»³⁰⁸ –
Ответили, что Фолькером был предан смерти он.

Родня маркграфа-гунна, который пал в бою,
Схватилась за оружие, чтоб честь спасти свою
И отплатить убийце погибшего бойца.
Заметив это, выбежал сам Этцель из дворца.

Звучали вопли гуннов всё горестней и злей,
И спешилась дружина трёх братьев-королей,
Готовясь в рукопашной дать недругам отпор,
Но тут хозяин подоспел и прекратил раздор.

Когда за меч схватился один маркграфов друг,
У гунна Этцель вырвал оружие из рук
И разогнал буянов, в сердцах на них крича:
«Меня вы опозорите, напав на скрипача.

Я видел, как он дрался и как врага убил –
Не умысел, а промах тому виною был.
Ему я не позволю обиду нанести
И долг гостеприимства впредь заставлю вас блюсти.

Оставьте-ка в покое гостей моих честных».
Увидев, что хозяин горой стоит за них,
Без лишних опасений велели короли,

³⁰⁸ *Кем родич наш сражен?* – Рыцари сражались со спущенными забралами, и лиц их не было видно.

Чтоб слуги приняли коней и в стойла отвели.

Забуть о ссоре Этцель вассалам приказал
И об руку с шурьями пошёл обратно в зал.
Когда ж умылись вормсцы, им подали еду,
Но много было там людей, питавших к ним вражду.

Пока гостей хозяин усаживал за стол,
К Кримхильде смелый Дитрих со свитой подошёл,
И разговор коварный с ним повела она:
«Властитель Бернский, помощь мне до крайности нужна».

Тут Хильдебранд вмешался: «Я не помощник той,
Кто смелым нибелунгам желает смерти злой.
Подобная затея не кончится добром:
Отвагою померятся они с любым врагом».

А Дитрих королеве учтиво молвил так:
«Исполнить вашу просьбу я не могу никак.
Меж вашими родными и мною счётов нет,
И в ход пускать оружие мне против них не след.

Да и к лицу ль об этом вам, госпожа, просить?
Поверьте, люди будут везде вас поносить,
Коль братьев вы убьёте, их заманив сюда.
Нет, мстить я им за Зигфрида не стану никогда».

На Дитрихе осекшись, она не унялась
И Блэделю в награду за помощь поклялась
Дать Нудунгову марку, но, Данквартом сражён,
Так щедрым даром и не смог воспользоваться он.

Сказала королева: «Ах, деверь, помоги!
Пируют в этом зале сейчас мои враги,
Которыми был Зигфрид, мой милый муж, убит.
Я буду век служить тому, кто мстить мне пособит».

Ответил Блэдель: «Знайте, владычица моя,
Что на гостей при брате напасть не смею я.
У Этцеля бургунды теперь в такой чести,
Что я пропал, коль им дерзну обиду нанести».

«Зато найдёшь ты, Блэдель, заступницу во мне.
Дам золота тебе я, а серебра – вдвойне
И сил не пожалею, чтоб ты в свой час и срок
Женой невесту Нудунга торжественно нарёк.

Я Нудунгову марку тебе пообещала,
Но к ней земель и замков в придачу дам немало.
Ты в жизни испытаешь все радости сполна.
Ручаюсь в этом словом я, а слову я верна».

Когда услышал Блэдель про множество наград,
Из коих был невесте всего сильнее рад,

Решился за Кримхильду он обнажить свой меч.
Костью из-за неё пришлось ему с дружиной лечь.

Промолвил он невестке: «Вернитесь в зал опять,
А я уж постараюсь внезапно шум поднять.
Вы с Хагеном сочтётесь сегодня наконец.
Доставлен будет связанным к вам Гунтеров боец».

«К оружию! – крикнул Блэдель дружинникам своим.
Сейчас мы над врагами расправу учиним.
Угодно королеве, чтоб дал я бой гостям.
Сегодня жизнью, храбрецы, рискнуть придётся вам».

Увидев, что послушен и верен деверь ей,
Кримхильда в зал к супругу вернулась поскорей
И села там, где Этцель с бургундами сидел.
Приготовлен ею был им горестный удел.

Давно в ней жажда мести все чувства заглушила.
Вражду любой ценою разжечь она решила
И привести велела малютку-сына в зал.³⁰⁹
Кто женщину безжалостней когда-нибудь видал?

Пошли за юным принцем четыре удальца,
И приведён был Ортлиб к столу его отца.
Владетель Тронье тоже сидел за тем столом.
Ребёнка, злобой обуян, он умертвил потом.

Взглянул державный Этцель на сына своего
И, полон дружелюбья, сказал дядьям его:
«Вот тот, кто мне подарен был вашею сестрой.
Пусть всей родне отрадою наследник служит мой.

Он будет добрый витязь, коль в вас пойдёт, шурья.
Двенадцать стран обширных ему оставлю я.
Тогда, прославлен, знатен, отважен и силён,
Всем вам, друзья и родичи, опорой станет он.

Услуги – и немалой – я жду от вас, как зятья.
Когда придёт вам время отбыть на Рейн опять,
Дозвольте, чтобы с вами поехал сын сестры,
И будьте с мальчиком всегда сердечны и добры.

Пусть под присмотром вашим племянник ваш растёт.³¹⁰

³⁰⁹ *И привести велела малютку сына в зал.* – Согласно скандинавской версии сказания, Гудрун своею рукою умерщвляет сыновей, принося их в жертву своей мести, и кормит их мясом ничего не подозревающего Атли. В «Песни о нибелунгах» этот мотив сохраняется в существенно смягченном виде: Хаген убивает мальчика, мстя за умерщвление своих воинов (строфа 1960 след.). Однако автор эпопеи изображает дело так, что Кримхильда, приведя сына в пиршественный зал, тем самым сознательно обрекла его на смерть. Ёе замысел, очевидно, по этой версии, таков: видя, что Этцель сохраняет дружеское расположение к бургундам, Кримхильда жертвует сыном с целью разжечь в муже ненависть к ним.

³¹⁰ *Пусть под присмотром вашим племянник ваш растёт.* – Согласно германскому обычаю (встречающемуся, впрочем, и у других народов), короли и вообще знатные люди отдавали своих детей на воспитание родственникам

За это, став мужчиной, мой Ортлиб в свой черёд
Тому, кто вас обидит, сумеет дать отпор».
Кримхильда молча слушала весь этот разговор.

Владелец Тронье молвил: «Зачем на воспитанье
Брать нашим государям его до возмужанья?
Ему, судя по виду, совсем недолго жить.³¹¹
Едва ль я буду Ортлибу когда-нибудь служить».

На неучтивца глянул хозяин, помрачнев.
Он не сказал ни слова, переборол свой гнев,³¹²
Но в сердце уязвлённом тревогу ощутил:
Увидел Этцель явственно, что Хаген не шутил.

Потупился он скорбно, а гости-короли
От дерзости вассала в смущение пришли,
Но в разговор вмешаться им не позволил стыд.
Они ещё не ведали, что Хаген учинит.

Авентюра XXXII О том, как Данкварт убил Блёделя

Меж тем был к битве Блёдель уже вполне готов.³¹³
Пошло с ним десять сотен испытанных бойцов
В зал, где с прислугой Данкварт сидел и пировал.
Там скоро меж героями раздор забушевал.

Когда к столам бургундов направил Блёдель шаг,
Поднялся Данкварт с места и гунну молвил так:
«Вам, государь мой Блёдель, мы рады, как всегда.
Поведайте, что вас прийти заставило сюда».

Надменно Блёдель бросил: «Не радуйся, пришлец.

или приближённым, что способствовало укреплению дружеских связей между семьями. Этцель, делая подобное предложение бургундам, оказывал им доверие. Но вместе с тем воспитатель считался человеком, стоящим ниже на социальной лестнице, нежели отец воспитанника, и, возможно, в словах Хагена (строфа 1918), помимо угрозы, есть и оттенок недовольства тем, что Этцель хочет унижить его господ.

³¹¹ *Ему, судя по виду, совсем недолго жить.* – По древним поверьям, смерть накладывает свой отпечаток на человека заранее.

³¹² *Он не сказал ни слова, переборол свой гнев...* – Этцель, воплощение куртуазности, подавляет гнев, вызванный словами Хагена, и продолжает выполнять по отношению к гостям функции радушного хозяина.

³¹³ *Меж тем был к битве Блёдель уже вполне готов.* – Действие, описываемое в авентюре XXXI, внезапно прерывается переходом в зал, где пируют оруженосцы бургундов. На то время, пока происходит схватка над телом поверженного Данквартом Блёделя, в зале, где сидят Этцель со знатными гостями, ничего не происходит, – действие тут возобновится лишь с приходом Данкварта с вестью о происшедшем. Как уже отмечено (см. прим. к строфе 1803), в эпосе нет параллельного развития событий, но лишь последовательное.

Приход мой означает, что ждёт тебя конец.
 Расплатишься ты ныне за братнюю вину –
 За то, что Хагеном сражён был Зигфрид в старину».

Воскликнул Данкварт: «Полно! Ужели мы должны
 Жалеть о том, что были к друзьям приглашены?³¹⁴
 Когда скончался Зигфрид, мне было мало лет,³¹⁵
 И не обязан я держать за смерть его ответ».

«Его убили Гунтер и Хаген, а за это
 Тебе платить придётся – с обоими в родстве ты.³¹⁶
 Бургунды, защищайтесь! Вам больше нет спасенья,
 И кровью вашей утолит Кримхильда жажду мщенья».

«Коль вы, – ответил Данкварт, – стоите на своём,
 Мне жаль, что столкнуться пытался я с врагом», –
 И выскочил проворно из-за стола герой,
 Вытаскивая на ходу клинок булатный свой.

Одним ударом гунну снёс голову он с плеч
 И, пнув её ногою, сказал такую речь:
 «Сей свадебный подарок ты в гроб возьмёшь с собою,
 Хотя невесту Нудунга и не назвал женою.

Пусть к ней теперь другие затеют сватовство.
 Ты гнался за приданым – и получил его».
 О замыслах Кримхильды был Данкварт извещён –
 Сумел доброжелателя найти меж гуннов он.

Едва лишь рухнул Блэдель, как все его вассалы
 Оружье обнажили, не мешкая нимало,
 И ринулись на челядь бургундских королей,
 Но горько поплатились те, кто в бой втянул гостей.

Возвысил голос Данкварт и крикнул землякам:
 «Друзья, теперь вам ясно, что здесь готовят нам
 И для чего Кримхильда нас зазвала к себе.
 Сражайтесь! Если умирать, так умирать в борьбе».

Кто был не при оружье, тот в ход пустил скамью.
 Столы, кувшины, стулья – сгодилось всё в бою.

³¹⁴ *Ужели мы должны // Жалеть о том, что были к друзьям приглашены?* – Расправа над бургундами, которую замыслила Кримхильда, ужасна, помимо того что жертвой мести должны пасть её родичи, ещё и тем, что при этом попираются все законы гостеприимства.

³¹⁵ *Когда скончался Зигфрид, мне было мало лет...* – Эти слова Данкварта противоречат тому, что рассказывается в первой части «Песни о нибелунгах»: он участвовал в поездке Гунтера к Брюнхильде (см. авантюры VI и VII).

³¹⁶ *...а за это // Тебе платить придется – с обоими в родстве ты.* – По германским обычаям, месть распространялась не только на убийцу и его ближайших родственников, но и на более далеких сородичей; важно было нанести ощутимый ущерб роду врага.

У смельчаков и слуги бывают смельчаками.
На гуннах челядь шишаки дробила рундуками.

Без шлемов и доспехов дрались бургунды так,
Что выбит был из зала вооружённый враг.
Пятьсот иль больше гуннов та схватка унесла.
Ручьями с победителей кровь недругов текла.

Узнал с прискорбьем каждый, кто Этцелю служил,
Что голову в сраженье безвременно сложил
Высокородный Блёдель с толпой мужей своих.
Брат Хагена со слугами повинны в смерти их.

Вооружились гунны, две тысячи числом,
И, прежде чем прослышал их государь о том,
Ворвались в двери зала лавиною кольчужной
И в бой вступили с челядью почти что безоружной.

Как ни старались вормсы напор врага сдержать,
Сломила их упорство языческая рать.
Хотя они и были отважными людьми,
Им всем до одного в тот день пришлось полечь костью.

Резни кровопролитней от века не бывало.
Двенадцати вассалов у Данкварта не стало,
Да пало девять тысяч слуг и простых бойцов,³¹⁷
И только сам он уцелел под натиском врагов.

Умолкли шум и крики, стенанья отзвучали,³¹⁸
И, зал окинув взором, исполненным печали,
Сказал бесстрашный Данкварт: «Мертвы мои друзья,
И с гуннами лицом к лицу один остался я».

Ремень щита на локте стянул потуже он
И о мужьях поплакать заставил многих жён.
Хоть сыпались удары дождём на смельчака,
Немало обагрил кольчуг он остриём клинка.

Сын Альдриана молвил: «С дороги, гунны, – прочь!
Здесь духота такая, что мне дышать невмочь.
Хочу за дверь я выйти и воздуха глотнуть».

³¹⁷ *Пало девять тысяч слуг и простых бойцов...* – Гибель бургундов распадается на серию эпизодов, следующих один за другим в соответствии с принципом восхождения по феодальной лестнице: сперва погибают рядовые воины, затем вассалы все более высокого ранга, пока, наконец, очередь не доходит до королей и Хагена. Соответственно, первоначально гибнут большие массы (девять тысяч оруженосцев), потом же описываются отдельные поединки между знатными господами, и изображение боевых сцен из суммарного становится все более индивидуализированным. Таким образом в песне нарастает чувство напряжения. Тенденция максимально увеличивать численность участников походов и сражений отличает «Песнь о нибелунгах» не только от более ранних версий того же сказания, но и от рыцарского романа, герой которого обычно действует в одиночку.

³¹⁸ *Умолкли шум и крики, стенанья отзвучали...* – Контраст яростного движения и грохота боя, с одной стороны, и тишины и усталости, сменяющих их по окончании схватки, с другой, неоднократно повторяется в этой части эпоса. См. строфы 2008, 2078, 2227.

И прорубил герой мечом себе из зала путь.

Когда, разгорячённый, он выскочил во двор,
Там снова подступили враги к нему в упор:
Тот, кто ещё не видел дел, совершённых им,
Мнил, что нетрудно справиться с бургундом удалым.

Воскликнул смелый Данкварт: «Когда бы знал мой брат,
Как Этцелевы люди сейчас меня теснят,
Давно б помог мне Хаген иль пал со мною здесь.
Дай Бог, чтоб кто-нибудь ему успел доставить весть».

Сказали гунны: «Будешь ты сам таким гонцом,
Когда твой труп безгласный мы к Хагену снесём.
Пусть боль и скорбь впервые проймут его до слёз.
Тебе не жить: ты Этцелю большой ущерб нанёс».

Ответил он: «Вы правы: трём нашим королям
Я о коварстве вашем поведать должен сам.
Вы лучше не грозитесь, а дайте мне дорогу.
Кровь кой-кому пустить могу ещё я, слава Богу».

Врагов рассеял Данкварт ударами клинка,
Но гунны стали копья метать издалека.
Так много их застряло в щите бойца, что он
Был тяжестью немалою в движениях стеснён.

Отбросил щит воитель и ринулся вперёд.
«Теперь, – решили гунны, – от нас он не уйдёт».
Но витязь не сдавался, а бился втрое злей.
Стяжал он славу в этот день отвагою своей.

Со всех сторон бросались мужи Кримхильды в бой.
Померяться с бургундом хотел из них любой.
А Данкварт шёл на гуннов, как вепрь на свору псов.³¹⁹
Кто и когда смелей, чем он, мечом крушил врагов?

Дымились лужи крови на всём пути его.
Никто не мог бы лучше явить пример того,
Как надлежит в сраженье вести себя бойцу.
Вот так он и пробил себе дорогу ко дворцу.

Едва там стали слышны ударов лязг и стук,
У стольников и кравчих всё выпало из рук.
Раздался крик: «К оружию!» – и встречен был храбрец
Толпою новых недругов у входа во дворец.

«Уйдите-ка с дороги, – сказал герой устало. –
Не ввязываться в схватку вам, стольники, пристало,
А королю с гостями прислуживать честь честью.

³¹⁹ ...как вепрь на свору псов. – Сравнение бойца с вепрем было распространено в германской поэзии. Ср. строфу 2001.

Прочь с лестницы! Я тороплюсь к своим владыкам с вестью».

Тех, кто его пытался наверх не допустить,
Сумел мечом тяжёлым воитель укротить,
А прочие бежали – такой он страх внушил.
Да, много Данкварт в этот день чудесных дел свершил.

Авентюра XXXIII О том, как бургунды бились с гуннами

Слуг Этцеля отбросив, смельчак пробился в зал,
Дверь распахнул широко и на пороге встал.
Забрызган кровью витязь был с головы до ног.
В руке держал он наголо булатный свой клинок.

Окликнул брата Данкварт так, чтобы все слышали:
«Не в меру, милый Хаген, вы засиделись в зале.
Поведать вам и Богу хочу я скорбь свою –
Всех наших слуг до одного лишились мы в бою».³²⁰

Владелец Тронье крикнул: «Кто уничтожил их?»
Ответил Данкварт: «Блѣдель с толпой мужей своих,
Хотя он поплатился за это очень скоро:
Ему я голову мечом отсѣк без разговора».

Сказал на это Хаген: «Жалеть его неместно.
Кто, с витязем сражаясь, погиб, как витязь честный,
Того должны живые счастливец почитать,
И даже женщинам о нём не следует рыдать.

Но почему от крови броня у вас красна?
Сдаётся мне, вам рана была нанесена.
Того, кто поднял, Данкварт, на вас свой дерзкий меч,
Сам сатана от рук моих не сможет уберечь».

«Оставьте страх напрасный – ваш Данкварт жив-здоров.
Я мокр от крови красной, но это кровь врагов.
Их уложил я столько, что сбился бы со счёта,
Когда бы трупы сосчитать пришла мне вдруг охота».

«Мой брат, – воскликнул Хаген, – оберегайте дверь,
Чтоб ни один из гуннов не ускользнул теперь.

³²⁰ *Всех наших слуг до одного лишились мы в бою.* – Войско бургундов состояло из королевских вассалов и массы рядовых рыцарей и оруженосцев. Последние все пали, но показательно, что Хаген, обмениваясь репликами с Данквартом, ни словом не выражает сожаления о погибших бойцах. При сравнении с горем Дитриха Бернского при вести об уничтожении его дружины (см. строфы 2318 след.) спокойствие Хагена являет разительный контраст. Объяснение нужно искать, по-видимому, опять-таки в уверенности Хагена в неизбежной гибели всех бургундов. Отсюда же и следующий его поступок – убийство наследника Этцеля, окончательно исключающий всякую возможность примирения.

Я ласковых хозяев порасспросить хочу,
За что их люди предали всех наших слуг мечу».

«Покорён, – молвил Данкварт, – я нашим королям.
Коль скоро приставляют они меня к дверям,
Ручаюсь, не сыскать им привратника верней».
В унынье ввергла эта речь Кримхильдиных мужей.

А Хаген усмехнулся: «Я вижу с удивленьем,
Что гуннские герои охвачены смятеньем.
Наверно, им не любо, что у дверей застыл
Тот, кто об истребленье слуг бургундам возвестил.

Слыхал я, что Кримхильда о прошлом не забыла
И будет жажда мести кипеть в ней до могилы.
Помянем же усопших хозяйкиным вином³²¹
И гуннам за него платить с наследника начнём».

На Ортлиба обрушил жестокий Хаген меч,³²²
И голова ребёнка, слетев со слабых плеч,
Кримхильде на колени упала тяжело,
И тут кровопролитие у витязей пошло.

Наставник принца тоже не избежал конца.
Застигнутый ударом бургундского бойца,
Простился с головою и навзничь рухнул он.
Ах, плохо воспитатель был за труд вознаграждён!³²³

Играл на скрипке Вербель пред королём своим.
К нему метнулся Хаген, взмахнул мечом стальным
И руку музыканту по локоть отрубил.³²⁴
«На, получай за то, что ты гонцом к бургундам был!»

Несчастный шпильман вскрикнул: «Где ты, рука моя?
Что вам, владетель Тронье, худого сделал я,
Когда посольство правил и жил у вас в стране?
Чем, руку потеряв, держать смычок отныне мне?»

³²¹ *Помянем же усопших хозяйкиным вином...* – Поминки, обычай, восходящий к первобытным временам, состояли у германцев в поднятии кубков в память умершего и в возлиянии пива (в более поздний период – вина) в качестве жертвоприношения. «Первое возлияние, – издевательски говорит Хаген, – в память юного стража гуннов». Мрачная ирония Хагена усугубляется ещё и тем, что возлияния должны были скреплять дружбу между участниками пира, – здесь же пир превращается в кровопролитие.

³²² *На Ортлиба обрушил жестокий Хаген меч...* – В «Саге о Тидреке» Кримхильда научает своего сына-подростка нанести пощёчину Хагену, который и отвечает ударом меча.

³²³ *...плохо воспитатель был за труд вознаграждён!* – Здесь это убийство не мотивировано. Убийство дядки наследника престола скорее могло бы быть объяснено версией, сохранённой «Сагой о Тидреке»: подросток ударил Хагена.

³²⁴ *И руку музыканту по локоть отрубил.* – Хаген отрубил Вербелю правую руку, которой он принёс ложную клятву, когда, будучи послом Этцеля, приглашал бургундов в гости к гуннскому двору, обещая им гостеприимство. Однако из «Песни о нибелунгах» не явствует, что послы знали о замысле Кримхильды.

Но что за дело было до жалоб скрипача
Тому, кто иступлённо врагов разил сплеча?
Удары сыпал Хаген, клинок его свистел,
Валились на пол с грохотом десятки мёртвых тел.

Вступился шпильман Фолькер за друга своего,
И заходил со звоном смычок в руках его,
Но не по струнам скрипки – по темени врагов.
Их много стало у него меж гуннских смельчаков.

Три короля пытались унять бойцов лихих,
Но глас благоразумья был слишком слаб и тих,
Чтоб Хаген или Фолькер прислушались к нему.
Где вспыхнул бой, там гнев уже не обуздать уму.

Поняв, что нет надежды беду предотвратить,
За благо счёл и Гунтер оружие в ход пустить.
Кольчуг блестящих много король мечом рассек
И доказал в тот день, что он – бесстрашный человек.

Могучий Гернот в схватку вступил за братом вслед
И воинству хозяев принёс изрядный вред.
У смелого бургунда от крови стал багрян
Тот меч, что Рюдегером был ему в подарок дан.

Пришёл друзьям на помощь и Уты сын меньшей.
Им причинён был гуннам ущерб весьма большой.
Мечом он вражьи шлемы со звоном сокрушал.
Никто столь славных подвигов досель не совершал.

Отважны были люди бургундских королей,
Но Гизельхер рубился всех земляков смелей.
За витязем бесстрашным никто поспеть не мог.
Везде, где меч его взлетал, враги валились с ног.

Однако гунны были противникам под стать
И за себя умели нехудо постоять.
Сверкали и свистели мечи со всех сторон.
Стенаньями и воплями дворец был оглашён.

Дверь осаждали гунны из зала и извне:
Одни рвались снаружи на выручку родне,
Другие путь пытались пробить себе во двор,
Но Данкварт, на пороге встав, им всем давал отпор.

Шла там, где он сражался, жестокая резня.
Крушил на гуннах шлемы клинок его, звеня,
И всё же он навряд ли б остался жив и цел,
Когда бы старший брат его о нём не порадел.

Владетель Тронье крикнул лихому скрипачу:
«Друг Фолькер, об услуге я вас просить хочу.
Взгляните, как у входа мой брат тесним врагами.

Спасите Данкварта, иль он падёт под их мечами».

«Иду», – ответил шпильман и двинулся к дверям.
Играл всё ту же песню он по пути врагам –
На шлемах, а не струнах, мечом, а не смычком.
Остались рейнцы смелые довольны скрипачом.

Он Данкварту промолвил: «Прислал меня ваш брат,
И разделить я с вами ваш труд нелёгкий рад.
Спина к спине мы встанем, оберегая вход, –
Снаружи вы, я изнутри, и недруг не пройдёт».

Теперь снаружи Данкварт за лестницей следил,
И вниз катился каждый, кто к двери подходил,
А Фолькер отбивался от гуннов изнутри.
Отбросили противников назад богатыри.

И крикнул шпильман громче, чем сеча грохотала?
«Мы наглухо закрыли, друг Хаген, двери зала.
Их заперли для гуннов мечи двух смельчаков,
Надёжные и прочные, как тысяча замков».

Когда услышал Хаген о том, что вход закрыт,
Он за спину закинул стальной широкий щит³²⁵
И за обиды начал расплачиваться так,
Что перестал спасенья ждать отчаявшийся враг.

Вскочил правитель Берна проворно на скамью
И, увидав, что Хаген уже успел в бою
Десятки крепких шлемов на части раздробить,
Сказал: «Он чашу горькую заставит нас испить».

Был утращён хозяин отвагою гостей.
Немало перебили они его друзей,
И сам он из-за вормсцев лишиться жизни мог.
От них и королевский сан его б не уберёг.

Кримхильда обратилась со слёзною мольбой
К владыке Амелунгов: «Спаси меня, герой,
И помоги нам с мужем покинуть этот зал.
Коль Хаген подойдёт ко мне, мой смертный час настал».

Но Дитрих ей ответил: «Как помогу я вам?
В опасности смертельной я нахожусь и сам.
Кипит такая ярость в бургундах удалых,
Что в пору мне теперь спасти себя, а не других».

«Нет, выведи отсюда меня, мой храбрый друг,
Не то погибнет Этцель, державный мой супруг,
И я паду с ним рядом от вражьего клинка».

³²⁵ Он за спину закинул стальной широкий щит... – То есть отказался от всякого прикрытия, – жест человека, который более не заботится о сохранении собственной жизни.

Ни разу к смерти не была Кримхильда так близка.

«Ну что ж, я выйти с вами попробую во двор,
Хотя не приходилось мне видеть с давних пор
Богатырей столь многих в неистовстве таком.
Из-под разбитых шлемов кровь бежит у них ручьём».

Бесстрашный Дитрих начал скликать своих бойцов.
Его могучий, звонкий, как звуки рога, зов
Разнёсся над толпою и огласил дворец.
Безмерной силой наделён был бернский удалец.

Сказал бургундам Гунтер, как только понял он,
Чьим кличем грохот боя так властно заглушён:
«Я слышу, как взывает к друзьям правитель Берна.
Кого-то из его людей убили мы, наверно.

Взгляните, как рукою он машет, встав на стол.
Боюсь я, чтоб на помощь он гуннам не пришёл.
Прервите схватку, рейнцы, и Дитриха спрошу я,
За что к бургундам возымел он злобу столь большую».

Как только Гунтер отдал бойцам такой приказ,
Оружье опустили вассалы сей же час:³²⁶
Покорны государю все были, как один.
И вот что Дитриху сказал бургундский властелин:

«Коль причинили бернцам ущерб мои друзья,
Любое возмещение вам дать согласен я.
Должны вы грех невольный нам, Дитрих, извинить.
У нас и в мыслях не было обиду вам чинить».

«Худого, – молвил Дитрих, – от вас я не видал.
Вы мне лишь дайте мирно покинуть этот зал
И вывести отсюда всех бернских удалцов.
За это верно вам служить до смерти я готов».

Но тут вмешался Вольфхарт: «Зачем просить о том,
Чтоб отперли нам выход, закрытый скрипачом?
Замки куда покрепче сбивал наш добрый меч».
Воскликнул Дитрих: «Чёрт бы вас побрал за эту речь!»

Ответил бернцу Гунтер: «Вы можете уйти
И всех, кого хотите, с собою увести.
Лишь тем, с кем мы враждуем, я ускользнуть не дам:
Урон чрезмерный нанесли сегодня гунны нам».

³²⁶ *Оружье опустили вассалы сей же час...* – Сцена переговоров Гунтера и Дитриха и выход из зала людей последнего отвечают требованиям куртуазной этики. Дитриху удастся вывести даже Кримхильду: Гунтер ещё не видит в сестре своего врага, к тому же она – дама, и бернец рыцарски её выручает. Однако разве то, что Кримхильда покидает поле сражения, не должно было вызвать возражений Хагена? Здесь чувствуется некоторая несообразность.

Услышав это, Дитрих обвил одной рукой
Дрожащую Кримхильду, а Этцеля – другой
И к выходу из зала повёл поспешно их.
Шли вместе с витязем шестьсот его мужей лихих.

А Рюдегер достойный, бехларенский маркграф,
Промолвил: «Будет лучше, коль, бернцам выйти дав,
И мне вы удалиться позволите из зала.
Досель меж мной и вормсцами вражда не возникала».

И Гизельхер Бургундский сказал ему в ответ:
«Причин для ссоры с вами у нас и ныне нет.
Бехларенцев мы любим, как истинных друзей,
И не мешаем вам уйти с дружиною своей».

Зал Рюдегер достойный оставил в свой черёд,
За ним – его вассалы, а было их пятьсот,
И каждый расположен к бургундам всей душой.
Но нанесли они потом гостям урон большой.

Один из гуннов видел, как Дитрих за порог
Пригожую Кримхильду и Этцеля увлёл.
По их примеру к бернцам пристроился и он,
Но был у двери Фолькером замечен и сражён.

По лестнице спустившись и выходя во двор,
Владыка гуннов бросил назад тревожный взор.
«Увы, теперь я тоже таким гостям не рад.
Они всех воинов моих сегодня истребят.

Зачем, – прибавил Этцель, – я праздник затевал?
Встал, на несчастье наше, скрипач у входа в зал.
Как дикий вепрь, он грозен, как сущий дьявол, зол.
Ещё спасибо, что хоть я от рук его ушёл.

Его напев смертелен, его смычок багров.
Играючи, прикончил он множество бойцов.
Не знаю я, чем Фолькер так сильно разъярён.
Вовек никто не причинял мне больше зла, чем он».

Уйти бургунды дали всем, кто им был не враг,
И тут же вновь на гуннов набросились, да так,
Что им сполна воздали за земляков своих.
Ах, сколько шпильман изрубил доспехов дорогих!

Поднялся шум у двери, и громко Гунтер рек:
«Вы слышите, мой Хаген, как Фолькеров смычок
Из шлемов исторгает напев свой удалой?
Покрыт он кровью алою, а не натёрт смолой».

«Король, – ответил Хаген, – жалею я безмерно,
Что в одиночку бьётся мой сотоварищ верный.
Прийти к нему на помощь я должен был давно.
Ведь мы с ним навсегда друзья, коль жить нам суждено.

Взгляните, как усердно он нынче служит вам,
Как расторопно ходит по вражьи́м головам
И пробивает шлемы смычок богатыря.
Брал Фолькер ваше золото и серебро не зря.

Я отродясь не видел такого скрипача.
На гуннов низвергает он лезвие меча,
И жалобную песню поёт на них броня.
Не грех ему в награду дать и платье и коня».

Дрались упорно гунны, оставшиеся в зале,
Но все в жестокой сече добычей смерти стали.
Умолкли крик и стоны, утихли лязг и стук,
И выпустили витязи оружие из рук.

Авентюра XXXIV О том, как они выбрасывали убитых из зала

Передохнуть уселись бойцы и короли,
А смелый шпильман Фолькер и Хаген вниз сошли.
Они на страже встали у выхода во двор
И, на щиты облокотясь, вступили в разговор.³²⁷

Тут Гизельхер Бургундский воззвал к другим героям!
«Не время наслаждаться, соратники, покоем,
Сперва должны убитых мы вынести из зала.
Ударят вскоре вновь на нас Кримхильдины вассалы.

Мешать нам будут трупы, валяясь под ногами,
Когда опять мы вступим в сражение с врагами
И, до того как гунны задавят нас числом,
Ещё не одного из них израним иль убьём».³²⁸

Услышав это, Хаген сказал: «Вот речь мужчины!
Я счастлив быть слугою такого властелина.
Подать совет подобный мог лишь боец лихой,
Каким и показал себя король наш молодой».

Воители за дело взялись без долгих слов
И вынесли из зала семь тысяч мертвецов.³²⁹

³²⁷ *И, на щиты облокотясь, вступили в разговор.* – Щит, широкий сверху, суживался книзу, и, воткнув острый его конец в землю, боец мог опереться на верхний край.

³²⁸ *И, до того как гунны задавят нас числом, // Ещё не одного из них израним иль убьём...* – После уничтожения бургундских рядовых воинов Гизельхер проникся сознанием неизбежности гибели собственной и своих соратников, но собирается как можно дороже продать свою жизнь. Хаген одобряет эту героическую решимость (строфа 2012).

Вниз с лестницы бросали во двор тела они
Под вопли и рыдания сбежавшейся родни.

Был кое-кто из гуннов и ранен-то слегка.
Уход за ними спас бы им жизнь наверняка,
Паденье же добило Кримхильдиных мужей
К великому прискорбию их плачущих друзей.

«Теперь, – промолвил Фолькер, – я убеждён вполне
В том, что про гуннов люди рассказывали мне:
Они – народ никчемный и хуже баб любых.
Чем раненых оплакивать, лечили лучше б их».

Насмешливое слово за правду посчитав,
Приблизился поспешно к дверям один маркграф –
Израненного друга он унести решил,
Но шпильман доблестный копьём насквозь его пронзил.

Увидев это, гунны пустились наутёк
И на бегу убийцу бранили кто как мог.
Один со злости даже копьё в него метнул.
Скрипач оружие это взял и вслед врагам швырнул.

Оно над всей толпою со свистом пронеслось,
Ударилось о землю и так в неё впилося,
Что отступить от зданья заставил гуннов страх.
Впервые Фолькер поселил его у них в сердцах.

Меж тем дружины Этцель уже стянул во двор,
И с королём вступили в недобрый разговор
Смельчак-скрипач и Хаген, хоть дерзостная речь
Теперь лишь беды новые могла на них навлечь.

«Отважен, – крикнул Хаген, – народ в бою лишь там,
Где государь вассалов ведёт в сраженье сам,
Вот так, как поступают три короля мои.
Недаром с их мечей бегут кровавые ручьи».

Был Этцель не из робких,³³⁰ за щит он взялся свой.
«Грех, – молвила Кримхильда, – вам рисковать собой.
Сумеет грозный Хаген и с вами совладать.
Вы лучше гуннам золота пообещайте дать».

Но Этцель рвался в битву и был к советам глух.
Не часто в государе живёт столь смелый дух.

³²⁹ *И вынесли из зала семь тысяч мертвецов.* – Эпический поэт мыслит «большими числами». Любопытно, что один из средневековых «редакторов» рукописи «Песни о нибелунгах», смущенный столь высокой цифрой, заменил ее «двумя тысячами».

³³⁰ *Был Этцель не из робких...* – Эти слова противоречат поведению Этцеля как в предыдущих сценах, так и в дальнейшем. Хотя Хаген его раззадоривает, намекая на то, что Этцель не возглавляет своей дружины, дальше воинственных жестов гуннский король не идёт, – он даёт себя «насильно остановить» (строфа 2022). Ср. с этим поведение хотя бы Иринга (строфа 2034 след.).

Пришлось насильно свите его остановить.
А дерзкий гость всё продолжал хозяина язвить.

Он рек: «Не потому ли взъярился на меня ты,
Что Зигфрид Нидерландский, убитый мной когда-то,
Считаться, право, может сородичем твоим?
Ещё задолго до тебя спала Кримхильда с ним».

Задели королеву поносные слова,
И слёзы удержала она едва-едва.
Как смел на людях Хаген её затронуть честь?
И вот какую речь тогда ей подсказала месть:

«Я, мужний щит наполнив казною золотою,
Её, в придачу к землям и замкам, дам герою,
Которым будет Хаген, обидчик мой, сражён.
Пусть только голову врага ко мне доставит он».

«Где гунны? – молвил Фолькер. – Что ж не идут сюда?
Я воинов ленивей не видел никогда –
Они не сходят с места, хоть их награда ждёт.
Напрасно Этцель посулил им плату наперёд.

Хлеб государя даром вся их орава ест.³³¹
Вот и сейчас без дела они торчат окрест,
А не спешат на помощь владыке своему.
За что мужами их зовут – никак я не пойму».

Авентюра XXXV О том, как был убит Иринг

Маркграф датчанин Иринг, озлясь, сказал в ответ:
«Я долгу неизменно был верен с детских лет.
Не раз мою отвагу изведаль враг в бою.
Мой меч подайте мне, и спесь я с Хагена собью».

Владетель Тронье молвил: «Со мной не пробуй драться,
А если уж решился, вели своим убраться.
Пусть лучше не мечтают тайком проникнуть в зал –
Всех вниз спущу я с лестницы, как их родню спускал».

«Довольно, – крикнул Иринг, – с меня пустых речей!
Случалось мне тягаться с врагами посильней.
С тобой и в одиночку, бахвал, управлюсь я.
Не пособит тебе в бою заносчивость твоя».

Направился он к залу, но Хаварт удалой,

³³¹ *Хлеб государя даром вся их орава ест.* – Дружинники у германцев считались сотрапезниками вождя.

Тюринг отважный Ирнфрид, воитель молодой,
И десять сот иль больше испытанных бойцов
С ним вместе двинулись на двух бургундских удальцов.

У фолькера мгновенно зажётся гневом взгляд,
Когда скрипач увидел, какой большой отряд
За Принтом отважным ко входу в зал спешит –
Все в новых прочных шишаках, у всех на локте щит.

«Мой Хаген, полюбуйтесь, как ваш соперник смел.
Он с вами в одиночку управиться хотел,
Но десять сот иль больше мужей с собой ведёт.
Он лгал, и эта ложь пятно на честь его кладёт».

Друг Хаварта воскликнул: «Пусть все уходят прочь.
Слыть за лгуна и труса я вовсе не охоч.³³²
Уж если дал я слово, то слово я сдержу.
И в одиночку Хагена, как он ни лих, сражу».

Он чуть не на коленях стал заклинать родных,
Чтоб вмешиваться в схватку не смел никто из них,
Но долго их упорства сломить не мог никак –
Все знали, до чего силён его жестокий враг.

Однако Иринг всё же поставил на своём
И наконец остался с противником вдвоём,
Чтобы себя прославить иль честно смерть принять,
И поединок витязи решили начинать.

Копьё датчанин поднял, к груди свой щит прижал
И Хагену навстречу по лестнице взбежал,
А тот от двери зала уже спешил к врагу,
Копьё, длиной немалое, вздымая на бегу.

Метнули разом копья друг в друга смельчаки.
Щиты пробив, оружие сломалось на куски.
Обломки древков в воздух взлетели, засвистев,
И за мечи взялись бойцы, придя в великий гнев.

Могуч и храбр был Хаген: врага он так рубнул,
Что по двору и залу разнёсся громкий гул.
Всё зданье сотрясали тяжёлые удары,
Но Хагена не одолел датчанин в схватке ярой.

Увидев, что противник ему не по плечу,
Маркграф шаги направил к лихому скрипачу.
«Его-то, – думал Иринг, – я посильнее буду».
Но Фолькер тоже отражать врагов умел нехудо.

³³² *Слыть за лгуна и труса я вовсе не охоч.* – Речи Фолькера и Хагена раззадоривают противников, обвиняя их в трусости; это самое большое оскорбление для германского воина. Обмен подобными раззадоривающими речами перед схваткой – частое явление в средневековом германском эпосе.

На щит маркграфа рухнул клинок его, звеня,
И отлетели пряжки подщитного ремня.
Не связываться Иринг со шпильманом решил
И с Гунтером Бургундским бой затеять поспешил.

Друг другу оказались соперники под стать.
Как ни старались оба победу одержать,
Не получили даже царапины они:
Булат – и тот не пробивал надёжной их брони.

От Гунтера отпрянув и тщетный бой прервав,
На Гернота с разбега набросился маркграф,
Из вражеской кольчуги сноп искр исторг мечом,
Однако сам чуть не убит был грозным королём.

Всё ж Иринг увернулся и четырёх мужей,
Прибывших с Рейна в свите бургундских королей,
Сразить поочерёдно за краткий миг успел.
Заметил это Гизельхер и гневом закипел.

«Вам, государь мой Иринг, – в сердцах воскликнул он, –
За тех воздать я должен, кто вами был сражён».
И с этими словами король, шагнув вперёд,
Датчанина ударил так, что наземь рухнул тот.

В крови пред Гизельхером лежал он недвижим,
И, видя это, каждый, кто наблюдал за ним,
Мнил, что маркграфу больше не взяться за клинок,
Но нет, не ранен Иринг был, а только сшиблен с ног.

Падением так сильно был оглушён храбрец,
Что сам уже не ведал, живой он иль мертвец.
Сознания лишила его на время боль –
Столь сокрушительный удар нанёс ему король.

Когда же понемногу беспмятство прошло,
Тайком подумал Иринг: «А я судьбе назло
Не только жив, но даже не ранен никуда,
Хоть силу Гизельхерову запомню навсегда».

Когда б бургунды знали, что враг не пострадал,
Удел куда печальней датчанина бы ждал.
Он голоса их слышал³³³ и размышлял тревожно,
Как невредимым ускользнуть от Гизельхера можно.

Вскочил внезапно Иринг и бросился во двор.
По счастью для маркграфа, был на ногу он скор.
Но за порогом Хаген предстал ему опять,
И беглецу пришлось себе дорогу прорубать.

³³³ Он голоса их слышал... – Иринг был повергнут наземь в полном вооружении, и шлем не давал ему возможности видеть что-либо помимо находящегося прямо перед ним; вертя же головой, он выдал бы себя. Поэтому он мог полагаться только на свой слух.

«Теперь, – подумал Хаген, – не избежишь ты смерти,
Уж разве что прискачут тебе на помощь черти».
И всё ж бургунд был ранен – рассёк шишак на нём
Могучий Иринг Васкеном, своим стальным мечом.

Когда почувал Хаген, что рану получил,
Клинком над головою взмахнул он что есть сил.
Муж Хаварта пустился бежать, куда цел,
А Хаген вниз по лестнице вослед за ним летел.

Но если б даже втрое была она длинней,
И то не смог бы витязь врага сразить на ней –
Себя коснуться Иринг бургунду не давал.
Лишь искры из его щита противник выбивал.

К друзьям маркграф вернулся, оставшись невредим.
Кримхильде доложили, что Ирингом лихим
Её обидчик ранен в отчаянном бою,
И выразить пришла она признательность свою.

«Пусть за отвагу, Иринг, воздаст тебе Творец!
Меня ты, славный воин, утешил наконец –
Я вижу, вся кольчуга у Хагена красна».
И щит иссечённый с бойца сама сняла она.

«Его вы, – молвил Хаген, – благодарите рано.
Я с жизнью не расстанусь от столь пустячной раны.
Вот если б снова схватку со мной он завязал,
Я б тоже счёл, что это муж, а не пустой бахвал.

Не радуйтесь, что стала красна броня моя.
Теперь ещё свирепей на гуннов ринусь я,
И первым будет Иринг за всё держать ответ,
Хотя вассалом Хаварта я лишь слегка задет».

Встал на ветру датчанин и снял с себя шишак –
Дать поостыть кольчуге намерен был смельчак.
Его превозносили за храбрость всё вокруг,
И от таких хвалебных слов воспрял он духом вдруг.

«Возобновлю я схватку, – вскричал маркграф лихой, –
И гордеца-бургунда сражу своей рукой.
Друзья, вооружиться вы мне должны помочь».
И взял он новый крепкий щит, отбросив старый прочь.

С великим тщаньем Иринг был в битву снаряжён.
Копьё потяжелее нарочно выбрал он,
Надеясь, что бургунда пронзит оно насквозь.
А Хаген за врагом следил, и в нём кипела злость.

Противнику навстречу, сгорая нетерпеньем,
Он первый устремился по лестничным ступеням,
Метнул копьё в маркграфа и взялся за клинок.

Могуч был Иринг, но сломить он Хагена не смог.

Мечи щиты пробили и в панцири впились,
И пламя от ударов столбом взметнулось ввысь.
Датчанину глубоко булат плечо задел,
И силой Хавартов вассал мгновенно оскудел.

Теперь лишь защищался израненный маркграф,
До самого забрала пробитый щит подняв.
Им мысль одна владела – как жизнь свою спасти.
Но горший вред ему сумел соперник нанести.

Муж Гунтера нагнулся и, подобрав копьё,
Метнул в противоборца оружие своё.
Застряло в лобной кости у Иринга оно.
Знать, было витязю в тот день погибнуть суждено.

Он до своих добрался в предчувствии конца,
Но снять шишак датчанам не удалось с бойца,
Пока копьё из раны не вырвали они,
И рухнул навзничь удалец под крик и плач родни.

Об этом королева была извещена.
Над Ирингом склонилась с рыданием она –
Так было ей прискорбно, что пал лихой вассал,
А он супруге Этцеля при всех родных сказал;

«Не лейте слёз напрасно, владычица моя.
Они помочь бессильны: так тяжко ранен я,
Что неизбежно должен сегодня умереть.
Служить ни вам, ни Этцелю мне не придётся впредь».

Датчанам и тюрингам он дал такой совет:
«Дары от королевы вам принимать не след.
За золото Кримхильда на смерть отправит вас.³³⁴
Тот, кто пойдёт на Хагена, умрёт, как я сейчас».

Тут побледневший Иринг был должен замолчать,
И смерть на нём незримо поставила печать.
Датчане застонали, но тут же всей толпой
Схватились за оружие и устремились в бой.

Ворвались храбрый Ирнфрид и Хаварт в двери зала.
За ними десять сотен вассалов их бежало.
Всё разом загудело и затряслось кругом.
На вормсцев копыа острые посыпались дождём.

Затеял схватку Ирнфрид со шпильманом лихим,
Но был достойно встречен противником своим.

³³⁴ Дары от королевы вам принимать не след. // За золото Кримхильда на смерть отправит вас. – Получение даров влекло за собой обязательство по отношению к дарителю. Однако датчане тут же бросаются в бой – не ради королевских наград, а охваченные жадной мести за убитого Иринга.

Ландграфа грозный Фолькер мечом ударил так,
Чтоб лоб оружие рассекло, пробив стальной шишак.

Лихой тюринг бургунда рубнул клинком сплеча,
И расскочились звенья в кольчуге скрипача,
И пламенем холодным сверкнул её металл,
Но Фолькер всё же уложил ландграфа наповал.

Напал датчанин Хаварт на Хагена со злобой.
Они чудес немало в тот день свершили оба.
Звенели непрерывно мечи в руках бойцов.
Владетель Тронье недруга сразил в конце концов.

Вселила гнев и ярость кончина их вождей
И в датских и в тюрингских неистовых мужей,
И стали в двери зала ломиться смельчаки.
Десятки шлемов были там изрублены в куски.

Бургундам крикнул Фолькер: «Впустите их сюда.
Им золота Кримхильды не видеть никогда.
Мы за неё с врагами произведём расчёт.
Никто из них живым у нас обратно не уйдёт».

Едва втянулся в зданье весь вражеский отряд,
Удары на пришельцев посыпались, как град,
И с плеч голов немало на мокрый пол слетело.
Сражался славно Гизельхер, и Гернот бился смело.

Везде мечи взлетали, свистя, круша, рубя,
Бургунды в этой битве прославили себя.
Все тысяча четыре врага, что в зал вступили,
До одного истреблены мечами рейнцев были.

Вновь тишина настала, умолкли шум и гам.
Одна лишь кровь убитых по сточным желобам
С журчанием негромким сбегала вниз во двор.
Вот так был людям Этцеля жестокий дан отпор.

Свои щиты бургунды поставили у ног
И отдохнуть немного присели, кто где мог.
Остался только Фолькер у входа в зал стоять.
Чтоб первым в сечу ринуться, коль вспыхнет бой опять.

Скорбела королева, король был удручён.
От слёз померкли очи у гуннских дев и жён.
Шептал им тайный голос, что скоро смерть у них
Вновь похищать начнёт друзей, мужей, детей, родных.

Авентюра XXXVI О том, как королева приказала поджечь зал

«Снять шлемы! – крикнул Хаген соратникам усталым.
Я вместе с другом встану на страже перед залом,
И если гунны снова посмеют в ссору лезть.
Я тотчас королям моим подам об этом весть».

Бургунды сняли шлемы с разгорячённых лбов
И сели на останки поверженных врагов.
Их изрубили рейнцы в сражении мечами
За то, что худо обошлись хозяева с гостями.

Король с женой решили, что ими дотемна
Должна ещё раз битва пришельцам быть дана.
Собрали всех способных мечом владеть людей,
И двадцать тысяч воинов напали на гостей.

Близ королей бургундских брат Хагена стоял,
Как вдруг увидел Данкварт врагов у входа в зал.
Он бросился к порогу и встретить их успел.
Все мнили, что храбрец погиб, но он остался цел.

Покуда ночь над миром не распростёрла тень, –
А летом отступает пред ней не скоро день, –
Вели сраженье вормсцы, как витязям к лицу.
Пришёл от их мечей конец не одному бойцу.

Совпал с солнцеворотом тот долгий страшный бой.
Свела Кримхильда счёты с ближайшею роднёй,
За прошлые обиды ей отомстив вполне,
Но Этцелю всю жизнь пришлось жалеть об этом дне.

Встревожились бургунды, когда спустился мрак.
Им думалось: не лучше ль, чем маяться вот так,
Самим напасть на гуннов и доблестно почить
Иль всё же попытаться мир с врагами заключить.

И Этцеля решились три короля позвать.
Кто им в стране враждебной вонмет скорей, чем зять?
От свежей крови красны, от панцирей черны,
Спустились братья вниз во двор и стали у стены.

На зов явился Этцель, Кримхильда с ним пришла.
Весь край им был подвластен, и рать их всё росла.
Король бургундам бросил: «Зачем я зван сюда?
На мировую не пойду я с вами никогда.

Вы нанесли мне нынче такой большой урон,
Что он лишь вашей кровью быть может искуплен.
Мой сын сражён был вами, истреблена родня.
Ни мира, ни прощения не ждите от меня».

«Ты нас, – промолвил Гунтер, – напрасно не кори.
Убили нашу челядь твои богатыри.
Скажи, в чём пред тобою мы провинились вдруг.

Ведь я тебе доверился и мнил, что ты мне друг».

Млад Гизельхер Бургундский спросил врагов своих:
«Пусть Этцелевы люди, те, что ещё в живых,
Поведают открыто, чем я их оскорбил.
К ним едуци, руководим я добрым чувством был».

Ответствовали гунны: «От доброты твоей
Немолчный стон сегодня стоит в округе всей.
К нам занесло из Вормса тебя не в добрый час.
Ты со своими братьями осиротил всех нас».

Державный Гунтер снова воскликнул с возмущением:
«Куда разумней дело закончить примиреньем.
Полезно это будет обеим сторонам.
Несправедлив ваш государь, вреда желая нам».

Гостям хозяин молвил: «И сравнивать смешно
Обиды ваши с горем, что мне причинено.
Я из-за вас лишился достоинства и чести
И ни за что не допущу, чтоб вы избегли мести».

Сказал могучий Гернот на это королю:
«Тогда я вас и Бога лишь об одном молю –
Чтоб, вам же к чести, дали вы нам во двор сойти:
На воле легче погибать, чем сидя взаперти.

Коль нам конец назначен, пускай скорей придёт.
Дружины ваши свежи, число их всё растёт,
А мы жестоким боем утомлены смертельно.
К чему свои страдания затягивать бесцельно?»

Заколебались гунны, и Этцель был готов
Согласием ответить на просьбу пришлецов,
Но примириться с этим Кримхильда не могла
И так вассалам молвила, желая братьям зла:

«Не отвергайте, гунны, мой дружеский совет.
Вам хитрости бургундов потворствовать не след.
Коль вырвутся из зала у вас во двор они.
Опять недосчитаетесь вы многих из родни.

Ведь если даже смерти вы предадите их,
Но дети Уты чудом останутся в живых,
Да на ветру остынут и дух переведут,
Такие витязи урок вам и втроём дадут».

Млад Гизельхер ответил: «Пригожая сестра,
Я вижу, ты желала мне зла, а не добра,
Когда меня просила прибыть на торжество.
За что грозит мне смертью рать супруга твоего?

Тебе хранил я верность и не чинил вреда,
И лишь по той причине отправился сюда,

Что твёрдо был уверен в любви сестры ко мне.
Умерь свой гнев, иль смертный час пришёл твоей родне».

«Пощады вам не будет, – ответила она. –
Я Хагеном из Тронье была оскорблена,
Да так, что до могилы обиды не прошу
И всё, что он мне задолжал, с вас, родичи, взыщу.

Однако не останусь я к просьбам безучастна,
Коль вы его назначить заложником согласны,
Тогда я буду с вами о мире толковать
И вспомню, что дала нам жизнь одна и та же мать».

Сказал могучий Гернот: «Да не попустит Бог,
Чтоб нашего вассала мы отдали в залог.³³⁵
Мы тысячею братьев пожертвуем скорей,
Чем предадим хоть одного из верных нам людей».

Млад Гизельхер воскликнул: «Друзья, мы все падём,
Но с недругами счёты по-рыцарски сведём.
Пусть трус ценой измены спасает жизнь свою,
А я уж лучше с гуннами померяюсь в бою».

Как подобало, Данкварт прибавить не преминул:
«Вовек того не будет, чтоб брата я покинул.
Любую участь, Хаген, разделим мы с тобой,
А те, кому не нужен мир, пусть получают бой».

Возвала королева: «Богатыри, вперёд!
Кто за меня оплатит и Хагена убьёт,
Того вознагражу я, как долг и честь велят.
Штурмуйте лестницу, чтоб в зал врагов загнать назад.

Во двор не выпускайте проклятых пришлецов.
Велю поджечь строенье я с четырёх концов³³⁶
И вормсам по заслугам воздам на этот раз».
Охотно люди Этцеля исполнили приказ.

Они мечи и копья пустили в ход опять
И со двора бургундов сумели в зал прогнать,
Как ни сопротивлялись три брата-короля,

³³⁵ *Да не попустит Бог, // Чтоб нашего вассала мы, отдали в залог.* – Сеньор и его вассал были связаны узами взаимной преданности, скрепленной клятвами. Воспевание дружинной верности – одна из центральных тем германской героической поэзии.

³³⁶ *Велю поджечь строенье я с четырёх концов...* – Сожжение противника в доме – распространённая практика у германцев, засвидетельствованная исландскими сагами. Но в сагах, реалистически рисуя подобные случаи, люди, осаждённые в горящем доме, погибают, – автор же «Песни о нибелунгах» оставляет в живых часть бургундов и после пожара, очевидно, для того, чтобы не закончить эпопею их массовой гибелью и добавить ещё несколько впечатляющих картин героической смерти каждого из основных персонажей в отдельности. В «Саге о Тидреке» дом поджигает Хаген, для того чтобы при огне можно было продолжать бой. Хойслер отмечает, что пожар в зале играет в эпопее роль «чёткой цезуры», после которой происходят «разрыв мира и дружбы между близкими и друзьями» и роковые битвы между ними.

С дружинниками верными опасности деля.

Чтоб побыстрее на гибель сородичей обречь,
Жена владыки гуннов велела дом поджечь,
А тут пахнуло ветром, и зданье занялось.
Кому изведать больше мук, чем рейнцам, довелось?

«Увы! – они кричали. – Наш смертный час настал.
Уж лучше б полегли мы, рубясь у входа в зал.
Да сжалится над нами всевидящий Творец!
Готовит королева нам мучительный конец».

Один из них промолвил: «Мы все умрём, друзья.
Нас Этцель нам на горе зазвал в свои края.
Такая жажда сушит и жжёт нутро моё,
Что, кажется, сойду с ума я скоро от неё».

Ответил Хаген: «Витязь, коль жажда вас томит,
Не погнушайтесь кровью тех, кто в бою убит, –
Она в подобном пекле полезней, чем вино.
К тому ж других напитков тут не сыщешь всё равно».

С одним бургундом рядом валялся мёртвый враг.
Склонил колени воин, снял с головы шишак
И к свежей ране трупа припал иссохшим ртом.
Впервые кровь он пил и всё ж доволен был питьём.

Он Хагену промолвил: «Да наградит вас Бог!
Совет ваш мудрый жажду мне утолить помог.
Вам за него я буду признателен по гроб.
Быть даже лучшее вино вкуснее не могло б».

Поняв, что был их другу совет разумный дан,
Пить кровь бургунды стали у мертвецов из ран,
И это столько силы прибавило бойцам,
Что отняли они потом друзей у многих дам.

Вокруг героев пламя ревели всё сильней.
Спасались под щитами они от головней,
Но их невыносимо терзали зной и дым.
Нет, не бывало никому трудней, чем было им.

Воскликнул Хаген: «К стенам! Прикроют нас они,
И нам на шлемы падать не будут головни,
А упадут – втопчите их сразу в кровь ногой.
Эх, знатный же нам задан пир хозяйкой дорогой!»

Не скоро луч рассвета блеснул из темноты,
Но до зари стояли, склонившись на щиты,
Лихой скрипач и Хаген у выхода во двор,
Чтоб новым проискам врагов дать при нужде отпор.

Сказал с рассветом Фолькер: «Вернёмся в зал, мой друг.
Пусть гунны полагают, что после долгих мук

Сполна в огне пожара погибла наша рать.
Тем неожиданней на них ударим мы опять».

Млад Гизельхер Бургундский промолвил в свой черёд:
«Повеяло прохладой – как видно, день встаёт.
Дай Бог, чтоб для бургундов не стал он днём печали.
Не в добрый час к сестре моей на праздник мы попали».

Один из вормсцев крикнул: «Недолго ждать зари.
Нет выхода другого теперь, богатыри,
Как взять оружие в руки и грянуть на врагов.
Кримхильда скоро двинет вновь на нас своих бойцов».

Хозяин мнил, что гости не дожили до дня,
Что все они погибли от ран и от огня,
Но в зале оставалось ещё шестьсот мужей,
И слуг отважней не имел никто из королей.

Едва туда Кримхильда лазутчиков послала,
Те сразу увидали, что рейнские вассалы
По-прежнему толпятся вокруг владык своих,
Как будто ни огонь, ни сталь – ничто не взяло их.

Узнав, что часть бургундов избегла смерти всё же,
Известье королева сочла нелепой ложью.
«Как это может статься? – воскликнула она. –
Я думала, что вся их рать огнём истреблена».

Хотелось жить бургундам и в этот страшный час,
Но не нашлось такого, кто б их от смерти спас:
Все гунны только злобу питали к пришлецам.
Гостям осталось лишь одно – мстить за себя врагам.

Поздравить с добрым утром их Этцель приказал,
И хлынули потоком его вассалы в зал.
Их копья на пришельцев посыпались дождём,
А те, как витязям к лицу, обороняли дом.

С отвагой беспримерной бросались гунны в бой:
Награду от Кримхильды стяжать хотел любой,
Да и приказ монарший исполнить заодно,
Но многим было в битве той погибнуть суждено.

Вассалы королевы недаром бились смело.
Во двор щиты с казною принести она велела,
И деньги брал без счёта любой её слуга.
Кто б дал дороже, чем она, за голову врага?

Зато у ней и было бойцов не перечсть.
«Сейчас, – воскликнул Фолькер, – собьём мы с гуннов спесь,
Хотя впервые вижу я их в таком задоре.
Вассалов Этцель золотом осыпал нам на горе».

Воззвали вормсцы к гуннам: «Богатыри, сюда!

Пора нам с долгой тяжбой покончить навсегда,
Кто пасть сегодня должен, тот пусть падёт скорей».
И разом копыя острые впились в щиты гостей.

Что мне сказать ещё вам? Двенадцать сот бойцов
Не раз бросались с рёвом на рейнских удальцов,
Чью пылкость охлаждала лишь кровь, хлеща из ран.
Столь неуёмной яростью был каждый обуян,

Что больше и не думал никто о примиренье.
Бедой для нападавших закончилось сражение –
Отважнейших вассалов в нём потерял король.
Немало слёз у их родни исторгли скорбь и боль.

Авентюра XXXVII **О том, как был убит Рюдегер**

Едва отбили рейнцы тот приступ поутру,
Муж Готелинды милой явился ко двору,
И, услышав повсюду рыдания и стон,
В сердечном сокрушении заплакал горько он.

«Увы! – маркграф воскликнул. – Не мил мне белый свет.
Ужель уладить ссору надежды больше нет?
И рад бы я вмешаться, да много ль проку в том?
Не буду даже выслушан я нашим королём».

У Дитриха из Берна он приказал узнать,
Не согласится ль Этцель призывам к миру внять,
Но тот ему ответил: «Бургундов не спасти.
Не разрешит противников король нам развести».

Один воитель гуннский, случайно увидав,
Как утирает слёзы бехларенский маркграф,
Приблизился к Кримхильде и злобно ей сказал:
«Взгляните, как себя ведёт сильнейший ваш вассал,

С которым обращались как с другом вы досель.
Немало он подарков, и замков, и земель
От вашего супруга в награду заслужил.
Так почему же нынче он меча не обнажил?

Выходит, дела нету ему до наших слёз –
Ведь он-то от бургундов ущерба не понёс.
Я слышал, не обидел его отвагой Бог,
Однако это доказать нам Рюдегер не смог».

Окинул гневным взором бехларенец того,
Кто вёл такие речи с Кримхильдой про него.

Он думал: «Ты на людях чернишь меня, подлец,³³⁷
Но убедишься ты сейчас, что я и впрямь храбрец».

Он ринулся на гунна и, крепко сжав кулак,
Советчика дурного в лицо ударил так,
Что разом жизнь угасла в поверженном лгуне,
Но Этцель, это увидав, мрачнее стал вдвойне.

Воскликнул честный витязь: «Издохни, мерзкий трус!
Я сам скорблю глубоко, что нынче не дерусь
И до сих пор дружину на рейнцев не веду.
Причина есть и у меня питать к гостям вражду.

И я бы мог немало наделать им вреда,
Когда бы самолично их не привёз сюда.
Коль скоро я бургундам служил проводником,
Не подобает, чтоб меня сочли они врагом».³³⁸

Взглянул король на гунна, лежавшего в пыли,
И Рюдегеру бросил: «Да, мне вы помогли,
Но только мало проку от помощи такой –
И без того недёшево обходится нам бой».

Маркграф ему ответил: «Я лишь обиду смыл.
При всех меня покойник бесстыдно осрамил,
Сказав, что я не стою наград, мне данных вами.
Пусть не язвит он впрямь других поносными словами».

Явилась королева и тоже увидала,
Сколь страшной смерти предал маркграф её вассала,
И покатались слёзы у ней из ясных глаз.
Она спросила: «Рюдегер, за что вы злы на нас

И отягчить хотите нам бремя наших бед?
Вы сами мне и мужу твердили много лет,
Что жизнью да и честью для нас рискнуть готовы.
Как весь наш двор, считали мы, что держите вы слово.

Ужели вы забыли, в чём клятву дали встарь,
Когда меня в супруги избрал ваш государь?
Служить вы обещали мне до скончанья дней,
А нам такой слуга, как вы, сейчас всего нужней».

³³⁷ Ты на людях чернишь меня, подлец... – Гнев Рюдегера вызван прежде всего тем, что его подозревают в трусости в присутствии двора, т. е. перед лицом короля, – отсюда его немедленная и столь бурная реакция, не свойственная, казалось бы, куртуазному человеку, каким был маркграф Бехларенский (см. строфу 2142).

³³⁸ Коль скоро я бургундам служил проводником, // Не подобает, чтоб меня сочли они врагом. – Рюдегер имеет перед бургундами моральные обязательства, препятствующие ему выполнить обязательства вассала по отношению к господину, и этот конфликт, подробно изображаемый далее, ставит Рюдегера перед неразрешимой дилеммой. Рюдегер – воплощение рыцарской чести и верности, а сохранить верность обеим враждующим сторонам, между которыми он оказался, и соблюсти свою честь он не в состоянии. Выходом из этой трагической коллизии может быть только его смерть.

«Да, госпожа, вы правы: принёс я клятву вам,
Что ради вас, коль надо, и жизнь и честь отдам,
Но никогда не клялся, что душу погублю.
На пир, а не на смерть я вёз бургундов к королю».

Воскликнула Кримхильда: «Припомните, маркграф,
Как вы давали клятву, рукой мне руку сжав,
Отметить тому, кем будет задета честь моя».
Он молвил: «Вам не отказал ни в чём ни разу я».

Сам Этцель обратиться к нему был принуждён.
Склонил с женой колени перед вассалом он.
Дослушал государя с тоской в душе смельчак
И на мольбы о помощи ему ответил так:

«Увы, зачем доньне щадила смерть меня?
Знать, Богом я отринут, коли дожил до дня,
Когда презреть придётся мне дружбу, верность, честь –
Всё, что для нас заветного на этом свете есть.

К какому бы решенью сейчас я ни пришёл,
Любое будет только одним из равных зол,
А оба отвергая, я трусом бы прослыл.
Да просветит мой разум Тот, кто жизнь в меня вселил!»

Но Этцель и Кримхильда стояли на своём,
И я вам без утайки поведаю о том,
Как после долгих споров им уступил храбрец,
Дал рейнцам бой и в том бою нашёл себе конец.

Знал Рюдегер достойный, что, обнажив клинок,
Лишь новые несчастья на всех бы он навлёк
И сам бы неизбежно был осуждён молвой.
Вот оттого и возражал он Этцелю с женой.

«Король, – промолвил витязь, – я буду только рад,
Коль все награды ваши возьмёте вы назад.
Мне ничего не надо – ни замков, ни земель.
Уж лучше я в изгнание с сумой уйду отсель».³³⁹

«Кто ж мне тогда поможет? – король в ответ ему. –
Нет, я назад ни земли, ни замки не возьму,
А разделю? напротив, с тобою власть свою,
Коль за меня моим врагам ты отомстишь в бою».

«Не знаю я, что делать, – сказал маркграф опять. –
В Бехларене бургундов мне довелось принять,
Хлеб-соль водил я с ними, дарил подарки им».³⁴⁰

³³⁹ *Уж лучше я в изгнание с сумой уйду отсель.* – Вассал мог расторгнуть отношения, связывающие его с господином, и Рюдегер готов прибегнуть к такому выходу, но прежде он обязан выполнить все обязательства, лежавшие на нём, и Этцель требует от него именно этого.

³⁴⁰ *В Бехларене бургундов, мне довелось принять, // Хлеб-соль водил я с ними, дарил подарки им.* – Для

Так вправе ль приуготовлять я смерть гостям своим?

Хоть посчитают люди, что стал я трусом низким,
Не страх меня сдает, а мысль, что другом близким
Имею я несчастье владыкам рейнским быть
И с ними, на свою беду, хотел в родство вступить.

Я дочь свою просватал за младшего из них:
Ведь Гизельхер – завидный по всем статьям жених.
Ручаюсь головою, ещё не видел свет,
Чтоб был так смел, силён, учтив король столь юных лет».

Вновь молвила Кримхильда, о помощи моля;
«Ах, друг мой, пожалейте меня и короля!
Подумайте хотя бы о том, какой урон
Был нынче нам, хозяевам, гостями нанесён».

С отчаяньем на это ей Рюдегер сказал:
«Итак, своею кровью заплатит ваш вассал
За всё, чем вы взыскали в былые дни его,
И больше мне доказывать не надо ничего.

Теперь лишусь не только земель и замков я.
Безвременно прервётся сегодня жизнь моя,
А вы уж позаботьтесь о тех, кто дорог мне –
О всех моих бехларенцах, о дочке и жене».

Король, услышав это, опять воспрял душой.
«Пусть небо, – он воскликнул, – воздаст тебе, герой,
А я твоих домашних вовеки не покину,
Хоть и уверен, что в бою не ждёт тебя кончина».³⁴¹

Заплакала Кримхильда, поверив наконец,
Что жизнь и душу ставит на ставку удалец,
А он промолвил: «Долгу я верность соблюду,³⁴²
Как мне ни горько, что друзьям я принесу беду».

Расстался с государем маркграф в большой тоске.
Пошёл он и вассалов сыскал невдалеке.
Дружинникам отважным дал Рюдегер приказ:
«К оружию! Принуждён вести я на пришельцев вас».

понимания основных факторов, определявших поведение рыцаря, показательно, что Рюдегер в первую очередь говорит не о своём чувстве дружбы, а о поступках, которые связали его с бургундами взаимными обязательствами верности, – об оказанном им гостеприимстве и о розданных им подарках. Лишь после этого он упоминает связавшую их дружбу и помолвку его дочери с Гизельхером (строфа 2160 след.).

³⁴¹ *А я твоих домашних вовеки не покину, // Хоть и уверен, что в бою не ждёт тебя кончина.* – Имеются в виду не одни домашние, но и вассалы Рюдегера, остающиеся после его гибели без покровительства. Этцель выражает надежду, что его королевская удача поможет Рюдегеру, поскольку тот будет сражаться на его стороне.

³⁴² *Долгу я верность соблюду...* – Рюдегер решает выполнить свой первейший долг – долг верности сеньору, но губит свою душу (ср. строфу 2150).

Оруженосцам тут же велели смельчаки
Подать кольчуги, копья, щиты и шишаки,
И каждый снарядился, как мужу подобало.
Бургундам вскоре сделали они вреда немало.

Шло с Рюдегером в битву пять сотен храбрецов
Да, сверх того, двенадцать Кримхильдиных бойцов,
К бехларенцам примкнувших, чтоб славу заслужить.
Не знали витязи, что им уже недолго жить.

Маркграф шишак надёжный надвинул на чело,
Мечи его вассалы держали наголо,
У каждого на локте висел широкий щит.
Внушил тревогу Фолькеру воинственный их вид.

Узнав, что к двери зала бехларенцы спешат,
Млад Гизильхер Бургундский был несказанно рад –
Он счёл, что на подмогу к нему явился тесть.
Как можно было иначе понять такую весть?

Соратникам он молвил: «На счастье наше с вами,
Успели мы в дороге обзавестись друзьями.
Как славно, что невесту мне ниспослал Творец!
В последний миг на помощь нам приспел её отец».

«С чего вы это взяли? – скрипач в ответ ему. –
Тому, кто хочет мира, ей-богу, ни к чему
К нам для переговоров вести такую рать.
Нет, нас за земли с замками ваш тесть решил продать».

Всё это смелый шпильман ещё не досказал,
Как Рюдегер добрался уже до входа в зал
И на пороге молча поставил щит к ногам,
Не пожелав хотя б кивком послать привет друзьям.

Затем, возвысив голос, предупредил гостей:
«Сражайтесь, нибелунги, с дружиною моей.
Я к вам пришёл, герои, не с миром, но с мечом.
Я прежде вашим другом был, а ныне стал врагом».

Бургунды приуныли, услышав речь его.
Немало натерпелись они и без того.
Поэтому жестоко терзала и гнела
Их мысль, что даже Рюдегер – и тот им хочет зла.

Сказал с испугом Гунтер: «Помилуй вормсцев, Боже!
Ужели отвернулись от нас, маркграф, вы тоже
И не на кого больше надеяться нам здесь?
Нет, я не верю, что презреть могли вы долг и честь».

Но Рюдегер печально промолвил королю:
«Поклялся я Кримхильде, что с вами в бой вступлю,
А госпожу не вправе обманывать слуга.
Обороняйтесь, витязи, коль жизнь вам дорога».

На это дал маркграфу король ответ такой:
«Вам следовало б раньше к нам воспылать враждой.
Вы так нам были верны и так любили нас,
Что мы от друга вправе ждать того же и сейчас.

Когда б вы согласились нам нынче дать пощаду,
Мы все до самой смерти служить вам были б рады
За щедрые подарки, что нам вы поднесли,³⁴³
Когда нас в землю Этцеля на празднество везли».

И Рюдегер воскликнул: «С какою бы охотой
Я снова вас осыпал подарками без счёта,
Когда б повиноваться лишь зову сердца мог
И мне за это не грозил, в предательстве упрёк!»

Возвысил голос Гернот: «Одумайтесь, маркграф!
Ужель, нас так сердечно в Бехларене приняв,
Вы только зла хотите теперь гостям своим?
А мы ведь пригодимся вам, коль смерти избежим».

Но Рюдегер ответил: «Ах, если бы Творец
На Рейн вам дал вернуться, а мне послал конец,
Чтоб этою ценою бесчестья я избег!
Убив друзей, себя стыдом покрою я навек».

Опять промолвил Гернот: «Мне было б тяжело,
Когда б такого мужа сраженье унесло.
Пусть, Рюдегер, за щедрость вам Бог воздаст с лихвой.
Я ваш подарок – добрый меч³⁴⁴ – всегда ношу с собой.

Он нынче безотказно хозяину служил.
Я им немало гуннов с размаху уложил.
Он так блестящ и звонок, надёжен и остёр,
Что мир оружия лучшего не видел до сих пор.

Но если нападёте вы на моих родных
И смерти предадите кого-нибудь из них,
Вас вашим же подарком убью немедля я,
Хоть мне супругу вашу жаль, а с вами мы друзья».

«Ах, господин мой Гернот, дай Бог, чтоб было так,
И в поединке с вами пал ваш невольный враг.
Ведь если целы вормсцы останутся в бою,
Смогу оставить я на вас жену и дочь свою».

Млад Гизельхер, сын Уты, сказал на это: «Тесть,

³⁴³ *Мы все до самой смерти служить вам были б рады // За щедрые подарки, что вы нам поднесли...* – Имеются в виду не только самые подарки, но и то, что они символизировали, – те отношения, которые были установлены между Рюдегером и одаренными им бургундами.

³⁴⁴ *...ваш подарок – добрый меч...* – См. строфу 1696.

Неужто вы забыли, что все вас любят здесь?
Ваш долг – не биться с нами, а нам в беде помочь,
Иначе станет до венца вдовою ваша дочь.

Коль с нами поведёте вы разговор мечом,
Раскаяться придётся мне поневоле в том,
Что вас я чтил глубоко, во всём вам доверял
И в жёны вашу дочь, маркграф, поэтому избрал».

Бехларенец ответил: «Коль всемогущий Бог
Сподобит вас вернуться на Рейн в свой час и срок,
Мой грех не вымещайте на дочери моей
И, невзирая ни на что, оставайтесь верны ей».

Млад Гизельхер промолвил: «Я ей не изменю,
Но если нападёте вы на мою родню
И тех, кто жив покуда, начнёте убивать,
Придётся с вашей дочерью и с вами мне порвать».

«Так пусть нас Бог рассудит!» – вскричал маркграф с тоской
И поднял щит, готовясь вести дружину в бой,
И начал подниматься по лестнице к дверям,
Но Хаген сверху закричал бехларенским бойцамз

«Не торопитесь кровью оружие обогреть.
В последний раз мы с вами хотим поговорить,
Пока не перебили нас всех до одного,
Хоть, право, пользы Этцелю не будет от того».

Муж Гунтера прибавил: «Я сильно озабочен.
Как ни широк и звонок, как ни тяжёл и прочен
Тот щит, что Готелиндой мне в дар преподнесён,
Но гуннских копий и мечей не выдержал и он.

Вот если б соизволил ты, Господи всезрящий,
Чтоб Рюдегер достойный мне отдал щит блестящий,
Который он на локоть так ловко нацепил,
С таким прикрытьем я бы в бой и без брони вступил».

«Его тебе, мой Хаген, я сам вручил давно бы,
Когда б не знал, что это вселит в Кримхильду злобу.
А впрочем, для чего мне теперь её любовь?
Возьми мой щит³⁴⁵ – Бог даст, на Рейн ты с ним вернёшься
вновь».

У многих покраснели глаза от жарких слёз,
Когда свой щит воитель так щедро преподнёс
Тому, с кем было биться приказано ему.

³⁴⁵ *Возьми мой щит...* – Будучи вассалом Кримхильды и дав ей обещание бороться на её стороне, Рюдегер – образцовый рыцарь – не способен отречься от своей госпожи. Его минутное колебание перед передачей щита Хагену объясняется тем, что он таким образом помогает своему врагу. Самый же этот жест символизирует его героическую позицию перед лицом судьбы. См. реакцию присутствующих – строфа 2197 след.

Не делал больше он с тех пор подарков никому.

На что владетель Тронье был грозен и суров,
Но и его, как прочих бургундских удалцов,
Бехларенец глубоко растрогал и потряс
Своим великодушием в предсмертный грозный час.

Сказал маркграфу Хаген: «О, доблестный боец,
Пускай за благородство тебе воздаст Творец!
Никто с тобой на свете в радушье не сравнится,
И память о твоих делах навеки сохранится.

Как сознавать мне больно, что мы – враги отныне!
И без того довольно с нас горя на чужбине,
А тут ещё с друзьями придётся драться нам».
Ответил Рюдегер: «Скорблю об этом я и сам».

«Я разочтусь немедля с тобой за щедрый дар,
И как бы ни был нынче твой натиск лют и яр,
Пусть даже ты всех рейнцев до одного убьёшь,
Меч на тебя, мой Рюдегер, не подниму я всё ж».

Учтиво поклонился бехларенец в ответ.
Заплакали бургунды, поняв – надежды нет.
Неотвратима схватка, в которой смерть найдут
И много вормсцев, и маркграф, всех доблестей сосуд.

Из зала сверху крикнул ему скрипач лихой:
«Коль обещал не трогать вас сотоварищ мой,
Вам, Рюдегер, я тоже не причиню вреда.
У вас за ласковый приём в долгу мы навсегда.

Я вот о чём прошу вас сказать своей жене:
Браслеты золотые она вручила мне,
Велев, чтоб их у гуннов носил я в честь её:
Смотрите – обещание я выполнил своё».

Маркграф на это молвил: «Дай Бог ещё не раз
Моей супруге милой почтить подарком вас,
А я про вашу верность ей, Фолькер, расскажу,
Коль голову в сражении сегодня не сложу».

Герою-музыканту такую клятву дав,
Воспламенился духом и поднял щит маркграф.
Взбежал он по ступеням и на гостей напал.
По богатырски Рюдегер удары рассыпал.

Как Хаген, так и шпильман, чтоб не нарушить слово,
Подальше отступили от витязя лихого,
Но и без них там было так много смельчаков,
Что нелегко бехларенцу пришлось в толпе врагов.

Ему ворваться Гунтер и Гернот дали в дом,
Чтоб за порогом зала покончить с храбрецом.

Лишь Гизельхер старался к нему не подходить,
Надеясь и себя спасти, и тестя пощадить.

В отваге состязаясь с владыкою своим,
Дружинники маркграфа спешили вслед за ним.
Сверкали и свистели их острые клинки,
И от ударов лопались щиты и шишаки.

Хоть долгий бой изрядно бургундов утомил,
У них для новой схватки ещё хватило сил.
Мечами пробивали они броню насквозь.
Немало славных подвигов свершить им довелось.

Как только в зал успели бежаренцы вбежать,
Взялись скрипач и Хаген врагов уничтожать.
В той схватке не щадили герои никого,
Стараясь лишь не поразить маркграфа самого.

Не видел мир поныне второй такой резни.
Трещали, разрываясь, подшитные ремни,
И со щитов камня летели в кровь и грязь,
И дико лязгали мечи, о панцири щербясь.

Маркграф не ведал страха и первым шёл туда,
Где злей всего кипела кровавая страда.
Наглядно доказали дела богатыря,
Что он за храбрость был молвой превознесён не зря.

Как Гунтер, так и Гернот отважно бой вели.
Бежаренцев нещадно рубили короли,
А Гизельхер и Данкварт сражались так с врагом,
Что стал злосчастный этот день для многих Судным днём.

Но Рюдегер достойный не отставал от них,
Без счёта истребляя бургундов удалых,
Чем был один из рейнцев так сильно разъярён,
Что смертный час бежаренца решил приблизить он.

Вскричал могучий Гернот – так звался рейнец тот:
«Мне, Рюдегер, терпенья уже недостаёт
Смотреть на то, как косит моих мужей ваш меч.
Я вижу, смерти вы нас всех намерены обречь».

Столь многим нашим людям вы принесли кончину,
Что я подарком вашим убить вас не премину.
Ко мне оборотитесь, чтоб рассчитаться мог
Я с вами за полученный в Бежарене клинок».

На многих яркий панцирь от крови потемнел,
Пока маркграф добратся до Гернота сумел,
И всё ж, до славы жадны, они вступили в бой,
Щиты свои надёжные держа перед собой.

Однако не укрыться им было за щитами –

Любую сталь герои могли пробить мечами.
Сквозь шлем удар смертельный маркграф нанёс врагу,
Но не остался и король у недруга в долгу.

Взметнул над головою он Рюдегеров дар
И, кровью истекая, нанёс такой удар,
Что меч завязки шлема рассёк, пройдя сквозь щит,
И удалец бехларенский был наповал убит.

От сотворенья мира до нынешних времён
Даритель не был хуже за щедрость награждён.
С маркграфом рядом рухнул его недавний враг,³⁴⁶
И Хаген, это увидав, в сердцах промолвил так:

«Безмерную утрату сегодня понесли мы:
Смерть двух таких героев – ущерб непоправимый.
Вот и пускай залогом расплаты за него
Останутся бехларенцы здесь все до одного».

Воскликнул Гунтер: «Горе! Мой милый брат угас.
Все мыслимые беды обрушились на нас.
И Рюдегера тоже мне вечно будет жаль.
Постигла обе стороны великая печаль».

Когда о смерти брата млад Гизельхер узнал,
Пришлось куда как худо тем, кто ворвался в зал.
Такую там дружину смерть набрала себе,
Что ни один бехларенец не уцелел в борьбе.

А после Хаген, Данкварт, и Фолькер из Альцаля,
И Гизельхер, и Гунтер, оружием бряцая,
Пошли туда, где Гернот с маркграфом полегли,
И слёзы у богатырей от скорби потекли.

«Смерть, – Гизельхер промолвил, – крадёт у нас друзей.
Но осушите слёзы, и встанем у дверей,
Чтоб ветер наши брони немного остудил.
Увы, сегодня умереть Господь всем нам судил».

Остались вновь без дела бургундские вассалы.
Кто прислонился к стенке, кто сел на что попало,
И удивился Этцель, что в зале шум утих –
Ведь он не знал о гибели бехларенцев лихих.

Разгневалась Кримхильда: «Хорош у нас слуга!
Честь короля ни капли ему не дорога.
Нет, Рюдегер не только не покарал врагов,
Но и без боя отпустить их всех на Рейн готов.

Напрасно не скупилась мы на дары ему.

³⁴⁶ С маркграфом рядом рухнул его недавний враг... – Рюдегер умер славной смертью: от руки короля, который и сам был им сражён (ср. строфу 2302).

Неверен оказался он долгу своему
И с нашими гостями пошёл на мировую».
На это Фолькер сверху дал ей отповедь такую:

«К несчастью, вы ошиблись, и я сказал бы вам,
Не будь грешно за лгуний считать столь знатных дам,
Что Рюдегера нынче вы низко оболгали.
Нам мира ни его мужи, ни он не предлагали.

Маркграф приказ так честно старался исполнять,
Что смерть со всей дружиной пришлось ему принять.
Искать слугу другого я вам совет даю –
Свой долг исполнил до конца бехларенец в бою.

Сейчас вы убедитесь, что Рюдегер сражён».
И труп на зло Кримхильде к дверям был принесён,
Чтоб Этцель мог увидеть его бескровный лик.
Впервые гуннскую страну такой удар постиг.

Едва ли мы сумеем вам передать словами,
Как обливались дамы и витязи слезами,
Какой жестокой болью терзатась их сердца,
Когда им был показан прах усопшего бойца.

Рыдала королева, от горя побледнев,
А разъярённый Этцель, рыча, как грозный лев,
И повергая в трепет всех, кто стоял кругом,
Скорбел во всеуслышанье о леннике своём.

Авентюра XXXVIII О том, как были перебиты дружинники Дитриха

Стенаньями и плачем был оглашён дворец.³⁴⁷
Один из храбрых бернцев услышал наконец,
Как гунны причитают и льют потоки слёз.
Об этом воин Дитриху немедленно донёс.

Сказал он господину: «Спешу вам доложить,
Что, хоть пришлось довольно на свете мне пожить,
Таких истошных воплей не слышал никогда я.
Боюсь, что с нашим королём стряслась беда большая.

Он иль жены лишился, иль сам в бою убит.
С чего б иначе плакать всему двору навзрыд?
Наверно, зла немало понатворили гости,
Коль стонут гуннские мужи от горя и от злости».

³⁴⁷ Стенаньями и плачем был оглашён дворец. – Слёзы и горестные вопли входили в обязательный ритуал при смерти и погребении героя.

Ответил витязь бернский: «Не будь в сужденьях скор.
Быть может, ты выносишь пришельцам приговор
За грех, свершённый теми, кто их втянул в беду.
Я обещал бургундам мир и слово соблюду».

Воскликнул смелый Вольфхарт: «Я выпросить берусь,
Что гуннов повергает в такую скорбь и грусть;
Когда же разужнаю, о чём они вопят,
С известьями, мой государь, к вам поспешу назад».

На это Дитрих молвил: «Где всё кипит враждой,
Там праздные расспросы кончаются бедой –
Лишь пуще раздражают они бойцов всегда.
Вы, Вольфхарт, вспылчивы, и вам нельзя идти туда».

Он приказал, чтоб Хельфрих шёл ко двору скорей
И вызнал у хозяев иль даже у гостей,
Кто вверх всех гуннов разом в отчаянье такое,
Что их стенания полны безмерною тоскою.

Спросил гонец у гуннов: «Чем вы удручены?»
Один из них ответил: «Отрада всей страны,
Любимец государя и каждого из нас,
Убит маркграф бежларенский бургундами сейчас».

С ним вся его дружина легла на поле чести».
Вовек не слышал Хельфрих печальнее известья.
Слезами обливаясь, подавлен, потрясён,
Пришёл со страшной новостью к владыке Берна он.

Спросил вассала Дитрих: «Что вы узнали там
И по какой причине в слезах вернулись к нам?»
Промолвил Хельфрих: «Можно ль не исходить слезами,
Коль добрый Рюдегер сражён бургундскими бойцами?»

Вскричал властитель бернский: «Пусть грех простит им Бог!
Их на такое дело толкнуть лишь дьявол мог.
Чем заслужил покойный столь горестный удел?
Ведь он же вормсцев так любил и так о них радел».

Вскипел отважный Вольфхарт: «Коль вправду он убит,
С лихвой дружина наша за смерть его отметит,
Иначе люди скажут, что предан нами друг –
Немало добрый Рюдегер нам оказал услуг».³⁴⁸

Владыка амелунгов уселся у окна.
Решив узнать сначала, на ком лежит вина,
А уж потом виновных к ответу призывать,
Он Хильдебранда с рейнцами послал потолковать.

³⁴⁸ Немало добрый Рюдегер нам оказал услуг. – Согласно сказанию о Дитрихе, Рюдегер выступал посредником между ним и Этцелем.

Братъ Хильдебранд с собою не стал ни щит, ни меч:
По-дружески с гостями вести хотел он речь,
Но этим так разгневан был сын сестры его,
Что даже накричал в сердцах на дядю своего.

Рек Вольфхарт: «Коль придёте вы к рейнцам без брони,
Вас примут неучтиво, и высмеют они,
И от себя с позором прогонят, может быть;
А коль в доспехах явитесь, вам не дерзнут грубить».

И внял старик советам горячего юнца.
Едва вооружиться успел он до конца,
Как бернцы окружили его со всех сторон.
Был этим Хильдебранд седой немало удивлён.

Он их спросил: «Куда вы с мечами наголо?» –
«Пусть видит дерзкий Хаген, как много нас пришло,
Иначе он обидит и вас насмешкой злою».
И согласился взять старик соратников с собою.

Заметил смелый Фолькер, из зала бросив взор,
Что Дитриховы люди пересекают двор –
Щиты у них на локте, мечи блестя в руках,
И королей предупредил скрипач в таких словах:

«Подходят к залу бернцы, и мнится мне, вражда,
А не стремленье к миру их привела сюда,
Иначе бы доспехи им были не нужны.
Боюсь, и с ними будем мы затеять бой должны».

Едва отважный шпильман всё это досказал,
Как Хильдебранд с дружиной пришёл ко входу в зал,
На землю щит поставил и закричал гостям:
«Богатыри, что Рюдегер худого сделал вам?»

Мне господин мой Дитрих велел спросить у вас,
Не ложное ль известье он получил сейчас
И правда ли, что вами маркграф убит в бою.
Коль это так, нам не избыть до смерти скорбь свою».

Сказал владетель Тронье: «Известие правдиво,
Хоть я б желал, чтоб ложью его считать могли вы,
А Рюдегер достойный остался жив и цел
И не пришлось оплакивать нам всем его удел».

Когда известно стало, что впрямь маркграф убит,
Все Дитриховы люди заплакали навзрыд.
Текли у бернцев слёзы со щёк, бород, усов.
Унынье преисполнило сердца лихих бойцов.

Промолвил герцог Зигштаб, один из их числа:
«Отраду нашу битва навеки унесла.
Пал тот, кто кров и пищу давал нам в дни изгнанья.

До срока меч врага прервал его существованье».

Сказал печально Вольфвин, бесстрашный удалец:
«Когда б сражён сегодня был мой родной отец,
Я и тогда навряд ли скорбел бы так душой.
Не вынести его жене утраты столь большой».

Могучий Вольфхарт гневно воскликнул в свой черёд:
«Кому теперь придётся вести войска в поход,
Как их водил когда-то бехларенский маркграф?
Нас, амелунгов, навсегда осиротил он, пав».

От этих слов заплакал он сам ещё сильней,
С ним – Хельфрих, Вольфбранд, Хельмнот и много их друзей,
А Хильдебранд бургундам, рыдая, возгласил:
«Молю вас сделать то, о чём наш государь просил.

Велите труп из зала к порогу принести,
Чтоб мы могли оплакать и с честью погresti
Того, кто свято верность хранил друзьям своим –
И нам, лишённым родины, и вам, и остальным.

Мы, бернцы, здесь чужие, и он чужим был тоже.³⁴⁹
Поэтому нам в просьбе отказывать негоже.
Должны, хотя б по смерти, маркграфу мы воздать
То, что от нас он вправе был при жизни ожидать».

Державный Гунтер молвил: «Хвала и честь тому,
Кто и по смерти друга готов служить ему.
Мы, люди, умираем, а верность – никогда.
Почтите же усопшего – был добр он к вам всегда».

Но тут вмешался Вольфхарт: «Просить нам надоело.
Извольте-ка, бургунды, немедля выдать тело.
Оплот и радость нашу убили вы в сраженье,
Так не мешайте хоть предать маркграфа погребенью».

Скрипач ему: «Не ждите от нас таких услуг.
Возьмите тело сами, коль нужен вам ваш друг –
Лежит, в крови купаясь, он недвижимо здесь.
Вот этим и окажете вы Рюдегеру честь».

С трудом сдержался Вольфхарт и так сказал в ответ:
«Уймись! Нашу рану вам растравлять не след.
За грубость, сударь шпильман, воздал бы я с лихвой,
Не запрети нам Дитрих наш вступать с гостями в бой».

Промолвил Фолькер бернцу: «Блюдёт запреты тот,
Кому их малодушьё нарушить не даёт,³⁵⁰

³⁴⁹ Мы, бернцы, здесь чужие, и он чужим был тоже. – Горе бернцев усугубляется тем, что Рюдегер пал не на родине. Во всем этом отрывке неоднократно повторяется слово *ellende* – «гость», «изгнанник», «странник». В державе Этцеля «чужаками» чувствовали себя и бернцы, и бехларенцы, и бургунды.

И я отнюдь героем не назову его».
Одобрил Хаген от души речь друга своего.

Могучий бернец вспыхнул: «Горазды вы шутить,
Но ваш язык сумею я так укоротить
И так расстроит скрипку вам мой клинок булатный,
Что вы меня попомните, прибыв на Рейн обратно».

Ответил Фолькер: «Будьте уверены вполне,
Что если струны скрипки расстроите вы мне,
То, прежде чем вернусь я на Рейн родимый вновь,
Ваш ныне столь блестящий шлем покроет ржою кровь».

Племянник Хильдебранда рванулся к двери в зал.
По счастью, дядя силой задиру удержал.
«Как видно, ты рехнулся, коль обнажаешь меч.
Ведь это может на тебя гнев Дитриха навлечь».

«Пустите льва на волю, – опять съязвил скрипач. –
Вам, старец, с ним не сладить – он чересчур горяч.
Но как бы смел он ни был, я так его приструню,
Что заречётся у меня он похваляться втуне».

Поносными словами был бернец разъярён.
Себя щитом надёжным прикрыл поспешно он
И шпильману навстречу помчался, словно лев.
Пустились вслед за ним друзья, придя в великий гнев.

Как ни был Вольфхарт молод, проворен, полон сил,
А всё же старый дядя его опередил³⁵¹
И первым устремился по лестнице к дверям.
Вот так был амелунгами навязан бой гостям.

Скрестили грозный Хаген и Хильдебранд клинки.
Неукротимой злобой пылали смельчаки.
Звенели и трещали щиты в руках у них,
И красный ветер поднялся от их мечей стальных.

Но в этом поединке взять верх никто не смог:
Противников с собою унёс людской поток,
И проложить друг к другу не удалось им путь.
Меж тем схватились музыкант и Вольфхарт грудь на грудь.

Неустрашимый бернец рубнул бургунда так,
Что вплоть до самых стяжек рассёк на нём шишак;
Но тут удар ответный нанёс скрипач мечом,

³⁵⁰ *Кому их малодушие нарушить не даёт...* – Намёк на трусость автоматически вызывает самую бурную реакцию. Так незначительная поначалу словесная перепалка, вызванная несдержанностью юного Вольфхарта, ведёт к роковому столкновению бернцев с бургундами.

³⁵¹ *А все же старый дядя его опередил...* – Хотя Хильдебранд был против ссоры с бургундами, в тот момент, когда он убедился в неизбежности боя, он становится во главе дружины.

И искры из брони врага посыпались дождём.

Безудержная ярость кипела в их сердцах.
Дымились от ударов кольчуги на бойцах.
Но смелый бернец Вольфвин их развести сумел.
Кто встал меж двух таких врагов, тот в самом деле смел.

Пример радушья Гунтер в тот день являл собой:
С любым из амелунгов был рад вступить он в бой;
А Гизельхер и брата бесстрашьем затмевал:
Он шишаки десятками на бернцах разбивал.

Сын Альдриана Данкварт был мужествен всегда.
Немало гуннам сделал и раньше он вреда,
Но всё ж ни с чем сравниться не может тот урон,
Который братом Хагена был бернцам нанесён.

Шли Ритшард, Гербарт, Хельфрих и Вихарт на врага
Так, словно бы нисколько им жизнь не дорога.
Бросался Вольфбранд в сечу, круша, разя, рубя.
Отвагой бернцы превзошли тогда самих себя.

В глазах у Хильдебранда сверкал безумный гнев.
С ним рядом бился Вольфхарт, вконец рассвирепев,
И не один из вормсцев простёрся, недвижим.
Так мстили люди Дитриха за Рюдегера им.

Сражался герцог Зигштаб едва ль не всех храбрей.
Ах, сколько добрых шлемов он сшиб с богатырей!
Да, много гордых рейнцев до срока и поры
Убил сей ленник Дитриха и сын его сестры.

Заклокотала ярость в груди у скрипача,
Когда увидел Фолькер, как Зигштаб бьёт сплеча
И по кольчугам вормсцев ручьями кровь течёт.
Он подскочил к противнику, и герцог в свой черёд

Изведал, сколь искусен бургунд в науке ратной.³⁵²
Взметнул могучий шпильман высоко меч булатный,
И дух отважный бернец на месте испустил,
Но старый Хильдебранд врагу за друга отомстил.

«Увы! – вскричал воитель. – Соратник дорогой,
Тебя свирепый Фолькер сразил своей рукой,
Но у меня сегодня и он не минет гроба».
Вовеки не был Хильдебранд столь преисполнен злобы.

На шпильмана низвергся такой удар клинка,
Что расскочились стяжки щита и шишака.
Осколками стальными вокруг покрылся пол.

³⁵² *Изведал, сколь искусен бургунд в науке ратной.* – Здесь опять, как не раз в «Песни о нибелунгах», владение Фолькера мечом приравнивается к владению смычком.

Плашмя упал лихой скрипач, затаил и отошёл.

В ряды бургундов бернцы врубались вновь и вновь.
Из рассечённых шлемов ключом хлестала кровь.
Блестящие кольчуги на витязях рвались.
Куски мечей изломанных, свистя, взлетали ввысь.

Была потеря друга для Хагена стократ
Страшней и тяжелее всех остальных утрат,
Хоть их герой немало понёс в чужом краю.
О, как за сотоварища он отомстил в бою!

«Вон верный мой сподвижник и лучший друг лежит.
Он старым Хильдебрандом повержен и убит,
Но рук моих убийце теперь не миновать».
Повыше Хаген поднял щит и в бой вступил опять.

Неустршимый Данкварт был Хельфрихом сражён,
И хоть успел пред смертью с врагом расчесться он,
Млад Гизельхер и Гунтер слезу смахнули с глаз,
Увидев, что такой боец безвременно угас.

Уж в третий раз по залу шёл из конца в конец
Племянник Хильдебранда, могучий удалец,
Направо и налево удары нанося
И рейнцев на своём пути безжалостно кося.

Щит Гизельхер поправил и бернцу молвил так:
«Я вижу, мне попался весьма опасный враг.
Оборотись-ка, Вольфхарт, коль ты и вправду смел.
Твоим бесчинствам положить давно пора предел».

Оборотился Вольфхарт в ответ на эту речь
И к королю бургундов пошёл, вздымая меч.
Был шаг его столь тяжек, что из-под ног бойца
Взлетали струи крови вверх, до самого лица.

Но сын пригожей Уты не дрогнул пред врагом.
Млад Гизельхер так ловко орудовал мечом,
Что с ним и бернцу было не сладить в рукопашной.
Вовек столь юный государь не дрался столь бесстрашно.

На Вольфхарте кольчугу клинок его пробил,
И амелунг могучий смертельно ранен был.
Залился кровью алой он с головы до ног.
Удар подобный нанести лишь истый витязь мог.

Когда почуял бернец, что смерть ему грозит,
Он от себя отбросил уже ненужный щит
И с силою такую нанёс удар сплеча,
Что шлем и панцирь короля рассёк концом меча.

Бок о бок с Гизельхером простёрся враг его.
Из бернцев не осталось в живых ни одного.

Лишь Хильдебранда минул печальный их удел.
Как горько старый богатырь о Вольфхарте скорбел!

Всех спутников и Гунтер в той сече потерял.
Загромождали трупы залитый кровью зал.
Отыскан Хильдебрандом племянник был меж них.
Сжал дядя с плачем витязя в объятиях своих.

Сородича он поднял и с ним к дверям пошёл,
Но сразу рухнул наземь – тот слишком был тяжёл.
Тут полумёртвый Вольфхарт, придя в себя на миг,
Увидел, как его спасти пытается старик.

Он молвил: «Мне не властен уже никто помочь,
И вы, любезный дядя, бегите лучше прочь,
Чтоб не нанёс вам Хаген ущерба и вреда.
Поверьте, пуще прежнего пылает в нём вражда.

Родне моей велите не горевать напрасно:
От слёз мертвец не встанет, – а смерть моя прекрасна! –
Ведь я на поле чести нашёл себе конец,
И победил меня король, а не простой боец.³⁵³

К тому ж я не остался в долгу у пришлецов.
Из-за меня поплачет на Рейне много вдов,
И если люди спросят вас о моей кончине,
Ответьте, что один прервал я сотню жизней ныне».

Но тут припомнил Хаген, кем Фолькер был сражён,
И Хильдебранду крикнул с угрозой гневной он:
«Сведу я счёты с вами за скорбь свою сейчас.
Немало славных воинов вы отняли у нас».

Ударил Хильдебранда он Бальмунгом стальным, –
Тот меч ему достался в лесу, где Зигфрид им
Предательски заколот был давнею порой, –
Но старый бернец не сробел и смело принял бой.

Муж Дитриха обрушил на недруга клинок,
Который был на диво остёр, тяжёл, широк.
Однако Хаген смерти на этот раз избег,
Остался невредим и сам броню врага рассёк.

Почувствовав, что сильно он Бальмунгом задет
И на победу в схватке надежды больше нет,
Зияющую рану старик рукой зажал
И, щит закинув за спину, из зала убежал.

Из всех, кто там сражался, лишь двое были целы³⁵⁴ –

³⁵³ *И победил меня король, а не простой боец.* – Смерть от руки короля считалась почётной.

³⁵⁴ *Из всех, кто там сражался, лишь двое были целы...* – Подготавливая заключительную сцену эпопеи, поэт оставляет в живых из бургундов лишь Гунтера и Хагена; Дитрих и Этцель не участвовали в бою, Хильдебранду

Король бургундский Гунтер и Хаген, витязь смелый,
И к Дитриху из Берна с известием о том
Спешил его седой слуга, израненный врагом.

Владыка амелунгов был мрачен и угрюм.
Когда ж его внимание привлёк внезапный шум
И, весь покрытый кровью, беглец предстал ему,
С тревогой задал он вопрос вассалу своему:

«Скажите, как случилось, что с головы до пят
Обагрены вы кровью? Кто в этом виноват?
У вас с гостями стычка, наверно, вышла всё же,
Хоть говорил я, что вступать вам с ними в бой негоже».

И Хильдебранд признался: «Лишь этот чёрт из Тронье³⁵⁵
Виновен в понесённом сегодня мной уроне.
Я Хагеном был ранен, когда хотел уйти.
Не знаю сам, как удалось мне ноги унести».

Властитель бернский молвил: «Заслуженная кара!
Благодарите Бога, что вы годами стары,
Не то и сам убил бы я вас без разговору.
Я мир бургундам обещал, а вы ввязались в ссору».

«Мой государь, простите вассала своего.
Хлебнули горя ныне мы все и без того.
Просил я вормсцев выдать труп Рюдегера нам,
Но так и не склонили слух они к моим мольбам».

«Выходит, это правда, что Рюдегера нет?
Как горько, что покинул он нас во цвете лет
И мужа Готелинда отныне лишена!
Сестра двоюродная мне по матери она».

При мысли, что соратник и друг его убит,
С собой не сладил Дитрих – заплакал он навзрыд.
«Увы, мой благодетель, покинут я тобой
И должен о тебе скорбеть до сени гробовой!

Мне, Хильдебранд, скажите, от чьей руки жестокой
Пал Рюдегер отважный до времени и срока».
Старик ответил: «Гернот мечом его убил,
Но смерти в свой черёд и сам маркграфом предан был».

Сказал на это Дитрих: «Тогда я в зал пойду
И счёты за обиду с бургундами сведу.
К оружию призовите моих богатырей
И прикажите мой доспех подать мне поскорей».

одному удаётся спастись из всех бернцев.

³⁵⁵ ...этот чёрт из Тронье... – Невероятная мощь Хагена заставляет Хильдебранда думать, что его противник защищён дьяволом.

Но Хильдебранд промолвил: «Кто ж явится на зов,
Коль больше не осталось теперь у вас бойцов?
Из всей дружины вашей лишь я один в живых».
Был Дитрих смел, но задрожал и он от слов таких.

Страшной удара витязь не получал вовек.
Он застонал: «Ах, Дитрих, несчастный человек,
Ты стал, король недавний, последним бедняком!
Всех подданных лишился ты, отринутый Творцом.

Но как могло случиться, – воскликнул он опять, –
Что удалось пришельцам победу одержать?
Ведь их не обессилить столь долгий бой не мог.
Наверно, за мои грехи меня карает Бог.

Но раз уже мне выпал столь горестный удел,
Скажите, кто из вормсцев в сражение уцелел». –
«Клянусь Царём небесным, – рек Хильдебранд в ответ, –
В живых лишь Гунтер с Хагеном, всех прочих – больше нет».

«Увы! На свет я, видно, в недобрый час рождён.
Погиб могучий Вольфхарт – бургундом он сражён.
Где Вольфбранд, Зигштаб, Вольфвин, и с кем теперь верпу
Себе я амелунгскую родимую страну?

Отважный Хельфрих, Гербарт и Вихарт тоже пали.
До смерти не избуду я скорби и печали.
Не знать отрады в жизни мне с нынешнего дня,
Ах, лучше б вместе с ними смерть скосила и меня!»

Авентюра XXXIX **О том, как Дитрих бился с Гунтером и Хагеном**

Поднялся Дитрих с места, доспехи сам достал,
И в них ему облечься помог старик-вассал.
Так сокрушался бернец и в горе был таким,
Что от стенаний витязя дрожмя дрожал весь дом.

Но, с силами собравшись, он овладел собой,
Надел на левый локоть свой добрый щит стальной
И вместе с Хильдебрандом отправился туда,
Где с бернскою дружиною произошла беда.

«Спешит, – промолвил Хаген, – к нам Дитрих через двор,
И у него от гнева огнём пылает взор.
Он был обижен нами и мщенья вождедеет.
Вот мы сейчас и поглядим, кто в схватке одолеет.

Хотя правитель Берна на вид несокрушим,

Известен повсеместно бесстрашием своим
И нам за смерть вассалов мечтает отомстить,
Я всё ж отважусь с ним в бою оружие скрестить».

Той речи бернцы вняли ещё издалека –
Во двор из зала вышли два рейнца-смельчака
И там, к стене прижавшись, стояли у дверей.
Поставил Дитрих наземь щит и глянул на гостей.

Затем возвысил голос: «Я знать хочу, король,
За что же причинили вы мне такую боль.
Изгнанник я бездомный, живу в краях чужих,
А вы меня лишаете всех радостей моих.³⁵⁶

С вас, вормсцев, было мало, что Рюдегер, наш друг,
Наш давний благодетель, погиб от ваших рук.
Вы всех моих вассалов убили сверх того,
Хотя не сделал вам, король, я ровно ничего.

А вы ведь испытали и сами на себе,
Как тяжело и горько друзей терять в борьбе,
Как после их утраты душа у нас болит.
Ах, до чего же грустно мне, что Рюдегер убит!

Людей, меня несчастней, ещё не видел свет,
Но до чужой печали вам, рейнцы, дела нет.
Моих бойцов отборных вы в сече истребили,
И перестану слёзы лить о них я лишь в могиле».

«Не так уж мы виновны, – вскричал владетель Тронье. –
Нас вынудили бернцы сегодня к обороне –
Они вломились сами с оружием в этот зал.
Вам кто-то о случившемся неправду рассказал».

«Но Хильдебранд клянётся, что амелунги вас
Труп Рюдегера выдать просили много раз,
А вы лишь насмехались над слёзной их мольбой.
Могу ль я допустить, что лжёт мне мой вассал седой?»

«Нет, с вами был он честен, – признался Гунтер смело, –
Но верьте, что не выдал я вашим людям тело,
Чтоб Этцеля – не бернцев задеть и оскорбить.
Всё б обошлось, когда б не стал ваш Вольфхарт нам грубить».

«Пусть так, – ответил Дитрих, – но долг и честь велят,
Чтоб за беду платился тот, кто в ней виноват,
И если ты со мною желаешь примиренья,
Изволь сейчас же, Гунтер, дать мне удовлетворенье.

Коль ты с вассалом вместе согласен сдаться мне,³⁵⁷

³⁵⁶ А вы меня лишаете всех радостей моих. – Дружина для вождя – утешение, отрада, равно как и он для неё.

За вашу безопасность ручаюсь я вполне.
 Не подпущу я гуннов к заложникам моим,
 Надёжнейшим защитником и другом буду им».

Воскликнул Хаген: «Боже, спаси нас и помилуй!
 Пока мы невредимы, не оскудели силой
 И дать отпор достойный способны всем врагам,
 Два столь могучих воина в плен не сдадутся вам».

На это Дитрих молвил: «Не говорите так.
 Ведь по вине бургундов, хотя им был не враг,
 Всего лишился в жизни я с нынешнего дня,
 И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаградить меня.³⁵⁸

Рукой моею правой и честью вам клянусь,
 Что лично вас доставить на Рейн не поленюсь,
 Что раньше сам погибну, чем вред вам дам нанести,
 И не взыщу с вас за ущерб, мне причинённый днесь».

Владетель Тронье бросил: «Не тратьте время даром.
 Здесь не возьмёте пленных вы с Хильдебрандом старым –
 Постигнет нас бесчестье, коль разнесётся слух,
 Что убоялись мы врагов, притом всего лишь двух».

Тут Хильдебранд вмешался: «Клянусь Творцом небесным,
 Мой государь явился к вам с предложеньем лестным.
 Пойти на мир почётный должны вы, Хаген грозный,
 Пока уладить всё добром ещё отнюдь не поздно».

«Да, – усмехнулся Хаген, – куда почётней сдаться,
 Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться,³⁵⁹
 Как сделали вы нынче, прервав наш бранный спор,
 Хоть смельчаком вас, Хильдебранд, считал я до сих пор».

«Вот вы, – старик ответил, – смеётесь надо мной,
 А кто под Васкенштайном,³⁶⁰ забыв свой долг прямой,
 В бой с Вальтером Испанским вступить не захотел,
 На щит уселся и с него на смерть друзей глядел?»

«Молчите! – крикнул Дитрих седому удальцу. –

³⁵⁷ *Коль ты с вассалом вместе согласен сдаться мне...* – Дитрих столь великодушен, что отказывается от мести за причинённый ему ущерб. Взяв Гунтера и Хагена заложниками, он избавил бы их от мести Кримхильды.

³⁵⁸ *И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаградить меня.* – Дитрих считает, что, сдавшись ему, бургунды не проявили бы трусость, но воздали бы ему должное.

³⁵⁹ *...куда почётней сдаться, // Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться...* – Хаген опять, как не раз прежде, провоцирует противника на бой, обвиняя его в трусости.

³⁶⁰ *А кто под Васкенштайном...* – аллюзия на поэму «Вальтарий»: Хаген отказывается сражаться на стороне короля Гунтера против своего друга Вальтера и, усевшись на щит, демонстрирует тем самым собственное миролюбие. См. прим. к строфе 1756. Васкенштайн находился в Вогезском лесу.

Браниться, как старухам, мужчинам не к лицу.
Вы, Хильдебранд, отныне не раскрывайте рот –
С меня довольно и без вас печали и забот».

А Хагену он молвил: «О чём, у зала стоя,
Вы с королём беседу вели между собою,
И правильно ль расслышал я, подходя к дверям,
Что силами померяться со мной угодно вам?»

«Я впрямь, – признался Хаген, – так говорил недавно.
Пока мне верно служит меч нибелунгов славный,
Я с вами потягаться согласен хоть сейчас.
Гневлюсь я, что в заложники вы взять хотели нас».

Увидев по ответу, что схватка предстоит,
Проворно бернец поднял с земли свой добрый щит,
И Хаген тут же прыгнул на недруга с крыльца.
Меч нибелунгов засверкал в руках у храбреца.

Смекнул могучий Дитрих, что сильно Хаген зол,
И с превеликим тщаньем опасный бой повёл,
Стараясь понадёжней стальным щитом прикрыться.
Он знал, как страшен враг его, коль скоро разъярится.

Сообразив, сколь Бальмунг широк, тяжёл, остёр,
Он избегал сходить с противником в упор
И, лишь когда почуял, что тот не сладит с ним,
Бургунду рану тяжкую нанёс мечом своим.

«Тебя, – подумал бернец, – усталость доконала.
С тобой покончить просто, да чести в этом мало.
Хочу я, чтоб достался ты, Хаген, мне живой,
И ради этого рискну, пожалуй, головой».

Отбросив щит, он вормсца руками обхватил;
Тот стал сопротивляться, собрав остатки сил,
Но скоро рухнул наземь под натиском его
К безмерному отчаянью владыки своего.

Был Хаген бернцем связан и отведён потом
Туда, где находились Кримхильда с королём.³⁶¹
Она повеселела, увидев, что в плену
Храбрец, который столько зла ей сделал в старину.

В поклоне королева склонилась до земли.
«От смерти и позора вы, Дитрих, нас спасли.
Пусть счастье вам за это сопутствует вовек,
А я по гроб у вас в долгу, бесстрашный человек».

³⁶¹ Был Хаген бернцем связан и отведён... // Туда, где находились Кримхильда с королём. – Так как Хаген отказался отдаться под защиту Дитриха и вступил с ним в бой, одолевший его бернец обращается с ним не как с заложником, а как с пленником и может лишь просить королеву, которой он его передал, не умерщвлять Хагена.

В ответ герой промолвил владычице надменной:
 «Прошу вас, королева, чтоб жив остался пленный.
 Теперь его бояться причины больше нет.
 Пускай живёт и возместит вам причинённый вред».

Она врага велела в темницу отвести,
 Чтоб там, от всех сокрытый, сидел он взаперти.
 Меж тем державный Гунтер взывал у входа в зал:
 «Куда же бернский богатырь, обидчик мой, пропал?»³⁶²

К нему вернулся Дитрих, услышав этот зов.
 Был Гунтер силой равен славнейшим из бойцов.³⁶³
 Отважно устремился навстречу бернцу он,
 И тотчас огласил весь двор клинков булатных звон.

Как ни был бернский витязь могуч, проворен, смел,
 Он лишь каким-то чудом остался жив и цел –
 Так беззаветно Гунтер рубился в том бою,
 Так вымещал на недруге тоску и боль свою.

Мир не знавал доселе подобных силачей.
 Гудел дворец огромный от стука их мечей.
 Старались друг на друге бойцы рассечь шишак,
 И Гунтер доказал, что он доподлинный смельчак.

Но был король измучен, а бернец бодр и свеж.
 Он Гунтера осилил, как Хагена допрежь.
 Пробил кольчугу вормса клинок его меча,
 И хлынула из раны кровь, красна и горяча.

Связал бургунду руки победоносный враг,
 Хоть с государем пленным не поступают так.³⁶⁴
 Но Дитрих знал: коль рейнцев освободить от пут,
 Всех, кто к ним ни приблизится, они вдвоём убьют.

Потом правитель бернский, прославленный храбрец,
 Отвёл свою добычу к Кримхильде во дворец.
 При виде скорби брата забыв печаль и боль,
 Она сказала Гунтеру: «Привет мой вам, король!»³⁶⁵

³⁶² *Меж тем державный Гунтер взывал у входа в зал: // «Куда же бернский богатырь, обидчик мой, пропал?»* – Современному переводчику введение слов «меж тем» необходимо для того, чтобы возвратиться во двор, где Гунтер стоит без дела, ожидая своей очереди сразиться с Дитрихом, – но для средневекового поэта столь же естественно не замечать подобной несуразности: на время схватки между Дитрихом и Хагеном Гунтер просто-напросто был выключен из действия, и теперь автор вполне непринужденно возвращается к нему, лишь наделив Гунтера этим вопросом о запропастившемся противнике.

³⁶³ *Был Гунтер силой равен славнейшим из бойцов...* – Короля Гунтера поэт, следуя иерархическому принципу, оставляет на поле боя последним. Сам Дитрих выступает в заключительной схватке в роли как бы высшего судии всей распри.

³⁶⁴ *Связал бургунду руки победоносный враг, // Хоть с государем пленным не поступают так.* – Переняв из более ранних сказаний тему пленения короля, автор феодальной эпопеи счёл необходимым обосновать столь некуртуазное обращение с ним: в противном случае Гунтер с Хагеном всех перебили бы.

Он молвил: «Поклонился б я вам, моя сестра,
Когда бы вы хотели сородичам добра.
Но приуготовляли вы нам не встречу – мечь.
Недаром плохо приняты и я и Хаген здесь».

Возвысил голос Дитрих: «Вам, госпожа моя,
Заложников презнатных привёл сегодня я.
Доныне в спорах ратных никто не брал таких.
Прошу в награду за труды – оставьте их в живых».

Взяв с королевы слово, что пленных пощадят,
В слезах пошёл воитель³⁶⁶ куда глаза глядят.
Но клятве оказалась Кримхильда неверна –
У двух бургундских витязей жизнь отняла она.

Велела их Кримхильда держать в темнице врозь,
И больше им друг друга узреть не довелось,
Покуда брата смерти сестра не предала
И с головою короля к вассалу не пришла.

Когда владетель Тронье был отведён в тюрьму,
Явилась королева и молвила ему:
«Верните то, что взяли вы у меня когда-то,³⁶⁷
А не вернёте – я велю казнить и вас и брата».

Лишь усмехнулся Хаген: «Не след меня страшать.
Поклялся вашим братьям о кладе я молчать,
Покамест не узнаю, что умерли все трое,
И где он – этого я вам до гроба не открою».³⁶⁸

Она в ответ: «От клятвы освобожу я вас», –
И обезглавить брата велела сей же час,
И к Хагену обратно вернулась поскорей,
Отрубленную голову влача за шёлк кудрей.³⁶⁹

³⁶⁵ При виде скорби, брата забыв печаль и боль // Она сказала Гунтеру: «Привет мой вам, король!» – То есть скорбь брата сняла с её души горе. Кримхильда весьма многозначительно не обращается к Гунтеру как к брату, и он улавливает этот оттенок в её речи.

³⁶⁶ В слезах пошёл воитель... – Поэт удаляет Дитриха со сцены, чтобы тот не был свидетелем убийства Кримхильды. Между тем в более ранней версии королеву карает именно Дитрих, рассекающий её мечом надвое. Теперь же роль палача, кажущаяся недостойной благородного короля, передана Хильдебранду.

³⁶⁷ Верните то, что взяли вы у меня когда-то... – Кримхильда требует отдать ей клад Зигфрида, – эта древняя тема вновь возникает в финале эпопеи. Но здесь золото из материального богатства становится символом: его обладатель – победитель. Кримхильда способна умертвить Хагена, но не сломить его.

³⁶⁸ Лишь усмехнулся Хаген... «...до гроба не открою». – В «Саге о Вэльсунгах» пленённый Гуннар отказывается открыть Атли местонахождение золота, пока не увидит кровавое сердце своего брата Хёгни, а когда ему его приносят, объявляет: «лучше пусть Рейн владеет этим золотом, чем заберут его гунны», и Атли приказывает бросить его в змеиный загон, обрекая на жестокую смерть. См. также «Старшую Эдду».

³⁶⁹ Отрубленную голову влача за шёлк кудрей. – Поступок Кримхильды попирает все принятые нормы и формы и ужасает в равной мере и Хагена, и Этцеля, и Хильдебранда. Обращение к ней Хагена «ведьма» (строфа 2371)

На государя глянул в последний раз вассал,
К Кримхильде повернулся и с вызовом сказал:
«Напрасно ты ликуешь, что верх взяла в борьбе.
Знай: я поставил на своём благодаря тебе.

Погиб державный Гунтер, король моей страны.
Млад Гизельхер и Гернот врагами сражены.
Где клад – про это знаем лишь я да Царь Небес.
Его ты, ведьма, не найдёшь – он навсегда исчез».

Она в ответ: «Остались в долгу вы предо мной.
Так пусть ко мне вернётся хоть этот меч стальной,
Которым препоясан был Зигфрид, мой супруг,
В тот страшный день, когда в лесу он пал от ваших рук».

Из ножен королевой был извлечён клинок,
И пленник беззащитный ей помешать не смог.
С плеч голову Кримхильда мечом снесла ему.
Узнал об этом муж её к прискорбью своему.³⁷⁰

«Увы! – воскликнул Этцель с горячими слезами. –
Убит рукою женской храбрейший меж мужами,³⁷¹
Превосходил отвагой он всех, кто носит щит,
И смерть его, хоть он мой враг, мне совесть тяготит».

А Хильдебранд промолвил: «Себе я не прошу,
Коль за бойца из Тронье сполна не отомщу.
Пусть даже я за это погибну в свой черёд,
Та, кем был обезглавлен он, от кары не уйдёт».

Старик, пылая гневом, к Кримхильде подскочил.³⁷²
Мечом своим тяжёлым взмахнул он что есть сил.
Она затрепетала, издав короткий крик,
Но это ей не помогло – удар её настиг.

Жену владыки гуннов он надвое рассёк.

нужно понимать не как брань, а как адекватную, с точки зрения человека того времени, оценку её сущности.

³⁷⁰ *Узнал об этом муж её к прискорбью своему.* – Неясно, где происходит заключительная сцена эпопеи: во дворе, где Дитрих сражался с Хагеном и с Гунтером, или во дворце, где, видимо, оставался Этцель, или в темнице, куда был заточен Хаген и где Кримхильда его и умертвила.

³⁷¹ *Убит рукою женской храбрейший меж мужами...* – Смерть героя от руки женщины считалась унижительной, и поэтому Этцель горюет в первую очередь из-за способа, которым Хаген был умерщвлён, а не из-за самой его гибели. Согласно «Саге о Тидреке», смертельно раненный Хаген ещё успевает зачать сына, который впоследствии отомстит за него гуннскому королю, заживо погребя его в недрах горы вместе с кладом.

³⁷² *Старик, пылая гневом, к Кримхильде подскочил.* – Убийство женщины рыцарем мыслимо лишь постольку, поскольку она превратилась в «дьяволицу». Показательно, что Этцель не мстит за гибель жены. В «Старшей Эдде» Гудрун мстит Атли за смерть своих братьев: умертвив сыновей от брака с повелителем гуннов, она угощает его их кровью из черепов детей и подносит ему их поджаренные сердца, а затем закалывает Атли. Согласно одной из версий, сама Гудрун остаётся в живых; после странствия по морю она вновь выходит замуж за короля.

Кто обречён был смерти, тот смерти не избег.
Стенал в унынье Этцель, и Дитрих вместе с ним,
Скорбя по славным ленникам и родичам своим.

Бесстрашнейшим и лучшим досталась смерть в удел.
Печаль царила в сердце у тех, кто уцелел.
Стал поминальной тризной весёлый, пышный пир.
За радость испокон веков страданьем платит мир.³⁷³

Сказать, что было дальше, я не сумею вам.
Известно лишь, что долго и дамам и бойцам
Пришлось по ближним плакать, не осушая глаз.
Про гибель нибелунгов мы окончили рассказ.

Das Nibelungenlied

³⁷³ *За радость испокон веков страданьем платит мир.* – Лейтмотив «Песни о нибелунгах», почти буквальное повторение слов строфы 17.

Sie pfl egten drei K önige, edel und reich,
Gunther und Gernot, die Recken ohne Gleich,
Und Geiselher der junge, ein auserwählter Degen;
Ihre Schwester war die Fraue, die Fürsten hatten sie zu pfl egen. (4)

Die Herren waren milde, von Stamm hoch geboren,
Unma ßen kühn von Kräften, die Recken auserkoren.
Das Reich der Burgonden, so war ihr Land genannt,
Sie schufen starke Wunder noch seitdem in Etzels Land. (5)

Zu Worms am Rheine wohnten die Herrn mit ihrer Kraft.
Von ihren Landen diente viel stolze Ritterschaft
Mit stolzlichen Ehren all ihres Lebens Zeit,
Bis jämmerlich sie starben durch zweier edeln Frauen Neid. (6)

Frau Ute ihre Mutter, die reiche Königin, hieß;
Ihr Vater hieß Dankrat, der ihnen das Erde ließ
Bei seines Lebens Ende, vordem ein starker Mann,
Der auch in seiner Jugend großer Ehren viel gewann. (7)

Die drei K önge waren, wie ich kund getan,
Stark und hohes Mutes, ihnen waren untertan
Auch die besten Recken, davon man je gesagt,
Von großer Kraft und Kühnheit, in allen Streiten unverzagt. (8)

Das war von Tronje Hagen und auch der Bruder sein,
Dankwart der schnelle, von Metz Herr Ortewein,
Die beiden Markgrafen Gere und Eckewart,
Volker von Alzeie, an allen Kräften wohl bewahrt. (9)

Rumolt der Küchenmeister, ein auserwählter Degen,
Sindolt und Haunolt, die Herren mussten pfl egen
Des Hofes und der Ehren in der drei K önge Bann;
Noch hatten sie viel Recken, die ich nicht alle nennen kann. (10)

Dankwart, der war Marschall; so war der Neffe sein
Truchsess des Königs, von Metz Herr Ortewein.
Sindolt der war Schenke, ein auserwählter Degen,
Und Kämmerer war Haunolt: sie konnten großer Ehren pfl egen. (11)

Von ihres Hofes Glanze, von ihrer weiten Kraft,
Von ihrer hohen Würdigkeit, und von der Ritterschaft,
Wie sie die Herren übten mit Freuden all ihr Leben,
Davon weiß wahrlich niemand euch volle Kunde zu geben. (12)

Es träumte Kriemhilden in der Tugend, der sie pfl ag,
Einen wilden Falken habe sie erzogen manchen Tag:
Den griffen ihr zwei Aare: dass sie das musste sehn,
Ihr konnt auf dieser Erde größer Leid nicht geschehn. (13)

Den Traum hat sie der Mutter gesagt, Frau Uten;
Die wusst ihn nicht zu deuten als so der guten:
“Der Falke, den du ziehest, das ist ein edler Mann:
Ihn wolle Gott behüten, sonst ist es bald um ihn getan.” (14)

“Was sagt ihr mir vom Manne, viel geliebte Mutter mein?
Ohne Reckenminne will ich immer sein;
So schön will ich verbleiben bis an meinen Tod,
Dass ich von keinem Manne je gewinnen möge Not.” (15)

“Verred es nicht so völlig,” die Mutter sprach da so,
“Willst du je von Herzen auf Erden werden froh,
Das kommt von Mannesminne: Du wirst ein schönes Weib
So Gott dir noch vergönnet eines guten Ritters Leib.” (16)

“Die Rede lasset bleiben,” sprach sie, “Fraue mein.
Es mag an manchen Weiben genug erwiesen sein,
Wie Liebe mit Leide am Ende lohnen kann.
Ich will sie meiden beide, nie übel geht es mir dann.” (17)

In ihren hohen Tugenden, deren sie züchtig pflag,
Lebte das edle Mägdlein noch manchen lieben Tag,
Und hatte nicht gefunden, den minnen mocht ihr Leib;
Dann ward sie doch mit Ehren eines guten Ritters Weib. (18)

Das war derselbe Falke, den jener Traum ihr bot,
Den ihr beschied die Mutter. Ob seinem frühen Tod
Den nächsten Anverwandten wie gab sie blutgen Lohn!
Durch dieses Einen Sterben starb noch mancher Mutter Sohn. (19)

2. Abenteuer Von Siegfrieden

Da wuchs im Niederlande eines reichen Königs Kind
(Siegmond hieß sein Vater, seine Mutter Siegelind),
In einer reichen Veste, weithin wohlbekannt,
Unten an dem Rheine, Santen war sie genannt. (20)

Ich sag euch von dem Degen, wie so schön er ward.
Er war vor allen Schanden immer wohl bewahrt.
Stark und hohes Namens ward bald der kühne Mann:
Hei! Was er großer Ehren auf dieser Erde gewann! (21)

Siegfried war geheißен der selbe Degen gut.
Er besuchte viel der Reiche in hochbeherztem Mut.
Durch seine Stärke ritt er in manches fremde Land:
Hei! Was er schneller Degen bei den Burgonden fand! (22)

* Bevor der kühne Degen ganz erwuchs zum Mann,
Da hatt er solche Wunder mit seiner Hand getan,
Davon man immer wieder singen mag und sagen:
Wir müssten viel verschweigen von ihm in heutigen Tagen. (23)

In seinen besten Zeiten, bei seinen jungen Tagen,

Mochte man viel Wunder von Siegfreiden sagen,
Was Ehren an ihm wuchsen und wie so schön sein Leib:
Drum dachte sein in Minne manches waidliche Weib. (24)

Sie erzogen ihn so fleißig als ihm geziemend war;
Was ihm hoher Tugenden der eigne Sinn gebar!
Davon ward noch gezieret seines Vaters Land,
Dass man zu allen Dingen ihn so recht herrlich erfand. (25)

Er war nun so erwachsen, um auch an Hof zu gehn.
Die Leute sahn ihn gerne; viel Fraun und Mädchen schön
Wünschten wohl, er käme dahin nur immerdar;
Hold waren ihm so manche, des ward der Degen wohl gewahr (26)

Selten ohne Hüter man reiten ließ das Kind.
Mit Kleidern hieß ihn zieren Siegmund und Siegelind;
Auch pflegten sein die Weisen, denen Ehre war bekannt:
Drum mocht er wohl gewinnen die Leute und auch das Land. (27)

Nun war er in der Stärke, dass er wohl Waffen trug:
Wes er dazu bedurfte, des gab man ihm genug.
Schon warben ihm die Sinne um manches schöne Weib:
Die minnten wohl mit Ehren des schönen Siegfriedes Leib. (28)

Da ließ sein Vater Siegmund verkünden seinem Bann,
Er stell ein Hofgelage mit lieben Freunden an.
Da brachte man die Märe in andrer Könige Land;
Den Heimischen und Fremden gab er da Ross und Gewand. (29)

Wen man finden mochte, der Ritter sollte sein
Gemäß der Eltern Stande, die edeln Junker fein
Lud man nach dem Lande zu dem Hofgelag,
Wo sie das Schwert empfangen mit Siegfried an einem Tag. (30)

Man möchte Wunder sagen von der Lustbarkeit.
Siegmond und Siegelinde gewannen zu der Zeit
Viel Ehre durch die Gaben, die spendet' ihre Hand:
Drum sah man viel der Fremden zu ihnen reiten in das Land. (31)

Vierhundert Schwertdegen sollten gekleidet gehn
Neben Siegfrieden. Da war manch Mägdlein schön
An dem Werk geschäftig, denn jede war ihm hold.
Viel edle Steine legten die Frauen da in das Gold, (32)

Die sie mit Borten wollten wirken ins Gewand
Den jungen stolzen Recken; des war da viel zur Hand.
Der Wirt ließ Sitze bauen für manchen kühnen Mann
Zu der Sonnenwende, wo Siegfried Ritters Stand gewann. (33)

Da ging zu einem Münster mancher reiche Knecht
Und mancher edle Ritter. Die Alten taten recht,
Dass sie den Jungen dienten, wie ihnen einst geschah:
Sie fanden Kurzweile und genug der Freuden da. (34)

Gott man da zu Ehren eine Messe sang.
Da hub sich von den Leuten ein gewaltger Drang,
Als sie zu Rittern wurden dem Ritterbrauch gemäß
Mit also hohen Ehren, so leicht nicht wieder geschähs. (35)

Sie gingen wo sie fanden gezäumter Rosse viel.
In Siegmunds Hofe wurde so groß das Ritterspiel,
Dass man ertosen hörte Pallas und Saal.
Die hochbeherzten Degen begannen größlichen Schall. (36)

Von Alten und von Jungen mancher Stoß erklang,
Als der Schäfte Brechen in die Lüfte drang.
Die Splitter sah man fliegen bis zum Saal hinan
Aus manches Recken Händen: das wurde fleißig getan. (37)

Der Wirt bat es zu lassen. Man zog die Rosse fort:
Wohl sah man auch zerbrochen viel starke Schilde dort
Und viel der edeln Steine auf das Gras gefällt
Von des lichten Schildes Spangen: Die hatten Stöße zerschellt. (38)

Des Wirtes Gäste folgten, als man zu Tische lud:
Sie schied von ihrer Müde viel edle Speise gut,
Und Wein der allerbeste, des man die Fülle trug.
Den Heimischen und Fremden bot man Ehren da genug. (39)

So viel sie Kurzweile gehabt den ganzen Tag,
Das fahrende Gesinde doch keiner Ruhe pflag:
Sie dienten um die Gabe, die man da reichlich fand;
Des ward mit Lob gezieret König Siegmunds ganzes Land. (40)

Da ließ der Herr verleihen Siegfried, den jungen Mann,
Das Land und die Burgen, wie sonst er selbst getan.
Seinen Schwertgenossen gab viel da seine Hand:
So freute sie die Reise, die sie getan in das Land. (41)

Das Hofgelage währte bis an den siebten Tag.
Siegling die reiche der alten Sitten pflag,
Dass sie dem Sohn zuliebe verteilte rotes Gold:
sie mocht es wohl verdienen, dass ihm die Leute waren hold. (42)

Da war gar bald kein armer Fahrender mehr im Land.
Ihnen stoben Kleider und Rosse von der Hand,
Als hätten sie zu leben nicht mehr denn einen Tag.
Man sah nie Ingesinde, das so großer Milde pflag. (43)

Mit preiswerten Ehren zerging die Lustbarkeit.
Man hörte wohl die Reichen sagen nach der Zeit,
Dass sie dem Jungen gerne wären untertan;
Doch wollte das nicht Siegfried, der viel tugendreiche Mann. (44)

So lang noch beide lebten, Siegmund und Siegelind,
Nicht wollte Krone tragen der beiden liebes Kind;
Doch wollt er herrlich wenden alle die Gewalt,
Die in den Landen fürchtete der Degen kühn und wohlgestalt. (45)

* Ihn durfte niemand schelten: seit er die Waffen nahm,
Pflag er der Ruh nur selten, der Recke lobesam.
Er suchte nur zu streiten, und seine starke Hand
Macht' ihn zu allen Zeiten in fremden Landen wohlbekannt. (46)

3. Abenteuer

Wie Siegfried nach Worms kam

Dem Herren mühte selten irgend ein Herzeleid.
Er hörte Kunde sagen wie eine schöne Maid
In Burgonden wäre, nach Wünschen wohlgetan,
Von der er bald viel Freuden und auch viel Leides gewann. (47)

Das Lob ihrer Schöne vernahm man weit und breit,
Und auch ihr Hochgemüte ward zur selben Zeit
Bei der Jungfraue viel Helden wohlbekannt:
Das lud da viel der Gäste König Gunthern in das Land. (48)

So viel man auch der Werbenden um ihre Minne sah,
Kriemhild in ihrem Sinne sprach dazu nicht ja,
Dass sie einen wollte zum geliebten Mann:
Gar fremd noch war ihr jener, dem sie bald ward untertan. (49)

Da dacht auf hohe Minne der Sieglinde Kind:
Der andern Werben alle war wider seins ein Wind.
Er mochte wohl verdienen schöner Frauen Leib.
Bald ward die edle Kriemhild des kühnen Siegfriedes Weib. (50)

Ihm rieten seine Freunde und die in seinem Lehn,
Hab er stete Minne sich zum Ziel ersehnt,
So soll' er eine werben, der er sich nicht zu schämen.
Da sprach der edle Siegfried: "So will ich Kriemhilden nehmen, (51)

Die schöne Jungfraue von Burgondenland,
Ob ihrer großen Schöne. Das ist mir wohlbekannt,
Kein Kaiser sei so mächtig, würb er um ein Weib,
Dem nicht zu minnen ziemte der reichen Königin Leib." (52)

Diese Märe hörte der König Siegmund.
Es sprachen seine Leute: also ward ihm kund
Seines Kindes Wille. Es war ihm höchlich leid,
Dass er werben wolle um diese herrliche Maid. (53)

Die Königin auch erfuhr es, die edle Sieglind:
Die musste große Sorge tragen um ihr Kind,
Denn sie kannte Guntern und die in seinem Bann;
Das Werben man dem Degen sehr zu verleiden begann. (54)

Da sprach der kühne Siegfried: "Viel lieber Vater mein,

Ohn edler Frauen Minne wollt ich immer sein,
Wenn ich nicht werben dürfte nach Herzensliebe frei."
Was jemand reden mochte, so blieb er immer dabei. (55)

“Und willst du nicht vermeiden,” der König sprach da so,
“So bin ich deines Willens von ganzem Herzen froh
Und will dirs fügen helfen, so gut ich immer kann;
Doch hat der König Gunther manchen hochfährigen Mann. (56)

“Und wär es anders niemand als Hagen der Degen,
Der kann im Übermute wohl der Hochfahrt pflegen,
So dass ich sehr befürchte, es mög uns werden leid,
Wenn wir werben wollen um diese herrliche Maid.” (57)

“Was mag uns gefährden?“, hub da Siegfried an:
“Was ich mir nicht im Guten dort erbitten kann,
Will ich schon sonst erwerben mit meiner starken Hand.
Ich will von ihm erzwingen die Leute und auch das Land.” (58)

“Leid ist mir deine Rede,” sprach König Siegmund,
“Und würde diese Märe dort am Rheine kund,
So dürftest du wohl nimmer in König Gunthers Land.
Gunther und Gernot, die sind mir lange bekannt. (59)

“Mit Gewalt erwerben kann niemand die Magd,”
Sprach der König Siegmund, “das ist mir wohl gesagt;
Willst du jedoch mit Recken reiten in das Land,
Die Freunde, die wir haben, die werden eilends besandt.” (60)

“So ist mir nicht zu Mute,” fiel ihm Siegfried ein,
“Dass ich mit Recken sollte reiten an den Rhein.
Nicht mit einer Heerfahrt – das wäre mir wohl leid,
Sollt ich damit erzwingen diese herrliche Maid. (61)

“Ich will sie wohl erzwingen allein mit meiner Hand.
Ich reite selbzwölfter in König Gunthers Land:
Dazu sollt ihr mir helfen, Vater Siegmund.”
Da gab man seinen Degen zu Kleidern grau und auch bunt. (62)

Da vernahm auch diese Märe seine Mutter Sieglind.
Sie begann zu trauern um ihr liebes Kind:
Sie bangt' es zu verlieren durch König Gunthers Bann:
Gar sehr die edle Königin darob zu weinen begann. (63)

Siegfried der Degen ging hin, wo er sie sah.
Wider seine Mutter gütlich sprach er da:
“Frau, ihr sollt nicht weinen um den Willen mein,
Wohl denk ich ohne Sorgen vor allen Feinden zu sein. (64)

Und helft mir zu der Reise nach Burgondenland,
Dass mich und meine Recken ziere solch Gewand,
Wie so stolze Recken mit Ehren mögen tragen:
Ich will dafür in Wahrheit den Dank von Herzen euch sagen.” (65)

“Ist dir nicht abzuraten,” sprach Frau Siegelind,
“So helf ich dir zur Reise, mein einziges Kind,
Mit dem besten Staate, den je ein Ritter trug,
Dir und den Gesellen: Ihr sollt des haben genug.” (66)

Da neigte sich der Königin Siegfried der junge Mann.
Er sprach: “Nicht mehr Gesellen nehm ich zur Fahrt mir an,
Als der Recken zwölfte: verseht die mit Gewand;
Ich möchte gern erfahren, wie's um Kriemhilde bewandt.” (67)

Da saßen schöne Frauen über Nacht und Tag,
Dass ihrer selten eine der Ruhe eher pflag,
Bis man gefertigt hatte Siegfriedens Staat.
Er wollte nun mitnichten seiner Reise haben Rat. (68)

Sein Vater hieß ihm zieren sein ritterlich Gewand,
Womit er räumen wollte König Siegmunds Land.
Ihre lichten Panzer, die wurden auch bereit
Und ihre festen Helme, ihre Schilde schön und breit. (69)

Nun sahen sie die Reise zu den Burgonden nahn.
Um sie begann zu sorgen, beides, Weib und Mann,
Ob sie wohl wiederkämen in ihrer Heimat Land.
Sie geboten aufzusäumen die Waffen und das Gewand. (70)

Schön waren ihre Rosse, ihr Reitzzeug goldesrot:
Wenn wer sich höher dächte, so war es ohne Not,
Als der Degen Siegfried und die in seinem Bann.
Nun bat er, dass er Urlaub nach Burgondenland gewann. (71)

Den gaben ihm mit Trauern König und Königin.
Er tröstete sie beide mit minniglichem Sinn
Und sprach: “Ihr sollt nicht weinen um den Willen mein;
Immer ohne Sorgen sollt ihr um mein Leben sein.” (72)

Es war leid den Recken, auch weinte manche Maid;
Sie hatten wohl im Herzen gefunden den Bescheid,
Sie müsstens einst entgelten durch lieber Freunde Tod.
Sie hatten Grund zu klagen, es schuf ihnen wahrlich Not. (73)

Am siebenten Morgen zu Wormes an dem Strand
Ritten schon die Kühnen: da war all ihr Gewand
Aus rotem Gold gewoben, ihr Reitzzeug wohlgetan;
Die Rosse gingen eben den Degen in Siegfrieds Bann. (74)

Neu waren ihre Schilde, licht und breit genug,
Und gar schön die Helme bei dem Hofeszug
Siegfried des kühnen in König Gunthers Land.
Man ersah an Helden nie so herrlich Gewand. (75)

Der Schwerter Enden gingen nieder auf die Sporen,
Scharfe Spieße führten die Ritter auserkoren,
Von zweier Spannen Breite war welchen Siegfried trug;
Der hatt an seiner Schneide grimmer Schärfe genug. (76)

Die goldfarbnen Zäume führten sie an der Hand;
Der Brustriem war von Seide: So kamen sie ins Land.
Da gafften sie die Leute allenthalben an,
Entgegen liefen ihnen die Recken in Gunthers Bann. (77)

Die hochbeherzten Degen, Ritter so wie Knecht,
Die gingen zu den Herren, so war es Fug und Recht,
Die Gäste zu empfangen in ihrer Herren Land;
Sie nahmen ihnen die Pferde mit den Schilden von der Hand. (78)

Da wollten sie die Rosse nach den Ställen ziehn;
Wie sprach da so geschwinde Siegfried der Degen kühn:
“Lasst uns stehn die Pferde, mir und den meinen dort:
Wie mir ist zu Mute, so reit ich bald wieder fort. (79)

“Wem die Märe kund ist, der lasse sich befragen.
Wo ich den König finde, das soll man mir sagen,
Gunther den reichen aus Burgondenland.”
Da saget' es ihm einer, dem es wohl war bekannt. (80)

“Wollt ihr den König finden, das mag gar wohl geschehn.
In jenem weiten Saale hab ich ihn gesehn
Unter seinen Helden; da geht zu ihm hinan,
So mögt ihr bei ihm finden manchen herrlichen Mann.” (81)

Nun war auch dem König die Märe schon gesagt,
Dass gekommen wären Ritter unverzagt:
Sie führten reiche Harnische und herrliche Gewand;
Sie erkenne niemand in der Burgonden Land. (82)

Den König nahm es Wunder, woher gekommen sei'n
Die herrlichen Recken im Kleid von lichtem Schein,
Und mit so guten Schilden, so neu und so breit:
Dass ihm das niemand sagte, das war König Gunthern leid. (83)

Da sprach zu dem König von Metz Herr Ortwein,
Reich und kühnes Mutes mochte der wohl sein:
“Da wir sie nicht erkennen, so heißet jemand gehn
Nach meinem Oheim Hagen: dem sollt ihr sie lassen sehn. (84)

“Dem sind wohl kund die Reiche und alles fremde Land:
Hat er von ihnen Kunde, das mach er uns bekannt.”
Der König ließ ihn holen und die in seinem Lehn:
Man sah ihn stolzes Schrittes mit Recken nach Hofe gehn. (85)

Warum nach ihm der König, frug Hagen da, gesandt?
“Es sind in meinem Hause Degen unbekannt,
Die niemand weiß zu nennen: Habt ihr sie je gesehn,
Das sollst du mir, Hagen, nach der Wahrheit gestehn.” (86)

“Das will ich,” sprach Hagen. Zum Fenster schritt er drauf,
Da ließ er nach den Gästen den Augen freien Lauf.
Es gefiel ihm ihr Geräte und auch ihr Gewand;

sie waren ihm gar fremde in der Burgonden Land. (87)

Er sprach: “Woher die Recken auch kamen an den Rhein,
Es mögen selber Fürsten oder Fürstenboten sein.
Schön sind ihre Rosse und ihr Gewand ist gut;
Von wannen sie auch kommen, es sind Helden hochgemut.” (88)

Also sprach da Hagen: “Ich will euch gestehn,
Ob ich gleich im Leben Siegfrieden nicht gesehn,
So will ich doch wohl glauben, wie es damit auch steht,
Dass er es sei, der Degen, der so herrlich dorten geht. (89)

“Er bringet neue Märe her in dieses Land:
Die kühnen Nibelungen schlug des Helden Hand,
Die reichen Königssöhne Silbung und Nibelung;
Er wirkte große Wunder mit des starken Armes Schwung. (90)

“Als der Held alleine ritt ohne Hilf und Macht,
Fand er an einem Berge, so ward mir hinterbracht,
Bei König Niblungs Horte gar manchen kühnen Mann;
Sie waren ihm gar fremde, bis er hier die Kunde gewann. (91)

“Der Hort König Niblungs ward hervor getragen
aus einem hohlen Berge: Nun höret Wunder sagen,
Wie ihn teilen wollte der Nibelungen Bann.
Das sah der Degen Siegfried, den es zu wundern begann. (92)

“So nahe kam er ihnen, dass er die Degen sah
Und ihn die Helden wieder. Der eine sagte da:
Hier kommt der starke Siegfried, der Held aus Niederland.
Seltsame Abenteuer er bei den Nibelungen fand. (93)

“Den Recken wohl empfangen Schilbung und Nibelung.
Einhellig baten die edeln Fürsten jung,
Dass ihnen teilen möchte den Hort der werte Mann:
Das beehrten sie, bis endlich ers zu geloben begann. (94)

“Er sah so viel Gesteines, wie wir hören sagen,
Hundert Doppelwagen, die möchten es nicht tragen;
Noch mehr des roten Goldes von Nibelungenland:
Das alles sollte teilen des kühnen Siegfriedes Hand. (95)

“Sie gaben ihm zum Lohne König Niblungs Schwert:
Da wurden sie des Dienstes gar übel gewährt,
Den ihnen leisten sollte Siegfried der Degen gut.
Er konnt es nicht vollbringen: Sie hatten zornigen Mut. (96)

* “So musst er ungeteilet den Schatz lassen stehn.
Da bestritten ihn die Degen in der zwei Könge Lehn.
Mit ihres Vaters Schwerte, das Balmung war genannt,
Stritt ihnen ab der Kühne den Hort und Nibelungenland. (97)

“Da hatten sie zu Freunden kühne zwölf Mann,
Das waren starke Riesen: Was konnt es sie verfahn?

Die erschlug im Zorne Siegfriedens Hand
Und siebenhundert Recken zwang er vom Nibelungenland (98)

“Mit dem guten Schwerte, das Balmung war genannt.
Viel der jungen Degen, vom Schrecken übermannt,
Den vor dem Schwert sie hatten und vor dem kühnen Mann,
Das Land mit den Burgen machten sie ihm untertan. (99)

“Dazu die reichen Könige, die schlug er beide tot;
Er kam durch Alberichen darauf in große Not:
Der wollte seine Herren rächen allzuhand,
Eh er die große Stärke noch an Siegfrieden fand. (100)

“Da war ihm nicht gewachsen der gewaltge Zwerg:
Wie die wilden Leuen liefen sie an den Berg,
Als er die Tarnkappe Albrichen abgewann.
Da war des Herr des Hortes Siegfried der furchtbare Mann. (101)

“Die sich getraut zu fechten, die lagen all erschlagen:
Er ließ den Hort wieder nach dem Berge tragen,
Woraus ihn erst genommen die in Niblungs Bann:
Alberich der starke das Amt des Kämmrers gewann. (102)

“Erst musst ihm Eide schwören, er dien ihm als sein Knecht,
Mit allerhand Diensten ward er ihm gerecht,”
So sprach von Tronje Hagen: “Das hat der Held getan:
Also große Kräfte nie mehr ein Recke gewann. (103)

Noch ein Abenteuer ist mir von ihm bekannt:
Einen Linddrachen schlug des Helden Hand;
Da er im Blut sich badete, ward hörnern seine Haut:
Nun versehrt ihn keine Waffe: Das hat man oft an ihm geschaut. (104)

Drum rat ich, dass den Jüngling man wohl empfangen soll,
Damit wir nicht verdienen des schnellen Recken Groll;
Er ist so schön von Wuchse, man seh ihn freundlich an:
Er hat mit seinen Kräften so manche Wunder getan.” (105)

* Da sprach der reiche König: “Fürwahr, du hast wohl recht.
Wie ritterlich er dasteht, als gält es ein Gefecht,
Dieser kühne Degen und die in seinem Lehn!
Wir wollen ihm entgegen hinab zu dem Recken gehn.” (106)

* “Das mögt ihr,” sprach da Hagen, “mit allen Ehren schon:
Er ist von edelm Stamme, eines reichen Königs Sohn;
Auch hat er die Gebärde, mich dünkt, beim Herren Christ,
Es sei nicht kleine Märe, warum er hergeritten ist.” (107)

Da sprach des Landes König: “Nun sei er uns willkommen,
Er ist kühn und edel, das hab ich wohl vernommen:
Des soll er genießen in Burgondenland.”
Da ging der König Gunther hin wo er Siegfrieden fand. (108)

Der Wirt und seine Gäste empfangen so den Mann,

Dass wenig an dem Gruße gebrach, den er gewann;
Des neigte sich vor ihnen der Degen ausersehn,
Weil ihm so recht freundlich die Grüße waren geschehn. (109)

“Mich wundert,” sprach der König Gunther allzuhand,
“Woher ihr, edler Siegfried, gekommen in dies Land,
Oder was ihr suchen wollet zu Wormes an dem Rhein?”
Da sprach der Gast zum König: “Das soll euch unverholen sein. (110)

Ich habe sagen hören in meines Vaters Land,
An euerm Hofe wären (das hätt ich gern erkannt)
Die allerkühnsten Recken (so hab ich oft vernommen),
Die je gewann ein König: Darum bin ich hieher gekommen. (111)

So hör ich auch euch selber Mannheit zugestehn,
Man habe keinen König noch so kühn gesehn.
Das rühmen viel die Leute über allem diesem Land:
Nun kann ichs nicht verwinden, bis ich die Wahrheit befand. (112)

Ich bin auch ein Recke und soll die Krone tragen:
Ich möcht es gerne fügen, dass sie von ihr sagen,
Dass ich mit Recht besäße die Leute wie das Land;
Mein Haupt und meine Ehre setz ich gern dafür zum Pfand. (113)

Seid ihr nun so verwogen, wie euch die Sage zieht,
So frag ich nicht, ists Jemand lieb oder leid:
Ich will von euch erzwingen was euch angehört,
Das Land und die Burgen unterwerf ich meinem Schwert.” (114)

Der König war verwundert und all sein Volk umher,
Als sie vernommen hatten sein seltsam Begehr,
Dass er des Willens wäre, zu nehmen ihm sein Land:
Das hörten seine Recken, die wurden zornig zuhand. (115)

“Wie hätt ich das verdienet?”, sprach Gunther der Degen,
Wes mein Vater lange mit Ehre durfte pflegen,
Dass wir das sollten missen durch jemand's Überkraft?
Das wäre schlecht beweisen, dass wir auch pflegen Ritterschaft!” (116)

“Ich kann es nicht verwinden,” fiel ihm der Kühne drein,
“Es mag vor deiner Herrschaft dein Land befriedet sein:
Ich will es nun verwalten; doch auch das Erbe mein,
Erwirbst du es durch Stärke, es soll dir untertänig sein. (117)

“Dein Erbe und das meine, gleich sollen beide liegen;
Und wer dann von uns beiden den andern mag besiegen,
Dem soll es alles dienen, die Leute wie das Land.”
Dem widersprach da Hagen und auch Gernot zuhand. (118)

“So stehn uns nicht die Sinne,” sprach da Gernot,
“Nach neuen Lands Gewinne, dass jemand sollte tot
Vor Heldeshänden liegen: Reich ist unser Land,
Das uns mit Recht gehorsamt, zu niemand besser bewandt.” (119)

Da standen grimmen Mutes umher die Freunde sein;
Da war auch darunter von Metz Herr Ortwein:
Der sprach: "Diese Sühne ist mir von Herzen leid:
Euch ruft der starke Siegfried ohn allen Grund in den Streit. (120)

Steht ihr und eure Brüder ihm auch nicht zur Wehr,
Und ob er bei sich führte ein ganzes Königsheer,
So wollt ichs doch erstreiten, dass der kühne Held
Also hohen Übermut mit gutem Recht bei Seite stellt." (121)

Darüber zürnte mächtig der Held von Niederland:
"Nicht wider mich vermessen darf sich deine Hand:
Ich bin ein reicher König, du bist in Königs Lehn;
Wohl dürfen deiner Zwölfe mit Streit mich nimmer bestehn." (122)

Nach Schwertern rief da heftig von Metz Herr Ortwein:
Von Tronje Hagens Schwestersohn, der durft er wahrlich sein;
Dass der so lang geschwiegen, das war dem König leid.
Da unterfing sichs Gernot, der Ritter kühn und kampfbereit. (123)

Er sprach zu Ortweinen: "Lasst euer Zürnen sein;
Es soll der Degen Siegfried sich nicht mit uns entzwein;
Wir mögens wohl noch scheiden im Guten, rat ich sehr,
Und ihn zum Freunde haben; das geziemt uns wahrlich mehr." (124)

Da sprach der starke Hagen: "In Wahrheit, mir ist leid,
Und deinen Degen allein, dass er je zum Streit
Her an den Rhein geritten: was ließ er das nicht sein?
Ihm wären nicht so übel begegnet hier die Herren mein." (125)

Zur Antwort gab ihm Siegfried, der kräftige Held:
"Wenn euch, was ich gesprochen, Herr Hagen, missfällt,
So will ich schauen lassen, wie noch die Hände mein
So gewaltig wollen bei den Burgonden sein." (126)

"Das hoff ich noch zu wenden;" sprach wieder Gernot.
Allen seinen Degen zu reden er verbot
In ihrem Übermute, was ihm wäre leid.
Da gedacht auch Siegfried an die viel herrliche Maid. (127)

"Wie geziemt' uns mit euch zu streiten?," sprach wieder Gernot.
"Wie viel dabei der Helden auch fielen in den Tod,
Uns brächt es wenig Ehre und euch geringen Lohn."
Zur Antwort gab ihm Siegfried, König Siegmundes Sohn: (128)

"Warum zögert Hagen und auch Ortwein?
Was eilt er nicht zum Streite mit den Freunden sein,
Deren er so manchen bei den Burgonden hat?"
Sie blieben Antwort schuldig, das war Gernotens Rat. (129)

"Ihr seid uns hier willkommen," sprach das Uten-Kind,
"Und eure Heergesellen, die mit euch kommen sind:
Wir wollen gern euch dienen, ich und die Freunde mein."
Da hieß man den Gästen schenken König Gunthers Wein. (130)

Da sprach der Wirt des Landes: “Was uns gehöret an,
Verlangt ihr es in Ehren, das sei euch untertan;
Wir wollen mit euch teilen unser Gut und Blut.”
Da ward dem Degen Siegfried ein wenig sanfter zu Mut. (131)

Da ließ man ihnen wahren all ihr Rüstgewand;
Man suchte Herbergen, die besten, die man fand,
Siegfriedens Knechten: die fanden gut Gemach.
Man sah den Fremdling gerne in Burgondenland hernach. (132)

Man bot ihm große Ehre darauf in manchen Tagen,
Mehr zu tausend Malen als ich euch könnte sagen;
Das hatte seine Tugend verdient, das glaubt fürwahr.
Ihn sah wohl selten jemand, der ihm nicht gewogen war. (133)

Der Kurzweil sich fließen die Könige und ihr Bann:
Da war er stets der Beste, was man auch begann;
Es konnt ihm niemand folgen, so groß war seine Kraft,
Ob sie den Stein warfen oder schossen den Schaft. (134)

So oft sie vor den Frauen in ihrer Höflichkeit
Der Kurzweile pflagen, die Degen allbereit,
Da sah man immer gerne den Held von Niederland;
Er hatt auf hohe Minne seine Sinne gewandt. (135)

* Die schönen Fraun am Hofe fragten nach der Mär,
Wer doch dieser fremde, stolze Ritter wär?
“Er ist so schön von Leibe, so reich ist sein Gewand!”
Da sprachen ihrer Viele: “Das ist der Held von Niederland.” (136)

Was man je begonnte, er war dazu bereit;
Er trug in seinem Sinne eine minnigliche Maid,
Und auch nur ihn die Fraue, die er noch nie geschaut,
Und die ihm doch viel Gutes in der Stille zugetraut. (137)

So oft man auf dem Hofe das Waffenspiel begann,
Ritter so wie Knechte, immer sah es an
Kriemhilde durch die Fenster, die Königstochter hehr;
Keiner andern Kurzweil bedurfte sie fürder mehr. (138)

Und wüst er dass ihn sähe, die er im Herzen trug,
So hätt er Kurzweile immer auch genug,
Ersehn sie seine Augen, ich glaube sicherlich,
Wohl keine andre Freude auf Erden erwünscht' er sich. (139)

Wenn er bei den Helden auf dem Hofe stand,
Wie man noch zur Kurzweil pflegt in allem Land,
Wohl stand er dann so minniglich, der Sieglinden-Sohn,
Dass manche Frau ihm zollte der Minne herzlichen Frohn. (140)

Er gedacht auch manche Stunde: “Wie soll das geschehn,
Dass ich das edle Mägdelein mit Augen möge sehn,
Die ich von Herzen minne, wie ich schon längst getan?

Die ist mir noch gar fremde; mit Trauern denk ich daran.” (141)

So oft die reichen Könige ritten in ihr Land,
So mussten auch die Recken mit ihnen all zur Hand:
Auch Siegfried ritt mit ihnen; das war den Frauen leid:
Er litt durch ihre Minne Beschwerde zu mancher Zeit. (142)

So wohnt' er bei den Herren, das ist alles wahr,
In König Gunthers Lande völliglich ein Jahr,
Dass er die Minnigliche in all der Zeit nicht sah,
Durch die ihm bald vieles Liebes und auch viel Leides geschah. (143)

4. Abenteuer Wie Siegfried mit den Sachsen stritt

Nun kommen fremde Mären in König Gunthers Land
Durch Boten, die von ferne ihnen wurden zugesandt
Von unbekanntem Recken, die ihnen trugen Hass:
Als sie die Rede hörten, gewiss betrubte sie das. (144)

Die will ich euch nennen: Es war Lüdeger
Aus der Sachsen Lande, ein König reich und hehr,
Dazu vom Dänenlande der König Lüdegast;
Die sandten auf die Reise gar manchen herrlichen Gast. (145)

Ihre Boten kamen in König Gunthers Land,
Die seine Widersacher hatten hingesandt;
Da frug man um Märe die Unbekannten gleich,
Und führte bald die Boten zu Hofe vor den König reich. (146)

Schön grüßte sie der König und sprach: “Seid willkommen!
Wer euch hieher gesendet, hab ich noch nicht vernommen:
Das sollt ihr hören lassen,” sprach der König gut.

Da bangten sie gewaltig vor des grimmen Gunthers Mut. (147)

“Wollt ihr erlauben, König, dass wir uns des Berichts
Entledgen, den wir bringen, so hehlen wir euch nichts.
Wir nennen euch die Herren, die uns hieher gesandt:
Lüdegast und Lüdeger die suchen heim euer Land. (148)

“Thren Zorn habt ihr verdienet: wir erfuhren das,
Dass euch die Herren beide tragen großen Hass.
Sie wollen heerfahren nach Wormes an den Rhein:
Ihnen helfen viel der Degen: des sollt ihr gewarnet sein. (149)

“Binnen zwölf Wochen muss ihres Fahrt geschehn;
Habt ihr nun guter Freunde, so lasst es balde sehn,
Die euch befrieden helfen die Burgen und das Land:
Hier werden sie verhaun manchen Helm und Schildesrand. (150)

“Oder wollt ihr unterhandeln, so macht es offenbar,
So reitet euch so nahe nicht so manche Schar
Eurer starken Feinde zu bitterm Herzeleid,
Davon verderben müssen viel gute Ritter kühn im Streit.” (151)

“Nun harret eine Weile (ich künd euch meinen Mut),
Dass ich mich recht bedenke,” sprach der König gut.
“Hab ich noch Getreue, denen will ichs sagen,
Diese schwere Botschaft muss ich meinen Freunden klagen.” (152)

Gunther dem reichen war es leid genug;
Den Botenspruch er heimlich in seinem Herzen trug.
Er ließ berufen Hagen und andr' in seinem Lehn,
Und ließ auch gar geschwinde zu Hof nach Gernoten gehn. (153)

Da kamen ihm die Besten, so viel man deren fand.
Er sprach: “Die Feinde wollen heimsuchen unser Land
Mit starken Heerfahrten, das sei euch geklagt.”
Zur Antwort gab da Gernot, ein Ritter kühn und unverzagt: (154)

“Dem wehren wir mit Schwertern,” sprach da Gernot,
“Da sterben nur die müssen: Die lasset liegen tot.
Ich werde nicht vergessen darum der Ehre mein:
Unsere Widersacher sollen uns willkommen sein.” (155)

Da sprach von Tronje Hagen: “Das dünket mich nicht gut;
Lüdegast und Lüdeger sind voll Übermut,
Wir können uns nicht sammeln in so kurzen Tagen;”
So sprach der kühne Recke: “Man soll es Siegfrieden sagen.” (156)

Da gab man den Boten Herbergen in der Stadt;
Wie feind man ihnen wäre, sie gut zu pflegen bat
Gunther der reiche (das war wohlgetan),
Bis er erprobt an Freunden, wer folgen wolle seinem Bann. (157)

Der König trug im Herzen Sorge viel und Leid.
Da sah ihn also trauern ein Degen allbereit,

Der nicht wissen mochte was ihm war geschehn;
Da bat er König Gunthern, ihm die Märe zu gestehn. (158)

Da sprach Degen Siegfried: “Wunder nimmt mich dies,
Wie euch die frohe Weise so völlig verließ,
Deren ihr so lange mit uns mochtet pflegen.”
Zur Antwort gab ihm Gunther, der viel zierliche Degen: (159)

“Wohl mag ich allen Leuten nicht von dem Leide sagen,
Das ich muss verborgen in meinem Herzen tragen:
Steten Freunden klagen soll man des Herzens Not.”
Siegfriedens Farbe ward da bleich und wieder rot. (160)

Er sprach zu dem Könige: “Ich hab euch nichts versagt,
Ich will euch wenden helfen alles was ihr klagt;
Wollt ihr Freunde suchen, so will ich einer sein,
Und getrau es zu vollbringen mit Ehren bis ans Ende mein. (161)

Nun lohn euch Gott, Herr Siegfried, die Rede dünkt mich gut;
Und kann mir nimmer helfen eure Kraft und hoher Mut,
So freut mich doch die Märe, dass ihr so hold mir seid:
Leb ich noch eine Weile, ich bins zu lohnen bereit. (162)

Ich will euch hören lassen was mich traurig macht.
Von meinen Feinden wurde mir Botschaft überbracht,
Dass sie mich suchen wollen mit Heerfahrten hie:
Das geschah uns von Degen in diesem Lande noch nie.” (163)

“Das lasst euch wenig kümmern,” der Degen Siegfried bat
“Sänftet eure Gemüte und tut nach meinem Rat.
Lasst mich für euch erwerben Ehre so wie Frommen,
Und entbietet eure Degen, dass sie euch zu Hilfe kommen. (164)

Ob eure starken Feinde zu Helfern sich ersehnen
Dreißigtausend Degen, so wollt ich sie bestehn,
Und hätt ich selbst nur tausend; verlasst euch auf mich.”
Da sprach der König Gunther: “Das verdien ich stets um dich. (165)

So helft mir eure Leute gewinnen tausend Mann,
Weil ich von den Meinen mehr nicht stellen kann
Als der Recken zwölfe: so wehr ich euer Land:
Immer soll getreulich euch dienen Siegfriedens Hand. (166)

Dazu sollen Hagen helfen und auch Ortwein,
Dankwart und Sindolt, die lieben Recken dein;
Auch soll da mit uns reiten Volker der kühne Mann;
Der soll die Fahne führen: keinen Bessern trifft ihr an. (167)

Und lasst die Boten reiten in ihrer Herren Land;
Dass sie uns bald da sähen, macht ihnen das bekannt,
So dass unsre Burgen befriedet müssen sein.”
Der König hieß besenden Freund und Mannen insgemein. (168)

Zu Hofe gingen wieder die Lüdeger gesandt,

Sie freuten sich der Reise zurück ins Heimatland;
Da bot ihnen reiche Gabe Gunther der König gut,
Und sicheres Geleite: des waren sie wohlgemut. (169)

“Nun saget,” sprach da Gunther, “den starken Feinden mein;
Sie möchten nicht zu eilig mit ihrer Reise sein;
Doch wollten sie mich suchen hier in meinem Land,
Mir zerrännen denn die Freunde, so werd ihnen Not bekannt.” (170)

Den Boten reiche Gabe man da zur Stelle trug,
Deren hatte Gunther zu geben genug:
Die durften nicht verschmähen die Lüdeger gesandt.
Sie nahmen ihren Urlaub und räumten fröhlich das Land. (171)

Als die Boten waren nach Dänemark gekommen,
Und der König Lüdegast den Botenspruch vernommen,
Wie sie vom Rheine schieden, als man ihm das gesagt,
Sein übermütig Wesen ward da sehr von ihm beklagt. (172)

Sie sagten ihm, sie hätten manch kühnen Mann im Lehn:
“Darunter sah man einen vor König Gunthern stehn,
Der war geheißен Siegfried, ein Held von Niederland.”
Leid war es Lüdegasten, als er die Dinge so befand. (173)

Als die vom Dänenlande hörten diese Mär,
Da eilten sie, der Freunde zu gewinnen desto mehr,
Bis der König Lüdegast aus seinem kühnen Bann
Zwanzig tausend Degen zu seiner Heerfahrt gewann. (174)

Da besandte sich auch von Sachsen der König Lüdeger,
Bis sie vierzigtausend hatten und wohl mehr,
Womit sie reiten wollten nach Burgondenland.
Da hatt auch schon zu Hause der König Gunther gesandt. (175)

Zu seinen Lehnsleuten und seiner Brüder Bann,
Die sie führen wollten im Kriegszug hindann,
Und auch zu Hagnes Recken: das tat den Helden Not.
Darum mussten Degen bald erschauen den Tod. (176)

Sie eilten sich zu rüsten. Als man die Fahrt begann,
Die Fahne musste führen Volker der kühne Mann;
So wollten sie von Wormes reiten überrhein:
Hagen von Tronje, der musste Scharmeister sein. (177)

“Herr König,” sprach da Siegfried, “bleibet ihr zu Haus,
Da mir eure Degen folgen zu dem Strauß,
So weilet bei den Frauen und traget hohen Mut:
Ich will euch wohl behüten die Ehre und auch das Gut. (178)

Die euch heimsuchen wollen zu Wormes an dem Rhein,
Dass sie zu Hause bleiben, will ich ihr Hüter sein:
Wir wollen ihnen reiten so nah ins eigne Land,
Dass ihnen bald in Sorge der Übermut wird gewandt.” (179)

Vom Rheine sie durch Hessen mit ihren Helden ritten
Nach dem Sachsenlande: da wurde bald gestritten.
Mit Raub und mit Brande verheerten sie das Land,
Dass bald den Fürsten beiden ward Not und Sorge bekannt. (180)

Sie kamen an die Marke; die Knechte rückten an.
Siegfried der Starke zu fragen da begann:
“Wer soll nun der Hüter des Gesindes sein?”
Wohl konnte nie den Sachsen ein Heerzug übler gedeihn. (181)

Sie sprachen: “Lasst des Volkes hüten auf den Wegen
Dankwart den kühnen, das ist ein schneller Degen:
Wir verlieren desto minder durch die in Lüdgers Lehn;
Lasst ihn mit Ortweinen hie die Nachhut versehn.” (182)

“So will ich selber reiten,” sprach Siegfried der Degen,
“Den Feinden gegenüber der Warte zu pflegen,
Bis ich recht erkunde, wo die Recken sind.”
Da stand bald in den Waffen der schönen Sieglinde Kind. (183)

Das Volk befahl er Hagen als er zog hindann,
Und auch Gernoten, diesem kühnen Mann.
So ritt er ganz alleine in der Sachsen Land;
Da ward von ihm verhaun des Tages manches Helmes Band. (184)

Er sah ein groß Geschwader, das auf dem Felde zog,
Und eines einzeln Kräfte gewaltig überwog:
Es waren vierzigtausend oder wohl noch mehr;
Siegfried in hohem Mute sah gar fröhlich das Heer. (185)

Auch hatte sich ein Recke aus der Feinde Schar
Erhoben auf die Warte, der Macht heilt immerdar:
Den sah der Degen Siegfried, und ihn der kühne Mann;
Jedweder da des andern mit Zorn zu hüten begann. (186)

Ich sag euch, wer der wäre, der hier der Warte pflag;
Ein lichter Schild von Golde vor der Hand ihm lag;
Es war der König Lüdegast, der hütete sein Heer.
Der edle Fremdling sprengte gewaltig auf ihn daher. (187)

Nun hatt auch ihn sich Lüdegast feindlich auserkoren;
Ihre Rosse reizten beide zur Seite mit den Sporen,
Sie neigten auf die Schilde den Schaft mit aller Kraft:
Da kam der reiche König davon in großer Sorgen Haft. (188)

Dem Stich gehorsam trugen die Rosse pfeilgeschwind
Die Könige zueinander, als wehte sie der Wind:
Dann mit den Zäumen lenkten sie ritterlich zurück:
Die grimmen zwei versuchten da mit dem Schwerte das Glück. (189)

Da schlug der Degen Siegfried, dass rings das Feld erklang.
Da stoben aus dem Helme, als ob man Brände schwang,
Die feuerroten Funken von des Helden Hand;
Den seinen jedweder an dem andern wieder fand. (190)

Da schlug auch ihm Herr Lüdegast gar manchen grimmen Schlag;
Jedweder auf dem Schilde mit allen Kräften lag.
Da hatten es wohl dreißig gewahrt aus seinem Bann:
Eh die zu Hilfe kamen den Sieg doch Siegfried gewann. (191)

Mit dreien starken Wunden, die er dem König schlug,
Durch einen weißen Harnisch; der war doch fest genug.
Das Schwert mit seiner Schärfe entlockte Wunden Blut;
Da gewann der König Lüdegast einen traurigen Mut. (192)

Er bat ihn um sein Leben und bot ihm all sein Land,
Und sagt' ihm wie er wäre Lüdegast genannt.
Da kamen seine Recken, die hatten wohl gesehn
Was da von ihnen beiden war auf der Warte geschehn. (193)

Er wollt ihn führen dannen: Da ward er angerannt
Von dreißig seiner Mannen: Doch wehrte seine Hand
Seinen reichen Geisel mit ungestümen Schlägen:
Bald tat noch größern Schaden Siegfried der zierliche Degen. (194)

Die Dreißig da zu Tode der Degen wehrlich schlug;
Ihrer einen ließ er leben: Der ritt da schnell genug
Und brachte hin die Märe von dem was hier geschehn;
Auch konnte man die Wahrheit an seinem roten Helme sehn. (195)

Gar leid war das den Recken aus dem Dänenland,
Als ihres Herrn Gefängnis ihnen ward bekannt;
Man sagt' es seinem Bruder: der fing zu toben an
In ungestümem Zorne, denn ihm war wehe getan. (196)

Lüdegast der Recke ward hinweggebracht
Zu Gunthers Ingesinde von Siegfriedens Macht;
Er übergab ihn Hagen. Als ihnen ward gesagt,
Dass es der König wäre, da wurde mäßig geklagt. (197)

Man gebot den Burgonden: die Fahne bindet an.
“Wohlauf,” sprach da Siegfried, “hier wird noch mehr getan
Eh der Tag sich neiget, verlier ich nicht den Leib:
Das betrübt in Sachsen noch manches waidliche Weib. (198)

Ihr Helden von dem Rheine, ihr sollt mein nehmen wahr:
Ich kann euch wohl geleiten zu Lüdegers Schar;
Da gilts ein Helmverhauen von guter Helden Hand:
Eh wir uns wieder wenden, wird ihnen Sorge bekannt.” (199)

Zu den Rossen sprangen Gernot und die in seinem Bann.
Bald trug die Heerfahne der kühne Fiedelmann,
Volker der Herre, und ritt der Schar vorauf.
Da war auch das Gesinde zum Streite mutig und wohlauf. (200)

Es waren doch der Degen nicht mehr als tausend Mann,
Darüber zwölf Recken. Zu stieben da begann
Der Staub von den Straßen. Sie ritten über Land,

Man sah von ihnen glänzen manchen schönen Schildesrand. (201)

Nun waren auch die Sachsen mit ihrer Schar gekommen,
Mit Schwertern wohl gewachsen, das hab ich wohl vernommen;
Die Waffen schnitten mächtig den Helden an der Hand:
Da wollten sie die Gäste von Burgen wehren und Land. (202)

Der Herren Scharmeister führten das Volk hindann.
Da war auch Siegfried kommen mit den zwölf Mann,
Die er mit sich führte aus dem Niederland.
Des Tags sah man im Sturme manche blutige Hand. (203)

Sindold und Haunolt und auch Gernot,
Sie schlugen in dem Streite viel der Helden tot,
Eh sie recht erkundeten wie kühn war ihr Leib;
Das musste bald beweinen gar manches waidliche Weib. (204)

Volker und Hangen und auch Ortwein
Löschten in dem Streite manches Helmes Schein
Mit fließendem Blute, die Kühnen in der Schlacht.
Von Dankwarten wurden viel große Wunder vollbracht. (205)

Die vom Dänenlande versuchten ihre Hand;
Von Stößen laut erschallte mancher Schildesrand,
Und auch von scharfen Schwertern, deren man viel zerschlug;
Die streitkühnen Sachsen taten Schadens auch genug. (206)

Als die Burgonden drangen in den Streit,
Von ihnen ward gehauen manche Wunde weit;
Da sah man über Sättel fließen das Blut:
So warben um die Ehre diese Helden kühn und gut. (207)

Man hörte laut erhalten den Helden an der Hand
Ihre scharfen Waffen, als die von Niederland
Ihrem Herrn nachdrangen in die dichte Schar:
Die Zwölfe kamen ritterlich zugleich mit Siegfrieden dar. (208)

Deren von dem Rheine kam ihnen niemand nach.
Man konnte fließen sehen den blutroten Bach
Durch die lichten Helme von Siegfriedens Hand,
Bis er Lüdegeren vor seinen Heergesellen fand. (209)

Dreimal die Wiederkehr hatt er nun genommen
Bis an des Heeres Ende; da war auch Hagen kommen:
Der half ihm wohl erfüllen im Kampfe seien Mut.
Da musste bald ersterben vor ihnen mancher Ritter gut. (210)

Als der starke Lüdeger Siegfrieden fand,
Wie er so erhaben trug in seiner Hand
Balmung den guten und da so manchen schlug,
Darüber ward der Degen erzürnt und grimmig genug. (211)

Da gab es stark Gedränge und großen Schwerterklang,
Als ihr Ingesinde aufeinander drang:

Da versuchten desto grimmer die beiden Recken sich;
Die Scharen wichen beide: Der Zorn wurde fürchterlich. (212)

Dem Vogt vom Sachsenlande war es wohl bekannt,
Sein Bruder sei gefangen, drum war er zornentbrannt;
Auch wusst er, ders vollbrachte, sei der Sieglinden-Sohn.
Man zeihete des Gernoten; doch bald befand es sich schon. (213)

Da schlug so starke Schläge König Lüdgers Schwert,
Dass ihm unterm Sattel strauchelte das Pferd;
Doch bald erhob sichs wieder. Der kühne Siegfried auch,
Der gewann in dem Sturme einen furchtbaren Brauch. (214)

Ihm half dabei Herr Hagen wohl und Gerenot,
Dankwart und Volker: da lagen viele tot.
Sindolt und Haunolt und Ortwein der Degen,
Die konnten in dem Streite zum Tote manchen niederlegen. (215)

Untrennbar in dem Sturme waren die Fürsten hehr.
Über die Helme fliegen sah man da manchen Speer
Durch die lichten Schilde von der Helden Hand;
Da sah man blutgerötet manchen schönen Schildesrand. (216)

In dem starken Sturme ließ sich mancher Mann
Nieder von den Rossen. Einander liefen an
Siegfried der kühne und König Lüdeger;
Da sah man Schäfte fliegen und manchen schneidigen Speer. (217)

Der Schildbeschlag des Königs zerbrach vor Siegfrieds Hand
Sieg zu erwerben dachte der Held von Niederland
An den kühnen Sachsen; sie litten Ungemach.
Hei! Was da lichte Panzer der kühne Dankwart zerbrach! (218)

Da hatte König Lüdeger auf einem Schild erkannt
Eine gemalte Krone vor Siegfriedens Hand:
Da wusst er wohl, er kämpfe mit dem kräftigen Mann:
Laut auf zu seinen Freunden der Held zu rufen begann: (219)

“Begebet euch des Streites, ihr all in meinem Bann!
Den Sohn Siegmundens traf ich hier an,
Siegfried den starken, den hab ich hier erkannt;
Den hat der böse Teufel her zu den Sachsen gesandt.” (220)

Er gebot die Fahne nieder zu lassen in dem Streit.
Friedens er begehrte: der ward ihm nach der Zeit.
Doch musst er Geisel werden in König Gunthers Land:
Das hat an ihm erzwungen König Siegfriedens Hand. (221)

Nach allgemeinem Rate ließ man ab vom Streit:
Viel der zerschlagenen Helme und der Schilde breit
Legten sie aus Händen; so viel man deren fand,
Sie waren blutgerötet von der Burgonden Hand. (222)

Sie fingen wen sie wollten, sie hatten volle Macht.

Gernot und Hagen, die schnellen hatten Acht,
Dass man die Wunden bahrte; da führten sie hindann
Gefangen nach dem Rheine der Kühnen fünfhundert Mann. (223)

Die sieglosen Recken zum Dänenlande ritten.
Da hatten auch die Sachsen so tapfer nicht gestritten,
Dass sie sich Lob erworben: Das War den Helden leid.
Da beklagten ihre Freunde die Gefallnen in dem Streit. (224)

Sie ließen ihre Waffen aufsäumen nach dem Rhein.
Es hatte wohl erworben mit den Händen sein
Siegfried der Recke, er hatt es wohl vollbracht:
Das musst ihm zugestehen König Gunthers ganze Macht. (225)

Nach Wormes sandte Boten der Degen Gernot:
Daheim in seinem Lande den Freunden er entbot,
Wie es gelungen wäre ihm und seinem Bann;
Wohl hatten da die Kühnen nach allen Ehren getan. (226)

Die Botenknaben liefen; da ward es angesagt;
Da freuten sich in Liebe, die eben Leid geklagt,
Dieser lieben Märe, die ihnen war gekommen.
Da ward von edeln Frauen großes Fragen vernommen: (227)

“Wie es gelungen wäre des reichen Königs Lehn?”
Man ließ der Boten einen zu Kriemhilden gehn.
Das geschah verstohlen, sie durft es wohl nicht laut;
Es war ja der darunter, dem ihr Herz sie vertraut. (228)

Als sie in ihre Kammer den Boten kommen sah,
Kriemhild die schöne gar gütlich sprach sie da:
“Nun sag mir frohe Märe, so geb ich dir mein Gold,
Und tust du ohne Lügen, will ich dir immer bleiben hold. (229)

Wie schied aus dem Streite mein Bruder Gernot
Und andre meiner Freunde? Blieb uns jemand tot?
Oder wer tat das Beste? Das sollst du mir sagen.”
Da sprach der Bote balde: “Wir hatten nirgend einen Zagen. (230)

Zu des Streites Ernste ritt niemand so wohl,
viel edle Königstochter, weil ich es sagen soll,
Als der edle Fremdling aus dem Niederland:
Da wirkte große Wunder des kühnen Siegfriedes Hand. (231)

Was die Recken alle im Streite da getan,
Dankwart und Hagen und des Königs ganzer Bann,
Wie herrlich sie auch stritten, das war doch gar ein Wind
Allein gegen Siegfried, des Königs Siegmundes Kind. (232)

Sie haben in dem Sturme der Helden viel erschlagen;
Doch möcht euch dieser Wunder niemand ein Ende sagen,
Die da Siegfried wirkte, ritt er in den Streit.
Den Fraun an ihren Freunden tat er da mächtiges Leid. (233)

Da musste vor ihm fallen der Liebling mancher Braut.
Seine Schläge schollen auf Helmen also laut,
Dass sie aus Wunden brachten das fließende Blut:
Er ist in allen Dingen ein Ritter kühn und auch gut. (234)

Was da hat begangen von Metz Herr Ortwein:
Was er nur mocht erlangen mit dem Schwerte sein,
Das fiel vor ihm verwundert oder meistens tot.
Da schuf euer Bruder die allergrößte Not, (235)

Die nur in Stürmen jemals mochte sein geschehn;
Man muss dem Auserwählten die Wahrheit zugestehn.
Die stolzen Burgonden sind da so gefahren,
Das sie vor allen Schanden die Ehre mochten bewahren. (236)

Man sah von ihren Händen der Sättel viel geleert,
Als so laut das Feld erhallte von manchem lichten Schwert.
Die Recken von dem Rheine, die ritten allezeit,
Dass ihre Feinde besser vermieden hätten den Streit. (237)

Auch die kühnen Tronjer schufen viel Beschwer,
Als mit Volkeskräften zusammen ritt das Heer.
Da schlug so manchen nieder des kühnen Hagen Hand,
Dass viel davon zu sagen wär in der Burgonden Land. (238)

Sindolt und Haunolt in Gernotens Bann,
Und Rumolt der kühne haben so viel getan,
Dass es Lüdeger wahrlich immerdar beklagt,
Dass er euern Brüdern hier am Rhein hat abgesagt. (239)

Streit, den allerhöchsten, der aber da geschah,
Vom ersten bis zum letzten, den jemand nur sah,
Den focht der Degen Siegfried mit ritterlicher Hand:
Er bringt reiche Geisel her in König Gunthers Land. (240)

Die zwang mit seinen Kräften der streitbare Held,
Wovon der König Lüdegast den Schaden nun behält,
Und auch von Sachsenlanden sein Bruder Lüdeger:
Nun höret meine Märe, viel edle Königin hehr! (241)

Die beiden hat gefangen Siegfriedens Hand;
Nie so mancher Geisel kam in dieses Land
Als nun durch seine Tugend kommt an den Rhein.”
Ihr konntet diese Mären wohl nicht willkommener sein. (242)

“Die bringen der Gesunden fünfhundert oder mehr,
Und der zum Sterben wunden, das wisset, Königin hehr,
Wohl achtzig rote Bahren her in unser Land:
die hat zumeist verhauen des kühnen Siegfriedes Hand. (243)

Die uns so übermütig widersagten hier am Rhein,
Die müssen nun Gefangene König Gunthers sein:
Die bringt man mit Freuden her in dieses Land.”
Ihre lichte Farb erblühte, als ihr die Märe ward bekannt. (244)

Ihr Antlitz, das schöne, wurde rosenrot,
Da glücklich war geschieden aus so großer Not
Siegfried der junge, der waidliche Mann.
Sie war auch froh der Freunde; da tat sie gar wohl daran. (245)

Da sprach die Minnigliche: “Du hast mir Heil bekannt,
Dafür zum Lohne lass ich dir geben reich Gewand,
Und zehen Mark von Golde; die soll man dir tragen.”
Drum mag man solche Märe reichen Frauen gerne sagen. (246)

Man gab ihm zum Lohne das Geld und auch das Kleid.
Da trat an die Fenster wohl manche schöne Maid
Und schaute nach der Straße, durch die man reiten fand
Viel hochbeherzte Degen in der Burgonden Land. (247)

Da kamen die Gesunden, der Wunden Schar auch kam:
Die mochten grüßen hören von Freunden ohne Scham.
Der Wirt ritt seinen Gästen entgegen hoch erfreut:
Mit Freuden war beendet all sein mächtiges Leid. (248)

Da empfing er wohl die Seinen, die Fremden auch zugleich,
Wie es nicht anders ziemte dem Könige reich,
Als denen gütlich danken, die da waren kommen,
Dass sie den Sieg mit Ehren im Sturme hatten genommen. (249)

Da ließ sich Gunther Kunde von seinen Freunden sagen,
Wer ihm auf der Reise zu Tode wär erschlagen:
Da hatt er nichts verloren bis auf sechzig Mann;
Die musste man verschmerzen wie man noch manchen getan. (250)

Da brachten die Gesunden zerhauen manchen Rand,
Und viel zerschrotne Helme in König Gunthers Land.
Das Volk sprang von den Rossen vor des Königs Saal;
Zu liebem Empfange vernahm man größlichen Schall. (251)

Da gab man Herbergen den Recken in der Stadt.
Der König seine Gäste wohl zu pflegen bat;
Den Wunden ließ er Wartung und gute Ruh verleihn:
Wohl ließ er seine Tugend an den Feinden sichtbar sein. (252)

Er sprach zu Lüdegasten: “Nun seid mir willkommen.
Ich habe großen Schaden durch eure Schuld genommen:
Das wird mir nun vergolten, wenn ich das Glück gewann.
Gott lohne meinen Freunden; sie haben Liebes mir getan.” (253)

“Wohl mögt ihr ihnen danken,” sprach da Lüdeger,
“Solche hohe Geisel gewann kein König mehr.
Um ritterlich gewahrsam geben wir großes Gut,
Und bitten, dass ihr gnädiglich hier an euern Feinden tut.” (254)

“Ich will euch,” sprach er, “Beide ledig lassen gehn;
Nur dass meine Feinde hier bei mir bestehn,
Dafür verlang ich Bürgschaft, auf dass sie nicht mein Land

Verlassen ohne Frieden.” Darauf gab Lüdger die Hand. (255)

Man brachte sie zur Ruhe, wo man sie wohl verpflag,
Und bald auf guten Betten mancher Wunde lag.
Man schenkte den Gesunden Met und guten Wein:
Da konnte das Gesinde nimmer fröhlicher sein. (256)

Die zerhaunen Schilde man zum Verschlusse trug;
Blutgefärbter Sättel waren da genug:
Die ließ man verbergen, so weinten nicht die Fraun.
Da waren reisemüde viel gute Ritter zu schaun. (257)

Der König seine Gäste gar gütlich verpflag.
Von Heimischen und Fremden das Land erfüllet lag;
Er ließ die Fährlichwunden gütlich verpflegen:
Wie hart war darnieder nun ihr Übermut gelegen! (258)

Den wohlerfahrenen Ärzten bot man reichen Sold,
Silber ungewogen, dazu das lichte Gold,
Wenn sie die Helden heilten nach des Streites Not
Dazu viel große Gabe der König seinen Gästen bot. (259)

Wer wieder heimzureisen sann in seinem Mut,
Den bat man noch zu bleiben, wie man mit Freunden tut.
Der König ging zu Rate, wie er lohne seinen Bann:
Sie hatten seinen Willen nach allen Ehren getan. (260)

Da sprach der Herrne Gernot: “Lasst sie jetzt hindann:
Über sechs Wochen, sei ihnen kund getan,
Mögen sie wieder kommen zu einem Hofgelag:
Heil ist dann mancher, der erst schwer verwundet lag.” (261)

Da bat auch um den Urlaub Siegfried von Niederland.
Als dem König Gunther sein Wille ward bekannt,
Bat er ihn gar minniglich, noch bei ihm zu bestehn:
Wenn nicht um seine Schwester, so wär es nimmer geschehn. (262)

Dazu war er zu mächtig, dass man ihm böte Sold;
Er hätt es wohl verdient. Der König war ihm hold,
Und alle seine Freunde, die das mit angesehen,
Was da von seinen Händen in dem Kampfe war geschehn. (263)

Um der Schönen willen er noch zu bleiben sann,
Vielleicht, dass er sie sähe; was ward auch bald getan:
Ganz nach seinem Wunsche ward ihm die Magd bekannt.
Dann ritt er reich an Freuden heim in König Siegmunds Land. (264)

Der Wirt bat alle Tage der Ritterschaft zu pflegen:
Das tat mit gutem Willen mancher junge Degen;
Auch ließ er Sitz' errichten vor Wormes an dem Strand,
Denen die kommen sollten in der Burgonden Land. (265)

Nun hatt auch in den Tagen, als sie sollten kommen,
Kriemhild die schöne die Märe wohl vernommen,

Er stellt ein Hofgelage mit lieben Freunden an:
Da dachten schöne Frauen mit großem Fleiße daran, (266)

Gewand und Band zu suchen, das sie da wollten tragen.
Ute die Reiche vernahm die Märe sagen
Von den stolzen Recken, die da sollten kommen:
Da wurden aus der Lade viel reiche Kleider genommen. (267)

Ihrer Kinder willen ließ sie bereiten manches Kleid,
Womit gezieret wurden viel Fraun und manche Maid,
Und viel der jungen Recken aus Burgondenland.
Sie ließ auch manchem Fremden bereiten herrlich Gewand. (268)

5. Abenteuer

Wie Siegfried Kriemhilden zuerst ersah

Man sah der Helden täglich reiten an den Rhein,
Die bei dem Hofgelage gerne wollten sein.
Die Gunthern zu Liebe kamen in das Land,
Deren bot man Etlichen so Rosse wie auch Gewand. (269)

Da waren auch die Sitze allen schon erhöht,
Den Höchsten und den Besten, wie die Sage geht,
Zweiunddreißig Fürsten bei dem Hofgelag:
Da zierten alle Frauen sich um die Wette für den Tag. (270)

Da zeigte sich geschäftig der junge Geiselher.
Die Heimischen und Fremden mit gütlicher Gebeh
Empfing er sie mit Gernot und beider Fürsten Bann:
Wohl grüßten sie die Degen, wie es nach Ehren ward getan. (271)

Viel goldroter Sättel führten sie ins Land;
Zierliche Schilde und herrlich Gewand
Brachten sie zum Rheine bei dem Hofgelag:
Mancher Ungesunde der Freude von neuem pflag. (272)

Die wund im Bette lagen und litten harte Not,
Die mussten nun vergessen wie bitter sei der Tod;
Die Siechen und die Kranken vergaß man zu beklagen:
Es freute sich ein jeder entgegen festlichen Tagen. (273)

Wie sie da leben wollten im gastlichen Genuss!
Wonnen ohne Maßen, Freuden im Überfluss
Hatten alle Leute, so viel man immer fand:
Da hob sich große Freude über Gunthers ganzes Land. (274)

An einem Pfingsttage sah man des Morgens ziehn
Wonniglich gekleidet gar manchen Ritter kühn,
Fünftausend oder drüber, dem Hofgelag entgegen;
Da hub um die Wette viel Kurzweil sich allerwegen. (275)

Der Wirt, der hatt im Sinne, was er schon längst erkannt,
Wie so aus ganzer Seele der Held von Niederland
Seine Schwester liebe, ob er sie nie gesehn,
Der man den Preis erteilte vor allen Jungfrauen schön. (276)

* Er sprach: “Nun ratet alle, Freund oder Untertan,
Wie wir das Hofgelage am besten ordnen an,
Dass man uns nicht drum schelten möge nach der Zeit;
Es liegt doch an den Werken zuletzt das Lob, das man uns beut.” (277)

Da sprach zu dem Könige der Degen Ortwein:
“Wollt ihr mit vollen Ehren bei dem Hofgelage sein,
So lasst die lieben Kinder vor euern Gästen sehn,
Denen so viel Ehren bei den Burgonden geschehn. (278)

“Was wäre Mannes Wonne, was sollt er gerne schau,
Wenn nicht schöne Mägdlein und herrliche Fraun?
Drum lasst eure Schwester zu den Gästen gehn.”
Der Rat war manchem Helden zu großer Freude geschehn. (279)

“Dem will ich gerne folgen,” der König sprach da so.
Alle die es hörten waren darüber froh.
Er entbots Frau Utens Tochter wohlgetan,
Dass sie mit ihren Mägdelein zu Hofe ginge hinan. (280)

Da ward aus den Schreinen gesucht gut Gewand,
So viel man in der Lade des edeln Staates fand,
Von Borten und von Spangen: Des lag genug bereit.
Da zierte sich gar ritterlich manche waidliche Maid. (281)

Mancher junger Recke wünschte heut so sehr,
Dass er bei den Frauen gern gesehen wär,
Dass er dafür nicht nähme eines reichen König Land:
Sie sahen die da gerne, die ihnen waren bekannt. (282)

Da ließ der reiche König mit seiner Schwester gehn
Hundert seiner Recken, zu ihrem Dienst ersehnen,
Mit ihr und seiner Mutter, die Schwerter in der Hand:
Das war das Hofgesinde in der Burgonden Land. (283)

Ute die reiche sah man mit ihr kommen,
Die hatte schöner Frauen sich zum Geleit genommen
Hundert oder drüber, geschmückt mit reichem Kleid;
Auch ihrer Tochter folgte manche waidliche Maid. (284)

Aus eines Zimmers Türe sah man sie alle gehn.
Da musste großes Drängen von Helden bald geschehn,
Die alle harrend standen, ob es möge sein,
Dass sie da fröhlich sähen dieses edle Mägdelein. (285)

Da kam die Minnigliche: So tritt das Morgenrot
Hervor aus trüben Wolken. Da schied von mancher Not
Der sie im Herzen hegte, was lange war geschehn.

Er sah die Minnigliche nun gar herrlich vor sich stehn. (286)

Von ihrem Kleide leuchtete mancher Edelstein,
Ihre rosenrote Farbe gab minniglichen Schein.
Was jemand wünschen mochte, er musste doch gestehn,
Dass er auf dieser Erde noch nichts so Schönes gesehn. (287)

Wie der lichte Vollmond vor den Sternen schwebt,
Des Schein so hell und lauter sich aus den Wolken hebt,
So glänzte sie in Wahrheit vor andern Frauen gut:
Das mochte wohl erheben hier manchem Helden den Mut. (288)

Die reichen Kämmerlinge schritten vor ihr her;
Die hochgemuten Degen ließen es nun nicht mehr:
Sie drängten, dass sie sähen die minnigliche Maid.
Siegfried dem Degen war es leib und wieder leid. (289)

Er sprach in seinem Sinne: “Wie dacht ich je daran,
Dass ich dich minnen sollte? Das ist ein eitler Wahn;
Soll ich dich aber meiden so wär ich sanfter tot.”
Er ward von Gedanken oft bleich und oft wieder rot. (290)

Da sah man den Sieglinden-Sohn so minniglich da stehn,
Als ob er wär entworfen auf einem Pergamen
Von guten Meisters Händen: Gern man ihm gestand,
Dass man nie im Leben so schönen Helden noch fand. (291)

Die mit der Fraue gingen, die hießen aus den Wegen
Jeden vor ihr weichen: dem folgte mancher Degen.
Sie freuten sich im Herzen die Wonnigen zu schau'n:
Man sah in hohen Züchten viel der waidlichen Fraun. (292)

Da sprach von Burgonden der Herre Gernot:
“Dem Helden der so gütlich euch seine Dienste bot,
Gunther, lieber Bruder, dem bietet hier den Lohn
Vor allen diesen Recken: Des Rates spricht mir niemand Hohn. (293)

“Heißet Siegfrieden zu meiner Schwester kommen,
Dass ihn das Mägdlein grüße: Das bringt uns immer Frommen:
Die niemals Recken grüßte, soll sein mit Grüßen pflegen,
Dass wir uns so gewinnen diesen zierlichen Degen.” (294)

Des Wirtes Freunde gingen, wo man den Helden fand;
Sie sprachen zu dem Recken aus dem Niederland;
“Der König hat erlaubet, ihr sollt zu Hofe gehn,
Seine Schwester soll euch grüßen, die Ehre soll euch geschehn.” (295)

Der Held in seinem Mute war da hoch erfreut,
Er trug in seinem Herzen Liebe sonder Leid,
Dass er der schönen Ute Tochter sollte sehn:
Minniglicher Weise sie grüßte Siegfrieden schön, (296)

Als sie den Hochgemuten vor sich stehen sah.
Da erglühte seine Farbe; die Schöne sagte da:

“Willkommen, Herr Siegfried, ein edler Ritter gut.
Da ward ihm von dem Gruße wohl erhöht der Mut. (297)

Er neigte sich ihr minniglich, als er Dank ihr bot;
Da zwnag sie zueinander sehnender Minne Not;
Mit liebem Blick der Augen sahn einander an
Der Held und auch das Mägdelein; das ward verstohlen getan. (298)

Ward freundlich da geliebkos't ihre weiße Hand
In rechter Herzensminne, das ist mir nicht bekannt.
Doch kann ich auch nicht glauben, sie hättens nicht getan:
Zwei liebende Herzen täten unrecht daran. (299)

Zu des Sommers Zeiten und in des Maien Tagen
Dürft er in seinem Herzen nimmer wieder tragen
So viel der hohen Wonne, als er da gewann,
Da sie ihm ging zur Seite, die der Held zu minnen sann. (300)

Da gedachte mancher Recke: “Hei! Wär mir so geschehn,
Dass ich ihr ging zur Seite, wie ich ihn gesehn,
Oder bei ihr läge! Das nähm ich gerne hin.”
Es diente nie ein Recke so gut einer Königin. (301)

Aus welchen Königs Landen ein Gast gekommen war,
Er nahm im ganzen Saale nur dieser beiden wahr.
Ihr ward erlaubt zu küssen den waidlichen Mann:
Ihm ward auf dieser Erde nie so Liebes getan. (302)

Von Dänemark der König begann und sprach sogleich:
“Des hohen Grußes willen liegt mancher krank und bleich,
Wie ich nun wohl gewahre, von Siegfriedens Hand:
Gott lass ihn nimmer wieder kommen in der Dänen Land.” (303)

Dass hieß man allenthalben weichen aus den Wegen
Der schönen Kriemhilde: manchen kühnen Degen
Sah man wohl gezogen mit ihr zur Kirche gehn.
Da ward von ihr geschieden dieser Degen ausersehn. (304)

Da ging sie zu dem Münster; ihr folgten viel der Fraun.
Da war so wohl gezieret die Königin zu schau,
Dass da hoher Wünsche mancher ward verloren;
Sie war zur Augenweide manchem Recken auserkoren. (305)

Kaum erharrte Siegfried bis schloss der Messgesang;
Er mochte seinem Heile des immer sagen Dank,
Dass ihm die so hold war, die er im Herzen trug:
Auch war er der Schönen nach Verdienste hold genug. (306)

Als sie aus dem Münster nach der Messe trat,
Zu ihr zurück zu gehen man den Kühnen bat.
Da begann ihm erst zu danken die minnigliche Maid,
Dass er vor allen Recken so kühn gefochten im Streit. (307)

“Nun lohn euch Gott, Herr Siegfried,” so sprach das edle Kind,

“Dass ihrs verdienen konntet, dass euch die Recken sind
So hold mit ganzer Treue, wie sie zumal gestehn.”
Da begann er Frau Kriemhilden minniglich anzusehn. (308)

“Stets will ich ihnen dienen,” sprach Siegfried der Degen,
“Und will mein Haupt zur Ruhe niemals niederlegen
Bis ihr Wunsch geschehen, hält mir das Leben an:
Das sei zu euerm Dienste, meine Frau Kriemhilde, getan.” (309)

Innerhalb zwölf Tagen, so oft es neu getagt,
Sah man bei dem Degen die wonnevolle Magd,
So sie zu Hofe durfte vor ihre Freunde gehn.
Der Dienst war dem Recken aus großer Liebe geschen. (310)

Freude und Wonne und hohen Jubelschall
Sah man alle Tage vor König Gunthers Saal,
Davor und darinnen, gar manchen kühnen Mann.
Ortwein und Hagen großer Wunder viel getan. (311)

Was man zu üben wünschte, des waren gleich bereit
In völliglichem Maße die Degen kühn im Streit.
Da machten vor den Gästen die Recken sich bekannt:
Davon so war gezieret König Gunthers ganzes Land. (312)

Die verwundet lagen wagten sich an den Wind:
sie wollten kurzweilen mit dem Ingesind,
Schirmen mit den Schilden und schießen mit dem Schaft:
Das halfen ihnen viele; sie hatten gar große Kraft. (313)

Bei dem Hofgelage ließ sie der Wirt verpflegen
Mit der besten Speise; es durfte sich nicht regen
Nur der kleinste Tadel, der Fürsten mag entstehn:
Man sah in jetzo freundlich hin zu seinen Gästen gehn. (314)

Er sprach: “Ihr guten Recken, bevor ihr reitet hin,
So nehmet meine Gabe: Also steht mein Sinn,
Ich will euch immer danken; verschmähet nicht mein Gut,
Es unter euch zu teilen, dazu hab ich festen Mut.” (315)

Die vom Dänenlande sprachen gleich zur Hand:
“Bevor wir wieder reiten heim in unser Land,
Gewährt uns steten Frieden, das tut uns Recken Not:
Uns sind von euren Degen viel der leiben Freunde tot.” (316)

Geheilt von seinen Wunden war Lüdegast in der Zeit,
Der Vogt der Sachsen mochte genesen wohl vom Streit.
Etliche Tote ließen sie im Land.
Da ging der König Gunter hin wo er Siegfrieden fand. (317)

Er sprach zu dem Recken: “Nun rate, wie ich tu:
Unsre Gäste wollen reiten morgen früh;
Sie wünschen stete Sühne mit mir und meinem Bann:
Nun rate, Degen Siegfried, was dich dünke wohlgetan. (318)

Wes sich die Herrn getrösten, das will ich dir sagen:
Was fünfhundert Mähren an Golde mögen tragen,
Das bieten sie mir gerne für ihre Freiheit an.”
Da sprach aber Siegfried: “Ihr tötet übel daran. (319)

Ihr sollt sie ungehindert von hinnen lassen fahren;
Nur dass die edeln Recken fürder sich bewahren
Vor feindlichem Reiten her in euer Land,
Lasst euch zum Pfande geben der beiden Könige Hand.” (320)

“Dem Rate will ich folgen, sie ziehn damit hindann.”
Da ward es seinen Feinden beiden kundgetan,
Ihr Gold begehrte niemand, das sie geboten eh.
Daheim den lieben Freunden war nach den Heermüden weh. (321)

Viel Schilde Schatz beladen trug man da herbei:
Das teilt' er ungewogen seinen Freunden frei,
An fünfhundert Marken oder gar noch mehr;
Gernot riet es Gunthern, dieser Degen kühn und hehr. (322)

Da baten sie um Urlaub, sie wollten nun von dann.
Die Gäste gingen alle vor Kriemhild heran,
Und dahin auch wo Frau Ute saß, die Königin.
Es zogen nie mehr Degen so wohl beurlaubt dahin. (323)

Die Herbergen leerten sich, als sie von dannen ritten;
Doch verblieb im Lande mit herrlichen Sitten
Der König mit den Seinen und mancher edle Mann:
Die gingen alle Tage zu Kriemhilden heran. (324)

Da wollt auch Urlaub nehmen Siegfried der gute Held,
Verzweifelnd zu erwerben, worauf sein Sinn gestellt.
Der König hörte sagen, er wolle nun von dann:
Geiselher der junge ihn von der Reise gewann. (325)

“Wohin, edler Siegfried, wohin reitet ihr?
Höret meine Bitte, bleibt bei den Recken hier,
Bei Gunther dem Könige und bei seinem Lehn:
Hier sind viel schöne Frauen, die lässt man euch gerne sehn.” (326)

Da sprach der starke Siegfried: “So lasst die Rosse stehn.
Von hinnen wollt ich reiten, das lass ich mir vergehn;
Tragt auch hinweg die Schilde: wohl wollt ich in mein Land;
Davon hat mich Herr Geiselher wohl mit Ehren gewandt.” (327)

So blieb durch Freundes Liebe noch der kühne Held;
Auch wär ihm wohl nimmer irgend in der Welt
So wohl als hier geworden: daher es nun geschah,
Dass er alle Tage die schöne Kriemhilde sah. (328)

Ihrer hohen Schönheit willen der Degen da verblieb.
Mit mancher Kurzweile man nun die Zeit vertrieb;
Nur zwang ihn ihre Minne, die schuf ihm oftmals Not,
Darum hernach der Kühne lag zu großem Jammer tot. (329)

6. Abenteuer

Wie Gunther um Brunhilde warb

Wieder neue Märe erhob sich über Rhein:
Man sagte sich da wäre manches Mägdelein.
Sich eins davon zu werben sann König Gunthers Mut
Das dächte seine Recken und die Herren alle gut. (330)

Es war eine Königstochter gesessen überm Meer,
Ihr zu vergleichen war keine andre mehr.
Schön war sie aus der Maßen, gar groß war ihre Kraft;
Sie schoss mit schnellen Degen um ihre Minne den Schaft. (331)

Den Stein warf sie ferne, nach dem sie weithin sprang;
Wer ihrer Minne gehrte, der musste sonder Wank
Drei Spiel ihr abgewinnen, der Frauen wohlgeboren;
Gebrach es ihm an einem, so war das Haupt ihm verloren (332)

Das hatte die Jungfrau gar manches Mal getan.
Das erfuhr am Rheine ein Ritter wohlgetan,
Der seine Sinne wandte auf das schöne Weib.
Drum mussten bald viele Degen verlieren Leben und Leib. (333)

* Als einst mit seinen Leuten saß der König hehr,
Ward es von allen Seiten beraten hin und her,
Welche ihr Herre sollte zum Weibe sich ersehnen,
Die er zur Frauen wollte, und dem Lande möchte wohl anstehn. (334)

Da sprach der Vogt vom Rheine: "Ich will an die See
Hin zu Brunhilden, wie es mir ergeh.
Ich will um ihre Minne verwagen meinen Leib,
Und den will ich verlieren, gewinn ich sie nicht zum Weib." (335)

"Das will ich widerraten," hub Siegfried an und sprach,
"Es lebt so grimmer Sitte die Königstochter nach,
Wer wirbt um ihre Minne, dem kommt es hoch zu stehn:
Drum mögt ihrs wohl entraten auf diese Reise zu gehn." (336)

* Da sprach der König Gunther: "Nie wurde noch ein Weib
So stark und kühn geboren, dass ich nicht ihren Leib
Im Streit bezwingen wollte allein mit meiner Hand."
"Schweiget," sprach da Siegfried, "euch ist die Frau nicht bekannt:
(337)

* Und wären Eurer Viere, die könnten nicht gedeihn
Vor ihren starken Kräften: drum lasst den Willen sein,
Das rat ich euch in Treuen: Entgeht ihr gern dem Tod,
So macht um ihre Minne euch nicht vergebliche Not." (338)

* “Sei sie so stark sie wolle, die Reise muss ergehn
Hin zu Brunhilden, mag mir was will geschehn;
Ihrer hohen Schönheit willen muss es gewaget sein;
Vielleicht dass Gott vergönnet, dass sie mir folgt an den Rhein.” (339)

“So höret was ich rate,” begann da Hagen,
“Ihr bittet Siegfrieden mit euch zu wagen
Die fährliche Reise; das ist der beste Rat,
Weil er von Brunhilden so gute Kunde doch hat.” (340)

Er sprach: “Viel edler Siegfried, willst du mein Helfer sein
Zu werben um die Schöne? Tu nach der Bitte mein;
Und gewinn ich mir zur Trauten das minnigliche Weib,
So ver wag ich deinetwillen Ehre, Leben und Leib.” (341)

Da versetzte Siegfried, Siegmundens Sohn:
“Ich will es tun, versprichst du die Schwester mir zum Lohn,
Die schöne Kriemhilde, eine Königin hehr;
So begehrt ich keines Lohnes nach meinen Arbeiten mehr.” (342)

“Das gelob ich,” sprach da Gunther, “Siegfried, an deine Hand.
Und kommt die schöne Brunhild hierher in dieses Land,
So will ich dir zum Weibe meine Schwester geben:
So magst du mit der Schönen immer in Freuden leben.” (343)

Des schwuren sie sich Eide, die Ritter kühn und hehr,
Ihnen schuf es in der Ferne der Sorgen desto mehr,
Ehe sie die Fraue brachten an den Rhein;
Drob mussten die Kühnen bald in großen Nöten sein (344)

* Von wilden Gezwergen hört ich Märe sagen,
Dass sie in hohlen Bergen wohnen und Schirme tragen,
Die heißen Tarnkappen, von wunderbarer Art:
Wer sie am Leibe trage, der sei gar wohl darin bewahrt (345)

* Vor Schlägen und vor Stichen; ihn mög auch niemand sehn
So lang er drin verweile; hören doch und spähn
Mag er nach seinem Willen, dass niemand sein gewahrt;
Ihm wachsen auch die Kräfte, wie uns die Märe offenbart. (346)

Der Herre Siegfried führte die Tarnkappe mit,
Die der kühne Degen mit Sorgen einst erstritt
Von dem starken Zwerge mit Namen Alberich;
Da schickten sich zur Reise Recken kühn und ritterlich. (347)

Wenn der starke Siegfried die Tarnkappe trug,
So gewann er drinnen der Kräfte genug,
Zwölf Männer Stärke zu der im eignen Leib;
Er erwarb mit großen Listen dieses herrliche Weib. (348)

Auch war so beschaffen die Nebelkappe gut,
Ein Jeder mochte drinnen tun nach seinem Mut
Was er immer wollte, dass ihn noch niemand sah.
Damit gewann er Brunhild, durch die ihm bald viel Leid geschah. (349)

“Nun sag mir, Degen Siegfried, eh meine Fahrt gescheh,
Wie wir mit vollen Ehren kommen an die See?
Sollen wir Recken führen in Brunhildens Land?
Dreißigtausend Degen, die werden eilends besandt.” (350)

* “Wie viel wir Volkes führten,” Siegfried widersprach,
“Es lebt so grimmer Sitte die Königin nach,
Das müsste doch ersterben vor ihrem Übermut.
Ich will euch besser raten, Degen ihr kühn und gut. (351)

* “In Reckenweise fahren wir zu Tal den Rhein.
Die will ich dir nennen, die das sollen sein:
Wir fahren selbvierte nieder an die See,
Die Frau zu erwerben, was uns hernach auch gescheh. (352)

“Der Gesellen bin ich einer, du sollst der andre sein,
Und Hagen sei der dritte; wir mögen wohl gedeihn:
Der vierte das sei Dankwart, dieser kühne Mann:
Es dürfen andrer tausend zum Streite nimmer uns nahn.” (353)

“Die Märe wüsst ich gerne,” der König sprach da so,
“Eh wir von hinnen führen (des wär ich herzlich froh),
Was wir für Kleider sollten vor Brunhilden tragen,
Die uns geziemen möchten: Siegfried, das sollst du mir sagen.” (354)

“Die allerbesten Kleider, die man irgend fand,
Trägt man zu allen Zeiten in Brunhildens Land:
Drum lasst uns reiche Kleider vor der Frauen tragen,
Dass wir nicht Schande haben, hört man künftig von uns sagen.” (355)

* Da sprach der gute Degen: “So geh ich selber dann
Zu meiner lieben Mutter, ob ichs erbitten kann,
Dass uns Gewand bereite der schönen Mägdlein Hand,
So wir mit Ehren tragen in der hehren Jungfrau Land.” (356)

* Da sprach von Tronje Hagen mit herrlichen Sitten:
“Was wollt ihr eure Mutter um solche Dienste bitten?
Lasst eure Schwester hören was euer Sinn begehrt,
So werden ihre Dienste zu dieser Hoffahrt euch gewährt.” (357)

Da entbot er seiner Schwester, er wolle sie sehn,
Und auch der Degen Siegfried. Bevor das war geschehn,
Da hatte sich die Schöne geschmückt mit reichem Kleid:
Dass die Herren kamen schuf ihr wenig Herzeleid. (358)

Da war auch ihr Gesinde geschmückt nach seinem Stand.
Die Fürsten kamen beide; kaum war es ihr bekannt,
Da erhob sie sich vom Sitze: wie züchtig sie da ging,
Als sie den edeln Fremdling und ihren Bruder empfing. (359)

“Sei willkommen, Bruder und der Geselle dein.
Nun möcht ich gerne hören,” sprach das Mägdlein,
“Was euch Herrn geliebet, dass ihr zu Hofe kommt:

Nun lasst mich bald erfahren, was euch edeln Recken frommt.” (360)

Da sprach der König Gunther: “Frau, ich wills euch sagen.
Wir müssen große Sorge bei hohem Mute tragen:
Wir wollen werben reiten fern in fremdes Land,
Und möchten zu der Reise haben zierlich Gewand.” (361)

“Nun sitzet, lieber Bruder,” sprach das Königskind,
“Und lasst mich erst erfahren, wer die Frauen sind,
Die ihr gedenkt zu minnen in fremder Könige Land?”
Die Auserwählten beide nahm die Fraue bei der Hand; (362)

Da ging sie mit den beiden hin, wo sie eben saß,
Zu einem reichen Polster, wohl vernahm ich das,
Gewirkt mit guten Bildern, in Golde wohl erhaben:
Sie mochten bei den Frauen gute Kurzweile haben. (363)

Freundliche Blicke und gütliches Sehn,
Das mochte von den beiden viel hin und her geschehn.
Er trug sie in dem Herzen, sie war ihm wie sein Leib;
Bald ward die schöne Kriemhild des kühnen Siegfriedes Weib. (364)

* Da sprach der reiche König: “Viel liebe Schwester mein,
Ohne eine Hilfe kann es nimmer sein:
Wir wollen abenteuer in Brunhildens Land,
Da müssen wir vor Frauen tragen herrlich Gewand.” (365)

* Da sprach die Jungfraue: “Viel lieber Bruder mein,
Kann euch an meiner Hilfe dabei gelegen sein,
So sollt ihr inne werden, dass ich dazu bereit,
Und tus mit gutem Willen,” sprach die wonnigliche Maid. (366)

* Ihr sollt mich, edler Ritter, nicht in Sorgen bitten,
Ihr sollt mir gebieten mit herrlichen Sitten;
Was euch von mir gefalle, ich bin dazu bereit,
Und tus mit gutem Willen,” sprach die wonnigliche Maid. (367)

* “Wir wollen, liebe Schwester, tragen gut Gewand:
Das soll uns schaffen helfen eure edle Hand.
Lasst eure Mägdlein sorgen, dass es uns herrlich steht,
Da man uns diese Reise doch vergebens widerrät.” (368)

Da sprach die Jungfraue: “Nun merkt die Rede mein:
Wir haben selber Seide: nun schafft, dass man Gestein
Uns auf den Schilden bringe, so wirken wir das Kleid.”
Dazu war König Gunther und Siegfried gerne bereit. (369)

“Wer sind die Gesellen,” sprach die Königin,
“Die mit euch gekleidet zu Hofe sollen ziehn?”
Er sprach: “Unser Viere. Zwei aus meinem Lehn,
Dankwart und Hagen, sollen mit mir zu Hofe gehn. (370)

“Nun sollt ihr wohl behalten, was ich euch, Fraue, sage:
Schafft, dass ich selbvierter zu vier Tagen trage

Je der Kleider dreierlei, und also gut Gewand,
Dass wir ohne Schande räumen Brunhildens Land.” (371)

Mit gutem Urlaub gingen die beiden Herren hin.
Da berief die Jungfrau die schöne Königin
Aus ihrer Kemenate dreißig Mägdelein,
Die gar sinnreich mochten zu solchen Übungen sein. (372)

In arabische Seide, so weiß als der Schnee,
Und gute Zazamanker, so grün als der Klee,
Legten sie Gesteine: das gab ein gut Gewand;
Die hehre Kriemhilde schnitts mit eigener Hand. (373)

Von fremder Fische Häuten Bezüge wohlgetan;
Die zu schauen fremde waren jedermann,
Bedeckten sie mit Seide, die sie sollten tragen;
Nun höret große Wunder von dem lichten Staate sagen: (374)

Aus dem Land Marokko und auch von Libya
Der allerbesten Seide, die man jemals sah
Bei königlichem Stamme, besaßen sie genug:
Wohl ließ Kriemhilde schauen, dass sie Sorge für sie trug. (375)

Weil sie zu ihrer Reise so hohe Tracht begehrt,
Des Hermelines Felle, die däuchten sie viel wert,
Darob von Kohlschwärze mancher Flecken lag:
Das trügen schnelle Helden noch gern bei einem Hofgelag. (376)

Aus arabischem Golde glänzte mancher Stein;
Der Frauen Unmuße war nicht zu klein.
Sie schufen die Gewande in sieben Wochen Zeit;
Da war auch Gewaffen den guten Recken bereit. (377)

Da sie bereit waren, da war auch auf dem Rhein
Gleißiglich gezimmert ein starkes Schifflein,
Das sie tragen sollte hinunter an die See:
Den edeln Jungfrauen war von vieler Arbeit weh. (378)

* Da sagte man den Recken, es sei für sie zur Hand,
Womit sie reisen sollten, das zierliche Gewand.
Alles was sie wünschten, das war nun geschehn;
Da wollten sie nicht länger mehr an dem Rheine bestehn. (379)

Zu den Heergesellen ein Bote war gesandt,
Ob sie schauen wollten ihr neues Gewand,
Ob es den Helden wäre zu kurz oder zu lang;
Es war von rechtem Maße; des sagten sie den Frauen Dank. (380)

* Vor wen sie immer kamen, die mussten all gestehn,
Sie hätten nie auf Erden besser Gewand gesehn.
Drum mochten es die Helden zu Hofe gerne tragen:
Von besserm Ritterstaate wusste niemand mehr zu sagen. (381)

Wohl ward den schönen Maiden großer Dank gesagt.

Da baten um den Urlaub die Recken unverzagt;
In ritterlichen Züchten taten die Herren das.
Da wurden lichte Augen trüb von Weinen und nass. (382)

Sie sprach: "Viel lieber Bruder, ihr bliebet besser hier
Und würbet andre Frauen; das schiene klüger mir;
Wo ihr nicht wagen müsstet das Leben und den Leib.
Ihr findet in der Nähe wohl ein so hoch geboren Weib." (383)

Dass ihnen Leid hier sprieße, das Herz tats ihnen kund.
Sie mussten alle weinen, was reden mocht ein Mund.
Das Gold vor ihren Brüsten ward von Tränen fahl:
Die fielen ihnen dichte von den Augen zu Tal. (384)

Da sprach sie: "Herr Siegfried, lasst euch befohlen sein
Auf Treue und auf Gnade den lieben Bruder mein,
Auf dass ihn nichts gefährde in Brunhildens Land."
Das versprach der Kühne Frau Kriemhilden in die Hand. (385)

Da sprach der reiche Degen: "So lang mein Leben währt
Seit seintwegen, Fraue, von Sorgen unbeschwert.
Ich bring ihn euch geborgen wieder an den Rhein:
Das dürft ihr sicher glauben." Da dankt' ihm schön das Mägdelein.
(386)

Die goldfarbnen Schilde trug man an den Strand,
Und brachte zu dem Schiffe all ihr Rüstgewand;
Ihre Rosse ließ man bringen; sie wollten nun hindann.
Alsbald von schönen Frauen großes Weinen begann. (387)

Da stand in den Fenstern manch minnigliches Kind;
Das Schiff mit seinem Segel ergriff ein hoher Wind.
Die stolzen Heergesellen saßen auf dem Rhein;
Da sprach der König Gunther: "Wer soll nun Schiffmeister sein?" (388)

"Ich will es sein," sprach Siegfried, "ich kann euch auf der Flut
Wohl von binnen führen, das wisset, Helden gut;
Die rechten Wasserstraßen, die sind mir wohl bekannt."
So schieden sie fröhlich aus der Burgonden Land. (389)

Eine Ruderstange Siegfried bald gewann:
Vom Gestad zu schieben fing er kräftig an.
Gunther der Kühne ein Ruder selber nahm.
Da huben sich vom Lande die schnellen Ritter lobesam. (390)

Sie führten reiche Speise, dazu guten Wein,
Den besten, den sie finden mochten um den Rhein.
Die Rosse standen eben; sie hatten gute Ruh.
Das Schifflin auch ging eben: wenig Leid stieß ihnen zu. (391)

Ihre starken Segelseile wurden angestrengt:
Sie fuhren zwanzig Meilen, eh sich der Tag gesenkt,
Mit einem guten Winde nieder nach der See:
Ihr starkes Arbeiten tat noch schönen Frauen weh. (392)

An dem zwölften Morgen, wie wir hören sagen,
Da hatten sie die Winde weit hinweg getragen
Nach Isenstein der Veste in Brunhildens Land.
Das war der Degen keinem als Siegfrieden nur bekannt. (393)

Als der König Gunther so viel der Burgen sah
Und auch der weiten Marken, wie balde sprach er da:
“Nun sagt mir, Freund Siegfried, ist euch das bekannt?
Wem sind diese Burgen und alle das herrliche Land? (394)

* “Ich hab in meinem Leben, das muss ich wohl gestehn,
So wohl gebauter Burgen nie so viel gesehn,
In irgend einem Lande, als wir hier ersahn:
Der sie erbauen konnte war wohl ein mächtiger Mann.” (395)

Antwort gab ihm Siegfried: “Es ist mir wohl bekannt;
Es ist Brunhilden beides, die Burgen wie das Land,
Und Isenstein die Veste, glaubt mir fürwahr:
Da mögt ihr heute schauen schöner Frauen große Schar. (396)

“Ich will euch Helden raten: Seid all von einem Mut
Und sprecht in gleichem Sinne, so dünkt es mich gut;
Wenn wir nun heute vor Brunhilden gehn,
So müssen wir mit Sorgen vor der Königstochter stehn. (397)

“Wenn wir die Minnigliche bei ihren Leuten sehn,
Sollt ihr, erlauchte Helden, nur einer Rede stehn:
Gunther sei mein Herre und ich sein Untertan;
So wird ihm sein Verlangen nach seinem Wunsche getan.” (398)

Sie waren all willfährig zu tun wie er sie hieß,
In seinem Übermute es auch nicht einer ließ,
Sie sprachen, wie er wollte; wohl frommt' es ihnen da,
Als der König Gunther die schöne Brunhilde sah. (399)

* “Wohl tu ichs nicht so gerne um den Willen dein,
Als um deine Schwester, das schöne Mägdelein:
Die ist mir wie die Seele und wie mein eigener Leib;
Ich will es gern verdienen, dass sie werde mein Weib.” (400)

7. Abenteuer

Wie Gunther Brunhilden gewann

Ihr Schiffelein unterdessen war auf der Wogenflut
Zur Burg heran geschwommen; da sah der König gut
Oben in den Fenstern manche schöne Maid;
Dass er sie nicht erkannte, das war in Wahrheit ihm leid. (401)

Er fragte Siegfrieden, den Gesellen sein:

“Hättet ihr wohl Kunde um diese Mägdelein,
Die droben nach uns schauen hernieder auf die Flut?
Wie ihr Herr auch heiße, es sind Frauen hochgemut.” (402)

Da sprach der Herre Siegfried: “Nun sollt ihr heimlich spähn
Nach den Jungfrauen, und sollt mir dann gestehen
Welche ihr nehmen wolltet, wär euch die Wahl verliehn.”
“Das will ich,” sprach da Gunther, dieser Ritter schnell und kühn. (403)

“So schau ich ihrer eine in jenem Fenster an,
Im Schneeweißen Kleide, die ist so wohlgetan:
Die wählen meine Augen um ihren schönen Leib;
Wenn ich gebieten dürfte, sie müsste werden mein Weib.” (404)

“Dir hat recht erkoren deiner Augen Schein:
Es ist die edle Brunhild, das schöne Mägdelein,
Nach der dein Herze ringet, dein Sinn und auch dein Mut.”
Ihre Gebärden alle däuchten König Gunthern gut. (405)

Da hieß die Königstochter von den Fenstern gehn
Ihre herrlichen Maide: Sie sollten nicht da stehn
Zum Anblick für die Fremden; sie folgten unverwandt.
Was da die Frauen taten, das ist uns auch wohl bekannt. (406)

Sie zierten den fremden Gästen sich entgegen
Wie zu allen Zeiten schöne Frauen pflegen:
Dann an die Fensterscharten traten sie heran,
Dass sie die Helden sähen: Das war aus Neugier getan. (407)

* Nicht mehr als Viere waren, die kamen in das Land.
Siegfried der kühne ein Ross zog auf den Strand.
Das sahen durch die Fenster die schönen Frauen an:
Große Ehre däuchte sich König Gunther getan. (408)

* Er hielt ihm bei dem Zaune das zierliche Ross,
Das war gut und stattlich, stark dazu und groß,
Bis der König Gunther fest im Sattel saß.
Also dient' ihm Siegfried, was er doch später ganz vergaß. (409)

* Da zog er auch das seine aus dem Schiff heran;
Er hatte solche Dienste gar selten sonst getan.
Dass er am Stegreif Helden je gestanden wär.
Das sahen durch die Fenster diese schönen Frauen hehr. (410)

Es war in gleicher Weise den Degen allbereit
Von schneebanker Farbe das Ross und auch das Kleid,
Dem einen wie dem andern, und schön der Schilder Rand:
Die warfen hellen Schimmer an der edeln Recken Hand. (411)

So ritten sie herrlich vor Brunhildens Saal,
Ihre Sättel wohl gesteinert, die Brustriemen schmal;
Daran hingen Schellen von lichtigem Golde rot:
Sie kamen zu dem Lande wie ihre Tugend gebot. (412)

* Mit Speeren wohl geschliffen, mit Schwertern wohlgetan,
Die reichten den Kühnen bis zum Sporn hinan.
Die Wohlgemuten führten ihn scharf genug und breit:
Das alles sah Brunhilde, die viel herrliche Maid. (413)

Mit ihm kam da Dankwart und der Degen Hagen:
Diese Ritter trugen, wie wir hören sagen,
Von rabenschwarzer Farbe ein reich gewirktes Kleid;
Neu waren ihre Schilde, gut, dazu auch lang und breit. (414)

Von India dem Lande trugen sie Gestein,
Das warf an ihrem Kleide auf und ab den Schein.
Sie ließen unbehütet das Schiffllein bei der Flut.
So ritten nach der Veste diese Heldenkühn und gut. (415)

Sechsendachtzig Türme sahn sie darin zumal,
Drei weite Pfalzen und einen schönen Saal
Von edelm Marmelsteine so grün als wie das Gras,
Darin Brunhilde selber mit ihrem Ingesinde saß. (416)

Die Burg war erschlossen, weithin aufgetan;
Entgegen liefen ihnen die in Brunhilds Bann,
Die Gäste zu empfangen in ihrer Herrin Land.
Die Rosse nahm man ihnen und die Schilde von der Hand. (417)

Da sprach der Kämmerer einer: "Gebt uns euer Schwert
Und die lichten Panzer." "Das wird euch nicht gewährt,"
Sprach von Tronje Hagen, "wir wollens selber tragen."
Da begann ihm Siegfried von des Hofes Gebrauch zu sagen: (418)

"In dieser Burg ist Sitte, das will ich euch sagen,
Dass die Gäste nimmer Waffen sollen tragen:
Lasst sie von hinnen bringen, das ist wohl getan."
Ihm folgte wider Willen Hagen, König Gunthers Mann. (419)

Man ließ den Gästen schänken und schaffen gute Ruh.
Manchen schnellen Recken sah man dem Hofe zu
Allenthalben gehen in fürstlichem Gewand:
Doch wurden nach den Kühnen rings her die Blicke gesandt. (420)

* Da wurden auch Brunhilden gesagt die Mären,
Dass unbekannte Recken gekommen wären
In herrlichem Gewande geflossen auf der Flut;
Darob begann zu fragen diese Jungfrau schön und gut: (421)

"Ihr sollt mich wissen lassen," sprach das Königskind,
"Wer die unbekanntten Recken dorten sind,
Die ich stehen sehe so herrlich und hehr,
Und wem zu Leib die Helden wohl gefahren sind hieher." (422)

Des Gesindes sprach da einer: "Frau, ich muss gestehn,
Dass ich ihrer keinen je zuvor gesehn;
Doch einer ist darunter, der Siegfrieds Weise hat:
Den sollt ihr wohl empfangen; das ist, Herrin, mein Rat. (423)

* Der andre der Gesellen, gar löblich dünkt er mich;
Wenn er die Macht besäße, zum König ziemt' er sich
Ob weiten Fürstenlanden; die mag er wohl versehn.
Man sieht ihn bei den andern dort so recht herrlich stehn. (424)

* Der dritte der Gesellen, der ist von grimmem Sinn,
Doch auch von schönem Wuchse, reiche Königin.
Die Blicke sind geschwinde, deren so viel er tut:
Er hat in seinem Sinne, ich wähne, grimmigen Mut. (425)

* Der Jüngste darunter, gar löblich dünkt er mich,
Man sieht den reichen Degen so recht minniglich
In jungfräulicher Sitte und edler Haltung stehn:
Wir müsstens alle fürchten, wär ihm ein Leid hier geschehn. (426)

* So freundlich er gebahre, so wohlgetan sein Leib.
Er brächte doch zum Weinen manch waidliches Weib,
Wenn er begann zu zürnen: sein Wuchs ist wohl so gut,
Er ist an allen Tugenden ein Ritter kühn und wohlgemut." (427)

Da sprach die Königstochter: "Nun bringt mir mein Gewand:
Und ist der starke Siegfried gekommen in mein Land
Um meiner Minne willen, es geht ihm an den Leib:
Ich fürcht ihn nicht so heftig, dass ich würde sein Weib. (428)

Brunhild die schöne trug bald erlesen Kleid.
Da ging an ihrer Seite manche schöne Maid,
Wohl hundert oder drüber; geziert war ihr Leib:
Die Gäste wollte schauen manches waidliche Weib. (429)

Mit ihnen gingen Degen und Isenland,
Brunhildens Recken, die Schwerter in der Hand,
Fünfhundert oder drüber; das war den Gästen leid.
Aufstanden von den Sitzen die kühnen Helden allbereit. (430)

Als die Königstochter Siegfrieden sah,
Wohl gezogen sprach sie zu dem Gaste da:
"Willkommen sied, Herr Siegfried, hier in diesem Land.
Was meinet eure Reise? Das macht mir, bitt ich, bekannt." (431)

"Viel Dank muss ich euch sagen, Frau Brunhild,
Dass ihr geruht mich grüßen, Fürstentochter mild,
Vor diesem edeln Recken, der hier vor mir steht;
Denn er ist mein Herre: der Ehre Siegfried wohl enträt. (432)

Er ist am Rheine König, was soll ich sagen mehr?
Nur um deinetwillen fuhren wir hierher.
Er will dich gerne minnen, was ihm geschehen mag.
Nun bedenke dich bei Zeiten: Mein Herr lässt nimmermehr nach. (433)

Er ist geheißßen Gunther, ein König reich und hehr;
Erwirbt er deine Minne, nichts weiter wünscht er mehr.
Mit ihm bin ich gefahren in dieses Land um dich!

Wenn er mein Herr nicht wäre, so ließ ich es sicherlich.” (434)

Sie sprach: “Ist er dein Herre, stehst du in seinem Lehn,
Kann er, die ich erteile, meine Spiele dann bestehn
Und bleibt darin der Meister, so wird ich sein Weib:
Gewinn ich aber eines, es geht euch allen an den Leib.” (435)

Da sprach der Tronje Hagen: “Nun zeigt uns, Königin,
Was ihr für Spiel' erteilet. Eh euch den Gewinn
Mein Herre Gunther ließe, so müsst es übel sein:
Er getraut wohl zu erwerben ein so schönes Mägdelein.” (436)

“Den Stein soll er werfen und springen darnach,
Den Speer mit mir schießen: Drum sei euch nicht zu jach.
Ihr könnt hier leicht verlieren die Ehr und auch den Leib:
Das geb ich zu bedenken,” sprach das minnigliche Weib. (437)

Siegfried der schnelle ging vor den König hin
Und bat ihn frei zu reden mit der Königin
Ganz nach seinem Willen; angstlos soll' ersein:
“Ich will dich wohl beschützen vor ihr mit den Listen mein.” (438)

Da sprach der König Gunther: “Königstochter hehr:
Erteilt mir was ihr wollet und wär es auch noch mehr,
Das beständ ich alles um euern schönen Leib:
Mein Haupt will ich verlieren, so ihr nicht werdet mein Weib.” (439)

Als da seine Rede vernahm die Königin,
Bat sie, wie ihr geziemte, das Spiel nicht zu verziehn.
Sie ließ sich zum Streite bringen ihr Gewand,
Einen goldnen Panzer und einen gutes Schildesrand. (440)

Ein Waffenhemd von Seide zog sich an die Maid,
Das konnte keine Waffe verletzen je im Streit,
Von Zeugen wohl geschaffen aus Libya dem Land:
Lichtgewirkte Borten ergänzten an seinem Rand. (441)

Derweilen hatt ihr Übermut den Gästen schwer bedräut:
Dankwart und Hagen die standen unerfreut;
Wie es dem Herrn erginge besorgte sehr ihr Mut;
Sie dachten: “Unsre Reise bekommt uns Recken nicht gut.” (442)

Derweilen war auch Siegfried, der waidliche Mann,
An das Schiff gegangen, eh wer darüber sann,
Wo er die Tarnkappe verborgen liegen fand,
In die er hurtig schlüpfte; da ward er niemand bekannt. (443)

Er eilte bald zurücke, da sah er Recken viel;
Es ordnete die Königin allda ihr hohes Spiel.
Er ging hinzu verstohlen und dass ihn niemand sah
Von allen die da waren; gar listiglich das geschah. (444)

Es war ein Kreis gezogen, wo das Spiel geschehn
Vor kühnen Recken sollte, die es wollten sehn.

Wohl an siebenhundert sah man Waffen tragen:
Wer den Sieg errungen, das sollten sie nach Wahrheit sagen. (445)

Da war Brunhild gekommen, die man gewaffnet fand,
Als ob sie streiten wolle nun aller Könige Land.
Wohl trug sie auf der Seide der Stäblein viel von Gold;
Ihre lichte Farbe glänzte darunter hold. (446)

Nun kam ihr Gesinde, das trug an der Hand
Aus allrotem Golde einen Schildesrand
Mit hartem Stahlbeschlage, mächtig groß und breit,
Worunter spielen wollte diese minnigliche Maid. (447)

An einer edeln Borte ward ihr Schild getragen,
Darauf Edelsteine, wie Gras so grüne, lagen;
Die warfen mannigfaltig Gefunkel auf das Gold.
Der bedurfte große Kühnheit, dem die Jungfrau wurde hold. (448)

Der Schild war untern Buckeln, so hat man uns gesagt,
Von dreier Spannen Dicke; den trug hernach die Magd.
An Stahl und auch an Golde war er reich genug,
Den ihrer Kämmerer einer mit Mühe selbvierter trug. (449)

Als der Degen Hangen den Schild hertragen sah,
Wie sprach mit gemeinem Mute der Held von Tronje da:
“Wie nun, König Gunther? Wie verlieren wir den Leib?
Die ihr begehrt zu minnen, die ist wohl des Teufels Weib.” (450)

* Nun hört von den Gewanden, woran sie reich genug:
Von Azagoger Seide einen Wappenrock sie trug,
Der war reich und edel, davon warf hellen Schein
Von der Königstochter gar mancher herrliche Stein. (451)

Da brachte man der Frauen, schwer und übergroß,
Einen scharfen Wurfspieß, den sie stets verschoss,
Stark und ungefüge, mächtig und breit zumal:
Der hatt an seinen Seiten zwei Schneiden von scharfem Stahl. (452)

Von des Spießes Schwere höret Wunder sagen:
Viertelhalb Stab Eisen war dazu verschlagen.
Ihn trugen kaum dreie von Brunhildens Bann;
Gunther der edle darum zu sorgen begann. (453)

* Er dacht in seinem Sinne: Was soll dieses sein?
Der Teufel aus der Hölle, wie könnt er hier gedeihn?
Wenn ich lebend wieder in Burgonden wär,
Ihr schüfe meine Minne wohl selten große Beschwer. (454)

* Er hatt in seinen Sorgen, das wisset, Leid genug.
All sein Kampfgeräte man ihm zur Stelle trug:
Bald stand der reiche König in seiner Waffen Hut;
Vor Leide hatte Hagen fast gar verloren den Mut. (455)

Da sprach Hagens Bruder, der kühne Dankwart:

“Mich reuet in der Seele diese Hofesfahrt.
Die immer Recken hießen, wie verlieren wir den Leib!
Soll uns in diesem Lande nun verderben ein Weib? (456)

Des bin ich sehr verdrossen, dass ich kam in dieses Land.
Hätte Bruder Hagen seine Waffen an der Hand
Und auch ich die meinen, so sollten sich in Hut
Brunhildens Recken nehmen mit all ihrem Übermut. (457)

* “Sie sollten sich bescheiden, das glaubet mir nur;
Hätt ich den Frieden tausendmal bestärkt mit einem Schwur,
Bevor ich sterben sähe den lieben Herren mein,
Das Leben müsste lassen dieses schöne Mägdelein.” (458)

“Wir möchten ungefangen wohl räumen dieses Land,”
Sprach sein Bruder Hagen, “hätten wir das Gewand,
Das wir zum Streit bedürften und die Schwerter gut,
So sollte sich wohl geben der schönen Fraue Übermut.” (459)

Wohl hörte was er sagte die Fraue wohlgetan;
Sie sah ihn über Achsel lachenden Mundes an.
“Nun er so kühn sich dünket, so bringt doch ihr Gewand,
Ihre scharfen Waffen gebt den Degen an die Hand. (460)

* “Es kümmert mich so wenig, ob sie gewaffnet sind,
Als ob sie bloß da stünden,” so sprach das Königskind.
“Ich fürchte niemands Stärke, den ich noch je gekannt;
Ich mag auch wohl genesen im Streite vor des Königs Hand.” (461)

Als sie die Schwerter hatten, nach der Maid Gebot,
Dankwart der kühne ward vor Freuden rot.
“Nun spielet, was ihr wollet,” so sprach der Degen wert,
“Gunther ist unbezwungen, wir haben wieder unser Schwert.” (462)

Brunhildens Stärke zeigte sich nicht klein:
Man trug ihr zu dem Kreise einen schweren Stein,
Groß und ungeheuer, rund und stark und breit.
Ihn trugen kaum Zwölfe dieser Degen kühn im Streit. (463)

Den warf sie allerwegen, wie sie den Spieß verschoss.
Darüber war die Sorge der Burgonden groß.
“Wen will der König werben?“, sprach Herr Hagen laut:
“Sie mag wohl in der Hölle sein des bösen Teufels Braut.” (464)

An ihre weißen Arme sie die Ärmel wand,
Sie begann zu fassen den Schild mit der Hand,
Sie schwang den Spieß zur Höhe: da ging es an den Streit.
Die fremden Gäste bangten vor Brunhildens Zorn und Neid. (465)

Und wär ihm da Siegfried zu Hilfe nicht gekommen,
So hätte sie das Leben Gunthern wohl benommen.
Er nahte sich verstohlen und rührte seine Hand;
Gunther seine Künste mit großen Sorgen befand. (466)

* “Was hat mich berührt?”, dachte der kühne Mann,
Und wie er um sich blickte, da traf er niemand an.
Er sprach: “Ich bin es, Siegfried, der Geselle dein:
Du sollst mir ohne Sorge vor der Königin sein.” (467)

Er sprach: “Gib aus den Händen den Schild, lass mich ihn tragen.
Behalte wohl im Sinne, was du mich hörst sagen:
Du habe die Gebärde, ich will das Werk bestehn.”
Als er ihn erkannte, da war ihm Liebes geschehn. (468)

* “Verhehl auch meine Künste, die darfst du niemand sagen;
So mag die Königstochter wenig Ruhm erjagen
An deinem edeln Leben, worauf ihr sinnt der Mut.
Nun sieh doch, wie so furchtlos vor dir die Königin tut.” (469)

Da schoss mit großen Kräften die herrliche Maid
Auf einen neuen Schildrand, mächtig und breit,
Den trug an seiner Linken der Siegelinde Kind:
Das Feuer sprang vom Stahle als ob es wehte der Wind. (470)

Des starken Speißes Schneide den ganzen Schild durchdrang,
Dass das Feuer lohend aus den Ringen sprang.
Von dem Schuss strauchelten die kraftvollen Degen:
War nicht die Tarnkappe, sie wären beide tot erlegen. (471)

Siegfried dem kühnen vom Munde brach das Blut.
Bald hatt er sich ermannet: da nahm der Degen gut
Den Speiß, den sie geschossen ihm hatte durch den Rand:
Den warf ihr bald zurücke des starken Siegfriedes Hand. (472)

* Er dacht: “Ich will nicht schießen das schöne Mägdelein.”
Des Speißes Schneide kehrt' er hinter den Rücken sein;
Mit der Speerstange schoss er auf ihr Gewand,
Dass es laut erhallte von seiner kraftreichen Hand. (473)

Das Feuer stob vom Panzer, als trieb' es der Wind.
Es hatte wohl geschossen König Siegmunds Kind;
Ihr reichten nicht die Kräfte vor solchem Schuss zu stehn:
Das wär von König Gunthern in Wahrheit nimmer geschehn. (474)

Brunhild die Schöne bald auf die Füße sprang.
“Edler Ritter Gunther, des Schusses habe Dank!”
Sie wähnte noch, er hätt es mit seiner Kraft getan;
Nein, gefället hatte sie ein viel stärkerer Mann. (475)

Da trat sie hin geschwinde, zornig war ihr Mut,
Den Stein hoch erhob sie, die edle Jungfrau gut;
Sie schwang ihn mit Kräften weithin von der Hand,
Dann sprang sie nach dem Wurfe, dass laut erklang ihr Gewand. (476)

Der Stein war geflogen zwölf Klafter von dem Schwung:
Die Jungfrau wohl geschaffen erreicht' ihn doch im Sprung.
Hin ging der schnelle Siegfried, wo der Stein nun lag:
Gunther musst ihn wägen, des Wurfs der Verholne plag. (477)

Siegfried war verwogen, kräftig und lang;
Den Stein warf er ferner, dazu er weiter sprang:
Von seinen schönen Künsten empfang er Kraft genug,
Dass er in dem Sprunge den König Gunther noch trug. (478)

* Der Sprung, der war ergangen, der Stein lag nun da,
Gunther wars, der Degen, den man einzig sah.
Brunhild die schöne ward vor Zorne rot;
Gewendet hatte Siegfried dem König Gunther den Tod. (479)

Zu ihrem Ingesinde sprach laut die Fürstin da,
Als sie gesund den Helden an des Kreises Ende sah:
"Ihr meine Freund und Mannen, tretet gleich heran:
Ihr sollt dem König Gunther alle werden untertan." (480)

Da legten die Kühnen die Waffen von der Hand,
Und boten sich zu Füßen von Burgondenland
Gunther dem reichen, so mancher kühne Mann:
Sie wähten all, er hätte das Spiel mit seiner Kraft getan. (481)

Er grüßte sie gar minniglich: Wohl war er tugendreich.
Da nahm ihn bei den Händen das Mägdlein ohne gleich:
Sie erlaubt' ihm zu gebieten in ihrem ganzen Land;
Da freuten des sich alle die Degen kühn und gewandt. (482)

Sie bat den edeln Ritter mit ihr zurück zu gehn
Zu dem weiten Saale. Als das war geschehn,
Da bot man den Recken der Dienste desto mehr:
Dankwart und Hagen, die litten es ohne Wehr. (483)

Siegfried der schnelle wise war genug,
Dass er die Tarnkappe zum Schiffe wieder trug;
Dann ging er zu dem Saale, wo manche Fraue saß,
Und er mit andern Degen alles Leides vergaß. (484)

* "Was säumet ihr, mein Herre? Was beginnt ihr nicht die Spiel',
Euch will die Königstochter erteilen doch so viel,
Und lasst uns bald erschauen, wie es damit bestellt?"
Als wüsst er nichts von allem, so tat der listige Held. (485)

* Da sprach die Königstochter: "Wie konnte das geschehn,
Dass ihr nicht habt die Spiele, Herr Siegfried, gesehn,
Worin hier obsiegt König Gunthers Hand?"
Zur Antwort gab ihr Hagen aus der Burgonden Land: (486)

* Er sprach: "Da habt ihr, Fraue, uns betrübt den Mut:
Da war bei dem Schiffe Siegfried der Degen gut,
Als der Vogt vom Rheine das Spiel euch abgewann;
Drum ist es ihm unkundig," sprach der Held in Gunthers Bann. (487)

"Nun wohl mir dieser Märe," sprach Siegfried der Degen,
"Dass hier eure Hochfahrt also ist erlegen,
Und jemand lebt, der euer Meister möge sein.

Nun sollt ihr, edle Jungfrau, uns hinnen folgen an den Rhein.” (488)

Da sprach die Wohlgetane: “Das mag noch nicht geschehn:
Erst frag ich meine Vettern, und die in meinem Lehn.
Ich darf ja nicht so leichthin verlassen dieses Land:
Meine besten Freunde, die werden erst noch besandt.” (489)

Da ließ sie ihre Boten nach allen Seiten gehn:
Sie besandte ihre Freunde und die in ihrem Lehn,
Dass sie zum Isensteine kämen unverwandt;
Einem jeden lies sie geben reiches, herrliches Gewand. (490)

Da ritten alle Tage, beides, spät und früh,
Der Veste Brunhildens die Recken scharweis zu.
“Nun jadoch,” sprach da Hagen, “was haben wir getan?
Wir erwarten uns zum Schaden der schönen Brunhilde Bann. (491)

Wenn sie mit ihren Kräften kommen in dies Land,
Der Königin Gedanken, die sind uns unbekannt:
Wie, wenn sie also zürnet, dass wir sind verloren?
So ist das edle Mägdlein uns zu großen Sorgen geboren!” (492)

Da sprach der starke Siegfried: “Dem will ich widerstehn.
Was euch da Sorge schaffet, das lass ich nicht geschehn:
Ich will euch Hilfe bringen her in dieses Land
Durch auserwählte Recken: Die sind euch noch unbekannt. (493)

Ihr sollt nach mir nicht fragen, ich will von hinnen fahren;
Gott mag eure Ehre derweilen wohl bewahren.
Ich komme bald zurücke und bring euch tausend Mann
Der allerbesten Degen, deren ich Kunde je gewann.” (494)

“So bleibt auch nicht zu lange,” der König sprach da so,
“Wir sind aus guten Gründen eurer Hilfe froh.”
Er sprach: “Ich komme wieder gewiss in wenig Tagen;
Dass ihr mich weg gesendet sollt ihr der Königin sagen.” (495)

8. Abenteuer

Wie Siegfried zu den Nibelungen fuhr

Von dannen ging da Siegfried zum Hafen an den Strand
In seiner Tarnkappe, wo er ein Schifflin fand;
Darin stand ungesehn König Siegmunds Kind:
Er führt' es bald von dannen, als ob es wehte der Wind. (496)

Den Schiffmeister niemand sah: Das Schifflin lustig floss
Von Siegfriedens Kräften, die waren also groß.
Da wähten sie, es führ es ein eigner starker Wind:
Nein! Es führt' es Siegfried, der schönen Siegelinde Kind. (497)

Nach des Tags Verlaufe und in der einen Nacht
Kam er zu einem Lande von gewaltger Macht,
Es war wohl hundert Rasten und noch darüber lang,
Das Land der Nibelungen, wo er den großen Schatz errang. (498)

Der Degen fuhr alleine nach einem Werder breit,
Sein Schiffllein band er feste, der Degen allbereit.
Er kam zu einem Berge, drauf eine Burg gelegen,
Und suchte Herberge, wie die Wegemüden pflegen. (499)

Da kam er vor die Pforte, die ihm verschlossen stand:
Sie bewachten ihre Ehre, wie Sitte noch im Land.
Ans Tor begann zu klopfen der unbekante Mann;
Das wurde wohl behütet: da traf er innerhalben an (500)

Einen Ungefügen, der da der Wache pflag,
Bei dem zu allen Zeiten seine Waffe lag.
Der sprach: "Wer pocht so heftig da draußen an das Tor?"
Da verkehrte seine Stimme der kühne Siegfried davor. (501)

Und sprach: "Ich bin ein Recke, schleuß mir auf das Tor:
Sonst erzürn ich Manchen heute noch davor,
Der gern in Ruhe läge in seinem Schlafgemach."
Das ärgerte den Pförtner, als da Siegfried also sprach. (502)

Der kühne Riese hatte nun seine Rüstung angetan,
Den Helm aufs Haupt geschwungen, der gewaltge Mann,
Den Schild erhob er balde, so stieß er auf das Tor:
Wie lief er da so grimmig den Helden Siegfried an davor! (503)

"Wie er zu wecken wage so manchen kühnen Mann?"
Da wurden schnelle Schläge von seiner Hand getan.
Der edle Fremdling schirmte sich vor manchem Schlag:
Da hieb ihm der Pförtner in Stücke seines Schilds Beschlag (504)

Mit einer Eisenstange: Da litt der Degen Not;
Beinah begann zu fürchten der Held den grimmen Tod,
Als mit solchen Kräften der Pförtner auf ihn schlug.
Dafür war ihm gewogen sein Herre Siegfried genug. (505)

Sie stritten so gewaltig, die Burg gab Widerhall.
Da hörte man das Tosen in der Nibelungen Saal.
Er zwang zuletzt den Pförtner so, dass er ihn band;
Die Märe wurde kundig im ganzen Nibelungenland. (506)

Auch vernahm das Streiten von ferne durch den Berg
Alberich der kühne, ein wildes Gezwerg.
Er waffnete sich balde, und lief hin, wo er fand
Diesen edeln Fremdling, wie er den Riesen eben band. (507)

Alberich war grimmig, stark dazu genug:
Helm und Panzerringe er an dem Leibe trug
Und eine schwere Geisel von Gold an seiner Hand:
Da lief er hin geschwinde, wo er Siegfrieden fand. (508)

Sieben schwere Knöpfe, die hingen vorn daran,
Womit er vor der Linken den Schild dem kühnen Mann
So bitterlich zergerbte, dass er zersplittert war.
Da kam der edle Fremdling beinah in Lebensgefahr. (509)

Den Schild er ganz zerbrochen seiner Hand entschwang.
Da stieß er in die Scheide eine Waffe, die war lang:
Seinen Kammerwärter wollt er nicht schlagen tot;
Er schonte seiner Leute, wie ihm die Tugend gebot. (510)

Er lief mit starken Händen Alberichen an,
Und fing bei dem Barte den altgreisen Mann.
Er zog daran gewaltig; dass laut er schrei vor Schmerz:
Des jungen Helden Strafe ging Alberichen ans Herz. (511)

Laut rief da der Kühne: "Nun lasst mir das Leben;
Und hätt ich einem Helden mich nicht schon ergeben,
Dem ich schwören musste, ich wär ihm untertan,
Ich dient euch bis zum Tode," so sprach der listige Mann. (512)

Er band auch Alberichen, wie den Riesen eh:
Siegfriedens Kräfte taten ihm gar weh.
Der Zwerg begann zu fragen: "Wie seid ihr genannt?"
Er sprach: "Ich heiße Siegfried: Ich wäht ich wär euch bekannt." (513)

Zwerg Alberich begann da: "O wohl mir dieser Mär'
Nun hab ich wohl empfunden an euern Werken hehr,
Dass ihrs verdienen möget des Landes Herr zu sein.
Ich tu was ihr gebietet: Lasst mir nur das Leben mein." (514)

Da sprach der Degen Siegfried: "So macht euch auf geschwind,
Und bringt mir her, der Besten die im Lande sind,
Tausend Nibelungen: Ich wolle hier sie sehn:
So lass ich euch kein Leides an euerm Leben geschehn." (515)

Da löst' er Alberichen und den Riesen von dem Band.
Hin lief der Zwerg geschwinde, wo er die Recken fand.
Er weckte wohl beflissen die in Niblungs Lehn,
Und sprach: "Wohlauf ihr Helden, ihr sollt zu Siegfrieden gehn." (516)

Sie sprangen von den Betten und waren gleich bereit:
Tausend schnelle Ritter, die standen bald im Kleid.
Sie gingen hin zur Stelle, wo man Siegfried fand:
Der grüßte schön die Degen und gab Manchem die Hand. (517)

Viel der Kerzen brannten; man schenkt' ihm lautern Trank:
Dass sie so bald gekommen, des sagt' er Allen Dank.
Er sprach: "Ihr sollt von hinnen mir folgen über Flut."
Sie waren alle willig, diese Helden kühn und gut. (518)

Wohl dreißig hundert Recken waren gleich gekommen:
Aus ihnen wurden tausend der Besten da genommen.
Denen brachte man die Helme und ander Rüstgewand,

Als er sie führen wollte hin zu Brunhildens Land. (519)

Er sprach: "Ihr guten Ritter, eins will ich euch sagen:
Ihr sollt mir reiche Kleider dort am Hofe tragen,
Denn uns muss da schauen manch minnigliches Weib:
Darum sollt ihr zieren mit gutem Staate den Leib." (520)

* Nun möchten mich die Thoren vielleicht der Lüge zeihn:
"Wie könnten so viel Ritter wohl beieinander sein?
Wo nahmen sie die Speise? Wo nahmen sie Gewand?
Und besaß er dreißig Länder, er brächt es nimmer zu Stand. (521)

* Wie reich Siegfried gewesen, das ist euch wohl bekannt.
Der Hort Niblungens dient' ihm und das Königsland:
Drum gab er seinen Degen völliglich genug;
Es ward ja doch nicht minder wie viel man von dem Schatze trug. (522)

Eines Morgens frühe begannen sie die Fahrt;
Was schneller Gefährten sich Siegfried da geschart!
Sie führten gute Rosse und herrlich Gewand;
Sie kamen ungefährdet hin zu Brunhildens Land. (523)

Da stand in den Zinnen manch minnigliches Kind.
Da sprach die Königstochter: "Weiß jemand, wer die sind,
Die ich dort fließen sehe so fern auf der See?
Sie führen reiche Segel, die sind noch weißer als der Schnee." (524)

Da sprach vom Rhein der König: "Mein Gefolg ist dies,
Das ich auf der Reise nicht weit von hier verließ:
Ich habe sie besendet: Nun sind sie, Frau, gekommen."
Der herrlichen Gäste ward mit Züchten wahrgenommen. (525)

Da sah man Siegfrieden im Schiffe stehn voran,
In herrlichem Gewande mit manchem andern Mann.
Da sprach die Königstochter: "Herr König, wollt mir sagen:
Soll ich die Gäst empfangen oder ihnen Gruß versagen?" (526)

"Entgegen sollt ihr ihnen vor den Pallas gehn,
Ob ihr sie gerne sehet, dass sie das wohl verstehn."
Da tat die Königstochter wir ihr der König riet:
Siegfrieden mit dem Gruße sie von den andern unterschied. (527)

Herberge gab man ihnen und wahrte ihr Gewand.
Da waren so viel Gäste gekommen in das Land,
Dass sie sich allenthalben drängten mit den Scharen:
Da wollten heim die Kühnen zu den Burgonden fahren. (528)

Da sprach die Königstochter: "Dem blieb' ich immer hold,
Der da verteilen wollte mein Silber und mein Geld
Meinen Gästen und des Königs, des ich so viel gewann."
Zur Antwort gab ihr Dankwart, des kühnen Geiselher Mann: (529)

"Viel edle Königstochter, lasst mich der Schlüssel pflegen:
Ich will es so verteilen," sprach der kühne Degen,

“Wenn ich mir Schand erwerbe, die treffe mich allein.”
Dass er milde wäre, das leuchtete da wohl ein. (530)

Als sich Hagens Bruder der Schlüssel unterwand,
So manche reiche Gabe bot des Helden Hand:
Wer einer Mark begehrte, dem ward so viel gegeben,
Dass die Armen alle da in Freuden mochten leben. (531)

Wohl mit hundert Pfunden gab er ohne Wahl:
Da ging in reichem Staate mancher aus dem Saal,
Der nie zuvor im Leben so hehre Kleider trug.
Die Königin erfuhr es: Da war es ihr leid genug. (532)

Da sprach die Königstochter: “Das misst ich, König, gern.
Dass nichts mir soll verbleiben vor euerm Kammerherrn
Von allem meinem Staate: er verschwendet all mein Gold.
Wer dem noch widerstände, dem wollt ich immer bleiben hold. (533)

* Er gibt so reiche Gaben: Der Degen wähnet eben,
Mich lüste nach dem Tode: Ich will noch länger leben;
Meines Vaters Erbe bring ich wohl selber hin.”
So milden Kammerherren gewann nie eine Königin. (534)

Da sprach von Tronje Hagen: “Frau, euch sei bekannt:
Der König von dem Rheine hat Gold und gut Gewand
Zu geben solche Fülle, dass er nicht nötig hat,
Dass wir von hinnen führen einen Teil von Brunhilds Staat.” (535)

“Nein, wenn ihr mich liebet,” die Königin begann,
“Zwanzig Reiseschreine fülle man mir an
Mit Gold und mit Seide: das verteile meine Hand,
So wir hinüber kommen in der Burgonden Land.” (536)

Da lud man ihr die Kisten mit edelm Gestein.
Der Frauen Kämmerlinge mussten zugegen sein:
Sie wollt es nicht vertrauen Geiselhers Untertan.
Gunther und Hagen darob zu lachen begann. (537)

Da sprach die Jungfrau: “Wem lass ich nun mein Land?”
Das soll hier erst bestimmen mein und eure Hand.”
Da sprach der edle König: “So rufet wen herbei,
Der euch dazu gefalle, dass er zum Vogt geordnet sei.” (538)

Ihrer nächsten Vettern einen die Fraue bei sich sah,
Es war ihr Mutterbruder, zu dem begann sie da:
“Nun lasst euch sein befohlen meine Burgen und das Land,
* Bis seine Amtleute der König Gunther gesandt.” (539)

Aus dem Gesinde wählte sie zweitausend Mannen gleich,
Die mit ihr fahren sollten in der Burgonden Reich,
Mit jenen tausend Recken aus Nibelungenland. *
Sie schickten sich zur Reise; man sah sie reiten nach dem Strand. (540)

Sie führte mit von dannen sechsundachtzig Fraun,

Dazu noch hundert Mägdelein, die waren schön zu schaun.
Sie säumten sich nicht länger, sie wollten bald hindann:
Die sie zurücke ließen, wie manche hub zu weinen an! (541)

In tugendlichen Züchten räumte die Frau ihr Land,
Die nächsten Freunde küssend, die sie bei sich fand.
Mit gutem Urlaube kamen sie auf das Meer;
Zu ihres Vaters Lande kam die Jungfrau nimmermehr. (542)

Auf ihrer Fahrt ertönte vielfaches Freudenspiel;
Aller Kurzweile hatten sie da viel.
Auch erhob sich zu der Reise der rechte Wasserwind:
Sie fuhren ab vom Lande; das beweinte mancher Mutter Kind. (543)

Doch wollte sie den König nicht minnen auf der Fahrt,
Ihre Kurzweil wurde bis in sein Haus gespart
Zu Wormes in der Veste, zu einem Hofgelag,
Wohin mit ihren Helden sie fröhlich kamen hernach. (544)

9. Abenteuer

Wie Siegfried nach Worms gesandt ward

Da sie gefahren waren volle neun Tage,
Da sprach von Tronje Hagen: “Nun höret, was ich sage:
Wir säumen mit der Kunde nach Wormes an den Rhein;
Nun sollten eure Boten schon bei den Burgonden sein.” (545)

Da sprach König Gunther: “Wohl sprecht ihr recht daran;
Auch hätt uns wohl niemand die Fahrt so gern getan
Als ihr Freund Hagen selber: so reitet in mein Land;
Unsre Hofreise macht niemand besser dort bekannt.” (546)

* Zur Antwort gab da Hagen: “Ich bin kein Bote gut:
Lasst mich der Kammer pflegen; bleiben auf der Flut
Will ich bei den Frauen und hüten ihr Gewand,
Bis dass wir sie bringen in der Burgonden Land. (547)

“Nein, bittet Siegfrieden um diese Botschaft,
Der mag sie wohl verrichten mit tugendreicher Kraft.
Versagt er euch die Reise, ihr sollt mit guten Sitten
Bei eurer Schwester Liebe um die Fahrt ihn freundlich bitten.” (548)

Er sandte zu dem Recken; der kam als man ihn fand.
Er sprach zu ihm: “Wir nahen uns wieder meinem Land;
Da sollt ich Boten senden der leiben Schwester mein,
Und auch meiner Mutter, dass wir kommen an den Rhein. (549)

* “Von euch begehrt ich, Siegfried, dass ihr die Reise tut,
Ich wills euch immer danken,” so sprach der Degen gut.
Da weigerte sich Siegfried, der hochbeherzte Mann

Bis ihn König Gunther sehr zu bitten begann. (550)

Er sprach: "Ihr sollt reiten um den Willen mein,
Und auch um Kriemhilde, das schöne Mägdelein,
Dass es mit mir verdiene die herrliche Maid."
Als Siegfried das hörte, da war der Recke bald bereit. (551)

"Entbietet, was ihr wollet, es soll verkündet sein:
Ich will es gerne leisten um das schöne Mägdelein.
Die ich im Herzen trage, verzichtet ich auf die?
Leisten will ich alles, was ihr gebietet, um sie." (552)

"So saget Frau Uten, der reichen Königin,
Dass ich auf dieser Reise hohes Mutes bin.
Wie wir geworben haben sagt meinen Brüdern an;
Auch unsern Freunden werde diese Märe kund getan. (553)

Auch sollt ihr nichts verschweigen der schönen Schwester mein,
Ich will ihr mit Brunhilden stets zu Diensten sein;
So sagt auch dem Gesinde und allem meinem Bann:
Was je mein Herz sich wünschte, dass ich das Alles gewann. (554)

Und saget Ortweinen, dem lieben Neffen mein,
Dass er Gestühl errichten lasse bei dem Rhein;
Und meinen Vettern allen sei es kund getan,
Ich stelle mit Brunhilden eine große Hochzeit an. (555)

Und saget meiner Schwester, werd ihr das bekannt,
Dass ich mit meinen Gästen gekommen sei ins Land,
Dass sie dann wohl empfangen die liebe Traute mein:
Dafür will ich Kriemhilden immerdar gewogen sein." (556)

Da bat bei Brunhilden und ihrem Ingesind
Bald um seinen Urlaub Siegfried, Siegmunds Kind,
Wie ihm das wohl geziemte; da ritt er an den Rhein.
Es konnt auf dieser Erden ein bessrer Bote nicht sein. (557)

Mit vierundzwanzig Recken kam er zu Wormes an:
Der König war nicht drunter: das wurde kundgetan.
Da mühte das Gesinde sich in Jammers Not,
Besorgt, dass dort der König gefunden habe den Tod. (558)

Sie stiegen von den Rossen und trugen hohen Mut:
Da kam alsbald Herr Geiselher, der junge König gut,
Und Gernot, sein Bruder: wie hurtig sprach er da,
Als er den König Gunther nicht bei Siegfrieden sah: (559)

"Willkommen, Herr Siegfried, ich bitte, sagt mir an:
Wo habt ihr meinen Bruder den König hingetan?
Brunhildens Stärke, fürcht ich, hat ihn uns benommen:
Ihre hohe Minne wäre uns sehr zu Schaden gekommen." (560)

"Die Sorge lasset fahren: Euch und den Freunden sein
Entbietet seine Dienste der Heergeselle mein:

Ich verließ ihn wohl geborgen; er hat mich euch gesandt,
Dass ich sein Bote würde, mit Mären her in euer Land. (561)

“Nun helfet mir es fügen, wie es auch gescheh,
Dass ich die Königin Ute und eure Schwester seh:
Die soll ich hören lassen, was ihnen zu wissen tut
Gunther und Brunhilde: Um die Beiden steht es gut.” (562)

Da sprach der junge Geiselher: “So sprecht bei ihnen an,
Da habt ihr meiner Schwester einen Liebesdienst getan.
Sie trägt noch große Sorge um den Bruder mein;
Das Mägdlein seht euch gerne: des will ich euch Bürge sein.” (563)

Da sprach der Degen Siegfried: “Wo ich ihr dienen kann,
Das soll immer treulich und willig sein getan.
Wer sagt nun dass ich komme den beiden Frauen an?”
Des wurde Bote Geiselher, dieser waidliche Mann. (564)

Geiselher der junge sprach zu der Mutter da,
Und auch zu seiner Schwester, als er die beiden sah:
“Siegfried ist gekommen, der Held aus Niederland,
Ihn hat mein Bruder Gunther her zu dem Rheine gesandt. (565)

“Er bringt uns die Kunde, wie's um den König steht;
Nun mögt ihr ihm erlauben, dass er zu Hofe geht:
Er bringt die rechten Mären uns her von Isenland.”
Noch war den edlen Frauen große Sorge nicht gewandt. (566)

Sie sprangen nach dem Staate und kleideten sich drei
Und luden Siegfrieden nach Hof zu kommen ein.
Das tat der Degen williglich, weil er sie gerne sah.
Kriemhild die edle sprach zu ihm in Güte da: (567)

“Willkommen, Herr Siegfried, ein Ritter ohne Gleich:
Wo ist mein Bruder Gunther, der edle König reich?
Durch Brunhilds Stärke, fürcht ich, ist er uns verloren:
O weh mir armen Mägdlein, dass ich jemals ward geboren!” (568)

Da sprach der kühne Ritter: “Gebt mir Botenbrot,
Ihr viel schönen Frauen weinet ohne Not.
Ich verließ ihn wohl geborgen: Das tu ich euch bekannt;
Sie haben mich euch Beiden mit der Märe hergesandt. (569)

“Mit freundlicher Liebe, viel edle Königin mein,
Entbeut euch seine Dienste er und die Traute sein:
Nun lasset euer Weinen, sie wollen balde kommen.”
Sie hatten lange Tage so liebe Märe nicht vernommen. (570)

* Mit schneeweißem Kleide aus Augen wohlgetan
Wischte sie die Tränen; zu danken hub sie an
Dem Boten dieser Märe, die da war gekommen;
Da war ihr große Trauer und auch ihr Weinen benommen. (571)

Sie hieß den Boten sitzen: Des war er gern bereit.

Da sprach die Minnigliche: “Es wäre mir nicht leid,
Wenn ich euch geben dürfte zum Botenlohn mein Gold:
Dazu seid ihr zu vornehm: so bleib ich sonst denn euch hold.” (572)

“Und würden dreißig Lande,” sprach er, “mein genannt,
So empfang' ich doch gerne Gab aus eurer Hand.”
Da sprach die Tugendliche: “So soll es denn geschehn.”
Da ließ sie ihren Kämmerer nach dem Botenlohne gehen. (573)

Vierundzwanzig Spangen mit Edelsteinen gut
Gab sie ihm zum Lohne. So stund des Helden Mut:
Er wollt es nicht behalten; er gab es unverwandt
Ihren schönen Maidern, die er in der Kammer fand. (574)

Die Mutter bot ihm gütlich ihre Dienste an.
“Ich will euch mehr berichten,” sprach der kühne Mann,
“Um was der König bittet, gelangt er an den Rhein.
Wenn ihr das, Fraue, leistet, er will euch stets gewogen sein. (575)

“Seine reichen Gäste, hört ich ihn begehren,
Sollt ihr wohl empfangen und sollt ihn des gewähren,
Entgegen ihm zu reiten vor Wormes ans Gestad.
Das ists warum der König mit allen Treuen euch bat.” (576)

“Das will ich gern vollbringen,” sprach die schöne Magd:
“Worin ich ihm kann dienen, das ist ihm unversagt.
Mit freundlicher Treue sei all sein Wunsch getan.”
Da mehrte sich die Farbe, die sie vor Liebe gewann. (577)

Nie sah man eines Fürsten Boten so wohl empfan:
Wenn sie ihn küssen durfte, sie hätt es gern getan;
Minniglich er anders doch von der Frauen schied.
Da taten die Burgonden wie der Bote ihnen riet. (578)

* Sindolt und Haunolt und Rumolt der Degen,
Großer Unmuße mussten sie da pflegen,
Als sie die Sitze richteten vor Wormes an dem Stand:
Die Schaffner des Königs man sehr beflissen da fand. (579)

* Ortwein und Gere säumten auch nicht mehr,
Sie sandten nach den Freunden allwärts umher,
Die Hochzeit zu verkünden, die da sollte sein;
Der zierten sich entgegen die viel schönen Mägdelein. (580)

Der Pallas und die Wände waren überall
Verziert der Gäste wegen; König Gunthers Saal
Wurde wohl gezimmert durch manchen fremden Mann;
Das große Hofgelage mit hohen Freuden begann. (581)

Da ritten allenthalben die Wege durch das Land
Der drei Könige Freunde; die hatte man besandt,
Dass sie empfangen helfen die da sollten kommen:
Da wurden aus der Lade reicher Zeuche viel genommen. (582)

Da brachte man die Kunde, dass man schon reiten sah
Brunhildens Heergesellen: Gedränge gab es da
Von des Volkes Menge in Burgondenland.
Hei! Was man kühner Degen da zu beiden Seiten fand! (583)

* Da sprach die schöne Kriemhild: “Ihr meine Mägdelein,
Die nun bei dem Empfange mit mir wollen sein,
Die suchen aus den Kisten ihr allerbest Gewand:
So wird uns Lob und Ehre von den Gästen zuerkannt.” (584)

Da kamen auch die Recken, die ließen tragen dar
Herrliche Sättel, von rotem Golde klar,
Dass drauf die Frauen ritten von Wormes an den Rhein:
Besser Pferdgeräte konnte wohl nimmer sein. (585)

Wie warf da von den Mähren das lichte Gold den Schein!
Es glänzte von den Zäumen mancher Edelstein;
Die goldnen Sattelschemel auf lichten Zeugen gut
Brachte man den Frauen; sie hatten fröhlichen Mut. (586)

* Die Frauenpferde standen auf dem Hof bereit,
Wie ich euch schon bekannte, für manche edle Maid;
Sie schmalen Brustriemen sah man die Mähren tragen
Von der besten Seide, davon man jemals hörte sagen. (587)

Sechsendachtzig Frauen zogen da heran,
Die Kopfbinden trugen; zu Kriemhilden dann
Kamen die Schönen in ihrem reichen Kleid;
Da kam auch wohl gezieret gar manche waidliche Maid. (588)

* Fünfzig und Viere aus Burgondenland:
Das waren auch die Besten, die man irgend fand;
Die sah man gelblockig unter lichten Borten gehn.
Was gewünscht der König, das sah er fleißig geschehn. (589)

Sie trugen reiche Zeuche, die besten die man fand,
Vor den fremden Rittern, und herrliches Gewand;
Zu ihrer schönen Farbe stand es ihnen gut:
Wer einer abhold wäre, litte wohl an schwachem Mut. (590)

Von Hermelin und Zobel viel Kleider man da fand.
Da schmückte sich gar manche den Arm und auch die Hand
Mit Spangen auf der Seide, die sie sollten tragen;
Es könnt euch dies Befleißigen zu Ende wohl niemand sagen. (591)

Viel Gürtel kunstgeschaffen, kostbar und lang,
Über lichte Kleider die Hand der Frauen schwang
Um edle Ferransröcke von Zeuch aus Arabia.
Voll hoher Freude waren die edeln Jungfrauen da. (592)

Es ward in Brustgeschmeide manche schöne Maid
Gar minniglich geschnüret. Die mochte tragen Leid,
Deren lichte Farbe das Zeuch nicht überschien.
So schönes Ingesinde hat nun keine Königin. (593)

Als die Minniglichen nun trugen ihr Gewand,
Die sie da führen sollten, die kamen unverwandt,
Der hochgemuten Recken eine große Zahl daher:
Man trug auch dar viel Schilde und manchen eschenen Speer. (594)

10. Abenteuer

Wie Brunhilde zu Worms empfangen ward

Jenseits des Rheines sah man mit manchen Scharen
Den König ans Gestade mit seinen Gästen fahren.
Da sah man auch am Zaume leiten manche Maid:
Die sie empfangen sollten, die waren alle bereit. (595)

Als die von Island kamen bei den Schiffen an,
Und auch die Nibelungen in Siegfriedens Bann,
Sie eilten zu dem Lande; wohl fliss sich ihre Hand,
Als man des Königs Freunde jenseits am Gestade fand. (596)

Nun höret auch die Möre von der Königin,
Ute der reichen, wie sie die Mägdlein hin
Brachte von der Veste und selber ritt zum Strand.
Da wurden miteinander viel Maid' und Ritter bekannt. (597)

* Der Herzog Gere führte am Zaum Kriemhildens Pferd
Nur vor das Tor der Veste; Siegfried der Degen wert,
Der musst ihr weiter dienen; sie war so schön und hehr.
Das ward ihm wohl vergolten von der Jungfrau nachher. (598)

* Da ritt Ortwein der kühne bei Uten der Königin,
Und so gesellt viel Ritter neben den Frauen hin.
Zu festlichem Empfange, das muss man wohl gestehn
Wurden nie der Frauen so viel beisammen gesehn. (599)

Viel hohe Ritterspiele wurden da getrieben
Von preiswerten Helden (wie wär es unterblieben?)
Vor Kriemhild der schönen, die zu den Schiffen kam.
Da hob man von den Mähren viel der Frauen lobesam. (600)

Der König war gelandet mit fremder Ritterschaft;
Wie brach da vor den Frauen so mancher starke Schaft!
Da hörte man auf Schilden erklingen manchen Stoß;
Hei! Reicher Buckeln Schallen ward im Gedränge da groß! (601)

Vor dem Hafen standen die Frauen minniglich;
Gunther mit seinen Gästen hub von den Schiffen sich;
Er führte Brunhilden selber an der Hand.
Wetteifernd miteinander schien Gestein und licht Gewand. (602)

Mit viel großen Züchten Frau Kriemhilde ging,

Als sei Frau Brunhilden und ihr Gesind empfang.
Man konnte weiße Hände am Kränzlein rücken sehn,
Als sei sich beide küssten: Das war aus Liebe geschehn. (603)

Da sprach mit edler Sitte Kriemhild das Mägdelein:
“Ihr sollt in diesen Landen uns willkommen sein
Mir und meiner Mutter, und allen die uns treu
Von Mannen und von Freunden.” Da verneigten sich die zwei. (604)

Oftmals mit den Armen umfingen sich die Fraun.
So freundliches Empfangen war nie zuvor zu schau,
Als die Frauen beide der Braut taten kund,
Frau Ute und ihre Tochter: Sie küssten oft den süßen Mund. (605)

Als Brunhilden Frauen nun standen auf dem Strand,
Von waidlichen Recken wurden da bei der Hand
Minniglich genommen viel Frauen hehr und schön.
Man sah die edeln Maide vor Frau Brunhilden stehn. (606)

Eine gute Weile währt' es, bis sie sich recht begrüßt;
Wohl wurde da so mancher rote Mund geküsst.
Noch standen beieinander die Königstöchter reich:
Des freuten sich zu schauen viel der Recken ohne Gleich. (607)

Da spähten mit den Augen die oft gehört vorher,
Dass man also Schönes gesehen nimmermehr
Als die Frauen beide: Das fand man ohne Lug;
Man sah an ihrem Leibe auch nicht den mindesten Trug. (608)

Die Frauen schätzen konnten und minniglichen Leib,
Priesen um ihre Schöne König Gunthers Weib.
Doch sprachen da die Weisen, die es recht besehn,
Man müsse vor Brunhilden den Preis Kriemhilden zugestehn. (609)

Nun gingen zueinander Mägdlein und Fraun:
Da war in hoher Zierde manch schönes Weib zu schau.
Da standen seidne Hütten und manches gute Zelt:
Davon war angefüllet vor Wormes das ganze Feld. (610)

*Des Königs Freunde drängten sich um sie zu sehn.
Da hieß man Brunhilden und Kriemhilden gehn,
Und all die Fraun mit ihnen, hin wo sich Schatten fand:
Dar führten sie die Degen aus der Burgonden Land. (611)

Nun waren auch die Gäste gekommen all zu Ross;
Da gab es beim Tjostieren durch Schilde manchen Stoß.
Das Feld begann zu stäuben, als ob das ganze Land
Entbrannt wär in der Lohe: Da machten Helden sich bekannt. (612)

Wes da die Recken pflagen sah manche Maid mit an.
Wohl ritt mit seinen Degen Siegfried der kühne Mann
In mancher Wiederkehre vorbei an dem Gezelt;
Der Nibelungen führte tausend Degen der Held. (613)

Da kam von Tronje Hagen, wie ihm der König riet:
Der Held mit guter Sitte die Ritterspiele schied,
Auf dass sie nicht die Frauen bestäubten mit dem Sand:
Willigen Gehorsam er bei den Gästen da fand. (614)

* Da sprach Gernot der Degen: “Die Rosse lasset stehn,
Wenn es beginnt zu kühlen, dass wir die Frauen schön
Wieder heim geleiten vor den Pallas weit:
Wenn reiten will der König, dass ihr des gewärtig seid.” (615)

Das Kampfspiel war vergangen über all dem Feld,
Da gingen kurzweilen in manches hohe Zelt
Die Ritter zu den Frauen, um hoher Lust Gewinn:
Da vertrieben sie die Stunden, bis sie weiter wollten ziehn. (616)

Vor des Abends Nahen, als sank der Sonne Licht
Und es begann zu kühlen, ließ man es länger nicht:
Da eilten zu der Veste der Helden viel und Fraun:
Mit Augen ward gekostet mancher Schönen beim Schauen. (617)

Da ward von guten Knechten um Kleider viel geritten
Vor den Hochbeherzten nach des Landes Sitten
Bis vor den weiten Pallas, wo der König sprang vom Pferd.
Da diente man den Frauen, so pflegen Helden lobenswert. (618)

Da wurden auch geschieden die Königinnen reich.
Frau Ute und ihre Tochter gingen von hinnen gleich
Mit ihrem Ingesinde in einen weiten Saal:
Da vernahm man allenthalben der Freude rauschenden Schall. (619)

Gerichtet waren Stühle: Der König wollte gehn
Zu Tische mit den Gästen: Da sah man bei ihm stehn
Die schöne Brunhilde, die da die Krone trug
In des Königs Lande: Reich war die Fürstin genug. (620)

* Da wurden schöne Tische, viel Tafeln breit und gut,
Mit Speise wohl beladen, wie man kund uns tut:
Was sie da haben sollten, davon ward nicht entbehrt.
Da sah man bei dem Könige viel der Helden kühn und wert. (621)

Des Wirtes Kämmerlinge in Becken goldesrot
Reichten da das Wasser. Das wär vergebne Not
Wollt euch jemand sagen, dass man je vorher
Bei Gelagen besser diente: Ich glaubt es doch nimmermehr. (622)

Bevor der Vogt vom Rheine nun das Wasser nahm,
Da ging der Herre Siegfried, er durft es ohne Scham,
Und mahnt' ihn seiner Treue, die er ihm gab zum Pfand,
Bevor er Brunhilden daheim gesehn in Isenland. (623)

Er sprach: “Ihr sollt gedenken, es schwur mir eure Hand,
Wenn wir Frau Brunhilden brächten in dies Land,
Ihr gäbt mir eure Schwester: Wo blieb nun euer Eid?
Ihr wisst, bei eurer Reise war keine Mühe mir Leid.” (624)

Da sprach der Wirt zum Gaste: "Ihr habt mich wohl ermahnt:
Des soll nicht meineidig werden meine Hand;
Ich wills euch fügen helfen, so gut ich immer kann."
Da lud er Kriemhilden zu Hofe freundlich heran (625)

Mit viel schönen Maiden. Sie kamen vor den Saal;
Da sprang von einer Stiege Geiselher zu Tal:
"Heißet wiederkehren diese Mägdelein:
Meine Schwester soll alleine hier bei dem Könige sein." (626)

Hin führten sie Kriemhilden wo man den König fand.
Da standen edle Ritter von mancher Fürsten Land
In dem weiten Saale. Man hieß sie stille stehn:
Da sah man Brunhilden eben zu den Tischen gehn. (627)

* Sie wusste nicht die Märe, was da sollt ergehn.
Da sagte König Gunther denen in seinem Lehn:
"Helft mir, dass meine Schwester Siegfrieden nimmt zum Mann."
Sie sprachen einhellig: "Das wäre gar wohl getan." (628)

Da sprach der König Gunther: "Schwester, hehre Maid,
Um deiner Tugend willen, löse meinen Eid.
Ich versprach dich einem Recken: Nimmst du ihn zum Mann,
So hast du meinen Willen mit aller Treue getan." (629)

Da sprach das edle Mägdelein: "Lieber Bruder mein,
Ihr sollt mich nicht bitten, ich will euch folgsam sein;
Wie ihr mir gebietet, so soll es sein getan:
Dem will ich mich verloben, den ihr, Herr, mir gebt zum Mann." (630)

Vor Freuden und vor Liebe wurde Siegfried rot:
Zu Diensten sich der Recke Frau Kriemhilden bot.
Man ließ sie miteinander in einem Kreise stehn,
Und frug sie, ob sie wolle diesen Recken ausersehn? (631)

Mit mädchenhafter Scheue schämte sie sich ein Teil;
Doch war Siegfrieden so günstig Glück und Hell,
Dass sie ganz nicht wollte verschmähen seine Hand.
Auch versprach sich ihr zum Manne der edle Fürst von Niederland.
(632)

Da er sich ihr verlobte und sich ihm die Maid,
Ein gütliches Umfängen war da gleich bereit
Von Siegfriedens Armen dem schönen Mägdlein zart:
Die edle Königin küsst' er in der Helden Gegenwart. (633)

Sich teilte das Gesinde, als das vor ihm geschah;
Auf dem Ehrenplatze man Siegfrieden sah
Bei Kriemhilden sitzen: Ihm diente mancher Mann;
Man sah die Nibelungen Siegfrieden auch untertan. (634)

Der König saß am Tische bei Brunhild der Maid:
Da sah sie Kriemhilden (wie war ihr das so leid!)

Bei Siegfrieden sitzen; zu weinen hub sie an,
Dass ihr manche Träne über lichte Wangen rann. (635)

Da sprach der Wirt des Landes: “Was ist euch, Fraue mein,
Dass ihr so trüben lasset der lichten Augen Schein?
Nun solltet ihr euch freuen, euch ist untertan
Mein Land und meine Burgen und mancher waidliche Mann.” (636)

“Wohl hab ich Grund zu weinen,” sprach die schöne Maid:
“Deiner Schwester wegen trag ich Herzeleid;
Ich sehe sie da sitzen bei dem Eigenholden dein:
Wohl muss ich immer weinen, soll sie so verderbet sein.” (637)

Da sprach der König Gunther: “Das mögt ihr still ertragen:
Ich will euch diese Märe zu andern Zeiten sagen,
Warum ich meine Schwester an Siegfrieden gegeben;
Wohl mag sie mit dem Recken immer in Freuden leben.” (638)

Sie sprach: “Mich reuet immer ihre Schöne und Sittsamkeit;
Wüsst ich wohin ich sollte, ich flöhe gerne weit,
Und wollt euch eher nimmer nahe liegen bei,
Bis ich wüsste weshalb Kriemhild die Braut von Siegfrieden sei.” (639)

Da sprach der König Gunther: “Ich mach es euch bekannt:
Er hat wohl wie ich selber Burgen und weites Land,
Das dürft ihr sicher glauben, er ist ein König reich:
Drum geb ich ihm zum Weibe die schöne Magd ohne Gleich.” (640)

Was ihr der König sagte, traurig blieb ihr Mut.
Da eilte von den Tischen mancher Ritter gut:
Das Kampfspiel ward so mächtig, dass rings die Burg erklang,
Dem Wirt bei seinen Gästen währte das viel zu lang. (641)

Er dacht: “Ich läge sanfter der schönen Fraue bei.”
Da war er des Gedankens nicht gar im Herzen frei,
Von ihrer Minne müsse viel Liebes ihm geschehn.
Da begann er freundlich Frau Brunhilden anzusehn. (642)

Vom Ritterspiel die Gäste hat man abzustehn:
Mit seinem Weib der König zu Bette wollte gehn.
Vor des Saales Stiege kam einander nah
Kriemhild und Brunhilde: kein Hass noch regte sich da. (643)

Da kam ihr Ingesinde: Sie säumten länger nicht,
Ihre reichen Kämmerlinge brachten ihnen Licht.
Da teilten sich die Recken in der zwei Könige Lehn:
Da sah man viel der Degen hinweg mit Siegfrieden gehn. (644)

Die Helden kamen beide hin wo sie sollten liegen:
Da dachten alle beide mit Minnen abzusiegen
Den waidlichen Frauen; das sämftete ihren Mut.
Siegfriedens Kurzweil, die wurde herrlich und gut. (645)

* Als Siegfried der Degen bei Kriemhilden lag

Und er der Jungfrauen so minniglich pflag
Mit seiner edeln Minne, sie war ihm wie sein Leben:
Er hätte nicht die eine für tausend Frauen gegeben. (646)

Ich sag euch nicht weiter wie er der Fraue pflag;
Nun höret diese Märe, wie König Gunther lag
Bei Brunhild seiner Frauen: zierlicher Degen
Haben manche sanfter bei andern Frauen gelegen. (647)

* Das Volk hatt ihn verlassen, die Frauen und sein Bann:
Da ward die Kemenate balde zugetan.
Er wäht', er solle kosen ihren minniglichen Leib:
Da wäht' es noch gar lange, bevor sie wurde sein Weib. (648)

Im weißen Linnenhemde ging sie ins Bett hinein.
Der edle Ritter dachte: "Nun ist das alles mein,
Wes mich je verlangte in allen meinen Tagen."
Sie musst ob ihrer Schöne mit großem Recht ihm behagen. (649)

Das Licht begann zu bergen des edeln Königs Hand.
Da ging der kühne Degen, wo er die Fraue fand;
Er legte sich ihr nahe, seine Freude die war groß,
Als die Minnigliche der Held mit Armen umschloss. (650)

* Minnigliches Kosen mocht er das viel begehnen,
Wenn die edle Fraue solches ließ geschehn;
Doch zürnte sie gewaltig; den Herrn betrübte das.
Er wäht', er finde Freude, da fand er feindliches Hass. (651)

Sie sprach: "Edler Ritter, das lasst euch nur vergehn:
Was ihr da habt im Sinne, das kann noch nicht geschehn.
Ich will noch Mägdlein bleiben, Herr König, merkt euch das,
Bis ich die Mär erfahre." Da fasste Gunther ihr Hass. (652)

Er rang nach ihrer Minne und zerriss ihr Kleid.
Da griff nach einem Gürtel die herrliche Maid,
Einer starken Borte, die sie zur Seite trug:
Da tat sie dem Könige großen Leides genug. (653)

Die Füß und auch die Hände sie ihm zusammenband,
Zu einem Nagel trug sie ihn und hing ihn an die Wand.
Als er im Schlaf sie störte, das Kosen sie ihm verbot:
Von ihrer Stärke hätt er beinah gewonnen den Tod. (654)

Da begann zu flehen der Meister sollte sein:
"Löset meine Bande, viel edle Königin mein.
Ich getreu euch, schöne Fraue, nimmer obzusiegen,
Und will auch wahrlich selten so nahe neben euch liegen." (655)

* Sie frug nicht, wie ihm wäre, da sie in Ruhe lag.
Da musst er hangen bleiben die Nacht bis an den Tag,
Bis der lichte Morgen durchs Fenster warf den Schein:
Hatt er je Kraft besessen, die ward an seinem Leibe klein. (656)

“Nun sagt mir, Herr Gunther, ist euch das etwas leid,
Wenn euch gebunden finden,” sprach die schöne Maid,
“Eure Kämmerlinge von einer Frauen Hand?”
Da sprach der edle Ritter: “Das würd euch übel gewandt. (657)

Auch wär mirs wenig Ehre,” sprach der edle Mann:
“Um eurer Tugend willen, nehmt mich nun bei euch an.
Ist euch meine Minne denn so mächtig leid,
Ich will mit meinen Händen selten rühren euer Kleid.” (658)

Sie löste seine Bande: Er ging, da er befreit,
Wieder an das Bette zu der edeln Maid;
Er legte sich so ferne, dass er ihr Hemde fein
Selten mehr berührte; auch wollte sie des ledig sein. (659)

Nun kam auch ihre Gesinde, das brachte neu Gewand;
Des war heute Morgen genug für sie zur Hand.
Wie froh man da gebahrte, traurig war sein Mut;
Der König des Landes, ihre Freude däucht ihn nicht gut. (660)

Nach des Landes Sitte, die man mir Recht beging,
Gunter und Brunhilde nicht länger das verhing:
Sie gingen nach dem Münster, wo man die Messe sang.
Dahin auch kam Herr Siegfried: Da hob sich mächtiger Drang. (661)

Nach königlichen Ehren war da für sie bereit
Was sie haben sollten, die Krone wie das Kleid.
Da wurden sie geweiht: Als das war geschehn,
Da sah man unter Krone alle viere herrlich stehn. (662)

Viel Knappen wurden Ritter, sechshundert oder mehr,
Das sollt ihr sicher glauben, den Königen zur Ehr.
Da hob sich große Freude in Burgondenland;
Man hörte Schäfte hallen an der Schwertdegen Hand. (663)

Da saßen in den Fenstern die schönen Mägdelein;
Sie sahen vor sich leuchten manches Schildes Schein.
Da hatte sich der König getrennt von seinem Bann:
Was jemand da begonnte, er sah es trauernd mit an. (664)

Ihm und Siegfrieden ungleich stand der Mut;
Wohl wusste was ihm fehlte der edle Ritter gut.
Da ging es zu dem Könige, zu fragen er begann:
“Wie ists euch heunt gelungen? Das sagt, Herr Gunther, mir an.” (665)

Da sprach der Wirt zum Gaste: “Den Spott zu dem Schaden
Hab ich an meiner Frauen in mein Haus geladen.
Ich währte sie zu minnen, als sie mich mächtig band:
Zu einem Nagel trug sie mich, und hing mich hoch an die Wand. (666)

“Da hing ich sehr in Ängsten die Nacht bis an den Tag
Eh sie mich wieder löste: Wie sanft sie da lag!
Das sei dir in der Stille geklagt in Freundlichkeit.”
Da sprach der starke Siegfried: “Das ist mir sicherlich leid.” (667)

“Das will ich euch beweisen, verschmerzt ihr den Verdruss.
Ich schaffe, dass sie heunte so nah euch liegen muss,
Dass sie euch ihre Minne nicht länger vorenthält.”
Die Rede hörte gerne nach seinem Leide der Held. (668)

* “Nun schau meine Hände, wie die geschwollen sind:
Die drückte sie so mächtig, als wär ich ein Kind,
Dass das Blut mir allwärts aus den Nägeln drang.
Ich hegte keinen Zweifel, mein Leben währe nicht lang. (669)

* Da sprach der Degen Siegfried: “Es wird noch alles gut:
Uns beiden war wohl ungleich heute Nacht zu Mut.
Deine Schwester Kriemhild ist mir lieber als der Leib;
Es muss Frau Brunhilde noch heute werden dein Weib.” (670)

Er sprach: “Noch heunte komm ich zu euerm Kämmerlein
Also wohl verborgen in der Tarnkappe mein,
Dass sich meiner Künste niemand mag versehn,
Lasst die Kämmerlinge zu den Herbergen gehn; (671)

“So löscht ich den Kindern die Lichter an der Hand:
Dass ich herein getreten sei euch dabei bekannt.
Weil ich euch gerne diene, so zwing ich euch das Weib,
Dass ihr sie heunte minnet: ich verlör denn Leben und Leib.” (672)

“Wenn du ihr nicht kosest,” Der König sprach da so,
Meiner lieben Frauen, so bin ichs gerne froh;
Sonst tu ihr was du wollest und nähmst du ihr den Leib,
Das wollt ich wohl verschmerzen: Sie ist ein furchtbares Weib.” (673)

“Das versprech ich,” sprach da Siegfried, “bei der Treue mein,
Dass ich ihr nicht kose; die liebe Schwester dein
Geht mir über alle, die ich jemals sah.”
Wohl glaubte König Gunther der Rede Siegfriedens da. (674)

Da gabs von Ritterspielen Freude so wie Not:
Turnei und Tiostieren man allzumal verbot.
Als die Frauen sollten nach dem Saale gehn,
Geboten Kämmerlinge den Leuten, nicht im Weg zu stehn. (675)

Da ward der Hof von Leuten und Rossen wieder frei.
Zwei Bischöfe führten die Frauen alle zwei,
Als sie vor den Königen zu Tische sollten gehn.
Ihnen folgten zu den Stühlen viel der Degen ausersehn. (676)

* Der König wohl gemutet in froher Hoffnung saß.
Was Siegfried ihm gelobte, wohl behielt er das;
Der eine Tag ihn däuchte wohl dreißig Tage lang:
Nach seiner Frauen Minne all sein Denken ihm rang. (677)

Er konnt es kaum erwarten bis das Mahl vorbei.
Die schöne Brunhilde rief man da herbei
Und auch Kriemhilden: Sie sollten schlafen gehn:

Hei! Was man schneller Degen sah vor den Königinnen stehn! (678)

Siegfried der Herre minniglich noch saß
Bei seinem schönen Weibe mit Freuden ohne Hass:
Sie koste seine Hände mit ihrer weißen Hand,
Bis er ihr vor den Augen, sie wusste nicht wie, verschwand. (679)

Da sie mit ihm spielte, und sie ihn nicht mehr sah,
Zu seinem Ingesinde sprach die Königin da:
“Mich wundert sehr, wo ist doch der König hingekommen?
Wer hat seine Hände mir aus den meinen genommen?” (680)

Die Rede ließ sie bleiben. Da eilt' er hinzugehn,
Wo er die Kämmerlinge fand mit Lichtern stehn:
Die löscht' er unversehens den Kindern an der Hand:
Dass es Siegfried wäre, das war da Gunthern bekannt. (681)

Wohl wusst er, was er wolle: Er ließ von dannen gehn
Die Mägdelein und Frauen. Als das war geschehn,
Der edle König selber verschloss der Kammer Tür:
Starker Riegel zweie, die warf er balde dafür. (682)

Hinterm Bettvorhange barg er da das Licht.
Ein Spiel sogleich begonnte, vermeiden ließ sichs nicht,
Siegfried der starke mit der schönen Maid:
Das war dem König Gunther beides lieb und auch leid. (683)

Da legte sich Siegfried der Königin bei.
Sie sprach: “Nun lasst es, Gunther, wie lieb es euch auch sei,
Dass ihr nicht Not erleidet heute so wie eh:
Oder euch geschiehet von meinen Händen wieder weh.” (684)

Er hehlte seine Stimme, kein Wörtlien sprach er da:
Wohl hörte König Gunther, wiewohl er sie nicht sah,
Dass Heimliches von beiden wenig da geschah:
Nicht viel bequeme Ruhe hatten sie im Bette da. (685)

Er stellte sich, als wär er Gunther der König reich:
Er umschloss mit Armen das Mägdlein ohne Gleich.
Sie warf ihn aus dem Bette dabei auf eine Bank,
Dass laut a einem Schemel ihm das Haupt davon erklang. (686)

Wieder auf mit Kräften sprang der kühne Mann,
Es besser zu versuchen: Wie er das begann,
Dass er sie zwingen wollte, da widerfuhr ihm Weh.
Mich dünkt, dass solche Wehre von Fraun nicht wieder gescheh. (687)

Da ers nicht lassen wollte, das Mägdlein aufsprang:
“Euch ziemt nicht zu zerreißen mein Hemd also blank.
Ihr seid ein Ungestümer: Das soll euch werden leid,
Des sollt ihr inne werden,” sprach die herrliche Maid. (688)

Sie umschloss mit Armen den tapferlichen Degen,
Und wollt ihn auch in Bande wie den König legen,

Dass sie im Bette läge mit Gemächlichkeit.
Wie grimmig sie das rächte, dass er zerzerret ihr Kleid! (689)

Was half ihm da die Stärke und seine große Kraft?
Sie bewies dem Degen ihres Leibes Meisterschaft:
Sie trug ihn übermächtig, das musste schon so sein,
Und drückt' ihn ungefüge bei dem Bett an einen Schrein. (690)

“Weh,” dachte Siegfried, “soll ich Leben hier und Leib
Von einer Maid verlieren, so mag ein jedes Weib
In allen künftigen Zeiten tragen Frevelmut
Dem Manne gegenüber, die sonst wohl nimmer es tut.” (691)

Der König hörte alles, er bangte für den Mann.
Siegfried sich schämte, zu zürnen hub er an.
Mit ungefügen Kräften ihr entgegen setzt' er sich,
Dass er sich versuche an Frau Brunhilden ängstiglich. (692)

* Wie sie ihn niederdrückte, sein Zorn bewirkte das
Und seine starken Kräfte, dass er trotz ihrem Hass
Sich aufrichten konnte; seine Angst die war groß.
Sie gaben in der Kammer sich hin und her manchen Stoß. (693)

* Auch litt der König Gunther Sorgen und Beschwer:
Er musste manchmal flüchten vor ihnen hin und her.
Sie rangen so gewaltig dass es Wunder nahm,
Wenn eines vor dem andern mit dem Leben noch entkam. (694)

* Den König Gunther mühte beiderseits die Not:
Doch fürchtet' er am meisten Siegfriedens Tod.
Wohl hätte sie dem Degen das Leben schier benommen:
Dürft er nur, er wäre ihm gern zu Hilfe gekommen. (695)

* Gar lange zwischen ihnen dauerte der Streit,
Doch bracht er an das Bette zuletzt zurück die Maid:
Wie sehr sie sich auch wehrte, die Wehr ward endlich schwach.
Der König in seinen Sorgen hing manchem Gedanken nach. (696)

Dem König währt' es lange bis er sie bezwang.
Sie drückte seinen Hände, dass aus den Nägeln sprang
Das Blut von ihren Kräften; das war dem Helden leid:
Des starken Siegfried Kräfte, gewaltig schmerzten sie die. (697)

Da griff sie nach der Seite, wo sie die Borte fand,
Um ihn damit zu binden: da wehrt' es seine Hand,
Dass ihr die Glieder krachten, dazu der ganze Leib.
Da war der Streit entschieden: da wurde sie Gunthers Weib. (698)

Sie sprach: “Edler König, das Leben schenke mir.
Es wird wohl versühnet was ich getan an dir:
Ich wehre mich nicht wieder der edeln Minne dein:
Nun hab ichs wohl befunden, dass du magst Frauen Meister sein.”
(699)

Siegfried ging von dannen (liegen bleib die Maid),
Als ob er abzuwerfen gedächte nur das Kleid.
Er wusst ihr von den Händen einen goldnen Reif zu ziehn,
Dass es nicht inne wurde diese edle Königin. (700)

Auch nahm er ihren Gürtel, eine Borte gut;
Ich weiß nicht, obs geschehen aus hohem Übermut.
Er gab sie seinem Weibe, das ward ihm später leid.
Da lagen beieinander der König und die schöne Maid. (701)

* Er pflag der Frauen minniglich, wie ihm das wohl zu kam:
Da musste sie verschmerzen ihren Zorn und ihre Scham.
Von seinen Heimlichkeiten ihre lichte Farbe erblich;
Hei! Wie von der Minne die große Kraft ihr entwich! (702)

Da war auch sie nicht stärker als ein ander Weib.
Minniglich liebkost' er ihren schönen Leib;
Wenn sie ihm widerstände, was könnt es sie versahn?
Das hatt ihr alles Gunther mit seinem Minnen getan. (703)

Wie minniglich der Degen da bei der Frauen lag,
In freundlicher Liebe bis an den lichten Tag!
Nun ging der Herre Siegfried wieder hindann:
Er wurde wohl empfangen von einer Frauen wohlgetan. (704)

Er widerstand der Frage, die sie da begann;
Auch hehlt' er ihr noch lange was er für sie gewann,
Bis sie in seinem Lande daheim die Krone trug;
Was sie nur haben wollte, er gab ihrs willig genug. (705)

Dem Wirt am andern Morgen viel höher stand der Mut
Als an dem ersten Tage: Da ward die Freude gut
In seinem ganzen Lande bei manchem edeln Mann;
Die er zu Hof geladen, denen ward viel Dienst getan. (706)

Das Hofgelage währte den vierzehnten Tag,
Dass sich unterdessen der Schall nicht unterbrach
Von aller Lust und Kurzweil, die jemand gerne sah.
Wahrlich hohe Kosten verwandte der König da. (707)

Des edeln Wirtes Freunde, wie es der Fürst gewollt,
Verschenkten ihm zu Ehren Gewand und rotes Gold,
Silber auch und Rosse an manchen kühnen Mann.
Die Herrn, die hingezogen, die schieden fröhlich hindann. (708)

Auch der kühne Siegfried aus dem Niederland
Mit seinen tausend Mannen, ihr sämtliches Gewand,
Das sie zum Rheine brachten, ward ganz dahin gegeben,
Schöne Ross und Sättel: Sie wussten herrlich zu leben. (709)

Bevor die reiche Gabe noch alle war verwandt,
Schon däucht es die zu lange, die wollten in ihr Land.
Nie sah man ein Gesinde mehr so wohl verpflegen:
So endete die Hochzeit; da schied von dannen mancher Degen. (710)

11. Abenteuer

Wie Siegfried mit seinem Weibe heimkehrte

Als die Gäste waren gefahren all davon,
Da sprach zu dem Gesinde König Siegmunds Sohn:
“Wir wollen auch uns rüsten zur Fahrt in unser Land.”
Lieb war es seinem Weibe, als das der Fraue ward bekannt. (711)

* Sie sprach zu ihrem Manne: “Wann sollen wir fahren?
So sehr dahin zu eilen will ich mich bewahren:
Erst sollen mit mir teilen meine Brüder dieses Land.”
Leid war es Siegfrieden, als ers an Kriemhilden fand. (712)

Die Fürsten zu ihm gingen und sprachen alle drei:
“Wisset, König Siegfried, dass euch immer sei
Unser Dienst mit Treue bereit bis in den Tod.”
Er neigte sich den Degen, da mans so gütlich ihm erbot. (713)

“Wir wolln auch mit euch teilen,” sprach Geiselher das Kind.
“Das Land und die Burgen, die unser eigen sind,
Und was der weiten Reiche uns ist untertan:
Ihr empfangt mit Kriemhild euer gutes Teil daran.” (714)

Der Sohn Siegmundens sprach zu den Fürsten da,
Als er der Herren Willen hörte und ersah:
“Gott lass euch euer Erde immer gesegnet sein;
Ich mag es wohl entraten mit der lieben Frauen mein. (715)

* “Sie bedarf nicht des Teiles, den ihr ihr wolltet geben:
Wo sie soll Krone tragen, werd ich es erleben,
Da muss sie reicher werden als wer auf Erden sei:
Was ihr sonst gebietet, ich steh euch immer dienstlich bei.” (716)

Da sprach Frau Kriemhilde: “Wenn ihr mein Land verschmäht
Um die Burgonden-Degen es so gering nicht steht:
Die mag ein König gerne führen in sein Land;
Wohl soll sie mit mir teilen meiner lieben Brüder Hand.” (717)

Da sprach Gernot der Degen: “Nimm die du willst mit dir:
Die gerne mit dir ritten, du findest viele hier.
Aus dreißig hundert Recken nimm dir tausend Mann
Zu deinem Hausgesinde.” Kriemhild zu senden begann (718)

Nach Hagen von Tronje und nach Ortwein,
Ob sie und ihre Freunde Kriemhildens wollen sein?
Darob gewann da Hagen ein zornigliches Leben:
Er sprach: “Uns kann Herr Gunther in der Welt an niemand vergeben.”
(719)

“Ander Ingesinde nehmt zu eurer Fahrt:
Ihr werdet ja wohl kennen deren von Tronje Art.
Wir müssen bei den Königen am Hofe hier bestehn,
Und denen ferner dienen, deren Dienst mir stets versehn.” (720)

Sie ließen es bewenden und schickten sich hindann,
Ihr edel Ingesinde Kriemhild zu sich gewann,
Zweiunddreißig Mägdelein und fünfhundert Mann;
Eckewart der Markgraf zog mit Kriemhilden hindann. (721)

Da nahmen alle Urlaub, Ritter so wie Knecht,
Mägdelein und Frauen, so war es gut und recht.
Sie schieden unter Küssen voneinander unverwandt
Und jene räumten fröhlich dem König Gunther das Land. (722)

Die Freunde sie geleiteten fern auf ihren Wegen.
Man ließ allenthalben ihnen Nachtherberge legen
Wo sie die nehmen wollten in der Könige Land.
Da wurden bald auch Boten zu König Siegmund gesandt, (723)

Dass er wissen möge und auch Frau Siegelind,
Sein Sohn wolle kommen mit Frau Utens Kind,
Kriemhild der schönen, von Wormes über Rhein:
Diese Mären konnten ihnen nicht willkommner sein. (724)

“O wohl mir,” sprach da Siegmund, “dass ich den Tag soll sehn,
Dass die schöne Kriemhild hier soll gekrönet gehn!
Das steigert mir im Werte noch all das Erbe mein:
Mein Sohn Siegfried soll selber hier König sein.” (725)

Da gab ihnen Sieglind Kleider sametrot
Und schweres Gold und Silber, das war ihr Botenbrot.
Sie freute sich der Märe, die man ihr hergesandt;
Sie kleidet' ihr Gesinde mit allem Fleiß nach seinem Stand. (726)

Man sagte, wer da käme mit ihm in das Land.
Da ließ sie das Gestühle errichten gleich zur Hand,
Wo er vor seinen Freunden gekrönet sollte gehn.
Entgegen ritten ihnen die in König Siegmunde Lehn. (727)

Wer besser ward empfangen, mir ist es unbekannt,
Als die Helden wurden in Siegmundens Land.
Kriemhilden die schöne Sieglind entgegenritt;
Viel schöner Frauen und kühner Ritter zogen mit (728)

Wohl eine Tagesreise bis man die Gäste sah.
Die Heimischen und Fremden litten Beschwerde da,
Bis sie endlich kamen zu einer Veste weit,
Die war geheißten Santen, wo die Krone trugen nach der Zeit. (729)

Mit lachendem Munde Siegmund und Siegelind
Manche liebe Weile küssten sie Utens Kind
Und Siegfried den Degen; ihnen war ihr Leid benommen.
All ihr Ingesinde war ihnen höchlich willkommen. (730)

Man ließ die Gäste bringen vor König Siegmunds Saal.
Die schönen Jungfrauen hub man allzumal
Von den Mähren nieder: Da war mancher Mann,
Der den schönen Frauen mit Fleiß zu dienen begann. (731)

* So prächtig ihre Hochzeit am Rheine war bekannt,
Doch gab man hier den Helden besseres Gewand
Als sie jemals trugen in allen ihren Tagen.
Man mochte große Wunder von ihrem Reichtume sagen. (732)

In hoher Ehren Schimmer hatten sie genug,
Goldrote Kleider immer ihr Ingesinde trug:
Edel Gestein und Borten sah man gewirkt darin.
So verpflag sie fleißig Sieglind, die edle Königin. (733)

Da sprach von seinen Freunden der König Siegmund:
“Siegfried Verwandten tu ichs allen kund,
Er soll vor diesen Recken meine Krone tragen.”
Die Märe hörten gerne die von Niederlanden sagen. (734)

Er befahl ihm seine Krone mit Gericht und Land:
Da war er Herr und König. Wenn er den Rechtsspruch fand
Und wenn er richten sollte, das wurde so getan,
Dass man nicht wenig fürchtete der schönen Kriemhilde Mann. (735)

In diesen hohen Ehren lebt' er, das ist wahr,
Und richtet' unter Krone an das zehnte Jahr,
Bis die schöne Fraue ihm einen Sohn gebar,
Durch den des Königs Sippe gar höchlich erfreuet war. (736)

Man ließ ihn eilends taufen und einen Namen nehmen:
Gunther, nach seinem Oheim, des durft er sich nicht schämen.
Geriet er nach den Freunden, so musst ihm wohlergehn:
Er ward mit Fleiß erzogen; so sollt es billig geschehn. (737)

In denselben Zeiten starb Frau Siegelind:
Da nahm die volle Herrschaft der edeln Ute Kind,
Wie sie der reichen Frauen geziemte wohl im Land.
Es ward genug beweinet, dass der Tod sie hatt entwandt. (738)

Nun hatt auch dort am Rheine, wie wir hören sagen,
Dem reichen König Gunther einen Sohn getragen
Brunhild die schöne in Burgondenland.
Dem Helden zu Liebe ward er Siegfried genannt. (739)

* Mit welchen Sorgen immer man sein hüten hieß!
Gunther ihn, der edle, Hofmeistern ließ,
Die ihn wohl ziehen konnten zu einem biedern Mann.
Hei, was ihm bald das Unglück der Verwandten abgewann! (740)

Zu allen Zeiten Märe ward so viel gesagt,
Wie so lobenswürdig die Degen unverzagt
Zu allen Stunden lebten in Siegmundens Land:

So lebt' auch König Gunther mit seinen Freunden auserkannt. (741)

Das Land der Niebelungen war Siegfried untertan
(Keiner seiner Freunde je größer Gut gewann),
Desgleichen Schilbungs Recken und beider Land und Gut:
Drum stand dem kühnen Siegfried desto höher der Mut. (742)

Hort den allermeisten, den je ein Held gewann,
Nach den ersten Herren, besaß der kühne Mann,
Den vor einem Berge seine Hand erwarb im Streit:
Er schlug darum zu Tode manchen Ritter allbereit. (743)

Vollauf besaß er Ehre, und hätt ers halb entbehrt,
Doch müsste man gestehen dem edeln Recken wert,
Dass er der Beste wäre, der je auf Rossen saß.
Man fürchtete seine Stärke, mit allem Grund tat man das. (744)

12. Abenteuer

Wie Gunther Siegfrieden zu dem Hofgelage lud

Da dacht auch alle Tage König Gunthers Weib:
“Wie trägt so übermütig Frau Kriemhild den Leib!
Nun ist doch unser eigen Siegfried ihr Mann:
Der hat uns nun schon lange wenig Dienstes getan.” (745)

Das trug sie in dem Herzen in großer Heimlichkeit;
Dass sie ihre fremde blieben, das schuf ihr herbes Leid.
Dass man ihr so selten gedient von seinem Land,
Woher das kommen möge, das hätte sie gern erkannt. (746)

Sie versucht' es bei dem König, ob es möchte sein,
Dass sie Kriemhilden wieder säh am Rhein.
Sie vertraut' es ihm alleine, worauf ihr sann der Mut;
Den König aber däuchte ihre Rede gar nicht gut. (747)

Da sprach der reiche König: “Wie möchten wir sie her
Zu diesem Lande bringen? Das fügt sich nimmermehr.
Sie wohnen uns zu ferne: Ich darf sie nicht drum bitten.”
Die Fraue gab zur Antwort mit gar hochfähtgen Sitten: (748)

“Und wäre noch so vornehm eines Königs Mann,
Was ihm sein Herr gebietet, das muss doch sein getan.”
Lächeln musste Gunther ihrer Rede da:
Er nahm es nicht als Dienst an, wie oft er Siegfrieden sah. (749)

Sie sprach: “Lieber Herre, bei der Liebe mein,
Hilf mir, dass Siegfried und die Schwester dein
Zu diesem Land kommen, dass wir sie hier ersehnen:
So könnte mir in Wahrheit nimmer lieber geschehn. (750)

“Deiner Schwester Tugend, ihr wohl gezogner Mut,
So oft ich dran gedenke, wie wohl mirs immer tut;
Wie mir beisammen saßen, als du mich nahmst zum Weib!
Sie mag mit Ehren minnen des kühnen Siegfriedes Leib.” (751)

Da hat sie ihn so lange bis der König sprach:
“Wisst, dass ich nimmer Gäste lieber sehen mag.
Ihr braucht nicht viel zu bitten: Ich will die Boten mein
Zu ihnen beiden senden, dass sie kommen an den Rhein.” (752)

Da sprach zu ihm die Königin: So sollt ihr mir sagen,
Wann ihr sie wollt besenden und zu welchen Tagen
Unsre lieben Freunde sollen kommen in dies Land;
Die ihr dahin wollt senden, die macht zuvor mir bekannt.” (753)

Der König sprach: “Das will ich: Dreißig in meinem Lehn.
Lass ich hinreiten.” Er hieß sie vor sich gehn:
Durch sie entbot er Märe in Siegfriedens Land.
Da beschenkte sie Brunhilde mit manchem reichen Gewand. (754)

Der König sprach: “Ihr Recken sollt von mir sagen,
Und nichts von dem verschweigen was ich euch aufgetragen,
Siegfried dem Starken und der Schwester mein.
Ihnen dürft auf Erden nimmer jemand holder sein. (755)

“Und bittet, dass sie beide, uns kommen an den Rhein:
Dafür will ich und Brunhild ihnen stets gewogen sein.
Vor dieser Sonnenwende soll er mit seinem Bann
Hier manchen bei mir schauen, der ihm Ehr erweisen kann. (756)

Entbietet auch dem König Siegmund die Dienste mein:
Dass ich und meine Freunde ihm stets gewogen sei'n.
Und erbittet meine Schwester, dass sie ihm folgen mag,
Wenn je ihr ziemen solle eines Königs Hofgelag.” (757)

Brunhild und Ute und was man Frauen fand,
Die entboten ihre Dienste in Siegfriedens Land
Den minniglichen Frauen und manchem kühnen Mann.
Auf Wunsch des Königs schickten zur Fahrt die Boten sich an. (758)

Sie standen reisefertig; ihr Ross und ihr Gewand
War ihnen angekommen: Da räumten sie das Land.
Sie eilten zu dem Ziele, dahin sie wollten fahren;
Der König durch Geleite hieß die Boten wohl bewahren. (759)

Sie kamen in drei Wochen geritten in das Land.
In Nibelungens Veste (wohin man sie gesandt)
In der Mark zu Norweg fanden sie den Degen:
Ross und Leute waren müde von den langen Wegen. (760)

Siegfried und Kriemhilden ward beiden hinterbracht,
Dass Ritter kommen wären, sie trügen solche Tracht
Wie man in Burgonden trug der Sitte nach.
Sie sprang von einem Bette, darauf die Ruhende lag. (761)

Zu einem Fenster ließ sie eins ihrer Mägdlein gehn;
Die sah den kühnen Gere auf dem Hofe stehn,
Ihn und die Gesellen, die man dahin gesandt
Ihr Herzeleid zu stillen, wie liebe Kunde sie fand! (762)

Sie sprach zu dem Könige: “Seht ihr sie da stehn,
Die mit dem starken Gere dort auf dem Hofe gehn,
Die uns mein Bruder Gunther nieder schickt den Rhein?”
Da sprach der starke Siegfried: “Die sollen uns willkommen sein.”
(763)

All ihr Ingesinde lief hin, wo man sie sah.
Jeder an seinem Teile gütlich sprach er da
Das Beste was er konnte zu den Boten hehr.
Ihres Kommens freute der König Siegmund sich sehr. (764)

Da schuf man Herbergen Geren und seinem Bann
Und ließ der Rosse warten. Die Boten gingen dann
Dahin, wo Herr Siegfried bei Kriemhilden saß:
Ihnen war der Hof erlaubt; darum so taten sie das. (765)

Der Wirt mit seinem Weibe erhob sich gleich zur Hand.
Wohl ward empfangen Gere aus Burgondenland
Mit seinen Heergesellen in König Gunthers Bann.
Gere dem reichen bot man da den Sessel an. (766)

“Lasst uns die Botschaft sagen, eh wir sitzen gehn:
Uns wegemüde Gäste, lasst uns die Weile stehn.
Wir sagen euch die Märe, die euch zu wissen tut
Gunther mit Brunhilden: Es ergeht beiden gut; (767)

“Und was euch Frau Ute, eure Mutter, her entbot;
Geiselher der junge und auch Herr Gernot
Und eure nächsten Freunde haben uns hergesandt,
Und entbieten euch viel Dienste aus der Burgonden Land.” (768)

“Lohn ihnen Gott,” sprach Siegfried, “ich versah zu ihnen wohl
Mich aller Lieb und Treue, wie man zu Freunden soll;
So tut auch ihre Schwester: Ihr sollt uns ferner sagen,
Ob unsre Freunde hohen Mut daheim noch tragen? (769)

“Hat ihnen seit wir schieden jemand ein Leid getan,
Meiner Frauen Brüdern? Das sagt mir an:
Ich wollt es ihnen immer mit Treue helfen tragen
Bis ihre Widersacher meine Dienste müssten beklagen.” (770)

Zur Antwort gab der Markgraf Gere ein Ritter gut:
“Sie sind in allen Tugenden so recht voll hohem Mut.
Sie laden euch zum Rheine zu einer Lustbarkeit;
Sie sähen euch gar gerne, dass ihr des außer Zweifel seid. (771)

“Bittet meine Fraue, sie möge mit euch kommen:
Wenn der Winter wieder ein Ende hat genommen,

Vor dieser Sonnenwende, da möchten sie euch sehn.”
Da sprach der starke Siegfried: “Das kann nicht füglich geschehn.”
(772)

Da sprach wieder Gere von Burgondenland:
“Eure Mutter Ute hat euch sehr gemahnt,
Und Geiselher und Gernot, ihr sollt es nicht versagen;
Dass ihr so ferne wohnt, das hör ich täglich beklagen. (773)

“Brunhild meine Herrin und ihre Mägdelein
Freuen sich der Märe, und könnt es jemals sein,
Dass sie euch wieder sähen, ihnen schuf es hohen Mut.”
Da dächten diese Mären die schöne Kriemhilde gut. (774)

Gere war ihr Vetter: Der Wirt ihn sitzen hieß,
Den Gästen hieß er schenken; nicht länger man das ließ.
Da war auch Siegmund kommen: Als der die Boten sah,
Freundlich sprach der König zu den Burgonden da: (775)

“Willkommen seid ihr Recken in König Gunthers Bann.
Da sich Kriemhilden zum Weibe gewann
Mein Sohn Siegfried, man sollt euch öfter sehn
Hier in diesem Lande: Das hieß uns Freundschaft zugestehn.” (776)

Sie sprachen: Wenn er wolle, sie würden gerne kommen.
Ihnen ward mit Freuden die Müdigkeit benommen.
Man ließ die Boten sitzen; Speise man ihnen trug:
Deren schuf da Siegfried seinen Gästen genug. (777)

Sie mussten da verweilen volle neun Tage.
Darum erhoben endlich die schnellen Ritter Klage,
Dass sie nicht wieder reiten durften in ihr Land.
Da hatte König Siegfried zu seinen Freunden gesandt. (778)

Er fragte, was sie rieten? Er solle nach dem Rhein:
“Es hat mich entboten Gunther der Schwager mein,
Er und seine Brüder, zu einer Lustbarkeit:
Ich möcht ihm gerne kommen, nur liegt sein Land mir so weit. (779)

“Sie bitten Kriemhilden mit mir zu ziehn:
Nun ratet, lieben Freunde, wie kommen wir dahin?
Und sollt ich heerfahrten durch dreißig Herren Land,
Gern dienstbereit erwiese sich ihnen Siegfriedens Hand.” (780)

Da sprachen seine Recken: “Steht euch zur Fahrt der Mut
Nach dem Hofgelage, wir raten was ihr tut:
Ihr sollt mit tausend Recken reiten an den Rhein;
So mögt ihr wohl mit Ehren dort bei den Burgonden sein.” (781)

Da sprach von Niederlanden der König Siegmund:
“Wollt ihr zum Hofgelage, was tut ihr mirs nicht kund?
Wenn ihr es nicht verschmähet, so reit ich mich euch dar;
Zweihundert Degen führ ich: Damit mehr ich eure Schar.” (782)

“Wollt ihr mit uns reiten, lieber Vater mein,”
Sprach der kühne Siegfried: “Des will ich fröhlich sein.
Binnen zwölf Tagen räum ich dieses Land.”
Allen die's begehrt gab man da Ross und Gewand. (783)

Als dem edeln König zur Reise stand der Mut,
Da ließ man wieder reiten die schnellen Degen gut.
Seiner Frauen Brüdern entbot er an den Rhein;
Er wolle herzlich gerne bei ihrem Hofgelage sein. (784)

Siegfried und Kriemhild gaben, so hörten wir sagen,
So viel diesen Boten, dass es nicht mochten tragen
Die Pferde nach der Heimat: Er war ein reicher Mann.
Ihre starken Säumer trieb man zur Reise fröhlich an. (785)

Da schuf dem Volke Kleider Siegfried und Siegemund
Eckewart der Markgraf ließ da gleich zur Stund
Frauenkleider suchen, die besten die man fand,
Und irgend mocht erwerben in Siegfriedens ganzem Land. (786)

Die Sättel und die Schilde man da bereiten ließ.
Den Rittern und den Frauen, die er sich folgen hieß,
Gab man was sie wollten: Zu wünschen blieb nichts mehr.
Er brachte seinen Freunden manchem stolzen Gast daher. (787)

Nun wandten sich die Boten zurück und eilten sehr.
Da kam von Norwegen Gere, der Degen hehr
Und wurde wohl empfangen: Sie schwangen sich zu Tal
Von Rossen und von Mähren dort vor König Gunthers Saal. (788)

Die Jungen und die Alten kamen, wie man tut,
Und fragten nach der Märe. Da sprach der Ritter gut:
“Wenn ichs dem König sage, wird es auch euch bekannt.”
Er ging mit den Gesellen dahin, wo er Gunthern fand. (789)

Der König vor Freude von dem Sessel sprang:
Dass sie so bald gekommen, sagt' ihnen Dank
Brunhild die Schöne. Zu den Boten sprach er da:
“Wie gehabt sich Siegfried, von dem mir Liebe viel geschah?” (790)

Da sprach der kühne Gere: “Er ward der Freude rot,
Er und eure Schwester. So holde Mär entbot
Seinen Freunden wahrlich nie zuvor ein Mann
Als euch König Siegfried und sein Vater hat getan.” (791)

Da sprach zum Markgrafen des reichen Königs Weib:
“Nun sagt mir, kommt euch Kriemhild? Hat noch ihr schöner Leib
Die hohe Zier behalten, deren sie mochte pflegen?”
Sie wird euch sicher kommen,” sprach da Gere der Degen. (792)

Ute ließ den Boten gar balde vor sich gehn.
Da war es ohn ihr Fragen wohl an ihr zu verstehn
Was sie zu wissen wünsche: “War Kriemhild noch wohlauf?”
Das sagt' er, und sie komme nach kurzer Stunden Verlauf. (793)

Auch wurde nicht verhohlen am Hof der Botenfold,
Den ihnen Siegfried schenkte, die Kleider und das Gold:
Die ließ man alle schauen in der drei Fürsten Bann.
Um seine große Milde pries man höchlich den Mann. (794)

“Er mag wohl,” sprach da Hagen, “mit vollen Händen geben;
Er könnt es nicht verschwenden und sollt er ewig leben.
Den Hort der Nibelungen beschließt des Königs Hand;
Hei! Dass er jemals käme in der Burgonden Land!” (795)

Das ganze Hofgesinde freute sich dazu,
Dass sie kommen sollten: Da waren spät und früh
Die Herren sehr befließen in der drei Könige Bann:
Gar viel der hohen Sitze man zu errichten begann. (796)

Haunolt der kühne und Sindold der Degen
Hatten wenig Muße: Sie mussten stündlich pflegen
Des Schenk- und Truchsess-Amtes, und richteten manche Bank;
Auch Ortwein war behilflich: Des sagt' ihnen Gunther Dank. (797)

Rumolt der Küchenmeister, wie herrscht' er in der Zeit
Ob seinen Untertanen! Gar manchen Kessel weit,
Häfen und Pfannen, hei, was man deren fand!
Denen ward da Kost bereitet, die da kamen in das Land. (798)

* Der Frauen Arbeiten waren auch nicht klein:
Sie zierten ihre Kleider, worauf manch edler Stein.
Des Strahlen ferne glänzten, gewirkt war in das Gold;
Wenn sie die anlegten, ward ihnen männiglich hold. (799)

13. Abenteuer

Wie sie zum Hofgelage fahren

All ihr Bemühen lassen wir nun sein
Und sagen wie Frau Kriemhild und ihre Mägdelein
Hin zum Rheine fahren von Nibelungenland.
Nie trugen Rosse wieder so manches reiche Gewand. (800)

Viel Saumschreine wurden versendet auf den Wegen;
Da ritt mit seinen Freunden Siegfried der Degen
Und die Königstochter in hoher Freuden Wahn:
Da war es ihnen allen zu großem Leide getan. (801)

Sie ließen in der Heimat Siegfrieds Kindelein,
Den Sohn der Kriemhilde; das musste wohl so sein.
Aus ihrer Hofreise erwuchs ihm viel Beschwer:
Seinen Vater, seine Mutter er sah das Kindlein nimmermehr. (802)

Auch ritt mit ihnen dannen Siegmund der König hehr;

Hätt er ahnen können, wie es ihm nachher
Beim Hofgelag erginge, er hätte es nicht gesehn:
Ihm konnt an lieben Freunden größer Leid nicht geschehn. (803)

Vorausgesandte Boten verhiessen sie bei Zeit:
Entgegen ritten ihnen in herrlichem Geleit
Von Utens Freunden viele und König Gunthers Bann:
Der Wirt für seine Gäste sich zu befließen begann. (804)

Er ging zu Brunhilden, wo er sie sitzen fand:
“Wie empfangt euch meine Schwester, da ihr kamet in dies Land?
So will ich, dass ihr Siegfrieds Gemahl empfangen sollt!”
“Das tu ich,” sprach sie, “gerne: ich bin ihr billiglich hold.” (805)

Da sprach der reiche König: Sie kommen morgen früh:
Wollt ihr sie empfangen, so greiftet balde zu,
Dass sie uns in der Veste nicht überraschen hie:
Mir kamen liebre Gäste wohl noch niemals als sie.” (806)

Ihre Mägdelein und Frauen ließ sie da zur Hand
Gute Kleider suchen, die besten, die man fand,
Die sollt ihr Ingesinde vor den Gästen tragen:
Das taten sie doch gerne, das mag man für Wahrheit sagen. (807)

Da eilten auch zu dienen die in Gunthers Lehn;
Alle seine Recken hieß er mit sich gehn.
Da ritt die Königsfraue herrlich hindann;
Da ward den lieben Gästen ein schönes Grüßes getan. (808)

In wie hohen Freuden da empfing man sie!
Sie dächte, dass Kriemhilde Frau Brunhilden nie
So wohl empfangen habe in Burgondenland.
Allen die es sahen ward hohe Wonne bekannt. (809)

Nun war auch Siegfried kommen mit seiner Leute Heer.
Da sah man die Helden sich wenden hin und her
Im Feld allenthalben mit ungezählten Scharen.
Da konnte sich vor Drängen und Stäuben niemand bewahren. (810)

Als der Wirt des Landes Siegfrieden sah
Und Siegmund den König, wie freundlich sprach er da:
“Nun seid mir hochwillkommen und all den Freunden mein;
Wir wollen hohes Mutes ob eurer Hofreise sein.” (811)

“Nun lohn euch Gott,” sprach Siegmund, der ehrbegierge Mann,
“Seit sich euch zum Freunde Siegfried gewann,
War es all mein Sinnen, wie ich euch möchte sehn.”
Da sprach der König Gunther: “Nun freut mich, dass es geschehn.”
(812)

Siegfried ward empfangen wie man das wohl gesollt,
Mit viel großen Ehren; ein jeder war ihm hold.
Des half mit Rittersitten Gernot und Geiselher;
Man bot es leiben Gästen so gütlich wohl nimmermehr. (813)

Nun konnten in der Nähe sich die Königinnen schaun.
Da sah man Sättel ledig: da wurden schöne Frau
Von der Helden Händen gehoben auf das Gras:
Wer gerne Frauen diene, wie selten der da müßig saß! (814)

Da gingen zueinander die Frauen minniglich.
Sehr darüber freuten viel der Ritter sich,
Dass der Beiden Grüßen so minniglich erging.
Da sah man manchen Recken der Frauendienste beging. (815)

Das herrliche Gesinde nahm sich bei der Hand;
Züchtiglich sich neigen man da nicht selten fand
Und minniglich sich küssen viel Frauen wohlgetan.
Das freuten sich zu schauen die in der Könige Bann. (816)

Sie versäumten sich nicht länger, sie ritten nach der Stadt.
Der Wirt seinen Gästen zu beweisen bat,
Dass man sie gerne sähe in der Burgonden Land.
Manches schöne Kampfspiel man vor den Jungfrauen fand. (817)

Da ließ von Tronje Hagen und auch Ortwein,
Wie sie gewaltig waren, wohl offenkundig sein;
Was sie gebieten mochten, das wurde gleich getan.
Man sah die lieben Gäste viel Dienst von ihnen empfahn. (818)

Mancher Schild erhalte vor der Veste Thor
Von Stichen und von Stößen. Lange hielt davor
Der Wirt mit seinen Gästen bevor sie zogen ein:
In Kurzweile mochten die Stunden rasch zerronnen sein. (819)

Vor den weiten Pallas sie nun in Freuden ritten.
Viel kunstreiche Decken, gut und wohl geschnitten,
Sah man von den Sätteln den Frauen wohlgetan
Allenthalben hangen: Da kamen Diener heran. (820)

Zu ihrer Ruhe brachte man die Gäste da.
Hin und wieder blicken man Brunhilden sah
Nach Kriemhild der Frauen; schön war sie genug:
Den Glanz noch vor dem Golde ihre hehre Farbe trug. (821)

Da vernahm man allenthalben zu Wormes in der Stadt
Den Jubel des Gesindes, König Gunther bat
Dankwarten seinen Marschall, er mög es wohl verpflegen:
Da ließ er das Gesinde in gute Herbergen legen. (822)

Draußen und darinnen beköstigte man sie:
So wohl gewartet wurde fremder Gäste nie.
Was einer wünschen mochte, das war ihm gern gewährt:
So reich war der König, es wurde keinem was verwehrt. (823)

Man dient' ihnen freundlich und ohn allen Hass.
Der König zu Tische mit seinen Gästen saß;
Siegfrieden ließ man sitzen wie er sonst getan.

Mit ihm ging zu den Stühlen mancher waidliche Mann. (824)

Zwölfhundert Recken sich an die Tafel hin
Mit ihm zu Tische setzten: Brunhild die Königin
Gedachte, wie ein Dienstmann nicht reicher möge sein.
Noch war sie ihm so günstig, sie ließ ihn gerne gedeihn. (825)

An jenem Abende, da so der König saß,
Viel reiche Kleider wurden da vom Weine nass;
Wenn die Schenken sollten zu den Tischen gehn,
Da sah man volle Dienste mit großem Fleiße geschehn. (826)

Wie bei den Gelagen immer Sitte mochte sein,
Ließ man zur Ruhe gehen Fraun und Mägdelein.
Von wannen wer gekommen, der Wirt ihm Sorge trug:
In gütlichen Ehren gab man da jedem genug. (827)

Als die Nacht zu Ende, sich hob des Tages Schein,
Da sah man aus den Kisten manchen Edelstein
Auf gutem Kleid erglänzen; das schuf der Frauen Hand.
Da ward hervorgesuchet manches schöne Gewand. (828)

Bevor es völlig tagte, da kamen vor den Saal
Ritter viel und Knechte: da hob sich wieder Schall
Vor einer Frühmesse, die man dem König sang.
So ritten junge Helden, der König sagt' ihnen Dank. (829)

Da klangen die Posaunen von manchem kräftgen Stoß;
Der Flöten und Trommeten Schallen ward so groß,
Worms die weite Veste gab lauten Widerhall.
Da kamen auf den Rossen die kühnen Helden überall. (830)

Da hob sich in dem Lande ein hohes Ritterspiel
Von manchem guten Recken: Da sah man ihrer viel,
Deren junge Herzen füllte froher Mut.
Man sah da unter Schilden viel Ritter zierlich und gut. (831)

Da saß in den Fenstern manch herrliches Weib
Und viel der schönen Maide: Gezieret war ihr Leib.
Da sahen sie turnieren manchen kühnen Mann:
Der Wirt mit seinen Freunden zu reiten selber begann. (832)

So vertrieben sie die Weile, die däuchte sie nicht lang.
Da lud sie zum Dome mancher Glockenklang:
Den Frauen kamen Rosse, da ritten sie hindann;
Den edeln Königinnen folgte mancher kühne Mann (833)

Sie stiegen vor dem Münster nieder auf das Gras.
Noch hegte zu den Gästen Brunhilden keinen Hass.
Sie gingen unter Krone in das Münster weit:
Bald schied sich diese Liebe: Das wirkte heftiger Neid. (834)

Da sie gehört die Messe, sah man sie weiter ziehn
Unter hohen Ehren. Sie gingen heiter hin

Zu des Königs Tischen. Ihre Freude nicht erlag
Bei diesen Lustbarkeiten bis gegen den elften Tag. (835)

* Die Königin gedachte: "Ich wills nicht länger tragen.
Wie ich es fügen möge, Kriemhilde muss mir sagen
Warum uns doch so lange den Zins versaß ihr Mann:
Der ist doch unser Eigen: Der Frag ich nicht entraten kann." (836)

* So harrte sie der Stunde, bis es der Teufel riet,
Dass sie das Hofgelage und die Lust mit Leide schied.
Was ihr lag am Herzen, zu früh nur musst es kommen:
Drum ward in manchen Landen durch sie viel Jammer vernommen.
(837)

14. Abenteuer

Wie die Königinnen sich schalten

Es war vor einer Vesper als man den Schall vernahm,
Der von manchem Recken auf dem Hofe kam:
Sie stellten Ritterspiele Kurzweil halber an.
Da eilten es zu schauen der Frauen viel und mancher Mann. (838)

Da saßen beisammen die Königinnen reich
Und gedachten zweier Recken, die waren ohne Gleich.
Da sprach die schöne Kriemhild: "Ich hab einen Mann:
Alle diese Reiche wären ihm billig untertan." (839)

Da sprach Frau Brunhilde: "Wie könnte das wohl sein?
Wenn anders niemand lebte, als du und er allein,
So möchten ihm die Reiche wohl zu Gebote stehn:
So lange Gunther lebet, so kann es nimmer geschehn." (840)

Da sprach Kriemhilde wieder: "Siehst du, wie er steht,
Wie er da so herrlich vor allen Recken geht,
Wie der lichte Vollmond vor den Sternen tut!
Darob mag ich wohl immer tragen fröhlichen Mut." (841)

Da sprach Frau Brunhilde: "Dein Mann sei noch so schön,
So waidlich und bieder, so muss doch drüber gehn
Gunther der Recke, der edle Bruder dein:
Der muss vor allen Königen, das wisse du wahrlich, sein." (842)

Da sprach Kriemhilde wieder: "So teuer ist mein Mann,
Dass er nicht unverdient dies Lob von mir gewann.
An gar manchen Dingen ist seine Ehre groß:
Das glaube mir, Brunhilde, er ist wohl Gunthers Genoss!" (843)

"Das sollst du mir, Kriemhilde, im Argen nicht verstehn,
Es ist auch meine Rede nicht ohne Grund geschehn:
Ich höre es beide sagen, als ich zuerst sie sah,

Und als des Königs Willen in meinen Spielen geschah, (844)

Und da er meine Minne so ritterlich gewann,
Da sagt' es Siegfried selber, er sei des Königs Mann:
Drum halt ich ihn für eigen, ich hört es ihn gestehn."
Da sprach die schöne Kriemhilde: "So wär mir übel geschehn. (845)

Wie hätten so geworben die edeln Brüder mein,
Dass ich des Eigenmannes Gemahl sollte sein?
Drum will ich, Brunhilde, gar freundlich dich bitten,
Lass mir zu Lieb die Rede hinfort mit gütlichen Sitten." (846)

"Ich kann sie nicht lassen," die Königin begann;
"Wozu sollt ich entsagen so manchem Rittersmann,
Der uns mit dem Degen zu Dienst ist untertan?"
Die schöne Kriemhilde da sehr zu zürnen begann. (847)

"Dem musst du wohl entsagen, dass er in der Welt
Dir irgend Dienste leiste. Werter ist der Held
Als mein Bruder Gunther, der Degen unverzagt;
Erlasse mich der Dinge, die du mir jetzo gesagt. (848)

Auch muss mich immer wundern, wenn er dein Dienstmann ist
Und du ob uns beiden so gewaltig bist,
Warum er dir so lange den Zins verseßen hat?
Deines Übermutes bin ich in Wahrheit nun satt." (849)

"Du willst dich überheben," sprach die Königin,
"Wohlan, ich will doch schauen, ob man dich künftighin
So hoch in Ehren halte als man mich selber tut."
Da waren beide Frauen in sehr zornigem Mut. (850)

Da sprach Frau Kriemhilde: "Das wird dir wohl bekannt:
Da du meinen Siegfried dein eigen hast genannt,
So sollen heut die Degen der beiden Könige sehn,
Ob vor des Königs Weibe ich zur Kirche möge gehn. (851)

"Du musst noch heute schauen, dass ich bin edelfrei,
Und dass mein Mann viel werter als der deine sei;
Auch denk ich, wird mich deshalb niemand Hochmuts zeihn.
Du sollst noch heute schauen, wie die Eigenholdin dein (852)

Zu Hof geht vor den Helden in Burgondenland.
Ich selbst will höher gelten, als man je gekannt
Eine Königstochter, die hier die Krone trug."
Unter den Frauen hob sich da großen Neides genug. (853)

Da sprach Brunhilde wieder: "Willst du nicht eigen sein,
So musst du dich scheiden mit den Frauen dein
Von meinem Ingesinde, wenn wir zum Münster gehn."
Zur Antwort gab Kriemhilde: Das soll in Wahrheit geschehn." (854)

"Nun kleidet euch, ihr Maide," sprach Siegfriedens Weib,
"Ich will hier frei von Schande behalten meinen Leib.

Lasst es heute schauen, besitzt ihr reichen Staat:
Sie soll es noch verleugnen was sie mir vorgehalten hat.” (855)

Ihnen war das leicht zu raten; sie suchten reiches Kleid.
Bald sah man wohlgezieret viel Fraun und manche Maid.
Da ging mit dem Gesinde des edeln Königs Weib;
Da ward auch wohlgezieret der schönen Kriemhilde Leib, (856)

Mit dreiundvierzig Maiden, die sie zum Rhein gebracht;
Die trugen lichte Zeuge, in Arabia gemacht.
So kamen zu dem Münster die Mägdlein wohlgetan:
Ihrer harrten vor dem Hause die Degen in Siegfrieds Bann. (857)

Die Leute nahm es Wunder, warum das geschah,
Dass man die Königinnen so geschieden sah,
Und dass sie nicht zusammen gingen so wie eh.
Das geriet noch manchem Degen zu Sorgen und großem Weh. (858)

Da stand vor dem Münster König Gunthers Weib:
Da fanden manche Ritter holden Zeitvertreib
Bei den schönen Frauen, die sie da nahmen wahr.
Da kam die schöne Kriemhild mit mancher herrlichen Schar. (859)

Was Kleider sie getragen eines edeln Ritters Kind,
Gegen ihr Gesinde war alles nur ein Wind.
Sie war so reich an Güte, dass dreißig Königsfraun
Die Pracht nicht zeigen mochten, die an der einen war zu schaun. (860)

Was man sich wünschen möchte, niemand konnte sagen,
Dass er so reiche Kleider je gesehen tragen,
Als da zur Stunde trugen ihre Mägdlein wohlgetan.
Brunhilden wars zu Leide, sonst hätt es Kriemhild nicht getan. (861)

Nun kamen sie zusammen vor dem Münster weit.
Die Hausfrau des Königs in ihrem Zorn und Neid
Hieß da mit schnöden Worten Kriemhilden stille stehn:
“Es soll vor Königsweihe die Eigenholdin nicht gehn.” (862)

Da sprach die schöne Kriemhild, zornig war ihr Mut:
“Hättest du noch geschwiegen, das wär dir leichtlich gut.
Du hast geschändet selber deinen schönen Leib:
Wie mocht eines Mannes Kebse je werden Königesweib?” (863)

“Wen willst du hier verkebsen?”, sprach des Königs Weib.
“Das tu ich dich,” sprach Kriemhild: “Deinen schönen Leib
hat Siegfried erst geminnet, mein viel lieber Mann:
Wohl war es nicht mein Bruder, der dir dein Magdtum abgewann. (864)

“Wo blieben deine Sinne? Es war eine arge List,
Dass du ihn liebest minnen, wenn er dein Dienstmann ist.
Ich höre dich,” sprach Kriemhild, “ohn alle Ursach klagen.”
“In Wahrheit,” sprach Brunhilde, “was will ich doch Gunthern sagen.”
(865)

“Wie mag mich das gefährden? Dich hat dein Stolz betrogen:
Du hast mich mit Reden in deinen Dienst gezogen.
Das wisse du in Treuen, es ist mir immer leid:
Ich bin zu trauter Freundschaft dir nimmer wieder bereit.” (866)

Da weinte Brunhilde; Kriemhild es nicht verhing,
Vor des Königs Weibe sie in das Münster ging
Mit ihrem Ingesinde. Da hob sich großer Hass;
Es wurden lichte Augen sehr getrübt davon und nass. (867)

Wie man da Gott auch diente, was man immer sang,
Es währte Brunhilden die Weile viel zu lang,
Denn ihr war allzutrübe der Sinn und auch der Mut:
Das musste bald entgelten mancher Degen kühn und gut. (868)

Brunhild mit ihren Frauen ging vor das Münster stehn.
Sie dacht: “Ich muss von Kriemhild noch mehr zu hören sehn,
Wes mich so laut geziehn hat das wortscharfe Weib:
Und hat er sichs gerühmet, es geht ihm wahrlich an den Leib!” (869)

Da kam die edle Kriemhild mit manchem kühnen Mann.
Da sprach die edle Brunhild: “Nun haltet wieder an;
Ihr wolltet mich verkebsen: Lasst uns Beweise sehn.
Mir ist von euern Reden, das wisset, übel geschehn.” (870)

Da sprach Frau Kriemhilde: Was ließt ihr mich nicht gehn?
Ich bezeug es mitdem Golde, das an meiner Hand zu sehn.
Das brachte mir Siegfried, als er bei euch lag.”
Nie erlebte Brunhild wohl einen leidigern Tag. (871)

Sie sprach: “Dies Gold, das edle, wurde mir gestohlen
Und ist mir lange Jahre freventlich verhohlen:
Ich komme nun dahinter, wer es mir hat genommen.”
Die Frauen waren beide in großen Unmut gekommen. (872)

Da sprach wieder Kriemhild: “Ich will nicht sein der Dieb;
Du hättest schweigen sollen, wär dir Ehre lieb:
Ich bezeug es mit dem Gürtel, den ich umgetan,
Ich habe nicht gelogen: Wohl wurde Siegfried dein Mann.” (873)

Aus Seide von Ninnive sie eine Borte trug
Besetzt mit Edelsteinen, die war wohl schön genug.
Als Brunhild sie erblickte, zu weinen hub sie an.
Das musste Gunther wissen, und alle die ihm untertan. (874)

Da sprach die Königstochter: “Nun sendet mir hierher
Den König vom Rheine: Erfahren soll es der,
Wie hier seine Schwester höhnte meinen Leib:
Sie sagt vor allen Leuten, ich sei Siegfriedens Weib.” (875)

Der König kam mit Recken: Als er weinen sah
Brunhilde seine Traute, gar gütlich sprach er da:
“Sagt mir, liebe Fraue, ist euch ein Leid geschehn?”
Sie sprach zu dem Könige: “Ich muss unfröhlich hier stehn. (876)

“Aller meiner Ehre will die Schwester dein
Gerne mich berauben; dir soll geklaget sein,
Sie sagt: Ich sei die Kebse von Siegfried ihrem Mann.”
Da sprach König Gunther: “So hat sie übel getan.” (877)

“Sie trägt hier meinen Gürtel, den ich längst verloren,
Und mein Gold das rote. Dass ich je ward geboren
Muss ich sehr beklagen. Entlädst du König hehr
Mich nicht der großen Schande, so minn ich dich nimmer mehr.” (878)

Da sprach König Gunther: “Lasst Siegfried zu uns gehn.
Hat er sichs gerühmet, so muss ers eingestehn,
Oder muss es leugnen, der Held aus Nederland.”
Da ward der kühne Siegfried bald hin zu ihnen gesandt. (879)

Als Siegfried der Degen die Unmutvollen sah,
Und von dem Grund nicht wusste, balde sprach er da:
“Was weinen diese Frauen? Das macht mir doch bekannt:
Oder wessentwillen habt ihr Herrn nach mir gesandt?” (880)

Da sprach König Gunther: “Groß Herzleid sind ich hier.
Eine Märe sagte meine Frau Brunhilde mir:
Du hast dich gerühmet, du wärest ihr erster Mann;
So spricht dein Weib Kriemhilde: Hast du Degen das getan?” (881)

“Niemals,” sprach da Siegfried; “und hat sie das gesagt,
Nicht eher will ich ruhen, bis sie es schwer beklagt;
Auch will ich es erhärten vor deinem ganzen Bann
Mit meinen hohen Eiden, dass ich die Rede nicht getan.” (882)

Da sprach der Fürst vom Rheine: “Wohlan, das zeige mir:
Der Eid, den du geboten, geschieht der gleich allhier,
Aller falschen Dinge lass ich dich ledig gehn.”
Man sah in einem Ringe die von Burgonden stehn. (883)

Da bot der kühne Siegfried zum Eide bin die Hand.
Da sprach der reiche König: “Jetzt hab ich wohl erkannt,
Dass ihr hieran unschuldig; ihr sollt des ledig gehn:
Des euch zieh Kriemhilde, es ist nicht von euch geschehen.” (884)

Da sprach wieder Siegfried: “Und kommt es ihr zu Gut,
Dass deinem schönen Weibe sie so betrübt den Mut,
Das wäre mir wahrlich aus der Maßen leid.”
Da blickten zueinander die Ritter kühn und allbereit. (885)

“Man soll so Frauen ziehen,” sprach Siegfried der Degen,
“Dass sie üppge Reden lassen unterwegen;
Verbiet es deinem Weibe, ich will es meinem tun.
Solchen Übermutes in Wahrheit schäm ich mich nun.” (886)

Viel schöne Frauen wurden durch Reden schon entzweit.
Da zeigte Brunhilde solche Traurigkeit,
Dass es erbarmen musste die in Gunthers Bann:

Da kam von Tronje Hagen zu der Königin heran. (887)

Er fragte was ihr wäre, weil er sie weinend fand;
Sie sagt' ihm die Märe. Er gelobt' ihr gleich zur Hand,
Dass es büßen solle der Kriemhilde Mann,
Oder amn treff ihn nimmer unter Fröhlichen an. (888)

Über die Rede kamen Ortwein und Gernot,
Allda die Helden rieten zu Siegfriedens Tod.
Dazu kam auch Geiselher, der schöne Ute Kind.
Als er die Rede hörte, sprach der Getreue geschwind: (889)

“Weh, ihr guten Recken, warum tut ihr das?
Siegfried ja verdiente niemals solchen Hass,
Dass er darum verlieren Leben sollt und Leib:
Auch sind es viel Dinge, um die wohl zürnet ein Weib.” (890)

“Sollen wir Gäuche ziehen?”, sprach Hagen dagegen,
“Das brächte wenig Ehre solchen guten Degen.
Dass er sich rühmen durfte der lieben Frauen mein,
cih will des Todes sterben oder es muss gerochen sein.” (891)

Da sprach der König selber: “Er hat uns nichts getan
Außer Lieb und Ehre: So leb er denn fortan.
Was sollt ich denn dem Recken hegen solchen Hass?
Er zeigt uns immer Treue, gar williglich tat er das.” (892)

Da begann von Metze der Degen Ortwein:
“Wohl kann ihm hier nicht helfen die große Stärke sein.
Erlaubt es mir mein Herre, ich tu ihm alles Leid.”
Da waren ihm die Helden ohne Grund zu schaden bereit. (893)

Dem folgte dennoch niemand, außer dass Hagen
Alle Tage pflegte zu Gunthern zu sagen:
“Wenn Siegfried nicht mehr lebte, ihm würden untertän
Manches Königs Lande.” Da fing der Held zu trauern an. (894)

Da ließ man es bewenden und ging dem Kampfspiel nach.
Hei! Was man starker Schäfte vor dem Münster brach
Vor Siegfriedens Weibe bis an den Saal hinan!
Darüber kam in Unmut mancher Held in Gunthers Bann. (895)

Der König sprach: “Lasst fahren den mordlichen Zorn.
Er ist uns zu Ehren und zum Heil geboren:
Auch ist so stark und grimmig der wunderkühne Mann,
Wenn ers inne würde, so dürfte niemand ihm nahn.” (896)

“Nicht doch,” sprach Hagen, “da dürft ihr ruhig sein:
Wir leiten in der Stille alles sorglich ein.
Brunhildens Weinen soll ihm werden leid:
Immer sei ihm Hagen zu Hass und Schaden bereit.” (897)

Da sprach König Gunther: “Wie möchte das geschehn?”
Zur Antwort gab ihm Hagen: “Das sollt ihr bald verstehn:

Wir lassen Boten reiten her in dieses Land,
Uns offen Krieg zu künden, die hier niemand sind bekannt. (898)

“Dann sagt ihr vor den Gästen, ihr wollt mit euerm Lehn
Euch zur Heerfahrt rüsten. Sieht er das geschehn,
So verspricht er euch zu helfen; dann gehts ihm an den Leib,
Erfahr ich nur die Märe von des kühnen Recken Weib.” (899)

Der König folgte leider seines Dienstmanns Rat
So huben an zu sinnen Auf Untreu und Verrat,
Eh es wer erkannte, die Ritter auserkoren:
Durch zweier Frauen Zürnen ging da mancher Held verloren. (900)

15. Abenteuer Wie Siegfried verraten ward

Man sah am vierten Morgen zweiunddreißig Mann
Hin zu Hofe reiten da ward es kund getan
Gunther dem reichen, es gelt ihm Krieg und Streit.
Die Lüge schuf den Frauen großen Jammer und Leid. (901)

Sie gewannen Urlaub an den Hof zu gehn.
Da sagten sie, sie ständen in Lüdegers Lehn,
Den einst bezwungen hatte Siegfriedens Hand
Und ihn als Geisel brachte König Gunthern in das Land. (902)

Die Boten er begrüßte und hieß sie sitzen gehn.
Einer sprach darunter: “Herr König, lasst uns stehn,
Dass wir die Mären sagen, die euch entboten sind:
Wohl habt ihr zu Feinden, das wisset, mancher Mutter Kind. (903)

“Euch widersagt Lüdegast und auch Lüdeger:
Denen schuft ihr weiland grimmige Beschwer;
Nun wollen sie mit Heereskraft reiten in dies Land.”
Der Fürst begann zu zürnen, als ihm die Märe ward bekannt. (904)

Man ließ die falschen Boten zu den Herbergen gehn.
Wie mochte wohl Siegfried der Tücke sich versehn,
Er oder anders jemand, die man so heimlich spann?
Doch war es ihnen selber zu großem Leide getan. (905)

Der König mit den Freunden ging raunend ab und zu;
Herr Hagen von Tronje ließ ihm keine Ruh.
Noch wollt es mancher wenden in des Königs Lehn;
Doch nicht vermocht er Hagen von seinen Räten abzustehn. (906)

Eines Tages Siegfried die Degen raunend fand.
Da begann zu fragen der Held von Niederland:
“Wie traurig geht der König und die in seinem Bann?
Das helf ich immer rächen, hat ihnen jemand Leid getan.” (907)

Da sprach König Gunther: “Wohl hab ich Herzeleid:
Lüdegast und Lüdeger drohn mir Krieg und Streit.
Mit Heerfahrten wollen sie reiten in mein Land.”
Da sprach der kühne Degen: “Dem soll Siegfriedens Hand (908)

Nach allen euern Ehren mit Kräften widerstehn;
Von mir geschieht den Recken was ihnen einst geschehn:
Ihre Burgen leg ich wüste und dazu ihr Land
Eh ich ablasse: Des sei mein Haupt euer Pfand. (909)

Ihr mit euern Recken nehmt der Heimat wahr;
Lasst mich zu ihnen reiten mit meiner Leute Schar.
Dass ich euch gerne diene, lass ich euch wohl sehn;
Von mir soll euern Feinden, das wisset, übel geschehn.” (910)

“O wohl mir dieser Märe,” der König sprach da so,
Als wär er seiner Hilfe alles Ernstes froh;
Tief neigte sich in Falschheit der ungetreue Mann.
Da sprach der Herre Siegfried: “Lasst euch wenig Sorge nahn.” (911)

Sie schickten mit den Knechten zu der Fahrt sich an:
Siegfrieden und den seinen ward es zum Schein getan.
Da gebot er sich zu rüsten denen von Niederland:
Siegfriedens Recken suchten ihr Streitgewand. (912)

Da sprach der starke Siegfried: “Mein Vater Siegmund,
Bleibet hier im Lande: Wir kehren bald gesund,
Wenn Gott uns Glück verleihet, wieder an den Rhein:
Ihr sollt bei dem König unterdessen fröhlich sein.” (913)

Da wollten sie von dannen: Die Fahnen band man an.
Da waren wohl manche in König Gunthers Bann,
Die nicht die Märe wussten, warum es war geschehn.
Groß Heergesinde mochte man da bei Siegfrieden sehn. (914)

Die Panzer und die Helme man auf die Rosse lud;
Es wollten aus dem Lande viel starke Ritter gut.
Da ging von Tronje Hagen hin wo er Kriemhild fand;
Er bat sie um den Urlaub; sie wollten räumen das Land. (915)

“Wohl mir,” sprach Kriemhilde, “dass ich den Mann gewann,
Der meine lieben Freunde so wohl beschützen kann
Wie mein Herre Siegfried tut an den Brüdern mein:
Drum will ich hohen Mutes,” so sprach die Königin, “sein (916)

Lieber Freund Hagen, bedenk mir nun auch das,
Ich dien ihnen gerne, trug ihnen niemals Hass.
Das lass mich auch genießen an meinem lieben Mann;
Er soll es nicht entgelten was ich Brunhilden getan. (917)

Das hat mich schon gereuet,” so sprach das edle Weib,
“Auch hat er so zerbleuet zur Strafe meinen Leib,
Dass ich es je geredet, beschwerte seinen Mut:

Er hat es wohl gerochen, dieser Degen kühn und gut.” (918)

Da sprach er: “Ihr versöhnet euch wohl nach wenig Tagen,
Kriemhilde, liebe Fraue, nun sollt ihr mir sagen,
Wie ich euch dienen möge an Siegfried euerm Herrn;
Ich gönne es niemand besser, und tu es, Königin, gern.” (919)

“Ich wär ohn alle Sorge,” so sprach das edle Weib,
“Dass wer im Kampf ihm nähme das Leben und den Leib;
Wenn er nicht folgen wollt seinem Übermut,
So wär er immer sicher, dieser Degen kühn und gut.” (920)

“Wenn ihr besorget, Fraue,” Hagen da begann,
“Dass er verwundet werde, so vertrauet mir an,
Wie soll ich es beginnen, dem zu widerstehn?
Ihn zu schirmen will ich immer bei ihm reiten und gehn.” (921)

“Du bist mein Verwandter, so will ich deine sein:
Ich befehle dir auf Treue den lieben Gatten mein;
Dass du wohl behütest mir den lieben Mann.”
Was besser wär verschwiegen vertraute sie da ihm an. (922)

Die sprach: “Mein Mann ist tapfer, dazu auch stark genug.
Als er den Linddrachen an dem Berge schlug,
Da badete sich im Blute der Degen allbereit,
Daher ihn keine Waffe je versehren mocht im Streit. (923)

“Jedoch bin ich in Sorgen, wenn er im Sturme steht
Und von der Helden Händen mancher Speerwurf geht,
Dass ich dann verliere meinen lieben Mann.
Hei! Was ich großer Sorgen oft um Siegfried gewann! (924)

“Mein lieber Freund, ich meld es nun auf Gnade dir,
Auf dass du deine Treue bewähren magst an mir,
Wo man kann verwunden meinen lieben Mann.
Das sollst du nun vernehmen: Es ist auf Gnade getan. (925)

Als von des Drachen Wunden floss das heiße Blut,
Da badet' in dem Blute sich der Ritter gut:
Da fiel ihm auf die Achsel ein Lindenblatt gar breit:
Da kann man ihn verwunden, das schafft mir Sorgen und Leid.” (926)

Da sprach von Tronje Hagen: “So näht auf sein Gewand
Mir ein kleines Zeichen: Daran ist mir bekannt,
Wo ich sein hüten müsste, wenn wir in Stürmen stehn.”
Sie wollte sein Leben fristen: Auf seinen Tod wars abgesehn. (927)

Sie sprach: “Mit feiner Seide näh ich auf sein Gewand
Insgeheim ein Kreuzchen: Da soll, Held, deine Hand
Meinen Mann beschirmen, wenns ins Gedränge geht,
Und wenn er in den Stürmen dann vor seinen Feinden steht.” (928)

“Das tu ich,” sprach da Hagen, “viel liebe Fraue mein.”
Wohl währte da die Königin, sein Frommen sollt es sein:

Da war hiemit verraten der Kriemhilde Mann.
Urlaub nahm da Hagen: Da ging er fröhlich hindann. (929)

* Was er erfahrene hätte? Bat ihn sein Herr zu sagen.
“Ich will die Reise wenden, wir wollen reiten jagen;
Wohl weiß ich nun die Märe, wie ich ihn töten soll.
Wollt ihr die Jagd bestellen?” “Das tu ich,” sprach der König, “wohl.”
(930)

Des Königs Ingesinde war froh und wohlgenut.
Gewiss, dass solche Bosheit kein Recke wieder tut
Bis zum jüngsten Tage, als da von ihm geschah,
Als sich seiner Treue die schöne Königin versah. (931)

Am folgenden Morgen mit tausend Mannen gut
Ritt der Degen Siegfried davon mit frohem Mut:
Er wähnt', er solle rächen seiner Freunde Leid.
So nahe ritt ihm Hagen, dass er beschaute sein Kleid. (932)

Als er ersah das Zeichen, da schickt' er ungesehn,
Andre Mär zu bringen, zwei aus seinem Lehn:
In Frieden solle bleiben König Gunthers Land;
Es habe sie Lüdeger zu dem Könige gesandt. (933)

Wie ungerne Siegfried abließ von dem Streit,
Eh er gerochen hatte seiner Freunde Leid!
Kaum hielten ihn zurücke die in Gunthers Bann.
Da ritt er zu dem König, der ihm zu danken begann. (934)

“Nun lohn euch, Freund Siegfried, den guten Willen Gott,
Dass ihr so gerne tatet was ich mir wähnte Not;
Das will ich euch vergelten, wie ich billig soll.
vor allen meinen Freunden vertrau ich euch immer wohl. (935)

“Da wir des Heerzugs uns so entledigt sehn,
So rat ich, dass wir Bären und Schweine jagen gehn
Nach dem Wasgauwalde, wie ich oft getan.”
Das hatte Hagen geraten, dieser ungetreue Mann. (936)

“Allen meinen Gästen soll man das nun sagen,
Ich denke früh zu reiten: Die mit mir wollen jagen,
Dass sie sich fertig halten; die aber hier bestehn,
Kurzweilen mit den Frauen: So sei mir Liebes geschehn.” (937)

Mit herrlichen Sitten sprach da Siegfried:
“Wenn ihr jagen reitet, da will ich gerne mit.
So sollt ihr mir leihen einen Jägersmann
Mit etlichen Bracken; so reit ich mit euch in den Tann.” (938)

“Wollt ihr nur einen?”, fragte der König gleich zur Hand:
“Ich leid euch, wollt ihr, viere, denen wohlbekannt
Der Wald ist und die Steige, wo viel Wildes ist,
Dass ihr nicht waldverwiesen zu den Herbergen reiten müsst.” (939)

Da ritt zu seinem Weibe der Degen unverzagt.
 Derweilen hatte Hagen dem Könige gesagt,
 Wie er verderben wolle den tapferlichen Degen:
 So großer Untreue sollt ein Mann nimmer pflegen. (940)

*Als die Ungetreuen geschaffen seinen Tod,
 Da wussten sie es alle. Geiselher und Gernot
 Wollten nicht mitjagen. Weiß nicht aus welchem Groll
 sie ihn nicht gewarnet; doch des entgalten sie voll. (941)

16. Abenteuer Wie Siegfried erschlagen ward

Gunther und Hagen, die Recken wohlgetan,
 Berieten mit Untreuen ein Brischen in den Tann.
 Mit ihren scharfen Speißen wollten sie jagen gehn
 Bären, Schwein und Büffel: Was konnte Kühnres geschehn? (942)

Da ritt auch mit ihnen Siegfried mit stolzem Sinn.
 Man bracht ihnen Speise mancherlei dahin.
 An einem kalten Brunnen verlor er bald den Leib:
 Brunhild hat es geraten, Gunter des Königs Weib. (943)

Da ging der kühne Degen, wo er Kriemhilden fand.
 Schon war aufgesäumt das edle Birschgewand
 Für ihn und die Gesellen: Sie wollten über Rhein.
 Da konnte Kriemhilden nicht übler zu Mute sein. (944)

Seine liebe Tante küsst' er an den Mund:
 "Gott lasse mich dich, Fraue, noch wieder sehn gesund,
 Und mich auch deine Augen; mit holden Freunden dein
 Verkürze dir die Stunden; ich kann nun nicht bei dir sein." (945)

Da gedachte sie der Märe, sie durft es ihm nicht sagen,

Die sie Hagen sagte: Da begann zu klagen
Die edle Königstochter, dass sie je geboren ward:
Ohne Maßen weinte die wunderschöne Fraue zart. (946)

Sie sprach zu dem Recken: “Lasst euer Jagen sein:
Mir träumte heunt von Leide, wie euch zwei wilde Schwein
Auf der Haide jagten: Da wurden Blumen rot.
Dass ich so bitter weine, das tut mir sicherlich Not. (947)

Ich fürchte sehr und bange vor etlicher Verrat.
Hier sind gewisslich welche, die man erzürnet hat:
Die könnten uns verfolgen mit feindlichem Hass.
Bleibt hier, mein lieber Herre, mit Treue rat ich euch das.” (948)

“Meine liebe Traute, ich kehr in kurzer Zeit;
Ich weiß nicht, dass hier Jemand mit Hass trüg oder Neid.
Alle deine Freunde sind insgemein mir hold;
Auch verdient ich von den Degen wohl nimmer anderlei Sold.” (949)

“Nicht doch, lieber Siegfried, wohl fürcht ich deinen Fall.
Mir träumte heunt von Leide, wie über dir zu Tal
Fielen zwei Berge, dass ich dich nie wieder sah:
Und willst du von mir scheiden, das geht mir inniglich nah.” (950)

Er umfing mit Armen das tugendreiche Weib,
Mit holdem Kusse herzt' er ihren schönen Leib.
Da nahm er Urlaub und schied in kurzer Stund:
Sie ersah ihn leider darnach nicht wieder gesund. (951)

Da ritten sie von dannen in einem tiefen Tann.
Der Kurzweil willen folgte manch kühner Rittersmann
Gunthern dem Könige und Siegfrieden nach.
Geiselher der Ruhe daheim mit Gernoten pflag. (952)

Manch Saumross zog beladen vor ihnen überrhein,
Das den Jagdgesellen das Brot trug und den Wein,
Das Fleisch mit den Fischen und Speise mancher Art,
Wie sie ein reicher König wohl haben mag auf der Fahrt. (953)

Da ließ man herbergen bei dem Walde grün
Vor des Wildes Wechseln die stolzen Jäger kühn,
Als sie da jagen wollten, auf breitem Angergrund.
Da war auch Siegfried kommen: Das ward dem Könige kund. (954)

Von den Jagdgesellen ward umhergestellt
Die Wart an allen Enden: Da sprach der kühne Held,
Siegfried der starke: “Wer soll uns in den Tann
Nach dem Wilde weisen? Ihr Degen kühn und wohlgetan.” (955)

“Wollen wir uns scheiden,” hub da Hagen an,
“Ehe wir beginnen zu jagen hier im Tann?
So mögen wir erkennen, ich und die Herren mein,
Wer die besten Jäger bei dieser Waldreise sei'n. (956)

Die Leute und die Hunde, wir teilen uns darein:
Dann fährt, wohin ihn lüstet, jeglicher allein,
Und wer das Beste jagte, dem sagen alle Dank.“
Da weilten die Jäger beieinander nicht mehr lang. (957)

Da sprach der Herre Siegfried: “Der Hunde hab ich Rat,
Ich will nur einen Bracken, der so genossen hat,
Dass er des Wildes Fährte spüre durch den Tann:
Wir kommen wohl zum Jagen!”, so sprach der Kriemhilde Mann. (958)

Da nahm ein alter Jäger einen Spürhund
Und brachte den Herren in einer kurzen Stund,
Wo sie viel Wildes fanden: Was des vertrieben ward,
Da erjagten die Gesellen, wie heut noch guter Jäger Art. (959)

Was da der Bracke scheuchte, das schlug mit seiner Hand
Siegfried der kühne, der Held von Niederland.
Sein Ross lief so geschwinde, dass ihm nicht viel entrann:
Das Lob er bei dem Jagen vor ihnen allen gewann. (960)

Er war in allen Dingen mannhaft genug.
Das Erste von den Tieren, die er zu Tode schlug,
Das war ein starkes Halbschwein, mit eigener Hand;
Nicht lang darauf der Degen einen ungefügen Leuen fand. (961)

Als den Bracke scheuchte, schoss er ihn mit dem Bogen
Und dem scharfen Pfeile, den er darauf gezogen;
Der Leu lief nach dem Schusse kaum dreier Sprünge lang.
Seine Jagdgesellen, die sagten Siegfrieden Dank. (962)

Darnach schlug er wieder einen Büffel und einen Elk,
Vier starker Auer nieder und einen grimmen Schelk.
So schnell trug ihn die Mähre, dass ihm nichts entsprang:
Hinden und Hirsche wurden viele sein Fang. (963)

Einen großen Eber trieb der Spürhund auf,
Als der flüchtig wurde, da kam in schnellem Lauf
Derselbe Jagdmeister und nahm ihn wohl aufs Korn:
Anlief den kühnen Degen der Eber in großem Zorn. (964)

Da schlug ihn mit dem Schwerte der Kriemhilde Mann:
Das hätt ein andrer Jäger nicht so leicht getan.
Als er ihn gefället, fing man den Spürhund.
Da ward sein reiches Jagen den Burgonden alle kund. (965)

* Da sprachen seine Jäger: “Kann es füglich sein,
So lasst uns, Herr Siegfried, des Wildes ein Teil gedeihn:
Ihr wollt uns heute leeren den Berg und auch den Tann.”
Darob begann zu lächeln der Degen kühn und wohlgetan. (966)

Da vernahm man allenthalben Lärmen und Getos.
Von Leuten und von Hunden ward der Schall so groß,
Man hörte widerhallen den Berg und auch den Tann.
Vierundzwanzig Hunde hatten die Jäger losgetan, (967)

Da wurde viel des Wildes vom grimmen Tod ereilt.
Sie wähten es zu fügen, dass ihnen zugeteilt
Der Preis des Jagens würde: Das konnte nicht geschehn,
Als bei der Feuerstätte der starke Siegfried ward gesehn. (968)

Die Jagd war zu Ende, und doch nicht ganz und gar.
Die zu der Herberg wollten brachten mit sich dar
Häute mancher Tiere, dazu des Wilds genug.
Hei! Was man zur Küche vor das Ingesinde trug! (969)

Da ließ der König künden den Jägern wohl geboren
Dass er zum Imbiss wolle; da wurde laut ins Horn
Einmal gestoßen: Also ward bekannt,
Dass man den edeln Fürsten bei den Herbergen fand. (970)

* Da sprach ein Jäger Siegfrieds: "Herr, ich hab vernommen
An eines Hornes Schalle, wir sollen nun kommen
Zu den Herbergen: Erwiedr ichs, das behagt."
Da ward nach den Gesellen mit Blasen lange gefragt. (971)

Da sprach König Siegfried: "Nun räumen wir den Wald."
Sein Ross trug ihn eben, die andern folgten bald.
Sie verscheuchten mit dem Schalle ein Waldtier fürchterlich.
Einen wilden Bären; da sprach der Degen hinter sich: (972)

"Ich schaff uns Jagdgesellen eine Kurzweil.
Da seh ich einen Bären: Den Bracken löst vom Seil.
Zu den Herbergen soll mit uns der Bär:
Er kann uns nicht entrinnen und flöh er auch noch so sehr." (973)

Da lös'ten sie den Bracken, gleich sprang der Bär hindann.
Da wollt ihn erreiten der Kriemhilde Mann.
Er fiel in ein Geklüfte: Da konnt er ihm nicht bei:
Das starke Tier wähte von den Jägern schon sich frei. (974)

Da sprang von seinem Rosse der stolze Ritter gut
Und begann ihm nachzulaufen. Das Tier war ohne Hut,
Es konnt ihm nicht entrinnen; er fing es allzuhand.
Ohn es zu verwunden der Degen eilig es band (975)

Kratzen oder beißen konnt es nicht den Mann.
Er band es auf den Sattel: aufsaß der Schnelle dann:
Er bracht es zu dem Herde in seinem hohen Mut
Zu einer Kurzweile, der Degen edel und gut. (976)

Er ritt zur Herberge in welcher Herrlichkeit!
Sein Spieß war ungefüge, stark dazu und breit;
Eine schmucke Waffe hing ihm herab bis auf den Sporn;
Von rotem Golde führte der Degen ein schönes Horn. (977)

Von besserm Birschgewande hört ich niemals sagen.
Einen Rock von schwarzem Zeuche sah man ihn tragen
Und einen Hut von Zobel, reich war der genug.

Hei! Was für Borten an seinem Köcher er trug! (978)

Von einem Panther war darüber gezogen
Ein Vließ des Ruches wegen. Auch trug er einen Bogen,
Den man mit einer Winde musste ziehen an,
Wenn man ihn spannen wollte, er hätte es selbst denn getan. (979)

Von der Haut des Luchses war alle sein Gewand,
Das man von Kopf zu Füßen bunt überstreuet fand.
Aus dem lichten Rauchwerk zu beiden Seiten hold
Schien an dem kühnen Jäger manche Borte von Gold. (980)

Auch führt' er Balmungen, das breite schmucke Schwert:
Das war scharf und schneidig, nichts bleib unversehrt;
Wenn man es schlug auf Helme; seine Seiten waren gut.
Der herrliche Jäger, der trug gar hoch seinen Mut. (981)

Weil ich euch der Märe ganz bescheiden soll,
So war sein edler Köcher guter Pfeile voll,
Mit goldenen Röhren, die Eisen händebreit.
Wen er damit getroffen, dem war das Ende nicht weit. (982)

Da ritt der edle Degen waidlich aus dem Tann,
Ihn sahen zu sich kommen die in Gunthers Bann.
Sie liefen ihm entgegen und hielten ihm das Ross:
Da führt er auf dem Sattel einen Bären stark und groß. (983)

Als er vom Ross gestiegen, lös't er ihm das Band
Vom Mund und von den Füßen: Die Hunde gleich zur Hand
Begannen laut zu heulen, als sie den Bären sahn.
Das Tier zum Walde wollte: Das erschreckte manchen Mann. (984)

Der Bär in die Küche von dem Lärm geriet;
Hei! Was er von dem Feuer der Küchenknechte schied!
Gerückt ward mancher Kessel, zerzerret mancher Brand;
Hei! Was man guter Speisen in der Asche liegen fand! (985)

Da sprangen von den Sitzen die Herren und ihr Bann.
Der Bär begann zu zürnen; der König wies sie an
Der Hunde Schar zu lösen, die an den Seilen lag;
Und wär es wohl geendet, sie hätten fröhlichen Tag. (986)

Mit Bogen und mit Speißen, man versäumte sich nicht mehr,
Liefen hin die Schnellen, wo da ging der Bär;
Doch wollte niemand schießen, von Hunden wars zu voll.
So laut ward das Getöse, dass rings der Bergwald erscholl. (987)

Der Bär begann zu fliehen vor der Hunde Zahl;
Ihm konnte niemand folgen als Kriemhilds Gemahl.
Er erlief ihn mit dem Schwerte, zu Tod er ihn da schlug,
wieder zu dem Feuer das Gesind den Bären trug. (988)

Da sprachen die es sahen, er wär ein starker Mann.
Die stolzen Jagdgesellen rief man zu Tisch heran:

Auf schönem Anger saßen ihrer da genug.
Hei! Was man Ritterspeise vor die stolzen Jäger trug! (989)

Die Schenken waren säumig, sie brachten nicht den Wein:
So gut bedient mochten sonst Helden nimmer sein.
Wären ihrer manche nicht so falsch dabei,
So wären wohl die Recken aller Schanden bar und frei. (990)

Da sprach König Siegfried: “Mich verwundert sehr,
Man bringt uns aus der Küche doch so viel daher,
Was bringen uns die Schenken nicht dazu den Wein?
Pflegt man so der Jäger, will ich nicht Jagdgeselle sein. (991)

“Ich hätt es wohl verdient, bedächte man mich gut.”
Von seinem Tisch der König sprach mit falschem Mut:
“Man soll euch künftig büßen, was heut uns muss entgehn;
Die Schuld liegt an Hagen, der will uns verdursten sehn.” (992)

Da sprach von Tronje Hagen: “Lieber Herre mein,
Ich wähte, das Birschen sollte heute sein
In dem Spechtsharte: Den Wein sandt ich dahin.
Heut gibt es nichts zu trinken; doch vermeid ichs künftighin.” (993)

Da sprach der Niederländer: “Ich sag euch wenig Dank:
Man sollte sieben Säumer mit Met und Lautertrank
Mir hergesendet haben; konnte das nicht sein,
So hätte man uns besser gesiedelt näher dem Rhein.” (994)

* Des wurde da nicht inne der verratne kühne Mann,
Dass man solche Tücke wider ihn hier spann.
Er war in hoher Tugend alles Falsches bar;
Seines Todes musst entgelten dem es nie ein Frommen war. (995)

Da sprach von Tronje Hagen: “Ihr edeln Ritter schnell,
Ich weiß hier in der Nähe einen kühlen Quell:
Dass ihr mir nicht zürnet, da rat ich hinzugehn.”
Der Rat war manchem Degen zu großer Sorge geschehn. (996)

Siegfried den Recken zwang des Durstes Not;
Den Tisch er wegzurücken so zeitiger gebot:
Er wollte vor die Berge zu dem Brunnen gehn.
Da war der Rat aus Arglist von den Recken geschehn. (997)

Man hieß das Wild aufsäumen und führen in das Land,
Das da verhauen hatte Siegfriedens Hand.
Wer es auch sehen mochte, sprach Ehr und Ruhm ihm nach:
Hagen seine Treue sehr an Siegfrieden brach. (998)

Als sie von dannen wollten zu der Linde breit,
Da sprach von Tronje Hagen: “Ich hörte jederzeit,
Es könne Niemand folgen Kriemhilds Gemahl,
Wenn er rennen wolle; hei! Schauten wir doch das einmal!” (999)

Da sprach von Niederlanden Siegfried der Degen kühn:

“Das mögt ihr wohl versuchen: Wollt ihr mit mir hin
Zur Wette nach dem Brunnen? Wenn der Lauf geschieht,
Soll der gewonnen haben, welchen man gewinnen sieht.” (1000)

“Wohl, lasst es uns versuchen,” sprach Hagen der Degen.
Da sprach der starke Siegfried: “So will ich mich legen
Hier zu euern Füßen nieder in das Gras.”
Als er das erhörte, wie lieb war König Gunthern das! (1001)

Da sprach der kühne Degen: “Noch mehr will ich euch sagen
All meine Geräte will ich mit mir tragen,
Den Speer samt dem Schilde, dazu mein Birschgewand.”
Das Schwert und den Köcher er um die Glieder schnell sich band.
(1002)

Abzogen sie die Kleider von dem Leibe da;
In zwei weißen Hemden man beide stehen sah.
Wie zwei wilde Panther liefen sie durch den Klee;
Man sah bei dem Brunnen den kühnen Siegfried doch eh. (1003)

Den Preis in allen Dingen vor manchem man ihm gab.
Da lös't er schnell die Waffe, den Köcher legt' er ab,
Den starken Wurfspieß lehnt' er an den Lindenast:
Bei des Brunnens Fluße stand der herrliche Gast. (1004)

Siegfriedens Tugenden waren gut und groß.
Den Schild legt' er nieder, wo der Brunnen floss:
Wie sehr ihn auch düstete, der Held nicht eher trank
Bis der Wirt getrunken: Dafür gewann er übeln Dank. (1005)

Der Brunnen war lauter, kühl und auch gut;
Da neigte sich Gunther hernieder zu der Flut.
Als er getrunken hatte, erhob er sich hindann
Also hätt auch gerne der kühne Siegfried getan. (1006)

Da entgalt er seiner Tugend; den Bogen und das Schwert
Trug Hagen beiseite von dem Degen wert.
Dann sprang er schnell zurücke, wo er den Wurfspieß fand
Und sah nach einem Zeichen an des Kühnen Gewand. (1007)

Als Siegfried der König aus dem Brunnen trank,
Schoss er ihm durch das Kreuze, dass aus der Wunde sprang
Das Blut seines Herzens hoch an Hagens Staat.
Kein Held begeht wieder also große Missetat. (1008)

Den Wurfspieß im Herzen ließ er ihn stecken tief:
Wie im Fliehen Hagen da so grimmig lief,
So lief er wohl auf Erden nie vor einem Mann!
Als sich der starke Siegfried der großen Wunde besann, (1009)

Der Held in wildem Toben von dem Brunnen sprang;
Ihm ragte von den Schultern eine Speerstange lang.
Nun wähnt' er da zu finden Bogen oder Schwert,
So hätt er Lohn Herrn Hagen wohl nach Verdienste gewährt. (1010)

Als der Todwunde das Schwert nicht wieder fand,
Da blieb ihm nichts weiter als der Schildesrand.
Den hob er von dem Brunnen und rannte Hagen an;
Da konnt ihm nicht entrinnen König Gunthers Untertan. (1011)

Wie wund er war zum Tode, so kräftig doch er schlug,
Dass von dem Schilde nieder rieselte genug
Des edeln Gesteins; der Schild zerbrach auch fast!
So gern gerochen hätte sich der herrliche Gast. (1012)

Gestrauchelt war da Hagen von seiner Hand zu Tal;
Der Anger von den Schlägen erscholl im Wiederhall.
Hätt er sein Schwert in Händen, so wär es Hagens Tod.
Sehr zürnte der Verwundete, es zwang ihn wahrhafte Not. (1013)

Seine Farbe war erblichen, er konnte nicht mehr stehn.
Seines Leibes Stärke musste ganz zergehn,
Da er des Todes Zeichen in lichter Farbe trug.
Er ward hernach beweinet von schönen Frauen genug. (1014)

Da fiel in die Blumen der Kriemhilde Mann:
Das Blut von seiner Wunde stromweis nieder rann.
Da begann er die zu schelten, ihn zwang die große Not,
Die da geraten hatten mit Untreue seinen Tod. (1015)

Da sprach der Todwunde: "Weh, ihr bösen Zagen,
Was helfen meine Dienste, da ihr mich habt erschlagen?
Ich war euch stets gewogen und sterbe nun daran:
Ihr habt an euern Freunden leider übel getan. (1016)

Die sind dadurch bescholten, was ihrer auch geborn
Wird nach diesem Tage: Ihr habt euern Zorn
Allzu sehr gerochen an dem Leben mein.
Mit Schanden geschieden sollt ihr von guten Recken sein." (1017)

Hinliefen all die Ritter, wo er erschlagen lag:
Es war ihrer vielen ein freudloser Tag.
Wer irgend Treue kannte, von dem ward er beklagt:
Das hatt auch wohl um alle verdient der Degen unverzagt. (1018)

Der König von Burgonden beklagt' auch seinen Tod.
Da sprach der Todwunde: "Das tut nimmer Not,
Dass der um Schaden weinet, durch den man ihn gewann:
Er verdient groß Schelten, er hätt es besser nicht getan." (1019)

Da sprach der grimme Hagen: "Ich weiß nicht, was euch reut:
Nun hat zumal ein Ende unser sorglich Leid.
Nun mags nicht manchen geben, der uns darf bestehn;
Wohl mir, dass seiner Herrschaft durch mich ein End ist geschehn."
(1020)

"Ihr mögt euch leichtlich rühmen," sprach der von Niederland;
"Hätt ich die mörderische Weis an euch erkannt,

Vor euch hätt ich behalten Leben wohl und Leib.
Mich dauert nichts auf Erden als Frau Kriemhilde mein Weib. (1021)

“Auch mag es Gott erbarmen, dass ich gewann den Sohn,
Der nun auf alle Zeiten bescholten ist davon,
Dass seine Freunde jemand meuchlerisch erschlagen:
Hätt ich Zeit und Weile, das müsst ich billig beklagen. (1022)

* Niemand je auf Erden größern Mord begann,”
Sprach er zu dem Könige, “als ihr an mir getan:
Ich erhielt euch unbescholten in großer Angst und Not;
Ihr habt mir schlimm vergolten, dass ich so wohl es euch bot.” (1023)

Da sprach im Jammer weiter der todwunde Held:
“Wollt ihr, edler König, noch je auf dieser Welt
An jemand gutes üben, so lasst befohlen sein
Auf Treue und auf Gnaden euch die liebe Traute mein. (1024)

Lasst sie des genießen, dass sie eure Schwester sei:
Bei aller Fürsten Tugend, steht ihr mit Treue bei!
Mein mögen lange harren mein Vater und sein Bann:
Es ward am lieben Freunde nimmer übler getan.” (1025)

* Er krümmte sich in Schmerzen, wie ihm die Not gebot
Und sprach aus jammerndem Herzen: “Mein mordlicher Tod
Mag euch noch gereuen in der Zukunft Tagen:
Glaubt mir in rechter Treue, dass ihr euch selber habt erschlagen.”
(1026)

Die Blumen allenthalben waren vom Blute nass.
Da rang er mit dem Tode, nicht lange tat er das,
Denn des Todes Waffe schnitt immer allzu sehr.
Auch musste bald ersterben dieser Degen kühn und hehr. (1027)

* Von demselben Brunnen, wo Siegfried ward erschlagen,
Sollt ihr die rechte Wahrheit von mir hören sagen.
Vor dem Odenwalde ein Dorf liegt Odenheim:
Da fließet noch der Brunnen, es kann da kein Zweifel sein. (1028)

Als die Herren sahen, der Degen sei tot,
Sie legten ihn auf einen Schild, der war von Golde rot:
Da gingen sie zu Rate, wie es sollt ergehn,
Dass es verhohlen bliebe, es sei von Hagen geschehn. (1029)

Da sprachen ihrer viele: “Ein Unfall ist geschehn;
Ihr sollt es alle hehlen und einer Rede stehn:
Als er allein ritt jagen, der Kriemhilde Mann,
Da schlugen ihn die Schächer, als er fuhr durch den Tann.” (1030)

Da sprach von Tronje Hagen: “Ich bring ihn in das Land:
Mich soll es nicht kümmern, wird es ihr auch bekannt,
Die so betrüben konnte Brunhildens hohen Mut;
Ich werde wenig fragen wie sie nun weinet und tut.” (1031)

Da harrten sie des Abends und fuhren überrhein:
 Es mochte nie von Helden so schlimm gejaget sein.
 Ihr Beutewild beweinte noch manches edle Weib,
 Sein musste bald entgelten viel guter Weigande Leib. (1032)

17. Abenteuer

Wie Siegfried beklagt und begraben ward

Von großem Übermüte mögt ihr nun hören sagen
 Und grässlicher Rache. Bringen ließ Hagen
 Den erschlagen Siegfried von Nibelungenland
 Vor eine Kemenate, worin sich Kriemhilde befand. (1033)

Er ließ ihn ihr verstohlen legen vor die Tür,
 Dass sie ihn finden müsste, wenn morgen sie herfür
 Zu der Mette ginge lange vor dem Tag,
 Deren Frau Kriemhilde wohl selten eine verlag. (1034)

Da hörte man wie immer zum Münster das Geläut:
 Die schöne Kriemhilde weckte manche Maid.
 Ein Licht hieß sie sich bringen und auch ihr Gewand;
 Da kam der Kämmerer einer hin wo er Siegfrieden fand. (1035)

Er sah ihn rot von Blute, all sein Gewand war nass:
 Dass sein Herr es wäre, mit Nichten wusst er das.
 Da trug er in die Kammer das Licht in seiner Hand,
 Bei dem Frau Kriemhilde die leide Märe befand. (1036)

Als sie mit ihren Frauen zur Kirche wollte gehn,
 “Fraue,” sprach der Kämmerer, “ihr mögt noch stille stehn:
 Es liegt vor dem Gemache ein Ritter tot geschlagen.”
 “O weh,” sprach Kriemhilde, “was willst du solche Botschaft sagen?”
 (1037)

Eh sie noch selbst gesehen es sei ihr lieber Mann,
An die Frage Hagens zu denken sie begann,
Wie er ihn schützen möge: da ahnte sie ihr Leid.
Mit seinem Tod entsagte sie aller Lust und Fröhlichkeit. (1038)

Sie sank zu der Erden, kein Wort mehr sprach sie da;
Die schöne Freudenlose man da liegen sah.
Kriemhildens Jammer wurde groß und voll;
Sie schrie mit solchen Kräften, dass all die Kammer erscholl. (1039)

Da sprach das Gesinde: "Ists nicht ein fremder Mann?"
Das Blut ihr aus dem Munde vor Herzensjammer rann.
Sie sprach: "Nein, Siegfried ist es, mein geliebter Mann:
Brunhild hats geraten und Hagen hat es getan." (1040)

Sie ließ sich hingleiten wo sie den Helden fand,
Sein schönes Haupt erhob sie mit ihrer weißen Hand.
So rot er war von Blute, sie hatt ihn gleich erkannt:
Da lag zu großem Jammer der Held von Nibelungenland. (1041)

Da rief in Trauertönen die Königin mild:
"O weh mir dieses Leides! Nun ist dir doch dein Schild
Mit Schwertern nicht verhaun: Dich fällte Meuchelmord.
Wüsst ich wers vollbrachte, ich wollt es rächen immerfort." (1042)

All ihr Ingesinde wehklagte laut und schrie
Mir seiner lieben Fraue; heftig schmerzte sie
Der Tod des edeln Herren, der da war verlorn.
Gar übel hatte Hagen gerochen Brunhildens Zorn. (1043)

Da sprach die Jammerhafte: "Nun mag einer gehn,
Und mir in Eile wecken die in Siegfrieds Lehn.
Ihr sollt auch Siegmunden meinen Jammer sagen,
Ob er mir helfen wolle den kühnen Siegfried beklagen." (1044)

Da lief ein Bote balde wo er sie schlafen fand,
Siegfriedens Helden von Nibelungenland.
Mit seinen leiden Mären ihre Freud er ihnen nahm;
Sie wollten es nicht glauben, bis man das Weinen vernahm. (1045)

Dahin auch kam der Bote wo der König lag.
Siegmund der Herre keines Schlafes pflag:
Er fühlte wohl im Herzen voraus, was ihm geschehn
Und dass er Siegfrieden nimmer sollte wiedersehn. (1046)

"Wacht auf, König Siegmund, es hieß mich zu euch gehn
Kriemhilde, meine Fraue: Der ist ein Leid geschehn,
Das ihr vor allen Leiden wohl das Herz versehrt;
Das sollt ihr klagen helfen, da es auch euch widerfährt." (1047)

Auf richtete sich Siegmund: "Was ist es, was sie klagt,
Die schöne Kriemhilde, das Leid, das du gesagt?"
Da sprach der Bote weinend: "Ich muss es euch wohl sagen:
Es liegt von Niederlanden der kühne Siegfried erschlagen." (1048)

Da sprach König Siegmund: “Lasst das Scherzen sein,
Und so böse Märe, bei der Liebe mein!
Und sagt es niemand wieder, dass er sei erschlagen,
Denn ich konnt es nie genug bis an mein Ende beklagen.” (1049)

“Wollt ihr mir nicht glauben, was ich euch gesagt,
So mögt ihr selber hören wie Kriemhilde klagt,
Und all ihr Ingesinde um Siegfriedens Tor.”
Gar sehr erschrak da Siegmund, es schuf ihm wahrhafte Not. (1050)

Mit hundert seiner Mannen er von dem Bette sprang.
Sie zuckten zu den Händen die scharfen Waffen lang;
Zu dem Wehruf liefen sie jammersvoll heran.
Da kamen tausend Recken in des kühnen Siegfried Bann. (1051)

Wo sie in Jammerlauten die Frauen hörten klagen:
Da meint' ein Teil, sie müssten doch billig Kleider tragen.
Wohl mochten sie vor Jammer der Sinne Macht nicht haben:
Es lag eine große Schwere in ihrem Herzen begraben. (1052)

Da kam der König Siegmund hin wo er Kriemhild fand.
Er sprach: “O weh der Reise hieher in dieses Land!
Wer hat euch euern Gatten, wer hat mir selbst mein Kind
So mörderisch entrissen, wenn wir bei guten Freunden sind?” (1053)

“Wenn ich den nur kennte,” sprach die Königin,
“Hold würd ihm nimmer mein Herz noch mein Sinn:
Ich wollt es so vergelten, dass all die Freunde sein
Um meinetwillen sollten in wählender Klage sein.” (1054)

Siegmund der König den Fürsten umschloss;
Da ward von seinen Freunden der Jammer also groß,
Dass von dem starken Wehruf Pallas und Saal
Und die Stadt zu Wormes rings erscholl im Wiederhall. (1055)

Da konnte niemand trösten Siegfriedens Weib.
Man zog aus den Kleidern seinen schönen Leib,
Man wusch ihm seine Wunde und legt' ihn auf die Bahr;
Wie weh vor großem Jammer seinen Leuten da war! (1056)

Da sprachen seine Recken aus Nibelungenland:
“Immer ihn zu rächen ist willig unsre Hand.
Er ist in diesem Hause der es hat getan.”
Da eilten sich zu waffnen die Degen in Siegfrieds Bann. (1057)

Die Auserwählten kamen mit ihren Schilden her,
Elfhundert Recken; die hatt in seinem Heer
Siegmund der Reiche: Seines Sohnes Tod
Hätt er gern gerochen, wie seine Treue das gebot. (1058)

Sie wussten nicht, mit wem sie zu streiten sollten gehn,
Wenn es nicht Gunther wäre und die in seinem Lehn,
Mit welchem Herr Siegfried zur Jagd ritt jenen Tag.

Kriemhild sah sie gewaffnet: Das war ihr ander Ungemach. (1059)

Wie groß auch war ihr Jammer, wie stark auch ihre Not,
Sie besorgte doch so heftig der Nibelungen Tod
Von ihrer Brüder Mannen, dass sie dawider sprach:
Sie warnten sie in Liebe, wie immer Freund mit Freunden pflag. (1060)

Da sprach die Jammersreiche: "Mein König Siegmund,
Was wollt ihr beginnen? Euch ist wohl nicht kund:
Es hat der König Gunther so manchen kühnen Mann:
Ihr wollt euch all verderben, greift ihr diese Recken an." (1061)

Mit aufgehobnen Schwerten tat ihnen Streiten Not.
Die edle Königstochter, sie hat und auch gebot
Dass es meiden sollten die Recken allbereit:
Sie wollten es nicht lassen: Das war ihr gar ein Herzeleid. (1062)

Sie sprach: "Mein König Siegmund, steht damit noch an,
Bis es sich besser füget: So will ich meinen Mann
Euch immer rächen helfen. Der mir ihn hat benommen,
Wird er mir bewiesen, dem muss es noch zu Schaden kommen. (1063)

"Es sind der Übermütigen hier am Rheine viel,
Dass ich euch zum Streite jetzt nicht raten will:
Sie haben wider einen wohl an dreißig Mann;
Mög ihnen Gott vergelten was sie uns haben getan. (1064)

"Bleibet hier im Hause und tragt mit mir das Leid
Bis es beginnt zu tagen, ihr Helden allbereit:
Dann helft ihr mir besorgen meinen lieben Mann."
Da sprachen die Degen: "Liebe Frau, das sei getan." (1065)

Es könnt euch des Wunders ein Ende Niemand sagen,
Die Ritter und die Frauen, wie man sie hörte klagen
Bis man des Jammerrufes ward in der Stadt gewahr.
Die edeln Bürgersleute eilten sich und kamen dar. (1066)

Sie klagten mit den Gästen, sie schmerzte der Verlust.
Was Siegfried verbrochen war ihnen unbewusst,
Weshalb der edle Recke Leben ließ und Leib.
Da weinte mit den Frauen manchen guten Bürgers Weib. (1067)

Schmiede hieß man eilen und schaffen einen Sarg
Von Silber und von Golde, mächtig und stark,
Und hieß ihn wohl beschlagen mit Stahle, der war gut.
Da war allen Leuten gar sehr beschweret der Mut. (1068)

Die Nacht war vergangen, man sagt', es wollte tagen:
Da ließ die edle Fraue zu dem Münster tragen
Siegfried den Herren, ihren lieben Mann.
Mit ihr gingen weinend was sie der Freunde gewann. (1069)

Da sie zum Münster kamen, wie manche Glocke klang!
Man hörte allenthalben manchen Pfaffen Sang.

Da kam der König Gunther herzu mit seinem Bann
Und auch der grimme Hagen: Sie hätten klüger nicht getan. (1070)

Er sprach: "Liebe Schwester, o weh des Leides dein,
Dass wir nicht ledig mögen so großen Schadens sein!
Wir müssen immer klagen um Siegfriedens Leib."
"Daran tut ihr Unrecht," sprach das jammerhafte Weib. (1071)

"Wenn euch das betrübte, so wär es nicht geschehn.
Ihr hattet mein vergessen, das muss ich wohl gestehn,
Als ich geschieden wurde, von meinem lieben Mann.
Wollte Gott vom Himmel, ihr hättet mir das getan." (1072)

Sie hielten sich am Leugnen. Kriemhilde da begann:
Wer unschuldig sein will, leicht ist es dargetan,
Er darf nur zu der Bahre hier vor dem Volke gehn:
Da mag man gleich zur Stelle sich der Wahrheit versehn. (1073)

Das ist ein großes Wunder, wie es noch oft geschieht,
Wenn man den Mordbefleckten bei dem Toten sieht,
So bluten ihm die Wunden, wie es auch jetzt geschah;
Daher man nun der Untat sich zu Hagen versah. (1074)

Die Wunden flossen wieder so stark als je vorher.
Die erst so heftig klagten, die weinten nun noch mehr.
Da sprach König Gunther: "Nun hört die Wahrheit an:
Ihn erschlugen Schächer: Hagen hat es nicht getan." (1075)

"Mir sind diese Schächer," sprach sie, "wohl bekannt:
Nun lass es Gott noch rächen von seiner Freunde Hand!
Gunther und Hagen, ihr habt es wohl getan."
Da wollten wieder streiten die Degen in Siegfrieds Bann. (1076)

Da sprach aber Kriemhild: "Ertragt mit mir die Not."
Da kamen auch die beiden, wo sie ihn fanden tot,
Gernot ihr Bruder und Geiselher das Kind:
Sie beklagten ihn in Wahrheit; ihr Augen wurden tränenblind. (1077)

Da weinten sie von Herzen um Kriemhildens Mann.
Man wollte Messe singen. Zum Münster heran
Gingen allenthalben, beides, Mann und Weib.
Die ihn doch leicht verschmerzten, weinten um Siegfrieds Leib. (1078)

Geiselher und Gernot, die sprachen: "Schwester mein,
Nun tröste dich des Todes, es muss nun also sein;
Wir wollen dirs ersetzen so lange wir leben."
Da wusst ihr doch niemand auf Erden Trostes zu geben. (1079)

Sein Sarg war geschmiedet wohl um den hohen Tag;
Man hob ihn von der Bahre, worauf der Tote lag.
Da wollt ihn noch die Fraue nicht lassen begraben:
Drob mussten alle Leute großen Kummer noch haben. (1080)

In kostbare Zeuge man den Toten wand.

Gewiss dass man da niemand ohne Tränen fand.
Da klagt' aus vollem Herzen Ute das edle Weib,
Und all ihr Ingesinde um Siegfrieds herrlichen Leib. (1081)

Als das Volk vernommen, dass man im Münster sang
Und ihn besorgt hatte, da hob sich großer Drang;
Um seiner Seele willen was man da Opfer trug!
Er hatte bei den Feinden doch guter Freunde genug. (1082)

Kriemhild die arme zu den Kämmerlingen sprach:
“Ihr sollt um meinetwillen leiden Ungemach:
Die ihm Gutes gönnen und mir blieben hold,
Um Siegfriedens Seele verteilt an diese sein Gold.” (1083)

Da war kein Kind so kleine, mocht es Verstand nur haben
Das nicht zum Opfer ginge eh er ward begraben.
Wohl an hundert Messen man des Tages sang;
Von Siegfriedens Freunden hob sich da mächtiger Drang. (1084)

Als die gesungen waren verlief die Menge sich
Da sprach Frau Kriemhilde: “Ihr sollt nicht einsam mich
Heunt bewachen lassen den auserwählten Degen:
Es ist an seinem Leibe all meine Freude gelegen. (1085)

“Drei Tag und drei Nächte will ich verwachen dran,
Bis ich mich ersättige an meinem lieben Mann.
Vielleicht dass Gott gebietet, dass mich auch rafft der Tod:
So wäre wohl beendet der armen Kriemhilde Not.” (1086)

Zu den Herbergen gingen die Leute von der Stadt
Die Pfaffen und die Mönche sie zu verweilen bat
Und all das Ingesinde, das des Helden pflag:
Sie hatten üble Nächte und gar mühselgen Tag. (1087)

Ohne Trank und Speise verblieb da mancher Mann
Wers nicht gern entbehrte, dem ward kundgetan,
Man gäb ihm gern die Fülle: Das schuf Herr Siegemund.
Da ward den Nibelungen große Beschwerde kund. (1088)

* In diesen drei Tagen, so hörten wir sagen,
Mussten mit Kriemhilden viel Beschwerde tragen
Die da singen konnten: Was man der Opfer trug!
Die eben arm gewesen, die wurden nun reich genug. (1089)

Was man fand der Armen, die wenig mochten haben,
Die ließ sie mit dem Golde bringen Opfergaben
Aus ihrer eignen Kammer: Er durfte nicht mehr leben,
Da ward um seine Seele manches Tausend Mark gegeben. (1090)

Urbarer Erde Güter verteilte sie im Land,
So viel man da der Klöster und guter Leute fand.
Den Armen gab man Silber und Gewand genug.
Sie ließ es wohl erkennen wie holde Liebe sie ihm trug. (1091)

An dem dritten Morgen zur rechten Messezeit
Sah man bei dem Münster den ganzen Kirchhof weit
Von des Volkes Weinen und Klagen also voll:
Sie dienten ihm im Tode wie man lieben Freunden soll. (1092)

In diesen vier Tagen, so hörten wir die Mär,
An dreißigtausend Marken oder gar noch mehr
Ward um seine Seele den Armen hingegeben.
Indes war gar zerronnen seine Schöne wie sein Leben. (1093)

Als der Dienst beendet, verhallt war der Gesang,
Mit ungestümen Leide des Volkes Menge rang.
Man ließ ihn aus dem Münster zu dem Grabe tragen:
Da hörte man nichts anders als ein Weinen und ein Klagen. (1094)

Mit lautem Wehrufe schloss das Volk sich an:
Froh war da niemand, weder Weib noch Mann.
Eh er bestattet wurde las und sang man da:
Hei! Was man guter Pfaffen bei seinem Begräbnis sah! (1095)

Bevor da kam zum Grabe Siegfriedens Weib,
Da rang mit solchem Jammer ihr getreuer Leib,
Dass man sie aus dem Brunnen mit Wasser oft begoss:
Ihre Herzenschwere war über die Maßen groß. (1096)

Es war ein großes Wunder, dass sie gesund entkam,
Es halfen ihr mit Klagen viel Frauen lobesam.
Da sprach die Königswitwe: "Ihr in Siegfrieds Lehn,
Ihr sollt bei eurer Treue an mir Genade begeh'n. (1097)

"Lasst mir nach meinem Leide eine kleine Gunst geschehn,
Dass ich sein schönes Angesicht noch einmal möge sehn."
Sie bat mit Jammerssinnen so lang und so stark,
Dass man zerbrechen musste den schön geschmiedeten Sarg. (1098)

Da brachte man die Fraue, wo sie ihn liegen fand:
Sie erhob sein schönes Angesicht mit ihrer weißen Hand
Und küsste so den Toten, den edeln Ritter gut:
Ihre lichten Augen vor Leide weinten sie Blut. (1099)

Ein jammervolles Scheiden sah man da geschehn.
Da trug man sie von dannen, sie vermochte nicht zu geh'n.
Da fand man ohne Sinne das herrliche Weib:
Vor Leide wollt ersterben ihr viel wonniglicher Leib. (1100)

Als der edle Degen also begraben war,
Sah man in großem Leide die Helden immerdar,
Die mit ihm hergezogen von Nibelungenland:
Fröhlich gar selten man da Siegmunden fand. (1101)

Wohl mancher war darunter, der drei Tage lang
Vor dem großen Leide weder aß noch trank:
Da konnten sie's nicht länger dem Leib entziehen mehr:
Sie genasen von den Schmerzen, wie wohl noch mancher seither.

(1102)

* Kriemhild der Sinne ledig in Ohnmächten lag
Den Tag und den Abend bis an den andern Tag.
Was jemand sprechen mochte, es ward ihr gar nicht kund;
Es lag in gleichen Nöten auch der König Siegemund. (1103)

* Kaum dass ihn zur Besinnung zu bringen noch gelang.
Seine Kräfte waren von starkem Leide krank,
Das war wohl kein Wunder. Da sprach zu ihm sein Bann:
“Herr, ihr sollt zur Heimat: Uns duldet hier nicht mehr fortan.” (1104)

18. Abenteuer Wie Siegmund heimkehrte

Der Schwäher Kriemhildens ging hin wo er sie fand:
Da sprach er zu der Königin: “Lasst uns in unser Land:
Wir sind unliebe Gäste, wähn ich, hier am Rhein.
Kriemhild, liebe Fraue, nun folgt uns zu dem Lande mein. (1105)

“Dass man in diesen Landen uns so beraubet hat
Eures edeln Mannes durch bösllichen Verrat,
Ihr sollt es nicht entgelten: Getreu will ich euch sein.
Aus Liebe meines Sohnes und des edeln Kindes sein. (1106)

Ihr sollt auch, Fraue, herrschen mit aller der Gewalt,
Die Siegfried euch verliehen, der Degen wohlgestalt.
Das Land und auch die Krone sei euch untertan:
Euch sollen gerne dienen die Degen in Siegfrieds Bann.” (1107)

Dass man reiten wollte, den Knechten wards gesagt:
Da sah man nach den Rossen eine schnelle Jagd;
Sie mochten ungern leben in der starken Feinde Land.
Fraun und Maide suchten hervor ihr Reisegewand. (1108)

Als König Siegmund gerne wäre weg geritten,
Da begann Kriemhilden die Mutter zu bitten,
Sie sollte bei den Freunden im Lande doch bestehn.
Da sprach die Freudenarme: "Das kann schwerlich geschehn: (1109)

Wie vermöcht ichs, mit den Augen den immer anzusehn,
Von dem mir armen Weibe so großes Leid geschehn?"
Da sprach der junge Geiselher: "Liebe Schwester mein,
Du sollst bei deiner Treue hier bei deiner Mutter sein. (1110)

Die dir das Herz beschwerten und trübten deinen Mut,
Du bedarfst nicht ihrer Dienste, du zehrst von meinem Gut."
Sie sprach zu dem Recken: "Das kann ja nicht geschehn:
Vor Leide müsst ich sterben, wenn ich Hagen sollte sehn." (1111)

"Der soll dir nicht begegnen, viel liebe Schwester mein.
Du sollst bei Geiselheren, deinem Bruder sein;
Ich will die wohl vergüten deines Mannes Tod."
Da sprach die Freudenarme: "Das täte Kriemhilden Not." (1112)

Als er ihr der Junge so gütlich erbot,
Da begannen auch zu flehen Ute und Gernot
Und ihre treuen Freunde, sie möchte da bestehn:
Sie habe wenig Sippen unter Siegfriedens Lehn. (1113)

"Sie sind euch alle fremde;" sprach da Gernot,
"Wie stark auch einer gelte, so rafft ihn doch der Tod.
Bedenkt das, liebe Schwester und tröstet euern Mut:
Bleibt hier bei euern Freunden, es gerät euch sicher gut." (1114)

Sie gelobt' es Geiselheren, sie wolle da bestehn.
Da brachte man die Rosse denen in Siegmunds Lohn,
Als sie reiten wollten nach Nibelungenland;
Da war auch aufgesäumt der Recken Zeuch und Gewand. (1115)

Da ging König Siegmund vor Kriemhilde stehn
Und sprach zu der Fraue: "Die in Siegfrieds Lehn
Warten bei den Rossen: Reiten wir denn hin,
Da ich gar so ungerne hier bei den Burgonden bin." (1116)

Da sprach Frau Kriemhilde: "Mir raten Freunde mein,
Die besten die ich habe, bei ihnen soll ich sein.
Ich habe wenig Freunde in Nibelungenland."
Leid tat es Siegmunden, da ers an Kriemhilden fand. (1117)

Da sprach König Siegmund: Das lasst euch niemand sagen:
Vor allen meinen Freunden sollt ihr die Krone tragen
Nach rechter Königswürde, wie ihr sonst getan:
Ihr sollt es nicht entgelten, dass ihr verloren habt den Mann. (1118)

"Fahrt auch mit uns zur Heimat um euer Kindelein:
Das sollt ihr keine Waise, Fraue, lassen sein.
Ist euer Sohn erwachsen, der tröstet euch den Mut;

Derweilen soll euch dienen mancher Degen kühn und gut.” (1119)

Da sprach sie: “Herr Siegmund, ich kann nicht mit euch gehn,
Ich muss hier verbleiben, mag was da will geschehn,
Bei meinen Anverwandten, die mir helfen klagen.”
Da wollten diese Mären den guten Recken nicht behagen. (1120)

Sie sprachen einhellig: “So möchten wir gestehn,
Es sei in dieser Stunde uns erst ein Leid geschehn.
Wollt ihr nun hier im Lande bei unsern Feinden sein,
So könnte Heiden niemals eine Hoffahrt übler gedeihn.” (1121)

“Ihr sollt ohne Sorge Gott befohlen fahren:
Man gibt euch gut Geleite, ich lass euch wohl bewahren
Bis zu euerm Lande; mein liebes Kindelein,
Das soll euch guten Recken auf Gnade befohlen sein.” (1122)

Als sie das recht vernahmen, sie wolle nicht von dann,
Da weinten all die Degen in Siegmundens Bann.
Mit welchem Herzensjammer nahm da Siegmund
Urlaub von Kriemhilden! Da ward ihm Unfreude kund. (1123)

“Weh dieses Hofgelages!”, sprach der König hehr:
“Einem Fürsten und den seinen geschieht wohl nimmermehr
Einer Kurzweil willen, was uns hier ist geschehn:
Man soll uns nimmer wieder hier bei den Burgonden sehn.” (1124)

Da sprachen laut die Degen in Siegfriedens Lehn:
“Wohl möchte noch die Reise in dieses Land geschehn,
Wenn wir den nur fänden, der uns den Herrn erschlug:
Sie haben starker Feinde bei seinen Freunden genug.” (1125)

Er küsste Kriemhilden; jammernd sprach er da,
Als er daheim zu bleiben sie so entschlossen sah:
“Wir reiten arm an Freuden nun heim in unser Land.
Alle meine Sorgen sind wir erst jetzo bekannt.” (1126)

Sie ritten ungeleitet von Wormes überrhein.
Sie mochten voll Vertrauens in ihrem Mute sein.
Würden sie von jemand in Feindschaft angerannt,
Dass sich wohl wehren sollte der kühnen Nibelungen Hand. (1127)

Sie beurlaubten bei niemanden sich.
Da sah man Geiselheren und Gernot minniglich
Zu dem Degen kommen; ihnen war sein Schade leid:
Das ließen ihn wohl schauen die kühnen Helden allbereit. (1128)

Da sprach wohl gezogen zu ihm Herr Gerenot:
“Wohl weiß es Gott im Himmel, an Siegfriedens Tod
Bin ich ganz unschuldig: Ich hört auch niemals sagen,
Wer ihm feind hier wäre: Ich muss ihn billig beklagen.” (1129)

Da gab ihm gut Geleite Geiselher das Kind.
Da bracht er ohne Sorgen, die sonst bei Leide sind,

Den König und die Recken heim nach Niederland;
Wie wenig der Verwandten man dort fröhlich wieder fand! (1130)

Wie's ihnen nun ergangen, weiß ich nicht zu sagen
Man hörte Kriemhilden zu allen Zeiten klagen,
Dass ihr Niemand tröstete das Herz noch den Mut,
Außer Geiselheren; der war getreu und auch gut. (1131)

Brunhild die schöne des Übermutes pflag:
Wie viel Kriemhilde weinte, was fragte sie darnach!
Sie war zu Lieb und Treue ihr nimmermehr bereit:
Bald schuf auch ihr Kriemhilde noch viel schweres Herzeleid. (1132)

19. Abenteuer

Wie der Nibelungenhort nach Worms kam

Als die edle Kriemhild so verwitwet ward,
Verblieb bei ihr im Lande der Markgraf Eckewart
Mit seinem Ingesinde: Er dient' ihr zu allen Tagen
Und half auch seiner Frauen seinen Herren oft beklagen. (1133)

Zu Wormes bei dem Münster gab man ihr ein Schloss,
Weit und geräumig, reich dazu und groß,
Worin mit dem Gesinde die Freudenlose saß.
Gern ging sie zur Kirche, mit großer Andacht tat sie das. (1134)

Wo ihr Freund begraben lag, wie fleißig ging sie hin!
Sie tat es alle Tage mit traurigem Sinn,
Und bat dass Gott der gute seiner Seele möge pflegen:
Gar oft beweint wurde mit großer Treue der Degen. (1135)

Ute und ihr Gesinde sprachen ihr immer zu,
Und doch im wunden Herzen fand sie so wenig Ruh,
Es konnte nicht verfangen der Trost den man ihr bot.
Sie hatte nach dem Teuern die allergrößte Not, (1136)

Die nach dem lieben Manne je ein Weib gewann:
Ihre große Tugend mochte man erkennen wohl daran.
Sie klagt' ihn bis zu Ende, bis sie verlor den Leib:
Bald rächte sich gewaltig des kühnen Siegfriedes Weib. (1137)

Sie saß nach ihrem Leide, das ist alles wahr,
Nach ihres Mannes Tode bis an das vierte Jahr
Und hatte nie zu Gunthern gesprochen einen Laut,
Und ihren Feind Hagen in all der Zeit nicht erschaut. (1138)

Da sprach von Tronje Hagen: "Könnte das geschehn,
Dass ihr eure Schwester euch hold möchtet sehn,
So käm zu diesem Lande der Nibelungen Gold:
Des mögt ihr viel gewinnen, wird uns die Königin hold." (1139)

Er sprach: "Man solls versuchen: Meine Brüder stehn ihr bei,
Die sollen für uns werben, dass sie uns freundlich sei,
Wenn wir den Hort gewinnen, dass sie das gerne sieht."
"Ich glaube nicht," sprach Hagen, "dass es jemals geschieht." (1140)

Da hat er Ortweinen an den Hof zu gehn
Und den Markgraf Gere: Als das war geschehn
Rief man auch Gernoten und Geiselhern das Kind:
Da versuchten bei Kriemhilden sie es freundlich und gelind. (1141)

Da sprach von Burgonden der kühne Gernot:
"Ihr klagt zu lange, Fraue, um Siegfriedens Tod.
Der König will euch zeigen, er hab ihn nicht erschlagen;
Man hört zu allen Zeiten euch so heftig um ihn klagen." (1142)

Sie sprach: "Des zeiht ihn niemand, ihn schlug Hagens Hand:
Wo er verwundbar wäre, macht ich ihm bekannt.
Wie konnt ich michs versehen, er trüg ihm solchen Hass!
Ich hätte wohl vermieden," so sprach die Königin, "das. (1143)

"Hätt ich nicht vermeldet seinen schönen Leib,
So ließ ich nun mein Weinen, ich unselig Weib!
Hold werd ich denen nimmer, die das an ihm getan!"
Da begann zu flehen Geiselher, dieser waidliche Mann. (1144)

* Sie sprach: "Ich muss ihn grüßen, ihr liegt zu sehr mir an.
Von euch ists große Sünde: Er hat mir angetan
So viel Herzensschwere ganz ohne meine Schuld:
Mein Mund schenkt ihm Verzeihung, mein Herz ihm nimmer die
Huld." (1145)

* "Nun wird es besser werden," ihre Freunde sprachen so.
"Vielleicht wirds ihm gelingen, dass sie noch werde froh.
Er magt ihr wohl ersetzen," sprach Gerenot.
Da sprach die Jammersreiche: "Ich tu nach euerm Gebet: (1146)

Ich will den König grüßen." Als er das vernahm,
Mit seinen besten Freunden der König zu ihr kam.
Da wagte doch Herr Hagen sich nicht zu ihr heran:
Er kannte seine Schuld wohl, er hatt ihr Leides getan. (1147)

Als sie verschmerzen wollte auf Gunther den Hass,
Dass er sie küssen sollte, wohl ziemte sich ihm das,
Wär ihr mit seinem Willen das Übel nicht geschehn;
So durft er dreistes Mutes immer zu Kriemhilden gehn. (1148)

Es ward mit solchen Tränen nie eine Sühne mehr
Gestiftet unter Freunden: Sie schmerzt' ihr Schaden sehr;
Doch verzieh sie allen bis auf den einen Mann:
Erschlagen hätt ihn niemand, hätt es Hagen nicht getan. (1149)

Darauf nicht lange währt' es, so stellten sie es an,
Dass Kriemhild die Fraue den großen Hort gewann

Vom Nibelungenlande und bracht ihn an den Rhein:
Ihre Morgengabe war es und musst ihr billig eigen sein. (1150)

Nach diesem fuhr da Geiselher und auch Gernot.
Achtzighundert Mannen Frau Kriemhild gebot
Dass sie ihn holen sollten, wo er verborgen lag
Und sein der Degen Alberich mit seinen besten Freunden pflag. (1151)

Als man des Schatzes willen vom Rhein sie kommen sah,
Alberich der Kühne sprach zu den Freunden da:
“Wir dürfen ihr wohl billig den Hort nicht entziehn,
Da sein als Morgengabe heischt die edle Königin. (1152)

“Dennoch sollt es nimmer,” sprach Alberich, “geschehn,
Müssten wir nicht leider für uns verloren sehn
Mitsamt Siegfrieden den guten Nebelhut,
Den immer hat getragen Kriemhilds Gemahl, der Degen gut. (1153)

“Nun ist es Siegfrieden leider schlimm bekommen,
Dass uns die Tarnkappe der Held hat genommen,
Und dass ihm dienen musste dieses ganze Land.”
Hin ging der Kammerhüter, wo er des Hortes Schlüssel fand. (1154)

Da standen vor dem Berge die Kriemhild gesandt
Und mancher ihrer Freunde: Man ließ den Schatz zur Hand
Zu dem Meere bringen an die guten Schiffelein
Und führt' ihn auf den Wellen bis zu Berg auf den Rhein. (1155)

Nun mögt ihr von dem Horte Wunder hören sagen:
Zwölf Doppelwagen konnten ihn kaum von dannen tragen
In der Tag und Nächte vieren aus des Berges Schacht,
Und hätten sie den Weg auch des Tages dreimal gemacht. (1156)

Es war auch nichts anders als Gestein und Gold.
Und hätte man die Erde erkaufte mit diesem Gold,
Um keine Mark vermindert hätt es seinen Wert.
Wohl hatte sein mit Unrecht der Degen Hagen nicht begehrt. (1157)

Der Wunsch der lag darunter, ein goldnes Rütelein:
Wer das erkundet hätte, der mochte Meister sein
Auf der weiten Erde wohl über jeden Mann.
Von Albrichs Freunden schlossen Gernoten viele sich an. (1158)

* Als sich Gernot der Degen und der junge Geiselher
Des Hortes unterwanden, da wurden sie auch Herr
Des Landes und der Burgen und der Recken wohlgestalt:
Die mussten ihnen dienen zumal durch Furcht und Gewalt. (1159)

Als sie den Hort gewannen in König Gunthers Land,
Und sich darob die Königin der Herrschaft unterwand,
Die Kammern und die Türme, die wurden voll getragen.
Man hörte nie von Schätzen so große Wunder wieder sagen. (1160)

Und wären auch die Schätze noch größer tausendmal,

Und wär der Degen Siegfried erstanden von dem Fall,
Gern wär bei ihm Kriemhilde geblieben hemdebloß.
Nie war zu einem Helden eines Weibes Treue so groß. (1161)

Als sie den Hort nun hatte, da bracht er in das Land
Viel der fremden Recken: Wohl gab der Frauen Hand,
Dass man so große Milde nie zuvor gesehn.
sie übte hohe Tugend: Das musste man ihr zugestehn. (1162)

Den Armen und den Reichen zu geben sie begann.
Hagen sprach zum König: "Lässt man sie so fortan
Noch eine Weile leben, so wird sie in ihr Lehn
So manchen Degen bringen, dass es uns übel muss ergehn." (1163)

Da sprach König Gunther: "Ihr gehört das Gut:
Wie darf er mich bekümmern, was sie damit tut?
Ich konnt es kaum erlangen, dass sie mir wurde hold;
Nicht frag ich, wie sie teilet ihr Gestein und rotes Gold." (1164)

Hagen sprach zum König: "Es vertraut ein kluger Mann
Solche Schätze nimmer einer Frauen an:
Sie bringts mit ihren Gaben wohl noch an den Tag,
Da es sehr gereuen die kühnen Burgonden mag." (1165)

Da sprach König Gunther: "Ich schwur ihr einen Eid,
Dass ich ihr nimmer wieder fügen wollt ein Leid
Und will es künftig meiden: Sie ist die Schwester mein."
Da sprach wieder Hagen: "Lasst mich den Schuldigen sein." (1166)

Sie nahmen ihre Eide meistens schlecht in Hut:
Da raubten sie der Witwe das mächtige Gut.
Hagen aller Schlüssel dazu sich unterwand;
Ihr Bruder Gernot zürnte, als ihm das wurde bekannt. (1167)

Da sprach der junge Geiselher: "Viel Leides ist geschehn
Durch Hagen meiner Schwester: Dem sollt ich widerstehn:
Wär er nicht mein Vetter, es ging' ihm an den Leib."
Wieder neues Weinen begann da Siegfriedens Weib. (1168)

Im Unmut sprach da Gernot: "Eh wir solche Pein
Mit diesem Golde litten, wir solltens in den Rhein
Allzumal versenken: So hört es niemand an."
Sie kam mit Klagebärde da zu Geiselher heran. (1169)

Sie sprach: "Lieber Bruder, du sollst gedenken mein,
Des Lebens und des Gutes sollst du ein Vogt mir sein."
Da sprach er zu der Fraue: "Wohl, es soll geschehn,
Wenn wir wiederkommen: Eine Fahrt ist zu bestehn." (1170)

Gunther und seine Freunde räumten da das Land.
Die allerbesten drunter, die man irgend fand.
Hagen nur alleine verblieb um seinen Hass,
Den er Kriemhilden hegte: zu ihrem Schaden tat er das. (1171)

Eh der reiche König wieder war gekommen,
Derweilen hatte Hagen den ganzen Schatz genommen:
Er ließ ihn dort bei Lochheim versenken in den Rhein.
Er wähnt', er sollt ihn nutzen; das aber konnte nicht sein. (1172)

Die Fürsten kamen wieder, mit ihnen mancher Mann.
Kriemhild den großen Schaden zu klagen da begann
Mit Mägdlein und Frauen: Sie hatten Herzeleid.
Gern war ihnen Geiselher zu aller Treue bereit. (1173)

Da sprachen sie einhellig: "Er hat nicht wohlgetan."
Bis er zu Freunden wieder die Fürsten sich gewann
Entwich er ihrem Zorne: Sie ließen ihn genesen.
Da könnt ihm Kriemhilde wohl nicht feinder sein gewesen. (1174)

Bevor von Tronje Hagen den Schatz also verbarg,
Da hatten sie's beschworen mit Eiden hoch und stark,
Dass er verhohlen bliebe so lang sie möchten leben:
So konnten sie ihn nicht nutzen noch ihn jemand anders geben. (1175)

Mit neuem Leide wieder belastet war ihr Mut,
Erst um des Mannes Leben und nun da sie das Gut
Ihr so gar benahmen: Da ruht' auch ihre Klage
So lange sie lebte nimmer bis zu ihrem jüngsten Tage. (1176)

Nach Siegfriedens Tode, das ist alles wahr,
Lebte sie im Leide wohl dreizehn Jahr,
Dass ihr der Tod des Recken stets im Sinne lag:
Sie war ihm je getreue; das rühmen ihr die Meisten nach. (1177)

* Eine reiche Fürstenabtei stiftete Ute
Nach Dankratens Tode von ihrem Gute,
Mit großen Einkünften, die es noch heute zieht,
Dort zu Lorsch das Kloster, das man in hohen Ehren sieht. (1178)

* Dazu gab auch Kriemhilde hernach ein großes Teil,
Um Siegfriedens Seele und aller Seelen Heil,
Gold und Edelsteine mit williger Hand;
Getreuer Weib auf Erden ward uns selten noch bekannt. (1179)

* Seit Kriemhild König Gunthern hold ward wie zuvor,
Und doch den großen Hort dann durch seine Schuld verlor,
Ihres Herzeleides wurde da noch mehr:
Da zöge gern von dannen die Fraue edel und hehr. (1180)

* Nun war Frau Uten ein Sedelhof bereit
Zu Lorsch bei ihrem Kloster, reich, groß und weit,
Dahin von ihren Kindern sie zog und sich verbarg,
Wo noch die hehre Königin begraben liegt in einem Sarg. (1181)

* Da sprach die Königswitwe: "Liebe Tochter mein,
Hier magst du nicht verbleiben: Bei mir denn sollst du sein
Zu Lorsch in meinem Hause und lässt dein Weinen dann."
Kriemhilde gab ihr Antwort: "Wo ließ ich aber meinen Mann?" (1182)

* “Den lass nur dort verbleiben,” sprach Frau Ute.
“Nicht woll es Gott vom Himmel,” sprach die Gute.
“Meine liebe Mutter, davor will ich mich wahren,
Nein, er muss von hinnen in Wahrheit auch mit mir fahren.” (1183)

* Da schuf die Jammersreiche, dass man ihn erhub
Und sein Gebein, das edle, wiederum begrub
Zu Lorsch bei dem Münster, mit Ehren mannigfalt:
Da liegt im langen Sarge noch der Degen wohlgestalt. (1184)

* Zu denselben Zeiten, da Kriemhild gesollt
Zu ihrer Mutter ziehen, wohin sie auch gewollt,
Da musste sie verbleiben, weil es nicht sollte sein:
Das schufen neue Mären, die da kamen über Rhein. (1185)

20. Abenteuer

Wie König Etzel um Kriemhilden sandte

Das war in jenen Zeiten, als Frau Helke starb
Und der König Etzel um andre Frauen warb,
Da rieten seine Freunde in Burgondenland
Zu einer stolzen Witwe, die war Frau Kriemhild genannt. (1186)

Seit dahingestorben der schönen Helke Leib
Sie sprachen: “So gewinnen ihr wollt ein edel Weib,
Die Höchste und die Beste, die ein König je gewann,
So nehmet Kriemhilden; der starke Siegfried war ihr Mann.” (1187)

Da sprach der reiche König: “Wie ginge das wohl an,
Bin ich doch ein Heide, der die Taufe nicht gewann;
Und sie ist eine Christin: Sie nimmt mich nimmermehr.
Ein Wunder müsst es heißen, käm sie jemals hieher.” (1188)

Da sprachen die Schnellen: “Vielleicht, dass sie es tut
Um euern hohen Namen und euer großes Gut.
Man soll es doch versuchen bei dem edeln Weib:
Euch ziemte wohl zu minnen ihren waidlichen Leib.” (1189)

Da sprach der edle König: “Wem ist nun bekannt
Unter euch am Rheine das Volk und auch das Land?”
Da sprach von Bechlarern der gute Rüdiger:
“Mir sind die edeln Könige kund von Kindesjahren her, (1190)

Gunther und Gernot, die edeln Ritter gut;
Der dritte heißet Geiselher: Ein Jeglicher tut
Was er nach bester Sitte und Tugend mag begehnt;
Auch ist von ihren Ahnen noch stets dasselbe geschehn.” (1191)

Da sprach wieder Etzel: “Freund, du sollst mir sagen,

Ob sie in meinem Lande wohl soll die Krone tragen
Und ob ihr Leib so schön ist als mir ward gesagt,
Von meinen besten Freunden wird es nimmer beklagt.” (1192)

“Sie vergleicht sich an der Schöne wohl der Frauen mein,
Helke, der reichen: Nicht schöner könnte sein
Auf der weiten Erde eine Königin:
Wen sie erwählt zum Freunde, der mag wohl trösten seinen Sinn.
(1193)

“Und wisse, edler König, stehst du darob nicht an,
Sie war dem besten Manne, Siegfrieden untertan,
Dem Sohne Siegmundens; du hast ihn hier gesehn:
Man mocht ihm große Ehre wohl in Wahrheit zugestehn.” (1194)

Da sprach König Etzel: “War sie des Recken Weib,
So war wohl also teuer des edeln Fürsten Leib,
Dass ich nicht verschmähen darf die Königin:
Ob ihrer großen Schönheit gefällt sie wohl meinem Sinn.” (1195)

Er sprach: “So wird sie, Rüdiger, so lieb als ich dir sei.
Und lieg ich Kriemhilden je als Gatte bei,
Das will ich dir vergelten so gut ich immer kann;
Auch hast du meinen Willen mit aller Treue getan. (1196)

“Von meinem Kammergute lass ich so viel dir geben,
Dass du mit den Gefährten in Freuden mögest leben;
Von Rossen und Gewanden was ihr nur begehrt,
Das wird zu dieser Botschaft auf mein Geheiß euch gewährt.” (1197)

Zur Antwort gab der Markgraf, der reiche Rüdiger:
“Unlöblich wär es, hätt ich deines Guts Begehrt.
Ich will dein Bote gerne werden an den Rhein
Mit meinem eignen Gute; ich hab es aus den Händen dein.” (1198)

Da sprach der reiche König: “Wann denkt ihr zu fahren
Zu der Minniglichen? So soll euch Gott bewahren
Dabei an allen Ehren und auch die Fraue mein:
Und mag das Glück mir helfen, dass sie uns gnädig möge sein.” (1199)

Da sprach wieder Rüdiger: “Eh wir räumen dieses Land
Müssen wir uns rüsten mit Waffen und Gewand,
Dass wir vor den Königen mit Ehren dürfen stehn:
Ich will zum Rheine führen fünfhundert Degen ausersehn. (1200)

“Wenn man in Burgonden mich und die Meinen seh,
Dass dann einstimmig das Volk im Land gesteh,
Es habe nie ein König so manchen kühnen Mann
So fern daher gesendet als du zum Rheine getan.” (1201)

Da sprach der Markgraf wieder: “Wohlan, ich will euch sagen,
Wir heben uns von hinnen in vierundzwanzig Tagen.
Ich entbiet es Gotlinden, der lieben Fraue mein,
Dass ich zu Kriemhilden selber wolle Bote sein.” (1202)

Rüdiger sandte Boten nach Bechlaren hin.
Darüber wurde traurig und froh die Markgräfin;
Er entbot ihr, für den König werb er um ein Weib:
Da gedachte sie mit Liebe an der schönen Helke Leib. (1203)

Als die Botenkunde die Markgräfin gewann,
Leid war es ihr zum Teile, zu sorgen hub sie an,
Ob sie wohl eine Herrin gewänne so wie eh?
Gedachte sie an Helke, das tat ihr inniglich weh. (1204)

Nach sieben Tagen Rüdiger ritt aus Ungerland,
Worüber wohl gemutet man König Etzeln fand.
Man fertigte die Kleider in der Stadt zu Wien:
Da wollt er mit der Reise auch nicht mehr länger verziehn. (1205)

Zu Bechlaren harrete sein Frau Gotelind.
Die junge Markgräfin, Herrn Rüdigers Kind,
Sah ihren Vater gerne und die in seinem Bann;
Da ward ein liebes Harren von schönen Frauen getan. (1206)

Eh der edle Rüdiger aus der Stadt zu Wien
Ritt nach Bechlaren, da waren hier für ihn
Die Kleider wohl bereitet auf Säumern angekommen;
Sie fuhren solcherweise, dass ihnen wenig ward genommen. (1207)

Als sie zu Bechlaren kamen in die Stadt,
Für seine Heergesellen um Herbergen bat
Der wirt mit holden Worten: Wohl pflegte man sie da.
Die reiche Gotlinde den Wirt gar gerne kommen sah. (1208)

Auch seine liebe Tochter, die Markgräfin jung,
Ob ihres Vaters Kommen war sie froh genug.
Aus Heunenland die Helden, wie gerne sie die sah!
Mit lachendem Mute sprach die edle Jungfrau da: (1209)

“Nun seid mit Gott willkommen, mein Vater und sein Bann.”
Da ward ein schönes Danken von manchem werten Mann
Mit allem Fleiß geboten der jungen Markgräfin.
Wohl kannte Gotelinde des edeln Rüdiger Sinn. (1210)

Als des Nachts Gotlinde bei Rüdigern lag,
Da frug mit holden Worten die Markgräfin nach,
Wohin ihn denn gesendet der Fürst von Heunenland?
Er sprach: “Meine Frau Gotlinde, ich mach es gern euch bekannt:
(1211)

“Meinem Herren werben soll ich ein ander Weib,
Da ihm ist erstorben der schönen Helke Leib;
Da will ich zu Kriemhilden reiten an den Rhein:
Die soll hier bei den Heunen vielgewaltge Herrin sein.” (1212)

“Das wollte Gott!”, sprach Gotlind, “möchte das geschehn,
Da wir so hohe Ehren ihr hören zugestehn.

Sie ersetzt uns meine Fraue vielleicht in alten Tagen:
Wir mögen bei den Heunen sie gerne sehen Krone tragen.” (1213)

Da sprach der Markgraf Rüdiger: “Liebe Fraue mein,
Die mit mir fahren sollen von hinnen an den Rhein,
Denen sollt ihr minniglich bieten euer Gut:
Wenn Helden reichlich leben, so tragen sie hohen Mut.” (1214)

Sie sprach: “Da ist nicht einer, wenn er es gerne nähm,
Dem ich nicht willig böte was jeglichem genehm,
Eh ihr von hinnen scheidet und die in euerm Bann.”
“So wird mir,” sprach der Markgraf, “ein Gefallen getan.” (1215)

Hei! Was man reicher Zeuche von ihrer Kammer trug!
Da ward den edeln Recken Gewand zu Teil genug
Mit allem Fleiß gefüttert vom Hals bis auf die Sporen.
Die ihm davon gefielen hatte Rüdger sich erkoren. (1216)

An dem siebenten Morgen von Bechlarern ritt
Der Wirt mit seinen Recken. Sie führten Waffen mit
Und Kleider auch die Fülle durch der Baiern Land.
Sie wurden auf der Straße von Räufern selten angerannt. (1217)

Binnen zwölf Tagen kamen sie an den Rhein.
Da konnte diese Märe nicht lang verborgen sein;
Dem König und den seinen ward es kundgetan,
Es kämen fremde Gäste. Der Wirt zu fragen begann, (1218)

O sie jemand kenne? Das solle man ihm sagen.
Man sah die Saumrosse schwere Lasten tragen:
Wie reich die Helden waren, das ward da wohl erkannt;
Herberge schuf man ihnen in der weiten Stadt zur Hand. (1219)

Als die Unbekannten waren angekommen.
Da ward der fremden Gäste mit Neugier wahrgenommen;
Sie wunderte, von wannen sie kämen an den Rhein.
Der Wirt fragte Hagen, wer die Herren möchten sein? (1220)

“Noch hab ich sie nicht gesehn:”, sprach den Tronje Hagen,
“Wenn wir sie erschauen will ich euch wohl sagen
Von wannen sie geritten kommen in dies Land;
Wie fremd sie immer wären, so sind sie gleich mir bekannt.” (1221)

Man hatte Herbergen den Gästen nun genommen.
Der Bote war in reichen Kleidern angekommen
Mit seinen Heergesellen, als sie zu Hofe ritten.
Sie trugen gute Kleider, die waren zierlich geschnitten. (1222)

Da sprach der schnelle Hagen: “So viel ich mag verstehn,
Da ich seit langen Tagen den Herrn nicht hab ersehnt,
So sind sie so gekleidet als wär es Rüdiger
Aus dem Heunenlande, dieser Degen kühn und hehr.” (1223)

“Wie sollt ich das wohl glauben?”, sprach Gunther gleich zur Hand,

“Dass der von Bechelaren käm in dieses Land?
Kaum hatte der König das Wort gesprochen gar,
Da nahm der kühne Hagen den guten Rüdiger wahr. (1224)

Er und seine Freunde liefen alle hin;
Da sprangen von den Rossen fünfhundert Degen kühn.
Wohl empfangen wurden die von Heunenland;
Niemals trugen Boten wohl so herrliches Gewand. (1225)

Da rief von Tronje Hagen mit lauter Stimme Schall:
“Nun seien uns willkommen diese Degen all,
Der Vogt von Bechlaren mit seinem ganzen Lehn.”
Der Empfang war mit Ehren den schnellen Heunen geschehn. (1226)

Des Königs nächste Freunde drängten sich heran.
Da hub von Metzen Ortewein zu Rüdigern an:
“Wir haben lange Tage hier nicht mehr gesehn
So willkommne Gäste, das muss ich wahrlich gestehn!” (1227)

Sie dankten für den Willkomm den Recken allzumal.
Mit ihrem Heergesinde gingen sie zum Saal,
Wo sie den König fanden bei manchem kühnen Mann.
Der erhob sich von dem Sitze, das ward aus höfischer Zucht getan.
(1228)

Wie freundlich den Boten er entgegenging!
Den Gast mit seinen Leuten minniglich empfing
Gunther mit Gernoten; er durft es ohne Scham.
Rüdiger den guten bei der Hand der König nahm. (1229)

Er führt' ihn zu dem Sitze, worauf er selber saß.
Den Gästen ließ er schenken (gerne tat man das)
Von dem guten Mete und von dem besten Wein,
Den man nur mochte finden in den Landen um den Rhein. (1230)

Geiselher und Gere waren auch gekommen;
Dankwart und Volker, die hatten bald vernommen
Von den fremden Gästen. Sie waren wohlgemut:
Sie empfingen vor dem Könige die Ritter edel und gut. (1231)

Da sprach von Tronje Hagen zu Gunthern seinem Herrn:
“Ihm sollten es vergelten diese Recken gern,
Was uns der Markgraf alles zu Liebe hat getan:
Des sollte Lohn empfangen der schönen Gotelinde Mann.” (1232)

Da sprach König Gunther: “Ich lasse nicht das Fragen:
Wie beide sich gehaben, das sollt ihr mir sagen,
Etzel und Frau Helke in der Heunen Land?”
Der Markgraf versetzte: “Ich mach es gern euch bekannt.” (1233)

Da erhob er sich vom Sitze mit seinem ganzen Bann
Und sprach zu dem Könige: “Wenn ichs erlangen kann,
Dass ihr es, Herr, erlaubet, so hehle nichts mein Mund:
Die Märe, die ich bringe, die mach ich willig euch kund.” (1234)

Er sprach: "Was man uns immer durch euch entboten hat
Erlaub ich euch zu sagen ohne der Freunde Rat.
Die Märe lasset hören mich und die Degen mein:
Euch soll nach allen Ehren zu werben hier verstattet sein. (1235)

Da sprach der biedre Bote: "Euch entbietet an den Rhein
Seine treuen Dienste der große König mein,
Dazu den Freunden allen, die euch zugetan;
Auch wird euch diese Botschaft mit aller Treue getan. (1236)

"Euch lässt der edle König klagen seine Not:
Sein Volk ist arm an Freude, meine Fraue die ist tot,
Helke die reiche, meines Herrn Gemahl:
An der ist nun verwaiset schöner Jungfraun große Zahl, (1237)

"Edler Fürsten Kinder, die sie erzogen hat:
Daher hat nun im Lande so große Trauer Statt.
Es ist nun leider niemand, der sie so treulich pflegt.
Drum wähn ich auch, dass selten des Königs Sorge sich legt." (1238)

"Nun lohn ihm Gott," sprach Gunther, "dass er die Dienste sein
So williglich entbietet mir und den Freunden mein.
Ich hörte gern die Grüße, die ihr mir kund getan;
Ihm sollen gerne dienen meine Freunde wie mein Bann." (1239)

Da sprach von Burgonden der Recke Gernot:
"Die Welt mag immer klagen um der schönen Helke Tod,
Der hohen Tugend willen, die sie gewohnt zu pflegen."
Das bestätigte Hagen und noch mancher andre Degen. (1240)

Da sprach wieder Rüdiger, der edle Bote hehr:
"Erlaubt ihr mir, Herr König, so sag ich euch noch mehr,
Was mein lieber Herre euch hieher entbot:
Er lebt in großem Kummer seit der Königin Helke Tod. (1241)

Man sagte meinem Herren, Kriemhild sei ohne Mann.
Herr Siegfried ist gestorben: Log man nicht daran
Und wollt ihr es vergönnen, so soll sie Krone tragen
Über Etzels Recken: Das gebot mein Herr ihr zu sagen." (1242)

Da sprach der reiche König mit wohl gezogenem Mut:
"Es ist nach meinem Willen, wenn sie es gerne tut.
Das will ich euch verkünden in diesen dreien Tagen:
Wenn sie es nicht verweigert, wie sollt ichs Etzeln versagen?" (1243)

Herberge ward den Gästen beschieden gleich zur Hand.
Sie wurden so bedient, das Rüdiger gestand,
Er habe gute Freunde in König Gunthers Bann.
Ihm diente Hagen gerne, er hatt ihm Gleiches einst getan. (1244)

So verweilte Rüdiger bis an den dritten Tag.
Der Fürst berief die Räte, wie er weislich pflag,
Und frug, ob es die Freunde däuchte wohlgetan,

Dass Kriemhilde nähme den edeln König zum Mann. (1245)

Da rieten sie es alle; nur Hagen stands nicht an.
Der begann zu Gunther, dem kühnen Helden, an:
“Habt ihr kluge Sinne, so seid wohl auf der Hut,
Wenn sie auch folgen wollte, dass ihr doch nimmer es tut.” (1246)

“Warum,” sprach da Gunther, “ließ ichs nicht ergehn?
Was künftig noch der Königin Liebes mag geschehn,
Will ich ihr gerne gönnen: Sie ist die Schwester mein.
Wir müssten selbst drum werben, sollt es ihr zur Ehre sein.” (1247)

“Lasst solche Rede bleiben,” fiel Hagen wieder ein:
“Wenn euch wie mir Herr Etzel kund sollte sein,
Und liebt ihr sie ihn minnen, wie ich euch höre sagen,
Das müsset ihr vor allen mit vollem Rechte beklagen.” (1248)

“Warum?“, sprach da Gunther, “leicht vermeid ich das:
Ich komm ihm nie so nahe, dass ich durch seinen Hass
Leid zu befahren hätte, würd er auch ihr Mann.”
Da sprach wieder Hagen: “Es ist nimmer wohlgetan.” (1249)

Da lud man Gernoten und Gesselhern heran,
Ob es die Herren beide däuchte wohlgetan,
Wenn Kriemhilde nähme den reichen König hehr.
Noch wiederriet es Hagen und auch anders niemand mehr. (1250)

Da sprach von Burgonden Geiselher der Degen:
“Nun mögt ihr, Freund Hagen, noch der Treue pflegen:
Entschädigt sie des Leides, ihr habt ihr viel getan.
Was ihr noch mag gelingen, ihr sollt sie nicht verhindern dran. (1251)

Wohl habt ihr meiner Schwester gefügt so manches Leid.”
Sprach da wieder Geiselher, Der Degen allbereit,
“Ihr hättet es verdienet, wäre sie euch gram:
Wohl niemand einer Frauen so viel der Freuden benahm.” (1252)

“Dass ich das wohl erkenne, das sei euch frei bekannt.
Und soll sie Etzel nehmen und kommt sie in sein Land,
Wie sie es immer füge, viel Leid tut sie uns an.
Wohl kommt in ihre Dienste da mancher waidliche Mann.” (1253)

Dawider sprach zu Hagen der kühne Gernot:
“Es mag dabei verbleiben bis an beider Tod,
Dass wir niemals kommen in König Etzels Land.
Lasst uns ihr treulich dienen, wie uns die Ehre des ermahnt.” (1254)

Da sprach wieder Hagen: “Das mag mir niemand sagen.
Und soll die edle Kriemhild Helkens Krone tragen,
Viel Leid wird sie uns schaffen, wie sie's nur fügen kann:
Ihr sollt es bleiben lassen, das ständ euch Recken besser an.” (1255)

Im Zorne sprach da Geiselher, der schönen Ute Kind:
“Wir sollen doch nicht alle meineidig sein gesinnt!

Was Liebes ihr geschehe, wir wollen froh drum sein;
Was ihr auch redet, Hagen, ich dien ihr nach der Treue mein.” (1256)

Als das Hagen hörte, da trübte sich sein Mut.
Geiselher und Gernot, die stolzen Ritter gut,
Und Gunther der reiche, zuletzt vereinten sich:
Wenn es Kriemhild wünsche, sie wolltens dulden williglich. (1257)

Da sprach Markgraf Gere: “Ich will der Fraue sagen,
Dass sie den König Etzel sich lasse wohlbehagen.
Dem sind so viel der Recken mit Ehrfurcht untertan,
Er mag ihr wohl vergüten was sie je Leides gewann.” (1258)

Hin ging der schnelle Degen, wo er Kriemhilden sah.
Sie empfing ihn gütlich; wie balde sprach er da:
“Ihr mögt mich gern begrüßen und geben Botenbrot;
Es will das Glück euch scheiden nun von aller eurer Not. (1259)

Es hat um eure Minne, Fraue, hergesandt
Der allerbesten Einer, der je ein Königsland
Gewann mit vollen Ehren und Krone durfte tragen:
Es werden edle Ritter, das lässt euch euer Bruder sagen,” (1260)

Da sprach die Jammersreiche: “Verbieten soll euch Gott
Und allen meinen Freunden, dass sie keinen Spott
Mit mir Armen treiben: Was sollt ich einem Mann,
Der je Herzensliebe von gutem Weibe gewann?” (1261)

Sie widersprach es heftig. Da traten zu ihr her
Gernot ihr Bruder und der junge Geiselher.
Sie baten sie in Liebe und trösteten ihr den Mut:
“Wenn sie den König nehme, es gerat ihr wahrlich gut.” (1262)

Bereden mochte niemand das tugendreiche Weib.
Dass sie minnen sollte eines Mannes Leib.
Da baten sie die Degen: “So lasst es nur geschehn,
Wenn ihr nicht anders wollet, dass euch die Boten mögen sehn.” (1263)

“Das will ich nicht versagen,” so sprach die Fraue hehr,
“Ich empfangе gerne den guten Rüdiger
Seiner Tugend willen: Wär er nicht hergesandt,
Jedem andern Boten, dem blieb' ich immer unbekannt.” (1264)

Da sprach sie: “Auf Morgen bescheidet ihn hieher
Zu meiner Kemenate, den guten Rüdiger:
So mag ich meinen Willen dem Degen selber sagen.”
Ihr begann von neuem das große Weinen und Klagen. (1265)

Auch wünschte sich nichts anders der edle Rüdiger
Als dass er schauen möchte die Königstochter hehr.
Er wusste sich so weise: Könnt es irgend sein,
So musst er sie bereden, diesen Rechen zu frein. (1266)

Früh des andern Morgens, als man die Messe sang,

Die edeln Boten kamen: Da hob sich großer Drang.
Die mit Rüdigeren zu Hofe sollten gehn,
Deren war im Staate manch stolzer Recke zu sehn. (1267)

Kriemhild die schöne Fraue reingemut,
Da harrte sie auf Rüdiger, den edeln Boten gut.
Er fand sie in dem Kleide, das sie für täglich trug:
Dabei trug ihr Gesinde reicher Kleider genug. (1268)

Sie ging ihm entgegen zu der Türe hin
Und empfing Etzels Recken mit gütlichem Sinn.
Nur selbwölfster trat er zu der Frauen ein;
Man bot ihm große Ehre: Nicht mochten bessre Boten sein (1269)

Man hieß den Herren sitzen und die in seinem Lehn.
Die beiden Markgrafen, die sah man vor ihr stehn,
Eckewart und Gere, die edeln Ritter gut.
Der Hausfrau wegen fand man da niemanden wohlgemut. (1270)

Sie sahen vor ihr sitzen gar manche edle Maid.
Die schöne Fraue hatte Jammer nur und Leid.
Ihr Kleid war vor den Brüsten von heißen Tränen nass;
Wohl an Frau Kriemhilden sah der edle Markgraf das. (1271)

Da sprach der hehre Bote: “Viel edles Königskind,
Mir und den Gesellen, die mit mir kommen sind,
Geruhet zu erlauben, dass wir vor euch stehn
Und euch melden, weshalb unsre Reise sei geschehn.” (1272)

“Das sei euch erlaubet,” sprach die Königin:
“Was ihr auch sagen möget, also steht mein Sinn,
Dass ich es gerne höre: Ihr seid ein Bote gut.”
Da hörten wohl die andern ihren ungünstgen Mut. (1273)

Da sprach von Bechlaren der Markgraf Rüdiger:
“Euch bat entboten, Fraue, Etzel der König hehr
Treu und große Liebe hieher in dieses Land:
Er hat um eure Minne viel gute Recken hergesandt. (1274)

“Er entbeut euch freundlich Liebe sonder Leid:
Er sei zu steter Freundschaft euch immerdar bereit,
Wie Frau Helken weiland, die ihm im Herzen lag;
Er hat nach ihren Tugenden noch oft unfröhlichen Tag.” (1275)

Da sprach die Königstochter: “Markgraf Rüdiger,
Wenn meines Herzeleides jemand kundig wär,
Der würde mir nicht raten zu einem zweiten Mann:
Ich verlor an einem mehr als je ein Weib gewann.” (1276)

“Was tröstet mehr im Leide,” sprach der kühne Mann,
“Als freundliche Liebe? Wer die gewähren kann
Und hat sich den erkoren, der ihm zu Herzen kommt,
Der fühlt wohl, dass im Leide nichts so sehr als Liebe frommt. (1277)

Und geruhet ihr zu minnen den edeln Herren mein,
Zwölf reicher Kronen sollt ihr gewaltig sein.
Dazu von dreißig Königen gibt euch mein Herr das Land.
Die alle hat bezwungen seine vielgewaltge Hand. (1278)

“Ihr sollt euch Herrein werden ob manchem werten Mann,
Die Helken meiner Frauen waren untertan,
Und über viel der Frauen, einst ihrem Dienst gesellt,
Von hoher Fürsten Stamme,” sprach der hochbeherzte Held. (1279)

“Dazu gibt euch mein König, so gebot er euch zu sagen,
Wenn ihr geruht die Krone bei dem Herrn zu tragen,
Macht, die allerhöchste, die Helke je gewann:
So gewaltig sollt ihr herrschen über Etzels ganzen Bann.” (1280)

“Wie möchte wohl wieder,” so sprach die Königin,
“Eines Helden Weib zu werden gelüsten meinem Sinn?
Der Tod hat an dem einen mir solches Leid getan,
Dass ichs bis an mein Ende nimmermehr verschmerzen kann.” (1281)

Die Heunen sprachen wieder: “Viel reiche Königin,
Das Leben geht bei Etzeln euch so froh dahin,
Es wird euch immer freuen, wenn ihr es habt getan:
Manchen zieren Degen der reiche König gewann. (1282)

“Helkens Jungfrauen und eure Mägdelein,
Sollten die zusammen je ein Gesinde sein,
Dabei so möchten Recken wohl werden wohlgemüt;
Lasst es euch raten, Fraue, es bekommt euch wahrlich gut.” (1283)

Sie sprach mit edler Sitte: “Nun lasst die Rede sein
Bis morgen in der Frühe: Dann tretet zu mir ein:
So will ich auf die Märe euch geben den Bescheid.”
Da mussten Folge leisten die kühnen Degen allbereit. (1284)

Als zu den Herbergen sie kamen allzumal,
Zu Geiselnern zu senden die edle Frau befahl
Und nach ihrer Mutter: Den beiden sagte sie,
Ihr gezieme nur zu weinen und alles andere nie. (1285)

Da sprach ihr Bruder Geiselher: “Mir ahnet, Schwester mein,
Und gerne mag ichs glauben, dein Leid und deine Pein
Wird König Etzel wenden: Und nimmst du ihn zum Mann,
Was jemand anders rate, so dünkt es mich wohl getan.” (1286)

Da redete Frau Ute ihrer lieben Tochter zu:
“Was deine Brüder raten, liebes Kind, das tu:
Folge deinen Freunden, so wird dirs wohlergehn.
Ich habe dich zu lange in großem Jammer gesehn.” (1287)

Oft bat sie Gott den reichen, dass wieder ihre Hand
Zu schenken haben möge Gold, Silber und Gewand,
Wie einst da er noch lebte, ihr Mann der Degen hehr.
Sie erlebte doch nicht wieder so frohe Stunden nachher. (1288)

Sie gedacht in ihrem Sinne: “Und sollt ich meinen Leib
Einem Heiden geben? Ich bin ein Christenweib:
Des hätt ich Spott und Schanden auf Erden immerdar.
Gäb er mir alle Reiche, ich tät es nimmer fürwahr.” (1289)

Da ließ sie es bewenden. Die Nacht bis an den Tag
Die Frau in ihrem Bette voll Gedanken lag;
Ihre lichten Augen trockneten ihr nicht
Bis sie zu der Mette wieder ging beim Morgenlicht. (1290)

Zur Messezeit auch waren die Könige gekommen.
Sie hatten ihre Schwester an die Hand genommen
Und rieten ihr zu minnen den von Heunenland.
Niemand doch die Fraue ein wenig fröhlicher fand. (1291)

Da ließ man zu ihr kommen die Etzel hergesandt.
Die wollten nun mit Urlaub räumen Gunthers Land,
Wie es geraten möge, mit ja oder nein!
Da kam zu Hofe Rüdiger: Die Gefährten schärften ihm ein. (1292)

Dass er recht erforsche des edeln Königs Mut,
Und das bei Zeiten täte; das däuchte jeden gut;
Ihre Wege wären ferne wieder in ihr Land.
Man brachte Rüdigeren hin wo er Kriemhilden fand. (1293)

Da bat alsbald der Recke die edle Königin
Mit minniglichen Worten, zu künden ihren Sinn
Was sie entbieten wolle in König Etzels Land.
Der Held mit seinem Werben bei ihr nur Weigerung fand: (1294)

“Sie wolle nimmer wieder minnen einen Mann.”
Dawider sprach der Markgraf: “Das wär nicht recht getan:
Was wollt ihr so verderben euern minniglichen Leib?
Ihr werdet noch mit Ehren eines werten Mannes Weib.” (1295)

Nichts half es was sie baten, bis dass Rüdiger
Insgeheim gesprochen mit der Königin hehr,
Er hofft ihr zu vergüten all ihr Ungemach.
Da ließ zuletzt ein wenig ihre hohe Trauer nach. (1296)

Da sprach er zu der Königin: “Lasst euer Weinen sein;
Hättet ihr bei den Hennen niemand als mich allein,
Meine lieben Freunde und die mir untertan
Er sollt es schwer entgelten, hätt euch jemand Leid getan.” (1297)

Darüber schien getröstet die Frau in ihrem Mut.
Sie sprach: “Wohlان, so schwöret, was mir jemand tut,
Ihr wollt der Erste werden, der rächen will mein Leid.”
Da erwidert' ihr der Markgraf: “Dazu bin ich gern bereit.” (1298)

Mit allen seinen Degen schwur ihr Rüdiger,
Ihr immer treu zu dienen und dass die Recken hehr
Ihr nichts versagen sollten in König Etzels Land,

Was ihre Ehre heische: Das gelobt' ihr Rüdigers Hand. (1299)

Da gedachte die Getreue: "Wenn ihr gewinnen kann
So viel der steten Freunde, so seh ichs wenig an
Was die Leute reden, ich jammerhaftes Weib!
Vielleicht wird noch gerochen meines lieben Mannes Leib." (1300)

Sie gedachte: "Da Herr Etzel der Recken hat so viel;
Denen ich gebiete, so tu ich was ich will.
Er hat auch solchen Reichtum, dass ich verschenken kann;
Mich hat der leidge Hagen meines Gutes ohne getan." (1301)

Sie sprach zu Rüdigern: "Hätt ich nicht vernommen,
Dass er ein Heide wäre, so würd ich gerne kommen,
Wohin sein Wille wäre, so nähm ich ihn zum Mann."
Da sprach der Markgraf wieder: "Steht darum, Fraue, nicht an. (1302)

* "Er ist nicht ganz ein Heide, des dürft ihr sicher sein:
Er war gar wohl bekehret, der liebe Herre mein,
Nur dass er zu den Heiden wieder übertrat:
Wollt ihr ihn minnen, Fraue, so wird dawider wohl Rat. (1303)

"Ihm dienen so viel Recken in der Christenheit,
Dass euch bei dem Könige nie widerfährt ein Leid;
Vielleicht mögt ihrs erlangen, dass er die Taufe wählt:
Drum wärt ihr wohl mit Ehren König Etzeln anvermählt." (1304)

Da sprach ihr Bruder wieder: "Versprecht es, Schwester mein,
Und allen euern Kummer lasst in Zukunft sein."
Da baten sie so lange, bis sie mit trübem Mut
Gelobte vor den Helden, Etzeln zu frein den König gut. (1305)

Sie sprach: "Ich will euch folgen, ich arme Königin!
Ich fahre zu den Heunen, wann es geschehe, hin,
So ich Freunde finde, die mich führen in das Land."
Darauf bot vor den Helden die schöne Kriemhild die Hand. (1306)

Der Markgraf sprach: "Zwei Recken, die stehn in euerm Lehn;
Dazu hab ich noch manchen: So kann es wohl geschehn,
Dass wir euch mit Ehren bringen überrhein:
Ihr sollt nicht länger, Fraue, hier bei den Burgonden sein. (1307)

"Fünfhundert Mannen hab ich und der Freunde mein,
Die sollen euch zu Diensten hier und bei Etzeln sein,
Was ihr auch gebietet; ich selber steh euch bei
Und will michs nimmer schämen, mahnt ihr mich künftig meiner Treu.
(1308)

Euer Pferdgeräte haltet euch bereit;
Was Rüdiger geraten wird euch nimmer leid;
Und sagt es euern Mägdlein, die ihr euch gesellt:
Uns begegnet unterwegs mancher auserwählte Held." (1309)

Sie hatte noch Geschmeide, um das zu Siegfrieds Zeit

Sie um die Wette ritten, dass sie mit mancher Maid
Mit Ehren reisen mochte, so sie wollt hindann.
Hei! Was man guter Sättel den schönen Frauen gewann! (1310)

Wenn sie je zum Feste trugen reich Gewand,
So war des zur Reise die Fülle nun zur Hand,
Weil ihnen von dem Könige so viel gerühmet ward;
Sie nahmen aus den Kisten was sie da lange gespart. (1311)

Sie waren sehr geschäftig wohl fünftehalben Tag;
Sie suchten aus der Lade soviel darinnen lag.
Ihre Kammer zu erschließen, hub da Kriemhild an;
Sie gedachte reich zu machen all die in Rüdigers Bann. (1312)

Sie hatten noch des Goldes vom Nibelungenland:
Das sollte bei den Heunen verteilen ihre Hand.
Es mochten hundert Mäuler es nicht von dannen tragen.
Die Märe hörte Hagen da von Kriemhilden sagen. (1313)

Er sprach: "Mir wird Kriemhilde doch nimmer wieder hold:
So muss auch hier verbleiben Siegfriedens Gold.
Wie ließ ich meinen Feinden wohl so großes Gut?
Ich weiß wohl was Kriemhilde mit diesem Schatzte noch tut: (1314)

Wenn sie ihn hinnen brächte, so weiß ich sicherlich,
Sie würd ihn nur verteilen zu werben wider mich.
Sie bat auch nicht die Rosse um ihn hinweg zu tragen;
Behalten will ihn Hagen, das soll man Kriemhilden sagen." (1315)

Als sie vernahm die Märe, das schuf ihr grimme Pein.
Es ward auch den Königen kund allen drein;
Sie gedachten es zu wenden. Als das nicht geschah,
Wie sprach mit frohem Mute der edle Rüdiger da: (1316)

"Reiche Königstochter, was klagt ihr um das Gold?
Euch ist König Etzel so geneigt und hold,
Ersehnt euch seine Augen, er gibt euch solchen Hort,
Dass ihr ihn nie verschwendet; das verbürgt euch mein Wort." (1317)

Da sprach die Königswitwe: "Viel edler Rüdiger,
Nie eine Königstochter gewann der Schätze mehr
Als die deren Hagen mich ohne hat getan."
Da kam ihr Bruder Gernot zu ihrer Kammer heran. (1318)

Er stieß des Königs Schlüssel gewaltsam in die Tür.
Frau Kriemhildens Schätze brachte man herfür,
An dreißigtausend Marken oder wohl noch mehr,
Dass es die Gäste nähmen: Des freute sich Gunther sehr. (1319)

Da sprach von Bechlaren der Gotelinde Mann:
"Und gehörten all die Schätze noch Kriemhilden an,
Die man jemals brachte von Nibelungenland,
Sie sollte nie berühren mein noch der Königin Hand (1320)

Lasst es aufbewahren, da ichs nicht haben mag:
Man führt uns noch von Hause so viel des meinen nach.
Wir mögens unterwegs entraten wohl mit Fug:
Was auch die Reise koste, wir haben alles genug." (1321)

Zu allen Zeiten hatten ihre Mägdelein
Des allerbesten Goldes, das irgend mochte sein,
Zwölf gefüllte Kisten: Das führten sie hindann,
Und viel der Frauenzierde, die man zur Reise gewann. (1322)

Die Macht des grimmen Hagen bedäuchte sie zu stark.
Des Opfergoldes hatte sie wohl noch tausend Mark;
Das gab sie für die Seele von ihrem lieben Mann.
Das däuchte Rüdigeren mit großer Treue getan. (1323)

Da sprach die reiche Königin: "Wo sind die Freunde mein,
Die meiner Liebe willen im Elend wollen sein?
Die sollen mit mir reiten in der Heunen Land:
Sie nehmen meines Goldes und kaufen Ross und Gewand." (1324)

Da sprach zur Königstochter der Markgraf Eckewart:
"Seit ich als Ingesinde an euch gewiesen ward,
Hab ich euch immer treulich gedient," sprach der Degen,
"Und will bis an mein Ende des Gleichen immer bei euch pflegen.
(1325)

Ich will auch mit mir führen fünfhundert Mann,
Die biet ich euch zu Dienste mit rechten Treuen an:
Wir bleiben ungeschieden, es tu es denn der Tod."
Der Rede dankt' ihm Kriemhild, es zwang sie wahrhafte Not. (1326)

Da brachte man die Rosse: Sie wollten aus dem Land.
Wohl huben an zu weinen die Freunde all zur Hand.
Ute die reiche und manche schöne Maid
Bezeigten, wie sie trugen um Frau Kriemhilde Leid. (1327)

Hundert reicher Mägdelein zogen in ihrer Schar;
Sie wurden so gekleidet wie's ihnen ziemend war.
Da fielen ihnen Tränen aus lichten Augen nieder;
Manche Freud erlebte sie auch bei König Etzel wieder. (1328)

Da kam der Herre Geiselher und auch Gerenot
Mit ihrem Heergesinde, wie ihnen Treu gebot:
Sie wollten ihre Schwester begleiten durch das Land;
Sie führten im Gefolge wohl tausend Degen auserkannt. (1329)

Da kam der schnelle Gere und auch Ortwein;
Rumolt der Küchenmeister, der ließ sie nicht allein.
Sie schufen ihr Herbergen bis an der Donau Strand;
Vor der Stadt schon hatte sich König Gunther gewandt. (1330)

Eh sie vom Rheine fuhren wurden vorausgesandt
Ihre schnellen Boten in der Heunen Land,
Dem Könige zu sagen, dass ihm Rüdiger

Zum Gemahl geworben die edle Königin hehr. (1331)

* Die Boten fuhren schnelle; Eil war ihnen Not
Um die große Ehre und das reiche Botenbrot.
Als sie mit ihren Mären waren heimgekommen,
Da hatte König Etzel so Liebes selten vernommen. (1332)

* Der lieben Märe willen ließ der König geben
Den Boten solche Gaben, dass sie wohl mochten leben
Immerdar in Freuden hernach bis an den Tod.
Mit Wonne war verschwunden des Königs Kummer und Not. (1333)

21. Abenteuer

Wie Kriemhilde zu den Heunen fuhr

Die Boten lasst reiten, so tun wir euch bekannt,
Wie die Königstochter fuhr durch das Land,
Und wo sich von ihr schieden Geiselher und Gernot;
Sie hatten ihr gedienet wie ihre Treue gebot. (1334)

Sie kamen nach Veringen, der Donau nah, geritten;
Sie begannen um den Urlaub die Königin zu bitten,
Weil sie wieder reiten wollten an den Rhein;
Da mocht es ohne Weinen von guten Freunden nicht sein. (1335)

Geiselher der schnelle sprach zu der Schwester sein:
“Fraue, wenn du jemals bedürfen solltest mein,
Was immer dich gefährde, so mach es mir bekannt,
Dann reit ich dir zu dienen hin in König Etzels Land.” (1336)

Die Verwandten alle küssten sie an den Mund.
Minniglich sich scheiden sah man da zur Stund
Von Kriemhildens Freunden die in Rüdgers Bann.
Da zogen mit der Königin viel Mägdelein wohlgetan, (1337)

Hundert und viere; sie trugen herrlich Kleid
Von reichen bunten Zeuchen; viel der Schilde breit
Führte man der Fraue nach auf ihren Wegen.
Da wandte sich von dannen gar mancher herrliche Degen. (1338)

So zogen sie in Eile hinab durch Bayerland.
Da brachte man die Märe: Viel Gäste unbekannt
Kämen angeritten. Wo noch ein Kloster steht
Und der Inn mit Brausen in die Donau nieder geht, (1339)

In der Stadt zu Passau, da saß ein Bischof.
Leer wurden Herbergen und des Fürsten Hof:
Sie wanden sich in Eile hinauf durch Bayerland,
Wo der Bischof Pilgerin die schöne Kriemhilde fand. (1340)

Den Recken von dem Lande war es nicht zu leid,
Als sie ihr folgen sahen so manche schöne Maid;
Da kos'ten sie mit Augen manch edeln Ritters Kind.
Gute Herbergen schuf man den Gästen geschwind. (1341)

* Dort zu Plädelingen schuf man ihnen Ruh;
Das Volk allenthalben ritt auf sie zu.
Man gab, was sie bedurften, williglich und froh:
Sie nahmen es mit Ehren; so tat man bald auch anderswo. (1342)

Der Bischof mit seiner Nichte ritt auf Passau an.
Als das den Bürgern der Stadt war kundgetan,
Das Schwesterkind des Fürsten, Kriemhilde wolle kommen,
Da ward sie wohl mit Ehren von den Kaufherrn aufgenommen. (1343)

Als der Bischof währte, sie werde da bestehn,
Sprach Eckewart der Degen: "Wie möchte das geschehn?
Wir müssen weiter ziehen in Rüdigers Land:
Viel Degen harren unser: ihnen allen ists bekannt." (1344)

Nun wusste wohl die Märe die schöne Gotelind;
Sie rüstete sich fleißig und auch ihr edel Kind.
Ihr hat entboten Rüdiger, ihn bedünk es gut,
Wenn sie der Königstochter damit tröste den Mut, (1345)

Und ihr entgegenreite mit seinem ganzen Bann
Hinauf zu der Ense. Als man das begann,
Da sah man allenthalben gefüllt die Straßen stehn:
Sie wollten ihren Gästen entgegen reiten und gehn. (1346)

Da war nach Efferdingen die Königin gekommen.
Man hat im Bayerlande von Schächern viel vernommen,
Die auf den Straßen raubten wie ihre Sitte war:
Vielleicht hätt auch die Gäste beschädigt dieser Räuber Schar. (1347)

Dem ward wohl widerstanden von dem Markgrafen hehr:
Er führte tausend Ritter oder wohl noch mehr.
Da kam auch Gotelinde, Rüdigers Gemahl,
Mit ihr im stolzen Zuge gute Recken ohne Zahl, (1348)

Sie kamen über die Traune bei Ens auf das Feld:
Da sah man aufgeschlagen Hütten und Gezelt,
Dass zur Nacht die Gäste fänden gute Ruh.
Für ihre Kost zu sorgen kam dem Markgrafen zu. (1349)

Von den Herbergen ritt ihnen entgegen
Die schöne Gotelinde. Da zogen auf den Wegen
Mit klingenden Zäumen viel Pferde wohlgetan.
Sie wurden schön empfangen; lieb tat man Rüdigern daran. (1350)

Die sie zu beiden Seiten empfangen auf den Wegen
Mit kunstvollen Reiten, das waren viel der Degen.
Sie übten Ritterspiele; das sah da manche Maid.
Der Ritterdienst der Degen war der Königin nicht leid. (1351)

Als zu den Gästen kamen die in Rüdgers Lehn,
Sah man der Schaftsplitter viel in die Lüfte gehn
Von der Recken Händen nach ritterlichen Sitten.
Da wurde wohl zu Danke vor der Frauen geritten. (1352)

Sie ließen es bewenden. Da grüßte mancher Mann
Freundlich den andern. Nun führten sie heran
Die schöne Gotelinde, wo sie Kriemhild sah.
Wer Frauen dienen konnte hatte wenig Muße da. (1353)

Der Vogt von Bechelaren ritt zu Gotlinden hin.
Wenig Kummer schuf es der edeln Markgräfin,
Dass er so wohl geborgen vom Rheine war gekommen;
Ihr war die meiste Sorge durch große Freude benommen. (1354)

Als sie ihn hat empfangen, ließ er sie auf das Feld
Mit den Frauen steigen, die sich zu ihr gesellt.
Da zeigte sich geschäftig mancher edle Mann;
Den Frauen wurde Dienste mit großem Fleiße getan. (1355)

Da sah Frau Kriemhilde die Markgräfin stehn
Mit ihrem Ingesinde: Sie ließ nicht näher gehn:
Sie zuckte mit dem Zaume das Ross, das sie trug,
Und ließ sich aus dem Sattel heben schleunig genug. (1356)

Den Bischof sah man führen seiner Schwester Kind,
Ihn und Eckewarten, hin zu Gotelind.
Es musste vor ihr weichen wer im Wege stund:
Da küsste die Fremde Frau Gotlinden auf den Mund. (1357)

Da sprach mit holder Sitte Rüdigers Weib:
“Nun wohl mir, liebe Fraue, dass ich euern schönen Leib
Hier in diesem Lande mit Augen durfte sehn!
Mir konnt in diesen Zeiten keine größere Freude geschehn.” (1358)

“Nun lohn euch Gott,” sprach Kriemhild, “viel edle Gotelind
So ich gesund verbleibe mit Botelungens Kind,
Mag euch zu Gute kommen, dass ihr mich habt gesehn.”
Noch konnten sie nicht ahnen was später musste geschehn. (1359)

Mit Grüßen zueinander ging da manche Maid.
Die Recken waren ihnen zu Diensten gern bereit.
Sie setzten nach dem Gruße sich nieder auf den Klee:
Sie gewannen mancher Kunde, die ihnen fremd waren eh. (1360)

Man ließ den Frauen schenken. Es war am hohen Tag;
Das edle Ingesinde dort nicht länger lag:
Sie ritten bis sie sahen die breiten Hütten stehn;
Da konnten große Dienste den edeln Gästen geschehn. (1361)

Sie pflagen bis zum Morgen über Nacht der Ruh.
Die von Bechelaren schickten sich dazu,
Dass man die werten Gäste würdiglich verpflag.

Gesorgt hatte Rüdiger, dass ihnen wenig gebrach. (1362)

Die Fenster an den Mauern traf man offen an,
Die Burg zu Bechelaren war mächtig aufgetan.
Da zogen ein die Gäste, die man gerne sah;
Gute Rast schuf ihnen der edle Rüdiger da. (1363)

Mit ihrem Ingesinde die Tochter Rüdgers ging,
Dass sie die Königfraue minniglich empfing.
Da war auch ihre Mutter, Rüdigers Gemahl:
Die Degen grüßten gerne die Jungfrauen allzumal. (1364)

Sie fügten ihre Hände in eins und gingen dann
In einen weiten Pallas, der war gar wohlgetan,
Vor dem die Donau unten die Flut vorüber goss.
Da saßen sie im Freien und hatten Kurzweile groß. (1365)

Ich kann euch nicht bescheiden was noch mehr geschah.
Dass sie so eilen müssten, darüber klagten da
Kriemhildens Recken; wohl war es ihnen leid.
Hei! Was ihnen guter Recken aus Bechlarn gaben Geleit! (1366)

Viel minnigliche Dienste Rüdger ihnen bot.
Da gab die Königsfraue zwölf Armspangen rot
Der Tochter Gotlindens und also gut Gewand,
Dass sie kein bessres brachte hin in König Etzels Land. (1367)

Obwohl ihr war benommen der Nibelungen Gold,
Alle die sie sahen machte sie sich hold
Noch mit dem kleinen Gute, das ihr übrig war;
Des Wirtes Ingesinde bot sie große Gaben dar. (1368)

Da erwies auch Gotlinde den Gästen von dem Rhein
Wieder so viel Ehre mit Gaben groß und klein,
Dass man dort der Fremden wohl selten einen fand,
Der nicht von ihr Gesteine trug oder herrlich Gewand. (1369)

Als man nach dem Imbiss fahren sollt hindann,
Ihre treuen Dienste bot die Hausfrau an
Mit minniglichen Worten König Etzels Weib.
Da wurde viel gekostet der schönen Jungfraue Leib. (1370)

Da sprach sie zu der Königin: "Dünkt es euch nur gut,
So weiß ich dass es gerne mein lieber Vater tut,
Dass er mich zu euch sendet in der Heunen Land."
Dass sie ihr treu gesinnt war, wie wohl das Kriemhilde fand! (1371)

Die Rosse kamen aufgezäumt vor Bechlaren an,
Als die edle Königin Urlaub sich gewann
Von Rüdigers Weibe und der Tochter sein.
Da schieden auch mit Grüßen viel der schönen Mägdelein. (1372)

Sie sahn einander selten hernach in vielen Tagen.
Da brachte man aus Medilik auf Händen getragen

Manch reiches Goldgefäße angefüllt mit Wein
Den Gästen auf die Straße; sie sollten willkommen sein. (1373)

Ein Wirt war da gesessen, Astolt genannt,
Der wies sie die Straße ins Österreicherland
Gegen Mutaren an der Donau nieder:
Da wurde wohl gedienet der schönen Königin wieder. (1374)

Der Bischof mit Liebe von seiner Nichte schied.
Dass sie sich wohl gehabe, wie sehr er ihr das riet!
Und sich Ehr erwerbe wie Helke einst getan.
Hei! Was sie großer Ehren bald bei den Heunen gewann! (1375)

Nun kam der Zug der Gäste bei der Traisem an.
Ihr dienten sehr beflissen die in Rüdgers Bann
Bis man die Heunen-Degen sah reiten durch das Land:
Da ward der Königsfraue viel große Ehre bekannt. (1376)

Bei der Traisem hatte der Fürst von Heunenland
Eine reiche Veste, im Lande wohlbekannt,
Mit Namen Zeißenmauer: Einst wohnte Helke da
Und pflag so hoher Tugenden als wohl nicht wieder geschah, (1377)

Es sei denn von Kriemhilden; die mochte gerne geben:
Sie durfte wohl die Freude nach ihrem Leid erleben,
Dass ihr Ehr erwiesen die in Etzels Bann,
Die sie bei den Helden in der Fülle bald gewann. (1378)

König Etzels Herrschaft war so weit erkannt,
Dass man zu allen Zeiten an seinem Hofe fand
Die allerkühnsten Recken, davon man je vernommen
Bei Christen oder Heiden; die waren all mit ihm gekommen. (1379)

Bei ihm war allerwegen, so sieht mans nimmermehr,
So echter Christenglauben als heidnischer Verkehr:
Wozu nach seiner Sitte sich auch ein jeder schlug,
Das schuf des Königs Milde, man gab doch allen genug. (1380)

22. Abenteuer

Wie Kriemhilde bei den Heunen empfangen ward

Sie blieb zu Zeißenmauer bis an den vierten Tag,
Der Staub in den Straßen derweil nicht ruhig lag:
Aufstob er allenthalben wie im hellen Brand.
Da ritten Etzels Leute durch das Österreicherland. (1381)

Es war dem König Etzel gemeldet in der Zeit,
Dass ihm vor Gedanken schwand sein altes Leid,
Wie herrlich Kriemhilde zöge durch das Land.
Hin eilte der König wo er die Minnigliche fand. (1382)

Von verschiedenen Sprachen sah man auf den Wegen
Vor König Etzeln reiten viel der kühnen Degen,
Von Christen und von Heiden manches weite Heer:
Als sie die Fraue fanden, sie zogen herrlich einher. (1383)

Von Reußen und von Griechen ritt da mancher Mann:
Der Pol' und der Wallache zog geschwind heran
Auf den guten Rossen, die sie kräftig ritten.
Da zeigte sich ein jeder in seinen heimischen Sitten. (1384)

Aus dem Land zu Kiew kam da mancher Mann
Und die wilden Peschenegen. Viele huben an
Und schossen nach den Vögeln, die in den Lüften flogen;
Mit Kräften sie die Pfeile nach des Bogens Wänden zogen. (1385)

Eine Stadt liegt an der Donau im Österreicherland,
Die ist geheißten Tulna. Da ward ihr erst bekannt
Manche fremde Sitte, die sie noch niemals sah.
Da empfingen sie viele, denen noch Leid von ihr geschah. (1386)

Es ritt dem König Etzel ein Ingesind voran,
Fröhlich und prächtig, höfisch und wohlgetan,
Vierundzwanzig Fürsten, die waren reich und hehr:
Ihre Königin zu schauen, sie begehrten sonst nichts mehr. (1387)

Ramung der Herzog aus Walachenland,
Mit siebenhundert Mannen kam er vor sie gerannt.
Gleich fliegenden Vögeln sah man sie alle fahren;
Da kam der Fürst Gibecke mit viel herrlichen Scharen. (1388)

Hornbog der schnelle ritt mit tausend Mann
Von des Königs Seite zu seiner Fraun heran.
Ein lauter Ruf erschallte nach des Landes Sitten.
Von den Heunenfürsten ward auch da herrlich geritten. (1389)

Da kam vom Dänenlande der kühne Hawart
Und Iring der schnelle, vor allem Falsch bewahrt;
Irnfried von Thüringen, ein waidlicher Mann:
Sie empfingen Kriemhilden, dass sie viel Ehre gewann, (1390)

Mit zwölfhundert Mannen, die zählte ihre Schar.
Da kam der Degen Blödel mit dreitausend gar,
König Etzels Bruder aus dem Heunenland;
Der kam im stolzen Zuge bis er die Königin fand. (1391)

Da kam der König Etzel und Herr Dietrich
Mit seinen Helden allen; da sah man ritterlich
Manchen edeln Degen bieder und auch gut.
Davon ward Kriemhilden gar wohl getröstet der Mut. (1392)

Da sprach zu der Königin der Degen Rüdiger:
"Frau, ich will empfangen hier den König hehr.
Wen ich euch küssen heiße, dem gönnet Gruß und Kuss:

Ihr könnt Etzels Recken nicht all empfahn mit gleichen Gruß." (1393)

Da hob man von der Mähre die Königstochter hehr.
Etsel der reiche, nicht säumt er länger mehr:
Er schwang sich von dem Rosse noch mit manchem Mann;
Da kam er voll Freude zu Frau Kriemhilden heran. (1394)

Zwei gewaltge Fürsten, das ist uns wohlbekannt,
Gingen bei der Frauen und trugen reich Gewand,
Als der König Etsel ihr entgegen ging
Und sie den edeln Fürsten mit Küssen gütlich empfing. (1395)

Sie schob hinauf die Binden: Ihre Farbe wohlgetan
Erglänzte aus dem Golde. Da sagte mancher Mann,
Helke könne schöner nicht gewesen sein.
Dabei stand in der Nähe Etzels Bruder Blödelein. (1396)

Den riet ihr zu küssen Rüdger der Markgraf reich,
Und den König Gibecke, Dietrichen auch zugleich.
Zwölf der Recken küsste Etzels Königin;
Da blickte sie mit Grüßen noch zu manchem Ritter hin. (1397)

Während König Etsel bei Kriemhilden stand
Taten junge Degen wie Sitte noch im Land:
Schöne Waffenspiele wurden vor ihr geritten;
Das taten Christenhelden und Heiden nach ihren Sitten. (1398)

Wie ritterlich die Degen in Dietrichens Lehn
Die splitternden Schäfte in die Lüfte ließen gehn
Hoch über die Schilde, aus guter Ritter Hand!
Vor den deutschen Gästen brach da mancher Schildesrand. (1399)

Von der Schäfte Brechen vernahm man lauten Schall.
Da waren aus dem Lande die Recken kommen all
Und auch des Königs Gäste, so mancher edle Mann.
Da ging der reiche König mit Frau Kriemhilden hindann. (1400)

Sie fanden in der Nähe ein herrliches Gezelt;
Von Hütten war erfüllet rings das ganze Feld:
Da war nach den Beschwerden Rast für sie bereit.
Darunter sahn die Helden viel manche herrliche Maid (1401)

Bei des Königs Weibe, als sie darnieder saß
Auf reichem Stuhlgewande; der Markgraf hatte das
So herrlich schaffen lassen, sie fanden schön und gut
Das Gestühl Kriemhildens: Des freute sich Etzels Mut. (1402)

Was da Etsel redete, das ist mir unbekannt:
In seiner Rechten ruhte ihre weiße Hand.
So saßen sie in Minne, als Rüdiger der Degen
Dem König nicht gestattete Kriemhildens heimlich zu pflegen. (1403)

Da ließ man unterbleiben das Kampfspiel überall;
Mit Ehren ward beendet der laute Freudenschall.

Da gingen zu den Hütten die in Etzels Bann;
Herberge wies man ihnen ringsum allenthalben an. (1404)

Der Tag war zu Ende, sie fanden Ruhe da
Bis man den lichten Morgen von neuem scheinen sah.
Da eilte zu den Rossen wieder mancher Mann:
Hei! Was man Kurzweile zu des Königs Ehren begann! (1405)

Nach Würden es zu schaffen der Fürst die Heunen bat.
Da ritten sie von Tulne nach Wien in die Stadt.
Da fand man hold gezieret mancher Frauen Leib;
Sie empfingen wohl mit Ehren des Königes Etsel Weib. (1406)

In Überfluss und Fülle war da für sie bereit
Was jeder haben sollte: Viel Degen allbereit
Sahn froh dem Fest entgegen. Herbergen wies man an;
Die Hochzeit des Königs mit hohen Freuden begann. (1407)

Man konnte sie nicht alle herbergen in der Stadt:
Die nicht Gäste waren, Rüdiger die bat
Dass sie Herberge nähmen auf dem Land:
Wohl weiß ich, dass man immer den König bei Kriemhilden fand.
(1408)

Dieterich der Degen und mancher andre Held,
Die hatten ihre Muße mit Arbeit eingestellt,
Damit sie ihren Gästen trösteten den Mut;
Rüdger und seine Freunde hatten Kurzweile gut. (1409)

Die Hochzeit war gefallen auf einen Pfingstentag,
Wo der König Etsel bei Kriemhilden lag
In der Stadt zu Wiene. Fürwahr, so manchen Mann
Bei ihrem ersten Manne sie nicht zu Diensten gewann. (1410)

Durch Gabe ward sie manchem, der sie nicht kannte, kund.
Darüber zu den Gästen hub mancher an zur Stund:
“Wir wähten Kriemhilden benommen sei ihr Gut,
Die doch mit ihren Gaben hier so große Wunder tut.” (1411)

Diese Hochzeit währte siebzehn Tage.
Wohl weiß ich, dass man nimmer von einem König sage,
Der solch ein Fest gehalten: Uns ist es unbekannt.
Alle die da waren, die trugen neues Gewand. (1412)

Sie sah sich nie bedienet vordem im Niederland
Von so manchem Degen; auch ist mir wohlbekannt,
War Siegfried reich an Gute, dass er doch nie gewann
So viel der edeln Recken, als Etzeln waren untertan. (1413)

Auch hat wohl nie ein König bei seiner Hochzeit
So manchen reichen Mantel gegeben, tief und weit,
Noch so gute Kleider als man hier gewann,
Die Kriemhildens willen alle wurden vertan. (1414)

Ihre Freunde wie die Gäste hatten einen Mut:
Sie wollten nichts verschonen und wärs das beste Gut.
Was einer wünschen mochte, man war dazu bereit;
Da stand wohl mancher Degen vor Milde bloß und ohne Kleid. (1415)

Wenn sie daran gedachte, wie sie am Rheine saß
Bei ihrem edeln Manne, ihre Augen wurden nass;
Doch musste sie's verhehlen, dass es niemand sah,
Da ihr nach manchem Leide so viel der Ehre geschah. (1416)

Was einer tat aus Milde, das war doch gar ein Wind
Gegen Dietrichen; was Botlungens Kind
Ihm gegeben hatte, das wurde gar verwandt;
Da tat auch große Wunder des milden Rüdiger Hand. (1417)

Auch aus Ungerlande der Degen Blödelein
Ließ da ledig machen manchen Reiseschrein
Von Silber und von Golde: Das ward dahin gegeben.
Man sah des Königs Helden so recht fröhlich alle leben. (1418)

Des Königs Spielleute Werbel und Schwemmelein,
Wohl an tausend Marken nahm jedweder ein
Bei dem Hofgelage (oder mehr als das),
Als die schöne Kriemhild bei Etzeln unter Krone saß. (1419)

Am achtzehnten Morgen sie von Wiene ritten:
In Ritterspielen wurden der Schilde viel verschnitten
Von Speeren, so da führten die Recken an der Hand:
So kam der König Etsel bis in das heunische Land. (1420)

In der alten Heimburg verblieb man über Nacht.
Da konnte niemand wissen von des Volkes Macht,
Mit welchen Heerkräften sie zogen durch das Land.
Hei! Was schöner Frauen man in seiner Heimat fand! (1421)

In Misenburg der reichen fing man zu schiffen an.
Verdeckt ward das Wasser von Ross und auch von Mann
Als ob es Erde wäre, was man doch fließen sah:
Die wegemüden Frauen fanden gute Ruhe da. (1422)

Zusammen ward gebunden manches Schifflein gut,
Dass ihnen wenig schadete die Woge noch die Flut;
Darüber ausgebreitet manch köstliches Gezelt,
Als ob sie noch immer beides hätten, Land und Feld. (1423)

Es ward in Etzels Hofburg die Märe kundgetan:
Da freute sich darinnen beides, Weib und Mann.
Eztels Ingesinde, des einst Frau Helke pflag,
Erlebte bei Kriemhilden noch manchen fröhlichen Tag. (1424)

Da stand auch ihrer harrend manche edel Maid,
Die seit Helkens Tode getragen Herzeleid.
Sieben Königstöchter Kriemhilde noch da fand;
Durch die so ward gezieret König Etzels ganzes Land. (1425)

Herrat die Jungfrau noch des Gesindes pflag,
Helkens Schwestertochter, in der viel Tugend lag,
Dieterichs Verlobte, eines edeln Königs Spross,
Die Tochter Nentweinens, die noch viel Ehren genoss. (1426)

Auf der Gäste Kommen freute sich ihr Mut;
Auch ward dazu verwendet viel kostbares Gut.
Wer könnt euch des bescheiden, wie der König saß forthin?
Es lebten nie die Heunen so gut bei einer Königin. (1427)

Als der Fürst mit seinem Weibe geritten kam vom Strand,
Wer eine jede führe, das ward da wohl benannt
Der edeln Kriemhilde: Sie grüßte desto mehr:
Wie saß an Helkens Stelle sie so gewaltig und hehr! (1428)

Getreulichen Dienstes ward ihr viel bekannt.
Die Königin verteilte Gold und auch Gewand,
Silber und Gesteine: Was sie des überrahein
Zum Heunenlande brachte, das musste gar vergeben sein. (1429)

Auch wurden ihr mit Diensten später untertän
All des Königs Freunde und die in seinem Bann,
Dass nie die Königin Helke so gewaltiglich gebot,
Als sie ihr dienen mussten bis an Kriemhildens Tod. (1430)

Da stand in solchen Ehren der Hof und auch das Land,
Dass man zu allen Zeiten die Kurzweile fand,
Wonach einem jeden verlangte Herz und Mut:
Das schuf des Königs Liebe, das schuf der Königin Gut. (1431)

23. Abenteuer

Wie Kriemhilde ihr Leid zu rächen gedachte

Unter hohen Ehren, das ist alles wahr,
Wohnten sie beisammen bis in das siebte Jahr.
Die Königin derweile gebar ein Söhnelein,
Worüber König Etzel nicht mochte fröhlicher sein. (1432)

Bis sie es erlangte ließ sie nicht ab davon,
Die Taufe musst empfangen König Etzels Sohn
Nach der Christen Sitte: Ortlieb ward er genannt.
Das brachte große Freude über Etzels ganzes Land. (1433)

Der Zucht, deren jemals zuvor Frau Helke pflag,
Befliss sich Kriemhilde darauf gar manchen Tag.
Es lehrte sie die Sitte Herrat die fremde Maid;
Dei trug noch in der Stille um Helke großes Herzeleid. (1434)

Vor Heimischen und Fremden war sie wohlbekannt;

Es hieß, so gut und milde hab eines Königs Land
Nie eine Frau besessen: Das hielten sie für wahr;
Des rühmten sie die Heunen bis an das dreizehnte Jahr. (1435)

Nun wusste sie, dass niemand ihr feindlich sei gesinnt,
Wie heut noch Königinnen der Fürsten Recken sind,
Und dass sie täglich mochte zwölf Könige vor sich sehn.
Sie vergaß auch nicht des Leides, das ihr zu Hause geschehn. (1436)

Sie gedacht auch noch der Ehren in Nibelungenland,
Die man ihr geboten und die ihr Hagens Hand
Mit Siegfriedens Tode für alle Zeit benommen,
Und ob ihm das wohl jemals noch zu Leide möchte kommen. (1437)

“Es geschäh, wenn ich den Degen brächt in dieses Land.”
Ihr träumte wohl, ihr ginge gar manchmal an der Hand
Geiselher ihr Bruder; sie küsst' ihn allezeit
In ihrem sanften Schlafe: Das ward zu schmerzlichem Leid. (1438)

Ich glaube dass Kriemhilden der böse Feind es riet,
Dass sie in guter Freundschaft von König Gunthern schied,
Den sie zur Sühne küsste in Burgondenland.
Aufs neu begann zu triefen von heißen Tränen ihr Gewand. (1439)

Es lag ihr an dem Herzen, beides, spät und früh,
Wie man mit Widerstreben sie doch gebracht dazu,
Dass sie minnen musste einen heidnischen Mann:
Die Not, die hatt ihr Hagen und König Gunther angetan. (1440)

Es schwand ihr aus dem Herzen selten dieser Mut.
Sie gedacht: “Ich bin so mächtig und habe solches Gut,
Ich mag wohl meinen Feinden noch schaffen Herzeleid:
Dazu wär ich dem Hagen von Tronje gerne bereit. (1441)

“Nach den Getreuen jammert noch oft die Seele mein:
Doch die mir Leides taten, möcht ich bei denen sein,
So würde wohl gerochen meines Freundes Leib!
Kaum kann ich es erwarten,” also sprach das Königsweib. (1442)

Hold waren ihr die Degen all in des Königs Bann,
Die Recken Kriemhildens; das war wohlgetan.
Ihr Kämmerer war Eckwart: Drum war er gern gesehn:
Kriemhildens Willen konnte niemand widerstehn. (1443)

Sie gedacht auch alle Tage: “Ich will den König bitten,
Er solle mir vergönnen mit gütlichen Sitten,
Dass man meine Freunde lädt in der Heunen Land.”
Den argen Willen niemand an der Königin erfand. (1444)

Als eines Nachts Kriemhilde bei dem König lag,
Umfangen mit den Armen hielt er sie, wie er pflag
Der edeln Frau zu kosen; sie war ihm wie sein Leib:
Da gedachte ihrer Feinde dieses waidliche Weib. (1445)

Sie sprach zu dem Könige: “Viel lieber Herre mein,
Ich wollt euch gerne bitten, möcht es mit Hulden sein,
Dass ihr mich sehen liebet, ob ich verdient den Sold,
Dass ihr auch meinen Freunden wäret inniglich hold.” (1446)

Da sprach der reiche König, arglos war sein Mut:
“Des sollt ihr inne werden: Was man den Recken tut
Liebes und Gutes, das nehm ich freudig an,
Da ich von Weibesminne nie bessre Freunde gewann.” (1447)

Da sprach die Königin wieder: “Euch ist das wohlbewusst,
Ich habe hohe Freunde, drum schmerzt mich der Verlust,
Dass mich die so selten besuchen hier im Land:
Ich bin bei allen Leuten nur als verwaiset bekannt.” (1448)

Da sprach der König Etzel: “Viel liebe Fraue mein,
Däucht es sie nicht zu ferne, so lüd ich überrhein
Die ihr wünscht zu sehen hieher in dieses Land.”
Da freute sich die Fraue, als ihr sein Wille ward bekannt. (1449)

Sie sprach: “Wollt ihr mir Treue leisten, Herre mein,
So sollt ihr Boten senden nach Wormes über Rhein:
So entbiet ich meinen Freunden meinen Sinn und Mut:
So kommen uns zu Lande viel Ritter edel und gut.” (1450)

Er sprach: “Wenn ihr gebietet, so lass ich es geschehn.
Ihr könntet eure Freunde nicht so gerne sehn,
Der edeln Ute Kinder, als ich sie sähe gern:
Es tut mir innig wehe, dass sie so fremd uns sind und fern. (1451)

“Wenn es dir wohl gefiele, viel liebe Fraue mein,
So wollt ich gerne senden zu den Freunden dein
Meine Fiedelspieler nach Burgondenland.”
Die guten Spielleute, die brachte man gleich zur Hand. (1452)

Sie kamen hin in Eile, wo sie den König sahn
Bei der Königin sitzen. Da sagt' er ihnen an,
Sie sollten Boten werden nach Burgondenland.
Auch ließ er ihnen schaffen schönes, herrliches Gewand. (1453)

Vierundzwanzig Recken schuf man da das Kleid.
Ihnen ward auch von dem König gegeben der Bescheid,
Wie sie laden sollten Gunthern und seinen Bann.
Frau Kriemhild mit ihnen geheim zu sprechen begann. (1454)

Da sprach der reiche König: “Nun höret, was ihr tut:
Ich entbiete meinen Freunden alles was lieb und gut,
Und lade sie zu fahren hieher in dieses Land:
Ich habe wohl noch selten so liebe Gäste gekannt. (1455)

Und wenn sie meinen Willen gesonnen sind zu tun,
Kriemhilds Verwandte, so mögen sie nicht ruhn
Und diesen Sommer kommen zu meiner Lustbarkeit,
Da mir so hohe Wonne meiner Schwäger Freundschaft beut.” (1456)

Da sprach der Fiedelspieler, der stolze Schwemmelein:
“Wann soll das Hofgelage in diesen Landen sein?
Dass wirs euern Freunden am Rheine mögen sagen.”
Da sprach der König Etzel: “In der nächsten Sonnenwende Tagen.”
(1457)

“Wir tun, was ihr gebietet,” sprach da Werbelein.
Kriemhilde ließ die Boten zu ihrem Kämmerlein
Führen in der Stille und besprach mit ihnen da,
Wodurch noch manchem Degen bald wenig Liebes geschah. (1458)

Sie sprach zu beiden Boten: “Nun verdient ihr großes Gut,
Wenn ihr mit rechter Treue meinen Willen tut
Und sagt was ich entbiete heim in unser Land:
Ich mach euch reich an Gute und geb euch herrlich Gewand. (1459)

“Wen ihr von meinen Freunden immer möget sehn,
Zu Wormes an dem Rheine, so sollt ihrs nie gestehn,
Dass ihr mich immer sahet betrübt in meinem Mut;
Und entbietet meine Grüße diesen Helden kühn und gut. (1460)

Bittet sie zu leisten was der König entbot,
Und mich dadurch zu scheiden von aller meiner Not.
Ich scheine vor den Heunen freundelos zu sein;
Wenn ich ein Ritter wäre, ich käme manchmal an den Rhein. (1461)

Und sagt auch Gernoten, dem edeln Bruder mein,
Dass ihm auf Erden niemand holder möge sein:
Bittet, dass er mir bringe hieher in dieses Land
Unsre besten Freunde: So wird uns Ehre bekannt. (1462)

Und sagt auch Geiselheren, ich mahn ihn daran,
Dass ich mit seinem Willen nie ein Leid gewann:
Drum sähn ihn hier im Lande gern die Augen mein;
Ich hätt ihn hier gar gerne um die große Treue sein. (1463)

Und sagt auch meiner Mutter, was mir für Ehr geschieht;
Und wenn von Tronje Hagen der Reise sich entzieht,
Wer ihnen zeigen solle die Straßen durch das Land?
Die Wege zu den Heunen sind ihm von Jugend auf bekannt.” (1464)

Es wunderte die Boten, warum das möge sein,
Dass sie diesen Hagen von Tronje nicht am Rhein
Weilen lassen sollten; bald ward es ihnen Leid:
Durch ihn war manchem Degen mit dem grimmen Tode gedräut.
(1465)

Botenbrief und Siegel ward ihnen nun gegeben;
Sie fuhren reich an Gute und mochten herrlich leben.
Urlaub gab ihnen Etzel und sein schönes Weib,
Ihnen war auch wohl gezieret mit gutem Staate der Leib. (1466)

24. Abenteuer

Wie Werbel und Schwemmel die Botschaft brachten

Als Etzel seine Boten an den Rhein gesandt,
Da flogen diese Mären geschwind von Land zu Land:
Mit schnellen Abgesandten lud er und entbot
Zu seinem Hofgelage; da holte mancher sich den Tod. (1467)

Die Boten ritten hinnen aus der Heunen Land
Zu den Burgonden, wohin man sie gesandt
Zu drei edeln Königen und ihrem Heeresbann,
Dass sie zu Etzeln kämen: Zu eilen hub man da an. (1468)

Zu Bechlaren kamen die Boten angeritten;
Ihnen diente man da gerne, dass sie nicht Mangel litten.
Ihre Grüße sandten Rüdger und Gotelind
Den Degen an dem Rheine und auch dieser Beiden Kind. (1469)

Sie ließen ohne Gaben sie nicht von hinnen gehn,
Dass desto sanfter führen die in Etzels Lehn.
Uten und ihren Söhnen entbot da Rüdiger,
Es wär kein andrer Markgraf ihnen so gewogen mehr. (1470)

Sie entboten auch Brunhilden alles was lieb und gut,
Ihre stete Treue und dienstbereiten Mut.
Da wollten nach der Rede die Boten weiter ziehn;
Gott bat sie zu bewahren Gotlind die edle Markgräfin. (1471)

Eh noch die Boten völlig durchzogen Bayerland,
Werbelein der schnelle den guten Bischof fand:
Was der seinen Freunden hin an den Rhein entbot
Weiß ich nicht zu sagen; von seinem Golde so rot (1472)

Schenkt' er den Boten Gaben. Als sie wollten ziehn,
"Sollt ich sie bei mir schauen," sprach Bischof Pilgerin,
"So wär mir wohl zu Mute, die Schwestersöhne mein:
Mag ich doch selber selten zu ihnen kommen an den Rhein." (1473)

Was sie für Wege fuhren vom Rheine durch das Land
Kann ich euch nicht bescheiden. Ihr Silber und Gewand
Blieb ihnen unbenommen, man scheute Etzels Zorn:
So vielgewaltig herrschte der edle König wohlgeborn. (1474)

Binnen zwölf Tagen kamen sie an den Rhein
Zu Wormes in dem Lande, Werbel und Schwemmelein;
Da sagte mans dem König und seinen Degen an,
Es kämen fremde Boten: Gunther zu fragen begann. (1475)

Da sprach der Vogt vom Rheine: "Wer macht mir nun bekannt
Von wannen diese Fremden ritten in das Land?"

Das konnte niemand sagen bis die Boten sah
Hagen von Tronje: Zu dem König sprach er da: (1476)

“Man bringt uns neues heute, dafür will ich euch stehn:
Etzels Spielleute, die hab ich hier gesehn.
Die hat eure Schwester gesendet an den Rhein:
Ihrer Herren willen sollen sie willkommen sein.” (1477)

Sie ritten unverweilt zu dem Saal heran:
So herrlich fuhr wohl nimmer eines Fürsten Fiedelmann.
Des Königs Ingesinde empfing sie gleich zur Hand;
Herberge gab man ihnen und bewahrte ihr Gewand. (1478)

Ihre Reisekleider waren reich und wohlgetan,
Sie mochten wohl mit Ehren sich so dem König nahn;
Doch wollten sie nicht länger sie am Hofe tragen:
“Ob jemand sie begehre?“, das ließen die Boten fragen. (1479)

Da waren auch zur Stunde Leute bei der Hand,
Die sie gerne nahmen: Denen wurden sie gesandt.
Da schmückten sich die Boten mit besserm Gewand,
Wie es Königsboten zu tragen schön und herrlich stand. (1480)

Da ging mit Urlaube hin wo der König saß
Etzels Ingesinde: Gerne sah man das.
Herr Hagen den Boten mit Zucht entgegen sprang,
Sie minniglich begrüßend: Das sagten ihm die Knappen Dank. (1481)

Da hub er um die Kunde sie zu befragen an,
Wie Etzel sich gehabe und die ihm untertan.
Da sprach der Fiedelspieler: “Nie besser stands im Land,
Das Volk war niemals froher, das sei euch wahrlich bekannt.” (1482)

Sie gingen zu dem Wirte. Der Königssaal war voll;
Da empfing man die Gäste, wie man immer soll
Boten freundlich grüßen aus fremder Könige Land.
Werbel der Recken viel bei König Gunthern fand. (1483)

Der König wohlgezogen zu grüßen sie begann:
“Willkommen, beide Fiedler in König Etzels Bann
Mit euern Heergesellen: Weshalb hat euch gesandt
Etzel der reiche zu der Burgonden Land?” (1484)

Sie neigten sich dem Könige. Da sprach Werbelein:
“Dir entbietet holde Dienste der liebe Herre mein,
Und Kriemhild deine Schwester hieher in dieses Land:
Sie haben uns euch Recken auf gute Treue hergesandt.” (1485)

Da sprach der reiche König: “Der Märe bin ich froh.
Wie gehabt sich König Etzel,” der Degen fragte so,
“Und Kriemhild meine Schwester in der Heunen Land?”
Da sprach der Fiedelspieler: “Das mach ich gern euch bekannt. (1486)

Besser wohl gehabt sich Leute nimmermehr,

Das glaubet uns in Wahrheit, als die Fürsten hehr
Und ihre Degen alle, die Freunde wie ihr Bann:
Sie freuten sich der Reise, da wir schieden hindann.” (1487)

“Nun Dank ihm für die Dienste, die er mir entbot,
Ihm und meiner Schwester, geliebt es also Gott,
Dass sie in Freuden leben, der König und sein Bann;
Fragt ich doch sehr in Sorgen um diese Märe bei euch an.” (1488)

Die beiden jungen Könige waren auch gekommen,
Die hatten diese Märe jetzt erst vernommen.
Geiselher der junge die Boten gerne sah
Aus Liebe zu der Schwester; gar minniglich sprach er da: (1489)

“Ihr Boten sollt uns Degen hier willkommen sein;
Kämet ihr nur öfter geritten an den Rhein,
Ihr fändet hier der Freunde, die ihr gerne möchtet sehn:
Euch sollte wenig Leides in diesen Landen geschehn.” (1490)

“Mir versehn uns aller Ehren zu euch;” sprach Schwemmelein,
“Ihr könnt euch nicht bedeuten mit den Worten mein,
Wie Etzel euch so minniglich in sein Land entbot,
Und eure edle Schwester; sie leidet keinerlei Not. (1491)

“An eure Lieb und Treue mahnt euch die Königin
Und dass ihr stets gewogen war euer Herz und Sinn.
Zuvörderst an den König sein wir hieher gesandt,
Dass ihr zu reiten möget geruhn in König Etzels Land. (1492)

Dass wir euch darum bäten gar dringend er gebot.
Etzel der reiche euch allen das entbot,
Wenn ihr nicht kommen wolltet, eure Schwester sehn,
So möcht er doch wohl wissen, was euch von ihm wär geschehn,
(1493)

Dass ihr ihn also meidet und auch sein Reich und Land?
Wär euch auch die Königin fremd und unbekannt,
So möcht er selbst verdienen, dass ihr kämet ihn zu sehn:
Wenn ihr das leisten wolltet, so wär ihm Liebes geschehn.” (1494)

Da sprach der König Gunther: “Nach der siebenten Nacht
Will ich euch verkünden, wes ich mich bedacht
Im Rate meiner Freunde; der weilen gehet hin
Zu eurer Herberge und findet gute Ruh darin.” (1495)

Da sprach wieder Werbel: “Könnt es nicht geschehn,
Dass wir unsre Fraue, die reiche Ute, sehn,
Eh wir müden Degen frügen nach der Ruh?”
Da sprach mit Rittersitten der edle Geiselher dazu: (1496)

“das soll euch niemand wehren; wollt ihr vor sie gehn,
So ist auch meiner Mutter Lieb daran geschehn,
Denn sie sieht euch gerne um die Schwester mein,
Kriemhild die Fraue: Ihr sollt ihr willkommen sein.” (1497)

Geiselher sie brachte hin wo er Uten fand.
Die sah die Boten gerne aus der Heunen Land;
Sie empfing sie freundlich mit tugendreichem Mut:
Da sagten ihr die Märe die Boten höfisch und gut. (1498)

“Meine Frau lässt euch entbieten,” sprach da Schwemmelein,
“Dienst und stete Treue, und wenn es möchte sein,
Dass sie euch öfter sähe, so glaubet sicherlich,
Wohl keine andre Freude auf Erden wünschte sie sich.” (1499)

Da sprach die Königswitwe: “Leider kanns nicht sein:
So gern ich öfter sähe die liebe Tochter mein,
So wohnt uns doch zu ferne die edle Königin:
Nun geh ihr immer selig die Zeit bei Etzeln dahin. (1500)

“Ihr sollt mich wissen lassen eh ihr zieht davon,
Wann ihr reiten wollet: Ich sah nun lange schon
Boten nicht so gerne als ich euch gesehn.”
Da gelobten ihr die Knappen, ihr Wunsch der solle geschehn. (1501)

Zu den Herbergen gingen die von Heunenland.
Der reiche König hatte zu den Freunden gesandt:
Gunther der reiche fragte seinen Bann
Was sie darüber dächten? Wohl manche huben da an: (1502)

“Er möge fahrlos reiten in König Etzels Land.”
Das rieten ihm die Besten, die er darunter fand.
Hagen nur alleine, dem war es grimmig leid;
Er sprach zu dem Könige: “Mit euch selber seid ihr im Streit. (1503)

Ihr habt doch nicht vergessen was ihr von uns gesehn?
Wir müssen vor Kriemhilden in steter Sorge stehn:
Ich schlug ihr zu Tode den Mann mit meiner Hand;
Wie dürften wir wohl reiten hin in König Etzels Land?” (1504)

Da sprach der reiche König: “Meiner Schwester Zürnen schwand:
Mit minniglichem Kusse, eh sie verließ dies Land,
Hat sie uns verziehen was wir an ihr getan:
Es wäre denn sie stände bei euch, Herr Hagen, noch an.” (1505)

“Nun lasst euch nicht betrügen, was sie auch sagen,
Diese Heunenboten: Wollt ihrs mit Kriemhild wagen,
Da verliert ihr zu der Ehre Leben leicht und Leib;
Sie weiß wohl nachzutragen, des Königs Etsel Weib.” (1506)

Da sprach zu dem Rate der Degen Gerenot:
“Ihr mögt aus guten Gründen fürchten dort den Tod
In den heunischen Reichen: Ständen wir drum an
Und mieden unsre Schwester, das wär gar übel getan.” (1507)

Da hub der junge Geiselher zu dem Degen an:
“Wisst ihr euch schuldig, Hagen, dass ihr ihr Leid getan,
So bleibt hier im Lande euer Heil zu wahren;

Nur lasst, die sichs getrauen, mit uns zu meiner Schwester fahren.”
(1508)

Darob begann zu zürnen von Tronje der Degen:
“Ich will nicht dass euch jemand begleitet auf den Wegen,
Der sich mehr getraue zu dieser Fahrt als ich:
Wollt ihrs nicht bleiben lassen, so schaut ihr das sicherlich.” (1509)

Da sprach der Küchenmeister Rumolt der Degen:
“Der Heimischen und Fremden mögt ihr zu Hause pflegen
Nach euerm Wohlgefallen: Da habt ihr volle Macht:
Euch hat doch, dünkt mich, niemand dahin zu Pfande gebracht. (1510)

Wollt ihr nicht Hagen folgen, so rät euch Rumolt,
Weil ich euch in Treue gewogen bin und hold,
Dass ihr im Lande bleibet nach dem Willen mein
Und lasst den König Etzel nur dort bei Kriemhilden sein. (1511)

Wo könntet ihr auf Erden so gut als hier gedeihn?
Ihr mögt vor euern Feinden hier wohl geborgen sein,
Ihr könnt mit guten Kleidern zieren euern Leib,
Des besten Weines trinken und minnen manches schöne Weib. (1512)

Dazu gibt man euch Speise, so gut sie je gewann
Ein König auf der Erde. Liegt euch das nicht an,
So mögt ihr hier verbleiben um euer schönes Weib,
Eh ihr so unbesonnen verwaget Leben und Leib. (1513)

Drum rat ich euch zu bleiben: Reich ist euer Land:
Ihr könnt hier besser lösen was ihr gabt zu Pfand
Als dort bei den Heunen: Wer weiß, wie es da steht?
Verbleibt bei uns, Herr König, das ist was Rumolt euch rät.” (1514)

“Wir wollen nun nicht bleiben,” sprach da Gernot,
“Da uns meine Schwester so Freundliches entbot
Und Etzel der reiche, was sollten wir nicht gehn?
Die nicht mit uns wollen, die mögen daheim bestehn.” (1515)

Zur Antwort sprach da Hagen: “Lasst euch zum Verdross
Meine Rede nicht gereichen: Was auch geschehn muss,
Das rat ich euch in Treuen, wenn ihr euch gern bewahrt,
Dass ihr nur wohl gerüstet zu dem Heunenlande fahrt. (1516)

“Wenn ihrs euch unterwindet, so entbietet euern Bann,
Die Besten, die ihr findet und die euch untertan;
Daraus will ich erwählen tausend Ritter gut:
So mag euch nicht gefährden der argen Kriemhilde Mut.” (1517)

“Dem Rate will ich folgen,” sprach der König gleich.
Da sandt er seine Boten umher in seinem Reich;
Bald brachte man der Helden dreitausend oder mehr;
Sie dachten nicht zu finden so großes Leid und Beschwer. (1518)

Sie ritten wohl gemutet in König Gunthers Land:

Da gab man ihnen allen Ross und auch Gewand,
Die da räumen sollten der Burgonden Land.
Der König reiselustig manchen werten Ritter fand. (1519)

Da ließ von Tronje Hagen Dankwart den Bruder sein
Achtzig ihrer Recken führen an den Rhein.
Sie kamen stolz gezogen, Harnisch und Gewand
Brachten die Schnellen König Gunthern in das Land. (1520)

Da kam der kühne Volker, der edle Fiedelmann,
Mit dreißig seiner Degen zu der Fahrt heran;
Ihr Gewand war herrlich, ein König mocht es tragen:
Er wollte zu den Heunen, das ließ der König Gunthern sagen. (1521)

Wer Volker sei gewesen, das sei euch kund getan:
Es war ein edler Herre, ihm waren untertan
Viel der guten Recken in Burgondenland;
Weil er fiedeln konnte war er der Spielmann genannt. (1522)

Hagen wählte tausend, die waren ihm bekannt;
Was sie in starken Stürmen gefrommt mit ihrer Hand
Und sonst begangen hatten, das hatt er oft gesehn:
Es konnte niemand anders als ihnen Ehre zugestehn. (1523)

Die Boten Kriemhildens der Aufenthalt verdross.
Die Furcht vor ihrem Herren war gewaltig groß:
Sie hielten alle Tage um den Urlaub an;
Den missgönnt' ihnen Hagen: Das war aus Arglist getan. (1524)

Er sprach zu seinem Herren: "Wir wollen uns bewahren,
Dass wir sie reiten lassen bevor wir selber fahren
Sieben Tage später in König Etzels Land:
Trägt man uns argen Willen, so wird es besser abgewandt. (1525)

So mag sich auch Kriemhilde bereiten nicht dazu,
Dass uns nach ihrem Rate jemand Schaden tu;
Will sie es doch versuchen, so kommt sie übel an:
Wir führen zu den Heunen so manchen auserwählten Mann." (1526)

Die Sättel und die Schilde und all ihr Rüstgewand,
Das sie führen wollten in König Etzels Land,
War nun wohlbereitet für manchen kühnen Mann.
Die Boten Kriemhildens lud man zu Gunthern heran. (1527)

Als die Boten kamen, sprach Degen Gernot:
"Der König will leisten was Etzel uns entbot.
Wir wollen gerne kommen zu seiner Lustbarkeit
Und unsre Schwester sehen: Dass ihr des außer Zweifel seid." (1528)

Da sprach König Gunther: "Wisst ihr uns zu sagen
Wann das Fest beginne? Oder zu welchen Tagen
Wir erwartet werden?" Da sprach Schwemmelein:
"Zur nächsten Sonnenwende, da soll es in Wahrheit sein." (1529)

Der König erlaubte, das war noch nicht geschehn,
Wenn sie Frau Brunhilden wünschten noch zu sehn,
Dass sie mit seinem Willen sprächen bei ihr an.
Dem widerstrebte Volker: Da war ihr Liebes getan. (1530)

“Es ist meine Frau Brunhilde nun nicht so wohlgenut,
Dass ihr sie schauen könntet,” sprach der Ritter gut,
“Wartet bis Morgen, so lässt man sie euch sehn.”
Sie wähten sie zu schauen, da konnt es doch nicht geschehn. (1531)

Da ließ der reiche König, er war den Boten hold,
In seiner hohen Milde von seinem roten Gold
Auf breiten Schilden bringen: Wohl war er reich daran;
Auch boten seine Freunde ihnen große Gaben an. (1532)

Geiselher und Gernot, Gere und Ortwein,
Wie sie milde waren, das leuchtete wohl ein:
So reiche Gaben boten sie den Boten an,
Dass sie's vor ihrem Herren nicht getrauten zu empfan. (1533)

Da sprach zu dem Könige der Bote Schwemmelein:
“Herr König, lasst die Gaben nur hier im Lande sein.
Wir könnens nicht verführen, weil uns der Herr verbot,
Dass wir Geschenke nähmen: Auch tut es uns wenig Not.” (1534)

Da ward der Vogt vom Rheine darüber ungemut,
Dass sie verschmähen wollten so reichen Königs Gut.
Da mussten sie empfan sein Gold und sein Gewand
Und es mit sich führen heim in König Etzels Land. (1535)

Sie wollten Ute schauen vor ihrer Wiederkehr
Die Spielleute brachte der junge Geiselher
Zu Uten seiner Mutter; sie entbot der Königin,
Wenn man ihr Ehre biete, es sei ihr hoher Gewinn. (1536)

Da ließ die Königswitwe ihre Borten und ihr Gold
Verteilen um Kriemhildens, denn der war sie hold,
Und König Etzels Willen an das Botenpaar.
Sie mochtens wohl empfan: Getreulich bot sie es dar. (1537)

Nun hatten sich beurlaubt die beiden Boten gut
Von Männern und von Frauen. Sie fuhren wohlgenut
Bis zum Schwabenlande: Dahin ließ Gerenot
Seine Degen sie begleiten, dass sie nirgend litten Not. (1538)

Als die von ihnen schieden, die sie sollten pflegen,
Gab ihnen Etzels Herrschaft Frieden auf den Wegen,
Dass ihnen niemand raubte ihr Ross noch ihr Gewand:
Sie ritten sehr in eile heim in König Etzels Land. (1539)

Wo sie Freunde fanden, da machten sie es kund,
In wenig Tagen kämen die Helden von Burgund
Vom Rheine hergezogen in der Heunen Land:
Pilgerin dem Bischof ward auch die Märe bekannt. (1540)

Als sie vor Bechlaren die Straße niederzogen,
Da ward auch um die Märe Rüdger nicht betrogen,
Noch Frau Gotelinde, die Markgräfin hehr:
Dass sie sie schauen sollte, des freute diese sich sehr. (1541)

Die Spielleute spornten die Rosse mächtig an.
Sie fanden König Etzeln in seiner Stadt zu Gran.
Grüße über Grüße, die man ihm her entbot,
Brachten sie dem Könige: Vor Liebe ward er freudenrot. (1542)

Als da Kriemhilden die Märe ward bekannt,
Dass ihre Brüder wollten kommen in ihr Land,
Da ward ihr wohl zu Mute: Sie gab den Boten Lohn
Mit reichlichen Geschenken; sie hatte Ehre davon. (1543)

Sie sprach: “Nun sagt mir beide, Werbel und Schwemmelein,
Wer will von meinen Freunden bei dem Hofgelage sein,
Von den Besten, die wir luden hieher in dieses Land?
Sagt, was sprach Hagen, als ihm die Märe ward bekannt?” (1544)

“Er kam zu ihrem Rate an einem Morgen früh;
Wenig gute Sprüche redet' er dazu,
Als sie die Fahrt beschlossen nach dem Heunenland:
Die hat der grimme Hagen die Todesreise genannt. (1545)

Es kommen eure Brüder, die Könige alle drei
In herrlichem Mute. Wer mehr mit ihnen sei,
Darüber ich des weitem euch nicht bescheiden kann;
Es will mit ihnen kommen Volker auch, der Fiedelmann.” (1546)

“Des mag ich leicht entbehren,” sprach die Königin,
“Will der Degen Volker zum dem Hofgelage ziehn;
Hagen bin ich gewogen, der ist ein Degen gut:
Dass wir ihn schauen sollen, des hab ich fröhlichen Mut.” (1547)

Hin ging die Königstochter wo sie den König sah.
Wie sprach mit holden Worten Frau Kriemhilde da:
“Wie gefallen euch die Mären, viel lieber Herre mein?
Wes mich je verlangte, das soll nun bald vollendet sein.” (1548)

“Dein Will ist meine Freude:”, der König sprach da so,
“Ich wär der eignen Freunde nicht so von Herzen froh,
Wenn sie kommen sollten hieher in unser Land:
Durch deiner Freunde Liebe viel meiner Sorge verschwand.” (1549)

Des Königs Amtleute befahlen überall
Mit Sitzen zu erfüllen Pallas und Saal
Für die lieben Gäste, die da sollten kommen.
Durch die ward bald dem König die hohe Freude benommen. (1550)

25. Abenteuer

Wie die Herren alle zu den Heunen fuhren

Wie man dort gebahrte vernahmt ihr nun genug.
Wohl kamen nie gefahren in solchem stolzen Zug
So viel beherzte Degen in eines Königs Land;
Sie hatten was sie wollten, beides, Waffen und Gewand. (1551)

Der Vogt von dem Rheine erhob aus seinem Bann
Der Degen tausend sechzig, so ward uns kundgetan,
Und neuntausend Knechte zu dem Hofgelag;
Die sie zu Hause ließen beweinten es wohl hernach. (1552)

Da trug man ihr Geräte zu Wormes üben Hof.
Wohl sprach da von Speyer ein alter Bischof
Zu der schönen Ute: "Unsre Freunde wollen fahren
Zu dem Hofgelage; möge Gott sie da bewahren." (1553)

Da sprach zu ihren Söhnen Ute die Fraue gut:
"Ihr solltet hier verbleiben, Helden hochgemut;
Mir hat geträumet heunte von großer Angst und Not,
Wie alles das Gevögel in diesem Lande wäre tot." (1554)

"Wer sich an Träume kehret," sprach dawider Hagen,
"Der weiß noch die rechte Kunde nicht zu sagen,
Wie es mög am Besten um seine Ehre stehn:
Es mag mein König immer mit Urlaub hin nach Hofe gehn. (1555)

"Wir wollen gerne reiten in König Etzels Land,
Da mag wohl Königen dienen guter Helden Hand,
So wir da schauen sollen Kriemhildens Hochzeit."
Hagen riet die Reise, doch ward es später ihm leid. (1556)

Er hätt es widerraten, nur dass Gerenot
Mit großem Ungestüme ihm Spott entgegenbot.
Er mahnt' ihn an Siegfried, der Kriemhilde Mann,
Er sprach: "Darum steht Hagen die große Reise nicht an." (1557)

Da sprach von Tronje Hagen: "Nicht Furcht ists, dass ichs tu;
Gebietet ihr es, Helden, so greifet immer zu:
Wohl will ich mit euch reiten in König Etzels Land."
Bald ward von ihm verhaun mancher Helm und Schildesrand. (1558)

Die Schiffe standen fertig: Da war gar mancher Mann.
Was sie an Kleidern hatten trug man an Bord heran;
Sie waren sehr beflissen bis zur Abendzeit:
Sie huben sich von Hause bald in hoher Fröhlichkeit. (1559)

Sie bauten überm Grase sich Hütten und Gezelt
Jenseits des Rheines, wo Obdach war bestellt.
Da bat noch zu verweilen Gunthern sein schönes Weib;
Sei herzte Nachts noch einmal des Mannes waidlichen Leib. (1560)

Flöten und Posaunen erschollen morgens früh
Den Aufbruch zu verkünden: da griff man rasch dazu.
Wem Liebes lag im Arme, der kos'te Freundes Leib;
Mit Leide schied bald manche des Königs Etzel Weib. (1561)

Der schönen Ute Söhne, die hatten einen Mann,
Der war getreu und bieder; als man die Fahrt begann
Sprach er zu dem Könige geheim nach seinem Mut;
Er sprach: "Ich muss wohl trauern, dass ihr die Hofreise tut." (1562)

Er war geheißten Rumolt, ein Degen auserkannt.
Er sprach: "Wem wollt ihr lassen die Leute und das Land?
Dass niemand doch euch Recken wenden mag den Mut!
Die Märe Kriemhildens däuchte mich niemals gut." (1563)

"Das Land sei dir befohlen und auch mein Söhnelein,
Und diene wohl den Frauen: Das ist der Wille mein;
Wen du weinen siehest, dem tröste Herz und Sinn:
Es wird uns nichts zu Leide Kriemhilde tun, die Königin." (1564)

Die Rosse standen fertig den Köngen und dem Bann:
Mit minniglichem Kusse schied da mancher Mann,
Dem noch in hohem Mute prangte Seel und Leib:
Das musste bald beweinen manches waidliche Weib. (1565)

Als man die schnellen Recken sah zu den Rossen gehn,
Fand man viel der Frauen in hoher Trauer stehn.
Dass sie auf ewig schieden sagt' ihnen wohl der Mut:
In großem Schaden kommen, das tut niemanden gut. (1566)

Die schnellen Burgonden begannen ihren Zug:
Da ward im ganzen Lande das Treiben groß genug;
Beiderseits der Berge weinte Weib und Mann.
Wie auch das Volk gebahrte, sie fuhren fröhlich hindann. (1567)

Niblungens Helden zogen mit ihnen aus
In tausend Halsbergen: Die hatten dort zu Haus
Viel schöne Fraun gelassen und sahn sie nimmermehr.
Siegfriedens Wunden, die schmerzten Kriemhilden sehr. (1568)

Da lenken mit der Reise auf dem Mainstrom an
Hinauf durch Ostfranken die in Gunthers Bann.
Hagen war ihr Führer, der war da wohlbekannt;
Ihr Marschall war Dankwart, der Held von Burgundenland. (1569)

Da sie von Ostfranken nach Schwanefelde ritten,
Da konnte man sie kennen an den stolzen Sitten,
Die Fürsten und die Freunde, die Helden lobesam!
An dem zwölften Morgen der König an die Donau kam. (1570)

Es ritt von Tronje Hagen den andern all zuvor;
Er hielt den Nibelungen wohl den Mut empor.
Da schwang der kühne Degen sich nieder auf den Sand,

Wo er sein Ross in Eile fest an einem Baume band. (1571)

Die Flut war ausgetreten, die Schiff' verborgen:
Die Nibelungen kamen in große Sorgen
Wie sie hinüber sollten? Das Wasser war zu breit.
Da schwang sich zu der Erde mancher Ritter allbereit. (1572)

“Übel,” sprach da Hagen, “mag dir hier geschehn,
König an dem Rheine: Du magst es selber sehn,
Das Wasser ist ergossen, zu stark ist keine Flut;
Ich fürchte wir verlieren noch heute manchen Recken gut.” (1573)

“Hagen, was verweis't ihr mit?”, sprach der König hehr,
“Um eurer Tugend willen, erschreckt uns nicht noch mehr.
Ihr sollt die Furt uns suchen hinüber in das Land,
Dass wir von hinnen bringen beides Ross und Gewand.” (1574)

“Mir ist ja noch,” sprach Hagen, “mein Leben nicht so leid,
Dass ich mich möcht ertränken in diesen Wellen breit:
Es soll von meinen Händen ersterben mancher Mann
In König Etzels Landen; wozu ich gute Lust gewann. (1575)

“Bleibet bei dem Wasser, ihr stolzen Ritter gut.
Ich selber will die Fergen suchen bei der Flut,
Die uns hinüberbringen in Gelfratens Land.”
Da nahm der starke Hagen seinen guten Schildesrand. (1576)

Er war wohl gewaffnet: Den Schild er mit sich trug,
Den Helm aufgebunden: Der glänzte licht genug;
Überm Harnisch führt' er eine breite Waffe mit,
Die an beiden Schärfen aufs allergrimmigste schnitt. (1577)

Er suchte hin und wieder nach einem Schiffersmann.
Er hörte Wasser gießen: Zu lauschen hub er an:
In einem schönen Brunnen tat das manch weises Weib;
Die wollten sich da kühlen und badeten ihren Leib. (1578)

Hagen sie gewahrend wollt ihnen heimlich nahn:
Sie stürzten in die Wellen, als sie sich des versahn.
Dass sie ihm so entrannen des freuten sie sich sehr;
Da nahm er ihre Kleider und schadet' ihnen nicht mehr. (1579)

Da sprach das eine Meerweib, Habburg war sie genannt:
“Hagen, edler Ritter, wir machen euch bekannt,
Wenn ihr uns zum Lohne die Kleider wiedergebt,
Was ihr bei den Heunen auf dieser Hoffahrt erlebt.” (1580)

Sie schwebten wie die Vögel vor ihm auf der Flut.
Den Helden dächt ihr Wissen von den Dingen gut:
Da glaubt' er um so lieber was sie ihm wollten sagen.
Sie beschieden ihn darüber was er begann sie zu fragen: (1581)

Sie sprach: “Ihr mögt wohl reiten in König Etzels Land;
Ich setz euch meine Treue dafür zum Unterpand:

Es fuhren niemals Helden noch in ein fremdes Reich
Zu solchen hohen Ehren, in Wahrheit, das sag ich euch.” (1582)

Die Rede freute Hagen in seinem Herzen sehr;
Die Kleider gab er ihnen und säumte sich nicht mehr.
Als sie umgeschlagen hatten ihr wunderbar Gewand,
Vernahm er erst die Wahrheit von der Fahrt in Etzels Land. (1583)

Da sprach das andre Meerweib mit Namen Siegelind:
“Ich will dich warnen, Hagen, Aldrianens Kind.
Es hat der Kleider willen meine Muhm gelogen:
Und kommst du zu den Heunen, so bist du schmäählich betrogen. (1584)

“Wieder umzukehren, wohl wär es an der Zeit,
Dieweil ihr kühnen Helden also geladen seid,
Dass ihr müsst ersterben in König Etzels Land:
Die da hinreiten, haben den Tod an der Hand.” (1585)

Da sprach wieder Hagen: “Ihr trügt mich ohne Not:
Wie sollte das sich fügen, dass wir alle tot
Bei den Heunen blieben durch jemandes Groll?”
Da sagten sie dem Degen die Märe deutlich und voll. (1586)

Da sprach die eine wieder: “Wohl muss es so geschehn:
Keiner von euch Degen wird die Heimat wieder sehn
Als der Kaplan des Königs, das ist uns wohl bekannt,
Der kommt geborgen wieder heim in König Gunthers Land.” (1587)

Da sprach mit grimmem Mute der kühne Recke Hagen:
“Das ließen meine Herren schwerlich sich sagen,
Dass wir bei den Heunen verlören all den Leib:
Nun zeig uns übers Wasser, du allerweisestes Weib.” (1588)

Sie sprach: “Willst du nicht anders und soll die Fahrt geschehn,
So siebst du überm Wasser eine Herberge stehn:
Darinnen wohnt ein Fährmann und nirgend sonst umher.”
Der Mär, um die er fragte, glaubte nun der Degen hehr. (1589)

Dem unmutsvollen Recken rief noch die eine nach:
“Nun wartet, Herr Hagen, euch ist gar zu jach;
Vernehmet erst die Kunde wie ihr kommt durch das Land.
Der Herr dieser Marke, der ist Else genannt. (1590)

Sein Bruder ist geheißten Gelfrat der Held,
Ein Herr im Bayerlande: Nicht so leicht es hält,
Wollt ihr durch seine Marke: Ihr mögt euch wohl bewahren,
Und sollt auch mit dem Fergen gar bescheidenlich verfahren. (1591)

Der ist so grimmes Mutes, er lässt euch nicht gedeihn,
Wollt ihr nicht verständig bei dem Helden sein.
Soll er euch über holen, so gebt ihm guten Sold;
Er hütet dieses Land und ist Gelfraten hold. (1592)

Und kommt er nicht bei Zeiten, so ruft über Flut,

Und sagt, ihr heißet Amelrich; das war ein Degen gut,
Der seiner Feinde willen räumte dieses Land:
So wird der Fährmann kommen, wird ihm der Name bekannt.” (1593)

Der übermütige Hagen dankte den Frauen hehr.
Der Degen schwieg stille, kein Wörtlein sprach er mehr;
Dann ging er bei dem Wasser hinauf an dem Strand,
Wo er auf jener Seite eine Herberge fand. (1594)

Laut begann zu rufen der Degen über Flut:
“Nun hol mich über, Ferge,” sprach der Degen gut,
“So geb ich dir zum Lohne eine Spange goldesrot;
Mir tut das Überfahren, das wisse, in Wahrheit Not.” (1595)

Es brauchte nicht zu dienen der reiche Schiffersmann,
Lohn nahm er selten von jemanden an;
Auch waren seine Knechte zumal von stolzem Mut.
Noch immer stand Hagen auf dieser Seite der Flut. (1596)

Da rief er so gewaltig, der ganze Strom erscholl
Von des Helden Stärke, die war so groß und voll:
“Mich Amelrich hol über; ich bin es, Elses Mann,
Der starker Feindschaft wegen aus diesen Landen entrann.” (1597)

Hoch an seinem Schwerte er ihm die Spange bot;
Die war schön und glänzte von lichtem Golde rot,
Dass man ihn überbrächte in Gelfratens Land.
Der übermütige Ferge nahm selbst das Ruder in die Hand. (1598)

Derselbe Schiffmann hatte neulich erst gefreit.
Die Gier nach großem Gute oft böses Ende leiht:
Er dachte zu verdienen Hagens Gold so rot;
Da litt er von dem Degen den schwertgrimmigen Tod. (1599)

Der Fährmann fuhr gewaltig hinüber an den Strand.
Den er nennen hörte, als er den nicht fand,
Da hub er an zu zürnen: Als er Hagen sah
Mit grimmen Ungestüme zu dem Helden sprach er da: (1600)

“Ihr mögt wohl sein geheißten mit Namen Amelrich:
Doch gleicht ihr dem mitnichten, des ich versehen mich.
Von Vater und Mutter war er der Bruder mein:
Nun ihr mich betrogen habt, so müsst ihr dieshalben sein.” (1601)

“Nein! Um Gottes willen,” sprach Hagen dagegen,
“Ich bin ein fremder Ritter, besorgt um andre Degen:
Nun nehmt, den ich geboten, freundlich hin den Sold
Und fahret uns hinüber: Ich bin euch wahrhaftig hold.” (1602)

Da sprach der Fährmann wieder: “Das kann nun nicht sein.
Viel Feinde haben die lieben Herren mein:
Drum fahr ich keinen Fremden hinüber in das Land;
Wenn euch das Leben lieb ist, so tretet aus an den Strand.” (1603)

“Nein, tut das nicht,” sprach Hagen, “traurig ist mein Mut;
Nehmt von mir zum Lohne die goldne Spange gut,
Und fahrt uns über, tausend Ross und auch so manchen Mann.”
Da sprach der grimme Fährmann: “Das wird nimmer getan.” (1604)

Er hob ein starkes Ruder, das war groß und breit,
Und schlug es auf Hagen; dem tat es solches Leid,
Dass er im Schiffe nieder strauchelt' auf das Knie.
Solchen grimmen Fährmann fand der von Tronje noch nie. (1605)

Noch stärker zu erzürnen den kühnen Fremdling, schwang
Er seine Ruderstange, dass sie ganz zersprang,
Auf das Haupt dem Hagen; er war ein starker Mann;
Davon Elses Ferge bald großen Schaden gewann. (1606)

Mit grimmigem Mute griff Hagen gleich zur Hand
Zur Seite nach der Scheide, wo er eine Waffe fand:
Er schlug das Haupt vom Rumpf ihm und warf es auf den Grund.
Bald macht' er diese Mären auch den Burgonden kund. (1607)

Im selben Augenblicke, als er den Fährmann schlug,
Glitt das Schiff zur Strömung; das war ihm leid genug.
Eh er es richten konnte, fiel ihn Ermüdung an:
Da zeigte große Kräfte König Gunthers Untertan. (1608)

Er versucht' es umzukehren mit schnellem Ruderschlag.
Bis ihm das starke Ruder in der Hand zerbrach.
Er wollte zu den Recken sich wenden an den Strand;
Da hat er keines weiter: Wie bald er es zusammen band. (1609)

Mit seinem Schildriemen! Einer Borte schmal.
Da kehrt' er nach dem Walde das Schifflein zu Tal.
Da fand er seine Herren harren an dem Strand;
Es gingen ihm entgegen viel der Degen auserkannt. (1610)

Mit Gruß ihn wohl empfangen die schnellen Ritter gut:
Sie sahen in dem Schiffe rauchen noch das Blut
Von einer starken Wunde, die er dem Fergen schlug:
Da ward darnach Degen Hagen ausgefragt genug. (1611)

Als der König Gunther das heiße Blut ersah
In dem Schiffe schwimmen, wie bald sprach er da:
“Wo ist denn, Herr Hagen, der Fährmann hingekommen?
Eure starken Kräfte haben ihm wohl das Leben benommen.” (1612)

Er sprach mit Lügenworten: “Als ich das Schifflein fand
Bei einer wilden Weide, da lös't es meine Hand:
Ich habe keinen Fergen heute hier gesehn,
Es ist auch niemand Leides von meinetwegen geschehn.” (1613)

Da sprach von Burgonden der Degen Gernot:
“Heute muss ich bangen um lieber Freunde Tod,
Da wir keinen Schiffmann hier am Strome sehn:
Wie wir hinüber kommen, darob muss ich in Sorgen stehn.” (1614)

Laut rief da Hagen: "Legt auf den Boden her,
Ihr Knechte, das Geräte: Ich war, gedenkt mir, mehr
Der allerbeste Ferge, den man am Rheine fand:
Ich bring euch hinüber gar wohl in Gelfratens Land." (1615)

Dass sie desto schneller kämen über Flut,
Banden sie die Mähren an; ihr Schwimmen ward so gut,
Dass ihnen auch nicht eines die starke Flut benahm.
Einge trieben ferner, als Ermüdung ihnen kam. (1616)

* Das Schiff war ungefüge, stark und weit genug:
Fünfhundert oder drüber es leicht auf einmal trug
Ihres Volks mit Speise und Waffen über Flut:
Am Ruder musste ziehen des Tages mancher Ritter gut. (1617)

Sie trugen zu dem Schiffe ihr Gold und auch den Staat,
Da sie der Hofreise nicht wollten haben Rat.
Hagen fuhr sie über; da bracht er an den Strand
Manchen zieren Recken in das unbekannte Land. (1618)

Zum ersten bracht er über tausend Ritter hehr,
Dazu auch seine Recken; dann kamen ihrer mehr,
Neuntausend Knechte, die bracht er an das Land:
Das Tages war unmüßig des kühnen Tronejers Hand. (1619)

Da er sie wohlgeborgten brachte über Flut,
Da gedachte jener Märe der schnelle Degen gut,
Die ihm verkündet hatte das wilde Meerweib:
Dem Kaplan des Königs gings schier an Leben und Leib (1620)

Bei seinem Weihgeräte er den Pfaffen fand
Auf dem Heiligtume sich stützend mit der Hand:
Das kam ihm nicht zu Gute, als Hagen ihn ersah;
Der gottverlassne Priester, viel Beschwerde litt er da. (1621)

Er schwang ihn aus dem Schiffe mit eilender Gewalt.
Da riefen ihrer viele: "Halt! Herr Hagen, halt!"
Geiselher der junge hub zu zürnen an;
Er wollt es doch nicht lassen bis er ihm Leides getan. (1622)

Da sprach von Burgonden der Degen Gernot:
"Was hilft euch nun, Herr Hagen, des Kaplanes Tod?
Tat dies anders jemand, es sollt ihm werden leid:
Was verschuldete der Priester, dass ihr so wider ihn seid?" (1623)

Der Pfaffe schwamm und Kräften; er hoffte zu entgehn,
Wenn ihm nur jemand hilfe: Das konnte nicht geschehn,
Denn der starke Hagen, gar zornig war sein Mut,
Stieß ihn zu Grunde wieder: Das däuchte niemanden gut. (1624)

Als der arme Pfaffe hier keine Hilfe sah,
Da kehrt' er sich zurücke; Beschwerde litt er da.
Ob er nicht schwimmen konnte, doch half ihm Gottes Hand,

Dass er wohlgeborgten hinwieder kam an das Land. (1625)

Da stand der arme Priester und schüttelte sein Kleid.
Daran erkannte Hagen, ihm habe Wahrheit
Unmeidliche, verkündet das wilde Meerweib.
Er dachte: "Diese Degen verlieren Leben und Leib." (1626)

Als sie das Schiff entladen und weggetragen dann
Was darauf besessen der dreien Fürsten Bann,
Schlug Hagen es in Stücke und warf es in die Flut:
Das wunderte gewaltig die Recken edel und gut. (1627)

"Was tut ihr das, Bruder?", sprach da Dankwart,
"Wie sollen wir hinüber bei unsrer Wiederfahrt,
Wenn wir von den Heunen reiten an den Rhein?"
Hernach sagt' ihm Hagen, das könne nimmermehr sein. (1628)

Da sprach von Tronje Hagen: "Ich tat es mit Bedacht:
Wenn wir einen Feigen in dieses Land gebracht,
Der uns entrinnen möchte in seines Herzens Not,
Dass er an diesen Wogen finde schmähhlichen Tod." (1629)

* Als der Kaplan des Königs das Schiff zerschlagen sah,
Über das Wasser zu Hagen sprach er da:
"Mörder ohne Treue, was hat ich euch getan,
Dass mich unschuldgen Pfaffen euer Herz zu ertränken sann?" (1630)

* Zur Antwort gab ihm Hagen: "Die Rede lasst beiseit:
Mich kümmert, meiner Treue, dass ihr entkommen seid
Hier vor meinen Händen, das glaubt mir ohne Spott."
Da sprach der arme Priester: "Dafür lob ich ewig Gott. (1631)

* Ich fürcht euch wahrlich wenig, des dürft ihr sicher sein;
Fahrt ihr zu den Heunen, so will ich an den Rhein.
Gott lass euch nimmer wieder nach dem Rheine kommen:
Das wünsch ich euch von Herzen; schier das Leben habt ihr mir
genommen." (1632)

Mit ihnen zog einer aus Burgondenland,
Der ein behender Degen und Volker war genannt.
Der redete gar launig nach seinem kühnen Mut:
Was Hagen je begangen von Fiedler dächte das gut. (1633)

Die Rosse standen harrend, die Säumer wohl geladen;
Sie hatten auf der Reise bisher noch keinen Schaden
Genommen, der sie schmerzte, als des Königs Kapellan:
Der musst auf seinen Füßen sich zum Rheine suchen Bahn. (1634)

26. Abenteuer

Wie Dankwart Gelfraten erschlug

Als sie nun alle waren gekommen an den Strand,
Da fragte König Gunther: "Wer soll uns durch das Land
Die rechten Wege weisen, dass wir nicht irre gehn?"
Da sprach der starke Volker: "Das Amt lasst mich nur versehn." (1635)

"Nun seht euch vor," sprach Hagen, "seis Ritter oder Knecht,
Man soll Freunden folgen; das dünkt mich gut und recht.
Eine ungefüge Märe mach ich euch bekannt:
Wir kommen nimmer wieder heim in der Burgonden Land. (1636)

"Das sagen mir zwei Meerfrau heute morgen früh,
Dass wir nicht wieder kämen: Nun rat ich was man tu:
Waffnet euch, ihr Helden, so mögt ihr euch bewahren:
Wir finden starke Feinde und müssen drum wehrhaft fahren. (1637)

"Ich wäht auf Lug zu finden die weisen Meerfrau:
Sie sagten mir, nicht einer werde widerschaun
Die Heimat von uns allen bis auf den Kapellan;
Drum hätt ich ihm so gerne heut den Tod angetan." (1638)

Da flogen diese Mären von Schar zu Schar umher:
Da wurden bleich vor Schrecken Degen kühn und hehr,
Als sie die Sorge fasste vor dem harten Tod
Auf dieser Hofreise: Das schuf ihnen wahrlich Not. (1639)

Bei Möringen waren sie über Flut gekommen,
Wo dem Eisen-Fährmann das Leben ward benommen.
Da sprach Hagen wieder: "Da ich mir so gewann
Unterwegs der Feinde, so fällt man sicher uns an. (1640)

"Ich erschlug den Fährmann heute morgen früh.
Sie wissen nun die Kunde: Drum eilt und greifet zu:
Wenn Gelfrat und Else uns denken zu bestehn
Mit unsrem Ingesinde, dass ihnen übel mag geschehn. (1641)

Sie werden es nicht meiden, ich weiß es, sie sind kühn,
Drum lasst in sanftem Schritte die Rosse weiter ziehn,
Dass nicht jemand wähne, wir flöhen auf den Wegen."
"Dem Rate will ich folgen," sprach da Geiselher der Degen. (1642)

"Wer zeigt nun dem Gesinde die Wege durch das Land?"
Sie sprachen: "Das soll Volker, dem sind die wohlbekannt
Die Straßen und die Steige, dem kühnen Fiedelmann."
Eh man es noch begehrte kam er gewaffnet heran, (1643)

Der kühne Fiedelspieler; den Helm er überband;
Von herrlicher Farbe war sein Streitgewand.
Am Schafte ließ er flattern ein Zeichen, das war rot:
Bald kam er mit den Königen in eine furchtbare Not. (1644)

Gewisse Märe hatte Gelfrat bekommen
Von des Fährmanns Tode: Da hatt es auch vernommen
Else der Starke: Beiden war es Leid.

Sie besandten ihre Helden; die traf man balde bereit. (1645)

Darauf in kurzen Zeiten, nun hört mich weiter an,
Gab man zu ihnen reiten, denen Schaden war getan,
In starkem Kriegszuge ein ungezähltes Heer:
Wohl siebenhundert zogen zu Hilfe Gelfraten her. (1646)

Als man den grimmen Feinden nachzuziehn begann,
Ihre Herren, die sie führten, huben zu jagen an
Nach den kühnen Gästen: Sie wollten Rache haben:
Da mussten sie der Freunde hernach noch manchen begraben. (1647)

Herr Hagen von Tronje richtete das ein
(Wie konnte seiner Freunde ein bessrer Hüter sein?)
Dass er die Nachhut hatte und die in seinem Bann,
Mit Dankwart seinem Bruder; das wurde willig getan. (1648)

Ihnen war der Tag zerronnen, den hatten sie nicht mehr:
Er bangte vor Gefahren für seine Freunde sehr.
Sie ritten unter Schilden durch der Bayern Land:
Darauf nach kurzer Weile die Helden wurden angerannt. (1649)

Beiderseits der Straße und hinter ihnen her
Vernahm man Hufe schlagen; die Haufen eilten sehr.
Da sprach der kühne Dankwart: "Gleich fallen sie uns an:
Bindet auf die Helme, das dünkt ich rätlich getan." (1650)

Sie hielten ein mit Reiten, also musst es sein:
Sie sahen in dem Dunkel der lichten Schilde Schein,
Nicht länger stille schweigen mochte da Herr Hagen:
"Wer verfolgt uns auf der Straße?" Das musste Gelfrat ihm sagen.
(1651)

Da sprach dieser Markgraf aus dem Bayerland:
"Wir suchen unsre Feinde, denen sind wir nachgerannt.
Ich weiß nicht, wer mir heute meinen Fergen schlug:
Das war ein schneller Degen; mir ist leid um ihn genug." (1652)

Da sprach von Tronje Hagen: "War der Ferge dein?
Er wollt uns nicht fahren (mein ist die Schuld allein):
Da erschlug ich den Recken: Fürwahr, es tat mir Not:
Ich fand von seinen Händen beinah den grimmigen Tod. (1653)

Ich bot ihm zum Lohne Gold und auch Gewand,
Dass er uns überführe, Degen, in dein Land.
Darüber zürnt' er also, dass er nach mir schlug:
Mit einem starken Ruder: Drob war ich grimmig genug. (1654)

Da griff ich nach dem Schwerte und wehrte seinen Zorn
Mit einer starken Wunde: Da war der Held verlorn.
Ich steh euch hier zur Sühne, haltet ihrs für gut."
Da ging es an ein Streiten; sie hatten zornigen Mut. (1655)

"Ich wusste wohl," sprach Gelfrat, "als hier mit seinem Lehn

Gunter zog vorüber, uns werd ein Leid geschehn
Durch Hagen von Tronje. Nun büßt ers mit dem Leben:
Für des Fährmanns Ende soll der Held hier Bürgschaft geben.” (1656)

Über die Schilde neigten da zum Stich den Speer
Gelfrat und Hagen; sich zürnten beiden schwer.
Else und Dankwart zusammen herrlich ritten;
Sie versuchten wer sie waren: Da wurde grimmig gestritten. (1657)

Wann versuchten Helden in kühnerm Kampfe sich?
Von einem starken Stoße fiel Hagen hinter sich
Von der Mähre nieder durch Helfratens Hand;
Der Burstriem war gebrochen; da ward ihm Streiten bekannt. (1658)

Man vernahm auch beim Gesinde brechender Schäfte Schall:
Da erholte sich auch Hagen wieder von dem Fall,
Den er auf das Gras getan von des Gegners Stoß:
Da erst ward sein Zürnen wider Gelfraten groß. (1659)

Wer ihr Ross gehalten, das ist mir unbekannt.
Gelfrat und Hagen waren auf den Sand
Gekommen von der Mähre: Da liefen sie sich an.
Ihre Gesellen halfen, dass man Streitens Kunde gewann. (1660)

Wie bitterlich auch Hagen zu Gelfraten sprang,
Ein gutes Teil des Schildes der edle Markgraf schwang
Ihm zur Erde nieder; das Feuer stob daran.
Da wäre schier erstorben König Gunthers Untertan. (1661)

Er rief mit lauter Stimme Dankwarten an:
“Hilf mir, lieber Bruder, ein schneller starker Mann
Hat mich hier bestanden, der lässt mich nicht am Leben.”
Da sprach der kühne Dankwart: “Dem will ich ein Ende geben.” (1662)

Da sprang der Degen näher und schlug ihm einen Schlag
Mit einer scharfen Waffe, davon er leblos lag
Else wollte Rache nehmen für den Mann:
Doch er und sein Gesinde mit Schaden schieden hindann. (1663)

Sein Bruder war erschlagen, selber war er wund;
Wohl achtzig seiner Degen wurden gleich zur Stund
Des grimmen Todes Beute: Da musste wohl der Held
Gunthers Leuten räumen mit schnellem Flüchten das Feld. (1664)

Als die vom Bayerlande wichen aus dem Wege,
Man hörte nachhallen die furchtbaren Schläge:
Da jagten die von Tronje hinter den Feinden her.
Die es nicht büßen wollten, die eilten alle gar zu sehr. (1665)

Da sprach beim Nachsetzen Dankwart der Degen:
“Kehren wir uns wieder zurück auf unsern Wegen,
Und lassen wir sie reiten, sie sind von Blute nass.
Wir eilen zu den Freunden, in Treuen rat ich euch das.” (1666)

Als sie hinwieder kamen, wo der Schade war geschehn,
Da sprach von Tronje Hagen: "Helden, lasst uns sehn,
Wen wir hier vermissen, oder wer uns ging verlorn
Hier in diesem Streite durch Degen Gelfratens Zorn." (1667)

Sie vermissten Viere; der Schade war zu tragen.
Sie waren wohl vergolten; dagegen war erschlagen
Deren vom Bayerlande hundert oder mehr:
Denen von Tronje waren die Schilde trüb und blutesschwer. (1668)

Ein wenig brach aus Wolken des hellen Mondes Licht:
Da sprach wieder Hagen: "Hört, berichtet nicht
Meinen lieben Herren was wir hier getan:
Lasst bis zum Morgen ihnen keine Sorge nahn." (1669)

Als zu ihnen stießen die da kamen von dem Streit,
Da klagte das Gesinde über Müdigkeit:
"Wie lange sollen wir reiten," fragte mancher Mann.
Da sprach der kühne Dankwart: "Wir treffen keine Herberg an. (1670)

Ihr müsset alle reiten bis an den hellen Tag."
Volker der schnelle, der des Gesindes pflag,
Ließ den Marschall fragen: "Wo kehren wir heut ein?
Wo rasten unsre Pferde und die lieben Herren mein?" (1671)

Da sprach der kühne Dankwart: "Ich weiß es nicht zu sagen:
Wir können uns nicht ruhen bis es beginnt zu tagen;
Wo wir es dann finden, legen wir uns aufs Gras."
Als sie die Kunde hörten, wie leid war Etlichen das! (1672)

Sie blieben unverraten vom heißen Blute rot,
Bis dass die Sonne die lichten Strahlen bot
Dem Morgen über Berge, wo es der König sah,
Dass sie gestritten hatten: Sehr im Zorne sprach er da: (1673)

"Wie nun, Freund Hagen? Verschmähdet ihr das,
Dass ich euch Hilfe brächte, als euch die Ringe nass
Wurden von dem Blute? Wer hat euch das getan?"
Da sprach er: "Else tat es, der griff nächten uns an. (1674)

Uns des Fährmanns willen wurden wir angerannt.
Da erschlug Gelfraten meines Bruders Hand;
Entronnen ist uns Else, es zwang ihn große Not:
Ihnen Hundert, uns nur Viere blieben da im Streite tot." (1675)

Wir können euch nicht melden, wo man die Ruhe fand.
All den Landsleuten ward es wohlbekannt,
Der edeln Ute Söhne zögen zum Hofgelag:
Sie wurden wohl empfangen dort zu Passau bald hernach. (1676)

Dem Ohm der edeln Könige, dem Bischof Pilgerin,
Dem wurde wohl zu Mute, als seine Neffen ihn
Mit so manchem Recken besuchten in dem Land;
Dass er sie gerne sähe ward ihnen balde bekannt. (1677)

Sie wurden wohl empfangen von Freunden auf den Wegen.
Da konnte man in Passau sie alle nicht verpflegen;
Sie mussten übers Wasser: Da fanden sie ein Feld,
Da wurden aufgeschlagen Hütten viel und reich Gezelt. (1678)

Sie mussten da verweilen einen vollen Tag
Und eine Nacht darüber. Wie schön man sie verpflag!
Dann ritten sie von dannen in Rüdigers Land:
Dem wurden auch die Mären nach wenig Stunden bekannt. (1679)

Als die Wegemüden Ruh sich angetan,
Und man Rüdgers Lande zu nahen nun begann,
Sie fanden auf der Marke schlafen einen Mann,
Dem von Tronje Hagen eine starke Waffe abgewann. (1680)

Eckewart war geheißen derselbe Ritter gut:
Der gewann darüber einen traurigen Mut,
Dass er das Schwert verloren durch der Helden Fahrt.
Rüdgers Grenzmarke, die fand man übel bewahrt. (1681)

“O weh mir dieser Schande,” sprach da Eckewart,
“Wie muss ich nun beklagen der Burgonden Fahrt!
Als ich verlor Siegfrieden hub all mein Kummer an;
O weh, mein Herre Rüdiger, wie hab ich wider dich getan!” (1682)

Wohl hörte Hagen des edeln Recken Not;
Er gab das Schwert ihm wieder, dazu sechs Spangen rot:
“Die nimmer dir, Held, zum Lohne, willst du hold mir sein;
Du bist ein kühner Degen, lägst du hier noch so allein.” (1683)

“Gott lohn euch eure Spangen,” sprach da Eckewart,
“Doch gereut mich mächtig zu den Heunen eure Fahrt.
Ihr erschlugt Siegfrieden; hier trägt man euch noch Hass:
Dass ihr euch wohl behütet, in Treue rat ich euch das.” (1684)

“Nun, mag uns Gott behüten,” sprach Hagen dagegen,
“Keine andre Sorge haben diese Degen
Als um die Herberge, die Fürsten und ihr Lehn,
Wo wir in diesem Lande heute Nachtruh sollen sehn. (1685)

“Die Ross sind uns verdorben auf den fernen Wegen,
Die Speise gar zerronnen,” sprach Hagen der Degen,
“Wir findens nicht zu Kaufe: Es wär ein Wirt uns Not,
Der uns durch seine Tugend noch heunte gäbe das Brot.” (1686)

Da sprach wieder Eckewart: “Ich zeig euch solchen Wirt,
Dass niemand euch im Hause so gut empfangen wird.
In irgend einem Lande als euch hier mag geschehn,
Wenn ihr schnellen Degen wollt zu Rüdigern gehn. (1687)

“Der Wirt wohnt an der Straße, der beste allerwärts,
Der je ein Haus besessen: Tugend gebiert sein Herz,
Wie das Gras mit Blumen der süße Maie tut,

Und soll er Helden dienen, so ist er froh und wohlgenut.“ (1688)

Da sprach der König Gunther: “Wollt ihr mein Bote sein,
Ob mich behalten wolle um der Liebe mein
Mein lieber Freund Rüdger, und die in meinem Bann?
Das will ich immer lohnen so gut ich irgend nur kann.“ (1689)

“Der Bote bin ich gerne,” sprach da Eckewart,
Mit viel gutem Willen erhob er sich zur Fahrt
Und saget Rüdigeren was er da vernommen:
Dem war in langen Zeiten so liebe Kunde nicht gekommen. (1690)

Man sah zu Bechlarern eilen einen Degen,
Den Rüdger wohl erkannte; er sprach: “Auf diesen Wegen
Kommt Eckewart gegangen, Kriemhildens Untertan.”
Er wähnte schon, die Feinde hätten ihm ein Leid getan. (1691)

Da ging er vor die Pforte, wo er den Boten fand;
Der nahm sein Schwert vom Gürtel und legt' es aus der Hand.
Die Märe, die er brachte, verhehlte nicht sein Mund
Dem Wirt und sein Freunden, er macht' es bald ihnen kund. (1692)

Er sprach zum Markgrafen: “Mich hat zu euch gesandt
Gunther mein Herr von Burgondenland,
Geiselher sein Bruder und auch Gerenot.
Jeglicher der Recken euch seine Dienste der entbot. (1693)

“Dasselbe tut auch Hagen, Volker auch zugleich,
Mit Fleiß und rechter Treue; dazu bericht ich euch
Was des Königs Marschall euch durch mich entbot:
Es sei den guten Knechten eure Herberge Not.” (1694)

Mit lachendem Munde versetzte Rüdiger:
“Nun wohl mir dieser Märe, dass die Könige hehr
Begehren meiner Dienste: Dazu bin ich bereit.
Wenn sie ins Haus mir kommen, des bin ich höchlich erfreut.” (1695)

“Dankwart der Marschall, der hat euch kund getan,
Wer euch zu Hause noch heute zieht heran:
Sechzig schneller Recken und tausend Ritter gut,
Und neuntausend Knechte.” Da ward ihm fröhlich zu Mut: (1696)

“Wohl mir um diese Gäste,” sprach da Rüdiger,
“Dass mir zu Hause kommen die edeln Ritter hehr,
Denen ich noch selten einen Dienst getan.
Nun reitet ihnen entgegen, sei's Freund oder Untertan.” (1697)

Sie eilten zu den Rossen, Ritter so wie Knecht.
Was sie ihr Herr heißen, das dächte alle recht:
Sie brachte ihre Dienste um so schneller dar;
Noch wusste es nicht Gotlinde, die in ihrer Kammer war. (1698)

27. Abenteuer

Wie Rüdiger Gunthern empfing

Hin ging der Markgraf, wo er die Frauen fand,
Sein Weib und seine Tochter. Denen macht er da bekannt
Diese liebe Märe, die er jetzt vernommen,
Dass ihrer Frauen Brüder zu ihrem Hause sollten kommen. (1699)

“Meine liebe Traute,” sprach da Rüdiger,
“Ihr sollt sie wohl empfangen, die edeln Könige hehr,
Wenn sie und ihr Gesinde hier zu Hofe gehn;
Ihr sollt auch schön begrüßen Hagen in Gunthers Lehn. (1700)

Mit ihnen kommt auch einer mit Namen Dankwart,
Ein andrer heißt Volker, an Ehren wohl bewahrt.
Die sechse sollt ihr küssen, ihr und die Tochter mein,
Und sollt auch in Züchten diesen Recken freundlich sein.” (1701)

Das gelobten ihm die Frauen und warens gern bereit:
Sie suchten aus den Kisten manch herrliches Kleid,
Darin sie den Recken entgegen wollten gehn.
Da sah man groß Befleißigen von schönen Frauen geschehn. (1702)

Gefälschte Frauenzierde gar wenig man da fand;
Sie trugen auf dem Haupte lichtetes goldnes Band,
Das waren reiche Kränze, damit ihr schönes Haar
Die Winde nicht verwehten; sie waren höfisch und klar. (1703)

In solcher Unmuße lassen wir die Frau.
Da war ein schnelles Reiten auf dem Feld zu schau
Von Rüdigers Genossen bis man die Fürsten fand:
Sie wurden wohl empfangen in des Markgrafen Land. (1704)

Als sie der Markgraf zu sich kommen sah,
Zu seinen lieben Gästen fröhlich sprach er da:
“Willkommen mir ihr Herren und die in euerm Lehn:
Hier in meinem Lande hab ich euch gerne gesehn.” (1705)

Da dankten ihm die Recken in Treuen ohne Hass.
Wie wohl er ihnen wolle, wohl bewies er das.
Besonders grüßt' er Hagen, der war ihm längst bekannt;
So tat er auch mit Volkern aus der Burgonden Land. (1706)

Er empfing auch Dankwarten. Da sprach der kühne Degen:
“Wollt ihr uns hier behalten, wer soll dann verpflegen
Unser Ingesinde, das wir hergebracht?
Da sprach der Markgraf: “Ich schaff euch gute Ruh bei Nacht (1707)

* Und all dem Gesinde. Was ihr in das Land
Mit euch hergeführt: Ross, Silber und Gewand,
Dem geb ich solche Hüter, nichts geht davon verloren,

Das euch zu Schaden brächte nur um einen halben Sporen. (1708)

“Spannet auf, ihr Knechte, die Hütten in dem Feld;
Was ihr hier verlieret, dafür leist ich Entgelt:
Zieht die Zäume nieder und lasst die Rosse gehn.”
Das war ihnen selten von einem Wirte noch geschehn. (1709)

Des freuten sich die Gäste. Als das geschehen war
Und die Herrn von dannen ritten, legte sich die Schar
Der Knecht im Grase nieder: Gut ruhen war es da,
Dass ihnen auf der Reise wohl nimmer sanfter geschah. (1710)

Die edle Markgräfin mit ihrer Tochter schön
War vor die Burg gegangen; da sah man bei ihr stehn
Minnigliche Frauen und manche schöne Maid;
Sie trugen viel der Spangen und manches herrliche Kleid. (1711)

Das edle Gesteine glänzte fern hindann
Aus ihrem reichen Staate: Sie waren wohlgetan.
Da kamen auch die Gäste und sprangen auf den Sand:
Hei! Was man edle Sitten an den Burgonden fand! (1712)

Sechsenddreißig Mägdelein und viel andre Fraun,
Die wohl nach Wunsche waren und wonnig anzuschau,
gingen ihnen entgegen mit manchem kühnen Mann:
Da ward ein schönes Grüßen von edeln Frauen getan. (1713)

Die Markgräfin küsste die Könige alle drei;
So tat auch ihre Tochter. Hagen stand dabei.
Den hieß ihr Vater küssen: Da blickte sie ihn an:
Er dächte sie so furchtbar, sie hätt es lieber nicht getan. (1714)

Doch musste sie es leisten wie ihr der Wirt gebot:
Gemischt ward ihre Farbe, bleich und wieder rot.
Sie küsst' auch Dankwarten, darnach den Fiedelmann:
Seiner Kühnheit willen ward ihm das Grüßen getan. (1715)

Die junge Markgräfin nahm bei der Hand
Geiselher den jungen von Burgondenland;
So nahm auch ihre Mutter Gunthern den kühnen Mann.
Da gingen mit den Helden die Frauen fröhlich hindann. (1716)

Der Wirt ging mit Gernoten in einen weiten Saal,
Die Ritter und die Frauen setzten sich zu Tal.
Da ließ man gleich den Gästen schenken guten Wein:
Besser mochten Helden nimmer wohl empfangen sein. (1717)

Mit liebem Blick der Augen sah da mancher an
Rüdigers Tochter, die war so wohlgetan.
Wohl kos't in seinem Sinne sie mancher Ritter gut:
Das mochte sie verdienen; sie trug gar hoch ihren Mut. (1718)

Sie dachten was sie wollten; doch konnt es nicht geschehn.
Man sah die guten Ritter hin und wieder spähn

Nach Mägdelein und Frauen; deren saßen da genug.
Dem Wirt geneigten Willen der edle Fiedeler trug. (1719)

Da wurden sie geschieden wie Sitte war im Land:
Zu andern Zimmern gingen Ritter und Fraun zur Hand.
Man richtete die Tische in dem Saale weit
Und war den fremden Gästen zu allen Diensten bereit. (1720)

Den Gästen ging zu Ehren die edle Markgräfin
Mit ihnen zu den Tischen; die Tochter ließ sie drinn
Bei den Mägdlein weilen, wo sie nach Sitte blieb:
Dass sie die nicht mehr sahen, das war den Gästen nicht lieb. (1721)

Als man getrunken hatte und gespeiset überall,
Da führte man die Schönen wieder in den Saal.
Anmutge Reden wurden nicht gescheut,
Viel sprach deren Volker, ein Degen kühn und allbereit. (1722)

Da sprach unverhohlen derselbe Fiedelmann:
“Viel reicher Markgraf, Gott hat an euch getan
Nach allen seinen Gnaden: Hat er euch doch gegeben
Ein Weib, ein so recht schönes, dazu ein wonnigliches Leben. (1723)

“Wenn ich ein König wäre,” sprach der Fiedelmann,
“Und sollte Krone tragen, zum Weibe nähm ich dann
Eure schöne Tochter: Die wünschte sich mein Mut:
Sie ist minniglich zu schauen, dazu edel und gut.” (1724)

* Da sprach der Markgraf: “Wie möchte das wohl sein,
Dass je ein Fürst begehrte der leiben Tochter mein?
Wir sind hier beide fremde, ich und auch mein Weib;
Was hilft die große Schöne an der guten Jungfrau Leib?” (1725)

Da versetzte Gernot, der edle Degen gut:
“Und wählt ich eine Traute nach meines Herzens Mut,
So wär ich solches Weibes von ganzer Seele froh.”
Da antwortet' ihm Hagen mit adliger Sitte so: (1726)

“Nun soll sich doch beweiben mein Herre Geiselher:
Es ist so hohen Stammes die Markgräfin hehr,
Dass wir ihr gerne dienten, ich und sein ganzes Lehn,
Sollte sie unter Krone bei den Burgonden gehn.” (1727)

Diese Rede däuchte Rüdigern gut,
Und auch Gotelinden; wohl freute sich ihr Mut.
Da schufen es die Helden, dass sie zum Weibe nahm
Geiselher der edle; der König durft es ohne Scham. (1728)

Soll ein Ding sich fügen, wer kann ihm widerstehn?
Man ließ die Jungfraue hin zu Hofe gehn.
Da schwur man ihm zu geben das wonnigliche Weib;
Da gelobt' auch er zu minnen ihren minniglichen Leib. (1729)

Man beschied der Jungfrau Burgen und auch Land.

Da sicherte mit Eiden des edeln Königs Hand
Und Gernot der Degen, es werde so getan.
Da sprach der Markgraf: “Da ich des Landes nicht gewann, (1730)

So will ich euch in Treuen immer bleiben hold.
Ich gebe meiner Tochter an Silber und an Gold
Was hundert Saumrosse nur immer mögen tragen,
Dass es diesen Helden nach Ehren möge behagen.” (1731)

Da wurden nach der Sitte in einen Kreis gestellt
Die beiden Anverlobten. Mancher junge Held
Mit fröhlichem Mute stand ihr da entgegen,
Er gedachte in seinem Sinne wie noch die Jungen gerne Pflegen. (1732)

Als nun begann zu fragen die minnigliche Maid
Ob sie den Recken wolle, zum Teil war es ihr leid;
Doch dachte sie zu nehmen den waidlichen Mann.
Sie schämte sich der Frage, wie manche Maid hat getan. (1733)

Ihr riet ihr Vater Rüdiger, dass sie spräche ja,
Und dass sie gern ihn nähme: Wie schnell war er da
Mit seinen weißen Händen, womit er sie umschloss,
Gieselher der Junge! Wie wenig sie ihn doch genoss! (1734)

Da sprach der Markgraf: “Ihr edeln Könige reich,
Wenn ihr nun wiederkehret beim in euer Reich,
Wie es doch bald geschiehet, so geb ich euch die Magd,
Dass ihr sie mit euch führet.” Also ward es zugesagt. (1735)

Der Schall, den man hörte, der musste nun vergehn.
Man ließ die Jungfrauen zu ihren Kammern gehn,
Und auch die Gäste schlafen und ruhn bis an den Tag.
Da schuf man ihnen Speise; der Wirt sie gütlich verpflag. (1736)

Nach dem Imbiss wollten sie von dannen fahren
Zu der Heunen Lande: “Davor will ich euch wahren,”
Sprach der edle Markgraf, “ihr sollt noch hier bestehn;
So liebe Gäste hab ich lange nicht bei mir gesehn.” (1737)

Da versetzte Dankwart: “Herr, das kann nicht sein:
Wo nähmet ihr die Speise, das Brot und auch den Wein,
Das ihr doch haben müsstet für so manchen Mann?”
Als der Wirt das hörte, stand ihm die Rede nicht an. (1738)

“Meine lieben Herren, ihr dürft mirs nicht versagen.
Ich habe noch die Speise zu vierzehn Tagen
Für euch und das Gesinde, das mit euch hergekommen:
Mir hat der König Etzel noch gar selten was genommen.” (1739)

Wie sie sich weigern mochten, sie mussten da bestehn
Bis an den vierten Morgen. Wohl mochte da geschehn
Durch des Wirtes Milde was ferne ward bekannt:
Er gab seinen Gästen beides, Ross und Gewand. (1740)

Nicht länger konnt es wahren, sie mussten dannen fahren:
Rüdiger der kühne konnte wenig sparen
Vor seiner großen Milde: Was jemand nur begehrt,
Das versagt' er niemand, sie sahn sich alle hoch geehrt. (1741)

Ihr edel Ingesinde brachte vor das Tor
Viel geschirrter Rosse; es wartete davor
Mancher fremde Recke, den Schild an seiner Hand,
Weil sie reiten wollten König Etzeln in das Land. (1742)

Der Wirt bot seine Gaben den Degen allzumal
Eh die edeln Gäste kamen vor den Saal;
Er mochte wohl mit Ehren in hoher Milde leben.
Seine schöne Tochter hatt er Geiselnern gegeben; (1743)

Da gab er Gernoten eine Waffe gut genug,
Die hernach in Stürmen der Degen herrlich trug.
Ihm gönnte wohl die Gabe des Markgrafen Weib;
Doch verlor Rüdiger davon noch Leben und Leib. (1744)

Da gab er König Guntern, dem Helden ohne Gleich,
Was wohl mit Ehren führte der edle König reich,
Ob er selten Gab empfangen, ein gutes Streitgewand;
Da neigte sich der König vor des milden Rüdiger Hand. (1745)

Da bot Frau Goteline, sie durft es ohne Scham,
Auch Hagen holde Gabe: Da sie der König nahm,
So sollt auch er nicht fahren zu dem Hofgelag
Ohn ihr Angebinde: Der Held jedoch widersprach. (1746)

“Alles was ich je gesehn,” so sprach da Hagen,
“So wünscht ich nichts weiter von hier hinweg zu tragen
Als den Schild, der dorten hängt an der Wand:
Den möcht ich gerne führen König Etzeln in das Land.” (1747)

Als Hagen seine Bitte der Markgräfin getan,
Die ihres Leids sie mahnte, das Weinen kam ihr an.
Da dachte sie mit Schmerzen an ihres Nudung Tod,
Den Wittich hat erschlagen; das schuf ihr Jammer und Not. (1748)

Sie sprach zu dem Degen: “Den Schild will ich euch geben.
O wollte Gott im Himmel, dass der noch dürfte leben,
Der einst ihn hat getragen! Er fand im Kampf den Tod.
Ich muss ihn stets beweinen, das schafft mir armen Weibe Not!” (1749)

Da erhob sich von dem Sitze die Markgräfin mild,
Mit ihren weißen Händen nahm sie herab den Schild
Und trug ihn hin zu Hagen: Der nahm ihn an die Hand.
Die Gabe war mit Ehren an den Recken gewandt. (1750)

Ein Wulst von lichtigem Zeuche auf seinen Farben lag:
Bessern Schild als diesen beschien noch nie der Tag.
Er war besetzt mit Steinen: Hätt ihn wer begehrt
Zu kaufen, nach den Kosten war er wohl tausend Marken wert. (1751)

Den Schild wegzubringen befahl da Hagen an.
Da kam sein Bruder Dankwart auch zu Hof heran:
Dem gab reicher Kleider Rüdgers Kind genug,
Die er bei den Heunen mit vielen Freuden noch trug. (1752)

All die reiche Gabe, die sie hier genommen,
Es wär davon kein Flitter in ihre Hand gekommen,
Wars nicht dem Wirt zu Liebe, der es so gütlich bot.
Sie wurden ihm so feind hernach, dass sie ihn schlagen mussten tot.
(1753)

Da hatte mit der Fiedel Volker der schnelle Held
Sich hin vor Gotelinde züchtiglich gestellt.
Er geigte süße Töne und sang dazu sein Lied:
So nahm er seinen Urlaub, als er von Bechlaren schied. (1754)

Sich ließ die Markgräfin eine Lade näher tragen.
Von freundlicher Gabe mögt ihr nun hören sagen:
Sie nahm daraus zwölf Spangen und schob sie ihm an die Hand:
“Die sollt ihr hinnen führen König Etzeln in das Land, (1755)

Und sollt sie mir zu Leibe dort am Hofe tragen:
Wenn ihr wiederkehret, dass man mir möge sagen,
Wie ihr mir habt gedienet bei dem Hofgelagt.”
Wohl nach der Frauen Wunsche tat der Degen hernach. (1756)

Der Wirt sprach zu den Gästen: “Nun mögt ihr sicher fahren;
Ich selbst will euch geleiten und vor Raub bewahren,
Dass ihr auf der Straße nicht werdet angerannt.”
Seine Saumrosse, die belud man gleich zur Hand. (1757)

Der Wirt war reisefertig nebst fünfhundert Mann
Mit Rossen und mit Kleidern. Da führt' er seinen Bann
Zu dem Hofgelage von dannen wohlgemut:
Nach Bechlaren kehrte nicht einer von den Rittern gut. (1758)

Mit minniglichen Küssen der Wirt von dannen schied,
Also tat auch Geiselher, wie ihm die Treue riet.
Sie herzten schöne Frauen mit liebendem Umfahn:
Das mussten bald beweinen viel Jungfrauen wohlgetan. (1759)

Da wurden allenthalben die Fenster aufgetan:
Zu den Rossen eilte der Wirt mit seinem Bann.
Sie fühlten wohl im Herzen voraus ihr herbes Leid.
Da weinten viel der Frauen und manche waidliche Maid. (1760)

Nach ihren lieben Freunden weinten manche sehr,
Die sie zu Bechlaren ersahen nimmermehr:
Doch ritten sie mit Freuden von hinnen auf den Sand,
An der Donau nieder bis an das heunische Land. (1761)

Da sprach zu den Burgonden der Ritter kühn und hehr,
Rüdiger der edle: “Nun darf nicht länger mehr

Verhohlen sein die Kunde, dass wir nach Heunland kommen:
Es hat der König Etzel nie so Liebes vernommen.” (1762)

Da ritt der schnelle Bote durchs Östreicherland:
Da ward es allenthalben den Leuten wohlbekannt,
Dass die Helden kämen von Wormes über Rhein.
Des Königs Ingesinde, dem konnt es lieber nicht sein. (1763)

Die Boten vordrangen mit den Mähren,
Dass die Nibelungen bei den Heunen wären.
“Du sollst sie wohl empfangen, Kriemhilde, Fraue mein:
Nach großen Ehren kommen dir die lieben Brüder dein.” (1764)

Kriemhild die Fraue ging an ein Fenster stehn
Und schaute nach den Brüdern, wie nach Freunden Freunde sehn.
Aus ihres Vaters Lande sah sie manchen Mann.
Als das der König hörte, der hob vor Lust zu lachen an. (1765)

“Nun wohl mir dieser Freude,” sprach da Kriemhild,
“Hier bringen meine Freunde gar manchen neuen Schild
Und Panzer glänzend helle: Wer nehmen will mein Gold,
Und meines Leids gedenken, dem will ich immer bleiben hold.” (1766)

28. Abenteuer Wie Kriemhilde Hagen empfing

Als die Burgonden kamen in das Land,
Da erfuhr es von Berne der alte Hildebrand.
Er sagt es einem Herren: Es war ihm höchlich leid;
Er hieß ihn wohl empfangen die Ritter kühn und allbereit. (1767)

Da ließ der schnelle Wolfhart die Pferde führen her;
Da ritt mit Dietrichen mancher Degen hehr,
Der sie begrüßen wollte, zu ihnen auf das Feld:
Sie hatten aufgeschlagen gar manches herrliche Zelt. (1768)

Als sie von Tronje Hagen von ferne reiten sah,
Wohl gezogen sprach er zu seinen Herren da:
“Nun hebt euch von den Sitzen, ihr Recken wohlgetan,
Und geht entgegen denen, die euch hier wollen empfahn. (1769)

“Dort kommt ein Heergesinde, das ist mir wohl bekannt:
Es sind viele schnelle Degen von Amelungenland,
Die führt der von Berne, sie sind von hohem Mut:
Ihr sollt sie nicht verschmähen, die Dienste, die man euch tut.” (1770)

Da sprang von den Rossen, so war es Fug und Recht,
Mit Dietrichen nieder mancher Herr und Knecht.
sie gingen zu den Gästen, als man die Helden fand;
Sie begrüßten freundlich die von der Burgonden Land. (1771)

Als sie der Degen Dietrich ihm entgegenkommen sah,
Nun mögt ihr gerne hören was der Degen da
Sprach zu Utens Söhnen: Leid war ihm ihre Fahrt;
Er währte, Rüdgers wüsst es und hätt es ihnen offenbart. (1772)

“Willkommen mir, ihre Herren, Gunther und Geiselher,
Gernot und Hagen, Herr Volker auch so sehr,
Und Dankwart der schnelle; ist euch das nicht bekannt?
Kriemhilde weint noch immer um den von Nibelungenland.” (1773)

“Sie mag noch lange weinen,” sprach dawider Hagen:
“Er liegt seit manchem Jahre schon zu Tod erschlagen.
Den König von den Heunen mag sie nun lieber haben:
Siegfried kommt nicht wieder, er ist nun lange begraben.” (1774)

“Siegfriedens Wunden, die lassen wir nun stehn:
So lang Kriemhilde lebet, mag Schade wohl geschehn.”
So redete von Berne der Degen Dieterich:
“Trost der Nibelungen, davor so hüte du dich!” (1775)

“Wie soll ich mich behüten?“, sprach der König hehr,
“Etsel sandt uns Boten; was sollt ich fragen mehr?
Dass wir zu ihm sollten reiten in das Land.
Auch hat uns manche Märe meine Schwester Kriemhild gesandt.”
(1776)

“So will ich euch raten,” sprach wieder Hagen,
“Lasst euch diese Märe doch zu Ende sagen,
Von Dieterich dem Herren und seinen Helden gut,
Damit wir wissen mögen der Frau Kriemhilde Mut.” (1777)

Da gingen die drei Könige und sprachen unter sich,
Herr Gunther und Gernot und auch Herr Dieterich:
“Nun sag uns, von Berne du edler Ritter gut,
Was du wissen mögest von der Königin Mut.” (1778)

Da sprach der Vogt von Berne: “Was soll ich euch sagen?
Als dass ich alle Morgen weinen hör und klagen
Die Königin Kriemhilde in jämmerlicher Not
Zum reichen Gott vom Himmel um des starken Siegfried Tod.” (1779)

“Es ist nun nicht zu wenden,” sprach der kühne Mann,
Volker der Fiedler, “was ihr uns kund getan:
Lasst uns zu Hofe reiten und einmal dort besehn
Was uns schnellen Degen bei den Heunen möge geschehn.” (1780)

Die kühnen Burgonden hin zu Hofe ritten:
Sie kamen stolz gezogen nach ihres Landes Sitten.
Da wollte bei den Heunen gar mancher kühne Mann
Von Tronje Hagen schauen, wie der wohl wäre getan. (1781)

Es war durch die Sage dem Volk bekannt genug,
Dass er von Niederlanden Siegfrieden schlug,

Aller Recken Stärksten, Frau Kriemhildens Mann;
Drum wurde großes Fragen bei Hof nach Hagen getan. (1782)

Der Held war wohl gewachsen, das ist sicher wahr,
Von Schultern breit und Brüsten, gemischt war sein Haar
Mit einer greisen Farbe, von Beinen war er lang
Und schrecklich von Gesichte, er hatte herrlichen Gang. (1783)

Da schuf man Herberge den Burgonden-Degen;
Gunthers Ingesinde ließ man gesondert legen.
Das riet die Königstochter, die ihm viel Hasses trug;
Daher man bald die Knechte in der Herberg erschlug. (1784)

Dankwart, Hagens Bruder, der war Marschall;
Der König sein Gesinde ihm fleißig anbefahl,
Dass er es wohl verpflege und ihm gebe genug;
Der Held von Burgonden ihm geneigten Willen trug. (1785)

Kriemhild die schöne mit dem Gesinde ging,
Wo sie die Nibelungen mit falschem Mut empfing;
Sie küsste Geiselheren und nahm ihn bei der Hand.
Als Hagen das erschaute, den Helm er fester überband. (1786)

“Nach so getanem Gruße,” sprach Hagen deswegen,
“Mögen sich bedenken diese schnellen Degen:
Man empfängt die Fürsten ungleich und der Fürsten Bann;
Eine schlimme Reise haben wir zu dieser Hochzeit getan.” (1787)

Sie sprach: “Seid willkommen dem der euch gern empfäht;
Eurer Freundschaft willen kein Gruß an euch ergeht.
Sagt, was ihr mir bringet von Wormes überrhein,
Dass ihr mir so höchlich hier willkommen solltet sein?” (1788)

“Was sind das für Mären,” sprach Hagen dagegen,
“Dass euch Gaben sollten bringen diese Degen?
Da ich so reich euch wusste und kannte eure Macht,
Wie hätt ich meine Gabe zu den Heunen wohl gebracht?” (1789)

“Nun frag ich um die Märe weiter bei euch an:
Den Hort der Nibelungen, wohin ihr den getan?
Der war ja doch mein eigen, das ist euch wohlbekannt:
Den hättet ihr mir sollen bringen her in Etzels Land.” (1790)

Meine Frau Kriemhilde, wahrlich schon mancher Tag war da,
Den Hort der Nibelungen, seit ich den nicht sah,
Den ließen meine Herren versenken in den Rhein:
Da muss er auch in Wahrheit bis zum jüngsten Tage sein.” (1791)

Da sprach die Königin wieder: “Ich hatt es wohl gedacht,
Ihr habt mir noch wenig davon hieher gebracht,
Wiewohl er war mein eigen und ich sein weiland pflag;
Drum hab ich leide Stunden und manchen traurigen Tag.” (1792)

“Ich bring euch den Teufel!”, sprach da Hagen,

“Ich hab an meinem Schilde genug zu tragen,
Und an meinem Harnisch; mein Helm, der ist so licht,
Das Schwert in meinen Händen: Darum bring ich ihn euch nicht.”
(1793)

* “So wars auch nicht gemeinet, dass ich das Gold begehre:
So viel hab ich zu geben, dass ich es leicht entbehre.
Eines Mords und Doppelraubes, die man an mir genommen,
Dafür möcht ich Arme zu lieber Vergeltung kommen.” (1794)

Da sprach die Königstochter zu den Recken allzumal:
“Man soll keine Waffen tragen in dem Saal;
Vertraut sie mir, ihr Helden, zur Erwartung an.”
“Wahrhaftig,” sprach da Hagen, “das wird nimmer getan.” (1795)

“Ich begehre nicht der Ehre, Fürstentochter mild,
Dass ihr zur Herberge traget meinen Schild
Und ander Streitgeräte; ihr seid eine Königin:
So lehrte mich mein Vater, dass ich selbst ihr Hüter bin.” (1796)

“O weh dieses Leides!”, sprach da Kriemhild:
“Warum will mein Bruder und Hagen seinen Schild
Nicht bewahren lassen? Gewiss, sie sind gewarnt:
Und wüsst ich wers gewesen, den hielte der Tod umgarnt.” (1797)

Im Zorne gab ihr Antwort Dieterich sogleich:
“Ich bin es, der gewarnt hat die edeln Fürsten reich,
Und Hagen auch den kühnen in der Burgonden Bann:
Nur zu, du Braut des Teufels, du tust darum mir kein Leid an.” (1798)

Da schämte sich gewaltig die edle Königin;
Sie fürchtete gar übel Dietrichens Heldensinn.
Sie ging schnell von dannen, nichts mehr sprach sie da,
Nur dass sie nach den Feinden mit geschwinden Blicken sah. (1799)

Da nahmen bei den Händen zwei der Degen sich,
Der eine war Hagen, der andre Dieterich.
Da sprach wohlgezogen der Degen allbereit:
“Eure Reise zu den Heunen, die ist in Wahrheit mir leid, (1800)

Da die Königin also zu euch gesprochen hat.”
Da sprach von Tronje Hagen: “Noch wird zu allem Rat.”
So redeten einander die kühnen Degen an.
Das sah der König Etzel, der gleich zu fragen begann: (1801)

“Die Märe wüsst ich gerne,” befrag der König sich,
“Wer jener Recke wäre, den dort Herr Dieterich
So freundlich hat empfangen; wohl trägt er hoch den Mut;
Wie auch sein Vater heiße, er mag wohl sein ein Recke gut.” (1802)

Da gab dem König Antwort einer aus Kriemhilds Bann:
“Von Tronje ist er geboren, sein Vater hieß Aldrian;
Wie heiter er gebare, er ist ein grimmer Mann:
Er lässt euch wohl noch schauen, dass ich keine Lüge getan.” (1803)

“Wie soll ich das erkennen, dass er so grimmig ist?”
Noch hatt er keine Kunde von mancher argen List,
Die wider ihre Freunde die Königin spann,
Dass aus dem Heunenlande ihr auch nicht einer entrann. (1804)

“Wohl kannt ich Aldrianen, er war mein Untertan,
Lob und große Ehre er hier bei mir gewann:
Ich macht ihn selbst zum Ritter und gab ihm meinen Sold;
Weil er sich treu erzeigte, war ich ihm von Herzen hold. (1805)

“Daher ist mir von Hagen auch alles wohlbekannt.
Zwei edle Kinder bracht ich als Geisel in das Land:
Ihn und von Spanien Walther; die wuchsen hier heran.
Hagen sandt ich wieder heim, Walther mit Hildegund entrann.” (1806)

Er gedachte lieber Märe und was vordem geschehn;
Seinen Freund von Tronje, wohl hat er den gesehn,
Der ihm in seiner Jugend oft große Dienste bot:
Jetzt schlug er ihm im Alter viel lieber Freunde zu Tod. (1807)

29. Abenteuer

Wie Hagen nicht vor Kriemhilden aufstand

Da schieden auch die beiden werten Recken sich,
Hagen von Tronje und Herr Dieterich.
Über die Achsel blickte Gunthers Untertan
Nach einem Heergesellen, den er da bald sich gewann. (1808)

Er sah da Volkern bei Geiselheren stehn,
Den zieren Fiedelspieler, und bat ihn mitzugehn,
Weil er wohl erkannte seinen grimmen Mut:
Er war in allen Dingen ein Ritter kühn und auch gut. (1809)

Man ließ die Herrn noch immer auf dem Hofe stehn.
Die beiden ganz alleine sah man von dannen gehn
Über den Hof hin ferne vor einen Pallas weit:
Die Auserwählten scheuten sich vor niemandes Streit. (1810)

Sie saßen vor dem Hause gegenüber einem Saal
(Der war Kriemhilden) auf eine Bank zu Tal.
Da glänzt' an ihrem Leibe ihr herrlich Gewand;
Gar manche die das sahen hätten sie wohl gern gekannt. (1811)

Gleich den wilden Tieren gaffte sie da an,
Die vermessen Helden, mancher Hennenmann.
Da sah sie durch ein Fenster Etzels Königin:
Sich trübte da von neuem der schönen Kriemhilde Sinn. (1812)

Sie gedachte ihres Leides: Zu weinen hub sie an.

Darüber war verwundert das Volk in Etzels Bann:
“Was ihr so geschwinde getrübt den hohen Mut?”
Da sprach sie: “Das tat Hagen, ihr Helden kühn und auch gut.” (1813)

Sie sprachen zu der Frauen: “Wie ist das geschehn?
Wir haben euch noch eben wohlgemut gesehn.
Wär er noch so verwogen, ders euch hat getan,
Befehlt ihr uns die Rache, den Tod müsst er empfahn.” (1814)

“Dem wollt ich immer danken, der rächte dieses Leid,
Was er nur beehrte, ich wär dazu bereit.
Ich biete mich euch zu Füßen,” so sprach das Königsweib,
“Rächet mich an Hagen, er verliere Leben und Leib.” (1815)

Schnell scharten sich die Kühnen, sechzig an der Zahl.
Der Königin zu Liebe wollten sie vor den Saal,
Und wollten Hagen schlagen, diesen kühnen Mann
Und auch den Fiedelspieler; das ward einmütig getan. (1816)

Als so gering den Haufen die Königin ersah,
Grimmes Mutes sprach sie zu den Helden da:
“Von solchem Unterfangen rat ich abzustehn:
Wohl dürft ihr in so kleiner Zahl mit Hagen nicht streiten gehn. (1817)

“So stark auch und gewaltig von Tronje Hagen sei,
Noch ist bei weitem stärker, der ihm da sitzt bei,
Volker der Fiedler, das ist ein übler Mann:
Wohl dürft ihr diesen Helden nicht mit so wenigen nahn.” (1818)

Als sie die Rede hörten scharten sich ihrer mehr,
Vierhundert Recken. Der Königstochter hehr
Lag sehr am Herzen die Rache für ihr Leid.
Dadurch ward bald den Degen viel Not und Sorge bereit. (1819)

Als sie ihr Heergesinde wohl bewaffnet sah,
Zu den schnellen Degen sprach die Königin da:
“Nun harret eine Weile, ihr sollt noch stille stehn:
Ich will unter Krone hin zu meinen Feinden gehn. (1820)

So mögt ihr selber hören was mir hat getan
Hagen von Tronje in König Gunthers Bann.
Ich weiß ihn so vermessen, er leugnets nimmermehr:
So frag ich auch nicht weiter was ihm geschehe nachher.” (1821)

Da sah der Fiedelspieler, der wunderkühne Mann,
Die edle Königstochter von einer Stiege nahn,
Die aus dem Hause führte. Als er das ersah,
Zu seinem Heergesellen sprach der kühne Volker da: (1822)

“Nun schaut, Freund Hagen, wie von dorten naht,
Die uns ohne Treue ins Land geladen hat.
Ich sah mit einer Königin noch nie so manchen Mann
Die Schwerter in den Händen also streitlustig nahn. (1823)

Wisset ihr, Freund Hagen, dass euch die Fraue grollt,
So will ich euch raten, dass ihr hüten sollt
Des Lebens und der Ehre; fürwahr, das dünkt mich gut:
Soviel ich mag erkennen ist ihnen zornig zu Mut. (1824)

Es scheinen auch die Meisten von Brüsten stark und breit:
Wer seines Lebens hüten will, der tu es noch beizeit.
Ich seh sie lichte Harnische an dem Leibe tragen.
Was sie damit meinen, das hör ich niemanden sagen." (1825)

Da sprach im Zornmute Hagen der kühne Mann:
"Ich weiß wohl, es wird alles meinethalb getan,
Dass sie die lichten Waffen tragen an der Hand;
Vor denen aber reit ich noch in der Burgonden Land. (1826)

Nun sagt mir, Freund Volker, denkt ihr mir beizustehn,
Wenn mit mir streiten wollen die in Kriemhilds Lehn?
Das lasst mich erfahren so lieb als ich euch sei:
Ich steh euch immer wieder getreulich mit Diensten bei." (1827)

"Gewiss ich will euch helfen," sprach der Fiedelmann.
"Und säh ich uns entgegen mit seinem ganzen Bann
Den Heunenkönig kommen: Solang ich leben muss
Weich ich von eurer Seite aus Furcht auch nicht einen Fuß." (1828)

"Nun lohn euch Gott vom Himmel, viel edler Volker!
Wenn sie mit mir streiten, wes bedarf ich mehr?
Wollt ihr mir helfen wie ich jetzt vernommen,
So mögen diese Recken fein behutsam näher kommen." (1829)

"Stehn wir auf vom Sitze," sprach der Fiedelmann,
"(Sie ist doch eine Königin) so sie nun kommt heran.
Wenn man diese Ehre der edeln Frauen tut
Um der Sitte willen, so heißt es jeglicher gut." (1830)

"Nein! Wenn ihr mich liebet," sprach dawider Hagen:
"Es möchten diese Degen mit dem Wahn sich tragen,
Dass ichs aus Feigheit täte und gedächte wegzugehn:
Von meinem Sitze mein ich vor ihrer keinem aufzustehn. (1831)

"Dass wir es bleiben lassen, das ziemt uns ganz allein:
Soll ich dem Ehre bieten, der mir Feind will sein?
Nein, ich tät es nimmer so lang ich leben soll!
In aller Welt, was frag ich wohl nach Kriemhildens Groll?" (1832)

Der frevle Hagen legte über die Schenkel hin
Eine lichte Waffe, aus deren Knaufe schien
Mit hellem Glanz ein Jaspis, grüner als das Gras.
Wohl kannte sie Kriemhilde, dass Siegfried einst sie besaß. (1833)

Als sie das Schwert erkannte, das schuf ihr große Not.
Von Gold war sein Gefäße, die Scheideborte rot.
Sie gedachte ihres Leides; zu weinen hub sie an:
Gewiss, das hatte darum der kühne Hagen getan. (1834)

Volker der Schnelle zog näher an die Bank
Einen starken Fiedelbogen, mächtig und lang,
Gleich einem Schwerte, scharf dazu und breit.
So saßen unerschrocken die beiden Recken kühn im Streit. (1835)

Die beiden kühnen Degen dächten sich so hehr,
Dass sie von dem Sitze gedachten nimmermehr
Vor jemand aufzustehn. Ihnen schritt da vor den Fuß
Die edle Königstochter und bot unfreundlichen Gruß. (1836)

Sie sprach: “Nun sagt mir Hagen, “hat nach mir gesandt:
Man ladete drei Degen her in dieses Land,
Die heißen meine Herren, ich steh in ihrem Lehn:
Bei keiner Hofreise pfleg ich daheim zu bestehn.” (1837)

Sie sprach: “Nun sagt mir ferner, was tatet ihr das,
Dass ihr es verdientet, dass ich euch trage Hass?
Ihr erschlugt Siegfrieden, meinen lieben Mann,
Den ich bins an mein Ende nicht genug beweinen kann.” (1838)

“Wozu der Rede weiter?”, sprach er, “es ist genug:
Ich bin halt der Hagen, der Siegfrieden schlug,
Den behenden Degen: Wie schwer er das entgalt,
Dass die Frau Kriemhilde die schöne Brunhilde schalt! (1839)

Ich will es auch nicht leugnen, reiche Königin,
Dass ich an allem Übel und Schaden schuldig bin:
Nun räch es, wer da wolle, es sei Weib oder Mann.
Ich müsst es wahrlich lügen, ich hab euch Leides viel getan.” (1840)

Sie sprach: “Da hört ihr Recken, wie er mir eingesteht
Mein Leid und seine Tücke; wie's ihm deshalb ergeht,
Frag ich nun nicht weiter, ihr in Etzels Bann.”
Die übermütigen Degen blickten all einander an. (1841)

Wär da der Streit erhoben, so hätte man gesehn,
Wie man den zwei Gesellen müsst Ehre zugestehn;
Das hatten sie in Stürmen nicht selten dargetan.
Wes jene sich vermaßen, das ging aus Furcht nun nicht an. (1842)

Da sprach der Recken einer: “Was seht ihr mich an?
Was ich zuvor gelobte, das wird nun nicht getan.
Ich verlier um niemand's Gabe das Leben und den Leib:
Uns will wohl hier verleiten dem König Etzel sein Weib.” (1843)

Da sprach dazu ein andrer: “So steht auch mir der Mut.
Gäbe sie mir Türme von rotem Golde gut,
Diesen Fiedelspieler wollt ich nicht bestehn,
Der schnellen Blicken wegen, die ich an ihm hab ersehn. (1844)

Auch kenn ich diesen Hagen seit seinen jungen Tagen;
Man mag mir von dem Recken große Dinge sagen.
In zweiundzwanzig Stürmen hab ich ihn gesehn;

Da ist wohl mancher Fraue Herzeleid durch ihn geschehn. (1845)

Er und der von Spanien traten manchen Pfad,
Da sie hier bei Etzeln taten manche Tat
Dem König zu Liebe. Des ist viel geschehn:
Drum mag man Hagen billig große Ehre zugestehn. (1846)

Damals war der Recke an Jahren noch ein Kind:
Da waren schon die Knaben wie jetzo Greise sind.
Nun kam er zu Verstande und ist ein grimmer Mann;
Auch trägt er Balmungen, den er übel gewann.” (1847)

Damit wars entschieden, niemand suchte Streit;
Das war der Königstochter im Herzen bitter leid,
Die Helden gingen wieder: Wohl scheuten sie den Tod
Von den zweien Degen; das tat ihnen wahrlich Not. (1848)

“Nun haben wir gesehen,” sprach der Fiedelmann,
“Dass wir hier Feinde finden wie uns ward kund getan.
Nun lasst uns zu den Königen hin zu Hofe gehn,
So darf unsre Herren mit Streit wohl niemand bestehn.” (1849)

Wie man so manche Dinge aus Zagheit oft verlässt,
Wo doch Freund beim Freunde mutig steht und fest!
Und ist er wohl bei Sinnen, dass er nicht also tut,
So nimmt die Ehre mancher vor Schaden weislich in Hut. (1850)

“Wohlan, ich will euch folgen,” sprach Hagen dagegen.
Da gingen hin die beiden, wo sie die zieren Degen
Noch harrend des Empfanges auf dem Hofe sahn.
Volker der kühne hub da laut zu rufen an. (1851)

Er sprach zu seinen Herren: “Wie lange wollt ihr stehn
Und euch drängen lassen? Ihr sollt zu Hofe gehn
Und von dem König hören wie der gesonnen sei.”
Da sah man sich gesellen die Helden kühn und tadelfrei. (1852)

Dietrich von Berne nahm da an die Hand
Gunther den reichen von Burgondenland:
Irnfried nahm Gernoten, diesen kühnen Mann;
Da ging mit Rüdigeren Geiselher zu Hof heran. (1853)

Wie sich bei diesem Zuge paarte jeglicher,
Volker und Hagen, die schieden sich nicht mehr
Als noch in einem Kampfe bis an ihren Tod.
Das brachte edeln Frauen Tränen noch und große Not. (1854)

Da gingen mit den Königen an den Hof heran
Ihres edeln Ingesindes kühne tausend Mann;
Darüber sechzig Recken: Die waren mitgekommen;
Die hatt aus seinem Lande der kühne Hagen genommen. (1855)

Hawart und Iring, zwei Degen ausersehn,
Die sah man bei den Königen gesellt nach Hofe gehn:

Dankwart und Wolfhart, ein wackerlicher Degen,
Die sah man großer Tugend vor den Übrigen pflegen. (1856)

Als der Vogt vom Rheine in den Pallas ging,
Herr Etzel der reiche das länger nicht verhing:
Er sprang von seinem Sitze, als er ihm kommen sah.
Ein Gruß, ein so recht schöner, nie mehr von Königen geschah. (1857)

“Willkommen mir, Herr Gunther und Herr Gerenot
Und euer Bruder Geiselher, die ich hieher entbot
Mit Gruß und treuem Dienste von Wormes überrahein,
Und all das Heergesinde, das soll mir willkommen sein. (1858)

Lasst euch auch Willkommen, ihr beiden Recken, sagen,
Volker der kühne und der Degen Hagen,
Für mich und für die Königin hier in diesem Land;
Sie hat euch manchen Boten hin zum Rheine gesandt.” (1859)

Da sprach von Tronje Hagen: “Das haben wir vernommen:
Wär ich mit meinen Herren zu den Heunen nicht gekommen,
So wär ich euch zu Ehren geritten in das Land.”
Da nahm der edle König die lieben Gäste bei der Hand. (1860)

Er führte sie zum Sitze bin wo er selber saß.
Da schenkte man den Gästen, fleißig tat man das,
In weiten goldnen Schalen Met, Morass und Wein,
Und hieß die fremden Degen höchlich willkommen sein. (1861)

Da sprach der König Etzel: “Fürwahr ich muss gestehn,
Mir konnt auf dieser Erde nicht Lieberes geschehn,
Als durch euch, ihr Recken, dass ihr hierher gekommen.
Damit ist auch der Königin ihre Hohe Trauer benommen. (1862)

Mich nahm es immer Wunder, was ich euch wohl getan.
Da ich der edeln Gäste so manche doch gewann,
Dass ihr nie zu reiten geruhtet in mein Land;
Nun ich euch gesehen, ist mirs zu Freuden gewandt.” (1863)

Da versetzte Rüdiger, ein Ritter hochgemut:
“Ihr sollt sie gern empfehen, ihre Treue, die ist gut.
Wohl mögen hoher Ehren meiner Fraue Brüder pflegen:
Sie bringen euch zu Hause manchen waidlichen Degen.” (1864)

Am Sonnenwende-Abend waren sie gekommen
An Etzels Hof, des reichen. Noch selten ward vernommen
Von so hohem Gruße, womit er sie empfing.
Nun war es Zeit zum Essen: Der Fürst zu Tisch mit ihnen ging (1865)

Ein Wirt bei seinen Gästen sich nie so hold betrug.
Zu trinken und zu essen gab man ihnen genug;
Was sie nur wünschen mochten, das wurde gern gewährt.
Man hatte von den Helden viel große Wunder gehört. (1866)

* Der reiche Etzel hatte an ein Gebäude weit

Viel Fleiß und Müh gewendet und Kosten nicht gescheut:
 Man sah Pallas und Türme, Gemächer ohne Zahl
 IN einer weiten Veste und einen herrlichen Saal. (1867)

* Den hatt er bauen lassen lang, hoch und weit,
 Weil ihn so viel der Recken besuchten jederzeit
 Auch ander Ingesinde, zwölf reiche Könige hehr,
 Und viel der werten Degen hatt er zu allen Zeiten mehr (1868)

* Als sie gewann ein König, davon ich noch vernahm.
 Er lebte so mit Freunden und Mannen ohne Gram:
 Turnei und Ritterspiele hatte der König gut
 Durch manchen schnellen Degen; drum stand wohl hoch ihm der Mut.
 (1869)

30. Abenteuer

Wie Hagen und Volker Schildwacht standen

Der Tag war zu Ende, nun kam heran die Nacht:
 Den reisemüden Recken war Sorge nun erwacht,
 Wo sie ruhen sollten und in ihr Bette gehn.
 Darüber fragte Hagen: Bescheid ist ihnen geschehn. (1870)

Gunther sprach zum Wirte: “Gott lass euch wohlgedeihn:
 Wir wollen schlafen gehen, mag es mit Urlaub sein.
 Wenn ihr gebietet, kommen wir wieder morgen fruh.”
 Der Wirt entließ die Gäste wohlgemut zu ihrer Ruh. (1871)

Von allen Seiten drängen man die Gäste sah;
 Volker der Kühne sprach zu den Heunen da:
 “Wie dürfet ihr uns Recken vor die Füße gehn?
 Und wollt ihr das nicht meiden, so wird euch übel geschehn. (1872)

“So schlag ich dem und jenem so schweren Geigenschlag,
Hat er einen Treuen, dass ders beweinen mag.
Nun weicht vor uns Recken, fürwahr, mich dünkt es gut:
Es heißen alle Degen und haben doch nicht gleichen Mut.” (1873)

Als in solchem Zorne sprach der Fiedeler,
Sah der kühne Hagen über die Achsel her;
Er sprach: “Euch rät zum Heile der kühne Fiedelmann:
Geht zu den Herbergen, ihr in der Kriemhilde Bann. (1874)

Wonach euch hier gelüstet, es fügt sich nicht dazu:
Wollt ihr was beginnen, so kommt uns morgen früh,
Und lasst uns Reisemüde heut der Ruhe pflegen:
Es geschieht wohl nimmer so willig mehr von einem Degen.” (1875)

Da brachte man die Gäste in einen weiten Saal.
Da fanden sie bereit den Recken allzumal
Manches reiche Bette, lang genug und breit.
Gern schüf ihnen Kriemhild das allergrößte Leid. (1876)

Manche schmucke Decke von Arras da lag
Aus lichthellem Zeuche, und manches Überdach
Aus arabischer Seide, so gut sie mochte sein;
Darüber lagen Leisten, die gaben herrlichen Schein. (1877)

Viel Bettlaken fand man von Hermelin gemacht
Und von schwarzem Zobel, worunter sie die Nacht
Sich Ruhe schaffen sollten bis an den lichten Tag.
Ein Fürst mit seinem Volke wohl nimmer herrlicher lag. (1878)

“O weh der Herberge!”, sprach Geiselher das Kind,
“Und weh meiner Freunde, die mit uns kommen sind.
Wie gut es meine Schwester mir auch hier erbot,
Wir gewinnen, fürcht ich, alle von ihrem Hasse den Tod.” (1879)

“Nun lasst eure Sorge,” sprach Hagen der Degen,
“Ich will heute selber der Schildwache pflegen
Und will euch wohl behüten bis an den lichten Tag:
Seid drum ohne Sorgen: Und mag es wenden, wer da mag.” (1880)

Da neigten sich ihm alle und sagten ihm den Dank.
Sie gingen zu den Betten. Da währt' es nicht lang
Bis in Ruhe lagen die Helden wohlgetan.
Hagen der Kühne sich rasch zu waffnen begann. (1881)

Da sprach der Fiedelspieler, Volker der Degen:
“Verschmählt ihr nicht, Hagen, so will ich mit euch pflegen
Heunt der Schildwache bis an den lichten Tag.”
Da dankte Volkern der Degen gütlich und sprach: (1882)

“Nun lohn euch Gott vom Himmel, lieber Volker,
Zu allen meinen Sorgen wünsch ich niemand mehr
Als nur euch alleine, befahr ich irgend Not:
Ich will es wohl vergelten, es verhüt es denn der Tod.” (1883)

Da warfen sich die beiden in ihr licht Gewand.
Da fasste jedweder den Schild an seine Hand:
Sie gingen aus dem Hause vor die Türe stehn
Und hüteten der Gäste; das ist mit Treue geschehn. (1884)

Volker der Schnelle legte von der Hand
Seinen Schild den guten an des Saales Wand:
Dann wandt er sich zurücke, wo seine Fiedel war
Und diente seinen Freunden: Das ziemt ihm trefflich fürwahr. (1885)

Er saß auf einem Steine unter des Hauses Tor.
So kühnen Fiedelspieler sah man nie zuvor:
Als der Saiten Tönen ihm so süß erklang,
Die stolzen Heimatlosen, die sagten des Volkern Dank. (1886)

Da klangen seine Saiten, dass all das Haus erscholl.
Seine Kraft uns sein Geschicke, die waren beide voll:
Süßer immer süßer zu geigen er begann;
So spielt' er in den Schlummer gar manchen sorgenden Mann. (1887)

Da sie entschlafen waren und Volker das befand,
Da nahm der Degen wieder den Schild an die Hand
Und ging aus dem Hause vor die Türe stehn,
Die Gäste zu bewahren vor denen in Kriemhildens Lehn. (1888)

Nach dem ersten Schlafe, wenn es erst da geschah,
Volker der kühne Helme glänzen sah
Fernher durch das Dunkel: Die in Kriemhilds Bann
Hätten an den Gästen gerne Schaden getan. (1889)

* Bevor da Kriemhilde die Recken abgesandt,
Sprach sie: "Wenn ihr sie findet, so seid um Gott ermahnt,
Dass ihr niemand tötet als den einen Mann,
Hagen den Ungetreuen: Die andern rühret nicht an." (1890)

Da sprach der Fiedelspieler: "Freund Hagen, höret mich,
Wir tragen diese Sorge selbender ritterlich.
Ich sehe Volk in Waffen vor dem Hause stehn:
So viel ich mag erkennen, so wollen sie uns hier bestehn." (1891)

"So schweiget," sprach da Hagen, "erwarten wir sie hier.
Eh sie uns gewahren wird ihrer Helme Zier
Zerschroten mit den Schwertern von unser beider Hand:
Sie werden Kriemhilden übel wieder heimgesandt." (1892)

Der Heunenrecken einer das gar bald ersah,
Die Türe sei behütet: Wie balde sprach er da:
"Was wir im Sinne hatten kann nun nicht geschehn:
Ich seh den Fiedelspieler vor dem Hause Schildwacht stehn. (1893)

Der trägt auf dem Haupte einen Helm von lichtem Glanz.
Der ist hart und lauter, stark dazu und ganz;
Ihm glühn die Panzerringe wie das Feuer tut.

Daneben steht auch Hagen: Die hüten wohl der Gäste gut.” (1894)

Da wandten sie sich wieder. Als Volker das ersah,
Zu seinem Heergesellen zornig sprach er da:
“Nun lasst mich von dem Hause zu den Recken gehn:
So frag ich um die Märe die in der Kriemhilde Lehn.” (1895)

“Nicht doch, wenn ihr mich liebet,” sprach Hagen dagegen,
“Wenn ihr das Haus verließet, diese schnellen Degen
Brächten euch mit Schwertern leicht in solche Not,
Dass ich euch helfen müsste, wärs aller meiner Freunde Tod.” (1896)

“Wenn wir dann beide gerieten in den Streit,
So drängen ihrer viele oder vier in kurzer Zeit
Leichtlich zu dem Hause und schüfen solche Not
An den Schlafenden drinnen, dass wir bereuten bis zum Tod.” (1897)

Da sprach wieder Volker: So lasst es nur geschehn,
Dass sie inne werden, wir haben sie gesehn:
So können uns nicht leugnen die in Kriemhilds Bann,
Dass sie an den Gästen gern untreu hätten getan.” (1898)

Da rief ihnen Volker entgegen gleich zur Hand:
“Was geht ihr so gewaffnet, ihr Degen auserkannt?
Wollt ihr morden reiten, ihr in Kriemhilds Bann?
So nehmt mich zur Hilfe und meinen Heergesellen an.” (1899)

Niemand gab Antwort; zornig war sein Mut:
“Pfui, ihr verzagten Wichter,” so sprach der Degen gut;
“Im Schlaf uns zu ermorden, schlicht ihr dazu heran?
Das ward so guten Helden bisher noch selten getan.” (1900)

Da ward auch die Märe der Königin bekannt
Vom Abzug ihrer Boten: Wie schwer sie das empfand!
Da fügte sie es anders; gar grimmig war ihr Mut.
Das mussten bald entgelten viel der Helden kühn und gut. (1901)

31. Abenteuer

Wie die Herren zur Kirche gingen

“Mir wird so kühl im Harnisch,” sprach der Fiedeler,
“Als ob die Nacht nicht länger wahren wolle mehr:
Ich fühl es an den Lüften, es ist nicht weit vom Tag.”
Da weckten sie gar manchen, der da im Schläfe noch lag (1902)

Da schien der lichte Morgen den Gästen in den Saal.
Hagen begann zu fragen die Ritter allzumal,
Ob sie zu dem Münster zur Messe wollten gehn?
Nach Site bei den Christen erscholl der Glocken Getön. (1903)

Der Gesang war ungleich; kein Wunder mocht es sein,
Dass Christen mit Heiden nicht stimmen überein.
Da wollten zu der Kirche die in Gunthers Lehn:
Man sah sie von den Betten all zumal da erstehn. (1904)

Da schnürten sich die Recken in also gut Gewand,
Dass wohl niemals Helden in eines Königs Land
Bessere Kleider brachten Hagen war es leid:
Er sprach: "Ihr tötet besser und trüget Kleider zum Streit. (1905)

Nun ist euch zur Genüge die Märe wohl bekannt:
Drum traget statt der Rosen die Waffen an der Hand;
Statt wohl gesteinter Hüte die lichten Helme gut,
Da wir so wohl erkennen der argen Kriemhilde Mut. (1906)

Wir müssen heute streiten, das will ich euch sagen.
Statt seidner Hemden sollt ihr Halsbergen tragen;
Statt der reichen Mäntel die guten Schilde breit,
Wenn jemand mit euch zürnet, dass ihr in der Wehr seid. (1907)

Meine lieben Herren, ihr Freunde wie mein Bann,
Geht nun zu dem Münster williglich heran
Und klaget Gott dem reichen eure Sorg und Not;
Denn wisset unbezweifelt, es naht uns allen der Tod. (1908)

Ihr sollt auch nicht vergessen was von euch geschah,
Und steht andächtig Herzens vor euerm Gotte da.
Daran will ich euch mahnen, ihr guten Recken hehr;
Es wend' es Gott denn anders, so hört ihr keine Messe mehr." (1909)

Sie gingen zu dem Münster die Fürsten wie ihr Lehn.
Auf dem heiligen Friedhof, da hieß sie stille stehn
Hagen der kühne, damit man sie nicht schied.
Er sprach: "Noch weiß ja niemand, was von den Heunen geschieht.
(1910)

"Legt, meine Freunde, die Schilde vor den Fuß
Und lohnt es, heut euch jemand feindlichen Gruß,
Mit tiefen Todeswunden; das ist was Hagen rät:
So werdet ihr befunden wies euch am Löblichsten steht." (1911)

Volker und Hagen, die beiden gingen dann
Vor das weite Münster. Das ward darum getan,
Weil sie schauen wollten, ob sich die Königin hehr
Mit ihnen drängen müsse: Sie zürnten ihr beide sehr. (1912)

Da kam der Wirt des Landes und auch sein schönes Weib;
Mit reichem Gewande geziert war ihr Leib.
Manchen schnellen Degen sah man mit ihm fahren;
Da flog der Staub zur Höhe von der Kriemhilde Scharen. (1913)

Als der reiche König so wohl gewaffnet sah
Die Könige nebst dem Volke, wie balde sprach er da:
"Was seh ich meine Freunde unter Helmen gehn?"

Leid wär mir meiner Treue, wär ihnen Leid hier geschehn. (1914)

Das wollt ich ihnen büßen, wie es sie däuchte gut.
Wenn ihnen wer beschwerte das Herz und auch den Mut,
So lass ich sie wohl schauen mir sei es wahrlich leid:
Was sie gebieten mögen, dazu bin ich gern bereit.” (1915)

Zur Antwort gab ihm Hagen: “Uns ist kein Leid geschehn.
Es ist der Herren Sitte, dass sie gewaffnet gehn
Bei Hofgelagen immer zu dreien vollen Tagen.
Was uns hier geschähe, wir würden es Etzeln klagen.” (1916)

Wohl hörte Kriemhilde Hagens Rede da.
Wie feindlich sie dem Degen unter die Augen sah!
Sie wollte doch nicht melden den Brauch in ihrem Land,
So lang sie den auch hatte bei den Burgonden gekannt. (1917)

Wie grimm und stark sie ihnen entgegen wäre,
Hätte jemand Etzeln gesagt die Märe,
Er hätt es wohl gewendet, was nun doch geschah:
In hohem Übermute verschwiegen sie es alle da. (1918)

Da schritt mit vielem Volke die Köngin nach der Tür:
Da wollten diese beide nicht weichen von ihr
Zweier Hände Breite: Das war den Heunen leid.
Da musste sie sich drängen mit den Helden allbereit. (1919)

Etzels Kämmerlinge, die däuchte das nicht gut:
Da hätten sie den Recken gern erzürnt den Mut,
Wenn sie gedurft hätten vor dem König hehr.
Da gab es groß Gedränge und doch nichts anderes mehr. (1920)

Als nach dem Gottesdienste man heim zu ziehn begann,
Da kam gar bald geritten mancher Heunenmann.
Da war bei Kriemhilden manche schöne Maid:
Wohl siebentausend Degen gaben der Köngin Geleit, (1921)

Kriemhild mit ihren Frauen in den Fenstern saß
Bei Etzeln dem reichen; gerne sah er das.
Sie wollten reiten sehen die Helden auserkannt:
Hei! Was man fremder Recken vor ihnen auf dem Hofe fand! (1922)

Da war auch mit den Knechten der Marschall gekommen:
Der kühne Dankwart hatte zu sich genommen
Seines Herrn Gesinde von Burgondenland:
Die Rosse man gesattelt von kühnen Niblungen fand. (1923)

Als zu Rosse kamen die Fürsten und ihr Bann,
Volker der starke hub zu raten an,
Sie sollten buhurdieren nach ihres Landes Sitten.
Da wurde von den Helden bald gar herrlich geritten. (1924)

Was der Held geraten, niemanden des verdross.
Das Kampfspiel und das Schallen wurden beide groß.

Zu dem weiten Hofe kam da mancher Mann;
Etzel und Kriemhilde, die schauten alles mit an. (1925)

Auf den Buhurd kamen sechshundert Degen,
Dietrichens Recken, den Gästen entgegen.
Mit den Burgonden wollten sie sich im Spiel ergehen;
Hätt es ihr Herr vergönnet, so wär es gerne geschehn. (1926)

Hei! Was gute Degen ritten da heran!
Dieterich dem Herren ward es kund getan.
Mit Gunthers Ingesinde das Spiel er ihnen verbot:
Er schonte seiner Leute; das tat ihm sicherlich Not. (1927)

Als vom Platze schieden die dem Berner untertan,
Kamen von Bechlaren die im Rüdgers Bann,
Fünfhundert unter Schilden, vor den Saal geritten;
Leid wars dem Markgrafen; er hätt es gern nicht gelitten. (1928)

Da ritt der Degen weislich zu ihnen durch die Schar
Und sagte seinen Degen: Sie würden wohl gewahr,
Dass im Unmut wären die in Gunthers Bann:
Wenn sie das Wettspiel ließen, so sei ihm Liebes getan. (1929)

Als von ihnen schieden die Helden unverzagt,
Die Thüringer kamen, wie man uns hat gesagt,
Und vom Dänenlande wohl tausend kühner Degen:
Von Stichen sah man fliegen viel der Splitter allerwegen. (1930)

Irnfried und Hawart in das Kampfspiel ritten:
Ihrer harrten die vom Rheine mit hochfährtgen Sitten.
Sie tjosteten mit denen von Thüringerland:
Durchbohrt von Stichen wurde mancher schöne Schildesrand. (1931)

Da kam der Degen Blödel, dreitausend in der Schar.
Etzel und Kriemhilde nahmen sein wohl wahr,
Weil vor ihnen beiden das Ritterspiel geschah.
Die Königin es gerne aus Hass zu den Burgonden sah. (1932)

* Sie gedacht in ihrem Sinne, wie es schier auch wär geschehn:
“Täten sie wem Leides, so dürft ich mich versehn,
Dass es zum Ernste käme: An den Feinden mein
Würd ich dann gerochen, des wollt ich ohne Sorge sein.” (1933)

Schrutan und Gibeke auf den Buhurd ritten,
Ramung und Hornbog, nach heunischen Sitten.
Sie hielten vor den Helden aus Burgondenland:
Da flogen auf die Schäfte hoch über des Saales Wand. (1934)

* Wie da die andern ritten, das war nur eitler Schall.
Von Stößen auf die Schilde den Pallas und den Saal
Hörte man ertosen durch die in Gunthers Bann.
Das Lob sich sein Gesinde mit großen Ehren gewann. (1935)

Da ward die Kurzweile so mächtig und so groß.

Dass den Satteldecken der blanke Schweiß entfloss
Von den guten Rossen, so die Helden ritten:
Sie versuchten an den Heunen sich mit hochfährigen Sitten. (1936)

Da sprach der kühne Volker, der edle Fiedelmann:
“Zu zag sind diese Degen, sie greifen uns nicht an.
Ich hörte immer sagen, sie hassten uns so sehr:
Nun wär die Zeit gelegen, es fügt sich ihnen so nicht mehr.” (1937)

“Wieder zu den Ställen,” sprach da Volker,
“Ziehe man die Rosse; wir reiten wohl noch mehr
In den Abendstunden, kommt dazu die Zeit:
Ob dann wohl den Burgonden den Preis die Königin beut?” (1938)

Da sahn sie einen reiten so zierlich daher,
Wie im Heunenlande wohl kein anderer mehr:
Vielleicht in den Zeiten hatt er ein Liebchen traut:
Er ritt so schmuck gekleidet als eines edeln Ritters Braut. (1939)

Da sprach wieder Volker: “Wie blieb das ungetan?
Jener Frauenliebbling muss einen Stoß empfahn.
Das mag hier niemand wenden, es geht ihm an den Leib:
Nicht frag ich, ob drum zürne dem König Etzel sein Weib.” (1940)

“Nicht doch! Bei meiner Liebe,” der König gleich begann,
“Man wird uns darum tadeln, greifen wir sie an:
Die Heunen lasst beginnen, es kommt wohl noch dahin.”
Noch saß König Etzel am Fenster bei der Königin. (1941)

Ich will das Kampfspiel mehren,” sprach Hagen dagegen,
“Lasst die Frauen sehen und alle diese Degen
Wie wir reiten können; das ist wohlgetan:
Man gibt doch wenig Lobes den Recken hier in Gunthers Bann.”
(1942)

Volker der Schnelle ritt wieder in den Streit.
Da schuf er mancher Fraue großes Herzeleid:
Er stach dem reichen Heunen der Speer durch den Leib:
Das sah man bald beweinen manche Maid und manches Weib. (1943)

Da kam in großer Eile Hagen mit seinem Bann:
Mit sechzig seiner Degen zu reiten hub er an
Zu dem Fiedelspieler hin wo das Spiel geschah;
Etzel mit Kriemhilden das alles wohl übersah. (1944)

Da ließen die drei Könige den kühnen Fiedler gut
Unter seinen Feinden nicht länger ohne Hut.
Da ward von tausend Helden mit großer Kunst geritten;
Sie taten was sie lüstete mit gar hochfährigen Sitten. (1945)

Als der reiche Heune zu Tode war geschlagen,
Vernahm man seiner Freunde Wehruf und Klagen.
Da fragte das Gesinde: “Wer hat das getan?”
Man sprach: “Das tat der Fiedler, Volker der kühne Spielmann.” (1946)

Nach Schwertern und nach Schilden riefen gleich zur Hand
Des Markgrafen Freunde von der Heunen Land.
Zu Tode schlagen wollten sie da den Fiedelmann;
Der Wirt von seinem Fenster daher zu eilen begann. (1947)

Da hob sich von den Heunen Lärm und lauter Schall.
Abstiegen mit dem Volke die Könige vor dem Saal;
Zurück die Rosse stießen die in Gunthers Bann.
Da kam der König Etzel den Streit zu schlichten heran. (1948)

Einem Vetter dieses Heunen, den er bei ihm fand,
Eine scharfe Waffe riss er dem aus der Hand
Und schlug sie all zurücke; er war in großem Zorn:
“Wie hätt ich meine Dienste an diesen Helden verlorn, (1949)

Wenn mir erschlagen wäre dieser Fiedelmann,”
Sprach der König Etzel, “ihr hättet missgetan.
Als er erstach den Heunen, sein Reiten wohl ich sah,
Dass es durch ein Straucheln ohne seine Schuld geschah. (1950)

Ihr sollt meine Gäste mit Frieden lassen ziehn.”
So ward er ihr Geleite. Die Rosse zog man hin
Zu den Herbergen; sie hatten manchen Knecht,
Der den Degen fleißiglich zu allen Diensten ward gerecht. (1951)

Der Wirt mit seinen Freunden ging zum Saal zurück;
Da regte sich kein Zürnen mehr von seinem Blick.
Man richtete die Tische, das Wasser man auch trug:
Da hatten die vom Rheine der starken Feinde genug. (1952)

* Unlieb war es Etzeln, doch folgte manche Schar
Den Fürsten, die mit Waffen wohl versehen war,
Im Unmut auf die Gäste, als man zu Tische ging,
Den Freund bedacht zu rächen, wenn es günstigste Zeit verhing. (1953)

* “Dass ihr in Waffen lieber zu Tische geht als bloß,”
Sprach der Wirt des Landes, “die Unart ist zu groß:
“Wer aber an den Gästen den kleinsten Frevel wagt,
Es kostet ihm das Leben: Das sei euch Heunen gesagt.” (1954)

Bevor sie niedersaßen, die Herrn, das währte lang,
Weil zu sehr mit Sorgen Frau Kriemhilde rang.
Sie sprach: “Fürst von Berne, heute muss ich flehn
Bei dir um rat und Hilfe; meine Sachen ängstlich stehn.” (1955)

Zur Antwort gab ihr Hildebrand, ein Recke lobenswert:
“Wer schlägt die Nibelungen, dem lieh ich nicht mein Schwert:
Um aller Schätze willen; es wird ihm wahrlich leid:
Sie sind noch unbezwungen, die schnellen Ritter allbereit.” (1956)

* “Ich rede nur von Hagen; der hat mir leid getan:
Er erschlug Siegfrieden, meinen lieben Mann.
Wer den von ihnen schiede, dem wär mein Gold bereit;

Entgält es anders jemand, das wär mir inniglich leid.” (1957)

* Da sprach Meister Hildebrand: “Wie möchte das geschehn,
Den ihnen zu erschlagen? Ihr solltets selber sehn:
Bestünde man den Degen, so gäb es eine Not,
Dass Arme so wie Reiche dabei erwürben den Tod.” (1958)

Da sprach wohl gezogen dazu Herr Dieterich:
“Verschont, reiche Königin, mit solchen Reden mich:
Mir ist von euern Freunden kein solches Leid geschehn,
Dass ich die kühnen Degen im Streit sollte bestehn. (1959)

“Die Bitte ehrt euch wenig, viel edel Fürstenweib,
Dass ihr verraten möchtet eurer Freunde Leid.
Sie kamen euch auf Gnade hierher in dieses Land:
Siegfried bleibt ungerochen wohl von Dietrichens Hand.” (1960)

Als sie keine Untreu bei dem Berner fand,
Versprach sie unsäumig in Degen Blödels Hand
Eine weite Landschaft, die Nudung einst besaß:
Später schlug ihn Dankwart, dass er der Gabe gar vergaß. (1961)

Sie sprach: “Du sollst mir helfen, mein Bruder Blödelein.
Es sind in diesem Hause die große Feinde mein,
Sie Siegfrieden schlugen, meinen lieben Mann:
Wer mir das rächen hülfe, dem wär ich immer untertän.” (1962)

Zur Antwort gab ihr Blödel: “Fraue, wisset das,
Ich darf an euern Freunden nicht üben meinen Hass,
Weil sie mein Bruder Etzel so gerne sehen mag:
Tät ich ihnen Leides, der König trüg mirs immer nach.” (1963)

“Nicht doch, Degen Blödel, ich bin dir immer hold:
Ich gebe dir zum Lohne mein Silber und mein Gold
Und eine schöne Fraue, Nudungens Weib:
So magst du immer kosen ihren minniglichen Leib. (1964)

Das Land samt den Burgen will ich dir alles geben:
So magst du, edler Ritter, mit Freuden immer leben,
Wenn du das Land gewinnest, das Nudung einst besaß;
Was ich dir jetzt gelobe, mit Treue leist ich dir das.” (1965)

Als der Herre Blödel vernommen von dem Sold,
Und ihm durch ihre Schöne gefiel die Fraue hold,
Wollt er im Kampf verdienen das minnigliche Weib.
Darob verlieren musste der Degen Leben und Leib. (1966)

Da sprach er zu der Königin: “Geht wieder in den Saal.
Eh man es inne werde, erheb ich großen Schall;
Hagen muss es büßen was er euch hat getan:
Ich bring euch gebunden König Gunthers Untertän.” (1967)

“Nun waffnet euch,” sprach Blödel, “ihr all in meinem Lehn,
Lasst uns zu den Feinden in die Herberge gehn.

Mir will es nicht erlassen König Etzels Weib:
Wir Helden müssen alle verwagen Leben und Leib.” (1968)

Als den Degen Blödel entließ die Königin,
Dass er den Streit beginne, ging sie zu Tische hin
Mit Etzeln dem Könige und mit seinem Bann:
Sie hatte schlimme Räte wider die Gäste getan. (1969)

* Wie sie zu Tische gingen, das will ich euch sagen:
Man sah reiche Könige ihr vor die Krone tragen;
Manchen hohen Fürsten und viel der werten Degen
Sah man hehrer Sitte vor der Königin pflegen. (1970)

* Der König wies den Gästen die Sitze überall,
Den Höchsten und den Besten neben sich im Saal.
Den Christen und den Heiden die Kost er unterschied;
Man gab die Fülle beiden, wie es der weise König riet. (1971)

* In den Herbergen aßen die Knecht in Gunthers Bann.
Truchsesse wies man sie zu verpflegen an:
Die hatten sie zu speisen großen Fleiß gepflogen.
Die Bewirtung und die Freude ward bald mit Jammer aufgewogen.
(1972)

Als nichts anders mochte begonnen sein der Streit,
(In ihrem Herzen begraben war Kriemhilds altes Leid;
Da hieß sie zu den Tischen tragen Etzels Sohn:
Wie konnt ein Weib aus Rache wohl jemals freislicher tun? (1973)

Von Etzels Leuten kamen viere gleich daher
Und brachten Ortlieben, den jungen König hehr,
An den Tisch der Fürsten, wo auch Hagen saß:
Das Kind must ersterben durch seinen mordlichen Hass. (1974)

Als der reiche König seinen Sohn ersah,
Zu seiner Frauen Brüdern gütlich sprach er da:
“Schauet, meine Freunde, das ist mein einzig Kind,
Und das eurer Schwester; das sei euch allen hold gesinnt. (1975)

“Gerät er nach dem Stamme, er wird ein kühner Mann,
Reich und voll Adel, stark und wohlgetan.
Erleb ich es, ich geb ihm zwölf reicher Könige Land,
So tut euch wohl noch Dienste des jungen Ortliebes Hand. (1976)

“Darum will ich euch bitten, lieben Freunde mein,
Wenn ihr nach Hause wieder reitet an den Rhein,
Dass ihr mit euch nehmet eurer Schwester Kind;
Und seid auch dem Knaben immer gnädiglich gesinnt: (1977)

“Erzieht ihn nach Ehren bis er gerät zum Mann:
Hat euch in euerm Lande jemand ein Leid getan,
So hilft er euch es rächen, erwuchs ihm erst der Leib.”
Die Rede hörte Kriemhild wohl, des König Etzels Weib. (1978)

“Ihm sollten wohl vertrauen alle diese Degen,
Wenn er zum Mann erwüchse,” sprach Hagen dagegen;
“Doch ist der junge König so schwächlich anzusehn:
Man wird mich selten schauen nach Hof zu Ortlieben gehn.” (1979)

Der König blickt' auf Hagen; die Rede war ihm leid.
Wenn er auch nichts entgegnete, der König allbereit,
Es schmerzt' ihn in der Seele und trübte seinen Mut.
Da waren Hagens Sinne zu keiner Kurzweile gut. (1980)

Es schmerzte wie den König sein fürstlich Ingesind
Was Hagen da gesprochen hatte von dem Kind.
Dass sie's vertragen sollten, ging ihnen allen nah;
Noch konnten sie nicht wissen, was von dem Recken bald geschah.
(1981)

* Gar manche, die es hörten und die ihm trugen Groll,
Hätten ihn gern bestanden; der König selber wohl,
Wenn er mit Ehren durfte, so käm der Held in Not.
Bald tat ihm Hagen Ärgeres, er schlug ihn vor seinen Augen tot. (1982)

32. Abenteuer Wie Blödel erschlagen ward

Blödels Recken standen gerüstet allzumal.
In tausend Halsbergen ereilten sie den Saal,
Wo Dankwart mit den Knechten an den Tischen saß:
Da hob sich unter Helden der allergrößte Hass. (1983)

Als der Degen Blödel zu den Tischen ging,
Dankwart der Marschall mit Gruß ihn wohl empfing;
“Willkommen hier im Hause, mein Herre Blödelein;
Mich wundert euer Kommen: Sagt, was soll die Märe sein?” (1984)

“Heiß mich nicht willkommen,” sprach da Blödelein;
“Denn dieses mein Kommen, das soll dein Ende sein
Um Hagen deinen Bruder, der Siegfrieden schlug:
Das entgiltst du bei den Heunen und andre Degen genug.” (1985)

“Nicht doch, Degen Blödel,” sprach da Dankwart,
“So möchte bald uns reuen zu Hofe diese Fahrt.
Ich war ein Kind, als Siegfried Leben ließ und Leib:
Nicht weiß ich was mir wolle dem König Etzel sein Weib.” (1986)

“Ich weiß dir von der Märe weiter nichts zu sagen;
Es tatens deine Freunde, Gunther und Hagen.
Nun wehrt euch, ihr Armen, ihr könnt nicht länger leben;
Ihr müsst mit dem Tode ein Pfand hier Kriemhilden geben.” (1987)

“Lasst ihrs nicht unterbleiben,” sprach da Dankwart,

“So gereut mich meines Flehens: Hätt ich das gespart!”
Der schnelle kühne Degen von dem Tische sprang:
Er zog eine Waffe, die war gewaltig und lang. (1988)

Damit schlug er Blödeln einen schwinden Schwertesschlag,
Dass ihm das Haupt zur Stelle vor den Füßen lag.
“Das sei die Morgengabe,” sprach Dankwart der Degen,
“Zu Nudungens Witwe, der du mit Minne wolltest pflegen. (1989)

Vermähle man sie morgen einen andern Mann:
Will er den Lohn erwerben, wird ihm wie dir getan.”
Ein vielgetreuer Heune hatt ihm das gesagt,
Wie die Königstochter ihr großes Leid ihm geklagt. (1990)

Da sahen Blödels Leute, ihr Herr sei erschlagen;
Sie wollten von den Gästen das länger nicht ertragen:
Mit aufgehobnen Schwertern drang auf sie ein
Das Volk in grimmem Mute; das musste manchen gereun. (1991)

Laut rief da Dankwart sein Heergesinde an:
“Ihr seht wohl, edle Knechte, es ist um uns getan:
Nun wehrt euch, ihr Armen; fürwahr, das tut uns Not,
Damit ihr ohne Schanden erliegt in wehrlichem Tod.” (1992)

Die keine Schwerter hatten, die griffen nach der Bank,
Und hoben von den Füßen manchen Schemel lang;
Die Burgondenknechte wollten nichts ertragen:
Da ward mit schweren Stühlen gar manche Beute geschlagen. (1993)

Wie grimm die Heimatlosen sich wehrten in dem Strauß!
Sie trieben zu dem Hause die Gewaffneten hinaus:
Fünfhundert oder drüber erlagen drin den Tod.
Da war das Heergesinde vom Blute nass und auch rot. (1994)

Diese schlimme Botschaft drang in kurzer Zeit
Zu Königs Etzels Recken (ihnen war es grimmig leid),
Dass erschlagen liege Blödel und sein Bann:
Das hatte Hagens Bruder mit seinen Knechten getan. (1995)

Eh es der König hörte stand schon ein Heunenheer
In seinem Zorn gerüstet, zweitausend oder mehr:
Sie gingen zu den Knechten, wohl musst es also sein,
Und ließen des Gesindes nicht einen länger gedeihn. (1996)

Die Ungetreuen brachten vor das Haus ein mächtig Heer:
Die heimatlosen Knechte standen wohl zur Wehr.
Was half da Kraft und Kühnheit? Sie fanden doch den Tod.
Darauf nach kurzer Weile erhob sich schreckliche Not. (1997)

Nun mögt ihr Wunder hören von Ungeheuerm sagen:
Neuntausend Knechte, die lagen tot erschlagen,
Darüber zwölf Ritter in Dankwartens Lehn;
Man sah ihn ganz alleine unter seinen Feinden stehn. (1998)

Beschwichtigt war das Schallen, der Lärm war eingestellt,
Über die Achsel blickte Dankwart der Held:
Er sprach: "O weh der Freunde, die ich fallen sah!
Nun steh ich leider einsam unter meinen Feinden da." (1999)

Die Schwerter fielen heftig auf des einen Leib:
Das musste bald beweinen manches Helden Weib.
Den Schild rückt' er höher, den Riemen ließ er nieder:
Da färbt' er viel Harnische mit fließendem Blute wieder. (2000)

"O weh mir dieses Leides!", sprach Aldrianens Kind.
"Nun weicht, ihr Heunenreken und lasst mich an den Wind,
Dass die Lüfte kühlen mich sturmmüden Mann."
Da drang er auf die Türe unter Schlägen herrlich an. (2001)

Als der Streitmüde aus dem Hause sprang,
Wie manches Schwert von neuem auf seinem Helm erklang!
Die nicht gesehen hatten die Wunder seiner Hand,
Die sprangen da entgegen dem aus Burgondenland. (2002)

"Nun wollte Gott," sprach Dankwart, "dass mir ein Bote käm,
Durch den mein Bruder Hagen diese Mär vernähm,
Dass ich vor diesen Recken steh in solcher Not.
Der hülfe mir von hinnen oder fände mit den Tod." (2003)

Da sprachen die Heunen: "Der Bote musst du sein,
Wenn wir dich Toten tragen vor den Bruder dein:
Dann sieht sein erstes Herzeleid Gunthers Untertan.
Du hast den König Etsel hier großen Schaden getan." (2004)

Er sprach: "Nun lasst das Drohen und weichet desto mehr.
Wohl mach ich hier noch manchem den Panzer nass und schwer
Ich will die Märe selber hin zu Hofe tragen,
Und will auch meinen Herren meinen großen Kummer klagen." (2005)

Er machte sich so furchtbar dem Volk in Etzels Lehn,
Dass sie ihn mit Schwertern nicht wagten zu bestehn:
Sie schossen so viel Spieße in seinen Schildesrand,
Er musst ihn seiner Schwere wegen lassen aus der Hand. (2006)

Sie wähten ihn zu zwingen, weil er den Schild nicht trug,
Hei, was er tiefer Wunden durch die Helme schlug!
Da musste vor ihm straucheln mancher kühne Mann,
Dass sich viel hohen Lobes der kühne Dankwart gewann. (2007)

Von beiden Seiten sprangen die Gegner auf ihn zu;
Wohl kamen ihrer manche in den Streit zu früh
Da ging er vor den Feinden her, wie ein Eberschwein
Im Walde tut vor Hunden: Wie mocht er wohl kühner sein? (2008)

Sein Weg ward immer wieder genässt mit heißem Blut:
Konnte je alleine ein Recke wohl so gut
Mit seinen Feinden streiten, als der Held getan?
Da schritt Hagens Bruder nach Hofe herrlich heran. (2009)

Die Truchsess und die Schenken vernahmen Schwerterklang:
 Gar mancher die Getränke aus den Händen schwang,
 Oder auch die Speisen, die man zu Hofe trug:
 Da fand er vor der Stiege der starken Feinde genug. (2010)

“Wie nun, ihr Truchsesse?“, sprach der müde Degen,
 “Nun solltet ihr die Gäste fleißiglich verpflegen,
 Und solltet zu den Tischen die gute Speise tragen
 Und liebet mich die Märe meinen lieben Herren sagen.” (2011)

Wer da den Mut gewonnen und vor die Stieg ihm sprang,
 Deren schlug er manchen so schweren Schwertesschwang,
 Dass ihm aus Schreck die andern ließen freie Bahn:
 Da hatten seien Kräfte viel große Wunder getan. (2012)

33. Abenteuer

Wie die Burgonden mit den Heunen stritten

Als der kühne Dankwart unter die Türe trat
 Und Etzels Ingesinde zurückzuweichen bat,
 Da war mit Blut beronnen all sein Rüstgewand;
 Eine scharfe Waffe trug er bloß an seiner Hand. (2013)

* Gerade zu der Stunde als Dankwart trat zur Tür,
 Trug man Ortlieben im Saale für und für
 Von einem Tisch zum andern den Fürsten wohlgeboren:
 Durch seine schlimme Botschaft ging das Kindlein verloren. (2014)

Hellauf rief da Dankwart einem Degen zu:
 “Ihr sitzt allzu lange, Bruder Hagen, in Ruh;
 Euch und Gott vom Himmel klag ich unsre Not;
 Ritter und Gesinde sind in der Herberge tot.” (2015)

Da rief ihm der entgegen: “Wer hat das getan?”
 “Das hat der Degen Blödel mit seinem Heeresbann.
 Auch hat ers schwer vergolten, das will ich euch sagen:
 Mit diesen Händen hab ich ihm sein Haupt abgeschlagen.” (2016)

“Der Schaden ist geringe,” sprach Hagen dagegen,
 “Wenn man solche Märe sagt von einem Degen,
 Dass er von Reckenhänden zu Tode sei geschlagen:
 Den sollen desto minder die schönen Frauen beklagen. (2017)

“Nun sagt mir, Bruder Dankwart, wie seid ihr so rot?
 Ich glaube schier, ihr leidet von Wunden große Not:
 Ist einer in dem Lande, von dem euch das geschehn?
 Der üble Teufel helfe dem: Es muss ihm an sein Leben gehn.” (2018)

“Noch bin ich unverwundet: Mein Kleid ist nass von Blut;

Das floss nur aus Wunden anderer Degen gut,
Deren ich so manchen heute hab erschlagen,
Wenn ichs beschwören sollte, die Zahl nicht wüsst ich zu sagen.”
(2019)

Da sprach er: “Bruder Dankwart, so hütet uns der Tür
Und lasst von den Heunen nicht einen Mann herfür:
So red ich mit den Recken wie uns zwingt die Not:
Unser Ingesinde litt unverdient durch sie den Tod.” (2020)

“Soll ich Kämrrer werden?”, sprach der kühne Mann,
“Bei so reichen Königen steht mir das Amt wohl an:
Der Stiege will ich hüten nach allen Ehren mein.”
Kriemhildens Recken konnte das nicht leider sein. (2021)

“Nun möcht ich doch wissen,” sprach wieder Hagen,
“Was die Heunendegen sich in die Ohren sagen:
Sie möchten sein entbehren, der hier die Tür bewacht,
Und der die Hofmären den Burgonden hat gebracht. (2022)

“Ich hörte schon lange von Kriemhilden sagen,
Dass sie nicht ungerochen ihr Herzleid wolle tragen;
Nun trinken wir die Minne und zahlen des Königs Wein:
Der junge Vogt der Heunen, der muss der allererste sein.” (2023)

Ortlieb das Kind erschlug da Hagen der Degen gut,
Dass ihm vom Schwerte nieder floss auf die Hand das Blut,
Und das Haupt herab sprang der Königin in den Schoss
Da hob sich unter Degen ein Morden grimmig und groß. (2024)

Er schlug dem Hofmeister, der des Kindes pflag,
Mit seinen beiden Händen einen schwinden Schwertesschlag,
Dass vor des Tisches Füße sein Haupt niederflog:
Es war ein übler Dienstlohn, den er dem Hofmeister wog. (2025)

Er sah vor Etzels Tische einen Fiedelmann:
Hagen in seinem Zorne schritt rasch zu ihm heran.
Er schlug ihm auf der Geige herab die rechte Hand:
“Das habe für die Botschaft in der Burgonden Land.” (2026)

“O weh meine Hände!”, hub da Werbel an,
“Herr Hagen von Tronje, was hab ich euch getan?
Ich kam in großer Treue in eurer Herren Land:
Wie kläng ich nun die Töne, da ich verloren die Hand?” (2027)

Hagen fragte wenig, geigt er auch nimmer mehr.
Da übt' er in dem Hause die grimme Mordlust sehr
An König Etzels Recken, deren er viel erschlug:
Da bracht er in dem Hause zu Tod der Recken genug. (2028)

Volker der Schnelle von dem Tische sprang,
Sein Fiedelbogen kräftig an seiner Hand erklang.
Da fiedelte gewaltig Gunthers Fiedelmann:
Hei! Was er sich zu Feinden der kühnen Heunen gewann! (2029)

Auch sprangen von den Tischen die drei Könige hehr.
Sie hofften es zu schlichten, eh Schadens würde mehr:
Doch strebten ihre Kräfte umsonst dawider an,
Da Volker mit Hagen so sehr zu wüten begann, (2030)

Da sah der Vogt vom Rheine, er scheidet nicht den Streit:
Da schlug der König selber manche Wunde weit
Durch die lichten Panzer den argen Feinden sein:
Er war ein schneller Degen, das ließ er offenbar sein. (2031)

Da kam auch zu dem Streite der starke Gernot:
Der schlug dem Heunenvolke manchen Helden tot
Mit dem scharfen Schwerte, das Rüdiger ihm gab;
Damit bracht er manchen von Etzels Recken ins Grab. (2032)

Der jüngste Sohn Utens auch zu dem Streite sprang,
Seine Waffe herrlich durch die Helme drang
König Etzels Recken aus dem Heunenland:
Da tat viel große Wunder des kühnen Geiselher Hand. (2033)

Wie kühn sie alle waren, die Fürsten und ihr Bann,
Dennoch sah man Volkern den andern all voran
Bei den starken Feinden; er war ein Degen gut:
Er förderte mit Willen manchen nieder in das Blut. (2034)

Auch wehrten sich gewaltig die in Etzels Lehn:
Man sah die Gäste fechtend auf und nieder gehn
Mit den lichten Schwertern durch des Königs Saal.
Da vernahm man allenthalben vom Wehruf mächtigen Schall. (2035)

Da wollten die da draußen zu ihren Freunden drin:
Sie fanden an der Stiege gar wenigen Gewinn;
Da wollten die da drinnen gerne vor die Tür:
Dankwart ließ keinen nicht hinein noch herfür. (2036)

Drum hob sich an der Pforte ein ungestümer Drang
Und von Schwerthieben auf Helmen lauter Klang.
Da kam der kühne Dankwart in eine große Not:
Sein Bruder trug da Sorge, wie ihm die Treue gebot. (2037)

Da rief mit lauter Stimme Hagen Volkern an;
“Seht ihr dort, Geselle, vor manchem Heunenmann
Meinen Bruder stehen unter starken Schlägen?
Freund! Schützt mir den Bruder, wir verlieren sonst den Degen.”
(2038)

Der Spielmann gab zur Antwort: “Wohl, es soll geschehn.”
Da begann er fiedelstreichend durch den Saal zu gehn:
Ein hartes Schwert nicht selten an seiner Hand erklang.
Vom Rhein die Recken sagten dafür ihm größlichen Dank. (2039)

Volker der kühne zu Dankwarten sprach:
“Ihr habt erlitten heute großes Ungemach!

Mich hat euer Bruder, ich soll euch helfen gehn:
Wollt ihr nun draußen bleiben, so will ich innerhalben stehn.” (2040)

Dankwart der schnelle stand außerhalb der Tür:
So wehrt' er von der Stiege wer immer trat dafür.
Man hörte Waffen hallen den Helden an der Hand:
So tat auch innerhalben Volker von Burgondenland. (2041)

Der kühne Spielmann rief ihm über die Menge zu:
“Der Saal ist wohl verschlossen, Freund Hagen, seid in Ruh:
Es ist so gut verschränket König Etzels Tür
Von zweier Helden Händen, die gehn wohl tausend Riegeln für.”
(2042)

Als von Tronje Hagen die Türe sah in Hut,
Den Schild warf auf den Rücken der erlauchte Degen gut;
Nun begann er erst zu rächen was ihm war geschehn.
Da durften seine Feinde sich des Lebens nicht versehn. (2043)

Als der Vogt von Berne das Wunder recht ersah,
Wie Hagen der Starke zerbrach die Helme da,
Der Amelungen König sprang auf eine Bank;
Er sprach: “Hier schenket Hagen den allersauersten Trank.” (2044)

Der Wirt war sehr in Sorgen, wie ihn zwang die Not;
Was schlug man lieber Freunde vor seinen Augen tot!
Er selbst war kaum geborgen vor seiner Feinde Schar:
Er saß in großen Ängsten: Was half ihm, dass er König war? (2045)

Kriemhilde die reiche rief Dietrichen zu:
“Hilf mir von der Stell, edler Ritter du,
Bei aller Fürsten Tugend aus Amelungenland;
Denn erreicht mich Hagen, hab ich den Tod an der Hand.” (2046)

“Wie soll ich euch helfen,” sprach Herr Dieterich,
“Edle Königstochter? Ich Sorge selbst um mich.
Es sind so sehr erzürnet die in Gunthers Bann,
Dass ich in dieser Stunde niemand wohl befrieden kann.” (2047)

“Nicht also, Herr Dietrich, edler Ritter gut:
Lass einmal heut erscheinen deinen tugendreichen Mut:
Bringe mich von hinnen, oder ich bleibe tot.
Hilf mir und dem König aus dieser angstvollen Not.” (2048)

“Ich will es versuchen ob euch zu helfen ist;
Doch sah ich wahrlich nimmer in langer Tage Frist
So bitterlich erzürnet manchen Ritter gut:
Ich sehe durch die Helme von Schwestern springen das Blut.” (2049)

Mit Kraft begann zu rufen der Ritter auserkorn,
Dass seine Stimme hallte wie ein Büffelhorn
Und dass die weite Veste schütterte von dem Stoß.
Dietrichens Stärke, die war über Maßen groß. (2050)

Da hörte König Gunther rufen diesen Mann
In dem harten Sturme: Zu lauschen hub er an.
Er sprach: "Dietrichs Stimme ist in mein Ohr gekommen:
Ihm haben unsre Degen hier wohl jemand benommen. (2051)

"Ich seh ihn auf dem Tische winken mit der Hand.
Ihr Männer und Freunde von Burgondenland,
Haltet ein mit Streiten: Lasst hören erst und sehn,
Was von meinen Mannen hier dem Degen sei geschehn. (2052)

Als so der König Gunther bat und auch gebot,
Da senkten sie die Schwerter in des Streites Not.
Das war Gewalt bewiesen, dass niemand da mehr schlug.
Er fragte den von Berne um die Märe schnell genug. (2053)

Er sprach: "Viel edler Dietrich, was ist euch hier geschehn
Von meinen Freunden? Ihr sollt mich willig sehn:
Zur Sühn und zur Buße bin ich euch gern bereit.
Was euch jemand täte, das war mir inniglich leid." (2054)

Da sprach der Degen Dietrich: "Mir ist nichts geschehn;
Lasst mich mit euerm Frieden aus dem Hause gehn
Von diesem schweren Streite mit dem Gesinde mein:
Dafür will ich euch wahrlich immer dienstbeflissen sein." (2055)

"Was müsst ihr also flehen?", sprach da Wolfhart,
Es hält der Fiedelspieler die Tür nicht so verwahrt:
Wir öffnen sie so mächtig, dass man ins Freie kann."
"Schweige," sprach Herr Dietrich, "du hast den Teufel getan." (2056)

Da sprach König Gunther: "Den Urlaub geb ich gleich:
Führet aus dem Hause so viel ihr wollt mit euch,
Ohne meine Feinde: Die sollen hier bestehn.
Durch sie ist mir viel Leides hier bei den Heunen geschehn." (2057)

Als das der Berner hörte, mit einem Arm umschloss
Er die edle Königin, ihre Angst war groß;
Da führt' er an dem andern Etzeln aus dem Haus.
Auch folgten Dietrichen vieler stolzer Degen hinaus. (2058)

Da sprach der Markgraf, der edle Rüdiger:
"Soll aber aus dem Hause noch kommen jemand mehr,
Der euch gerne dienet, wohlan, so macht mirs kund:
So walte steter Frieden in getreuer Freunde Bund." (2059)

Zur Antwort gab ihm Geiselher von Burgondenland:
"Einigkeit und Friede sei euch von uns bekannt;
Ihr haltet stete Treue und die in euerm Lehn:
Ihr sollt mit euern Freunden ohne Furcht von hinnen gehn." (2060)

Als Rüdiger der Degen räumte Etzels Saal,
Fünfhundert oder drüber, die folgten ihm zumal.
Das ward aus großer Treue von den Herren getan;
Wodurch der König Gunther bald großen Schaden gewann. (2061)

Da sah ein Heunenrecke König Etzeln gehn
Neben Dietrichen: Des wollt er Frommen sehn.
Dem gab der Fiedelspieler einen solchen Schlag,
Dass gleich vor Etzels Füßen ihm das Haupt am Boden lag. (2062)

Als der Wirt des Landes kam vor des Hauses Tor,
Da wandt er sich und blickte zu Volkern empor.
“O weh mir dieser Gäste! Das ist grimme Not:
Dass alle meine Recken vor ihnen finden den Tod! (2063)

“Weh dieses Hofgelages!”, sprach der König hehr;
“Da drinnen ficht einer, der heißet Volker,
Gleich einem wilden Eber und ist ein Fiedelmann:
Ich dank es meinem Heile, dass ich dem Teufel entrann. (2064)

“Seine Weisen lauten übel, seine Striche sind rot;
Wohl schlagen seine Töne mir manchen Helden tot.
Ich weiß nicht was uns vorwirft derselbe Fiedelmann,
Dass ich in meinem Leben so leiden Gast nicht gewann.” (2065)

* Zu den Herbergen gingen die beiden Recken hehr,
Dietrich von Berne und Markgraf Rüdiger.
Sie wollten gerne beide des Streits entledigt sein,
Und geboten ihren Degen, dass sie den Zwist sollten scheun. (2066)

* Und hätten die Burgonden des Leides sich versehn,
Das ihnen von den beiden noch sollte geschehn,
Sie wären aus dem Hause so leicht nicht gekommen,
Eh sie eine Strafe von den Kühnen hätten genommen. (2067)

Sie hatten die sie wollten entlassen aus dem Saal;
Da hob sich innerhalb ein fürchterlicher Schall.
Die Gäste rächten bitter ihr Leid und ihr Schmach;
Volker der Kühne, hei! Was er Helme zerbrach! (2068)

Sich wandte zu dem Schalle Gunther der König hehr:
“Hört ihr die Töne, Hagen, die dort Volker
Mit den Heunen fiedelt, wenn wer zur Türe trat?
Es ist ein roter Anstrich, den er am Fiedelbogen hat.” (2069)

“Es reut mich ohne Maßen,” sprach Hagen dagegen,
“Dass ich je mich scheiden musste von dem Degen:
Ich war sein Geselle, er der Geselle mein,
Und kommen wir von hinnen, wir wollens noch in Treue sein. (2070)

“Nun schaut, hehrer König, der Volker ist dir hold:
Wie fleißig er verdient dein Silber und dein Gold!
Sein Fiedelbogen schneidet durch den harten Stahl,
Er wirft von den Helmen die lichten Zierden zu Tal. (2071)

“Ich sah nie einen Fiedler so stolz und herrlich stehn
Als diesen Tag von Volker dem Degen ist geschehn.
Seine Weisen hallen durch Helm und Schildesrand:

Gute Rosse soll er reiten und tragen herrlich Gewand.” (2072)

So viel der Heunendegen auch waren in dem Saal,
Nicht einer blieb am Leben von ihnen allzumal.
Da war der Schall beschwichtigt, als niemand bleib zum Streit:
Die kühnen Recken legten da ihre Schwerter beiseit. (2073)

34. Abenteuer

Wie sie die Toten aus dem Saale warfen

Da setzten sich die Herren aus Müdigkeit zu Tal.
Volker und Hagen die gingen vor den Saal
Über den Schild sich lehrend in ihrem Übermut:
Da pflagen launger Reden diese beiden Helden gut. (2074)

Da sprach von Burgonden Geiselher der Degen:
“Noch dürft ihr lieben Freunde nicht der Ruhe pflagen;
Ihr sollt erst die Leichen aus dem Hause tragen:
Wir werden noch bestanden, das will ich wahrlich euch sagen. (2075)

“Sie sollen untern Füßen uns hier nicht länger liegen.
Bevor im Sturm die Heunen mögen uns besiegen,
Wir haun noch manche Wunde, die mir gar sanfte tut:
Des hab ich,” sprach da Geiselher, “einen willigen Mut.” (2076)

“O wohl wir solches Herren,” sprach Hagen dagegen,
“Der Rat geziemte niemand als einem solchen Degen,
Wie unsern jungen Herren wir diesen Tag gesehn:
Ihr Burgonden möget alle drob in Freuden stehn.” (2077)

Da folgten sie dem Rate und trugen vor die Tür
Siebentausend Tote, die warfen sie dafür;
Vor des Saales Stiege fielen sie zu Tal:
Da erhoben ihre Freunde mit Jammern kläglichen Schall. (2078)

Darunter war noch mancher nur so mäßig wund,
Käm ihm gute Pflege, er würde noch gesund;
Doch von dem hohen Falle fand er nun den Tod:
Das klagten ihre Freunde: Es zwang sie wahrhafte Not. (2079)

Da sprach der Fiedelspieler, Volker gar unverzagt:
“Nun sah ich doch, man hat mir die Wahrheit gesagt:
Die Heunen sind feige, sie klagen wie ein Weib,
Statt dass sie pflegen sollten der Schwerverwundeten Leib.” (2080)

Da mocht ein Markgraf wännen, er mein es ernst und gut:
Der Verwandten einen sah er gefallen in das Blut;
Er dacht ihn wegzutragen und wollt ihn schon umfahn:
Den schoss ob ihm zu Tode dieser kühne Fiedelmann. (2081)

Eine große Flucht erhob sich, als das die andern sahn
Sie begannen all zu fluchen demselben Fiedelmann.
Einen Spieß vom Boden nahm er, der war scharf und hart,
Der von einem Heunen zu ihm herauf geschossen ward. (2082)

Den schoss er durch die Veste von sich kräftiglich
Über ihre Häupter. Das Volk Etzels wich
Erschreckt von seinem Wurfe weiter von dem Saal;
Vor seinen starken Kräften die Leute bangten überall. (2083)

Da stand vor dem Hause manch tausend Mann.
Volker und Hagen huben zu reden an
Mit Etzeln dem König in hohem Übermut;
Das schuf bald große Sorge diesen Helden kühn und gut. (2084)

“Wohl wär es,” sprach da Hagen, “Des Volkes Trost im Leib,
Wenn die Herren föchten voran in Sturm und Streit,
Wie von meinen Herren hier ein jeder tut:
Die hauen durch die Helme, dass von den Schwertern fließt das Blut.”
(2085)

So kühn war Herr Etzel, er fasste seinen Schild:
“Nun hütet eures Lebens,” sprach da Kriemhild,
“Und bietet Gold den Recken auf der Schilde Rand,
Denn erreicht euch Hagen, ihr habt den Tod an der Hand.” (2086)

So kühn war der König, er wollt in den Streit,
Wozu so reiche Fürsten nun selten sind bereit.
Man musste bei den Riemen des Schildes ihn halten an.
Hagen der grimme ihn mehr zu höhnen begann: (2087)

“Eine ferne Sippschaft war es,” sprach Hagen gleich zur Hand
“Die Etzeln und Siegfried zusammen einst verband;
Er minnte Kriemhilden eh sie gesehen dich:
Böser König Etzel, was rätst du denn wider mich?” (2088)

Diese Rede hörte die edle Königin.
Darüber ward unmutig Kriemhild in ihrem Sinn,
Dass er sie schelten durfte vor König Etzels Bann:
Wider die Gäste hub sie aufs neu zu werben an. (2089)

Sie sprach: “Wer den Hagen von Tronje mir erschlägt
Und mir sein Haupt als Gabe her zur Stelle trägt,
Mit rotem Golde füll ich ihm Etzels Schildesrand,
Auch geb ich ihm zum Lohne viel gute Burgen und Land.” (2090)

“Ich weiß nicht was sie zaudern,” sprach der Fiedelmann,
“Niemals haben Helden so verzagt getan,
Wenn man bieten hörte so hohen Ehrensold.
Wohl sollt ihnen Etzel nimmer wieder werden hold. (2091)

“Die hier mit Schimpf und Schanden essen des Königs Brot,
Und ihn nun verlassen in der größten Not,
Deren seh ich manchen so recht verzagt da stehn,

Und tun doch so verwogen; sie können nie der Schmach entgehn.“
(2092)

* Der reiche Etzel hatte Jammer und Not:
Er beklagte seiner Mannen und Freude bitterm Tod;
Von manchen Landen standen ihm Recken viel zur Seit,
Die weinten mit dem Könige sein gewaltiges Leid. (2093)

* Da gedachten wohl die Besten: “Wahr ist was Volker sagt.”
Von niemand doch von allen ward es so schwer beklagt,
Als von Markgraf Iring, dem Herrn aus Dänenland;
Was sich nach kurzer Weile wohl nach der Wahrheit befand. (2094)

35. Abenteuer Wie Iring erschlagen ward

Da rief der Markgraf Iring aus der Dänen Land:
“Ich habe nun auf Ehre meine Sinne lang gewandt,
Auch ist von mir das Beste wohl oft im Sturm geschehn;
Bringt mir meine Waffen: So will ich Hagen bestehn.” (2095)

“Das muss ich widerraten,” hub da Hagen an,
“Sonst müssen vor mir weichen die in Etzels Bann:
Springen eurer zweie oder drei in den Saal,
Die send ich wohl verhaun die Stiege wieder zu Tal.” (2096)

“Ich wills darum nicht lassen,” rief Iring wieder hin:
“Ich versuchte wohl schon früher was gleiche Wagnis schein.
Wohl will ich mit dem Schwerte allein zu dir hinan:
Was hilft dir das Brüsten, das du mit Reden hast getan?” (2097)

Da wurde bald gewaffnet der Degen Iring,
Und von Thüringen Irnfried, ein kühner Jüngling,
Und Hawart der starke wohl mit tausend Mann:
Sie wollten Iring helfen, was auch der Degen begann. (2098)

Da sah der Fiedelspieler ein gewaltig Herr,
Das mit Iringen gewaffnet zog daher.
Sie trugen aufgebunden die lichten Helme gut.
Da ward dem kühnen Volker darüber zornig zu Mut: (2099)

“Seht ihr, Freund Hagen, dort Iringen gehn,
Der euch im Kampf gelobte alleine zu bestehn?
Wie ziemet Helden Lüge? Fürwahr ich tadl es sehr:
Es gehn mit ihm gewaffnet wohl tausend Recken oder mehr.” (2100)

“Nun beißet mich nicht lügen,” sprach der in Hawarts Bann,
“Ich will das Wort erfüllen, das ich euch kund getan.
Keiner Feigheit wegen soll es gebrochen sein:
Sei Hagen noch so fürchterlich, ich besteh ihn ganz allein.” (2101)

Fußfällig bat Iring Freund und Untertan,
Dass sie ihn alleine dem Recken ließen nahn.
Das taten sie ungerne, ihnen war zu wohl bekannt
Der übermütge Hagen aus der Burgonden Land. (2102)

Da bat er sie so lange bis es doch geschah.
Als das Ingesinde ihn so entschlossen sah,
Und dass er rang nach Ehre, da ließen sie ihn gehn:
Da ward von den beiden ein grimmes Streiten gesehn. (2103)

Iring der Däne hielt hoch empor den Speer,
Sich deckte mit dem Schilde der teure Degen hehr:
So lief er auf im Sturme zu Hagen vor den Saal;
Da erhub sich von den Degen ein gewaltiger Schall. (2104)

Da schossen sie die Spieße kräftig aus der Hand
Durch die festen Schilde auf ihr licht Gewand,
Dass die Speerstangen hoch in die Lüfte flogen;
Da griffen zu den Schwertern die grimmen Degen verwogen. (2105)

Hagen war, der kühne, von Mut und Kräften voll;
Doch schlug nach ihm Iring, dass rings das Haus erscholl:
Pallas und Türme erhallten von den Schlägen.
Es konnte seinen Willen doch nicht vollführen der Degen. (2106)

Iring ließ Hagnen unverwundet stehn:
Auf den Fiedelspieler begann er los zu gehn.
Er wähnt', er könn ihn zwingen mit seinen starken Schlägen:
Doch wusste sich zu schirmen dieser zierliche Degen. (2107)

Da schlug der Fiedelspieler, dass auf das Schildes Rand
Das Gespänge wirbelte von Volkers starker Hand.
Den ließ er wieder stehen; er war ein übler Mann:
Da lief er auf Gunther, den Burgondenkönig, an. (2108)

Doch war da jedweder zum Streite stark genug:
Wie Gunther auf Iring und der auf jenen schlug,
Was lockte nicht aus Wunden das fließende Blut;
Ihre Rüstung wehrt es, die war zu fest und zu gut. (2109)

Gunthern ließ er stehen und lief Gernoten an;
Das Feuer aus dem Harnisch er ihm zu haun begann.
Da hätte von Burgonden der König Gernot
Iring den kühnen beinah gesandt in den Tod. (2110)

Da sprang er von dem Fürsten: Rasch war er genug:
Der Burgonden Viere der Held behend erschlug,
Das edeln Heergesindes aus Wormes an dem Rhein.
Darüber mochte Geiselher nicht wohl zorniger sein. (2111)

“Gott weiß, Herr Iring,” sprach Geiselher das Kind,
“Ihr sollt mir die entgelten, die hier erlegen sind
Vor euch in dieser Stunde.” Iringen lief er an

Und schlug den Dänenhelden, dass er zu straucheln begann. (2112)

Er schoss vor seinen Händen nieder in das Blut,
Dass alle wännen mussten, es schlug der Degen gut
Nie im Sturme wieder einen Schlag mit seinem Schwert:
Doch lag vor Geiselheren Iring da noch unversehrt. (2113)

Von des Helmes Krachen und von des Schwertes Klang
Waren seine Sinne so betäubt und krank,
Dass sich der kühne Degen des Lebens nicht besann:
Das hatte mit den Kräften der starke Geiselher getan. (2114)

Als ihm aus dem Haupte das Schwirren jetzt entschwand,
Das von dem starken Schlage der Degen erst empfand,
Da gedacht er: "Ich lebe, und bin auch nirgend wund:
Nun ist mir erst die Stärke des kühnen Geiselher kund!" (2115)

Er hörte seine Feinde zu beiden Seiten stehn;
Hätten sie's geahnet, ihm wäre mehr geschehn:
Auch hatt er Geiselheren vernommen nahe bei:
Er sann wie mit dem Leben von hinnen zu kommen sei. (2116)

Wie hastig der Degen aus dem Blute sprang!
Er mochte seiner Schnelle wohl sagen großen Dank.
Da lief er aus dem Hause, wo er Hagen fand,
Und schlug ihm schnelle Schläge mit seiner kraftreichen Hand. (2117)

Da gedachte Hagen: "Du musst des Todes sein;
Schützt dich nicht der Teufel, so kannst du nicht gedeihn."
Doch traf Iring Hagen durch des Helmes Hut:
Das tat der Held mit Maske; das war eine Waffe gut. (2118)

Als der grimme Hagen die Wand an sich empfand,
Ihm schwenkte sich gewaltig das Schwert in seiner Hand.
Da musste vor ihm weichen der Held in Hawarts Bann;
Hagen ihm die Stiege hinab zu folgen begann. (2119)

Übers Haupt den Schildrand der kühne Iring schwang;
Und wär dieselbe Stiege drei solcher Stiegen lang,
Derweile ließ ihn Hagen nicht schlagen einen Schlag:
Wie mancher rote Funke da auf seinem Helme lag! (2120)

Wieder zu den seinen kam Iring gesund.
Da wurde diese Märe bald Kriemhilden kund,
Was er im Streit dem Hagen von Tronje angetan;
Dafür die Königstochter ihm sehr zu danken begann: (2121)

"Das lohne Gott dir, Iring, erlauchter Degen gut,
Du hast mir wohl getröstet das Herz und auch den Mut:
Nun seh ich blutgerötet Hagens Rüstgewand!"
Kriemhilde nahm vor Freuden ihm selbst den Schild aus der Hand.
(2122)

"Ihr mögt ihm mäßig danken;" sprach Hagen dagegen,

“Es nochmals zu versuchen ziemte wohl dem Degen,
Und käm er dann zurücke, er wär ein kühner Mann.
Die Wunde frommt euch wenig, die ich noch von ihm gewann. (2123)

“Dass ihr von meiner Wunde mir seht den Harnisch rot,
Das hat mich noch erbittert zu manches Mannes Tod;
Nun bin ich erst erzürnet auf euch und manchen Mann:
Mir hat der Degen Iring gar wenig Schaden getan.” (2124)

Da stand dem Wind entgegen Iring von Dänenland;
Er kühlte sich im Harnisch, den Helm er niederband.
Da priesen ihn die Leute für streitbar und gut;
Darüber trug der Markgraf nicht wenig hoch seinen Mut. (2125)

Da sprach Iring wieder: “Nun, Freunde, sollt ihr gehn
Und neue Waffen holen; ich will noch einmal sehn,
Ob ich bezwingen möge den übermütigen Mann.”
Sein Schild war verhaun, einen bessern er gewann. (2126)

Gewaffnet ward der Recke bald in noch festre Wehr:
Er griff in seinem Zorne nach einem starken Speer,
Mit dem wollt er Hagen zum andern Mal bestehn.
Darob ergrimmt' ihm Hagen, der kühne Held ausersehn. (2127)

Nicht erwarten wollt ihn Hagen der Degen:
Mit Schüssen und mit Hieben lief er ihm entgegen
Die Steige bis zu Ende; zornig war sein Mut:
Da kam dem Degen Iring seine Stärke nicht zu gut. (2128)

Die schlugen durch die Schilde, dass es zu lohn begann
Mit feuerroten Winden. Der in Hawarts Bann
Ward von Hagens Schwerte da gar übel wund:
Durch Helm und Schildrand drang es, er ward nicht wieder gesund.
(2129)

Als der Degen Iring der Wunde ward gewahr,
Deckt' er mit dem Schilde den Helm ganz und gar.
Ihn deuchte voll der Schaden, den er von ihm gewann;
Bald tat ihm aber größern der Degen noch in Gunthers Bann. (2130)

Einen Wurfspieß Hagen vor seinen Füßen sah;
Auf Iring den Dänen schoss der Degen da,
Dass ihm die Stange aus dem Haupte stand:
Der Recken Hagen hatt ihm ein grimmes Ende gesandt. (2131)

Iring musste wieder zu den Dänen fliehn.
Eh man dem Degen konnte den Helm vom Haupte ziehn
Und ihn vom Speer befreien, erschien ihm schon der Tod.
Da weinten seine Freunde, es zwang sie wahrhafte Not. (2132)

Da kam die Königstochter auch zu ihm heran:
Iring den starken hub sie zu klagen an;
Sie beweinte seine Wunden, es war ihr grimmig leid.
Da sprach vor seinen Freunden dieser Recke kühn im Streit: (2133)

“Lasst die Klage bleiben, viel hehre Königin.
Was hilft eurer Weinen? Mein Leben muss dahin
Schwinden aus den Wunden, die an mir offen stehn:
Der Tod will mich nicht länger euch und Etzeln dienen sehn.” (2134)

Zu Thüringern und Dänen sprach er hingewandt:
“Die Gaben, so die Königin euch beut, soll eure Hand
Nicht zu erwerben trachten, ihr lichtetes Gold so rot:
Und besteht ihr Hagen, so müsst ihr schauen den Tod.” (2135)

Seine Farbe war erblichen, des Todes Zeichen trug
Iring der kühne; ihnen war es leid genug.
Er konnte nicht gefunden der Held in Hawarts Lehn:
Da musst es an ein Streiten von den Dänenhelden gehn. (2136)

Irnfried und Hawart sprangen vor den Saal
Wohl mit tausend Helden: einen ungestümen Schall
Vernahm man allenthalben, kräftig und groß.
Hei! Was man scharfer Speere auf zu den Burgonden schoss! (2137)

Irnfried der Kühne lief den Spielmann an,
Daher er großen Schaden von seiner Hand gewann:
Der edle Fiedelspieler den Landgrafen schlug
Durch den Helm den festen: Wohl war er grimmig genug. (2138)

Da schlug dem kühnen Spielmann Irnfried einen Schlag,
Dass er des Panzers Ringe dem Helden zerbrach,
Und sich sein Harnisch färbte von Funken feuerrot:
Dennoch fiel der Landgraf von dem Spielmann in den Tod. (2139)

Zusammen waren Hagen und Hawart gekommen.
Da mochte Wunder schauen wer es wahrgenommen.
Die Schwerter fielen kräftig den Helden an der Hand:
Da musste Hawart sterben vor dem aus Burgondenland. (2140)

Die Thüringer und Dänen sahn ihres Herren Tod:
Da hob sich vor dem Hause eine furchtbare Not;
Eh sie die Tür gewannen mit kraftreicher Hand,
Da ward noch verhauen mancher Helm und Schildesrand. (2141)

“Weichet,” sprach da Volker, “lasst sie zum Saale gehn;
Was sie im Sinne haben kann dennoch nicht geschehn.
Sie müssen all ersterben hier in kurzer Zeit:
Sie ernten mit dem Tode was ihnen Kriemhilde beut.” (2142)

Als die Übermütigen drangen in den Saal,
Da wurde manchem Helden das Haupt geneigt zu Tal,
Dass er ersterben musste von ihren starken Schlägen.
Wohl stritt der kühne Gernot, so tat auch Geiselher der Degen. (2143)

Tausend und Viere, die kamen in das Haus:
Da hörte man erklingen den hellen Schwerteraus.
Bald wurden doch die Recken alle drin erschlagen:

Man mochte große Wunder von den Burgonden sagen. (2144)

Da gab es eine Stille, als der Lärm verscholl!
Das Blut allenthalben durch die Lücken quoll
Zu den Rinnsteinen von den toten Degen:
Das taten die vom Rheine mit ihren kräftigen Schlägen. (2145)

Da saßen wieder ruhend die aus Burgondenland;
Sie legten mit den Waffen die Schilde von der Hand.
Da stand noch vor dem Hause der kühne Fiedelmann,
Erwartend ob noch jemand zum Streite zöge heran. (2146)

Der König klagte heftig, dazu die Königin;
Mägdelein und Frauen härmten sich den Sinn.
Der Tod, wahn ich, hatte sich wider sei verschworen;
Drum gingen durch die Gäste noch viel der Recken verloren. (2147)

36. Abenteuer

Wie die Königin den Saal verbrennen ließ

“Nun bindet ab die Helme;” sprach Hagen der Degen,
“Ich und mein Geselle der Wache wollen pflegen:
Versuchen es noch einmal die in Etzels Bann,
So warn ich meine Herren so schnell als ich immer kann.” (2148)

Da band den Helm vom Haupte mancher Ritter gut;
Sie setzten auf die Wunden sich nieder, die ins Blut
Waren zum Tode von ihrer Hand gekommen:
Da ward der edeln Gäste mit Erbitterung wahrgenommen. (2149)

Noch vor dem Abend schuf der König hehr
Und Kriemhild die Königin, dass es der Helden mehr
Von Heunland noch versuchten; man sah vor ihnen stehn
Wohl noch zwanzigtausend: Die mussten nun zum Streite gehn. (2150)

Da hob ein hartes Stürmen auf zu den Gästen an.
Dankwart, Hagens Bruder, dieser schnelle Mann,
Sprang von seinen Herren zu den Feinden vor die Tür:
Man wähnt', er sei erstorben, doch kam er heil noch hinfür. (2151)

Das harte Streiten währte bis es die Nacht benahm.
Da wehrten sich die Gäste wie Helden lobesam
Wider Etzels Recken den sommerlangen Tag:
Hei! Wie da vor ihnen manch guter Degen erlag! (2152)

Zu einer Sonnenwende geschah der große Mord:
Ihres Herzens Jammer rächte Kriemhild dort
An ihren nächsten Freunden und noch an manchem Mann,
Wodurch der König Etzel nie wieder Freude gewann. (2153)

* Sie hatte nicht gesonnen auf solche Mörderschlacht:
Als sie den Streit begonnen hatte sie gedacht,
Hagen sollt alleine dabei sein Ende sehn;
Da schuf der böse Teufel, über alle musst es ergehn. (2154)

Der Tag war zerronnen; ihnen schuf die Sorge Not.
Sie gedachten, wie doch besser wär ein kurzer Tod
Als sich so lang zu quälen in ungefügem Leid:
Da wünschten einen Frieden die stolzen Ritter allbereit. (2155)

Sie hatten, dass der König zu ihnen würd gebracht.
Die Helden, rot von Blute, schwarz von der Eisentracht,
Traten aus dem Hause und die drei Könige hehr.
Sie wussten nicht, wem klagen ihres großen Leids Beschwer. (2156)

Etzel und Kriemhilde, die kamen beide hek;
Das Land war ihnen eigen, drum mehrte sich ihr Heer.
Er sprach zu den Gästen: "Sprecht, was begehrt ihr mein?
Wollt ihr Frieden haben? Das könnte nun schwerlich sein (2157)

Nach so großem Schaden als ihr mir habt getan.
Ihr sollt es nicht genießen so lang ich atmen kann:
Mein Kind, das ihr erschluget und viel der Freunde mein;
Frieden und Sühne soll euch dafür geweigert sein." (2158)

Antwort gab ihm Gunther: "Uns zwang die große Not;
All mein Gesinde lag von dem deinen tot
An der Herberge: Verdient ich solchen Sold?
Ich kam zu dir auf Treue und währte, du wärst mir hold." (2159)

Da sprach von Burgonden Geiselher das Kind:
"Ihr Helden König Etzels, die noch am Leben sind,
Wes zeiht ihr mich, ihr Recken? Was hat ich euch getan,
Der ich die Fahrt so gütlich zu diesem Lande begann?" (2160)

Sie sprachen: "Deiner Güte ist all die Veste voll
Mit Jammer, gleich dem Lande; wir gönnten dir es wohl,
Wärst du nie gekommen von Wormes überrhein:
Durch dich ist ganz verwaiset das Land und durch die Brüder dein."
(2161)

Da sprach zu dem Könige Gernot der Degen gut:
"So soll euch Gott gebieten, dass ihr die Lieb uns tut:
Erschlagt uns Heimatlose, und lasst uns zu euch gehn
Hinunter ins Freie, gewiss, das würd euch löblich stehn. (2162)

"Was uns geschehn könne, das lasst bald ergehn:
Ihr habt so viel Gesunde, die dürfen uns bestehn
Und geben uns vom Streite Müden leicht den Tod:
Wie lange sollen wir Recken bleiben in so grimmer Not?" (2163)

Von König Etzels Recken wär es fast geschehn,
Dass sie die Helden ließen vor den Pallas gehn.
Als das Kriemhild hörte, es war ihr grimmig leid;

Da war den Heimatlosen mit Nichten Friede bereit. (2164)

“Nicht doch, ziere Recken, worauf euch sinnt der Mut,
Ich will euch treulich raten, dass ihr das nimmer tut,
Dass ihr die Mordgiergen lasst vor den Saal;
Sonst müssen eure Freunde vor ihnen sterben zumal. (2165)

Und lebten nur alleine die Utens Söhne sind,
Und kämen meine edeln Brüder an den Wind,
Dass sie die Panzer kühlten, ihr alle wärt verloren:
Es wurden kühnre Degen noch nie auf Erden geboren.” (2166)

Da sprach der junge Geiselher: “Viel schöne Schwester mein,
Wie mocht ich mich versehn, dass du mich überrhein
Hieher geladen hättest zu so großer Not?
Wodurch wohl verdient' ich hier bei den Heunen den Tod? (2167)

Getreu war ich dir immer, tat Leid dir nimmermehr:
Ich ritt auch in dem Wahne zu diesem Hofe her,
Du wärest mir gewogen, viel liebe Schwester mein.
Nun schenk uns deine Gnade: Es kann doch anders nicht sein.” (2168)

“Ich schenk euch keine Gnade, Ungnad ich selbst gewann:
Mir hat von Tronje Hagen so großes Leid getan
Daheim, und hier zu lande erschlug er mir mein Kind:
Sie sollens all entgelten, die mit euch hergekommen sind. (2169)

Wollt ihr mir aber Hagen allein zum Geisel geben,
So will ichs nicht versagen, dass ich euch lasse leben,
Denn eure Schwester bin ich, der gleichen Mutter Kind:
So red ich um die Sühne mit den Helden, die hier sind.” (2170)

“Verhüt es Gott vom Himmel,” sprach da Gernot,
“Und wären unser tausend, wir wollten alle tot
Vor deinen Freunden liegen eh wir den einen Mann
Dir als Geisel gäben: Das wird nimmer getan.” (2171)

“Wir müssen doch ersterben,” sprach da Geiselher,
“So soll uns niemand scheiden von ritterlicher Wehr.
Wer gerne mit uns föchete, wir sind noch immer hie:
Verriet ich meine Treue an einem Freunde doch nie.” (2172)

Da sprach der kühne Dankwart: “Wie ziemte Schweigen mir?
Es steht mein Bruder Hagen noch nicht alleine hier.
Die uns Frieden weigern, mögens noch beklagen:
Ihr sollt es inne werden: Das will ich wahrlich euch sagen.” (2173)

Da sprach die Königstochter: “Ihr Helden allbereit,
Nun geht der Stiege näher und rächet unser Leid,
Das will ich euch vergelten wie ich billig soll:
Den Übermut Hagens, den benehm ich ihm wohl. (2174)

“Lässt keinen aus dem Hause der Degen allzumal.
So lass ich an vier Enden zünden an den Saal:

So wird noch wohl gerochen all mein Herzeleid."
König Etzels Recken sah man bald dazu bereit. (2175)

Dir noch draußen standen trieb man in den Saal
Mit Schlägen und mit Schüssen; da gab es lauten Schall
Doch wollten sich nicht scheiden die Fürsten und ihr Heer:
Sie ließen von der Treue zueinander nun nicht mehr. (2176)

Den Saal in Brand zu stecken gebot da Etzels Weib.
Da quälte man den Helden mit Feuersglut den Leib.
Das Haus vom Wind ergriffen geriet in hohen Brand:
Solcher Schrecken wurde wohl niemals Helden bekannt. (2177)

Darinnen riefen viele: "O weh dieser Not!
Da möchten wir ja lieber im Sturme liegen tot.
Das möge Gott erbarmen; wie verlieren wir den Leib!
Wie grimmig rächt ihr Zürnen an uns des Königes Weib!" (2178)

Da sprach darinnen einer: "Wir finden hier den Tod.
Was hat der Gruß geholfen, den uns der König bot?
Mir tut vor starker Hitze der Durst so grimmig weh,
Ich fürchte, mein Leben in diesen Nöten zergeh!" (2179)

Da begann von Tronje Hagen, der Ritter gut:
"Wen der Durst bezwingen will, der trinke hier das Blut,
Das ist in solcher Hitze besser noch als Wein;
Zu essen und zu trinken kann hier nichts anderes sein." (2180)

Hinging der Recken einer, wo er einen Toten fand,
Er kniet' ihm zu der Wunde, den Helm er nieder band;
Da hub er an zu trinken das fließende Blut:
So wenig ers gewohnt war, er fand es köstlich und gut. (2181)

"Nun lohn euch Gott, Herr Hagen," sprach der müde Mann,
"Dass ich durch eure Lehre so guten Trunk gewann:
Man schenkte mir noch selten einen bessern Wein.
Leb ich noch eine Weile, ich will euch stets gewogen sein." (2182)

Als das die andern hörten, es dünkte ihn so gut,
Da kamen ihrer viele und tranken auch das Blut.
Davon gewann viel Kräfte der guten Helden Leib:
Das entgalt an lieben Freunden bald manches waidliche Weib. (2183)

Das Feuer fiel gewaltig auf sie in den Saal:
Sie wandten mit den Schilden es von sich ab im Fall.
Der Rauch und auch die Hitze schmerzten sie gar sehr:
Also großer Jammer geschieht wohl Helden nimmer mehr. (2184)

Da sprach von Tronje Hagen: "Stellt euch an die Wand;
Lasst nicht die Brände fallen auf eurer Helme Band,
Und tretet mit den Füßen sie tiefer in das Blut:
Eine üble Hochzeit ist es, zu der die Königin uns lud." (2185)

Unter solchen Nöten zerronnen war die Nacht:

Noch hielt vor dem Hause der kühne Spielmann Wacht
Und Hagen sein Geselle, gelehnt auf Schildesrand,
Noch größern Leids gewärtig vor denen aus Etzels Land. (2186)

* Dass der Saal gewölbt war, half den Gästen sehr.
Dadurch bleiben ihrer am Leben desto mehr;
Nur dass sie an den Fenstern vom Feuer litten Not.
Da wehrten sich die Degen wie Mut und Ehre gebot. (2187)

Da sprach der Fiedelspieler: “Nun lasst uns in den Saal,
So wännen wohl die Heunen, wir seien allzumal
Von der Qual erstorben, die sie uns angetan:
Dann kommen doch noch manche zum Streit mit ihnen heran.” (2188)

Da sprach von Burgonden Geiselher das Kind:
“Mich dünkt, es wolle tagen, sich hebt ein kühler Wind.
Nun lass uns Gott vom Himmel noch liebre Zeit erleben!
Eine arge Hochzeit hat uns meine Schwester Kriemhild gegeben.”
(2189)

Da sprach wieder einer: “Ich fühle schon den Tag.
Wenn es denn uns Degen nicht besser werden mag,
So waffnet euch, ihr Recken, und wahret euern Leib:
Wohl naht uns ehstens wieder hier des König Etzel Weib.” (2190)

Der Wirt mochte wännen, die Gäste wären tot
Von ihren Drangsalen und von des Feuers Not:
Da lebten drin so kühner noch sechshundert Mann,
Dass wohl nie ein König bessre Degen gewann. (2191)

Der Heimatlosen Hüter hatten wohl gesehn,
Dass noch die Gäste lebten, was ihnen auch geschehn
Zu Schaden war und Leibe, den Herrn und ihrem Lehn:
Man sah sie wohl geborgen im Saale auf und nieder gehn. (2192)

Man sagte Kriemhilden, noch viele lebten drin.
“Wie wäre das möglich,” sprach die Königin,
“Dass noch einer lebte nach solcher Feuersnot?
Lieber will ich glauben, sie starben alle den Tod.” (2193)

Noch wünschten zu entkommen die Fürsten und ihr Lehn,
Wenn noch jemand Gnade an ihnen ließ ergehn.
Die konnten sie nicht finden in der Heunen Land:
Da rächten sie ihr Sterben mit gar williger Hand. (2194)

Noch früh am selben Morgen man ihnen Grüße bot
Mit lautem Kriegsrufe: Wohl schuf das Helden Not.
Zu ihnen aufgeschossen ward mancher starke Speer:
Wie ritterlich sich wehrten diese Recken kühn und hehr! (2195)

Dem Heergesinde Etzels war erregt der Mut,
Dass sie verdienen wollten Frau Kriemhildens Gut
Und alles willig leisten was der Fürst gebot:
Da musste mancher balde von ihnen schauen den Tod. (2196)

Man mochte von Verheißen und Gaben Wunder sagen.
 Sie ließ ihr Gold, das rote, auf Schilden vor sie tragen:
 Sie gab es jedem willig, der es wollt empfan.
 Nie wurden wider Feinde so große Schätze vertan. (2197)

Da traten in den Waffen viel Recken vor die Tür.
 Da sprach der kühne Volker: “Wir sind noch immer hier:
 So gerne sah ich Helden zum Streite nimmer kommen
 Als die das Gold des Königs und zu verderben genommen.” (2198)

Was soll ich weiter sagen? Wohl zwölfhundert Degen
 Versuchtens hin und wieder mit starken Schwertesschlägen.
 Da kühlten mit den Wunden die Gäste wohl den Mut.
 Kein Friede war zu hoffen, drum sah man fließen das Blut (2199)

Aus tiefen Todeswunden, deren wurden viel geschlagen.
 Nach seinen Freunden hörte man jeglichen klagen;
 Die Kühnen starben alle dem reichen König hehr:
 Da hatten liebe Freunde nach ihnen Leid und Beschwer. (2200)

37. Abenteuer Wie Rüdiger erschlagen ward

Die Heimatlosen hatten am Morgen viel getan.
 Der Gemahl Gotlindens kam zu Hof heran
 Und sah auf beiden Seiten des großen Leids Beschwer:
 Darüber weinte inniglich der vielgetreue Rüdiger. (2201)

“O weh, dass ich das Leben,” sprach der Held, “gewann,
 Und diesem großen Jammer nun niemand wehren kann.
 So gern ich Frieden schüfe, der König gehts nicht ein,
 Da ihm das Unheil stärker, immer stärker bricht herein.” (2202)

Zu Dietrichen sandte der gute Rüdiger,
 Ob sie's noch könnten wenden bei dem König hehr?
 Da entbot ihm der von Berne: “Wer möchte widerstehn?
 Es will der König Etzel keine Sühne mehr sehn.” (2203)

Da sah ein Heunenrecke Rüdigern da stehn
 Mit weinenden Augen, wie er ihn oft gesehn.
 Er sprach zu der Königin: “Nun seht doch, wie er steht,
 Den der König Etzel vor allen andern hat erhöht, (2204)

“Und dem doch alles dienet, die Leute wie das Land.
 Wie sind so viel der Burgen an Rüdiger gewandt,
 Deren er so manche von dem König haben mag!
 Er schlug in diesem Sturme noch keinen löblichen Schlag. (2205)

“Mich dünkt, ihn kümmert wenig was uns hier geschieht,

Wenn er nach seinem Willen bei sich die Fülle sieht.
Man rühmt, er wäre kühner als jemand möge sein:
Das hat uns schlecht bewiesen in dieser Not der Augenschein.” (2206)

Mit traurigem Mute der vielgetreue Mann,
Als er die Rede hörte, sah er den Heunen an.
Er dachte: “Des entgiltst du; du sagst ich sei verzagt:
Da hast du deine Märe zu laut bei Hofe gesagt.” (2207)

Er zwang die Faust zusammen, da lief er ihn an,
Und schlug mit solchen Kräften den heunischen Mann,
Dass er ihm vor die Füße niederstürzte tot.
Da war nur gemehrt noch dem König Etzel die Not. (2208)

“Fahr hin, verzagter Bösewicht,” sprach da Rüdiger,
“Ich hatte doch des Leides genug und der Beschwer:
Dass ich hier nicht fechte, was rügst du mir das?
Wohl trüg auch in den Gästen mit Grunde feindlichen Hass, (2209)

“Und alles was ich könnte tät ich ihnen an,
Hätt ich nicht hieher geführt die in Gunthers Bann;
Doch war ich ihr Geleite in meines Herren Land:
Drum darf sie nicht bestreiten meine unselge Hand.” (2210)

Da sprach zum Markgrafen Etzel der König hehr:
“Wie habt ihr uns geholfen, viel edler Rüdiger!
Wir hatten doch der Toten so viel in diesem Land,
Dass wir nicht mehr bedurften: Mit Unrecht schlug ihn eure Hand.”
(2211)

Da sprach der edle Ritter: “Er beschwerte mir den Mut,
Und hat mir bescholten die Ehre wie das Gut,
Des ich aus deinen Händen so große Gaben nahm,
Was nun dem Lügenbolde gar übel zustatten kam.” (2212)

Du kam die Königstochter, die hat es auch gesehn
Was von des Helden Zorne dem Heunen war geschehn:
Sie beklagt' es schmerzlich, ihre Augen wurden nass.
Sie sprach zu Rüdigeren: “Womit verdienten wir das, (2213)

Dass ihr mir und dem König noch mehrt unser Leid?
Ihr habt uns, edler Rüdiger, gelobt allezeit
Ihr wolltet für uns wagen die Ehre wie das Leben;
Auch hört ich viel der Recken den Preis des Mutes euch geben. (2214)

Ich mahn euch nun der Treue, die mir schwur eure Hand
Als ihr für Etzeln warbet, Ritter auserkannt:
Dass ihr mir dienen wolltet, bis an unsern Tod;
Des war mir armen Weibe noch nie so bitterlich Not.” (2215)

“Das ist ungelogen, ich schwur euch, edel Weib,
Ich wolle für euch wagen die Ehre wie den Leib;
Die Seele zu verlieren hab ich nicht geschworen.
Zu diesem Hofgelage bracht ich die Fürsten wohlgeboren.” (2216)

Sie sprach: "Gedenke, Rüdiger, der hohen Eide dein
Von deiner steten Treue, wie du den Schaden mein
Immer wolltest rächen und wenden all mein Leid."
Da sprach der Markgraf: "Ich war euch immer dienstbereit." (2217)

Etzel der Reiche hub auch zu flehen an.
Sie boten sich zu Füßen beide vor den Mann,
Dass man den guten Markgraf in großem Unmut sah;
Der vielgetreue Recke, jammervoll begann er da: (2218)

"O weh mir Gottesarmen, dass ich erlebt den Tag!
Wo aller meiner Ehren ich mich begeben mag,
Aller Zucht und Treue, die Gott mir angebot;
O weh Gott vom Himmel, dass mirs nicht wenden will der Tod! (2219)

Welches ich nun lasse das andre zu begehnen,
So ist doch immer bösllich und arg von mir geschehn:
Und wenn ich beides lasse, so schilt mich alle Welt.
Nun möge mich erleuchten der mich dem Leben gesellt!" (2220)

Da baten ihn so lange der König und sein Weib,
Dass bald viel Degen mussten verlieren den Leib
Unter Rüdgers Händen und selbst der Held erstarb.
Nun mögt ihr bald vernehmen, welchen Jammer er erwarb. (2221)

Er wusste, dass nur Schaden und Unheil sein Gewinn.
Er hätt es auch dem König und der Königin
Gern versagen mögen: Der Held besorgte sehr,
Schlüg er ihr einen, dass er der Welt ein Gräuel wär. (2222)

Da sprach zu dem Könige der hochbeherzte Mann:
"Herr König, nehmet wieder was ich von euch gewann,
Das Land mit den Burgen; bei mir soll nichts bestehn:
Ich will auf meinen Füßen hinaus in das Elend gehn. (2223)

* "Ledig alles gutes räum ich euer Land,
Mein Weib und meine Tochter nehm ich an die Hand,
Eh ich so ohne Treue entgegen ging' dem Tod:
Das hieß auf üble Weise verdienen euer Gold so rot." (2224)

Da sprach der König Etzel: "Wer aber helfe mir?
Mein Land samt den Leuten, das alles geb ich dir,
Dass du mich rächst, Rüdiger, an den Feinden mein:
Du sollst an meiner Seiten ein gewaltger König sein." (2225)

Da sprach wieder Rüdiger: "Wie darf ich ihnen schaden?
Heim zu meinem Hause hab ich sie geladen;
Pflege, Trank und Speise ich ihnen gütlich bot,
Dazu meine Gabe; und soll ich sie nun schlagen tot? (2226)

Die Leute mögen wännen, ich sei zu verzagt.
Keiner meiner Dienste war ihnen je versagt,
Den Fürsten wohlgeboren und ihrem ganzen Bann:

Nun reut mich die Freundschaft, die ich an ihnen gewann. (2227)

“Geiselher dem Degen gab ich die Tochter mein.
Sie konnt auf Erden nimmer besser verwendet sein,
Seh ich auf Zucht und Ehre, auf Treue oder Gut:
Nie war ein junger König von so tugendreichem Mut.” (2228)

Da sprach wieder Kriemhild: “Viel edler Rüdiger,
Nun lass dich erbarmen unsres Leids Beschwer,
Mein und auch des Königs: Gedenke wohl daran,
Dass kein Wirt auf Erden so leide Gäste noch gewann.” (2229)

Da sprach der Markgraf zu der Königin hehr:
“Heut muss mit dem Leben entgelten Rüdiger
Was ihr und auch der König mir Liebes habt getan.
Dafür muss ich nun sterben: Es steht nicht länger mehr an. (2230)

“Ich weiß wohl, dass noch heute meine Burgen und mein Land
Euch ledig werden müssen von dieser Helden Hand:
So befehl ich eurer Gnade mein Weib und auch mein Kind
Und all die Heimatlosen, die dort zu Bechlaren sind.” (2231)

“Nun lohne Gott dir, Rüdiger!”, der König sprach da so:
Er und auch die Königin, sie wurden beide froh.
“Uns sollen deine Leute wohl befohlen sein;
Auch trau ich meinem Heile, du werdest selber glücklich sein.” (2232)

Da setzt' er auf die Waage die Seele wie den Leib:
Da begann zu weinen König Etzels Weib.
Er sprach: “Ich muss euch halten den Eid, den ich getan:
O weh meiner Freunde! Gar ungern greif ich sie an.” (2233)

Man sah ihn von dem König in großem Kummer gehn.
Da fand er in der Nähe seine Recken stehn;
Er sprach: “Ihr sollt euch waffnen, ihr all in meinem Lehn:
Die kühnen Burgonden, die muss ich leider bestehn.” (2234)

Sie geboten hin zu eilen, wo man die Waffen fand:
Da wurden ihre Helme und mancher Schildesrand
Von dem Ingesinde alsbald herbei getragen:
Bald hörten leide Märe die stolzen Fremdlinge sagen. (2235)

Gewaffnet ward da Rüdiger mit fünfhundert Mann;
Zwölf Recken noch darüber zogen mit ihm heran.
Sie wollten Preis erwerben in des Sturmes Not:
Sie wussten nicht die Märe, dass ihnen nahe der Tod. (2236)

Man sah den Markgrafen unterm Helme gehn.
Scharfe Schwerter trugen die in Rüdgers Lehn,
Dazu vor ihren Händen die lichten Schilde breit:
Das sah der Fiedelspieler; dem war es unsäglich leid. (2237)

Da sah der junge Geiselher seinen Schwäher gehn
Mit aufgebundnem Helme. Wie mocht er da verstehn,

Wie er damit es meine, es sei denn treu und gut?
Da gewann der edle König einen fröhlichen Mut. (2238)

“Nun wohl mir solcher Freunde!”, sprach da Geiselher,
“Wie wir gewonnen haben auf der Fahrt hieher.
Meines Weibes willen ist uns Hilfe nah:
Lieb ist mir, meiner Treue, dass diese Heirat geschah.” (2239)

“Weiß nicht, wes ihr euch tröstet,” sprach der Fiedelmann,
“Wann saht ihr wohl zur Sühne so viel der Helden nahn
Mit aufgebundnem Helme, die Schwerter in der Hand?
Er will an uns verdienen seine Burgen und sein Land.” (2240)

Bevor der Fiedelspieler das Wort gesprochen gar,
Rüdiger der edle schon vor dem Hause war.
Seinen Schild den guten setzt' er vor den Fuß:
Da musst er seinen Freunden versagen dienstbereiten Gruß. (2241)

Da rief der edle Markgraf hinüber in den Saal:
“Ihr kühnen Nibelungen, nun wehrt euch allzumal.
Ihr solltet mein genießen, ihr entgeltet mein:
Einst waren wir befreundet: Der Treue will ich ledig sein.” (2242)

Da erschraken dieser Märe die Notbedrängten sehr.
Es ward davon der Freude bei niemanden mehr,
Dass sie bestreiten wollte, dem jeder Liebe trug:
Sie hatten von den Feinden schon Leid erfahren genug. (2243)

“Das verhüte Gott vom Himmel!”, sprach Gunther der Degen.
“Dass ihr eurer Freundschaft also tut entgegen
Und der großen Treue, worauf uns sann der Mut:
Ich will euch wohl vertrauen, dass ihr das nimmermehr tut.” (2244)

“Es ist nicht mehr zu wenden,” sprach der kühne Mann,
“Ich muss mit euch streiten, wie ich den Schwur getan.
Nun wehrt euch, kühne Helden, so lieb euch seid er Leib:
Mir wollt es nicht erlassen des Königs Etzel Weib.” (2245)

“Ihr widersagt uns allzu spät,” sprach der König hehr.
“Nun mög euch Gott vergelten, viel edler Rüdiger,
Die Treue und die Liebe, die ihr uns habt getan,
Wenn ihr bis an das Ende auch halten wolltet daran. (2246)

“Wir wolltens immer danken was ihr uns habt gegeben,
Ich und meine Freunde, liebet ihr uns leben:
Ihr gabt uns hehre Gaben, als ihr uns führet her
Ins Heunenland zu Etzeln: Bedenket das, edler Rüdiger.” (2247)

“Wie gern ich euch das gönnte!”, sprach Rüdiger der Degen,
“Wenn ich euch meiner Gabe die Fülle dürfte wägen
Nach meinem Wohlgefallen; wie gerne tät ich das,
So mir es nicht erwürbe der edeln Königin Hass!” (2248)

“Lasst ab, edler Rüdiger,” sprach da Gernot,

“Nie ward ein Wirt gefunden, der es den Gästen bot
So freundlich und so gütlich als uns von euch geschehn:
Des sollt ihr auch genießen, so wir lebendig entgehn.” (2249)

“Das wollte Gott,” sprach Rüdiger, “viel edler Gernot,
“Dass ihr am Rheine wäret, und ich wäre tot:
So rettet' ich die Ehre, da ich euch soll bestehn;
Es ist an fremden Degen von Freunden nie so arg geschehn.” (2250)

“Nun lohn euch Gott, Herr Rüdiger,” sprach da Gernot,
“Eure reiche Gabe. Mich reuet euer Tod,
Soll an euch verderben so tugendlicher Mut.
Hier trag ich eure Waffe, die ihr mir gabet, Degen gut. (2251)

Die hat mir nie versagt noch in aller dieser Not;
Es fiel vor ihrer Schärfe so mancher Ritter tot;
Sie ist stark und lauter, herrlich und gut:
Gewiss, so reiche Gabe nie wieder ein Recke tut. (2252)

Und ist euch nicht zu raten, und wollt ihr uns bestehn,
Erschlagt ihr mir die Freunde, die hier noch bei mir stehn,
Mit euerm Schwerte nehm ich Leben euch und Leib:
So reuet ihr mich, Rüdiger, und euer herrliches Weib.” (2253)

“Das wolle Gott, Herr Gernot, und möchte das geschehn,
Dass hier nach euerm Willen alles könnt ergehn,
Und dass gerettet würde eurer Freunde Leib:
Euch sollten wohl vertrauen meine Tochter und mein Weib.” (2254)

Da sprach von Burgonden der schönen Ute Kind:
“Wie tut ihr so, Herr Rüdiger? Die mit mir kommen sind.
Die sind euch all gewogen; ihr greiftet übel zu:
Eure schöne Tochter wollt ihr verwitwen allzufrüh. (2255)

Wenn ihr und eure Recken mich wollt im Streit bestehn,
Wie wäre das unfreundlich, wie wenig ließ es sehn,
Dass ich euch vertraute vor jedem andern Mann,
Als ich zu einem Weibe eure Tochter mir gewann.” (2256)

“Gedenkt eurer Treue, viel edler König hehr,
Und schickt euch Gott von hinnen,” so sprach Rüdiger,
“So soll es nicht entgelten die liebe Tochter mein:
Bei aller Fürsten Tugend geruht ihr gnädig zu sein.” (2257)

“So sollt ichs billig halten;” sprach Geiselher das Kind;
“Doch meine hohen Freunde, die noch im Saale sind,
Wenn die vor euch ersterben, so muss geschieden sein
Diese stete Freundschaft zu dir und der Tochter dein.” (2258)

“Nun möge Gott uns gnaden,” sprach der kühne Mann.
Da hoben sie die Schilde, als wollten sie hinan
Zu streiten mit den Gästen in Kriemhildens Saal:
Überlaut rief Hagen da von der Stiege zu Tal: (2259)

“Noch harret eine Weile, viel edler Rüdiger.”
Also sprach da Hagen: “Wir reden erst noch mehr,
Ich und meine Herren, uns zwingt dazu die Not.
Was hilft es Etzeln, finden wir in der Fremde den Tod?” (2260)

“Ich steh in großer Sorge,” sprach wieder Hagen,
“Den Schild, den Frau Gotlinde mir gab zu tragen,
Den haben mir die Heunen zerhauen vor der Hand:
Ich bracht ihn doch mit Treue her in König Etzels Land. (2261)

Dass es Gott vom Himmel vergönnen wollte,
Dass ich so guten Schildes genießen sollte
Als du hast vor den Händen, viel edler Rüdiger:
So bedürft ich in dem Sturme keiner Halsbergen mehr.” (2262)

“Gern wollt ich dir dienen mit meinem Schilde,
Dürft ich dir ihn bieten vor Kriemhilde.
Doch nimm ihn immer, Hagen, und trag ihn an der Hand:
Hei! Dürftest du ihn führen heim in der Burgonden Land!” (2263)

Als er den Schild zu geben so willig sich erbot,
Da wurden mancher Augen von heißen Tränen rot.
Es war die letzte Gabe: Es durfte nimmermehr
Einem Degen Gabe bieten von Bechlaren Rüdiger. (2264)

Wie grimmig auch Hagen, wie zornig war sein Mut,
Ihn erbarmte doch die Gabe, die der Degen gut
So nahe seinem Ende noch an ihn getan.
Mancher edle Ritter mit ihm zu trauern begann. (2265)

“Nun lohn euch Gott vom Himmel, viel edler Rüdiger.
Es gibt eures Gleichen auf Erden nimmer mehr,
Der heimatlosen Degen so milde Gabe gebe:
So möge Gott gebieten, dass eure Tugend immer lebe. (2266)

O weh mir diese Märe,” sprach wieder Hagen,
“Wir hatten Herzensschwere genug zu tragen:
Das müsse Gott erbarmen, gilts uns mit Freunden Streit!”
Da sprach der Markgraf wieder: “Das ist mir inniglich leid.” (2267)

“Nun lohn ich euch die Gabe, viel edler Rüdiger:
Was immer widerfahre diesen Recken hehr,
Es soll euch nicht berühren im Streite meine Hand,
Ob ihr sie all erschlüget, die von der Burgonden Land.” (2268)

Da neigte sich ihm dankend der gute Rüdiger.
Sie weinten allenthalben: Dass nicht zu wenden mehr
Dieser Herzensjammer, das war eine große Not.
Der Vater aller Tugend fand an Rüdiger den Tod. (2269)

Da sprach von der Stiege Volker der Fiedelmann:
“Da mein Geselle Hagen euch bot den Frieden an;
So biet ich auch so steten euch von meiner Hand;
Das habt ihr wohl verdienet, da wir kamen in das Land. (2270)

Ihr sollt, viel edler Markgraf, mein Bote werden hier:
Diese roten Spangen gab Frau Gotlinde mir,
Dass ich sie tragen sollte bei dieser Lustbarkeit:
Ihr mögt sie selber schauen, dass ihr des mein Zeuge seid.” (2271)

“Wollt es Gott der Reiche,” sprach da Rüdiger,
“Dass euch die Markgräfin noch geben dürfte mehr.
Die Märe sag ich gerne der lieben Trauten mein,
Seh ich gesund sie wieder: Des sollt ihr außer Zweifel sein.” (2272)

Nach diesem Angeloben den Schild hob Rüdiger,
Sein Mut begann zu toben: Nicht länger säumt' er mehr;
Auf lief er zu den Gästen wohl einem Helden gleich:
Viel kraftvolle Schläge schlug da dieser Markgraf reich. (2273)

Da wichen ihm die beiden, Volker und Hagen, weit,
Wie ihm verheißen hatten die Recken kühn im Streit;
Noch traf er bei der Türe so manchen Kühnen an,
Dass Rüdiger die Feindschaft mit großen Sorgen begann. (2274)

Aus Mordgierde ließen in das Haus ihn ein
Gernot und Gunther; das mochten Helden sein.
Zurück wich da Geiselher; fürwahr, es war ihm leid:
Er hoffte noch zu leben, drum mied er Rüdigers im Streit. (2275)

Da sprangen zu den Feinden die in Rüdgers Lehn,
Man sah sie hohen Mutes bei ihrem Herren gehn.
Schneidende Waffen trugen sie an der Hand:
Da brachen viel der Helme und mancher schöne Schildesrand. (2276)

Da schlugen auch die Müden manchen harten Schlag
Auf die von Bechlaren, der tief und eben brach
Durch die festen Panzer und drang bis auf das Blut:
Sie taten in dem Sturme viel Wunder herrlich und gut. (2277)

Das edle Heergesinde war nun in dem Saal;
Volker und Hagen, die sprangen hin zumal:
Sie gaben niemand Frieden als dem einen Mann;
Das blut von ihren Hieben von den Helmen nieder rann. (2278)

Wie da der Schwerter Tosen so furchtbar erklang,
Dass unter ihren Schlägen das Schildgespäng zersprang!
Die Schildsteine rieselten nieder in das Blut;
Da fochten sie so grimmig wie man es nie wieder tut. (2279)

Der Vogt von Bechlaren schuf hin und her sich Bahn,
Wie einer der mit Kräften im Sturme werben kann;
Des Tages ward an Rüdiger herrlich offenbar,
Dass er ein Recke wäre kühn und ohne Tadel gar. (2280)

Hier standen diese Degen, Gunther und Gerenot,
Sie schlugen in dem Streite viel der Helden tot;
Geiselhern und Dankwart am Heile wenig lag:

Da brachten sie gar manchen hin zu seinem jüngsten Tag. (2281)

Wohl erwies da Rüdiger, dass er stark genug,
Kühn und wohl gewaffnet; hei! Was er Helden schlug!
Das sah ein Burgonde, dem schuf es Zorn und Not:
Davon begann zu nahen des edeln Rüdigers Tod. (2282)

Gernot der starke rief den Helden an.
Er sprach zum Markgrafen: "Ihr wollt von unserm Bann
Niemand leben lassen, viel edler Rüdiger:
Das schmerzt mich ohne Maßen; ich ertrag es länger nicht mehr. (2283)

"Nun mag euch eure Gabe zu Unstatten kommen,
Da ihr mir der Freunde habt so viel benommen.
Nun bietet mir die Stirne, ihr edler kühner Mann:
Eure Gabe wird verdienet so gut ich immer nur kann." (2284)

Bevor da der Markgraf zu ihm gedrungen war,
Ward noch getrübt vom Blute manch lichter Harnisch klar.
Da liefen sich einander die Ehrbegiergen an:
Jedweder sich zu schirmen vor starken Wunden begann. (2285)

Ihre Schwerter waren schneidig, es schirmte nichts dagegen.
Da schlug Gernoten Rüdiger der Degen
Durch den steinharten Helm, dass niederfloss das Blut:
Das vergalt ihm balde dieser Ritter kühn und gut. (2286)

Da schwang er Rüdgers Gabe, die ihm in Händen lag:
Wie wund er war zum Tode, er schlug ihm einen Schlag
Durch des Helmes Bänder und durch den festen Schild,
Davon ersterben musste der gute Rüdiger mild. (2287)

Nie ward so reicher Gabe so schlimm gelohnet mehr
Da fielen beid erschlagen Gernot und Rüdiger,
Im Sturme gleichermaßen von beider Kämpfer Hand.
Da erst ergrimte Hagen, als er den großen Schaden fand. (2288)

Da sprach der Held von Tronje: "Es ist uns schlimm bekommen
So großen Schaden haben wir an den zwein genommen,
Dass wir ihn nie verwinden, noch auch ihr Volk und Land.
Uns Heimatlosen bleiben nun Rüdgers Helden zu Pfand." (2289)

* Da wollte keiner weiter von dem andern was ertragen;
Mancher ward danieder unverletzt geschlagen,
Der wohl noch wär genesen: Ob ihm war solcher Drang,
Weil heil er sonst gewesen, dass er im Blute doch ertrank. (2290)

"Weh mir um den Bruder! Der fiel hier in den Tod:
Was mir zu allen Stunden für leide Märe droht!
Auch muss mich immer reuen der edle Rüdiger:
Der Schad ist beidenthalben und großen Jammers Beschwer." (2291)

Als der junge Geiselher sah seinen Bruder tot,
Die da im Saale waren, die mussten leiden Not.

Der Tod warb um Beute unter Rüdgers Heer:
Deren von Bechlarern entging kein einziger mehr. (2292)

Gunther und Hagen und auch Geiselher,
Dankwart und Volker, die guten Degen hehr,
Die gingen zu der Stelle wo man die Toten fand:
Wie jämmerlich da weinten diese Helden auserkannt! (2293)

“Uns raubt der Tod die Besten,” sprach Geiselher das Kind.
“Nun lasset euer Weinen und gehn wir an den Wind,
Dass sich die Panzer kühlen uns streitmüden Degen:
Es will nicht Gott vom Himmel, dass wir länger leben mögen.” (2294)

Den sitzen, den sich lehnen, sah man manchen Mann.
Sie waren wieder müßig; die in Rüdgers Bann
Waren all erlegen; verhallt war Drang und Stoß.
Die Stille währte lange, bis es Etzeln verdross. (2295)

“O weh dieser Dienste!”, sprach des Königs Weib.
“Er ist nicht so getreue, dass unsrer Feinde Leib
Des entgelten müsste von Rüdigers Hand:
Er will sie wiederbringen in der Burgonden Land. (2296)

“Was hilft uns, König Etzel, dass wir an ihn vertan
Wes er nur begehrte? Er hat nicht wohl getan:
Der uns rächen sollte will der Sühne pflegen.”
Da gab ihr Volker Antwort, dieser zierliche Degen: (2297)

“Dem ist nicht also leider, viel edles Königsweib;
Und dürft ich Lügen strafen ein so hehres Weib,
So hättet ihr recht teuflisch auf Rüdiger gelogen:
Er und seine Degen sind um die Sühne gar betrogen. (2298)

“So williglich vollbracht er was der König ihm gebot,
Dass er und sein Gesinde hier fielen in den Tod.
Nun seht euch um, Kriemhilde, wem ihr gebieten wollt:
Euch war bis an sein Ende Rüdiger getreu und hold. (2299)

“Wollt ihr das nicht glauben, so schaut es selber an.”
Zu ihrem Herzeleide ward es da getan:
Man trug den Held erschlagen hin wo ihn der König sah.
König Etzels Degen so leid wohl nimmer geschah. (2300)

Als sie den Markgrafen tot sahen vor sich tragen,
Da vermöcht euch kein Schreiber zu deuten noch zu sagen
Die ungebärdige Klage so von Weib als Mann,
Die sich von Herzenjammer allda zu zeigen begann. (2301)

König Etzels Jammer ward so stark und voll,
Wie eines Löwen Stimme dem reichen König scholl
Der Wehruf der Klage und auch dem Königsweib:
Sie weinten übermäßig um des guten Rüdiger Leib. (2302)

38. Abenteuer

Wie Dietrichens Recken erschlagen wurden

Der Jammer allenthalben zu solchem Maße schwoll,
Dass von dem Wehrufe Pallas und Turm erscholl.
Da vernahm es auch ein Berner aus Dietrichens Bann:
Der schweren Botschaft willen, wie kam er eilig heran! (2303)

Er sprach zu dem Fürsten: "Hört mich, Herr Dieterich,
Was ich je erlebte, so herzensjämmerlich
Hört ich niemals klagen als ich jetzt vernahm:
Ich fürchte, dass der König nun selber zu der Hochzeit kam. (2304)

"Wie wären sonst die Leute all in solcher Not?
Der König oder Kriemhild, davon ward eins dem Tod
Von den kühnen Gästen in ihrem Zorn gesellt;
Es weint übermäßig gar mancher zierliche Held." (2305)

Da sprach der Vogt von Berne: "Ihr Getreun in meinem Bann,
Seid nicht allzu schnelle: Was hier auch ward getan
Von den Heimatlosen, sie zwang dazu die Not:
Nun lasst sie des genießen, dass ich ihnen Frieden bot." (2306)

Da sprach der kühne Wolfhart: "Lasst mich zum Saale gehn,
Der Märe nachzufragen was da ist geschehn:
Ich will euch dann berichten, viel lieber Herre mein,
Wenn ich es dort erkunde, was der Klage Grund möge sein." (2307)

Da sprach der Herre Dietrich: "Wenn man sich Zorns versieht,
Und ungestümes Fragen zur Unzeit dann geschieht,
Das betrübt den Recken leicht den hohen Mut
Darum will ich, Wolfhart, nicht dass ihr die Frage tut." (2308)

Da schickt' er Helfrichen hinaus, den edeln Mann,
Ob er erkunden möge bei König Etzels Bann
Oder bei den Gästen, was da sei geschehn.
Man hatte nie bei Leuten so großen Jammer gesehn. (2309)

Der Bote fragte balde: "Was ist hier geschehn?"
Da sprach darunter einer: "Nun musst uns gar zergehn
Der Trost, der uns geblieben noch war in Heunenland:
Hier liegt erschlagen Rüdiger von der Burgonden Hand. (2310)

Nicht einer ist entronnen, der mit ihm ging hinein."
Das konnte Helfrichen nimmer leider sein.
Nie hört' er üblere Märe als er hier empfing:
Mit weinenden Augen der Bote hin zu Dietrich ging. (2311)

"Was bringt ihr uns für Kunde?", sprach da Dieterich;
"Was weint ihr so heftig, Degen Helferich?"

Da sprach der edle Recke: “Wohl hab ich Grund zu klagen:
Rüdiger liegt, der Gute von den Burgonden erschlagen.” (2312)

Da sprach der Held von Berne: “Das wolle nimmer Gott:
Eine starke Rache wär es und des Teufels Spott.
Wie hätt an ihnen Rüdiger verdient solchen Sold?
Ich weiß zu wohl die Kunde, er ist den Fremdlingen hold.” (2313)

Da versetzte Wolfhart: “Und wär es doch geschehn,
So müsst es ihnen allen an das Leben gehn.
Wenn wirs ertragen wollten, es brächt uns Schand und Spott,
Da uns so große Dienste der gute Rüdiger bot.” (2314)

Der Vogt von Amelungen erfragt' es gern noch mehr.
Er saß in einem Fenster, ihm war das Herz so schwer.
Da ließ er Hildebranden zu den Gästen gehn,
Von ihnen zu erfragen was da wäre geschehn. (2315)

Der sturmkühne Recke, Meister Hildebrand,
Weder Schild noch Waffen trug er an der Hand.
Er wollte ganz in Frieden zu den Gästen gehn:
Von seiner Schwester Kinde musst er sich getadelt sehn. (2316)

Da sprach der grimme Wolfhart: “Geht ihr dahin so bloß,
So kommt ihr ungescholten nimmer wieder los:
Ihr kehrt mit großen Schanden zurück von eurer Fahrt;
Geht ihr dahin in Waffen, so seid ihr besser bewahrt.” (2317)

Da gürtete der Alte sich nach des Jungen Rat.
Eh ers inne wurde standen in ihrem Staat
Alle Recken Dietrichs, die Schwerter in der Hand.
Leid war das dem Helden, er hätt es gern noch abgewandt. (2318)

Er frug, wohin sie wollten: Wie wollen mit euch hin:
Ob von Tronje Hagen auch dann wohl ist so kühn,
Mit Spott zu euch zu reden wie ihm zu tun gefällt?”
Als er die Rede hörte, erlaubt' es ihnen der Held. (2319)

Da sah der kühne Volker wohl gewaffnet gehn
Die Recken von Berne in Dietrichens Lehn,
Die Schwerter umgegürtet, die Schilde vor der Hand:
Er sagt' es seinen Herren aus der Burgonden Land. (2320)

Da sprach der Fiedelspieler: “Von dorthen seh ich nahn
Recht in Feindesweise die in Dietrichs Bann,
Gewaffnet unter Helmen: Sie wollen uns bestehn.
Nun wird es an das Üble mit uns Fremdlingen gehn.” (2321)

Es währte nicht mehr lange, so kam auch Hildebrand:
Er setzte vor die Füße seinen Schildesrand
Und begann zu fragen die in Gunthers Bann:
“O weh, ihr guten Helden, was hat euch Rüdiger getan? (2322)

Mich hat mein Herre Dietrich her zu euch gesandt,

Ob erschlagen liege, Helden, von eurer Hand
Dieser edle Markgraf wie man uns gab Bescheid?
Wir könnten nicht verwinden also schweres Herzeleid. (2323)

Da sprach von Tronje Hagen: “Die Mär ist nicht erlogen
So gern ichs euch auch gönnte, wärt ihr damit betrogen,
Rüdigers zu Liebe: Dann wär er noch am Leben,
Um welchen Fraun und Männer Klage nie genug erhoben.” (2324)

Als sie das vernahmen, Rüdiger sei tot,
Da beklagten ihn die Recken wie die Treue das gebot.
Dietrichens Recken sah man die Tränen gehn
Über Bart zum Kinne; viel Leid war ihnen geschehn. (2325)

Da sprach der Herzog Siegstab aus dem Bernerland:
“O weh, dass all die Liebe hier ein Ende fand,
Die uns erwiesen Rüdiger nach unsers Leides Tagen:
Der Trost der Heimatlosen liegt von euch Helden hier erschlagen.”
(2326)

Da sprach von Amelungen der Degen Wolfwein:
“Und säh ich heut erschlagen den eignen Vater mein,
Nicht mehr möcht ich weinen als um seinen Leib:
O weh, wer soll nun trösten des guten Markgrafen Weib?” (2327)

Da sprach im Zornmute der Degen Wolfhart:
“Wer leitet nun die Recken auf mancher Heeresfahrt,
Wie von dem Markgrafen so oft geschehen ist?
O weh, viel edler Rüdiger, dass du uns so verloren bist!” (2328)

Helfrich und Wolfbrand und auch Helmnot
Mit allen ihren Freunden beweinten seinen Tod.
Da mochte nicht mehr fragen vor Seufzen Hildebrand;
Er sprach: “Nun tut, ihr Degen, warum mein Herr uns hergesandt.
(2329)

“Gebt uns den toten Rüdiger aus dem Saal,
An dem all unsre Freude erlitt den Jammerfall.
Lasst uns ihm hier vergelten was er an uns getan
Mit so großer Treue, und an manchem andern Mann. (2330)

Wir sind hier Fremdlinge wie Rüdiger der Degen.
Wie lang lasst ihr uns warten? Lasst uns ihn aus den Wegen
Tragen, und im Tode lohnen noch dem Mann:
Wir hätten es wohl billig bei seinem Leben getan.” (2331)

Da sprach der König Gunther: “Nie war ein Dienst so gut
Als den ein Freund dem Freunde nach dem Tode tut.
Das nenn ich stete Treue, wer das leisten kann:
Ihr lohnet ihm billig, er hat euch Liebes getan.” (2332)

“Wie lange sollen wir flehen?”, sprach Wolfhart der Degen.
“Da unser Trost der Beste erlag von euern Schlägen,
Und wir ihn nun leider nicht länger mögen haben,

Lasst uns ihn hinnen bringen, dass wir den Recken begraben.” (2333)

Zur Antwort gab ihm Volker: “Niemand bringt ihn euch:
Holt ihn aus dem Hause, wo der Degen reich
Mit tiefen Todeswunden niedersank ins Blut:
So sind es volle Dienste, die ihr an Rüdigern tut.” (2334)

Da sprach der kühne Wolfhart: “Gott weiß, Herr Fiedelmann,
Ihr dürft uns nicht noch reizen; ihr habt uns Leid getan.
Dürft ichs vor meinem Herren, so kämt ihr drum in Not;
Doch müssen wir es lassen, weil er den Streit uns verbot.” (2335)

Da sprach der Fiedelspieler: “Der fürchtet sich zu viel,
Der was man ihm verbietet alles lassen will:
Das kann ich nimmer heißen rechten Heldenmut.”
Die Rede dächte Hagen von seinem Heergesellen gut. (2336)

“Wollt ihr den Spott nicht lassen,” fiel ihm Wolfhart ein,
“Ich verstimm euch so die Saiten, dass ihr noch am Rhein,
Wenn je ihr heimreitet, habt davon zu sagen.
Euer Überheben mag ich mit Ehren nicht ertragen.” (2337)

Da sprach der Fiedelspieler: “Wenn ihr den Saiten mein
Die guten Töne raubtet, eures Helmes Schein
Müsste trübe werden dabei von meiner Hand,
Wie ich auch reiten möge in der Burgonden Land.” (2338)

Da wollt er zu ihm springen; doch war nicht frei die Bahn:
Hildebrand sein Oheim hielt ihn mit Kräften an:
“Ich sehe, du willst wüten in deinem dummen Zorn:
Nun hätten wir auf immer meines Herrn Huld verlorn.” (2339)

“Lasst los den Leuen, Meister, er ist so verwegen;
Doch kommt er mir zu nahe,” sprach Volker der Degen,
“Hätt er mit seinen Händen die ganze Welt erschlagen,
Ich schlag ihn, dass er ein Widerwort nimmer wieder weiß zu sagen.”
(2340)

Darob erzürnte heftig den Bernern der Mut.
Den Schild rückte Wolfhart, ein schneller Degen gut:
Gleich einem wilden Leuen lief er auf ihn an;
Die Schar seiner Freunde ihm rasch zu folgen begann. (2341)

Mit weiten Sprüngen setzt' er bis vor des Saales Wand,
Doch ereilt' ihn vor der Stiege der alte Hildebrand:
Er sollte vor ihm selber nicht kommen in den Streit.
Zu ihrem Willen fanden sie die Gäste gern bereit. (2342)

Zu Hagen von Tronje sprang Meister Hildebrand:
Man hörte Schwerter klingen beiden an der Hand.
Sie waren sehr im Zorne das zeigte sich geschwind:
Von der Helden Schwertern ging ein feuerroter Wind. (2343)

Doch wurden sie geschieden in des Streites Not,

Das taten die von Berne wie ihr Mut gebot.
Da wandte sich von Hagen Meister Hildebrand:
Da kam der starke Wolfhart auf den kühnen Volker gerannt. (2344)

Er schlug den Fiedelspieler auf des Helmes Schein,
Dass des Schwertes Schärfe drang auf die Spangen ein.
Das vergalt mit Kräften der kühne Fiedelmann;
Da schlug er Wolfharten, dass er zu straucheln begann. (2345)

Feuers aus den Panzern hieben sie genug;
Grimmen Hass jedweder zu dem andern trug.
Da schied sie von Berne der Degen Wolfwein;
Wär er kein Held gewesen, so konnt es nimmermehr sein. (2346)

Gunther der Degen mit kampfbereiter Hand
Empfing die starken Helden aus Amelungenland.
Geiselher der Herre, die lichten Helme gut
Macht' er in dem Sturme manchem nass und rot von Blut. (2347)

Dankwart, Hagens Bruder, war ein grimmer Mann:
Was er zuvor im Streite Herrliches getan
An König Etzels Recken, schien alles nur ein Wind:
Nun erst begann zu toben des kühnen Aldrians Kind. (2348)

Ritschart und Gerbart, Helfrich und Wichart,
In manchen Stürmen hatten die selten sich gespart:
Das ließen sie wohl schauen die in Gunthers Lehn.
Da sah man Wolfbranden auch im Sturme herrlich gehn. (2349)

Da focht als ob er wüte der alte Hildebrand.
Viel gute Recken mussten vor Wolfhartens Hand
Auf den Tod getroffen sinken in das Blut:
So rächten Rüdgers Wunden diese Recken kühn und gut. (2350)

Da focht der Herzog Siegstab wie ihm der Mut gebot:
Hei! Was guter Helme brach in des Sturmes Not
Den Feinden gegenüber Dietrichens Schwestersohn!
Er konnt in dem Sturme nicht gewaltiger drohn. (2351)

Volker der starke, als er das ersah,
Wie Siegstab der kühne aus harten Panzern da
Bäche Blutes lockte, der Held geriet in Zorn:
Er sprang ihm hin entgegen: Gar bald da hatte verlorn (2352)

Von dem Fiedelspieler das Leben Siegstab:
Volker ihm solche Proben seiner Künste gab,
Er fiel von seinem Schwerte nieder in den Tod.
Der alte Hilbrand rächte das wie ihm sein Eifer gebot. (2353)

“O weh des lieben Herren,” sprach Meister Hildebrand,
“Der uns hier erschlagen liegt von Volkers Hand:
Nun soll der Fiedelspieler auch länger nicht gedeihn.”
Hildebrand der kühne, wie mocht er grimmiger sein? (2354)

Da schlug er so auf Volker, dass von des Helmes Band
Die Splitter allwärts stoben bis zu des Saales Wand,
Vom Helm und auch vom Schilde, dem kühnen Fiedelmann:
Davon der starke Volker nun auch sein Ende gewann. (2355)

Als Dietrichs Heergesinde zu dem Streite drang,
Da schlug es, dass in Stücke mancher Panzer sprang,
Und man der Schwerter Enden hoch fliegen sah
Sie holten aus den Helmen heiße Bäche Blutes da. (2356)

Da sah von Tronje Hagen Volker den Degen tot:
Das war beim Hofgelage die allergrößte Not,
Die er gewonnen hatte an Freund und Untertan:
O weh, wie grimmig Hagen den Freund zu rächen begann! (2357)

“Des soll mir nicht genießen der alte Hildebrand:
Mein Gehilfe liegt erschlagen von des Helden Hand Hand,
Der beste Heergeselle, den ich je gewann.”
Den Schild rückt' er höher, so ging er hauend hindann. (2358)

Helfrich der starke Dankwarten schlug:
Geiselnern und Gunthern war es leid genug,
Als sie ihn fallen sahen in der starken Not;
Doch hatten sein Hände wohl vergolten seinen Tod. (2359)

* So viel aus manchen Landen hier Volks versammelt war,
Viel Fürsten kraftgerüstet gegen die kleine Schar,
Wären die Christenleute nicht wider sie gewesen,
Durch ihre Tugend mochten sie vor allen Heiden wohl genesen. (2360)

Derweilen schuf sich Wolfhart hin und wieder Bahn.
Alles niederhauend was Gunthern untertan;
Er machte nun schon dreimal die Runde durch den Saal:
Da fiel vor seinen Händen gar mancher Recke zu Tal. (2361)

Da rief der Herre Geiselher Wolfharten an:
“O weh, dass ich so grimmen Feind je gewann!
Kühner Ritter edel, nun wende dich hieher!
Dem helf ich an ein Ende, ich ertrag es länger nicht mehr.” (2362)

Zu Geiselnern wandte sich Wolfhart in den Streit.
Da schlugen sich die Recken wohl manche Wunde weit;
Mit solchem Ungestüme er zu dem König drang,
Dass unter seinen Füßen übers Haupt das Blut ihm sprang. (2363)

Mit schnellen grimmen Schlägen der schönen Ute Kind
Empfing da Wolfharten, den Helden hoch gesinnt.
Wie stark auch war der Degen, er konnte nicht gedeihn.
Ein so junger König mochte nimmer kühner sein. (2364)

Da schlug er Wolfharten durch einen Harnisch gut,
Dass ihm aus der Wunde niederschoss das Blut:
Er verwundete zum Tode den in Dietrichs Bann;
Wohl musst er sein ein Recke, der solche Werke getan. (2365)

Als der kühne Wolfhart die Wund an sich empfand,
Den Schild ließ er fallen: Da schwang er in der Hand
Eine starke Waffe; scharf war die genug:
Durch Helm und Panzerringe der Held da Geiselhern schlug. (2366)

Das grimme Ende hatten die zwei sich angetan.
Da lebte niemand weiter von Dietrichens Bann.
Hildebrand der Alte Wolfharten fallen sah:
Fürwahr, vor seinem Tode solch Leid ihm nimmer geschah. (2367)

Gestorben waren alle die aus Gunthers Land
Und Dietrichens Helden. Dahin ging Hildebrand,
Wo Wolfhart war gefallen nieder in sein Blut:
Er umschloss mit Armen diesen Recken kühn und gut. (2368)

Ihn aus dem Haus zu tragen müht' er erst sich sehr:
Er musst ihn liegen lassen, er war ihm allzu schwer.
Da blickt' aus dem Blute der todwunde Mann;
Er sah wohl, dass sein Oheim ihn gerne trüge hindann. (2369)

Da sprach der Todwunde: "Viel lieber Oheim mein,
Mir kann zu dieser Stunde eure Hilfe nicht gedeihn:
Nun hütet euch vor Hagen, fürwahr, ich rat euch gut:
Er trägt in seinem Herzen einen grimmigen Mut. (2370)

Und wollen meine Freunde im Tode mich beklagen,
Den nächsten und den besten sollt ihr von mir sagen,
Dass sie nicht um mich weinen, das tu nimmer Not;
Von Königshänden fand ich hier einen herrlichen Tod. (2371)

Ich hab auch so mein Sterben vergolten hier im Saal,
Das schafft noch der Frauen der guten Ritter Qual.
Wills jemand von euch wissen, dem mögt ihr immer sagen:
Von meiner Hand alleine liegen hundert wohl erschlagen." (2372)

Da gedachte Hagen wieder an den Fiedelmann,
Dem der kühne Hildebrand das Leben abgewann:
Da sprach er zu dem Degen: "Ihr entgeltet nun mein Leid:
Ihr habt uns hier erschlagen manchen Ritter kühn im Streit." (2373)

Er schlug Hildebranden, dass man wohl vernahm
Balmungen sausen, den Siegfrieden nahm
Hagen der Kühne, als er den Helden schlug.
Da wehrte sich der Alte: Er war auch streitbar genug. (2374)

Dietrichens Recke eine breite Waffe schwang
Auf den Held von Tronje, die scharf den Stahl durchdrang;
Doch konnt er nicht verwunden Gunthers Untertan.
Da schlug ihm wieder Hagen durch einen Harnisch wohlgetan. (2375)

Als der alte Hildebrand die Wunde recht empfand,
Besorgt' er größern Schaden noch von Hagens Hand:
Den Schild warf auf den Rücken der in Dietrichs Bann:

Mit der starken Wunde der Held vor Hagen entrann. (2376)

Da lebt' auch von allen den Degen niemand mehr
Als Gunther und Hagen, die beiden Recken hehr.
Da ging mit Blut beronnen der alte Hildebrand:
Er brachte leide Märe als er Dietrichen fand. (2377)

Tief bekümmert sitzen fand er da den Mann.
Noch größern Leides Kunde nun der Fürst gewann;
Er sah Hildebranden in seinem Harnisch rot:
Da fragt' er nach dem Grunde, wie ihm die Sorge gebot. (2378)

“Nun sagt mir, Meister Hildebrand, wie seid ihr so nass
Von dem Reckenblute, oder wer tat euch das?
Ihr habt wohl mit den Gästen gestritten in dem Saal?
Ihr ließt es billig bleiben, wie ich so dringend befahl.” (2379)

Er sprach zu seinem Herren: “Hagen tat es mir:
Der schlug mir in dem Hause diese Wunden hier,
Als ich von dem Recken zu wenden mich begann;
Kaum dass ich mit dem Leben noch vor dem Teufel entrann.” (2380)

Da sprach der Vogt von Berne: “Gar Recht ist euch geschehn,
Da ihr mich hörtet Freundschaft den Recken zugestehn,
Und doch den Frieden brachet, den ich ihnen bot:
Wärs mir nicht ewig Schande, so büßtet ihrs mit dem Tod.” (2381)

“Nun zürnt mir, Herr Dietrich, darob nicht allzu sehr:
An mir und meinen Freunden ist der Schade gar zu schwer.
Wir wollten Rüdger gerne tragen aus dem Saal:
Das wollten uns nicht gönnen die welchen Gunther befahl.” (2382)

“O weh mir dieses Leides! Ist Rüdiger doch tot?
Das ist der größte Jammer in aller meiner Not.
Die edle Gotlinde ist meiner Basen Kind:
O weh der armen Waisen, die dort zu Bechlarern sind.” (2383)

Herzeleid und Kummer schuf ihm da sein Tod;
Da hub er an zu weinen, den Helden zwang die Not:
“O weh der treuen Hilfe, die mir an ihm erlag,
König Etzels Degen, den ich nie verschmerzen mag. (2384)

“Mögt ihr, Meister Hildebrand, mir nicht die Märe sagen,
Wie der Recke heiße, der ihn hat erschlagen?”
Er sprach: “Das tat mit Kräften der starke Gernot;
Doch von Rüdgers Händen fand der Degen auch den Tod.” (2385)

Er sprach zu Hildebranden: “So sagt meinem Bann,
Dass sie sich eilends waffnen, so geh ich selbst hinan;
Und befiehlt, dass sie mir bringen mein lichtiges Streitgewand:
Ich selber will nun fragen die Helden aus Burgondenland.” (2386)

Da sprach Meister Hildebrand: “Wer soll mit euch gehn?
Dei euch am Leben blieben, die seht ihr vor euch stehn:

Das bin ich ganz alleine: Die andern, die sind tot.”
Da erschrak er ob der Märe, es schuf ihm wahrhafte Not, (2387)

Dass er auf Erden nimmer so großes Leid gewann.
Er sprach: “Und sind erstorben all die mir untermant,
So hat mein Gott vergessen, ich armer Dieterich!
Ich herrscht ein reicher König hehr einst und gewaltiglich.” (2388)

Wieder sprach da Dietrich: “Wie konnt es nur geschehn,
Dass alle sterben mussten, die Helden ausersehn,
Vor den Streitmüden, die doch gelitten Not?
Mein Unglück schuf alleine, sonst verschonte sie der Tod! (2389)

Wenn dann mein Unheil wollte, es sollte sich begeben,
So sprecht, blieb von den Gästen einer noch am Leben?”
Da sprach Meister Hildebrand: “Gott weiß es, niemand mehr
Als Hagen ganz alleine und Gunther der König hehr.” (2390)

“O weh, du lieber Wolfhart, und hab ich dich verloren,
So mag mich bald gereuen, dass ich je ward geboren.
Siegstab und Wolfwein und auch Wolfbrand:
Wer soll mir denn helfen in der Amelungen Land? (2391)

Helferich der Kühne, und ist auch der erschlagen,
Gerbart und Wichart: Wann hör ich auf zu klagen?
Das ist für alle Freude mein allerletzter Tag;
O weh mir, dass vor Leide niemand doch ersterben mag!” (2392)

39. Abenteuer

Wie Gunther, Hagen und Kriemhild erschlagen wurden

Da suchte sich Herr Dietrich selber sein Gewand;
Ihm half, dass er sich waffnete, der alte Hildebrand.
Da klagte so gewaltig der kraftvolle Mann,

Dass von seiner Stimme das Haus zu schüttern begann. (2393)

Doch gewann er wieder den rechten Heldenmut.
Gewaffnet ward im Grimme bald der Degen gut;
Seinen Schild den festen nahm er an die Hand:
Sie gingen bald von dannen, er und Meister Hildebrand. (2394)

Da sprach von Tronje Hagen: "Dort seh ich zu uns gehn
Dietrich den Herren; der will uns wohl bestehn
Nach dem großen Leide, das wir ihm angetan.
Nun soll man heute schauen, wen man den Besten nennen kann. (2395)

Und dünkt sich denn von Berne der Degen Dieterich
Gar so starkes Leibes und so fürchterlich,
Und will ers an uns rächen was ihm ist geschehn,"
Also sprach Hagen, "ich bin wohl Mann ihn zu bestehn." (2396)

Die Rede hörte Dietrich und Meister Hildebrand.
Er kam wo er die Recken beide stehen fand
Außen vor dem Hause, gelehnt an den Saal:
Sein Schild den guten setzte Dietrich zu Tal. (2397)

Im leidvollen Sorgen hub da Dietrich an:
"Gunther, reicher König, wie habt ihr so getan
An mir Heimatlosem? Was tat ich euch wohl je,
Dass alles meines Trostes ich nun verwaiset mich seh? (2398)

Ihr fandet nicht Genüge an der großen Not
Als ihr uns Rüdigeren, den Helden, schluget tot:
Nun raubtet ihr mir alle, die mir sind untertan.
Wohl hätt ich solchen Leides euch Degen nimmer getan. (2399)

Gedenket an euch selber und an euer Leid,
Eurer Freunde Sterben und all die Not im Streit,
Ob es euch guten Recken nicht betrübt den Mut;
O weh, wie so wehe mir der Tod Rüdgers tut. (2400)

Solch Leid geschah auf Erden niemanden je.
Ihr gedachtet wenig an mein und euer Weh.
Miene Freuden alle liegen von euch erschlagen;
Wohl kann ich meine Freunde nimmermehr genug beklagen." (2401)

"Wir sind wohl nicht so schuldig," sprach Hagen dagegen.
"Zu diesem Hause kamen alle eure Degen
Mit großem Fleiß gewaffnet in einer breiten Schar;
Man hat euch wohl die Märe nicht so gesagt, wie sie war." (2402)

"Was soll ich anders glauben? Mir sagt Hildebrand:
Euch baten meine Recken vom Amelungenland,
Ihr solltet ihnen Rüdgern geben aus dem Saal;
Da botet ihr Gespötte nur meinen Recken her zu Tal." (2403)

Da sprach der Vogt vom Rheine: "Sie wollten Rüdgern tragen.
Sagten sie, von hinnen: Das ließ ich da versagen,

Etzeln zum Trotze, nicht aber deinem Bann,
Bis Wolfhart der Degen darob zu schelten begann.” (2404)

Da sprach der Held von Berne: “Es muss nun also sein:
Gunther, edler König, bei aller Tugend dein,
Vergilt mir nun das Herzeleid, das mir von dir geschehn.
Versühn es, kühner Ritter, so lass ichs ungerochen gehn. (2405)

“Ergibt dich mir zum Geisel mit Hagen deinem Mann;
So will ich dich beschützen so gut ich immer kann,
Dass dir bei den Heunen hier niemand Leides tut:
Du sollst an mir erfahren, dass ich getreu bin und gut.” (2406)

“Das verhüte Gott vom Himmel,” sprach Hagen dagegen,
“Dass sich dir ergeben sollten zwei Degen,
Die noch in Waffenwehre dir entgegen stehn,
Und denen es leicht wäre ihren Feinden zu entgehn.” (2407)

“Ihr sollt es nicht verweigern,” sprach da Dieterich,
“Gunther und Hagen, ihr habt so bitterlich
Beide mir betrübet das Herz und auch den Mut,
Wollt ihr mir das vergüten, dass ihr es billiglich tut. (2408)

“Ich geb euch meine Treue und reich euch meine Hand,
Dass ich mit euch reiten will heim in euer Land:
Ich geleit euch wohl nach Ehren, ich stürbe denn den Tod,
Und will um euch vergessen all meiner schmerzhaften Not.” (2409)

“Steht ab von dem Begehren,” sprach wieder Hagen;
“Es würd uns wenig ehren, wär von uns zu sagen,
Dass zwei so kühne Degen sich ergeben eurer Hand:
Sieht man bei euch doch niemand als alleine Hildebrand.” (2410)

Da sprach Meister Hildebrand: “Gott weiß Herr Hagen,
Der Frieden, den Herr Dietrich euch hat angetragen,
Es kommt noch an die Stunde, dass ihr ihn nähmet gern:
Nun lässt euch wohlbehagen diese Sühne meines Herrn.” (2411)

“Auch nähm ich eh den Frieden,” sprach Hagen dagegen,
“Eh ich mit Schimpf und Schande so vor einem Degen
Entliefte, Meister Hildebrand, als ihr habt hier getan:
Ich wähte doch, ihr stündet vor Feinden besser euern Mann.” (2412)

Zur Antwort gab ihm Hildebrand: “Was verweist ihr mir das?”
Wer wars der auf dem Schilde vor dem Wasgensteine saß,
Als ihm von Spanien Walther so viel der Freunde schlug?
Wohl habt ihr an euch selber noch zu rügen genug.” (2413)

Da sprach der Degen Dietrich: “Wie ziemt solchen Degen
Sich mit Worten schelten wie alte Weiber pflegen?
Ich verbiet es, Meister Hildebrand, sprecht hier nicht mehr:
Mich heimatlosen Recken zwingt große Beschwer. (2414)

“Lasst hören, Recke Hagen,” sprach da Dietrich,

“Was sprachet ihr zusammen, ihr Helden tugendlich,
Als ihr mich gewaffnet sahet zu euch gehn?
Ihr sagtet, ihr alleine wolltet mich im Streit bestehn.” (2415)

“Das wird euch niemand leugnen,” sprach Hagen der Degen,
“Wohl will ichs hier versuchen mit Kraftvollen Schlägen,
Es sei denn mir zerbreche das Nibelungenschwert:
Mich entrüstet, dass zu Geiseln ihr uns beide habt begehrt.” (2416)

Als da Dietrich hörte Hagens grimmen Mut,
Den Schild behende zuckte der schnelle Degen gut.
Wie rasch ihm von der Stiege entgegen Hagen sprang!
Niblungens Schwert das gute auf Dietrichen laut erklang. (2417)

Da wusste wohl Herr Dietrich, das der kühne Mann
Grimmen Mutes fechte; zu schirmen sich begann
Der Degen von Berne vor fürchterlichen Schlägen.
Wohl erkannt er Hagen, diesen zierlichen Degen. (2418)

Auch scheut' er Balmungen, eine Waffe stark genug;
Nur unterweilen Dietrich mit Kunst entgegenschlug,
bis er von Tronje Hagen im Streite doch bezwang:
Er schlug ihm eine Wunde, die war tief und auch lang. (2419)

Da gedachte Dietrich: “Dich schwächte lange Not;
Mir brächt es wenig Ehre, gäb ich dir hier den Tod.
So will ich nur versuchen, ob ich dich zwingen kann
Als Geisel mir zu folgen.” Das ward mit Sorgen getan. (2420)

Den Schild ließ er fallen: Seine Stärke, die war groß;
Hagen von Tronje mit den Armen er umschloss.
So wurde da bezwungen von ihm der kühne Mann.
Gunther der Edle darob zu trauern begann. (2421)

Hagen band da Dietrich und führt' ihn wo er fand
Die edle Königstochter und gab in ihrer Hand
Den allerkühnsten Recken, der je die Waffen trug:
Nach ihrem starken Leide ward sie da fröhlich genug. (2422)

Da neigte sich dem Degen vor Freuden Etzels Weib:
“Nun sei dir immer selig das Herz und auch der Leib;
Du hast mir wohl vergütet alle meine Not:
Ich will dirs immer danken, es verhüt es denn der Tod.” (2423)

Da sprach der Degen Dietrich: “Nun lasset ihn am Leben,
Edle Königstochter: Es mag sich wohl begeben,
Dass euch sein Dienst vergütet das Leid das er euch tat.
Er soll es nicht entgelten, dass ihr ihn gebunden saht.” (2424)

Da ließ sie Hagen führen in ein Haftgemach,
Wo niemand ihn erschaute und er verschlossen lag.
Gunter der edle König hub da zu rufen an:
“Wo blieb der Held von Berne? Er hat mir Leides getan.” (2425)

Da ging ihm entgegen der Herre Dieterich.
Gunthers Kräfte waren stark und ritterlich;
Er versäumte sich nicht länger, er rannte vor den Saal:
Von ihrer beider Schwertern erhob sich mächtiger Schall. (2426)

So viel des Lobs sich Dietrich erwarb seit Jahren her,
In seinem Zorne tobte Gunther allzusehr.
Er war nach seinem Leide von Herzen Feind dem Mann:
Ein Wunder musst es heißen, dass da Herr Dietrich entrann. (2427)

Sie waren alle beide so stark und mutsvoll,
Dass von ihren Schlägen Pallas und Turm erscholl,
als sie mit Schwertern hieben auf die Helme gut:
Da zeigte König Gunther einen herrlichen Mut. (2428)

Doch zwang ihn der von Berne, wie Hagen erst geschah.
Das Blut man aus dem Panzer dem Helden fließen sah
Von einem scharfen Schwerte; das trug Herr Dieterich;
Doch wehrte sich Herr Gunther, so müd er war, ritterlich. (2429)

Der König war gebunden von Dietrichens Hand,
Wie nimmer Könige sollten leiden solch ein Band.
Er dachte, ließ er ledig Gunthern und seinen Mann,
Wem sie begegnen möchten, der müsste den Tod empfahn. (2430)

Dietrich von Berne nahm ihn bei der Hand,
Er führt' ihn hin gebunden, wo er Kriemhilden fand.
Sie sprach: "Willkommen, Gunther, ein Degen auserkannt." –
"Nun lohn euch Gott, Kriemhilde, wenn hierzu euch Treue mahnt."
(2431)

Er sprach: "Ich müsst euch danken, viel liebe Schwester mein,
Wenn euer Gruß in Gnade geschehen könnte sein;
Ich weiß euch aber, Königin, so zornig von Mut,
Dass ihr mir und Hagen solchen Gruß im Spotte tut." (2432)

Da sprach der Held von Berne: "Viel edles Königsweib,
Man brachte nie als Geiseln so guter Ritter Leib
Als ich, hehre Fraue, hier bring in eure Hut;
Nun komme meine Freundschaft den Heimatlosen zu Gut." (2433)

Sie sprach, sie tät es gerne. Da ging Dieterich
Mit weinenden Augen von den Helden tugendlich.
Da rächte sich entsetzlich König Etzels Weib:
Den auserwählten Degen nahm sie Leben und Leib. (2434)

Sie ließ sie gesondert in Gefängnis legen,
Dass sich ihr Leben nicht widersahn die Degen,
Bis sie ihres Bruders Haupt vor Hagen trug:
Da ward Kriemhildens Rache an beiden grimmig genug. (2435)

Da ging die Königstochter hin wo sie Hagen sah;
Wie feindselig sprach sie zu dem Recken da:
"Wollt ihr mir wiedergeben was ihr mir habt genommen,

So mögt ihr wohl noch lebend heim zu den Burgonden kommen.”
(2436)

Da sprach der grimme Hagen: “Die Bitt ist gar verloren,
Viel edle Königstochter. Den Eid hab ich geschworen,
Dass ich den Hort nicht zeige so lange noch am Leben
Meiner Herren einer: Drum wird er niemand gegeben.” (2437)

“Ich bring es an ein Ende,” sprach das edle Weib.
Ihrem Bruder nehmen ließ sie da Leben und Leib;
Man schlug das Haupt immer nieder: Bei den Haaren sie es trug
vor den Held von Tronje: Da gewann er Leid genug. (2438)

Als der Unmutvolle seines Herren Haupt ersah,
Wider Kriemhilde sprach der Recke da:
“Du hast nach deinem Willen zu Ende nun gebracht,
Und es ist auch so ergangen wie ich mir hatte gedacht. (2439)

“Nun ist von Burgonden der edle König tot,
Geiselher der junge und auch Gernot.
Den Schatz weiß nun niemand als Gott und ich allein:
Der soll dir Teufelsweibe immer wohl verhohlen sein.” (2440)

Sie sprach: “So habt ihr üble Vergeltung mit gewährt;
So will ich doch behalten Siegfriedens Schwert.
Das trug mein holder Trauter, als ich zuletzt ihn sah,
An dem mir Herzensjammer vor allem Leide geschah.” (2441)

Sie zog es aus der Scheide, er konnt es nicht verwehren.
Da dachte sie dem Recken das Leben zu versehren:
Sie schwang es mit den Händen, das Haupt schlug sie ihm ab.
Das sah der König Etzel, dem es großen Kummer gab. (2442)

“Wehe!”, rief der König, “Wie ist hier gefällt
Von eines Weibes Händen der allerbeste Held,
Der je im Sturm gefochten und seinen Schildrand trug!
So Feind ich ihm gewesen, mir ist leid um ihn genug.” (2443)

Da sprach der alte Hildebrand: “Es kommt ihr nicht zu gut,
Dass sie ihn schlagen durfte; was man mir auch tut,
Ob er mich selber brachte in Angst und große Not,
Dennoch will ich rächen dieses kühnen Tronjers Tod.” (2444)

Hildebrand der alte zu Kriemhilden sprang,
Er schlug dem Königsweibe einen Schwertesschwang.
Wohl schmerzten solche Dienste von Hilbranden sie:
Was mocht ihr aber helfen dass sie so ängstlich schrie? (2445)

Die da sterben sollten lagen all umher;
Zu Stücken lag verhauen die Königstochter hehr.
Dieterich und Etzel huben zu weinen an
Und jämmerlich zu klagen manchen Freund und Untertan. (2446)

Da waren auch die Stolzesten erlegen vor dem Tod:

Die Leute hatten alle Jammer und Herzensnot.
Mit Leide war beendet des Königs Lustbarkeit,
Wie die Liebe Leiden stets am letzten Ende leiht. (2447)

Ich kann euch nicht bescheiden was seit her geschah
Als dass man Fraun und Ritter immer weinen sah,
Dazu die edeln Knechte, um lieber Freunde Tod.
Hie hat die Mär ein Ende: Das ist der Nibelungen Not. (2448)

Приложение

Чудеснейшая история о роговом Зигфриде, что за удивительные приключения испытал этот достойный рыцарь, весьма примечательная и любопытная для чтения

Вступление к этой примечательной истории

Во многих историях рассказывается, как король Артур, что из Британии, во время оно держал пышный двор с самыми достойными рыцарями из всех живших в ту пору, и сидели они за Круглым столом; и посвятил он в рыцари прекрасного, ещё совсем юного господина Виголейса, прозванного рыцарем Колеса, который вскоре после того, ещё во цвете лет, испытал наичудеснейшие приключения, так что и поверить трудно; мало того, что он умерщвлял

великанов и других рыцарей, а иных заставлял, во исполнение его воли, самих принести к Круглому столу весть о его победе над ними; но сверх того он убил ужасного дракона Пифона, с которым бы и целому войску не справиться. А также с превеликим трудом одолел околдованного змия и дракона, а вернее сказать самого дьявола Воланда и, наконец, после тяжкого поединка прикончил архикудесника Роаса в его собственном дворце и всю ту страну и королевство Тародус возвратил законной наследнице, а именно прекрасной девице Ларии, королевне, которую он (господин Виголейс) получил в награду за свои превеликие и тяжкие труды, подвиги и опасности, купно со всем королевством и землями. О чём можно обстоятельно и со всеми подробностями с немалым удовольствием прочитать в занимательной истории о господине Виголейсе. Почти в таком же роде будет и нижеследующая история, к которой мы обратимся без дальнейших отступлений и околичностей.

Как Зигфрид был рождён королём Зигхардом, покинул родительский замок и что с ним приключилось

В ту самую пору, когда жил достойный рыцарь и витязь господин Виголейс (о коем мы упоминали во вступлении), в Нидерландах жил король по имени Зигхард, он родил со своей супругой единственного сына, названного Зигфридом, а что за приключения и опасности испытал оный королевич, вы услышите позднее.

Мальчик вырос большим и сильным, посему он не стал слушаться отца и матери, а только и думал о том, как бы ему стать самому себе господином, или, как говорят, бароном, чем причинял немало забот своим родителям.

Когда же король обратился за советом к своим советникам, те сказали ему, ежели сын не захочет остаться дома, пусть отправляется на поиски приключений, быть может, он одумается и из него ещё выйдет доблестный витязь.

Хоть королю и не очень-то пришёлся по душе этот совет, всё же было решено отпустить юношу. Зигфрид не мог дожидаться, пока отец снарядит его, и отправился, не спросясь и не простившись, на поиски приключений. И вот идёт он лесными чащами, а в желудке у него стало пусто и голодно, как вдруг видит на опушке густого леса деревню. Туда он и пошёл. А у самого леса, за околицей, жил кузнец. К нему и зашёл Зигфрид и спрашивает, не нужен ли ему слуга или подмастерье. Ибо Зигфриду теперь приходилось делать, что придётся, – ведь он не был привычен к голоду, а между тем он уже два дня ничего не ел и долго шёл. К тому же ему стыдно было бежать обратно домой, да и путь был неблизкий. Но позднее ему пришлось привыкнуть к голоду во время своих великих подвигов и приключений, о чём вам ещё предстоит услышать.

Кузнец же, увидев, что Зигфрид выглядит сильным и крепким, согласился взять его, дал ему есть и пить, в чём Зигфриду была превеликая надобность. А так как уже наступил вечер, он велел ему лечь спать. Наутро хозяин позвал своего подмастерья и повёл его работать, чтобы посмотреть, как он с этим справится. И вот тут-то вы услышите чудеса, каким образом Зигфрид взялся за дело.

Как Зигфрид расколол железо пополам, а наковальню вогнал в землю, отчего хозяин пришёл в великий испуг

Итак, когда хозяин впряг в работу своего нового подмастерья, последний с такой неистовой силой ударил по железу, что оно расколосось надвое, а наковальня до половины ушла в землю, отчего хозяин пришёл в страшный испуг, вцепился Зигфриду в волосы и слегка оттрепал его. Зигфрид же не привык к такому обращению – ведь он только что ушёл от родителей, потому что не мог снести никакого гнёта и принуждения. Хотя то была не отцова воля, а это советники, желавшие избавиться от Зигфрида, дали такой совет королю. И вот, так как Зигфрид не мог стерпеть побоев, он схватил хозяина за шиворот и швырнул его оземь, так что тот долгое время не мог очнуться. Когда же он пришёл в себя, то сделал знак своему слуге, чтобы тот пришёл ему на помощь. Зигфрид обошёлся с этим слугой так же, как с хозяином, по

каковой причине последний стал раскидывать умом, как бы ему избавиться от Зигфрида.

Как хозяин послал Зигфрида в лес с мыслью что он не вернётся

Так как хозяин и его слуга, как вы уже слышали, получили от Зигфрида изрядные пинки, им пришлось лечь в постель. И вот, когда ночь миновала и занялся день, хозяин зовёт Зигфрида и говорит ему: «Мне сейчас позарез нужен уголь, а потому ступай в этот лес и принеси мне полный мешок углей, там живёт угольщик, с которым я постоянно имею дело». На самом же деле он имел в виду дракона, сидевшего в лесу под липой (которую хозяин указал Зигфриду), и дракон этот должен был умертвить и пожрать Зигфрида. Зигфрид отправился в лес, ничего не подозревая, и думал только о том, как бы достать уголь. Вот подходит он к липе – тут, откуда ни возьмись, ему навстречу ужасный дракон, который, без сомнения, готовится пожрать его. Недолго думая, Зигфрид хватает первое попавшееся под руку дерево, вырывает его из земли и швыряет в дракона, который сразу запутался хвостом в сучьях и ветках дерева, так что не мог высвободиться; Зигфрид сумел воспользоваться этим – он стал вырывать деревья одно за другим и швырять ими в драконово отродье (а змеёнышей этих вокруг было немало). Затем побежал к угольщику, взял у него огня и поджёт деревья над змеёнышами, так что все они сгорели. А сало их потекло ручейком. Зигфрид окунул в него палец, и когда сало застыло, оно превратилось в твёрдую роговую оболочку. Увидев это, Зигфрид разделся донага и намазал себе всё тело драконовым салом, кроме одного места между лопатками, до которого он не мог достать, что и стоило ему впоследствии жизни, как вы в своё время услышите. Вот по этой причине его и стали звать роговым Зигфридом.

Как Зигфрид отправился ко двору короля Гибальда и что там приключилось

Когда Зигфрид оказался целиком покрыт роговой оболочкой, он подумал: «Отныне ты можешь стать рыцарем не хуже всех прочих», и отправился ко двору достославного короля Гибальда. Тот принял его радушно, и все, кто был там, оказали ему почёт и уважение, так что напоследок он, хоть и не без опасных приключений, получил королевскую дочь.

Этот король Гибальд жил со своим двором в Вормсе на Рейне, и было у него три сына и прекрасная собою дочь. И вот случилось так, что однажды жарким днём красавица подошла к окну подышать свежим воздухом, а тут – глянь, откуда ни возьмись, подлетел огромный ужасный дракон, так что весь замок будто пламенем объяло. Он унёс с собой прекрасную девицу Флоригунду по воздуху, через горы и леса, так что тень его покрыла горы на целую четверть мили. Отец и мать пришли в такой ужас, что и описать невозможно. Особенно мать лила слёзы день и ночь, так что все глаза себе выплакала.

Дракон же принёс девицу к себе на Драконову гору, улёгся, положил голову к ней на колени и заснул. Но так как он был огромен и силен сверх всякой меры, то от одного его дыхания содрогалась вся Драконова гора. Можете легко вообразить, каково было красавице оставаться у такого мерзкого чудища и змия, как она тосковала, томилась и какие испускала вопли – всё это и описать невозможно.

Однажды, было это в день пасхи, дракон обернулся человеком, и тут красавица сказала ему: «Дражайший господин мой, как дурно поступили вы со мной, моим дорогим отцом, матерью и возлюбленными братьями. Прошло уже много дней, как вы принесли меня сюда, а мне так хотелось бы повидать моего горячо любимого отца, мать и братьев; если вы отнесёте меня к ним, я торжественно клянусь вернуться с вами на эту гору или последовать за вами туда, куда вам будет угодно». На эти слова чудище ответило красавице: «Напрасно ты просишь об этом, ибо ты не только не увидишь никогда более отца, мать и братьев, но и вообще ни одной живой человеческой души». Это поразило девицу, как удар грома в самое сердце. Её охватил такой страх и ужас, что она не могла вымолвить ни слова, а он сказал ей: «Тебе незачем так сокрушаться, а тем более стыдиться меня, ибо через пять лет, считая от сегодняшнего дня, я вновь стану человеком, так что ты должна провести со мной ещё пять лет и один день, тогда ты

станешь моей женой; знай же, что тебе предстоит, ибо впоследствии ты попадешь со мной в преисподнюю, где каждый день равен году». Как услышала девица эту ужасную речь, чуть было не лишилась чувств и вся затрепетала. Однако затем она от всего сердца воззвала к господу на небесах, уповая на его драгоценное милосердие и благодать, и от души помолилась, чтобы он по крайности сберёг хоть душу её (которую он искупил не золотом или серебром, а своей бесценной кровью), а если будет на то его милостивая воля, освободил и избавил бы её от тяжкого заточения. Затем девица молвила: «Ах, если бы мои братья ведали, где моя темница, я знаю, они помогли бы мне выбраться отсюда или расстались бы с жизнью. И так же точно мой дорогой отец не пожалел бы жизни. А более всего я скорблю о моей любимой матушке, я знаю, она день-деньской, как и я, плачет кровавыми слезами».

В таких воплях и стенаниях целомудренная девица проводила день и ночь, так что нередко, обессиленная, падала без чувств на землю.

Здесь король рассылает по всему свету гонцов искать свою дочь Флоригунду

Король и его супруга, нагоревавшись вволю, посовещались меж собой и порешили разослать гонцов во все концы света – искать свою дочь Флоригунду. Потом они каким-то образом разведали, что её держит взаперти дракон на своей Драконовой горе и что освободить её может один единственный рыцарь после неслыханных приключениях и опасностей.

Тем временем прошло без малого четыре года, как девица оказалась на Драконовой горе. И можно с уверенностью сказать, что к исходу пятого года это приключение ничем хорошим для неё бы не кончилось.

Зигфрид меж тем достиг полного расцвета своих сил, так что, поймав медведя или льва, он хватал его в охапку и вешал на дерево, чем многих приводил в изумление. Однажды Зигфрид, отправившись на поиски прекрасной Флоригунды, заехал дальше обычного, и тут на узкой тропе повстречался ему огромный медведь. Зигфрид мужественно напал на него, убил и затем повесил на ближайшем дереве, ибо таков был теперь его обычай. А тут случилось, что король Гибальд со своей свитой выехал на охоту, чтобы немного развеять свои грустные мысли; сам того не замечая, он углубился в лес, прочь от своих спутников, и никого с ним не было, кроме Зигфрида, который постоянно находился при нём; и вдруг, откуда ни возьмись, навстречу королю выскочил большой сильный кабан. Король хотел пронзить зверя копьём, но Зигфрид опередил его и мечом снёс кабану голову, так что тот мёртвый свалился на землю, чему король немало удивился.

Когда же слава о благородном Зигфриде разнеслась по всем землям и странам, король Гибальд стал всё более и более выказывать ему своё расположение. Вскоре после того король французский, король испанский, король английский, шотландский и многие другие явились к королю Гибальду, чтобы утешить его и его супругу по случаю похищения их дочери. И тут он велел объявить турнир, чтобы посмотреть, как будет биться Зигфрид. Ибо на него он возлагал все свои надежды, так как слышал, что слава о нём разнеслась в самые дальние страны. И вот каждый стал ждать назначенного дня, чтобы увидеть, кто окажется лучшим на турнире и удостоится наивысшей похвалы.

Как при дворе короля Гибальда состоялся турнир, на котором Зигфрид вышел победителем

И вот, когда настал назначенный день, все явились на поле боя в доспехах и с оружием, а площадка была поделена поровну, так, чтобы ни у кого не было преимущества перед другими. Нам бы следовало теперь рассказать о каждом рыцаре по отдельности, но это оказалось бы слишком длинным. Мы же намерены описать эту историю наикратчайшим образом. А если кому охота прочитать о подобных рыцарских поединках, тот найдёт их в «Императоре Октавиане», «Прекрасной Магелоне», «Петре с серебряными ключами», «Белом рыцаре», «Господине Мумпельгарте, прозванном господином Кристофером», «Гуго» и особенно в

«Рыцаре Понто» и прочих, к коим я и отсылаю читателя. Заметим только, что здесь сражались на рыцарский манер и многие рыцари были выбиты из седла. Но Зигфрид ни разу даже не покачнулся в седле, поэтому по окончании турнира его объявили победителем и наградили красивой золотой цепью, на которой висел драгоценный камень. Когда это увидели все присутствующие короли, князья, графы и господа, благородный Зигфрид с их ведома и согласия был посвящён в рыцари и ему были оказаны все подобающие почести. Было бы слишком долго рассказывать, что за пышные и великолепные празднества сопровождали это торжество. Посему я отсылаю благосклонного читателя к вышеупомянутым историям.

Как Зигфрид проводил чужеземных королей, князей и господ восвояси и что произошло и приключилось далее

Когда все именитые рыцари распрощались с королём и рыцарь Зигфрид проводил их восвояси, он вновь вернулся ко двору и застал короля Гибальда и его супругу исполненных скорби и печали. Ибо как только зашёл у них разговор об их дочери Флоригунде, тоска и тревога объяли им сердце. Зигфрид принялся утешать их, как только мог, и молвил: «Ваше величество, оставьте вашу безмерную скорбь. Я надеюсь, с божьей помощью, вскоре освободить вашу дочь». Слегка ободрённые этими словами, они поужинали и легли спать. Ночью Зигфриду приснилось, будто он видит прекрасную Флоригунду, и это преисполнило его великой радости. Когда же ночь миновала и солнце мало-помалу возвестило наступление дня, Зигфрид проснулся, встал и оделся. И вздумалось ему поохотиться. Он взял своих гончих и выехал с ними совсем один на охоту. И вот оказался он в густом лесу, таком, что и дичь не осмелилась бы показаться. Тут, глянь, одна из лучших его собак устремилась в чащу, Зигфрид, снедаемый любопытством, – за ней, и неожиданно напал на след дракона, унёсшего красавицу. Три дня, не пивши и не евши, скакал Зигфрид за гончей по следу змия, пока на четвёртое утро не добрался до вершины горы. (Здесь Зигфриду пришлось голодать поболее, чем раньше, когда он впервые пришёл к кузнецу, о чём уже рассказывалось выше.) Однако Зигфрид не думал о себе, а всё о прекрасной Флоригунде. Меж тем, заметив, что конь его начал слабеть, он спешился, расседлал его и дал ему попасться немного, потому что овса у него с собой не было. А так как он и сам ослабел, то захотелось ему прилечь на траву. Вдруг, откуда ни возьмись, из леса выбегает огромный лев – и прямо на Зигфрида. Завидев это, он смекнул, что тут не до отдыха, смело ухватил его за пасть и, подобно Самсону, разодрал на части, так что лев пал мёртвым к его ногам. Тогда он поднял зверя и повесил его на дерево, оседлал коня, сел на него и поспешил за своей гончей, ибо она продолжала вести его по следу.

Как закованный в латы рыцарь напал на Зигфрида на большой дороге, как Зигфрид одолел и умертвил его и что с ним далее приключилось

Зигфрид вновь сел на коня и успел проехать совсем немного, как ему повстречался рыцарь, весь закованный в латы, и обратился к нему с такой речью: «Кто бы ты ни был, молодой человек, поистине говорю тебе, ты не сделаешь ни шагу дальше, не скрестив со мной меча. Итак, сдавайся в плен, а если нет, ты погибнешь от моей руки». С этими словами он выхватил меч из ножен. Не долго думая, Зигфрид схватился за свой добрый меч и молвил: «Кто бы ты ни был, отважный рыцарь, защищайся как подобает мужу, ибо скоро это тебе понадобится, я научу тебя, как нападать на большой дороге на мужественного рыцаря».

И они стали биться, да так сильно, что кругом искры полетели. Тут рыцарь в латах молвил Зигфриду: «Говорю тебе, витязь, сдавайся мне в плен, ибо на тебе нет доспехов, поэтому ты не можешь устоять против меня». Зигфрид же молвил: «Я скоро рассеку твои доспехи», и тут он схватил меч обеими руками и нанёс им рыцарю такой жестокий удар, что сбил с него забрало. Тогда рыцарь сказал Зигфриду: «Плохо же тебе придётся за это, до сих пор я тебя щадил». Тут он изо всех сил замахнулся мечом, думая рассечь Зигфриду голову. Но Зигфрид проворно отбил удар и угодил рыцарю в шею, так что тот упал с коня на землю. Зигфрид так же проворно соскочил с коня, подбежал к рыцарю, осмотрел его раны и, увидев, что они смертельны,

пожалел, что так изранил рыцаря. Он снял с него доспехи, полагая, что, вдохнув свежего воздуха, рыцарь придёт в себя. Это и вправду пошло тому на пользу, ибо рыцарь смог произнести ещё несколько слов. Зигфрид молвил: «Теперь скажи мне, благородный рыцарь, откуда ты родом, как тебя зовут и в чём причина, что ты так злодейски напал на меня?». Рыцарь отвечивал: «Я бы всё сказал тебе, если бы только на это хватило сил, но скажи мне, кто такой ты сам?». Зигфрид, которому великая охота была узнать от рыцаря что-нибудь новое, сразу ответил ему: «Меня зовут роговой Зигфрид». Услышав это, рыцарь молвил: «Благородный рыцарь, если ты тот, за кого себя выдаёшь, я много наслышан о тебе, но вижу, что мне осталось недолго жить, поэтому, благородный Зигфрид, возьми мой щит и латы, скоро они тебе пригодятся, ибо здесь в этом лесу живёт огромный великан по имени Вульфграмбер, он победил меня, так что я стал его пленником. Ибо сам я родом из Киликии, выехал на поиски приключений, невзначай забрёл сюда в лес, а здесь этот великан одолел меня и сделал своим вассалом. Пока я не покорю ему ещё пять рыцарей, я не буду вновь свободен. С тех пор я покорил ему всего лишь одного, а впредь мне уже никого не доведётся покорить. А ещё, суровый рыцарь Зигфрид, я хотел рассказать тебе об удивительном происшествии, приключившемся в этом лесу с драконом, который держит в плену прекрасную девицу, но увы! я умираю». С этими словами он испустил дух. Когда Зигфрид услышал эти слова и увидел, что рыцарь так внезапно скончался, он чуть было не лишился чувств. Долгое время раскидывал он умом, как ему взяться за своё дело, и горько оплакивал рыцаря. «Ах, благородный рыцарь, – говорил он, – если бы господу было угодно сохранить тебе жизнь, чтобы я мог побольше узнать от тебя, где найти прекрасную Флоригунду. Но увы! тому не бывать!». Из его, рыцаря, доспехов Зигфрид взял всего лишь щит и шлем. «Ибо, молвил он, я уже три дня ничего не ел и так ослаб, что всех доспехов мне не снести, а моя кожа (иными словами – роговая оболочка) – неплохие латы». С этими словами он надел на голову шлем, надел на руку щит, вновь сел на коня и поехал прямо в лес по следу, надеясь разыскать и спасти прекрасную Флоригунду или расстаться с жизнью. В такой тоске и тревоге он пребывал немало времени, не ведая, что находится так близко от Драконовой горы; и вот когда он дал шпоры коню, чтобы ускакать прочь из лесу, глянь, откуда ни возьмись, навстречу ему едет на вороном коне карлик по имени Эгвальд в роскошных одеждах, шитых золотом и серебром, усеянных драгоценными камнями, какие ему и пристало носить. Ибо он был несметно богатый король, что можно было понять по драгоценной золотой короне на его голове.

Как Зигфрид швырнул карлика о камень

Как только карлик, то бишь король Эгвальд, завидел рогового Зигфрида, он учтиво приветствовал его, на что Зигфрид ответил с благодарностью и весьма удивился его драгоценным одеждам, а особенно чрезвычайно затейливой короне. А также свите, которая его сопровождала, а именно: тысяча карликов, все нарядные и в доспехах, которые предложили Зигфриду свою службу. Ибо добрая слава о нём донеслась и до этих карликов. Так как карлик, то бишь король Эгвальд, не мог прийти в себя от удивления от встречи с Зигфридом, как и почему тог попал в эти Края, он спросил его: что за причина привела его сюда одного, ведь к тому же здесь очень опасно оставаться. Зигфрид возблагодарил господу, указавшего ему путь-дорогу, дабы он мог осуществить свои намерения, и попросил короля Эгвальда, чтобы тот дал ему почувствовать в полной мере свою преданность и учтивость и указал бы, как быстрее добраться до Драконовой горы. Когда же карлик заговорил с Зигфридом и назвал его по имени, Зигфрид изумился и молвил: «Раз ты так хорошо меня знаешь, тебе без сомнения известно, как зовут моих родителей, я же, – продолжал он, – хотел бы знать, живы ли они». Карлик отвечивал: «Твоего отца зовут Зигхард, и он царствует в Нидерландах, твоя мать из благородного рода, зовётся Адельгунда, и оба они ещё живы». Когда Зигфрид услышал, что карлик обо всём так хорошо осведомлён, он подумал: дела мои пойдут ещё на лад. Ибо он полагался на свою силу, которая была равна силе двадцати четырёх отважных мужей. И затем он попросил короля указать ему дорогу на Драконову гору. Тут Эгвальд-король сильно перепугался и молвил: «Ты не должен желать этого, ибо на Драконовой горе живёт ужаснейший дракон, он держит в плену молодую девицу, королевскую дочь, которую ни один

человек не может вызволить, её отца зовут Гибальд, а девицу – Флоригунда». При этих словах Зигфрид возликовал безмерно, что наконец-то он узнал наверное, где найти королевскую дочь, и сказал карлику, что этого ему довольно и что он ничего так страстно не желает, как спасти красавицу от проклятого дракона. Когда король Эгвальд услышал, что Зигфрид не хочет отступить от своего намерения, он попросил у него дозволения удалиться с миром, ибо здесь он долее не останется. Зигфрид воткнул свой меч в землю и трижды поклялся, что не отступит ни на шаг, пока не освободит красавицу. Карлик же молвил: «Хотя бы ты ещё трижды поклялся и хотя бы ты одолел полмира, всё равно всё будет тщетно и напрасно. Поэтому считай, что жизни твоей уже пришёл конец, разве что ты отправишься сейчас же восвоеси». Зигфрид молвил: «Ах, государь мой Эгвальд, этого не может быть, такому не бывать, не гоже вам пугать меня, лучше помогите мне спасти красавицу». Но так как карлик очень боялся опасных приключений, он хотел бежать, Зигфрид же схватил его за волосы и швырнул о каменную стену, да так, что его прекрасная корона рассыпалась на кусочки. Тогда карлик, то бишь король Эгвальд, молвил: «Умерь свою ярость, благородный рыцарь Зигфрид, и смени гнев на милость, пощади мою жизнь, я подам тебе совет и помощь, как могу». Зигфрид молвил: «Пусть дьявол оплатит тебе за это, говори». Тогда карлик, то бишь король Эгвальд, молвил: «Здесь у нас живёт великан по имени Вульфграмбер, ему принадлежит вся эта местность, под его властью находится тысяча человек, во всём ему покорных. Он-то и хранит ключи от Драконовой горы». Тут Зигфрид возрадовался безмерно и молвил: «Покажи мне его поскорее, чтобы я мог прийти на помощь красавице и спасти её, если же ты откажешься, то умрёшь». И тот показал ему дорогу к горе у каменной стены, где жил великан. Когда Зигфрид услышал это, он постучался в дверь и приказал великану выйти к нему. Как только великан услышал это, он в гневе и ярости выскочил из дома с железной жердью в руке и, завидев Зигфрида, закричал: «Какой дьявол привёл тебя в этот лес, не надейся унести отсюда ноги!». Зигфрид молвил: «Вот уже четыре года ты держишь взаперти в Драконовой горе красавицу, она плачет и тоскует, посему я требую, чтобы ты выдал мне её, ибо я знаю, что ключ от Драконовой горы у тебя». Услышав эти слова, великан исполнился гнева и ярости, схватил железную жердь и обрушил на Зигфрида такой чудовищный удар, что с деревьев кругом посыпались сучья, а жердь почти наполовину ушла в землю. Но удар пришёлся мимо, так что не причинил витязю ни малейшего вреда, ибо Зигфрид успел отпрянуть в сторону.

Зигфрид сражается с великаном Вульфграмбером за ключи от Драконовой горы

Великан, увидев, что промахнулся, разъярился ещё более и обрушился на витязя с такой силой, как если бы хотел разрубить его на куски. Но Зигфрид быстро и проворно отскочил на три пяди назад и выхватил свой добрый меч. И в то время как великан от столь сильного удара выпустил жердь из рук, Зигфрид снова прыгнул вперёд и нанёс ему такую глубокую рану, что кровь хлынула из неё ручьём. Тогда великан промолвил, полный гнева: «Эй ты, молокосос, неужели ты отваживаешься сразиться со мной, когда меня убило целое войско. Ты бы лучше пожелал оказаться за тысячу миль отсюда, но на это не надейся, – ибо ныне тебе пришёл конец. Я покажу тебе, на что я способен». И с этими словами он снова обрушил на витязя такой могучий удар, что жердь целиком ушла в землю. Он, без сомнения, сразил бы Зигфрида, но тот снова проворно отскочил в сторону, не испытав ни малейшего вреда, и затем, нимало не мешкая, дал великану в свою очередь понять, что и он не младенец – он снова нанёс ему глубокую рану в живот, так что тот чуть было не упал наземь. Это рассердило великана свыше всякой меры. Он спасся бегством за каменную стену и перевязал, как мог, свои раны. Зигфрид между тем стоит и размышляет, как бы ему всё же спасти красавицу, и вновь стучится в жилище великана, который ответил ему, что не заставит себя долго ждать, скоро выйдет, и тут ему будет крышка. Тем временем великан надел доспехи – золотой панцирь, закалённый в крови дракона. Шлем же его был сделан прочно и искусно сверх всякой меры. Щит был из доброй стали, толщиной в ступню, а в руках у него была жердь не хуже первой, такая острая со всех четырёх граней, что с одного удара могла расколоть колесо телеги, каким бы прочным железом оно ни было оковано. Сверх того, у него на боку висел огромный, искусно выкованный

меч. Вооружённый таким образом, он снова выскочил из-за каменной стены, исполненный гнева и ярости, а когда он носил всё это оружие, то не боялся сразиться с целым войском, и обратился к рыцарю Зигфриду. «Ну-ка, скажи, маленький злодей, какого дьявола ты сюда явился, чтобы убить меня в моём собственном доме?». Зигфрид молвил: «Ты лжёшь, как пёс, я вызвал тебя выйти ко мне». – «Что? – вскричал великан – Так ты ещё и хорохоришься? Ты ещё трижды пожалеешь, что явился сюда Я повешу тебя на первом дереве». – «Ах, злодей, – отвечал Зигфрид – Ты думаешь, я за этим пришёл? Поистине, нет, господь не попустит этого И я говорю тебе прямо, если ты не поможешь мне добыть красавицу из Драконовой горы, я прикончу тебя; и будь ты хоть сам дьявол, господь бог ещё сильнее, он отдаст тебя в мои руки» – «Чтоб я помог тебе добыть девушку? – воскликнул великан – Тому не бывать, ты ещё не знаешь моей силы и мощи, вот погоди, я тебя так проучу, что тебе будет не до женщин» – «Хвастун, – молвил Зигфрид, – помоги мне добыть красавицу, или я проучу тебя и покажу, кто я такой и на что способен». С этими словами они набросились друг на друга с такой яростью что из шлемов и мечей посыпались искры Зигфриду мнилось, что он всё ещё у своего хозяина-кузнеца бьёт по наковальне, он собирался так же точно вогнать в землю великана, и это ему почти что удалось Он нанёс врагу страшный удар, затем вскочил на коня, ибо по сравнению с великаном был слишком мал ростом, и мечом нанёс ему смертельную рану, так что тот упал на землю Затем, после долгого поединка, он нанёс великану Вульфграмберу такой удар, что тот рухнул на землю, и кровь его полилась ручьями.

Когда великан оказался поверженным с шестнадцатью глубокими ранами, он взмолился, чтобы рыцарь пощадил его жизнь и вынужден был, вопреки своей воле, отдать должное отважному рыцарю «Теперь, – сказал он, – ты можешь по праву носить звание рыцаря, ибо ростом ты невелик и по сравнению со мной почитай что дитя, а всё равно ты меня одолел. Если ты оставишь мне жизнь, я отдам тебе все свои доспехи и самого себя в залог своей верности». Зигфрид же молвил «Тебе нечего опасаться меня, если только ты поможешь мне добыть красавицу Флоригунду из Драконовой горы». И великан обещал быть ему верным помощником в этом деле.

Как великан Вульфграмбер поклялся Зигфриду, что поможет ему добыть красавицу из драконовой горы

Тут великан Вульфграмбер поклялся Зигфриду торжественной клятвой, что поможет ему добыть красавицу. «Тогда и я клянусь (молвил Зигфрид) сохранить тебе жизнь», и сам, как мог, перевязал великану раны и сказал ему: «Ты легко мог бы избежать этих ран, ибо если бы мы с такой же силой бились за красавицу, мы, без сомнения, добыли бы её А теперь скажи-ка, друг, – молвил Зигфрид, – как нам лучше всего взобраться на Драконову гору» «Это я тебе покажу», – молвил вероломный великан (ибо, как вы скоро услышите, недолго держал он своё слово) и повёл его в мрачное ущелье, по дну которого протекал бурный поток, так что шум от него отдавался жутким эхом и воем меж скалами и Драконовой горой. И вот, пока они шли этим ущельем и Зигфрид ничего не опасался, а только страстно ждал минуты, когда узрит красавицу и дракона; пока он шёл, погружённый в эти мысли, великан смекнул: «Настал час сквитаться с тобой за нанесённые раны», и тут этот вероломный злодей нанёс рыцарю сзади такой страшный удар, что тот упал на землю и кровь хлынула у него изо рта и из носа Никогда ещё Зигфриду не доводилось получать такой сильный удар кулаком, какой был ему ныне нанесён бесчестным плутовским способом Великан, без сомнения, прикончил бы его, если бы тем временем не появился карлик Эгвадд и не спас Зигфриду жизнь своим искусством. Падая, Зигфрид, однако, успел прикрыться щитом, чтобы защитить себя от новых ударов, и вот он лежал под ним без чувств и без сознания.

Карлик надевает на Зигфрида шапку-невидимку чтобы великан не увидел его

И вот, когда Зигфрид лежал таким образом на земле под своим щитом, появился карлик и

надел на него шапку-невидимку, чтобы великан не увидел его. Тут великан забегал вокруг как бешеный, не понимая, что случилось. «Дьявол, что ли, тебя унёс, – говорил он, – или господь бог? Только что ты лежал передо мной простёртый на земле, а теперь тебя нет, что за чудо?» Тут карлик не мог не посмеяться про себя, поднял Зигфрида, усадил его, и сам сел рядом с ним. Придя в себя, Зигфрид от всего сердца поблагодарил карлика «Господь воздаст тебе, – молвил он, – за то, что ты так благородно поступил со мной, между тем как я этого у тебя совсем не заслужил». «Да, благородный рыцарь, – молвил карлик, – тебе есть за что благодарить господя, ибо не приди я вовремя на помощь, тебе пришлось бы совсем худо, но прошу тебя, не думай впредь о красавице и не пытайся освободить её, чтобы с тобой не приключилось ещё что-нибудь похуже. Ибо теперь в шапке-невидимке ты можешь, ничего не опасаясь, покинуть это место». Зигфрид молвил: «Напрасны и тщетны твои просьбы, неужто я на – прасно и тщетно потратил столько труда и усилий? Тому не бывать, и будь у меня тысяча жизней, я рискнул бы всеми, даже если бы мне не осталось ни одной». С этими словами он сорвал с себя шапку-невидимку, схватил обеими руками меч и, полный ярости и гнева, мужественно бросился на великана, коему нанёс ещё восемь глубоких ран. Тогда великан вскричал: «Ты такой маленький человечек, а бьёшь с такой силой! Что проку тебе в моей гибели, раз после меня не останется никого в целом свете, кто помог бы тебе добыть девицу». Зигфрид вспомнил о великой любви, которую питал к красавице, и оставил великану жизнь, а потом молвил – «Тогда убирайся, но только иди передо мной и показывай мне дорогу к девице, а не то я отрублю тебе голову, даже если весь мир провалится в тартарары заодно с тобой!». Великан, увидев, что Зигфрид не шутит, взял в руки ключ, пошёл перед ним прямо к Драконовой горе и отпер дверь, которая была запрятана под землёй на глубине восьми сажений и замкнута. Когда дверь была отперта, Зигфрид вырвал у него ключ и сказал «А теперь убирайся прочь, низкий вероломный негодяй, и покажи мне дорогу к девице, не то ты заплатишь мне головой за своё предательство».

И вот, пока они подымались на огромную скалу, оба порядком устали, особенно великан; тот охотно присел бы отдохнуть, ибо раны его давали себя чувствовать, но Зигфрид силой подгонял его идти вперёд.

Между тем благородный рыцарь Зигфрид завидел красавицу, чему возрадовался всем сердцем. Флоригунда же заплакала от радости, завидев отважного рыцаря, и молвила: «Этого рыцаря я не раз встречала при дворе моего отца», и она приветствовала его и пожелала узнать, как живётся её отцу, матери и трём братьям в Вормсе.

Коротко сообщив ей, что четыре дня тому назад, при его отъезде, они пребывали в добром здравии, он молвил: «Целомудренная дева, перестаньте печалиться и грустить, собирайтесь в путь-дорогу, ибо нам здесь недолго оставаться» – «Ах, мой благородный рыцарь, – молвила девица, – я весьма тревожусь за вас, что вам не удастся увезти меня отсюда без кровавого поединка, но боюсь, что вам не одолеть ужасного дракона, ибо это сам дьявол во плоти». – «Хоть бы он и был самым дьяволом, целомудренная дева, – молвил Зигфрид, – неужто все мои тяжкие труды и старания были впустую? Тому не бывать. Либо я спасу вас, либо сложу голову. Уповайте вместе со мной на господя в небеси, воззовите к нему сердцем и устами, чтобы он ниспослал мне силу и мощь».

Девица от всего сердца помолилась господу, дабы он ниспослал рыцарю силу и мощь избавить её наконец от жестокого дракона. Она также поблагодарила рыцаря за то, что ради неё он взвалил на себя такие труды и опасности и поклялась ему в верности, если он спасёт её, как оно и случилось на самом деле. Зигфрид успокоил девицу и сказал, что ни в чём не уступит дракону, а, напротив, с божьей помощью одолеет его или расстанется с жизнью.

Тут великан, то бишь Вульфграмбер, говорит Зигфриду. «Взгляни, прямо перед тобой в стене ты найдёшь клинок необыкновенной красоты, выкованный самым искусным мастером на свете, а без него никаким другим тебе не одолеть дракона».

Зигфрид, не подозревая ничего худого, с жадностью протянул к мечу руку, как вдруг вероломный негодяй, чьё имя даже и повторять не стоит, нанёс благородному Зигфриду глубокую рану, так что тот едва удержался на одной ноге на Драконовой горе. Тут витязь, разъярившись, ринулся на предателя, и вновь начался такой бой, что от него содрогалась вся Драконова гора. Красавица ломала руки, рвала на себе свои золотистые волосы и из глубины

сердца взывала к господу, чтобы он поддержал праведника. Рыцарю же она крикнула «О, смелый витязь, сражайся за свою жизнь, как надлежит мужу, спаси меня, несчастную деву, вспомни о превеликих трудах, которые ты уже вынес ради меня!»

Услышав эти сетования девицы, Зигфрид молвил «Не горюйте, прекрасная дама, тому нет повода» А великан подумал: дело плохо, теперь – или пан, или пропал, и накрепко все свои силы, которых, однако же, оставалось совсем немного Тут Зигфрид запустил руку в его раны и разодрал их так, что кровь ручьём заструилась с горы. Великан рухнул на землю, дрожащим голосом умоляя рыцаря дать ему восчувствовать его доблесть и подарить ему жизнь. И признал ещё, что трижды предал его. «Теперь, – молвил он, – когда вы видите, что я лежу обессиленный, вам нечего меня опасаться». Однако Зигфрид видя, что красавица отныне в его власти и ключ от Драконовой горы у него, не обратил внимания на мольбы великана, а сбросил его вниз с горы, так что тот разбился насмерть.

Тут красавица засмеялась и возликовала свыше всякой меры и возблагодарила господина за то, что он ниспослал рыцарю силу и мощь. Рыцарь же, ликуя, подошёл к девице, целомудренно обнял её и молвил: «Утешьтесь, прекрасная дама, ваши страдания скоро сменятся радостью и счастьем». Красавица от всей души поблагодарила рыцаря взволнованными словами, но напомнила ему, что этого ещё недостаточно, ибо она опасалась, что дракон ещё причинит им немало беспокойства. «Это не беда, – возразил рыцарь, – а вот что меня всего более печалит, это то, что я уже четыре дня ничего не ел и не пил, а спал и того менее».

Эти слова услышал карлик Эгвальд и, равно как и девица, испугался свыше всякой меры; он сразу же побежал и распорядился, чтобы витязю принесли поесть, вызвался снабдить его и красавицу едой и питьём по меньшей мере на две недели и сам прислуживал им за столом вместе со своими братьями и товарищами.

Зигфрид сел с девицей за стол, чтобы утолить свой голод и жажду, как вдруг является дракон и с ним ещё семь змеёнышей

Когда подали еду – какую уж могли приготовить в спешке, – Зигфрид сел с красавицей за стол, чтобы подкрепиться и вновь обрести свою прежнюю силу. Но не успел он сделать и глотка, как вдруг, откуда ни возьмись, из-за гор появился в воздухе ужасный дракон, а с ним семь змеёнышей, и горы от этого содрогнулись, словно бы готовы были рухнуть, так что немудрёно было бы и помереть со страху. Красавица страшно испугалась, так что пот выступил у неё на лице, а все карлики, прислуживавшие за столом, разбежались. Зигфрид же взял край своей шёлковой одежды и вместо носового платка вытер им заботливо девице пот с лица и молвил: «Не отчаивайтесь, моя красавица, господь нам поможет». – «Ах, дорогой мой господин, – воскликнула девица, – если бы даже вам помогал весь свет, всё равно теперь нам пришёл конец». – «Господь не допустит этого, моя дорогая, – молвил рыцарь, – это речь женщины, рыцарь же скажет по-иному; пока с вами господь бог и я, ничто не грозит вам, кто посмеет отнять у вас жизнь, которую дал вам господь?».

Пока влюблённые беседовали подобным образом, дракон подлетел совсем близко, извергая перед собой пламя на расстояние трёх копий, так что гора раскалилась, словно горела огнём. Дракон меж тем ударился о гору с такой силой, что она треснула и содрогнулась, как если бы собиралась рухнуть. Зигфрид с красавицей, находившиеся под горой, страшно перепугались, думая, что скала обрушится и завалит их (ибо они укрылись от великого жара внизу в пещере, чтобы выждать, пока пламя, которое дракон принёс с собой, без сомнения, из преисподней, немного не остынет и не угаснет).

Этот дракон некогда был прекрасным юношей и за любовные дела был проклят одной женщиной, так что при нём безотлучно находился сам дьявол во плоти, коему он должен был служить телом и душой. Но он сохранил человеческий разум и обладал дьявольской силой, поэтому он и похитил красавицу, которую собирался по прошествии пяти лет, когда вновь обретёт человеческое обличье, взять в жёны. Хотя красавица и жила надеждой, что он по прошествии пяти лет вновь примет человеческое обличье, всё же она испытывала перед ним такой ужас, как перед самым дьяволом, и легко можно вообразить, что она никогда и вовеки веков его бы не полюбила.

Дракон же разъярился сверх всякой меры из-за того, что у него хотят похитить его красавицу, которую он кормил и поил вот уже более четырёх лет, а зимой согревал своим жаром, защищая от холода, который на Драконовой горе был лютым и нестерпимым. Ибо зимой он ложился поодаль пещеры и удерживал ветер, мороз и холод, чтобы девице не приключилось от этого неудобства (кроме тех случаев, когда он отправлялся на поиски пищи). К тому же он собирался вскоре взять её в жёны, поэтому он чуть было не лопнул с досады.

Как Зигфрид сражался на горе с драконом

Зигфрид не мог долее усидеть в пещере; вооружился как только мог, взял свой добрый меч, на который ему указал великан на Драконовой горе, когда замыслил обманным образом убить его, и отправился с ним на Драконову гору. Едва завидев Зигфрида, дракон набросился на него с такой страшной силой, что и поверить невозможно. Разгорелся такой бой, что гора затряслась, словно готова была рухнуть. Зигфрид мужественно защищался, как только мог, но ничего не в силах был поделать – дракон своими чудовищными когтями вырвал у витязя щит. К тому же он источал вокруг себя такой жар, что скала стала похожа на кузню, и у Зигфрида пот струился градом по всему телу. Когда эти двое затеяли между собой такой жестокий турнир, карлики были вынуждены бежать из горы в лес. Ибо они опасались, что скала рухнет и раздавит их всех. А внутри горы находилось двое сыновей Эгварда, то были братья Эгвальда, которые стерегли там клад своего отца. Когда пришлось им спастись бегством, они укрыли клад в пещере у каменной стены, под самой Драконовой горой, каковой клад впоследствии нашёл Зигфрид, но, впрочем, это не пошло ему на пользу, как вы со временем услышите. Карлик Эгвальд не знал, что другие карлики бежали, а также ничего не знал о кладе, который они укрыли. Ибо он спрятался, чтобы посмотреть, чем кончится страшный бой, дабы в случае нужды послужить Зигфриду своим искусством. Ведь если бы Зигфрид потерпел поражение, пришёл бы конец и карликам – дракон ведь знал, что карликам известна дорога в его Драконову гору.

Когда Зигфрид оказался не в силах более выносить нестерпимый жар, источаемый драконом, ибо роговая оболочка на его теле совсем размякла, он бежал вниз к красавице, в глубь горы, чтобы рог вновь затвердел и великий жар на горе немного поостыл. Вот тут-то он и нашёл несметный клад, укрытый карликами. Он же подумал, что это дракон укрыл свой клад, чтобы забрать его, когда вновь станет человеком, или же что это клад великана, которого он убил. Но что клад принадлежит карлику Эгвальду – этого он не знал.

Тут красавица сказала Зигфриду: от карлика Эгвальда она услышала, что дракон привёл с собой ещё шестьдесят маленьких драконов, поэтому ей теперь пришёл конец. Зигфрид же подумал «Я должен всё же попытать счастья, кто знает? Когда опасность подступает, тут божья милость помогает. А если я не смогу выдержать жар, я вновь укроюсь в пещере, пока мой рог опять не затвердеет, тогда я снова вступлю в бой – и так, пока хватит сил и пока буду жив». «Если уж нам обоим суждено погибнуть, – сказал красавице Зигфрид, – ну что ж, пусть будет так, но сначала я дам бой, как подобает рыцарю. А вас пусть сохранит господь и молитесь за меня усердно, дабы он ниспослал мне силы и упорства противостоять жестокому дракону». С этими словами он упал на колени и произнёс следующую молитву:

Господь мой, в страшном том бою
Яви мне благостынь свою.
Небесной силой осенён,
Я буду жив, а мёртв – дракон

Закончив эту молитву, он уверенно и бесстрашно вошёл на Драконову гору, чтобы ещё раз попытать счастья. Едва завидев дракона со всеми его змеёнышами, он схватил обеими руками меч и с такой яростью обрушился изо всех сил на чудовище, словно хотел разрубить его пополам, а молодые драконы во время схватки все разбежались и умчались туда, откуда явились. Но старый дракон остался и продолжал извергать на своей треклятой пасти на Зигфрида синее и красное пламя с такой силой, что несколько раз чуть не повалил витязя на

землю. Сверх того, лукавый дракон весьма ловко пользовался своим хвостом, опутывая рыцаря его петлями, так чтобы сбросить его с горы. Но Зигфрид, поручивший себя господней воле, был увёртлив и проворен, подпрыгивая вверх, он ускользал из петли и старался всеми силами отрубить змию хвост; для этого, собрав все свои силы, он схватил меч и нанёс дракону такой меткий удар по хвосту, что отсёк его начисто, как если бы его и вовсе не бывало. Как увидел дракон, что нет у него хвоста, разъярился на рыцаря и решил сжечь его своим пламенем; он извергнул на него столько жару, как если бы на горе разложили целый костёр из углей, так что и у дракона и у Зигфрида совсем размякла роговая оболочка. Зигфрид же, увидев, что его добрый меч вонзился дракону в самое тело, воспрянул духом, обрёл новые силы и нанёс такой жестокий и меткий удар, что разрубил дракона на две части, и одна половина полетела вниз с горы и разбилась на тысячу кусков. Тогда Зигфрид сбросил в пропасть и вторую, так что она разлетелась на кусочки.

Здесь Зигфрид от жара и сильной усталости падает без чувств

Когда красавица, слышав у себя в пещере ужасающий вопль, шум и грохот от падения дракона, поняла, что Зигфрид одолел его, она взбежала вверх на гору, исполненная радости, страха и ужаса, и видит – её спаситель лежит простёртый на земле весь бледный, в изнеможении от своих ратных трудов и от жара. А губы у него были чернее угля, так что ни малейших признаков жизни не было заметно. Тут девица хотела было бежать, может, она испугалась, что возвратятся другие змеёныши, или же хотела позвать на помощь карлика Эгвальда, короче – она упала без чувств и, конечно, тут же и скончалась бы, если бы к ней не бросился на помощь карлик Эгвальд.

После того как благородный рыцарь пролежал немало времени без чувств и без сознания, его жизненные силы понемногу стали пробуждаться, и он перевёл дух. Приоткрыв глаза, он приподнялся, а посидев немного и осмотревшись кругом, увидел, что его красавица лежит неподалёку на земле. Он страшно перепугался, вскочил, направился к ней и в отчаянии упал перед ней на колени, охватил руками, стал трясти и теребить её – авось удастся заметить хоть маленький признак жизни, и ударился в горькие сетования: «Ах! Смилуйся, господи, неужели за все мои труды и опасности и тяжкий бой мне достанется всего-навсего мёртвая красавица? Худая это будет радость твоим родителям! Увы! зачем я пришёл сюда!».

И вот, когда уже прошло немало времени в таких сетованиях, на счастье прибежал карлик Эгвальд, принёс с собой корень и дал его Зигфриду, чтобы тот вложил его в рот девице. В то же мгновение она пришла в себя, жизнь помаленьку вернулась к ней, она приподнялась и обняла витязя Зигфрида, с ласковой, но стыдливой повадкой, как ей и подобало.

Тут карлик Эгвальд молвил витязю: «Вероломный великан Вульфграмбер покорил нас в этой горе (а нас тут более тысячи) и заставил отдать ему во владение нашу собственную землю, от этого вы нас избавили, за что мы вас низайше благодарим и предлагаем вам свою службу; все мы, сколько нас есть, будем сопровождать вас до Вормса на Рейне, ибо нам хорошо ведомы все пути-дороги». За что Зигфрид его весьма горячо поблагодарил. Меж тем карлик пригласил рыцаря купно с красавицей к себе в гору, разделить с ним трапезу, в чём Зигфриду была и вправду превеликая нужда.

А там всё уже было приготовлено наилучшим образом, и пока Зигфрид утолял свой голод и жажду яствами и напитками, карлики суетились вокруг него и подносили самое лучшее, что они могли раздобыть и приготовить в такой большой спешке. Карлик же Эгвальд был весьма озабочен тем, чтобы усладить их слух самой наилучшей своей музыкой, которая доставила им превеликое удовольствие. Когда же трапеза была окончена, кругом стали разносить всевозможные конфеты на золотых блюдах, и карлики не раз и не два выпили за здоровье благородного рыцаря Зигфрида и его любезной. Карлики весьма развеселились, плясали и скакали вокруг них, но рыцарь Зигфрид изрядно устал, ибо вот уже четыре дня и три ночи не ложился спать, посему он попросил, чтобы ему и его красавице дали покой. Услышав это, король Эгвальд распорядился, чтобы витязю и красавице приготовили роскошные постели.

Меж тем Зигфрид удалился с прекрасной Флоригундой и молвил ей: «Прекраснейшая госпожа Флоригунда, скажите же мне теперь, как могли вы столько лет прожить у мерзкого

дракона?».-«Мой благородный рыцарь, – молвила девица, – вы можете вообразить, каково мне было. Но скажите же мне и вы, мой досточтимый рыцарь, как случилось, что вы пустились в это странствие и что побудило вас искать столь опасного приключения, поставить на карту жизнь и отважиться на смертельный поединок?». Зигфрид отвечал: «О, добродетельная и высокочтимая дева Флоригунда, к этой опасной поездке и к этому, слава тебе господи, благополучно завершившемуся приключению побудило меня не что иное, как ваша благосклонность и благородная добродетель, вот единственная причина того, почему я невысоко оценил свою жизнь и поставил её на карту, чтобы спасти вашу». Когда он произнёс эти слова, у прекрасной Флоригунды ручьём полились по щекам слёзы, она сняла с руки прекрасный перстень с драгоценными алмазами и надела его на палец рыцарю. Зигфрид также не пожелал остаться в долгу, снял с шеи золотую цепь, которой его наградили на турнире при дворе её отца, и надел красавице на её белоснежную шею, и тем самым была скреплена их любовь и верность.

За всеми этими речами солнце успело закатиться за горы, мало-помалу чёрные тучи застлали ярко озарённое небо, а у Зигфрида начали смыкаться глаза. Увидев это, прекрасная Флоригунда подала знак карлику, королю Эгвальду, и попросила его сделать так, чтобы рыцарь мог удалиться почивать. И тогда рыцарю показали роскошное ложе под прекрасным пологом, на котором был искусно вышит и выткан небосвод со всеми звёздами. Зигфрид молвил: «Доселе я отдыхал под звёздным небом среди листвы и трав, но спалось мне худо, теперь же, под этим бархатным небосводом, на мягком ложе я, с божьей помощью, крепко засну». Флоригунде устроили ложе поблизости от него, но отдельно. Когда они помолились на ночь и препоручили себя господу, оба спокойно заснули и проспали до самого утра.

Когда же настало утро и лучи солнца показались из-за вершины гор, прекрасная Флоригунда пробудилась ото сна, проворно поднялась с ложа, помолилась, умылась и возблагодарила господина за то, что он хранил её эту ночь и всю её прежнюю жизнь и столь милостиво спас от страшной опасности. А потом она подошла к ложу рыцаря, ибо тревожилась за него из-за всех тяжких трудов и опасностей, которые ему пришлось претерпеть. Когда же она увидела, что рыцарь ещё спит, она не стала тревожить его покой, села и запела утреннюю песню, да так чудесно, что рыцарь от этого проснулся и побледнел от смущения, что так заспался. Но это было ему простительно из-за его великой усталости и тяжких трудов.

Флоригунда отошла в сторонку, чтобы рыцарь мог одеться, он же встал, умыл руки и лицо, помолился, а затем смиренно подошёл к девице Флоригунде, пожелал ей доброго утра и спросил, скоро ли ей будет угодно отправиться к своим родителям? «Да, – отвечала красавица, – я хочу того всем сердцем». Тут появился карлик Эгвальд, ласково приветствовал влюблённую пару и спросил, как они спали-почивали? Они отвечали ему: «Прекрасно». Зигфрид пожелал проститься с карликом, карлик просил остаться подольше, от чего Зигфрид учтиво отказался. Посему карлик распорядился поскорее приготовить завтрак. Когда они немного подкрепились, Зигфрид распрощался с королём Эгвальдом и его двумя братьями (которые также были королями) и отправился в путь со своей прекрасной Флоригундой. Король Эгвальд подарил Флоригунде на дорогу коня в роскошной сбруе, просил рыцаря и Флоригунду не забывать его своей благосклонностью, выразил готовность служить им всем, чем может, а потом все три короля, то бишь карлик Эгвальд и его братья, обратились к Зигфриду с такой речью: «Благородный рыцарь, наш отец Эгвард скончался от горя, а потом ваша богатырская рука одолела и прикончила чудовищного великана Вульфграмбера, за что мы вас нижайше благодарим, ибо иначе нам всем пришёл бы конец за то, что мы сказали вам, что у него ключ от Драконовой горы. Так вот, чтоб вы знали, сколь много мы вам благодарны, мы все отправимся сопровождать вас в Вормс, и дабы с вами в дороге не стряслось какой-нибудь беды, нас поедет сотня или поболее того».

Как Зигфрид отправился в путь с красавицей, а король Эгвальд ехал впереди на великолепном коне и указывал им дорогу

Зигфрид простился с карликами и велел им всем оставаться дома, кроме короля Эгвальда, тот должен был показывать ему дорогу, что он и сделал весьма охотно, сел на своего

прекрасного коня и поехал впереди них. И вот, когда они ехали, Зигфрид сказал Эгвальду: «Я заметил на Драконовой горе, что ты сведущ в искусстве астрономии, поэтому прошу тебя, скажи мне, что со мной ещё случится в будущем». – «Раз ты меня просишь, я охотно отвечу тебе, – молвил карлик, – но, боюсь, тебе это придётся не по вкусу». – «Ежели мне так хочется, – молвил Зигфрид, – не всё ли тебе равно, что со мной будет». – «Что ж, ладно, – молвил карлик, – так знай же, что прекрасная дева, которую ты сейчас везёшь с собой, будет тебе женой всего лишь восемь лет, затем тебя предательски убьют. Но жена твоя жестоко отомстит за твою смерть, и много славных витязей из-за этого прикажут долго жить, но и твоей жене эта война в конце концов принесёт смерть». – «Ну, раз моя гибель будет так славно отомщена, – молвил Зигфрид, – мне незачем знать своего убийцу», и с этими словами он велел королю Эгвальду повернуть коня, что тот и сделал и, горько плача, отправился обратно к себе на Драконову гору.

Тут Зигфрид вспомнил о кладе, который он нашёл там в пещере, а потом совсем позабыл о нём, и ему пришли в голову две мысли – одна, что это великанов клад, другая – что драконов, как мы уже о том говорили. Но на карликов он никак не мог подумать, иначе он никогда бы не взял его, ибо это принесло ему мало радости, как вы скоро услышите.

Тот клад принадлежал королю Эгварду, и ни один король не был равен богатством этому кладу, ну, а если бы мы захотели описать войну и распрю, от которой он ведёт начало, и сколько сотен рыцарей там погибло, это потребовало бы особой истории. Ибо из этой распри не вышел целым и невредимым никто, кроме мейстера Хильдебранда и и Дитриха Бернского.

Но вернёмся к нашей истории. Итак, Зигфрид с девицей повернул назад и молвил: «Незачем нам бросать клад, ведь я завоевал то место с опасностью для жизни, поэтому кому же ещё пристало владеть им, как не мне». И вот взял он этот клад, взвалил на коня, погнал его перед собой и отправился по той дороге, на которой накануне убил рыцаря, как вдруг увидел его коня, который пасся на этом месте. Тут он прилёг немного на траву и соснул. А когда проснулся, взял клад, взвалил его на того коня, сам же сел на своего, а лошадь с кладом повёл под уздцы рядом с собой и с Флоригундой. Девица же молвила: «Мой благородный рыцарь, этот конь пришёлся нам как нельзя более кстати». – «Да, моя дорогая, – молвил рыцарь, – кто уповаet на господу, того он не оставит своей милостью». В таких и подобных беседах выехали они из лесу, а потом вновь попали в густую чащу. Недолго они ехали там, как вдруг неожиданно их окружило тринадцать разбойников. Тут Флоригунда молвила: «О, мой благородный рыцарь, что с нами теперь будет?». – «Успокойтесь, возлюбленная госпожа, – молвил Зигфрид, – они нас не съедят». Тем временем шестеро из них окружили его и сказали: «Отдай нам красавицу, или это будет стоить тебе жизни», а рыцарь только рассмеялся им в ответ. Красавица молвила: «Отдадим им клад, тогда они отпустят нас». Рыцарь же молвил: «Кладом я не дорожу, но принять из-за него позор, что я испугался этих мужланов, – не хочу». Меж тем шестеро других окружили красавицу, а последний взял лошадь под уздцы и хотел ускакать с кладом. Рыцарь и не предполагал, что это они всерьёз собираются сделать; но увидев такое, обратился к ним с суровой речью: «Эй вы, грабители с большой дороги, что это вы замыслили?». – «Ты ещё спрашиваешь?» – сказал один из них и нанёс ему сильный удар. Зигфрид же, нимало не мешкая, выхватил свой меч, которым он убил дракона, и с первого же удара снёс голову самому главному и строптивому хвастуну. Вторым ударом он разрубил другому голову пополам вплоть до зубов, тут остальные четверо отступили. Когда увидели это те шестеро, которые окружали красавицу, они хотели прийти на помощь товарищам, но встретили такой приём, что трое остались лежать на месте. Тот, кто увёл лошадь с кладом, успел тем временем порядком удалиться, но Зигфрид вскоре нагнал его на своём добром коне и без особого труда прикончил и его. Когда же он возвратился, рассчитывая застать прекрасную Флоригунду там, где она осталась поджидать его, оказалось, что разбежавшиеся было разбойники успели вернуться и увести её как свою добычу. Увидев это, рыцарь, не мешкая долго, отпустил лошадь с кладом бежать куда захочет и поспешил туда, где он оставил прекрасную Флоригунду, чтобы напасть на след её коня, ибо Флоригундин конь был весьма искусно подкован карликами, так что следы подков сразу можно было узнать. Заприметив их, он во весь опор помчался вслед за ней, нагнал разбойников в густой чаще, в ярости и гневe врезался между ними и уложил всех, кроме одного, который забрался по горло в трясину, а

Зигфрид не захотел с ним возиться и сказал ему так: «Если кто придёт к тебе на помощь, скажи тому, что ты повстречал рогового Зигфрида, который спас прекрасную Флоригунду из Драконовой горы, и что он так отделал твоих двенадцать товарищей, что борода у них уже никогда не вырастет». С этими словами он ускакал со своей прекрасной Флоригундой. А на обратном пути спросил у неё: «Как вам понравилась, моя любезная, эта маленькая потеха?». – «Если это называется потехой, мой драгоценный рыцарь, – молвила она в ответ, – то кто же станет всерьёз сражаться и биться с вами». Тем временем они подъехали к месту, где началась стычка, и тут девица спросила рыцаря: «Мой благородный рыцарь, а лошадь с кладом вы так и не повстречали?» – «О да, моя любезная, – ответил рыцарь, – я отбил её у злодея и поназдавал ему столько, что ему уже не нужны никакие деньги. Но когда я вернулся сюда и не застал вас, моя красавица, на этом месте, я почуял недоброе, и моя превеликая любовь к вам заставила меня забыть о кладе, я отпустил лошадь и стал приглядываться, не увижу ли следы ваших подков, когда же я их увидел, то помчался им вслед, как только мог, чтобы спасти вас, моя любезная. Тут уж было не до найденного клада, вы, моя красавица, обошлись мне гораздо дороже» – «Ну, коли так, – молвила прекрасная Флоригунда, – мы не станем более подвергать себя ради него опасности и разыскивать лошадь с кладом». А рыцарь подумал: «Если мне осталось всего-навсего восемь лет прожить, что проку мне в нём», и оба отправились вместе в путь и прибыли к Рейну.

Как Зигфрид и девица Флоригунда прибыли в Вормс как его приняли и как они справили свадьбу

Когда до короля Гибальда и его супруги дошла весть, что их дочь Флоригунда спасена из Драконовой горы и находится в пути с рыцарем Зигфридом, да вдобавок уже совсем неподалёку отсюда, король велел созвать всех наидостойнейших рыцарей и высокую знать, чтобы оказать надлежащий почёт его дочери и рыцарю, выехать им навстречу, сопровождать их со всей подобающей пышностью до дома, а затем присутствовать на свадебных торжествах. Ибо король не мог отказать рыцарю Зигфриду после того, как он с опасностью для жизни и такой дорогой ценой добыл его дочь.

Ну и поглядели бы вы на пышность и великолепие торжественной встречи, которая была им оказана! Но описывать оную было бы слишком долго. Даже императоры, короли и пятнадцать князей явились сюда, в их числе и король Зигхард, отец Зигфрида, рыцари и знатные вельможи без счёта, и всех их радушно приняли, достойно приветили и угостили, как полагается и водится в подобных случаях при дворах королей. Легко вообразить, какую радость испытывали по поводу такого благополучного возвращения отец и мать. И вот рыцаря Зигфрида и прекрасную Флоригунду повели в главную дворцовую церковь, и епископ Майнцский сочетал их браком и обвенчал с превеликой пышностью в присутствии всех прибывших императоров, королей, князей, рыцарей и вельмож. Всё это можно было бы наипрекраснейшим образом и весьма обстоятельно описать, но это было бы слишком длинно, а нам недосуг. Свадебный пир продолжался четырнадцать дней, потом последовали всевозможные состязания, турниры, поединки и прочие рыцарские забавы. Описывать всё это не входит в мои намерения, незачем растягивать этим рассказ, поскольку подобные рыцарские забавы описаны во многих историях.

Скажем только, что Зигфрид повсюду выходил победителем, что не очень пришлось по душе его шурьям, трём королям Вормса. Ибо они затаили против него ненависть и говорили меж собой – «Каждый божий день он завоёвывает в состязаниях кольцо или герб, красуется и щеголяет этим, как будто только он один герой и победитель, и тем наносит нам троим позор и поношение во всей нашей стране, это ему ещё попомнится».

Ну, а как эта ненависть и зависть вышла наружу и чем обернулась, мы услышим попозже, пока же развлечёмся немного одной маленькой историйкой, приключившейся на свадьбе Зигфрида, как вы сейчас с превеликим удовольствием услышите.

Какой забавный поединок не на жизнь а на смерть вели меж собой Йоркус

и Цивелль на свадьбе у Зигфрида

Но прежде чем описать поединок, нужно сначала рассказать о короле Гибальде и мужике, а дело обстояло так: однажды король Гибальд заблудился на охоте, и тут ему помог выбраться поздней ночью один мужик, по имени Йоркус, он вывел его на дорогу, и за это король осыпал его милостями и сделал главным управляющим своей скотиной, и тот поселился неподалёку от дворца или замка короля Гибальда. Этот Йоркус был таким трусом и дурнем, что от одного вида обнажённой шпаги заполз бы под землю, ежели бы это было возможно.

А при дворе короля жил один дворянин, продувной хитрец, шутник и забавник, который устраивал всякие проделки и потехи; и вот он завёл разговор с Йоркусом и втемяшил ему, что теперь как раз самое время заслужить милость короля, о чём этот мужлан всю жизнь мечтал. «Ибо среди прибывших чужеземных князей, – молвил он, – есть один, при котором состоит некий воин, по имени Цивелль, тот такой трус, что его можно обратить в бегство, выстрелив горохом из стручка, вот его и вызови сразиться не на жизнь, а на смерть. Едва он слышит, что ты вызываешь его на поединок, он с перепугу не явится, и тебе уже от одного этого будет почёт. Ну, а если явится, как только увидит тебя в доспехах, со страху задаст стрекача, а ты заслужишь у короля превеликие почести, уж в этом я тебя заверяю» Мужик дал себя уговорить и сказал дворянину, что вызовет воина на поединок.

Как только дворянин этот увидел, что уговорил и убедил мужика, он отправился к королю, рассказал ему об этом и попросил, чтобы его величество дали своё соизволение на эту потеху, ибо он ручается, что никому от этого вреда или ущерба не будет. Король же подумал, что раз его дочь столько лет терпела превеликие лишения, почему бы не доставить ей, а также Зигфриду и другим прибывшим ко двору господам потеху и развлечение, и разрешил дворянину сладить дело.

Тогда дворянин этот отправился к королю Зигхарду, приветствовал его и попросил его согласия на небольшую потеху, наподобие комедии, каковая доставит немало развлечения молодому королю, его сыну, и всем присутствующим господам. Когда же король спросил, что это за потеха, он сказал: «Ваше величество знает, что мой господин и король имеет при себе некоего Йоркуса, это такой трус, что от одного вида обнажённого оружия способен заползти под землю, вот его я и убедил вызвать на поединок воина вашего величества Цивелля, а поскольку они оба трусы, это будет забавная комедия». Король также дал своё согласие, но сказал, – только, если удастся уговорить на то моего Цивелля.

Дворянин учтиво поблагодарил его величество и сам отправился к Цивеллю, обратился к нему с речью, изукрашенной всяческими подробностями, а затем сказал, что явился к нему ни для чего другого, как только для того, чтобы известить его, что завтрашний день Йоркус вызовет его на поединок сразиться не на жизнь, а на смерть. Тот перепугался свыше всякой меры, так что весь побледнел и задрожал и заплетающимся языком дал ответ: «У меня с ним никаких дел не было, как ему взбрело на ум вызвать меня?». Дворянин же отвечал: «Вот так и взбрело, он считает вас бесчестным субъектом, итак, приходите на поле боя в полном снаряжении, ибо он будет ждать вас там», и с этими словами дворянин отправился восвояси.

Когда же король и его люди увидели, что Цивелль страшно перепуган, они стали ободрять его, так что он наконец решился принять вызов. Посему он окликнул дворянина и сказал ему: «Друг мой, я ещё подумаю до завтра». А тот отправился с этим ответом к своему мужику, который весьма обрадовался, что противник не сразу согласился, ибо подумал, что тот никогда не явится, потому что понял, что тот сильно перепугался.

Наутро же люди короля Зигхарда завели разговор с Цивеллем и сказали: ему будет вечный позор и поношение, если он откажется от поединка, пусть смело рискнёт, ибо они слышали, что Йоркус – трус, как только завидит обнажённую шпагу, так сразу, не мешкая, обратится в бегство.

Цивелль дал себя уговорить, и рано утром послал сказать мужику, что будет ждать его в час пополудни на поле боя в добром снаряжении и на коне и научит его, как вызывать честного кавалера на поединок. «Хоть и не гоже мне, – велел сказать он, – испытанному в боях воину драться с деревенщиной, всё же я хочу проучить тебя, чтобы тебе впредь не повадно было».

Итак, обоих снарядили как следует быть, и они явились в назначенный час на поле боя.

Хотел бы я, чтобы все, кто будут это читать, сами там были и поглядели на эту потеху. Ибо как только мужик Йоркус явился на поле боя, он стал оглядываться по сторонам, куда бы удобнее всего дать стрекача, и проклинал площадку, потому что она оказалась хорошо огороженной и защищённой. Ибо с трёх сторон её окружали высокие доски, а ворота все были заперты, так что боец должен был выдержать поединок до конца. Когда же воин Цивелль завидел Йоркуса, да ещё какой под ним добрый конь, он чуть было не дал тягу, если бы только мог, и уже готов был сдаться Йоркусу. А у Йоркуса были те же мысли и намерения.

Тем временем рыцари разбили площадку на равные части и дали знак трубачам трубить начало.

Когда же Йоркусов конь услышал трубный звук, он не мог устоять на месте, ибо то был конь Зигфрида, привычный к турнирам, он пустился вскачь, как стрела. Йоркус охотно поприветствовал бы его, но всё было тщетно, ибо конь помчался во весь опор по знакомой дорожке. Тут Йоркус был вынужден бросить копьё и ухватился обеими руками за гриву коня, чтобы не свалиться. А меж тем прочие, кто стоял по бокам Цивелля, стали колоть его коня пиками, чтобы и он тронулся с места. Цивелль сразу же взял копьё наперевес, ещё до срока; но ветер повернул ему его таким образом, что, сам того не желая, он задел им Йоркуса. А так как тот и без того плохо держался в седле, он свалился на землю. Цивелль же, не заметив этого, дал своему коню доскакать до самого конца турнирной дорожки.

Когда же он повернул коня и увидел, что Йоркус лежит на земле, он решил: пора тебе добить своего противника и размозжить ему голову копытами коня и пронзить копьём, раз уж оно у тебя есть. Но пока он подъезжал к нему, Йоркус понемногу встал на ноги. Когда же Цивелль к нему подъехал, конь его рухнул под ним, отчего именно – не знаю, то ли оттого, что копьё, которое он держал слишком низко, попало коню между ног, или же Йоркус, вставая, помешал коню. Как бы там ни было, конь упал вместе с всадником.

Тут Йоркус подумал: «Вот теперь настало время показать себя рыцарем перед лицом противника», и он с такой яростью набросился на того, словно хотел изрубить его в куски.

Но конь так жестоко бил копытами, что Йоркус никак не мог подступиться к всаднику. Наконец конь поднялся на ноги, ударил копытом, захрапел и начал так отчаянно брыкаться во все стороны, что бедный Йоркус испугался, как бы он его не задел, и в страхе обратился в бегство.

Тем временем Цивелль смог перевести дыхание, поднялся и встал на ноги. Но тело его было так измято и истоптано, что, весь трепеща от страха, он уже подумывал сдаться своему противнику. С этой мыслью он вытащил шпагу, собираясь взять её за кончик и вручить Йоркусу. И вот, когда Цивелль шёл с обнажённой шпагой, чтобы сдаться врагу, Йоркус решил, что дело оборачивается худо, теперь-то ты сложишь голову, и со всех ног побежал прочь.

Завидев это, Цивелль понял, что рано отчаялся в своей виктории, он вновь воспрянул духом и погнался за противником с такой быстротой, на какую только способен трус, яростно обрушился на него, а тот, почувствовав удар, закричал благим матом и стал просить перестать, а не то он пожалуется королю Гибальду и Зигфриду. А поскольку Цивелль не переставал теснить его, Йоркус отступал всё дальше, сколько было возможно. Когда же он оказался у края воды, так что отступать было уж некуда, страх его удвоился. Ибо он подумал: если ты сделаешь ещё шаг назад, ты утонешь в воде, если шаг вперёд – погибнешь под ударами врага, и тут ему стало стыдно сдаваться противнику, особенно, когда он подумал, что будь он предусмотрительнее, он мог бы одержать верх над ним. Всё это вместе со страхом привело его в полное отчаяние.

Поэтому он решил про себя остановиться на месте, раз уж нельзя иначе, и, схватив шпагу обеими руками и крепко зажмутив глаза, начал так яростно отбиваться во все стороны, что Цивелль в ужасе обратился в бегство и завопил во всю мочь: «Пощади меня, пощади меня, и я сдамся тебе», потому что ему почудилось, что у него уже несколько ран, а у него между тем не было ни одной.

Когда Йоркус услышал этот вопль, он открыл глаза и увидел, что враг уже далеко отступил, тут он вновь осмелел и погнался за противником сколько мог. Тогда Цивелль закричал ещё пуще прежнего:

«Подари мне жизнь, я до конца дней моих не подумаю мстить тебе». – «Тогда бросай

прочь оружие», – сказал Йоркус. Бедняга сделал так, как ему было велено, и отбросил прочь оружие.

Когда Йоркус увидел своего врага безоружным, ему уже нечего было опасаться, но всё же он не доверял ему и сказал: «Отойди от меня подальше и ложись на землю». Тот снова покорился голосу противника, отбежал прочь и, растянувшись ничком на земле, лежал не шевелясь и как ягнёнок ждал своего конца.

Но тут Йоркус решил, что не может быть спокоен, если оставит своего врага в живых. И призадумался, как лучше всего подступиться к нему и сказал сам себе: «Если ты пойдёшь на него со шпагой, он вскочит и выхватит её у тебя». И посему решил, что лучше всего будет пойти на врага без шпаги, придавить ему грудь коленом и перерезать ему глотку большим ножом, которым он обычно бил скот.

Но когда он вытащил из-под доспехов нож и судьи поняли, что он замышляет, они вмешались в дело, велели Йоркусу остановиться и удовольствоваться своей викторией. Ибо такой умысел, когда враг уже повержен, был бы вопреки правилам рыцарского поединка. И он должен был подчиниться их разумным речам, ибо они сверх того обещали ему, что Цивелль никогда не пойдёт против него.

Итак, Йоркус позволил Цивеллю подняться на ноги и приказал ему в следующий раз быть осмотрительнее и думать, с кем он имеет дело. Тем и кончилась потешная битва двух зайцев, и каждый из них был рад, что ушёл с поля боя целым и невредимым. Это была одна из самых; забавных шуток на Зигфридовой свадьбе, а ещё было много таких же, но рассказывать было бы слишком долго, так уж хватит и этой.

Как Зигфрид жил-поживал со своей прекрасной Флоригундой и что с ним в конце концов приключилось и как он окончил жизнь

Когда свадебные торжества и рыцарские игры закончились, все разъехались по домам. И Зигфрид дал им таких надёжных провожатых, что можно было безо всякой опасности хоть золото на голове нести.

Ну, а три шурыка его, Эренберт, Хагенвальд и Вальберт, родные братья Флоригунды, затаили злобу на Зигфрида за то, что он, а не они, выходил победителем на всех турнирах и поединках и заслужил себе тем великую славу и почёт. И вот они тайно замыслили убить его. Но никак не могли найти подходящего случая, пока не прошло восемь лет, как и предсказал Зигфриду карлик Эгвальд, о чём мы уже слышали.

Зигфрид жил со своей прекрасной Флоригундой в добром мире и согласии, родил с ней сына, коего назвал Левхардом, а что за войны тот вёл с султаном и королём Вавилонии и какие с ним случились приключения и опасности и как он наконец получил в жёны дочь короля Сицилии, об этом рассказывается в другом месте.

Итак, когда они прожили восемь лет в мире и согласии, случилось однажды, что Зигфрид, а с ним и его шурыя отправились на охоту, к чему Зигфрид всегда имел чрезвычайную склонность. Ну а так как день был очень жаркий, а Зигфрид разгорячился, он пошёл к роднику в Окервальде и опустил лицо в воду, чтобы освежиться. Это увидел его шурин, свирепый Хагенвальд, и подумал про себя: «Такой случай бывает не каждый день, смотри, не упусти его, ибо сейчас как раз время отомстить врагу». Он берёт свою рапиру и вонзает её Зигфриду между лопатками, там, где у него был не рог, а обычное тело, так что остриё прошло насквозь до самой груди, от чего тот сей же час скончался. Вот как суждено было погибнуть во цвете лет от гнусного вероломства и предательства драгоценному витязю, коего доблесть, сила, мощь и мужество не имеют себе равных на свете. Но смерть его впоследствии была отомщена.

Когда супруге Зигфрида принесли весть о гибели её супруга, короля и господина, она от великой печали и горя тяжело занемогла, так что лекари отчаялись исцелить её: когда узнал об этом её отец, король Гибальд, он от великого горя тяжело занемог и умер. Тут уж беда пошла за бедой, ибо супруга короля Гибальда равным образом слегла и через четыре дня скончалась от горячки, и не диво было бы, если бы и прекрасная Флоригунда умерла от горя, но тому было ещё не время, ибо сначала надлежало отомстить за смерть Зигфрида, а это должна была сделать его супруга. Тут все трое сыновей взяли короля Гибальда и его супругу, своих отца и мать, и

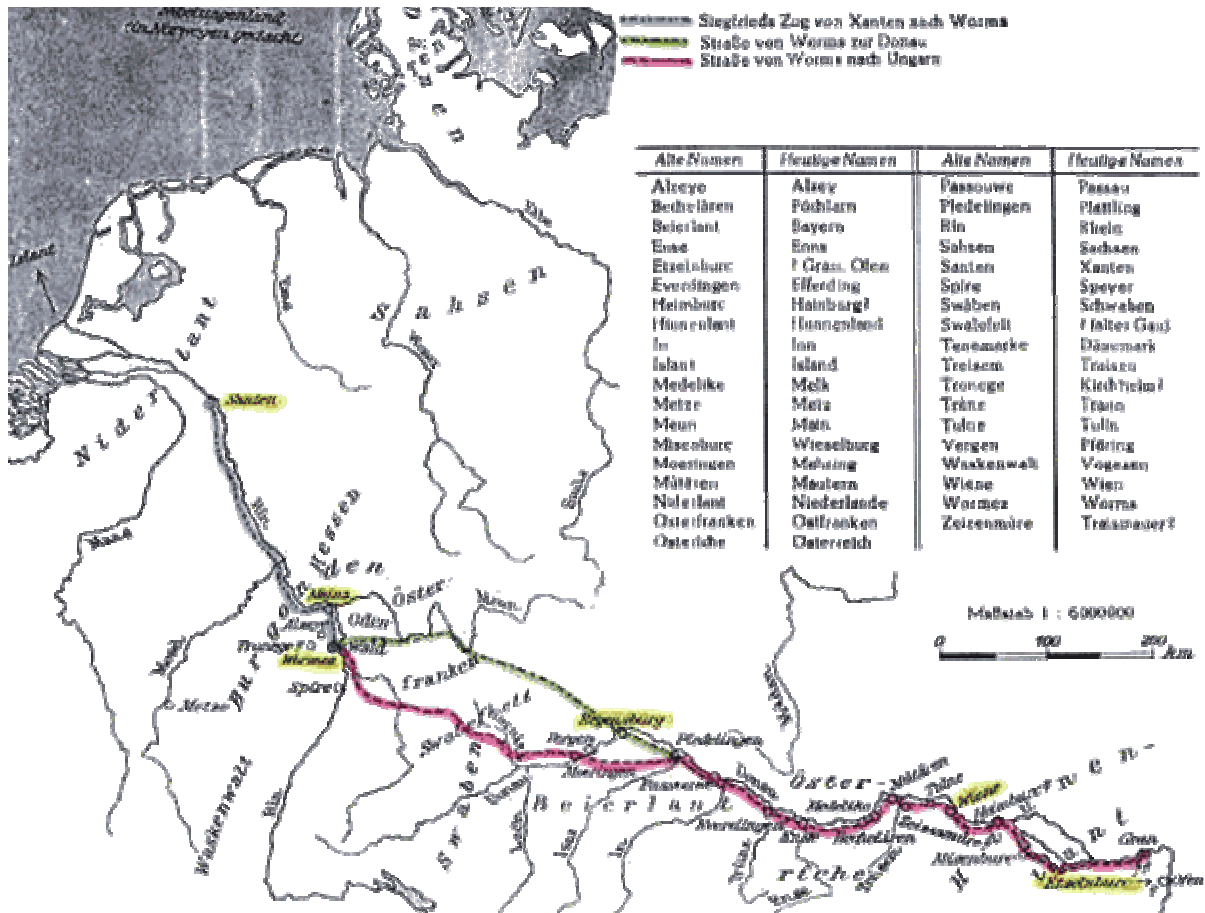
предали их тела погребению со всеми подобающими королевскими почестями. А затем они пожелали принять во владение королевство, чего, однако, не случилось, как вы вскоре услышите.

Тем временем супруге Зигфрида полегчало, и когда она почувствовала себя достаточно окрепшей, она танком отправилась со своим сыном Левхардом в Нидерланды к свёкру, королю Зигхарду, и пожаловалась ему на своё горе, убийство её возлюбленного супруга, его сына. Когда король Зигхард с великой скорбью услышал об этом, он разъярился свыше всякой меры и велел скликать по всей стране лучших рыцарей и достойнейших дворян и поспешно собрал несметное войско самых отборных бойцов, с коим напал на трёх братьев и достойно отомстил им за смерть своего сына. Эта война стоила жизни многим тысячам витязей, и свирепый Хагенвальд также поплатился жизнью наипозорнейшим образом. Ибо он сдался в плен трусливому воину Цивеллю, надеясь на пощаду и полагая, что у него он будет в большей безопасности, чем у другого более мужественного воина, в чём, однако, жестоко ошибся. Ибо этот Цивелль воспользовался своей удачей, и когда Хагенвальд заснул, он взял свою шпагу и проткнул его насквозь, так что тот умер на месте, и сказал: «Как ты поступил с сыном моего всемилостивейшего короля Зигфридом, так же я отплатил и тебе, какой мерой ты мерил, такой и тебе отмерится». Два же других брата, Эренберт и Вальберт, были изгнаны из своего королевства и пошли по миру, а младший из них со стонами и рыданиями повстречался в лесу Левхарду, сыну Зигфрида, когда тот направлялся в Сицилию, о чём вы можете прочитать в Истории Левхарда.

Но и трусливый Цивелль тоже пал в этой битве, и Йоркус-мужик также был убит. И что весьма прискорбно, прекрасная Флоригунда тоже рассталась с жизнью. Если бы не это, король Зигхард собирался сделать её королевой в её собственной стране, откуда её некогда хотели изгнать братья. Левхард, сын Зигфрида, остался при дворе своего деда Зигхарда, там его воспитали благочестивым и доблестным рыцарем, так что он вырос отважным витязем, о чём достаточно свидетельствует его собственная история.

Примечания к «Песни о нибелунгах»

Текст «Песни о нибелунгах» восходит к самому началу XIII столетия. К этому времени относятся и наиболее ранние из сохранившихся её рукописей (всего сохранилось более трёх десятков списков песни, датируемых XIII–XVI вв.). Рукописи различаются между собой более или менее существенными особенностями. Исследователи рукописей долгое время не оставляли попыток реконструировать на их основании якобы существовавший «первоначальный авторский текст» поэмы. Однако немецким филологом Г. Бракертом (1963) была выдвинута иная точка зрения, завоевавшая признание части специалистов: разные варианты песни не представляют собой ответвлений от единого изначального «ствола» произведения, вследствие чего и самая реконструкция «протекста» есть утопия. Эти варианты относительно самостоятельны – в том смысле, что отражают живую и подвижную эпическую традицию.

Впервые «Песнь о нибелунгах» была опубликована разыскавшим её швейцарским филологом и поэтом И.-Я. Бодмером в 1757 г. и вскоре же стала объектом пристального внимания и изучения как один из важнейших памятников немецкой средневековой литературы. Уже в самом начале XIX в. немецкие романтики подчёркивали её национальное значение: А.-В. Шлегель и братья Гримм сопоставляли «Песнь о нибелунгах» с «Илиадой», видя в эпосе порождение народного духа, продукт безымянного коллективного творчества. С тех пор «Песнь о нибелунгах» издавалась много раз. Первое критическое издание – К. Лахмана (1826 г.). Новейшее издание на языке оригинала: *Das Nibelungenlied. Nach der Ausgabe von Karl Bartsch herausgegeben von Helmut de Boor*. 20. revid. Aufl., F. A. Brockhaus, Wiesbaden, 1972.

Автор «Песни о нибелунгах», то есть поэт, который объединил существовавшие до него поэтические произведения и сказания и, по-своему переработав их, придал им окончательную художественную форму и структуру, неизвестен. То, что в строфе 2233 он называет себя «писец», возможно, в какой-то мере отражает степень его творческого самосознания: самостоятельного сочинителя, свободно распоряжающегося материалом, он в себе не видит, свой поэтический труд он представляет себе скорее как фиксацию существующей традиции. Но если таково и было его самоощущение (и, по-видимому, отношение к нему его современников),

то на самом деле «Песнь о нибелунгах», вышедшая из-под пера неизвестного поэта, и по содержанию и с формальной стороны существенно отличается от других версий этого же предания.

Есть основания полагать, что сочинена эпопея около 1200 г. (см. прим. к строфам 10 и 1295) и что место её возникновения следует искать на Дунае, в районе между Пассау и Веной: география тогдашней Австрии и примыкающих к ней областей известна автору несравненно лучше, нежели другие части Европы (см. авентюру XXI след, и прим. к строфе 1302). В науке высказывались различные предположения относительно личности автора. Одни учёные считали его шпильманом, бродячим певцом, «игрецом», другие склонялись к мысли, что он – духовное лицо (может быть, на службе епископа Пассауского), третьи – что он был образованным рыцарем невысокого рода.

Трактовка процесса становления песни имеет свою историю. Она рисовалась исследователям по-разному. В прошлом столетии, в соответствии с преобладавшей тогда теорией возникновения эпоса в результате сведения воедино разрозненных народных песен, полагали, что и «Песнь о нибелунгах» сложилась из ряда самостоятельных эпических произведений. Знаменитый германист Карл Лахман предполагал наличие двух десятков песен, из объединения которых возник «редакционный свод». При таком понимании роль создателя поэмы ограничивалась компиляцией этих песен и их упорядочиванием и редактированием. Но уже с середины XIX в. взгляд на поэму как на продукт механического связывания более ранних песен стал вызывать сомнения, ибо подобная трактовка оставляла совершенно необъяснимым её художественное единство, а оно более не вызывало сомнений – ни с точки зрения положенного в её основу замысла, ни с точки зрения её построения и поэтического языка. Наиболее существенный вклад в изучение предьстории «Песни о нибелунгах», связанный с полной переоценкой предшествовавших точек зрения, принадлежит Андреасу Хойслеру (основная работа Хойслера, в которой обобщены результаты его исследований, – «Сказание и Песнь о нибелунгах», 1921; русский перевод в кн.: А. Хойслер. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960).

Хойслер показал, что эпические поэмы складывались не из «нанизывания» отдельных песен, а в результате «разбухания», внутреннего стилистического разрастания одной песни, сжато излагавшей тот же сюжет, который в поэме получал многократное расширение. Так произошло и при возникновении «Песни о нибелунгах», с тою лишь особенностью, что в ней последовательно излагаются два сюжета – сказание о Брюнхильде и сказание о гибели бургундов. Переход от героической песни к эпической поэме сопровождался глубокими качественными изменениями стиля. Происходила трансформация сжатого динамичного произведения, которое могло быть исполнено целиком – перед лицом вождя и дружинников, во время пира, – в обширный эпос, с большим числом действующих лиц и вставных эпизодов, с детальными описаниями обстановки и событий, с неторопливым развёртыванием действия. Тот же самый сюжет, который лежал в основе героической песни, стилистически иначе подаётся в эпической поэме, которая более не рассчитана на исполнение за один раз, а предназначается для долгого чтения. «Песнь о нибелунгах», по Хойслеру, – это «книжный эпос», сочинённый уже не дружинным певцом, а образованным «книжником», клириком. Книжный характер «Песни о нибелунгах» связан с формальными различиями между старой песнью и сменяющей её эпопеей, которым Хойслер придавал особое значение. Героическая песнь характеризовалась «строчечным стилем»: она не знала переноса из одного стиха в другой, и каждая строка или строфа представляла собой завершённое синтаксическое целое. Книжный эпос нарушает этот принцип и допускает переносы («крюки», по терминологии Хойслера). См., например, строфы 30–31, 1427–1428. Однако в новейшей литературе было отмечено, что отдельные разделы песни (авентюры), членение на которые восходит к автору XIII в., могли запоминаться и устно исполняться (их максимальный объём не превышает 150 строф), чему немало способствовали как насыщенность эпопеи формулами, так и простота и повторяемость её языковых единиц, в частности рифмующихся слов.

Сопоставляя песни о Сигурде, Атли и Гудрун из «Старшей Эдды» с «Песнью о нибелунгах», Хойслер показал, что различались не только культурно-исторические условия их возникновения, но и художественные задачи, которые ставили перед собой эддические певцы, с

одной стороны, и автор немецкой поэмы XIII в., с другой. Читателю настоящего тома нетрудно в этом убедиться, знакомясь параллельно с исландским поэтическим циклом и с «Песнью о нибелунгах». Хойслер подчёркивал, что развитие от более ранней стадии эпоса, представленной скандинавской версией сказаний о Сигурде и бургундах, к позднейшей его версии не происходило спонтанно, – этот процесс стимулировался античными и христианскими влияниями. Хойслером был всесторонне исследован и вопрос о происхождении сюжетов и образов «Песни о нибелунгах». Историческое ядро – сообщения о событиях V века (см. вступительную статью) и, возможно, имена некоторых исторических персонажей более позднего времени – было фантастически преобразовано в германской поэзии задолго до возникновения немецкой поэмы. Наиболее ранние песни, в которых фигурируют Сигурд (Зигфрид), Атли (Этцель) и бургунды, восходящие к V в., не сохранились. Но им посвящён обширный цикл исландских эддических песен. Если стадильно эти песни предшествуют немецкому средневековому эпосу, то не приходится сомневаться в том, что на скандинавской почве некоторые сюжеты и персонажи получили вообще иную интерпретацию, поставлены в совершенно особые отношения. Наряду с песнями «Старшей Эдды» сказания о Сигурде нашли отражение в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, в «Саге о Вэльсунгах» (перевод на русский язык: «Сага о Волсунгах», М.-Л., 1934) и в «Саге о Тидреке» (записана в Норвегии в XIII в.). Зигфрид фигурирует в немецких эпических произведениях позднего средневековья: в «Песни о роговом Зейфриде» и в «Народной книге о роговом Зигфриде» (перевод см. в приложении к изданию «Песнь о нибелунгах», Л., 1972).

В целом в эпическом комплексе о нибелунгах можно выделить несколько групп сказаний: о приключениях юного Зигфрида, о его смерти, о гибели бургундов, о гибели Атли. Эти сюжеты по-разному и в неодинаковой степени разрабатываются в немецкой и скандинавской эпических традициях. В «Песни о нибелунгах» внимание сосредоточено на смерти Зигфрида и конце бургундских королей в результате мести вдовы Зигфрида Кримхильды. Юношеские похождения Зигфрида в поэме, собственно, лишь упомянуты, но о них подробно повествуют песни «Старшей Эдды», равно как и «Сага о Тидреке» и немецкие сказания о роговом Зейфриде. В исландских песнях развита также тема гибели Аттилы, неизвестная из немецкой традиции. Таким образом, в «Песни о нибелунгах» объединены два поначалу самостоятельных сюжета: сказание о смерти Зигфрида и сказание о конце бургундского дома. Они образуют как бы две части эпопеи. Сказочные истоки сюжетов, использованных в героических песнях и в «Песни о нибелунгах», подчёркивал немецкий исследователь Ф. Панцер: сказание о драконе и кузнеце, у которого воспитывался Зигфрид, убивший дракона и искупавшийся в его крови, в результате чего он приобрёл необычайные качества; сказание о кладе двух братьев-нибелунгов (в «Старшей Эдде» один из них сближен с кузнецом, а другой с драконом); сказание о спящей красавице (первоначально ею была валькирия Сигдрива, впоследствии отождествлённая с Брюнхильдой); сказание о сватовстве и связанном с ним испытании (добывание Зигфридом невесты Гунтеру, сопровождающий его обман невесты и впоследствии отсюда убийство Зигфрида, по-разному интерпретируемое в разных сказаниях – как месть за оскорблённую честь Брюнхильды и как убийство с целью завладеть кладом нибелунгов). Хойслер, однако, не присоединился к «сказочной теории», полагая, что мотивы, восходящие к сказке, были заимствованы эпосом не изначально, а на поздней стадии. Ф. Шрёдер и Я. де Фрис связывают тему Зигфрида с мифологией.

По Хойслеру в основе первой части «Песни о нибелунгах» лежит разросшаяся и переработанная песнь о сватовстве. Вторая часть эпопеи имеет более сложную предысторию. Не вдаваясь в рассмотрение всех её этапов, отметим лишь, что первоначальные песни о судьбе бургундских королей после нескольких последовательных обработок превратились в XII в. (около 1160 г.) в поэму, условно названную Хойслером «Гибель нибелунгов». В процессе этого развития Аттила, хищный и жестокий король, стремившийся завладеть сокровищами бургундов, превратился в миролюбивого и куртуазного монарха; роль мстительницы, стремящейся заполучить в свои руки клад нибелунгов и губящей бургундов, стала играть Кримхильда. Эта поэма и была использована во второй части «Песни о нибелунгах». Обе эти части не вполне согласованы, и между ними можно заметить известные противоречия. Так, в первой части бургунды получают в целом негативную оценку и выглядят довольно мрачно в

сравнении с умерщвляемым ими светлым героем Зигфридом, услугами и помощью которого они столь широко пользовались, тогда как во второй части они фигурируют в качестве доблестных витязей, мужественно встречающих свою трагическую судьбу. Имя «нибелунги» в первой и во второй частях эпоса употребляется различно: в первой это сказочные существа, северные хранители клада и богатыри на службе Зигфрида, во второй – бургунды (о других неувязках между обеими частями «Песни о нибелунгах» см. в прим.). Более ранние, в том числе и совершенно легендарные, сказочные пласты материала, использованного автором эпоса, далеко не всегда органично включены в него. Черты «старых» нибелунгов нет-нет да и проглядывают сквозь куртуазную пышность и утонченность бургундского королевского двора. Можно отметить и структурные различия между обеими частями «Песни о нибелунгах». Если в первой части пространные статичные описания преобладают над изображением действия, то вторая часть, напротив, насыщена динамизмом, оттесняющим такие описания на задний план.

Специалисты много потрудились над тем, чтобы восстановить основные этапы развития германского героического эпоса от начальных его форм и вплоть до эпоса феодального общества. Нужно, однако, констатировать, что в новейшей научной литературе поставлен под сомнение ряд положений применённого Хойслером метода реконструкции ранних стадий эпоса о нибелунгах и полученные им результаты; но синтез, который мог бы заменить теорию Хойслера, так и не достигнут. Попытки реставрации прарасовы и предыстории поэмы всё ещё нередко заслоняют её отношение к современной ей жизни. Между тем каковы бы ни были истоки поэмы, в форме, приобретённой ею в начале XIII века, она отражает прежде всего рыцарское мировоззрение эпохи Штауфенов (*Штауфены (или Гогенштауфены) – императорская династия, правившая Германией и Италией в XII – первой половине XIII в. Штауфены, в особенности Фридрих I Барбаросса (1152–1190), пытались осуществить широкую внешнюю экспансию, которая в конечном итоге ускорила ослабление центральной власти и способствовала усилению князей. Вместе с тем эпоха Штауфенов характеризовалась значительным, но недолгим культурным подъёмом.*).

Первый полный перевод «Песни о нибелунгах» на русский язык принадлежит М. И. Кудряшову («Пантеон литературы», 1889). Перевод Ю. Корнеева, помещённый в настоящем томе, был опубликован в серии «Литературные памятники» («Песнь о нибелунгах». Л., «Наука», 1972).

